Б III
III

НАРОДЫ РОССІИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

II

СЪ 32 ХРОМОЛИТОГРАФІЯМИ.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «ПРИРОДА И ЛЮДИ».

ОТДѢЛЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза»,
ВОЛЬНАЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ, 39.
1880.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 16 мая 1880 года.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
297,43-50

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

Стран.

Общій этнографическій очеркъ . . 1

СЛАВЯНСКОЕ ПЛЕМЯ.

I. Великоруссы 4
II. Малороссы. 35
III. Бѣлоруссы 85
IV. Поляки 115

ЛИТОВСКОЕ ПЛЕМЯ.

V. Литовцы и Жмудины . . 153
VI. Латыши 179

ФИНСКОЕ ПЛЕМЯ.

VII. Финны 199
VIII. Эсты 227
IX. Ливы. 236
X. Карелы 239
XI. Мордва 241
XII. Вотяки 281
XIII. Зыряне 305
XIV. Черемисы 321
XV. Пермяки 373
XVI. Вогулы 379

XVII. Евреи 383
XVIII. Молдаване 431
XIX. Цыгане 451
XX. Болгары 471
XXI. Греки. 497

ЧАСТЬ II.

Стран.

ТАТАРСКОЕ ПЛЕМЯ.

I. Казанскіе татары . . . 3
II. Сибирскіе татары . . . 27
III. Крымскіе татары . . . 53
IV Башкиры 105
V. Мещеряки 120
VI. Тептяри. 128
VII. Чуваши 134
VIII Киргизы 145

КАВКАЗСКІЕ ЖИТЕЛИ.

IX. Черкесы или Адыге . . 208
X. Абхазцы или Азега . . 228
XI. Ногайцы 249
XII. Сванеты или Шаны . . 260

КАРТВЕЛЬСКОЕ ИЛИ ГРУЗИНСКОЕ ПЛЕМЯ.

XIII. Грузины 275
XIV. Имеретины, Мингрельцы и Гурійцы. 297
XV. Тушины, Шшавы и Хевсуры 321
XVI. Армяне 329
XVII. Осетины 341
XVIII. Курды 366
XIX. Чеченцы 369
XX. Лезгины. 391

Стран.

КОЧУЮЩІЕ НАРОДЫ.

XLII. Лопари 413
XLIII. Калмыки 443

СИБИРСКІЕ ИНОРОДЦЫ.

XLIV. Остяки 471
XLV. Буряты 487
XLVI. Якуты 509
XLVII. Тунгусы и Юкагиры . . 538
XLVIII. Камчадалы 557

Стран.

XLIX. Чукчи 567
L. Коряки 580
LI. Курильцы или Айносы . 592
LII. Гиляки 593
LIII. Амурскіе тунгусы . . . 596

СРЕДНЕАЗІАТСКІЕ НАРОДЫ.

LIV. Таджики 608
LV. Узбеки 636

НАРОДЫ РОССІИ.

ТАТАРСКОЕ ПЛЕМЯ.

Татары вмѣстѣ съ башкирами, киргизами, чувашами, мещеряками, тептерями, бобылями и бессерменами принадлежатъ къ тюркскому племени. Они составляютъ три группы: восточную, крымскую и закавказскую. Кромѣ того, можно было-бы составить и четвертую — литовскую, которая впрочемъ постепенно исчезаетъ. Татары этой послѣдней группы были поселены въ Литвѣ, какъ плѣнные, великимъ княземъ Витовтомъ въ концѣ XIV вѣка. Впослѣдствіи онъ вызывалъ татаръ къ себѣ на службу, которые, женившись на полькахъ, принимали польскія фамиліи и составляли современемъ польско-татарскую смѣсь. Эта отрасль татаръ, какъ уже сказано выше, постепенно исчезаетъ.

Татары восточной группы живутъ по обѣимъ сторонамъ Волги; они населяютъ губерніи: Оренбургскую, Уфимскую, Пермскую, Вятскую, Казанскую, Нижегородскую, Симбирскую, Пензенскую и Саратовскую. Татары, живущіе на этомъ пространствѣ, составились изъ смѣси болгаръ, тюрковъ, татаръ, монголовъ и русскихъ славянъ.

Татары крымскіе представляютъ типъ монголо-татарскій или ногайскій; татары закавказскіе, отличаясь нѣсколько отъ другихъ татаръ, отчасти смѣшаны съ иранскимъ племенемъ; наконецъ, въ татарахъ сибирскихъ типъ монгольскій преобладаетъ. Всѣхъ вообще татаръ въ Россіи 1.472,500 душъ, изъ числа которыхъ огромнѣйшая масса болѣе 1.200,000 живетъ въ Европейской Россіи, а остальные въ Сибири и за Кавказомъ.

Представителями восточныхъ татаръ служатъ татары казанскіе, съ которыхъ мы и начнемъ очерки татарскихъ племенъ.

I. КАЗАНСКІЕ ТАТАРЫ.

Характеръ и хозяйственный бытъ.

Татары принадлежатъ къ тюркскому племени, и доселѣ живущему на огромномъ пространствѣ юговосточной Европы и центральной Азіи. Казанскіе татары, населяющіе, въ числѣ 450,000 душъ, Казанскую губернію, за исключеніемъ трехъ ея уѣздовъ, составляютъ особую отрасль, совершенно отличную не только вообще отъ тюркскаго племени, но и отъ всѣхъ остальныхъ татаръ.—По той роли, какую они играли встарину на востокѣ Европы, и по оригинальности типа и характера этого племени, казанскіе татары издавна обращали на себя особое вниманіе этнографовъ и были, повидимому, тщательно изслѣдованы во многихъ отношеніяхъ; но нельзя сказать, чтобы чрезъ это достаточно выяснился образъ и исторія этихъ загадочныхъ и крайне-своеобразныхъ представителей азіятскаго элемента въ Европѣ.

Происхожденіе казанскихъ татаръ весьма темно. Правда, въ ихъ наружности и языкѣ довольно ярко выступаетъ, тюркскій элементъ, но въ то же время въ нихъ замѣтны черты чисто монгольскія, а отчасти финскія, и прослѣдить постепенное образованіе этой народности—чрезвычайно трудно.

Предки казанскихъ татаръ, покорившіе въ XIII столѣтіи Прикамскую землю, вышли, какъ полагаютъ, изъ Кипчакской орды, об-

разовавшейся къ этому времени на сѣверо-западѣ отъ Каспійскаго моря, между Ураломъ и Волгою. Большинство полчищъ, принадлежащихъ къ Кипчакской ордѣ, составляли татары, находившіеся вмѣстѣ съ другими тюркскими племенами подъ властью и предводительствомъ монголовъ. Отсюда—отъ Каспійскаго моря, вся эта разнохарактерная масса азіятскихъ кочевниковъ двинулась, почти одновременно, и на Русскую землю, черезъ рѣку Калку, и на земли, лежащія по рѣкѣ Камѣ и среднему теченію Волги.

Начиная съ V вѣка по Рож. Хр., вплоть до нашествія татаръ на юговосточную Россію, на Камѣ и по среднему теченію Волги, процвѣтало обширное и сильное болгарское царство. Границы его, равно какъ происхожденіе и языкъ самыхъ жителей, остались неизвѣстными. Полагаютъ, однако, что болгары принадлежали, подобно татарамъ, къ тюркскому племени, но не безъ примѣси финской и славянской крови; съ финнами и славянами они вели дѣятельныя, торговыя сношенія и частыя войны.

Съ окончательнымъ покореніемъ въ XIII вѣкѣ болгаръ татарами, послѣдніе переняли отъ побѣжденныхъ мусульманскую религію. Магометанство окончательно слило оба эти племени, образовавъ казанскихъ татаръ, совершенно отличныхъ отъ всѣхъ остальныхъ. На мѣстѣ прежняго болгарскаго царства возникаетъ царство Казанское, уже мало напоминавшее собою какъ болгарскую цивилизацію, такъ и Кипчакскую орду. Исторія Казанскаго царства извѣстна: она кончилась знаменитою осадою г. Казани войсками Іоанна Грознаго и заселеніемъ всего покореннаго края русскими переселенцами.

Въ настоящее время, казанскіе татары, безъ сомнѣнія, составляютъ лучшую отрасль между всѣми племенами, происшедшими отъ смѣшенія монгольской крови съ турецкою; нельзя въ такихъ свойствахъ не признать благотворнаго вліянія волжскихъ болгаръ, которые въ этомъ племени похоронили свою національность. По своимъ физическимъ особенностямъ, казанскіе татары принадлежатъ къ

числу красивыхъ породъ: они хорошо сложены, роста вообще средняго, широкоплечи, имѣютъ правильный продолговатый овалъ лица, прямой тонкій носъ, скулы ихъ выдаются слабо, разрѣзъ глазъ почти обыкновенный, уши тонкія, отстающія; волосы на бородѣ рѣдкіе и не покрываютъ всей нижней части лица, какъ у русскихъ, а ростутъ тонкимъ слоемъ лишь около нижней челюсти; широкая грудь и стройный станъ съ толстой и короткой шеей обнаруживаютъ силу и здоровье. Зажиточные татары, ведущіе беззаботную жизнь, подъ старость становятся дряблы и толстобрюхи. Между казанскими татарами нерѣдко попадаются типы: финскій, монгольскій, русскій, грузинскій, армянскій и кавказскій.

Татары всѣ носятъ короткія бороды и брѣютъ головы. Татарки отъ природы недурны, но по наружности нѣсколько отличаются отъ мужчинъ, подходя ближе къ монгольскому типу. Вообще, отъ покроя ли одежды, или вслѣдствіе недѣятельной жизни, онѣ очень неловки и неразвязны. Татарку преимущественно портитъ несчастный обычай густо намазывать лицо бѣлилами и румянами, сурмить брови и рѣсницы для того, чтобы глаза, и безъ того черные и блестящіе, казались еще болѣе яркими. Въ довершеніе этого обезображиванія, женщины красятъ свои прекрасные зубы чернильно-орѣховымъ настоемъ, а ногти размалевываютъ отваромъ изъ череды и квасцовъ. Въ такомъ жалкомъ видѣ представляется теперь красота татарки, между тѣмъ какъ арабской красавицѣ говаривали, какъ обыкновенный комплиментъ: «уста твои пунцовы, какъ геннахъ, зубы твои бѣлы, какъ слоновая кость».

Татары — народъ способный, щедро надѣленный природою во всѣхъ отношеніяхъ. Они сметливы и расторопны, но не слишкомъ совѣстливы. Подобно всѣмъ побѣжденнымъ народамъ, они хитры, плутоваты и, можетъ быть, по природѣ наклонны къ воровству. Впрочемъ, это относится только къ мелкимъ торговцамъ изъ татаръ; крупные же торговцы-татары извѣстны своею добросовѣст-

ностью. Точно также поступающіе въ услуженіе въ русскіе дома въ качествѣ кучеровъ, лакеевъ или дворниковъ, скоро пріобрѣтаютъ довѣріе хозяевъ своею исправностью и готовностью на всякое дѣло.

Казанскій татаринъ — достойный потомокъ древнихъ болгаръ: его стихія—торговля. Земледѣлія онъ не любитъ; лишь только заведется у него хоть небольшой капиталъ, онъ сейчасъ же пускается въ торговлю, и, при извѣстныхъ качествахъ татаръ, многіе изъ нихъ быстро обогащаются. Какъ земледѣлецъ, татаринъ стоитъ не очень высоко,—гораздо ниже русскаго. Во многихъ татарскихъ селеніяхъ, особенно расположенныхъ къ востоку отъ Казани, татары вовсе н занимаются земледѣліемъ: они сдаютъ свои земли русскимъ, чувашамъ или вотякамъ въ годовое владѣніе за деньги, или изъ половины. Татары на все хороши, только-бы не пахать: этого занятія они не выдерживаютъ, чему виною отчасти ихъ религія, приковывающая женщинъ къ дому, вслѣдствіе чего татарину, за неимѣніемъ помощниковъ, приходится постоянно работать одному, въ то время, какъ у русскихъ — женщины составляютъ немалое подспорье въ работахъ. Эта праздность, которой предаются татарскія женщины, можетъ быть терпима развѣ у купцовъ, но никакъ не у хлѣбопашцевъ, которые, не будучи въ силахъ удовлетворить чрезъ это занятіе всѣмъ потребностямъ семьи, должны пріискивать другіе способы пропитанія. Изъ полевыхъ работъ, даже бѣдныя татарки участвуютъ только въ жнитвѣ хлѣба и уборкѣ сѣна, между тѣмъ какъ русскія женщины весьма часто пашутъ и боронятъ.

Занятія татарокъ большею частью ограничиваются мелочнымъ хозяйствомъ, пряденіемъ и тканьемъ; есть, впрочемъ, изъ нихъ золотошвейки; онѣ дѣлаютъ красивыя тюбетейки или ермолки и ичеги—спальные сапоги. Богатыя же татарки живутъ совершенно по восточному, исключительно для лѣни. Чѣмъ богаче и именитѣе татаринъ, тѣмъ болѣе скрываетъ онъ женъ своихъ. Жизнь богатой татарки

можетъ служить доказательствомъ, что скука и бездѣятельность заставляютъ толстѣть и жирѣть. Рукодѣліемъ она никакимъ не занимается; развѣ только въ старости иногда кое-что дѣлаетъ въ хозяйствѣ; молодыя же исключительно заняты своимъ желудкомъ и нарядами. Дѣти, одежда и частая ѣда — единственное ихъ развлеченіе.

Казанскіе татары до сихъ поръ сохраняютъ еще много самобытнаго и характеристическаго: они живутъ отдѣльно отъ русскихъ и другихъ племенъ, крѣпко держатся своихъ обычаевъ и преданій. Воспоминаніе древней славы болгарскаго народа, какъ видно, еще не изгладилось совсѣмъ изъ ихъ памяти и слышится въ прозвищѣ «бургалрыкъ», которое иногда даютъ себѣ казанскіе татары. Въ самой Казани татары живутъ въ двухъ отдѣльныхъ слободахъ — въ Старой и Новой татарской; конечно, въ эту часть города они вытѣснены были побѣдителемъ.

Селенія татарскія представляютъ довольно жалкій видъ скученныхъ и загроможденныхъ построекъ. Встарину они ставили дома свои по восточному, среди двора, обнесеннаго со всѣхъ сторонъ оградою. По улицамъ тянулись заборы съ калитками и воротами, а главныя строенія скрывались внутри ограды. Теперь не только въ городахъ строятся по планамъ, а есть и деревни правильно выстроенныя. Но и тутъ татаринъ старается сколько возможно скрыть свое жилище отъ глазъ прохожаго: окна его избы обращены по большей части внутрь двора, а съ улицы передъ низенькой своей избенкой онъ насадитъ крыжовника или другихъ какихъ-нибудь густо растущихъ кустовъ. Тѣснота улицъ, небрежность построекъ, грязь и безчисленное множество собакъ, выпроваживающихъ проѣзжаго, составляютъ отличительный признакъ татарскихъ деревень. Поля кругомъ дурно воздѣланы, мѣстность открыта, однообразна. Въ сторонѣ гдѣ нибудь виднѣется иногда кой-какая роща или дерево—мѣсто татарскаго кладбища.

Крестьянскій домъ, всегда однобразный по внутреннему устройству, раздѣляется на двѣ половины — чистую и грязную; между ними находятся сѣни, предназначенныя для домашняго богомолья. Чистая половина, т. е. передняя изба, также раздѣляется на два отдѣленія, мужское и женское; въ каждое изъ этихъ отдѣленій ведетъ особая дверь. Вмѣсто стульевъ и скамеекъ по стѣнамъ обѣихъ половинъ расположены широкія нары, переполненныя пышными пуховиками и подушками, задернутыми ситцевыми занавѣсками. Полъ у мало-мальски исправнаго татарина покрытъ незатѣйливымъ ковромъ или цыновкою. Печь бѣлится нѣсколько разъ въ году. Въ нее вмазывается котелъ для варенія пищи. На печи же стоятъ мѣдные вылуженные или жестяные кувшины: одинъ мужу, другой—женѣ. Законъ запрещаетъ имъ умываться изъ одной посуды. За печью — тазъ для умыванія и два полотенца: одно для рукъ, другое для ногъ. Остальное убранство комнаты — шкафъ съ посудой и чайнымъ приборомъ. Татары очень любятъ фарфоръ, особенно ярко раскрашенный: не отголосокъ-ли это вкуса древнихъ болгаръ? Нѣсколько сундуковъ, обитыхъ жестью и расписанныхъ такими же яркими цвѣтами, бухарскіе ковры и зеркало на видномъ мѣстѣ — заканчиваютъ убранство комнатъ.—Задняя изба назначается для производства разныхъ работъ и содержится вообще черно; здѣсь въ окнахъ, даже у достаточныхъ людей, вмѣсто стеколъ часто вставлены бычачьи пузыри. Въ этихъ избахъ за печкой всегда оставляется уголокъ, гдѣ сидитъ за занавѣской хозяйка, когда бываютъ гости.

Въ городахъ наружный видъ татарскихъ домовъ ни чѣмъ не отличается отъ другихъ городскихъ. Но внутри домовъ только у самыхъ богатыхъ татаръ однѣ лишь парадныя комнаты убраны на европейскій ладъ: мягкою мебелью, зеркалами, канделябрами, занавѣсками, коврами, шитыми скатертями и цвѣтами на окнахъ, да и то больше на показъ, чѣмъ для потребности. Во внутреннихъ же, жилыхъ покояхъ преобладаетъ азіатскій вкусъ, съ его низкими ди-

ванами по стѣнамъ, на которыхъ сидятъ татарки, поджавъ свои ноги.

Въ татарскихъ избахъ съ виду кажется все чистымъ и прибраннымъ, но большинство татаръ нельзя однако похвалить за чистоту и опрятность. У нихъ постоянно случается, что въ одной и той же посудѣ стирается грязное бѣлье и подается кушанье. Чистоплотности отъ татаръ также, кажется, можно было-бы ожидать, вслѣдствіе частыхъ омовеній, предписываемыхъ имъ закономъ; но на дѣлѣ бываетъ далеко не то: у нихъ чаще, чѣмъ у какого нибудь другаго племени встрѣчаются разныя накожныя болѣзни, порождаемыя неопрятностью, а также парши на головѣ отъ грязныхъ тюбетеекъ, непропускающихъ головныхъ испареній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ самъ татаринъ, такъ и домъ его, насквозь пропитаны какимъ-то особеннымъ запахомъ отъ бараньяго сала, которое они постоянно употребляютъ въ пищу, въ видѣ приправы къ разнымъ кушаньямъ.

Гастрономическій вкусъ татаръ — все мучнистое, все жирное и сладкое. Обыкновенная пища татарина-поселянина состоитъ въ слѣдующемъ: *толканъ*—мука вареная въ водѣ съ солью; болтушку эту ѣдятъ утромъ вмѣсто чая. За обѣдомъ подаютъ *салму* — мучные шарики, иногда съ мясомъ, разваренные въ водѣ; лепешки изъ гречневой муки. Вечеромъ опять варятъ «толканъ». По праздникамъ лакомятся лошадинымъ мясомъ или бараниною.

Самый общительный татаринъ не станетъ съ русскимъ ѣсть мяса; надо, чтобы животное было заколото татариномъ, который, перерѣзывая горло, произноситъ молитву: *бисъ-миляхъ* (во имя Божіе). Часто случается, что, приходя въ русскій трактиръ, татаринъ приноситъ съ собою курицу или кусокъ говядины и отдаетъ ее зажарить; если же принесенная птица живая, то татаринъ тутъ же самъ закалываетъ ее съ молитвою — *«бисъ-миляхъ»*! — Уходъ за скотиною въ татарскомъ хозяйствѣ весьма тщателенъ и примѣрно чистъ. Ихъ вареныя сливки — *каймакъ* — очень вкусны. Они запасаются

ими на зиму, замораживая ихъ въ большихъ кадкахъ, и ѣдятъ за тѣмъ разогрѣтыми. Впрочемъ, это дѣлается большею частью въ домахъ зажиточныхъ татаръ.

Богатые татары преимущественно ѣдятъ лапшу, пельмени, жаркое, жирныя лепешки (съ чаемъ), пироги съ зелеными огурцами и сухіе плоды. До разныхъ овощей татары весьма большіе охотники: они воздѣлываютъ ихъ съ любовью, запасаясь ими на зиму. Татары, живущіе въ Казани, почти совсѣмъ не ѣдятъ конины. Это невкусное мясо въ употребленіи только у деревенскихъ жителей, которымъ продаютъ на убой, обыкновенно старыхъ, еле-живыхъ лошадей.

До чаю всѣ вообще татары страстные охотники; быть можетъ, это потребность желудка послѣ ихъ жирныхъ обѣдовъ. Но замѣчательно, что пристрастіе къ чаю и ко всему сладкому не уничтожаетъ въ нихъ, какъ въ русскихъ крестьянахъ, склонности къ вину. Не смотря на заповѣдь пророка и запрещеніе муллъ, татаринъ любитъ выпить, оправдываясь тѣмъ, что пьетъ не вино, а бальзамъ (попросту — настой травъ на винѣ).

Трактирная жизнь татарину очень по сердцу; въ этомъ, можетъ быть, проявляется здѣсь любовь восточнаго жителя къ кофейнямъ. Въ трактирѣ татаринъ обыкновенно выпиваетъ нѣсколько рюмокъ бальзаму и множество бутылокъ пива. Выпить въ теченіи дня 10—15 бутылокъ у татарина не считается гастрономическимъ подвигомъ. За пивомъ распѣваетъ онъ свои пѣсни, или слушаетъ органъ, куритъ табакъ, а у себя въ домѣ курить не позволяется. Пьяные татары не такъ скоро ссорятся, какъ русскіе; за то ужь если случится драка, то унимается она не скоро.

Одежда у татаръ восточная, а на востокѣ не придерживаются въ покроѣ одежды формы, указываемой самою природою, т. е. конструкціи человѣка. Тамъ чѣмъ одежда шире, тѣмъ лучше. Голая выбритая голова татарина непремѣнно покрыта ермолкой — *тюбетейкой*.

Сверхъ тюбетейки, смотря по времени года, надѣвается—зимой—бѣлая поярковая шляпа, лѣтомъ—малахай, конусообразная покрышка изъ бѣлаго войлока. Муллы, мудериссы (учителя) и хаджи, т. е. совершившіе путешествіе въ Мекку, носятъ сверхъ ермолки бѣлую *чалмд*. Рубашка татарская—длинная, съ широкими рукавами, съ большимъ отложнымъ воротникомъ—шьется изъ бѣлаго холста, синей крашенины, китайской нанки или же изъ ситцу. Отличительная черта татаръ состоитъ въ томъ, что они никогда не подпоясываютъ своихъ рубахъ. Штаны носятъ широкіе, длинные, запущенные концами въ сапоги или подъ онучи. Ноги обуваютъ большею частью въ лапти, и только городскіе, да живущіе по Волгѣ и Камѣ обуваются въ высокіе сапоги, поверхъ которыхъ надѣваютъ галоши, или, скорѣе, башмаки, изъ черной или зеленой кожи съ загнутыми вверхъ острыми носками и съ разными фигурками по краямъ прорѣза. Поверхъ рубашки носятъ *зилянъ*—камзолъ безъ рукавовъ, доходящій до колѣнъ и сшитый обыкновенно изъ зеленой или желтой нанки, а у богатыхъ изъ пестрой шелковой или полушелковой канфы. Затѣмъ, пропорціонально степени мороза, идутъ—халатъ, подпоясанный гарусным или шелковымъ кушакомъ и, наконецъ, шуба. Казанскіе купцы-татары поверхъ зиляна надѣваютъ обыкновенно панковый и суконный камзолъ съ рукавами, похожій покроемъ на русскій купеческій кафтанъ; за пазухой его всегда лежитъ шелковый платокъ. Эта скромная одежда отличается у богатыхъ только тѣмъ, что сукно тоньше и кафтанъ вообще опрятнѣе. Но за то богатый татаринъ носитъ много цѣнныхъ украшеній: кольца съ алмазами, толстую золотую цѣпь, опоясывается ременнымъ поясомъ, во всю длину украшеннымъ массивными серебряными разной формы бляхами, которыя охватываютъ дородную талію какого нибудь богача. Богатые, сверхъ того, щеголяютъ тюбетейками, вышитыми золотомъ и жемчугомъ, шапками, опушенными дорогимъ бобромъ.

Татарки любятъ наряжаться еще въ большей степени. Одежда ихъ состоитъ изъ ситцевой или шелковой рубашки, доходящей до пятъ, съ яркими нашивками по краямъ и съ широкими оборками по подолу. Обкладки и оборки по подолу непремѣнно находятся у всякой, какъ ни была бы груба и дешева рубашка и какъ ни стара была бы женщина. Послѣ рубашки непремѣнная принадлежность костюма—нагрудникъ съ позументами, унизанный серебряными монетами. Богатыя закрываютъ грудь лифомъ изъ шелковой или парчевой матеріи. Подъ рубашкою носятъ шальвары, но не всѣ и не всегда. На голову бѣдныя повиваютъ узорчатыя по концамъ полотенца, а богатыя надѣваютъ шелковыя, въ видѣ повязки, съ дорогою бахрамою, позументами и драгоцѣнными камнями, или же бархатныя шапочки, отороченныя соболемъ. Сверхъ всего, онѣ покрываются длиннымъ вуалемъ изъ тюля. Ноги обертываютъ въ тонкія полотенца, а поверхъ надѣваютъ сафьянные *ичеги*—ботинки, вышитыя шелками или золотомъ. Бѣдныя обуваются въ лапти и онучи; послѣднія дѣлаются иногда изъ козлиной кожи. Поверхъ рубашки, какъ и мужчины, татарки носятъ два камзола, изъ коихъ нижній, зилянъ, безъ рукавовъ, изъ шелковой матеріи, обшитый по краямъ галуномъ и съ карманомъ на боку; верхній камзолъ дѣлается изъ парчи, съ очень длинными рукавами. Вмѣсто камзола теперь, впрочемъ, чаще носятъ просто халатъ изъ парчи, шелковой матеріи или изъ китайки съ длинными съуживающимися къ концамъ рукавами; халатъ этотъ накидывается на голову и служитъ, такимъ образомъ, вмѣсто чадры. Богатыя женщины носятъ, кромѣ того, много украшеній: въ ушахъ—дорогія серьги, на шеѣ—ожерелья, на рукахъ—браслеты; на каждый палецъ надѣваютъ золотыя кольца съ каменьями; въ густыя и длинныя косы вплетаютъ монеты, которыя служатъ неизбѣжнымъ и любимымъ украшеніемъ татарскихъ женщинъ. Черезъ лѣвое плечо надѣваютъ богато убранную каменьями и моне-

тами перевязь, къ концамъ которой прикрѣпляется маленькая сумочка, куда кладется текстъ изъ Корана или амулетъ.

Казанскіе татары исповѣдуютъ магометанскую религію, которая раздѣляется, какъ извѣстно, на двѣ секты—суннитовъ и шіитовъ. Здѣшніе татары—сунниты.

Догматы корана слѣдующіе: вѣра во единаго Бога, недопускающая даже его изображенія; вѣра въ ангеловъ и пророковъ, взятыхъ изъ Библіи и талмуда, и вѣра въ воскресеніе мертвыхъ, страшный судъ, адъ, рай и въ предопредѣленіе или фатализмъ.

Ученіе корана слишкомъ обширно и, въ то же время, очень мелочно, сбивчиво и противорѣчиво для того, чтобы его можно было передать въ нѣсколькихъ словахъ.

Обрядовая сторона исламизма заключается въ молитвѣ, постѣ, раздачѣ милостыни, странствованіи въ Мекку, въ совершеніи брака, погребеніи и т. д. Съ молитвою соединено омовеніе, имѣющее религіозное значеніе. Мыться и потомъ молиться—называется *творить намазъ*. Намазъ совершается пять разъ въ сутки: *утромъ* предъ восходомъ солнца съ 12 поклонами; *въ полдень*—съ 30 поклонами; *за часъ предъ захожденіемъ солнца*—съ 12 поклонами; *тотчасъ по захожденіи* солнца—съ 15 поклонами; и наконецъ, *вечеромъ*, часовъ въ 8 или 10—съ 29 поклонами. Каждый разъ предъ молитвою магометанинъ омывается, т. е. очищаетъ предъ Богомъ сперва тѣло водою, а потомъ душу молитвою. Самое обмываніе дѣлается въ извѣстномъ порядкѣ. Магометанинъ усердно исполняетъ этотъ обрядъ молитвы не только у себя дома, но и въ путешествіяхъ, гдѣ есть малѣйшая возможность творить намазъ. На пароходахъ, въ вѣтряную и сырую погоду, всякій ихъ видалъ полущихся на палубѣ.

Мечети казанскія бухарскаго стиля. Онѣ состоятъ изъ длиннаго двухъ-этажнаго каменнаго дома, въ срединѣ котораго подымается высокій и тонкій минаретъ. Въ нижнемъ этажѣ лавки, а въ верхнемъ производится богослуженіе. Верхняя часть раздѣляется на-

двое: въ первой оставляются туфли и стоятъ тѣ, которые считаютъ себя недостойными быть въ главной храминѣ.

Молитва мусульманина вся заключается въ восторженныхъ воззваніяхъ къ Богу. Въ мечети молящіеся стоятъ или сидятъ скромно, тихо съ ничѣмъ невозмутимымъ вниманіемъ.

Чрезъ своихъ муллъ татары получаютъ почти все свое образованіе. Муллы учатъ дѣтей не только въ городахъ, но и въ самыхъ бѣдныхъ деревушкахъ, за ничтожную плату — деньгами или натурою: мукою, медомъ, чаемъ, хлѣбомъ и т. под. Школы находятся при мечетяхъ и содержатся, обыкновенно, на счетъ подаяній богатыхъ татаръ. Мальчикъ выучивается здѣсь арабскому языку и изучаетъ коранъ. Въ знаніи корана заключается все образованіе магометанина, какъ религіозное, такъ и умственное. Другихъ знаній коранъ не допускаетъ; онъ говоритъ правовѣрному и о небѣ, и о землѣ съ большими подробностями. Въ этой книгѣ весь міръ мусульманина, и въ самомъ дѣлѣ, коранъ не только предписываетъ гражданскія и семейныя отношенія, но нисходитъ до мелочей — посуды и т. п. Татаринъ отдаетъ сына въ ученье, когда тому минетъ 7 или 8 лѣтъ. Курсъ продолжается по крайней мѣрѣ 5 лѣтъ. Въ теченіи этого времени учитель обыкновенно объясняетъ своимъ ученикамъ разныя татарскія книги, изданныя въ Казани, большею частью изъясненія на коранъ въ стихахъ и прозѣ, знакомитъ ихъ съ нѣкоторыми гражданскими книгами, какъ-то: «наставленіе въ торговлѣ» Мухамеда-Эффенди и проч. Тѣ мальчики, которые готовятся въ муллы оканчиваютъ иногда свое образованіе въ Бухарѣ, а въ послѣднее время и въ Египтѣ. Знаніе арабскаго языка, необходимо татарину, чтобы разумѣть коранъ, а также чтобы щеголять высокимъ и ученымъ слогомъ, который состоитъ въ прибавленіи арабскихъ словъ къ татарскимъ; татары занимаются еще персидскимъ и бухарскимъ языками, необходимыми для торговыхъ сношеній съ восточными народами. Учитель и вмѣстѣ мулла не живетъ въ училищѣ, а для

надзора избираетъ одного изъ лучшихъ учениковъ. Обращеніе съ учениками вполнѣ зависитъ отъ характера и пониманія своего дѣла учителемъ; поэтому тѣлесное наказаніе и сажаніе учениковъ въ подполье не есть рѣдкость. По заведенному обычаю, завтракъ въ 8 часовъ утра и обѣдъ въ 6 часовъ вечера изготовляются по жребію однимъ изъ учениковъ. Ученье идетъ круглую недѣлю, начинаясь каждый день съ разсвѣтомъ, и только въ четвергъ, въ полдень до утра субботы, оно прекращается.

Татарскія дѣвочки также обучаются чтенію и письму, по большей части у своихъ матерей, либо у женъ муллъ и имъ подобныхъ женщинъ. При этомъ дѣвочки обучаются и вышиванью золотомъ сапожковъ и тюбетеекъ.

Вообще первая ступень образованія — грамотность—достаточно распространена между татарами; мало найдется даже женщинъ, которыя бы не умѣли читать и писать. Татаринъ, незнающій грамоты, презирается своими соплеменниками и, какъ гражданинъ, не пользуется уваженіемъ. Въ 1802 году основана была въ Казани татарская типографія, благодаря которой у нихъ имѣется теперь множество книгъ на восточныхъ языкахъ. Русскихъ же книгъ на татарскій языкъ почти не переводятъ; со времени основанія типографіи переведены только нѣкоторыя по распоряженію начальства, какъ напримѣръ: объ оспопрививаніи, о мнимо умершихъ, и т. под. Высшій предѣлъ умственнаго развитія татаръ до сихъ поръ составляетъ подробное изученіе полнаго алкорана на арабскомъ языкѣ, выше чего, въ силу магометанства, ничего быть не можетъ.

Сильное движеніе грамотности и распространеніе восточной письменности между казанскими татарами имѣли огромное вліяніе на утвержденіе среди нихъ магометанской религіи. Магометанство же, въ свою очередь, сильно вліяетъ на ихъ обычаи, нравы, языкъ, литературу, характеръ и типъ. Особенное значеніе въ татарскомъ быту

имѣютъ ихъ религіозныя торжества или обряды, между которыми первое мѣсто занимаютъ праздники «Рамазанъ» и «Курбанъ».

Рамазанъ — мѣсячный постъ, установленный въ память дарованія правовѣрнымъ корана. Во время рамазана магометанинъ обязанъ ежедневно, отъ восхода солнца до вечера, воздерживаться отъ принятія всякой пищи и питья. Впрочемъ, ночью-же, при свѣтѣ благосклонной луны, татары наѣдаются и напиваются до-сыта. Тотчасъ по закатѣ солнца, казанскіе татары толпами идутъ въ трактиры. Больнымъ и находящимся въ дорогѣ разрѣшается поститься въ другое время, или вмѣсто поста кормить бѣдныхъ. Для земледѣльческаго класса рамазанъ, когда онъ приходится въ рабочую пору, бываетъ крайне изнурителенъ. Въ знойный лѣтній день пахарь не смѣетъ освѣжить себя глоткомъ воды, или сколько нибудь подкрѣпить силы пищею. Въ продолженіи всего поста въ мечетяхъ совершается служба, при чемъ вся масса молящихся относится къ ней съ величайшихъ благоговѣніемъ.

Курбанъ — праздникъ жертвоприношенія, установленный въ память жертвоприношенія Авраамова. Начало этому празднику опредѣляютъ по новолунію, спустя два мѣсяца послѣ рамазана. Слѣдовательно и этотъ праздникъ переходящій. Продолжается онъ 11 дней. Наканунѣ курбана соблюдается постъ, т. е. воздержаніе отъ всякой пищи вплоть до полудня самаго праздника. Съ восхожденіемъ солнца, татары собираются въ мечети и совершаютъ богослуженіе, по окончаніи котораго каждый домохозяинъ, кто-бы онъ ни былъ, придя домой, самъ закалываетъ какое нибудь животное, при чемъ оно предварительно кладется головою къ Меккѣ. Мелкихъ животныхъ, приносимыхъ въ жертву, должно быть не меньше, чѣмъ число членовъ семейства, а крупныя—въ родѣ коровы, лошади или верблюда, приносятся въ жертву вмѣсто нѣсколькихъ мелкихъ. Разрѣзанное на части жертвенное мясо кладется въ особо-приготовленномъ для этого котлѣ, на чистомъ воздухѣ. По свареніи каждый

членъ семьи, мулла и множество бѣдныхъ получаютъ по куску варенаго мяса съ бульономъ.

Этими двумя праздниками оканчиваются религіозныя торжества татаръ. Религія ихъ обязываетъ еще совершить странствованія въ Аравію—въ Мекку. Богатые казанскіе татары ежегодно туда отправляются черезъ Москву и Одессу. Поклоненіе это обходится имъ не менѣе 1,000 руб. сер. Побывавшіе въ Меккѣ пользуются особымъ уваженіемъ; за городомъ еще встрѣчаютъ здѣшніе татары возвращающагося изъ святаго путешествія.

Частная жизнь татаръ находится также подъ сильнымъ вліяніемъ ихъ религіи. Коранъ опредѣляетъ почти каждый шагъ правовѣрнаго; въ семейномъ быту его имѣютъ также мѣсто многіе чисто религіозные обряды, сопровождающіе всю жизнь магометанина, начиная отъ его рожденія и оканчивая погребеніемъ.

При рожденіи младенца присутствуетъ обыкновенно бабка. На 3-й или 4 день приглашается мулла, который беретъ младенца на руки и, произнося молитву, даетъ ему имя. За тѣмъ слѣдуютъ посѣщенія родильницы знакомыми женщинами, при чемъ каждая приноситъ ей на зубокъ деньги, какъ у русскихъ, и сверхъ того чаю или сахару, сколько кто можетъ, а новорожденнаго дарятъ рубашками, тюбетейками и т. под. По протествіи 3-хъ или 5-ти лѣтъ (только не въ четный годъ, иначе, по предразсудкамъ татаръ, ребенокъ долженъ преждевременно умереть), кто нибудь, по выбору муллы, обрѣзываетъ ребенка, а самъ мулла читаетъ при этомъ молитву.

Женитьба татарина находится еще въ большой зависимости отъ ученія магометанской религіи. Коранъ вмѣшивается почти во всѣ мелочныя подробности брака и не опускаетъ безъ вниманія даже калыма, т. е. денежнаго вознагражденія, платимаго женихомъ за невѣсту ея родителямъ. Но особенность мусульманскаго брака заключается въ многоженствѣ, освящаемомъ ихъ религіей. Коранъ говоритъ правовѣрнымъ: «берите себѣ въ супружество изъ женщинъ та-

ковыхъ, которыя вамъ понравятся, по двѣ, по три или по четыре».

На основаніи ученія корана, татаринъ разомъ можетъ имѣть четырехъ законныхъ женъ и неограниченное число наложницъ. Въ дѣйствительности, однако, очень немногіе даже изъ богатыхъ татаръ имѣютъ болѣе двухъ законныхъ женъ, а бѣдные болѣе одной. Вторую жену обыкновенно берутъ только тогда, когда первая состарится. Нѣкоторые купцы женятся на очень молоденькихъ женщинахъ изъ Бухаріи, а бухарцы, пріѣзжая лѣтомъ на нижегородскую ярмарку, берутъ себѣ на нѣсколько мѣсяцевъ молоденькихъ и бѣдныхъ поселянокъ за большой калымъ, такъ какъ здѣшніе татары потомъ не охотно женятся на этихъ вдовицахъ. Въ настоящее время, впрочемъ, такія бухарскія свадьбы составляются гораздо рѣже, чѣмъ прежде.

Татаринъ можетъ жениться на двухъ сестрахъ, но не прежде, какъ первая умретъ. Два родныхъ брата также могутъ быть женаты на двухъ сестрахъ.

Свадьбы татаръ обыкновенно устраиваются черезъ свахъ (яучи). По закону, запрещено жениху видѣть невѣсту прежде чѣмъ она сдѣлается его женою. Но этотъ суровый законъ не соблюдается; сваха всегда доставитъ случай видѣть другъ друга желающимъ вступить въ бракъ. Послѣ такого смотрѣнія посылается съ предложеніемъ сваха, а положительный отвѣтъ объявляется обыкновенно при первомъ посѣщеніи жениха. Въ случаѣ согласія, тотчасъ - же договариваются о калымѣ. Калымъ платится по состоянію; въ Казани у богатыхъ татаръ онъ доходитъ до 1,000 руб. сер.; половина калыма платится при помолвкѣ; на эти деньги невѣста дѣлаетъ приданное, другая половина послѣ свадьбы удерживается родителями невѣсты на случай развода.

Со дня помолвки женихъ не ходитъ въ домъ невѣсты, но посы-

лаетъ ей, въ счетъ калыма, подарки: наряды, вещицы изъ серебра или золота и проч., смотря по состоянію.

За недѣлю до свадьбы начинаются свадебные пиры, которые происходятъ ежедневно поочереди — у родныхъ жениха и невѣсты: одинъ день собираются однѣ женщины въ домѣ невѣсты, а на другой—одни мужчины въ домѣ жениха. Невѣста, по обычаю, не участвуетъ даже въ женскихъ пирахъ, а женихъ все время не показывается въ домѣ невѣсты. Свадебные праздники и пиры чрезвычайно скучны и продолжительны, особенно собранія женщинъ, которыя, нарядившись съ возможною роскошью, усаживаются, поджавъ ноги, на ковры, разостланные на полу, смотрятъ другъ на друга, безконечно говорятъ о нарядахъ и при всемъ этомъ ѣдятъ съ волчьимъ аппетитомъ. Пиръ, впрочемъ, только и состоитъ въ безпрерывной ѣдѣ; но не даромъ обходится гостямъ это угощеніе: каждая пріѣхавшая гостья должна подарить что нибудь невѣстѣ, если, впрочемъ, имѣетъ на это средства; бѣдныя, напротивъ, разрядившись въ чужое платье, пріѣзжаютъ на эти пиры и сами получаютъ денежные подарки. По осмотрѣ подарковъ начинается угощеніе: чай, разныя сласти и ужинъ, за которымъ подаются пироги, пилавы, жаркія и пирожныя—всего до 20 блюдъ, всѣ прежирныя и ни одно не пропускается. Такіе пиры длятся по 10 и болѣе часовъ, до разсвѣта. Подобнымъ-же образомъ пируютъ и мужчины. Поужинавши, татары и татарки начинаютъ на разные тоны откашливаться; это значитъ, что гости сыты и благодарятъ хозяина или хозяйку. Въ самый день свадьбы женихъ присылаетъ невѣстѣ въ подарокъ кадку меду и кадку топленаго коровьяго масла для свадебнаго пира, который начинаетси съ приходомъ муллы. На этомъ пиру присутствуютъ одни только мужчины. При появленіи муллы, каждый изъ гостей подходитъ къ нему и, въ знакъ уваженія, по принятому обычаю, жметъ его руку обѣими руками. Затѣмъ подаютъ на блюдахъ медъ и масло; гости намазываютъ того и другаго на хлѣбъ и ѣдятъ съ величайшимъ наслажденіемъ;

за этой лакомой закуской слѣдуетъ ужинъ, подобный вышеописанному. Поужинавши, гости, сидя, откашливаются, потомъ встаютъ и на разостланную скатерть кладутъ деньги въ подарокъ невѣстѣ. Сборъ этотъ называется «шербетомъ», оттого, что встарину онъ клался въ кубокъ съ шербетомъ и отдавался невѣстѣ. Во время свадебнаго пира ни невѣсту, ни жениха не пускаютъ въ ту комнату, гдѣ пируютъ гости: невѣста сидитъ въ это время въ приготовленной спальнѣ, а женихъ стоитъ за дверьми, въ сѣняхъ. Собранный подарокъ отъ гостей, или *шербетъ* относитъ невѣстѣ отецъ ея и, возвратясь, говоритъ, что дочь его деньги приняла, т. е. другими словами—согласна на замужество; тогда мулла спрашиваетъ о томъ же у жениха, а о калымѣ у отца его. Здѣсь нужно замѣтить, что, въ виду отсутствія жениха и невѣсты при этомъ обрядѣ, отцы ихъ при свидѣтеляхъ служатъ имъ довѣренными лицами для совершенія бракосочетанія; поэтому мулла обращается къ послѣднимъ съ вопросами, какъ-бы къ самимъ жениху и невѣстѣ; если-же нѣтъ отцовъ, то мѣсто ихъ занимаютъ ближайшіе родственники или хорошіе знакомые.

По окончаніи предварительнаго спроса, мулла читаетъ молитву.

Затѣмъ мулла говоритъ. Такой-то (отецъ невѣсты) соглашаешься-ли выдать свою законную дочь, давшую на то довѣренность (отцу или родственникамъ) тому-то въ замужество, по правиламъ мусульманскаго вѣроисповѣданія, за такого-то, сына такого-то?» Отвѣтъ: «Согласенъ —выдаю».—«Ты, такой-то (отецъ жениха), довѣренный со стороны сына своего, соглашаешься-ли взять такую-то, дочь такого то, при такомъ-то количествѣ калыма — въ законное замужество за своего сына?» Отвѣтъ: «Согласенъ, беру».

Этимъ опросомъ родителей брачущихся оканчивается обрядъ вѣнчанія. Послѣ отъѣзда всѣхъ гостей, сваха отводитъ жениха въ спальню, гдѣ дожидается его невѣста, и запираетъ ихъ. Въ этой

комнатѣ сидятъ мужъ съ женою четыре дня, не выходя ни на минуту, и къ нимъ, кромѣ свахи, въ это время никто не ходитъ.

По истеченіи четырехъ дней, мужъ уѣзжаетъ домой, а молодая жена остается у отца, часто на годъ и болѣе; мужъ къ ней только ѣздитъ по временамъ; за это время онъ изыскиваетъ способы сдѣлаться самостоятельнымъ главою и независимымъ дѣятелемъ. По достиженіи этой цѣли, татаринъ увозитъ свою жену, вмѣстѣ съ прижитыми дѣтьми, къ себѣ на домъ.

Отъѣздъ замужней татарки изъ родительскаго дома также сопровождается нѣкоторыми обрядами и обычаями.

Разводъ супруговъ дозволенъ кораномъ; для этого нужно только взять у муллы разводное письмо, а женѣ сказать: *талыкъ* (затылокъ). При этомъ, если мужъ бросаетъ жену, то весь калымъ остается въ ея пользованіи; если же жена захочетъ развестись, то возвращаетъ половину, сохраняющуюся у ея родителей со времени помолвки. Жена имѣетъ право требовать развода, когда мужъ неисполняетъ закона, ходитъ въ кабакъ, воруетъ и проч.

При разводѣ, который совершается очень легко, существуютъ слѣдующіе обычаи: мужъ, удалившій жену, обязанъ давать ей содержаніе въ теченіи $4^1/_2$ мѣсяцевъ. По смерти его, жена, съ которою онъ развелся, имѣетъ право на полученіе $^1/_3$ части имѣнія. Если мужъ, разведенный съ женою, захочетъ жениться на ней же во второй и даже третій разъ, то можетъ получить разрѣшеніе на это лишь въ томъ случаѣ, когда жена послѣ перваго и втораго развода была замужемъ за кѣмъ нибудь другимъ, хотя на самое короткое время. Въ четвертый разъ на той же женщинѣ жениться уже не позволяется ни въ какомъ случаѣ.

Дѣти невольницъ пользуются одинаковыми правами по наслѣдству, и мужское поколѣніе наложницъ получаетъ по общему правилу вдвое больше, чѣмъ дѣти женскаго пола отъ законной жены.

О будущей жизни понятія магометанъ таковы: они вѣрятъ въ

такъ называемый *намогильный судъ*, совершаемый ангелами въ ту самую минуту, когда трупъ опускается въ могилу. Этотъ судъ очень похожъ на еврейскій и на наши православныя мытарства. У праведнаго душа отдѣляется отъ тѣла легко, у грѣшнаго же она выбирается съ трудомъ и конвульсіями. Еще до страшнаго суда души падшихъ воиновъ живутъ въ раю, прочія же скитаются надъ могилами, какъ духи, являясь живымъ во снѣ, вслѣдствіе чего татары по усопшимъ дѣлаютъ частые поминки.

Когда татаринъ сильно занеможетъ, то призываетъ муллу; онъ читаетъ 36-ю суру изъ алкорана (о воскресеніи мертвыхъ). Когда муллы нѣтъ, то это же дѣлаетъ какой-нибудь старикъ или старуха. Во время чтенія отходной, умирающаго постоянно окликаютъ съ тѣмъ, чтобы напоминать ему, что онъ достоинъ повторять, если можетъ: «нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магомета его пророка».

Умершаго кладутъ на столъ ногами въ ту сторону, гдѣ Мекка. Затѣмъ омываютъ тѣло. Послѣ этого накрываютъ его тремя саванами: одинъ отъ шеи до колѣнъ, другой во весь ростъ, а третій кладется поверхъ двухъ нижнихъ и завязывается у головы и ногъ. Женщинъ, кромѣ того, пеленаютъ отъ головы до ногъ; волоса ихъ распускаются по сторонамъ, а лица закрываютъ особымъ холстомъ. Весь этотъ обрядъ надъ умершими совершаютъ женщины, которыя затѣмъ удаляются. Далѣе, тѣло покойника кладется на лубокъ. Татары долго тѣла покойниковъ не держатъ въ домѣ, всего лишь 12 часовъ, и русскій трехдневный законъ въ этомъ случаѣ весьма часто не соблюдается, не смотря на то, что на татарскій языкъ переведена брошюрка «О летаргіи». Если смерть воспослѣдовала утромъ, то покойника хоронятъ вечеромъ, а если вечеромъ, то на другое утро. Покойника выносятъ на кладбище на томъ же лубкѣ; несутъ его на плечахъ необыкновенно скоро, останавливаясь только предъ мечетями для прочтенія коротенькой молитвы.

Въ могилѣ выкапывается сбоку нишь или устраивается сводъ,

куда и кладутъ покойника на правый бокъ, головой къ Меккѣ. Затѣмъ нишь и могила зарываются.

Въ день погребенія родные не употребляютъ ни пищи, ни питья. Во время похоронъ женщины читаютъ на дому алкоранъ и подаютъ милостыню. Муллу за совершеніе обряда дарятъ деньгами или натурою: лошадью, коровою. Платье покойника и его алкоранъ отдаютъ татарскому пономарю.

Поминовеніе состоитъ въ томъ, что мулла ежедневно и даже по нѣскольку разъ читаетъ на дому алкоранъ, что продолжается шесть недѣль, также какъ и раздача милостыни. Подаянія эти большею частью дѣлаются на томъ основаніи, что по алкорану воздается всякому въ небесахъ то, что онъ самъ дѣлалъ на землѣ. По прошествіи трехъ дней, мулла, знакомые и родственники приглашаются на обѣдъ; тоже бываетъ въ 7-й, 40-й дни и черезъ годъ.

Кладбище татарское представляетъ довольно печальный видъ. Это безпорядочно изрытое поле, покрытое продолговатыми кочками; на нѣкоторыхъ изъ нихъ положены плиты, а иныя могилы обнесены четырехугольнымъ срубомъ, въ родѣ маленькаго домика, или просто частоколомъ. Надъ могилами часто сажаютъ березки. Иногда памятники имѣютъ видъ столбовъ съ квадратнымъ основаніемъ; на нѣкоторыхъ же могилахъ плиты врываются въ землю стоймя, какъ на аравійскихъ кладбищахъ. У богатыхъ на памятникахъ дѣлаются надписи. Надписи эти на арабскомъ языкѣ и всегда начинаются и оканчиваются воззваніемъ къ Богу.

Къ народнымъ нерелигіознымъ торжествамъ татаръ относятся ихъ общественные праздники—*Собанъ* и *Джуюнъ*.—Сабанъ (плугъ или соха)—праздникъ весны и земледѣлія. Въ деревняхъ его справляютъ предъ началомъ весеннихъ работъ, какъ только сойдетъ снѣгъ съ полей; въ Казани сабанъ празднуется нѣсколько позже, когда вода сойдетъ съ луга (на берегу озера Кабана), на которомъ обыкновенно справляется этотъ пиръ. Празднованіе сабана продол-

жается недѣлю, съ пятницы до пятницы. Въ это время татары, отъ мала до велика, собираются на какомъ-нибудь лугу для игръ; здѣсь они борются, скачутъ, бѣгаютъ въ перегонку. Въ числѣ не только зрителей, но участниковъ бываетъ много русскихъ. Женщины татарскія, закутанныя въ свои халаты, сидятъ гдѣ нибудь въ сторонѣ въ кибиткахъ и смотрятъ на собанъ издали; аристократки же даже и не ѣздятъ.

Джуюнъ—праздникъ, установленный, какъ видно, въ честь женскаго пола. Въ самой Казани джуюнъ не празднуется, а справляется онъ подъ разными названіями во многихъ деревняхъ Казанской губерніи. Праздникъ этотъ извѣстенъ тамъ подъ именемъ джуюна, тенбера, качалджара, биктау и проч. Продолжается онъ въ теченіи семи пятницъ, послѣ сабана, обыкновенно — въ іюлѣ мѣсяцѣ. Преданіе приписываетъ установленіе этого праздника одному богатому татарину, имѣвшему много дочерей и незнавшему какъ сбыть ихъ съ рукъ, т. е. выдать замужъ. Чтобы помочь горю, отецъ придумалъ, наконецъ, вполнѣ европейскій способъ: онъ задалъ въ полѣ пиръ, созвалъ на него всю молодежь, сюда же вывелъ и своихъ дочерей... Пиръ этотъ, вѣроятно, понравился татарамъ и они исправно повторяютъ его до сихъ поръ. Джуюнъ бываетъ гораздо болѣе оживленъ, чѣмъ сабанъ. На джуюнъ собирается до тысячи человѣкъ и болѣе. Мужчины поютъ пѣсни, пляшутъ подъ національную музыку курачей (музыкантовъ), играющихъ на самодѣльныхъ скрипкахъ казачка, камаринскую и другія энергическія пѣсни. Танцы хотя и запрещены кораномъ, но здѣсь законъ пересиливается обстоятельствами и обычаемъ. Женщины сидятъ въ это время въ кибиткахъ, куда подаютъ имъ разныя лакомства, продающіяся по близости въ нарочно устроенныхъ для этого праздника палаткахъ и шалашахъ. Татарки также подтягиваютъ мужчинамъ при пѣніи веселыхъ пѣсенъ. Хотя женщины и тутъ не выходятъ изъ своихъ кибитокъ, но, во всякомъ случаѣ, праздникъ этотъ составляетъ открытое отступленіе отъ ма-

гометанскаго обычая—держать своихъ женщинъ постоянно взаперти, отдѣльно отъ мужчинъ. Во время празднованія джуюна представляется единственный случай для знакомства мужчинъ и женщинъ между собою, а слѣдовательно можно предположить, что не всѣ татарскія свадьбы устраиваются черезъ свахъ, а есть вѣроятно и такія, которыя совершаются вслѣдствіе обоюднаго влеченія.

Въ татарахъ много склонности къ восточной роскоши. Не говоря уже о людяхъ со средствами, но и какой нибудь деревенскій житель, бѣднякъ-пахарь, когда случится у него копѣйка, непремѣнно къ весеннимъ праздникамъ одѣнетъ свою жену въ шелкъ, накупитъ ей разныхъ бездѣлушекъ, которыя ихъ же братья-татары развозятъ по селамъ.

Что касается до пѣсенъ татарскихъ, то онѣ двоякаго рода: чисто народныя и искуственныя, литературныя. Здѣсь нужно замѣтить, что, благодаря развитію грамотности и самостоятельнаго печатнаго дѣла среди казанскихъ татаръ, у нихъ успѣла сложиться своя литература, хотя и далеко небогатая. Татары больше заняты заводами и торговлею, чѣмъ умственною дѣятельностью; да и восточно-магометанское направленіе этого племени не могло также много способствовать развитію въ нихъ склонности къ отвлеченнымъ занятіямъ. Однакоже въ литературѣ казанскихъ татаръ встрѣчаются изрѣдка самостоятельныя произведенія, между которыми пѣсни занимаютъ не послѣднее мѣсто. Какъ эти литературныя, такъ и чисто-народныя пѣсни казанскихъ татаръ носятъ на себѣ особенный отпечатокъ чего-то полувосточнаго, полу-славянскаго, или скорѣе полу-русскаго.

Страсть и любовь — составляютъ главную и почти единственную тему татарскихъ пѣсенъ. Плясовыя же ихъ пѣсни взяты отъ русскихъ.

Что касается до музыки татарскихъ пѣсенъ, то она также напоминаетъ русскую, но отличается большимъ количествомъ переходовъ съ ноты на ноту.

Казанскіе татары—городскіе—всѣ хорошо знаютъ по русски, но

татарки и жители глухихъ деревень, знающія нашъ языкъ—большая рѣдкость. Русскому языку они не учатся, а узнаютъ его только изъ ежедневныхъ сношеній съ русскими.

Вообще татары до крайности отторгнуты отъ нашей жизни и ея интересовъ. Христіанъ они считаютъ нечистыми за то, что у нихъ есть образа, и за то, что они ѣдятъ мясо свиньи, питающейся всякой падалью. Богослуженіе наше, по ихъ понятіямъ, заключается только въ колокольномъ звонѣ и поклоненіи иконамъ, носимымъ по улицамъ.

Городскіе татары и татарки иногда посѣщаютъ балы, маскарады, театры. Въ театрахъ татарки сидятъ обыкновенно въ ложахъ, позади своихъ мужей, съ опущенными вуалями. На балахъ онѣ откидываютъ свои вуали, при чемъ невольно бросается въ глаза полуиспуганный видъ ихъ лица. Выносятъ-ли татары изъ театра и общественныхъ собраній какое нибудь живое впечатлѣніе и живую мысль—неизвѣстно, да и крайне сомнительно.

Русскій элементъ очень мало коснулся татаръ. Магометанство до сихъ поръ обособляетъ ихъ отъ господствующаго племени. Они почти совсѣмъ не участвуютъ въ общественной жизни русскихъ: ихъ не занимаютъ и не интересуютъ вопросы, дорогіе каждому русскому. Даже въ экономическомъ бытѣ татаръ проглядываетъ та же особенность, не смотря на то, что мѣсто жительства должно было-бы, кажется, связывать ихъ интересы съ интересами общими, т. е. русскими. Важнѣйшіе и вліятельнѣйшіе по связямъ и по состоянію татары живутъ «въ свой Казань бульна корошъ горотъ», гдѣ поселились отдѣльно и составляли до послѣдняго времени свое городское общество. Небогатые сельскіе обыватели находятся еще въ большемъ соприкосновеніи съ господствующимъ народонаселеніемъ и тѣснѣе связаны съ нимъ въ своихъ интересахъ; но богатые татары, и по торговымъ своимъ дѣламъ, и по связамъ, держатся больше средне-азіатскихъ государствъ и вообще востока.

II. СИБИРСКІЕ ТАТАРЫ.

Къ востоку отъ казанскихъ татаръ, на обширныхъ равнинахъ Западной Сибири, между русскими деревнями, разбросаны, въ разныхъ направленіяхъ по большимъ дорогамъ, селенія сибирскихъ татаръ, издавна получившихъ здѣсь осѣдлость. Многочисленное тюрко-татарское племя, игравшее долгое время важную роль въ судьбахъ Европы и Азіи, распространилось въ теченіи вѣковъ почти по всему Старому Свѣту. Извѣстный татарскій лингвистъ Мирза-Казем-Бекъ, во введеніи къ турецко-татарской грамматикѣ, изданной въ Казани, не безъ чувства нѣкоторой гордости и въ то же время не безъ основанія замѣчаетъ, что языкъ тюркскій, состоящій изъ множества нарѣчій, слышится во многихъ странахъ Азіи—между 31° и 60° сѣверной широты и 32° и 110° восточной долготы, а также въ значительной части Европы и даже въ нѣкоторыхъ областяхъ сѣверной Африки...

Родиною и главнымъ мѣстомъ разселенія тюрко-татарскаго племени всегда была Азія. Правда, татары никогда не были коренными обитателями обширной сѣверной полосы азіатскаго материка-Сибири, но они долго были и здѣсь, какъ и въ восточной Европѣ, единственными обладателями разныхъ частей Сибирской низменности.

Въ настоящее время татарскія племена въ Сибири разселены

почти по всѣмъ ея губерніямъ примущественно же въ Тобольской, Томской и Енисейской, въ числѣ около 90000 душъ обоего пола, не считая разныхъ мелкихъ племенъ, разсѣянныхъ въ Восточной Сибири и болѣе или менѣе уже затерявшихся среди многочисленныхъ инородческихъ племенъ и русскихъ поселеній.

Сибирскіе татары раздѣляются на нѣсколько племенъ, извѣстныхъ подъ разными названіями и представляющихъ нѣкоторыя отличія какъ въ образѣ жизни, такъ и въ обычаяхъ, а отчасти и въ наружности. Собственно татары живутъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ; въ Енисейской же губерніи татары, извѣстны частью подъ именемъ сагайцевъ, называющихъ сами себя «сагай» и сохранившихъ татарскій типъ болѣе другихъ единоплеменныхъ имъ сосѣдей; въ той же губерніи кочуютъ татары-качинцы, получившіе это названіе отъ рѣки Качи, впадающей въ Енисей, и называющіе сами себя «Каштарбасъ». У всѣхъ качинцевъ сохранился татарскій обликъ, но на нихъ замѣтно уже сильное вліяніе монгольскаго типа, а Палласъ нашелъ у качинцевъ много сходства—въ наружности, въ одеждѣ и нравахъ съ сосѣдями ихъ—калмыками. Еще болѣе удалившееся отъ тюркскаго типа татарское племя, представляютъ въ Енисейской губерніи Кайбалы, называющіе сами себя «Кайба» и неизбѣжавшіе, по мнѣнію Кастрена, сильнаго вліянія ихъ сосѣдей—самоѣдовъ и остяковъ. Въ Енисейской же губерніи, по верховьямъ рѣки Чулыма, обитаютъ кизильскіе татары, сами себя называющіе «кизи», т. е. люди; кизильцы почти вполнѣ сохранили татарскій типъ. Вліянію русскихъ, хотя не исключительному, наиболѣе подверглись чулымскіе татары, составляющіе одну отрасль съ кизильцами и обитающіе по низовьямъ рѣки Чулыма, въ Томской губерніи; нѣкоторые изъ чулымскихъ татаръ совсѣмъ обрусѣли, переженились на русскихъ и позабыли свой родной языкъ.

Что же касается до мелкихъ татарскихъ племенъ, обитающихъ въ Восточной Сибири, каковы *каргасы*, *ариты* и *сойоты*, то они

болѣе приближаются къ монголамъ и манчжурамъ, чѣмъ къ татарамъ, и составляютъ, можетъ быть, переходную ступень къ якутамъ, представляющимъ ничто иное, какъ окончательно омонголившихся татаръ.

Языкъ сибирскихъ татаръ, по настоящее время, составляетъ тюркское нарѣчіе, хотя, можетъ быть, отъ вліянія особенностей сибирской природы, а отчасти отъ смѣшенія съ коренными обитателями Сибири, значительно разнится отъ языка другихъ татаръ, напримѣръ крымскихъ, оренбургскихъ и касимовскихъ. Сибирскіе татары иногда вовсе не понимаютъ многихъ словъ, употребляемыхъ даже сосѣдними съ ними казанскими татарами.

По-русски почти всѣ сибирскіе татары, даже обитающіе въ глухихъ мѣстностяхъ, говорятъ болѣе или менѣе свободно, исключая развѣ женщинъ и дѣтей.

Вообще, если на нѣкоторыхъ изъ сибирско-татарскихъ племенъ отразилось русское вліяніе, то это благодаря лишь нѣкоторымъ особенностямъ ихъ исторіи, а отчасти и вслѣдствіе исключительныхъ условій жизни въ Сибири. Прежде всего нужно замѣтить, что татары въ Сибири никогда не могли считать себя побѣдителями русскихъ, какъ это было долгое время въ Европейской Россіи; наоборотъ, въ Сибири русскіе всегда были въ положеніи побѣдителей татаръ. Одно это уже могло безповоротно утвердить въ нихъ вѣру въ превосходство русскихъ. Съ другой стороны, глушь края и дикая, бродячая жизнь разныхъ раздробленныхъ мелкихъ племенъ, окружавшихъ татаръ и населявшихъ Сибирь до завоеванія ея русскими, не могли способствовать развитію въ татарахъ ни промышленныхъ, ни гражданскихъ качествъ, а слѣдовательно и устойчивости въ политическомъ или этнографическомъ отношеніи.

Въ настоящее время минуло почти три вѣка со времени покоренія сибирскихъ татаръ, и надо сознаться, что большинство татарскихъ племенъ, какъ въ Европейской Россіи, такъ и въ Сибири, живя все

время среди русскихъ, до сихъ поръ далеки отъ сліянія съ ними въ одну національность. Нельзя, конечно, вполнѣ утверждать, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, чтобы русская народность не имѣла рѣшительно никакого вліянія въ духовной жизни татаръ и не вліяла также на ихъ нравы, но, во всякомъ случаѣ, татары до сихъ поръ, даже въ Сибири, составляютъ свой особый міръ, живутъ совершенно чуждыми намъ интересами и руководятся въ общественной жизни совсѣмъ иными побужденіями, упорно придерживаясь своихъ нравовъ, своего общественнаго и домашняго быта. Все это относится преимущественно и исключительно къ татарамъ магометанамъ.

Магометанство въ Сибири распространено было еще Кучумомъ; позднѣе оно поддерживалось главнымъ образомъ изъ Бухаріи, гдѣ и тогда уже, во времена Кучума, былъ центръ мусульманской образованности. Главными проводниками исламизма въ жизнь татарскихъ племенъ въ Сибири, какъ и вездѣ, были школы, устроиваемыя при каждой мечети, гдѣ сословіе улемовъ и муллъ разыгрывало роль народныхъ учителей. Изъ архивныхъ дѣлъ тобольскихъ архіереевъ видно, что на Барабѣ были примѣры обращенія крещеныхъ татаръ въ магометанство даже въ позднѣйшее время, въ 50-хъ годахъ настоящаго столѣтія, выходцами муллами изъ Тары и другихъ мѣстъ.

Большинство сибирскихъ татаръ, обитающихъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ, исповѣдуютъ магометанскую вѣру суннитскаго толка.

На рѣдкіе примѣры обращенія магометанъ-татаръ въ христіанство надобно смотрѣть, даже въ Сибири, какъ на исключительные случаи.

Дѣти у татаръ-христіанъ довольно часто умираютъ безъ крещенія, что, впрочемъ, неудивительно при обширности земель, на которыхъ разбросаны татарскія кочевья. При этомъ, конечно, не нужно забывать и того, что сибирскіе татары-христіане никогда не только

не видѣли, но и не слышали никакихъ книгъ на своемъ языкѣ, ни религіознаго, ни свѣтскаго содержанія, ни даже богослужебныхъ.

Сибирскіе татары, потомки когда-то воинственныхъ сподвижниковъ Кучума, въ настоящее время вообще всѣ далеко не отличаются прежней бойкостью и смирно живутъ въ своихъ деревушкахъ. Едва ли въ преданіяхъ ихъ сохранилась память о томъ, что такое были ихъ предки.

По наружности, сибирскіе татары, а въ особенности мусульмане, обитающіе въ Тобольской губерніи, довольно живо напоминаютъ тюркскій обликъ и рѣзко отличаются отъ всѣхъ инородческихъ племенъ, населяющихъ Сибирь. Сибирскіе татары тѣлосложенія крѣпкаго, лицомъ смуглы и сухощавы, росту нѣсколько меньше средняго, походка ихъ медленная, неровная, колеблющаяся, станъ прямой, части тѣла довольно пропорціональныя. Господствующій цвѣтъ волосъ въ бородѣ, усахъ, бровяхъ и на головѣ—черный. Глаза каріе, почти черные, продолговатые; носъ прямой, довольно широкій; брови густыя, дугообразныя; губы толстыя; зубы чрезвычайно бѣлые; лобъ низкій, прямой, лицо круглое. Вообще наружность мужчинъ довольно красива.

У Барабинскихъ татаръ и у племенъ, обитающихъ еще восточнѣе, лицо имѣетъ болѣе монгольское очертаніе, выражающееся главнымъ образомъ въ узкомъ разрѣзѣ глазъ, въ сильномъ развитіи скулъ, въ рѣдкости волосъ въ бородѣ и усахъ, и въ сутуловатости.

Крещеные татары носятъ длинные волосы, подстриженные въ кружокъ. Между ними есть не мало мужчинъ съ совершенно русскою физіономіей, но отлично говорящихъ по татарски. Это вполнѣ обрусѣвшіе татары, перечислившіеся въ крестьяне.

Вообще наружность татарскихъ племенъ въ Сибири довольно значительно разнообразится, смотря по типу ихъ сосѣдей.

Физіономія татарскихъ женщинъ также вообще красива. Черты лица у нихъ довольно правильныя и пріятныя; цвѣтъ лица гораздо

бѣлѣе, чѣмъ у мужчинъ. Волосы совершенно темнаго цвѣта и довольно длинные; формы тѣла округлыя, мягкія, оконечности пропорціональныя, гибкія; плечи нѣсколько отброшенныя назадъ, а животъ—выдающійся впередъ. Очень портитъ наружность нѣкоторыхъ татарокъ сильное развитіе скулъ, а также глазная болѣзнь, господствующая между сибирскими татарами, какъ послѣдствіе ихъ вѣчно курныхъ жилищъ.

Женщины у татаръ, особенно достигшія 30-ти лѣтняго возраста, отличаются большею дородностію, чѣмъ мужчины.

По нравамъ, характеру и способностямъ сибирскіе татары-мусульмане ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ волжскихъ татаръ. Крещеные же сибирскіе татары и язычники, по характеру, гораздо простодушнѣе своихъ мусульманскихъ единоплеменниковъ; они довѣрчивы, кротки и феноменально честны. Про сагайцевъ, напр., разсказываютъ слѣдующій анекдотъ: у одного изъ зажиточныхъ русскихъ колонистовъ сгорѣла въ домѣ книга, въ которой записаны были всѣ долги кругомъ задолжавшихъ ему сагайцевъ. Какъ-то упала свѣча отъ иконы, когда въ комнатѣ никого, не было, и сожгла книгу. Русскій колонистъ, знавшій только общій итогъ своихъ одолженій татарамъ, пришелъ въ ужасъ. Дѣлать нечего поѣхалъ онъ по всѣмъ сагайскимъ улусамъ и сталъ разспрашивать, нѣтъ ли въ нихъ кого изъ его должниковъ. Должники явились. Колонистъ предложилъ вопросъ: —сколько каждый долженъ? Всякій отвѣтилъ такъ, какъ могъ припомнить. На основаніи этого у кредитора составилась новая книга, по которой общій итогъ долговъ, къ изумленію колониста, оказался совершенно вѣрнымъ съ итогомъ прежней книги...

Хотя умственныя способности сибирскихъ татаръ вообще неразвиты, но во всякомъ случаѣ, по природѣ, это очень умное племя. Сверхъ того, они крайне апатичны; въ нихъ упорно еще держатся восточные нравы. Сельское хозяйство, напримѣръ, они могутъ еще вести, въ большихъ размѣрахъ работниками но не личнымъ тру-

домъ. Сибиряки крестьяне говорятъ, что татары хорошіе работники, лучше русскихъ, но лѣнивы. День, два проработаетъ хорошо, а на третій—никуда негоденъ. Это происходитъ, можетъ быть, и оттого, что они безсильнѣе русскихъ и скоро утомляются.

По занятіямъ, сибирскіе татары раздѣляются на хлѣбопашцевъ, ясачныхъ и служилыхъ (казаковъ).

Всѣ вообще занятія по части домашняго хозяйства у сибирскихъ татаръ, какъ и у прочихъ, лежатъ исключительно на женщинахъ. Лѣтомъ дѣятельность ихъ простирается и за предѣлы избы. Во время полевыхъ работъ только старухи (курукаякъ) да маленькія дѣти (угланъ) остаются дома. Все остальное татарское населеніе цѣлые дни работаетъ въ полѣ—на сѣнокосѣ, или на пашнѣ. Не смотря на это, земледѣліе у нихъ самое ничтожное, а въ отдаленныхъ сѣверныхъ деревняхъ и вовсе нѣтъ никакого. У русскихъ они переняли земледѣліе лишь въ той степени, какая обусловливалась крайнею необходимостью; дальнѣйшему же развитію хлѣбопашества мѣшала отчасти лѣнь и безпечность татаръ, а отчасти и другія неблагопріятныя условія. Сравнительно больше занимаются хлѣбопашествомъ татары Ишимскаго, Ялуторовскаго, Канскаго и Курганскаго округовъ. Огородничество у нихъ также находится въ младенческомъ состояніи. Произведенія своихъ огородовъ (бахча) татары никогда не пускаютъ въ продажу, заготовляя ихъ только для собственнаго употребленія.

Скотоводство составляетъ одну изъ главныхъ отраслей промышленности, какъ татаръ-хлѣбопашцевъ, такъ и ясачныхъ, особенно въ южной полосѣ Западной Сибири. Разводимый ими скотъ—преимущественно: лошади, коровы, овцы и изрѣдка козы,—большею частью не крупный, но крѣпкаго сложенія. Не смотря на обширныя и богатыя растительностью мѣстности, на которыхъ поселились татары, скотоводство ихъ все-таки не особенно процвѣтаетъ.

О лошадяхъ татары вообще больше заботятся, чѣмъ о другомъ какомъ нибудь скотѣ. И это не даромъ. Извозничество, напримѣръ,

составляетъ одно изъ любимыхъ занятій татаръ. Рѣдкій изъ живущихъ по большимъ трактамъ не занимается извозомъ, поверстно отъ одной станціи до другой, а также подряжаясь на перевозку казенныхъ и частныхъ купеческихъ кладей. Болѣе бѣдные татары нанимаются къ другимъ зажиточнымъ извозщикамъ и за извѣстную плату гоняютъ ихъ тройки.

Ѣзда татарская имѣетъ особенный характеръ. Кучера они, большею частью, замѣчательно плохіе. Татаринъ часто едва въ состояніи запречь лошадей. Сбруя у него самая дрянная, веревочная, которая разъ десять порвется, на пространствѣ одной станціи въ десять верстъ; нѣтъ даже кнута, чтобы иногда подогнать лошадей; онъ замѣняетъ его ивовымъ прутомъ или просто палкою.

За то сибирскій татаринъ лихой наѣздникъ. На спинѣ лошади татаринъ держится лучше, чѣмъ на своихъ собственныхъ ногахъ. Онъ ходитъ тяжело, переваливаясь; въ сѣдлѣ же сидитъ такъ ловко, какъ будто это было его естественное положеніе. Трезвый, мертвецки пьяный, бодрый, сонный—верхомъ на лошади онъ равно безопасенъ отъ всякаго несчастія. Это зависитъ отчасти отъ привычки, отчасти и отъ нѣжныхъ, дружественныхъ отношеній между конемъ и всадникомъ. Лошадь у татаръ отнюдь не вьючное животное, а лучшій другъ и спутникъ во всѣхъ похожденіяхъ. Почти у каждаго зажиточнаго татарина есть любимая лошадь, которая ему дороже жены и всего на свѣтѣ; которую онъ ежедневно гладитъ, ласкаетъ и бережетъ какъ зѣницу ока. Съ своей стороны и лошадь охраняетъ всячески своего господина и именно въ минуты его слабости. Такъ всѣ татары единодушно утверждаютъ, что хорошая лошадь никогда не отойдетъ отъ своего хозяина, если онъ отъ сна или съпьяну свалится съ нея—случай у татаръ чрезвычайно рѣдкій.

Наиболѣе распространенный промыселъ между сибирскими татарами-мусульманами составляетъ торговля. Они издавна имѣютъ

сношеніе съ хивинцами, ташкентцами, бухарцами и киргизами. Предметъ ихъ торговли: бухарскія шелковыя ткани, бумажныя и шерстяныя матеріи, чай, изюмъ, урюкъ, киргизскія лошади, бараны, шерсть, войлокъ, кожа и сало. Сбываютъ все это или на ярмаркахъ, или въ постоянныхъ небольшихъ торговыхъ помѣщеніяхъ (кибитъ), каковыя и имѣются въ Петропавловскѣ, Семипалатинскѣ, Тюмени, Курганѣ и Тобольскѣ.—Какъ и между волжскими татарами, такъ и между сибирскими, есть множество особаго рода мелкихъ промышленниковъ —разнощиковъ (базурганъ). Лѣтомъ во многихъ, даже самыхъ отдаленныхъ сибирскихъ городахъ можно встрѣтить не одного татарина-базургана, у котораго найдется въ его небольшомъ узелкѣ первымъ дѣломъ—чай, а затѣмъ сѣрныя спички и вакса, духи, помада, мыло, зеркальца, стальныя перья, перочинные ножики, мелкія вещицы изъ дамскаго туалета, иглы, нитки, наперстки, свѣжіе и сушеные фрукты, неростущіе въ Сибири, а нѣкоторые заносятъ въ глухіе сибирскіе городки и русскія книги, да иногда еще довольно дѣльныя,—и въ добрый часъ! Хотя черезъ татаръ, только бы просвѣтиться сибирякамъ!

Между сибирскими татарами много есть также охотниковъ, хотя ни одинъ изъ нихъ не занимается охотою, какъ исключительнымъ промысломъ. Большая часть татаръ предпочитаютъ охоту безъ собаки. Винтовка (кырлымыдокъ), круглая деревянная пороховница, кожаный кошелекъ съ дробью и пулями, такой же патронташъ, и домашняго издѣлія ягдташъ, сплетенный изъ тонкихъ бичевокъ:—вотъ и всѣ охотничьи снаряды татарина; охотятся преимущественно за дичью, бѣлками и бурундуками. Барабинскіе татары ходятъ также на волковъ и лисицъ и ловятъ горностаевъ.

Но сибирскій татаринъ не останавливается на перечисленныхъ выше промыслахъ и занятіяхъ,—онъ усердно занимается еще рыбною ловлею на сибирскихъ рѣкахъ и озерахъ. Это и понятно. Сибирскіе татары народъ бѣдный. Хлѣбопашество у нихъ, какъ мы

видѣли, ничтожное; скотоводство также въ плачевномъ состояніи, исключая немногихъ мѣстностей и лишь нѣкоторыхъ болѣе счастливыхъ скотопромышленниковъ-капиталистовъ. У иного же татарина едва имѣется лошаденка да корова. Только и надежды, что на звѣриный промыселъ; только и пропитанія, что рыбная ловля. Но и эти фундаментальныя занятія даютъ имъ немного; солить рыбу, напр., и приготовлять икру сибирскіе татары не большіе мастера, и потому сбываютъ ее большею частью только свѣжую, преимущественно въ ближайшихъ къ ихъ жилищамъ городахъ, а также по сосѣднимъ русскимъ деревнямъ.

Татары Тобольскаго, Ялуторовскаго и Канскаго округовъ, между прочимъ, промышляютъ ловлею піявокъ. Промыселъ этотъ тоже не послѣднее дѣло; для нѣкоторыхъ бѣдняковъ—это единственный источникъ дохода. Ловятъ піявокъ обыкновенно на мясную приманку; но иногда устроиваютъ дѣло гораздо проще: залѣзетъ татаринъ въ озеро и сидитъ себѣ тамъ, пока всего его не облѣпятъ піявки; выйдя изъ озера, онъ приноситъ на себѣ массу живаго товару... Татарки ближайшихъ къ городамъ юртъ и живущія въ самыхъ городахъ зарабатываютъ порядочныя денги, занимаясь припусканіемъ піявокъ къ больнымъ, изъ коихъ многіе предпочитаютъ этихъ татарокъ даже русскимъ цирюльникамъ.

Татарки-мусульманки въ Сибири, какъ и у насъ въ Казани, мастерицы также въ рукодѣліяхъ: онѣ умѣютъ отлично шить, вышивать шелками и золотомъ, ткать, валять сукна и войлоки и. т. под. Впрочемъ, издѣлія ихъ, какъ и у казанскихъ ихъ единоплеменицъ, рѣдко назначаются для продажи. Самыя рукодѣлія татарскихъ женщинъ не столько отличаются вкусомъ, сколько поражаютъ пестротою и тщательностью отдѣлки самыхъ мельчайшихъ подробностей работы.

Общественный бытъ сибирскихъ татаръ находится вообще на низкой ступени цивилизаціи, не выдѣляясь особенно надъ уровнемъ об-

щественнаго развитія прочихъ сибирскихъ племенъ. Татары сибирскіе толко нѣкоторые ведутъ осѣдлый образъ жизни; остальные же придерживаются еще кочеваго или бродячаго быта. Послѣдній свойственъ преимущественно татарамъ, населяющимъ сѣверные и восточные округа Тобольской, Томской и Енисейской губерній. При этомъ, большинство сибирскихъ татаръ не оставило и родоваго быта. Земля напримѣръ, очень часто находится у нихъ въ родовомъ владѣніи; въ этомъ случаѣ ни малѣйшій клочекъ ея не можетъ быть отчуждаемъ ни отдѣльнымъ родичемъ, ни даже цѣлой деревней, безъ согласія старѣйшихъ членовъ всего рода. Но, въ тоже время, каждый родичь и всякая деревня, входящая въ составъ извѣстнаго рода, имѣютъ право ползоваться родовой землей вездѣ, гдѣ пожелаютъ лишь бы только другой не занялъ этого мѣста прежде. Звѣроловство и рыбная ловля точно также составляютъ общее право всѣхъ родичей, кочующихъ или бродящихъ на извѣстномъ пространствѣ земли.

Земля есть единственная недвижимая собственность у большей части сибирскихъ татаръ. Все прочее ихъ имущество, не исключая и главнаго—юрты, есть *движимое.* Послѣднее составляетъ исключительную собственность того, кому оно принадлежитъ. Впрочемъ, если по смерти родича не окажется наслѣдниковъ, то и движимое имущество его поступаетъ также въ собственность всего рода.

Деревни сибирскихъ татаръ, примѣнительно къ положенію о крестьянствѣ, дѣлятся на волости (улусы), во главѣ которыхъ стоятъ «князья» или «башлыки» (старшины). Татарскій башлыкъ, или князь обыкновенно ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ своихъ единоплеменниковъ, если только онъ не очень богатъ. Управленіе этихъ башлыковъ сильно напоминаетъ патріархальныя времена, а въ кочевьяхъ какихъ-нибудь кизильцевъ или качинцевъ можно встрѣтить даже нѣчто близко напоминающее совѣщательныя собранія краснокожихъ индѣйцевъ. Если, напримѣръ, зажиточному татарину захочет-

ся обдѣлать какое нибудь дѣльце при помощи своихъ князей, то онъ не долго думая, приглашаетъ ихъ къ себѣ въ юрту для совѣщанія и приличнаго случаю угощенія, на что тѣ не замедлятъ явиться въ полномъ составѣ Вошедши въ юрту, князья важно усаживатся вокругъ очага и, скрестивъ руки и ноги, курятъ свои трубки въ таинственномъ молчаніи. Взгляды ихъ также мрачны, какъ ихъ лица и одежда. Самъ хозяинъ неторопливо пригововляетъ баранину, сыръ, яица и. т. под. и варитъ въ котелкѣ надъ очагомъ «айранъ». Затѣмъ снимаетъ этотъ котелокъ, айранъ разливаетъ въ бутылки, наконецъ вынимаетъ изъ сундука завѣтный кубокъ.... Это послѣднее обстолтельство вызываетъ нѣкоторое движеніе доселѣ въ безмолвномъ и недвижномъ совѣщательномъ собраніи: члены его начинаютъ выбивать пепелъ изъ трубокъ, покашливать и помѣшивать огонь въ очагѣ; каждый старается чѣмъ нибудь заявить свое присутствіе... Наконецъ, завѣтный кубокъ отправляется по рукамъ, бутылка за бутылкой опоражниваются, вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ и жирная баранина, и сыръ, и яица, запеченныя до твердости камня. Но такъ какъ присутствующіе большею частью князья, то, сохраняя нѣкоторое достоинство, они не пьютъ айрана черезъ мѣру. Во всякомъ случаѣ, послѣ этого совѣщанія, хозяину уже ничего не стоитъ добиться желаемыхъ милостей отъ князей.

Волости сибирскихъ татаръ обыкновенно немноголюдны. Въ самой большой изъ нихъ не наберется и двухъ тысячъ душъ обоего пола; за то волость эта растянута часто на протяженіи верстъ трехсотъ. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ всего 100 или 200 душъ обоего пола. Деревушки татарскія по большей части также маленькія и бѣдныя; въ иной дворовъ восемь или десять. Нѣкоторыя-же деревни и вовсе существуютъ только по названію; жители ихъ давно уже разъѣхались по другимъ деревнямъ.

Наши сибирскіе крестьяне обыкновенно называютъ татарскія деревни и даже дома татарскіе съ принадлежащими имъ строеніями—

юртами. Но слово «юртъ», на самомъ дѣлѣ, имѣетъ болѣе обширное значеніе: «юртъ» съ татарскаго языка значитъ «владѣніе», «страна», «земля»; на основаніи этого царство Кучума и называлось «сибирскимъ юртомъ». Собственно-же деревня у татаръ носитъ названіе—«аулъ», а домъ «уй».

Деревни и самые дома сибирскихъ татаръ – мусульманъ, въ особенности зажиточныхъ, почти ничѣмъ не отличаются отъ жилищъ нашихъ волжскихъ татаръ.

Гораздо своеобразнѣе живутъ сибирскіе крещеные татары и язычники, а отчасти и бѣдняки изъ мусульманъ. Деревни этихъ татаръ дѣлятся обыкновенно на зимнія и лѣтнія, то есть на постоянныя жилища и лѣтнія кочевья.

Зимній аулъ состоитъ обыкновенно изъ одного или двухъ чрезвычайно неправильныхъ рядовъ избенокъ, частью безъ оградъ, частью безъ крышъ или же съ земляными крышами. Избенки эти часто ничто иное, какъ деревянные шалаши съ двумя узенькими окнами, затянутыми пузыремъ. Между ними, и то только въ болѣе зажиточныхъ деревняхъ, гордо высятся два-три порядочные дома съ тесовыми крышами. Но это роскошь, которую позволяютъ себѣ немногія деревни. Въ этихъ порядочныхъ домахъ можно найдти совершенно русскую обстановку, а если хозяинъ мусульманинъ, то, сверхъ того, и татарскую. Среди этихъ зимниковъ можно иногда встрѣтить и лѣтнія татарскія юрты, т. е. войлочные или у бѣдныхъ берестяные шалаши, огороженные жердями и полузасыпанные навозомъ. Бѣдняки, не смотря на страшные холода, живутъ иногда и зиму, и лѣто въ берестяныхъ юртахъ, поэтому и переселяются съ ними—въ зимніе аулы.

Внутреннее убранство — какъ зимнихъ, такъ и лѣтнихъ юртъ, также весьма не затѣйливо. Двери въ нихъ всегда выходятъ на востокъ; прямо противъ двери въ каждой юртѣ находится нѣчто въ родѣ дивана, сложеннаго изъ мягкихъ войлоковъ,—это ложе хозяи-

на и хозяйки юрты; тутъ-же, противъ входа, у крещеныхъ татаръ помѣщаются, гдѣ нибудь на стѣнкѣ, и образа. Направо отъ входа устраивается женское, а налѣво мужское отдѣленіе. Кругомъ, по стѣнамъ юрты, подѣланы нары или просто узкія полки, заваленныя, на мужской половинѣ, конской сбруей, ящиками и сундуками, а на женской—чашками, самоварами—и другой хозяйственной утварью. На женской-же половинѣ нерѣдко помѣщается *чувалъ* или каминъ, битый изъ глины, съ трубою; иногда-же чувалъ этотъ сложенъ просто изъ камней, прямо посрединѣ юрты, въ кружокъ, и надъ нимъ продѣлано дымовое отверстіе въ крышѣ. Чувалъ обыкновенно топится и день, и ночь, и угасаетъ развѣ тогда, когда всѣ обыватели юрты погрузятся въ глубокій сонъ и некому подложить дровъ. Дымитъ онъ иногда нестерпимо. Тепла отъ него также немного: всѣ обитатели зимника и день, и ночь въ тулупахъ. Это, впрочемъ, не особенно безпокоитъ сибирскаго татарина: онъ съ одинаковымъ удобствомъ спитъ въ своемъ зимникѣ почти совершенно голый; собьется съ него тулупъ во время сна, охватитъ сзади морозомъ, заиндевѣетъ спина, онъ повернется спиною къ огню,—и кончено дѣло. Кочевникъ-татаринъ, даже въ самые трескучіе морозы, ѣздитъ часто безъ шапки, да и зачѣмъ она ему, когда онъ носитъ огромные, почти до плечъ, волосы.... Только ноги свои онъ бережетъ, онѣ постоянно у него въ мягкихъ бурятскихъ унтахъ, по татарски—«маймакъ».

Юрты обыкновенно страшно грязны и у многихъ такъ ветхи, что вѣтеръ и дождь свободно проникаютъ сквозь бересту и щели. Все взрослое населеніе ихъ очень часто валяется на полу, въ повалку, совершенно опьяненное водкой или айранамъ. Подлѣ огня ползаетъ нѣсколько голыхъ ребятишекъ, и, плача отъ голоду, протягиваютъ свои ручонки къ висящему надъ нимъ котлу. Вокругъ него-же похаживаютъ и собаки, сильно виляя хвостомъ, въ надеждѣ, что изъ него перепадетъ что-нибудь и на ихъ долю. Къ довершенію картины

телята и овцы, испуганные иной разъ бурей или грозою, просовываютъ свои головы въ дверь, и повторяютъ это такъ часто, просятся въ юрту такъ жалобно, что хозяйка вынуждена бываетъ отвести и имъ уголокъ...

Одежда крещеныхъ татаръ и язычниковъ представляетъ всевозможную смѣсь; костюмъ ихъ частью русскій, частью татарскій, частью-же инородческій. У русскихъ они успѣли позаимствовать главнымъ образомъ женскій нарядъ. Одежда сибирскихъ татаръ-мусульманъ ничѣмъ не отличается отъ костюма нашихъ волжскихъ татаръ.

Пища сибирскихъ татаръ-мусульманъ также сильно напоминаетъ кухню казанскаго татарина. И здѣсь употребляются тѣ же самыя—жирныя, мучнистыя, съ обильной примѣсью сладкаго необыкновенно тяжелыя—блюда.

Крещеные татары и язычники ѣдятъ все, что придется. До мучнистыхъ блюдъ они не большіе охотники, да у нихъ недостаетъ и припасовъ, необходимыхъ для этого рода кушаній. Часто у кочевника-татарина и хлѣба нѣтъ, и онъ пробивается безъ него, питаясь мясомъ и рыбою.

Гораздо болѣе самобытности представляютъ напитки сибирскихъ татаръ, какъ мусульманъ, такъ и крещеныхъ. Сибирскіе татары, подобно волжскимъ, страстные охотники до чая, и кромѣ «фамильнаго», продаваемаго обыкновенно самими-же татарами, употребляютъ еще чай — называемый кирпичнымъ, поступающій въ продажу въ плотной массѣ, въ видѣ кирпичей или плитокъ.—Предъ употребленіемъ кирпичнаго чая, татары толкутъ его въ небольшой ступкѣ и, въ измельченномъ видѣ, насыпаютъ въ чайникъ; заваривши чай кипяткомъ, даютъ ему нѣсколько времени попрѣть на самоварѣ. Небогатые развариваютъ кирпичный чай въ кувшинахъ, поставленныхъ на огонь, на чувалѣ. Чашки для кирпичнаго чая употребляются у татаръ безъ блюдцевъ и безъ ручекъ, похожія на наши полоскатель-

Государственная Библ...

ныя чашки, только небольшихъ размѣровъ. Настоявшійся въ кувшинѣ или чайникѣ чай наливаютъ въ чашки прямо съ гущей и потомъ разбавляютъ молокомъ или сливками. Сахаръ не составляетъ необходимой принадлежности къ кирпичному чаю и употребляется только зажиточными татарами.

Къ числу напитковъ сибирскихъ татаръ относится также кумысъ, приготовленный изъ кобыльяго молока,—это единственный крѣпкій напитокъ, допускаемый татарскимъ благочестіемъ; но онъ между татарами гораздо менѣе распространенъ, нежели между киргизами, и не можетъ идти ни въ какое сравненіе по своему достоинству съ кумысомъ послѣднихъ. Для этого татарамъ сибирскимъ недостаетъ степей и того скотоводства, какія есть у киргизовъ.

Гораздо въ большемъ употребленіи у сибирскихъ татаръ «айранъ», также крѣпкій напитокъ, приготовляемый изъ коровьяго молока. Не пренебрегаютъ татары и «аракой», т. е. водкой, перегоняемый изъ кумыса. Хлѣбная водка у нихъ также въ большомъ ходу, даже между мусульманами, которые и въ Сибири оправдываютъ свое неравнодушіе къ ней тѣмъ, что водка не извѣстна была во времена Магомета а потому и не могла быть запрещена имъ

Семейные обряды и обычаи сибирскихъ татаръ—мусульманъ точно также не представляетъ никакихъ отличій отъ обычаевъ и обрядовъ прочихъ ихъ единовѣрцевъ. Мы остановимся только на нѣкоторыхъ сторонахъ семейно-обрядовой жизни крещеныхъ татаръ и татаръ-язычниковъ, бытъ которыхъ сложился при полномъ отсутствіи всесильнаго вліянія ислама и носитъ на себѣ гораздо болѣе самобытныхъ чертъ древней татарской народности.

У чулымскихъ татаръ, кизильскихъ и проч. существуетъ оригинальный обычай, по которому родители условливаются между собой о бракѣ дѣтей еще тогда, когда послѣднія едва вышли изъ пеленокъ. Татаринъ, желающій современемъ женить малолѣтняго еще сына на дочери, также еще малолѣтней, одного изъ своихъ знакомыхъ или

пріятелей, непремѣнно впрочемъ изъ другаго какого-нибудь племени,—беретъ жену и ближайшихъ своихъ родственниковъ, садится на коня и отправляется съ ними въ улусъ маленькой невѣсты. При этомъ онъ захватываетъ съ собою ведра два или три айрана или водки, новую китайскую трубку (ганзу) и китайскій-же курительный табакъ.

Прибывъ въ улусъ отца невѣсты, оригинальные сваты входятъ толпой въ его юрту и, послѣ обычныхъ привѣтствій и нескончаемыхъ житейскихъ разговоровъ за чуваломъ, чрезъ мѣру заболтавшійся отецъ жениха, наконецъ, поднимается съ мѣста и обращается къ хозяину юрты съ слѣдующей оффиціальной рѣчью: «Если вода притечетъ на твое мѣсто, я, сдѣлавшись крѣпкою плотиною, лягу; если вѣтеръ подуетъ на твое мѣсто, я стѣною стану; если ты мнѣ свистнешь, я, сдѣлавшись собакою, прибѣгу; если ты не ударишь меня по головѣ, то я, войдя въ твой домъ, сдѣлаюсь твоимъ родственникомъ». Послѣ этого отецъ жениха прямо объясняетъ о цѣли своего прихода. Затѣмъ онъ кладетъ подлѣ чувала трубку, набитую китайскимъ табакомъ, и на нѣкоторое время удаляется изъ юрты. По возвращеніи, онъ осматриваетъ оставленную имъ трубку, и если найдетъ ее незакуренной, то, считая это за отказъ, садится на коня и со всѣми родственниками уѣзжаетъ во свояси. Если-же, напротивъ, замѣтитъ, что изъ трубки курили, то остается въ юртѣ невѣсты и продолжаетъ церемонію сватовства. Онъ вынимаетъ привезенную съ собой чарку и наливаетъ ее айраномъ, между тѣмъ какъ одинъ изъ его родственниковъ набиваетъ новую трубку табаку, а другой беретъ желѣзными щипцами горящій уголь или даже цѣлую головню изъ чувала, и всѣ трое остаются нѣкоторое время въ безмолвномъ ожиданіи. Наконецъ, отецъ невѣсты, выразивъ словесно свое согласіе на бракъ дочери, выпиваетъ у перваго айранъ изъ чарки, потомъ беретъ трубку изъ рукъ втораго и затѣмъ закуриваетъ ее отъ головни, которую держитъ въ щипцахъ третій изъ родственниковъ жениха. Послѣ этого

начинается угощеніе, во время котораго отецъ жениха усердно принимается торговать невѣсту на скотъ, на платье, на мягкую рухлядь и пр. Цѣна за невѣсту колеблется у нихъ, считая на деньги, между 5 и 15 рублями. Это первообразъ того «калыма», какой издавна практикуется, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, у всѣхъ прочихъ татаръ. Въ платежѣ калыма, у сибирскихъ татаръ принимаются въ разсчетъ, обыкновенно, не качества невѣсты, а состояніе жениха. Калымъ не требуется только за вдову и за прогнанную или бѣжавшую отъ мужа жену. Сватовство оканчивается тѣмъ, что отецъ жениха даритъ отцу, матери и ближайшимъ родственникамъ невѣсты нѣсколько бумажныхъ платковъ.

Какъ только просватанный женихъ — ребенокъ подростетъ, онъ начинаетъ ѣздить то и дѣло въ улусъ невѣсты, живетъ тамъ по цѣлымъ недѣлямъ и помогаетъ отцу своей суженой во всѣхъ домашнихъ работахъ. Въ продолженіи этого времени онъ дѣлается тамъ совершенно домашнимъ человѣкомъ. Кромѣ такихъ одиночныхъ посѣщеній запросто, женихъ обязанъ еще вмѣстѣ съ отцомъ, матерью и ближайшими своими родственниками дѣлать три раза въ годъ оффиціальные визиты своей невѣстѣ и каждый разъ привозить съ собою подарки (арча). Арча эта состоитъ изъ табаку, вина, сушенаго кислаго сыра, масла и свѣжаго воловьяго и бараньяго мяса. Визиты дѣлаются весною, по наступленіи осени и среди зимы.

Свадьбы у нихъ празднуются не прежде, какъ по достиженіи женихомъ и невѣстою 17-ти лѣтняго возраста, и непремѣнно лѣтомъ.

Когда настанетъ день свадьбы, женихъ еще разъ пріѣзжаетъ съ своими родными и родственниками въ улусъ невѣсты и еще разъ задаетъ тамъ пиръ. По окончаніи этого пира, женихъ беретъ за руку невѣсту, и оба падаютъ въ ноги отцу ея. Этотъ послѣдній поднимаетъ ихъ и, обращаясь къ дочери, говоритъ: «Яксы, бала, чорь»,

т. е. хорошо, дочь, поѣзжай. Затѣмъ всѣ поѣзжане садятся верхами и отправляются въ церковь, гдѣ брачный обрядъ совершается по уставу православной церкви.

Послѣ церковнаго благословенія брака, многіе изъ крещеныхъ татаръ считаютъ еще необходимымъ отпраздновать бракъ по своимъ стариннымъ обрядамъ. По выходѣ молодыхъ изъ церкви, родственники тотчасъ-же разводятъ ихъ опять по юртамъ родителей, назначая при этомъ время, когда свадьба должна быть отпразднована по настоящимъ, стариннымъ обрядамъ. Когда этотъ срокъ наступитъ, молодой съ ближайшими родственниками (исключая отца и матери) сѣдлаютъ коней и отправляются, наконецъ, за молодою женою, везя съ собою неизбѣжный айранъ, подарки, съѣстные припасы и одного или двухъ живыхъ быковъ. По прибытіи въ улусъ молодой, начинается пиръ. Посреди улуса колятъ и варятъ быка въ котлахъ, а снятую съ него кожу разрѣзываютъ на нѣсколько ремней. Около полудня всѣ уже сидятъ здѣсь въ кружкахъ и пируютъ вплоть до слѣдующаго утра. Молодые парни играютъ при этомъ на балалайкѣ, поютъ пѣсни, пляшутъ, а иногда занимаются скачками. Наградою лучшимъ скакунамъ бываютъ ремни, вырѣзанные изъ шкуры вышеупомянутыхъ быковъ. Около полудня слѣдующаго дня снова происходитъ посреди улуса такой-же пиръ, по окончаніи котораго новобрачную одѣваютъ въ самый лучшій ея нарядъ: шелковый кафтанъ, обшитый мишурою и бахрамою, и шапку изъ чернобурой лисицы съ шелковой верхушкой и шелковой кистью. Молодой въ это время надѣваетъ обыкновенно суконный кафтанъ, обшитый какимъ нибудь мѣхомъ. Разряженныхъ молодаго и молодую вводятъ, ближайшіе ихъ родственники, въ юрту молодой и сажаютъ ихъ на лавку, покрытую коврами, а противъ нихъ становятся два хора пѣсенниковъ, заранѣе приготовленныхъ. Держа въ рукахъ развернутыя цвѣтныя шали, въ видѣ занавѣсокъ, оба хора стоятъ предъ молодыми и поютъ пѣсни. Хоръ, стоящій предъ молодымъ, поетъ о томъ, что онъ пріѣхалъ

взять прекрасную молодую, а хоръ со стороны послѣдней сопротивляется этому, требуя подарковъ и угощенія.

Наконецъ, отецъ молодой выпиваетъ чарку айрана, подавая этимъ знакъ всѣмъ присутствующимъ послѣдовать его примѣру. Между тѣмъ, одинъ изъ пѣсенниковъ хора со стороны молодой, говоритъ ей слѣдущее наставленіе: «Поѣдешь ты къ человѣку, назначенному отцомъ; даннаго тебѣ коня не изнуряя, не останавливаясь, доѣзжай до мѣста, отцомъ-матерью назначеннаго, и живи счастливо, мирно».

Послѣ этого молодые обходятъ всѣ юрты ближайшихъ родственниковъ и прощаются съ ними. Въ это время впереди нихъ непремѣнно ѣдутъ пѣсенники, держа въ рукахъ развернутыя шали и желая много счастья молодымъ; сзади ихъ слѣдуютъ прочіе поѣзжане. Въ каждой юртѣ повторяется то же самое, что и у отца молодой. Возвратясь еще разъ въ юрту молодой, новобрачные прощаются съ родителями ея, получаютъ ихъ благословеніе и наконецъ отправляются въ улусъ молодаго.

Они ѣдутъ верхами на самыхъ лучшихъ коняхъ, убранныхъ въ самую лучшую сбрую. Впереди молодыхъ, по-прежнему, ѣдутъ пѣсенники съ развернутыми шалями, а позади—человѣкъ до 200 народу обоего пола, верхами, съ колокольчиками и бубенчиками.

Спустя немного, отправляются за ними отецъ и мать молодой съ ближайшими родственниками. Предъ самымъ улусомъ молодаго, процессію останавливаютъ молодые парни и дѣвушки, которымъ молодая бросаетъ колечки, серьги и т. под.... Въ самомъ улусѣ для молодыхъ уже построена новая юрта, въ которой еще никто не жилъ. У сибирскихъ татаръ почти общее правило: какъ только сынъ женился, то ему сейчасъ-же отводится особая юрта и особый зимникъ, если только, разумѣется, позволяютъ это средства. Приблизясь къ юртѣ молодого, поѣзжане съ пѣснями объѣзжаютъ ее три раза, и наконецъ останавливаются предъ входомъ. Нѣсколько человѣкъ берутъ лошадей молодыхъ за поводья, а отецъ и мать молодаго встрѣ-

чаютъ новобрачныхъ у входа съ чаркою айрана, который выпиваютъ, впрочемъ, поѣзжане. Слѣдующій за тѣмъ пиръ и увеселенія тѣже самые, какіе происходили и въ улусѣ молодой.

Подлѣ юрты новобрачныхъ ночью зажигаютъ костеръ, предъ которымъ, между прочими свадебными играми и увеселеніями, молодой долженъ бороться съ родственниками своей невѣсты и одержать побѣду. Послѣ отъѣзда гостей молодые отправляются въ приготовленную для нихъ юрту.

Въ прежнее время, въ первую брачную ночь исполнялся еще обрядъ поклоненія молодой солнцу. Въ эту ночь, на зарѣ приходила родственница и выводила новобрачную изъ юрты, накладывала на нее покрывало, подъ которымъ она, склоняясь какъ можно ниже, должна быть ходить по всѣмъ роднымъ и, переходя изъ юрты въ юрту, кланяться солнцу. Полагаютъ, что обрядъ этотъ вынесенъ татарами изъ Персіи, гдѣ женщины и донынѣ приписываютъ таинственную силу солнечному свѣту, думая, что съ помощью заклинаній и обрядовъ солнечный лучъ можетъ развить плодородіе въ неимѣющей дѣтей замужней женщинѣ.

Въ каждомъ семействѣ, такимъ образомъ, всѣ женатые братья должны имѣть свои отдѣльныя жилища, но имущество не дѣлятъ, ѣдятъ за однимъ столомъ, ведутъ общее хозяйство и живутъ согласно и дружно. Что-же касается до того, что мужья иногда выгоняютъ своихъ женъ, то это у татаръ столь-же обыкновенно, какъ и то, что жены убѣгаютъ отъ своихъ мужей.

При похоронахъ, даже крещеные татары удержали также множество языческихъ обрядовъ. Могилы на ихъ кладбищахъ роются, обыкновенно, съ востока на западъ. Умершихъ мужчинъ хоронятъ въ ящикахъ, женщинъ обертываютъ шелковой матеріей, а дѣтей — берестовой корой. Тѣло покойника кладутъ на спину, а лицо и глаза обращаютъ на востокъ. Въ могилу ему кладутъ съѣстные припасы и льютъ айранъ. На самой могилѣ закалываютъ любимую лошадь по-

койника, мясо которой съѣдаютъ, а черепъ надѣваютъ на палку, поставленную въ головахъ могилы. Тутъ-же разводятъ костеръ, около котораго пируютъ три дня: пьютъ, ѣдятъ, плачутъ, курятъ, угощаются—все вмѣстѣ.

Сибирскіе татары предъ прочими своими единоплеменниками отличаются болѣе живымъ нравомъ и большей прирожденной любознательностью. Сибирскій татаринъ съ большимъ наслажденіемъ слушаетъ болтовню татарскихъ краснобаевъ, разсказывающихъ въ свободное отъ работъ время, для потѣхи своихъ невзыскательныхъ слушателей, разные quasi-забавные анекдоты, напримѣръ, «про смѣшнаго татарина», или «про какого-то плутоваго купца». Есть между ними и любители—историки, повѣствующіе, впрочемъ, весьма сбивчиво, о томъ, какъ царь Кучумъ воевалъ съ казаками, и какъ его Богъ наказалъ и лишилъ царства за гордость и несоблюденіе поста.

Лѣтомъ, въ знойный день, степнякъ-татаринъ, окончивъ свои домашнія занятія, спитъ въ это время гдѣ нибудь подъ юртою или въ юртѣ. Въ аулѣ все тихо и только кое-гдѣ въ холодкѣ слышенъ говоръ женщинъ, которыя сидятъ и починиваютъ—кто рыболовныя сѣти, кто изорванную одежду мужа, кто—что. Подлѣ нихъ въ лубочныхъ или деревянныхъ люлькахъ лежатъ грудныя дѣти; нѣсколько поодаль бѣгаютъ дѣти, что побольше. Но вотъ, вдали послышался топотъ лошади, а потомъ и привѣшанный къ ней бубенчикъ. Житель степей, у котораго слухъ, послѣ зрѣнія, считается едвали не лучшимъ достоинствомъ человѣка, сейчасъ просыпается. Но пока онъ успѣлъ протереть свои заспанные глаза и поправить хоть сколько нибудь свои всклоченные волосы, бубенчикъ все ближе и ближе, и вотъ предъ самой его юртою слѣзаетъ съ коня его старинный знакомый, сопровождаемый цѣлою ватагою загорѣлыхъ и оборванныхъ дѣтей. Это пріѣзжій гость изъ сосѣдняго улуса.

Сейчасъ-же оба пріятеля отправляются въ юрту, на сцену поя-

вляется айранъ, и завязывается самый одушевленный, самый бойкій разговоръ о всѣхъ новостяхъ, какія только кому изъ нихъ удалось узнать. При этомъ, кто нибудь изъ собесѣдниковъ—или гость, если онъ считаетъ себя человѣкомъ дѣльнымъ, или хозяинъ—непремѣнно поговорятъ о своемъ писарѣ степной думы, и тотъ и другой навѣрное скажутъ, что очень хорошо учить дѣтей грамотѣ, потому что «бичигчилъ кизы кебъ бледдыръ ульгуверды» (грамотный человѣкъ много знаетъ законовъ).

Иногда прохладный вечеръ вызываетъ всѣхъ изъ юртъ на улицу. Старики, всѣ знакомые и даже родственники между собой сходятся въ кружки. Начинаются опять толки о разныхъ новостяхъ дня, заливаемые отъ времени до времени кумысомъ или айраномъ. Между тѣмъ собирается молодежь: кто съ полевыхъ работъ, кто съ охоты, кто съ рыбной ловли, кто послѣ осмотра своихъ стадъ и табуновъ. Подгулявшіе старики раззадориваютъ своихъ дѣтей и внуковъ показать свое удальство, и вотъ тѣ начинаютъ скачки. Послѣ этого, снова попойка и громкія пѣсни раздаются иногда цѣлую ночь.

До пѣсенъ татары, вообще, большіе охотники, особенно изъ не мусульманъ. Правда, вся пѣсня сибирскаго татарина иногда заключается въ трехъ-четырехъ строкахъ, которыя онъ не поетъ, а тянетъ, и которыхъ ему хватаетъ на девять на десять верстъ дороги. Но между этими безсодержательными и безсвязными подъ часъ фантазіями степняка-татарина о разныхъ встрѣчныхъ предметахъ, прозвучитъ иногда сильная нота старинной и богатырской пѣсни, довольно еще распространенной въ Сибири. Татарскія богатырскія пѣсни изображаютъ смѣлыми чертами дѣянія какого нибудь прославнаго витязя, заставляютъ его побѣждать не только людей, но и боговъ, и заключаютъ, обыкновенно, тѣмъ, что непобѣдимый герой добываетъ наконецъ себѣ жену и спокойно доживаетъ съ ней до глубокой старости.

Колоссальное въ представленіи — главная характеристическая

черта этихъ пѣсенъ. Въ нихъ постоянно также придается внутренняя жизнь всему существующему въ природѣ: каждой рыбѣ, птицѣ, кусту, камню;—по татарской пѣснѣ, каждое бревно одарено чувствомъ, горюетъ и радуется.

По древнѣйшимъ чародѣйнымъ представленіямъ татаръ, сила магіи, т. е. *мудрость*, ставится выше силы меча; такъ герой ихъ отправляется въ далекія земли за мудрымъ совѣтомъ, и не одинъ *непобѣдимый* побѣждается слабой женщиной, только силою *мудрости* или волшебства. Пѣснь, по понятіямъ татаръ, есть высшее выраженіе мудрости, и нѣтъ въ природѣ существа, которое-бы могло противустоять ей.

Замѣчательно, что почти въ каждой татарской пѣснѣ упоминается о томъ, что люди, т. е. татары, первоначально жили въ одномъ изъ уголковъ земли на берегу *Бѣлаго моря*, у подошвы высокой горы.

Пѣсни татаръ нерѣдко проникнуты глубокой грустью. Вообще, меланхолія далеко не чужда этому племени.

Вотъ одна изъ пѣсень, распѣваемыхъ сибирскими татарами:

«Былъ одинъ татаринъ, по имени Тьенаръ Кусъ, и было у него много юртъ, много народа и много скота. И было ему не мало уже лѣтъ, когда онъ взялъ себѣ жену молодую и прекрасную. Тьенаръ Кусъ любилъ ее, но она, казалось ему, не любила его, а потому онъ и рѣшился испытать ее. Вотъ онъ однажды и отправился въ степь, будто-бы осматривать скотъ свой, и, отъѣхавъ немного отъ юрты свалился нарочно съ сѣдла и лежитъ себѣ какъ мертвый. Пастухи его, видя, что господинъ ихъ лежитъ на землѣ недвижимъ, бросились въ юрту и разсказали о случившемся домашнимъ. Услыхавъ это, жена его вскочила тотчасъ-же на лошадь и, прискакавъ къ лежащему, начала надъ нимъ плакать. Но Тьенаръ Кусъ недовѣрялъ слезамъ своей жены и все лежалъ недвижимъ. Въ отчаяньи жена выхватила кинжалъ изъ ноженъ и сказала: «Не встанешь ты, Тьенаръ Кусъ, и я не хочу больше жить на землѣ. Никогда не скажутъ

люди, что жена Тьенаръ Куса рыскала вдовою, отыскивая себѣ другаго мужа. Нѣтъ, не разстанусь я съ тобою, мой супругъ и владыка!» Тьенаръ Кусъ и тутъ не поднялся. И она, вонзивъ кинжалъ себѣ въ грудь, упала подлѣ него мертвая. И стало жаль Тьенаръ Кусу, что онъ подозрѣвалъ ее въ холодности, и всю жизнь свою оплакивалъ онъ затѣмъ вѣрную жену свою».

Сибирскіе татары очень часто сопровождаютъ свое пѣніе игрой на *кобысп* и *джатыганъ*—родъ балалайки съ тремя и семью струнами. Впрочемъ, и эти незатѣйливые инструменты, кажется, заимствованы ими у остяковъ.

Между русскими и татарами-мусульманами въ Сибири установились тѣже недовѣрчивыя отношенія, что и въ Европейской Россіи. Правда, сибирякъ-крестьянинъ болѣе ласковъ съ татариномъ, чѣмъ европейскій его соотчичъ, но это только любезность за любезность, не болѣе. Всякаго татарина, знакомъ онъ или нѣтъ, русскіе зовутъ въ Сибири «другомъ», но это только потому, что такъ принято и вошло уже между русскими въ обычай издавна, такъ-же, какъ и названіе татарокъ «сестрами». Вообще-же русскіе смотрятъ на татаръ съ видомъ превосходства, не вѣря въ добрыя стороны ихъ нравовъ. Съ своей стороны, и татары соблюдаютъ наружно ласковость и гостепріимство по отношенію къ русскимъ, въ душѣ-же скрываютъ недовѣрчивость, сомнѣніе и опасеніе какой нибудь западни, разставленной хитрымъ, по ихъ мнѣнію, умомъ русскихъ.

Однако, живя долгое время между русскихъ и находясь постоянно въ ближайшихъ сношеніяхъ съ ними, татары сибирскіе не могли не усвоить себѣ постепенно много русскаго. О крещеныхъ татарахъ и шаманахъ мы уже не говоримъ: они съ каждымъ годомъ теряютъ всякую черту своей народности. Но и татары—мусульмане многое внесли даже въ свою домашнюю жизнь, занятое ими отъ русскихъ. Нынѣ, напримѣръ, и въ Сибири далеко не всѣ татарскія женщины находятся въ такомъ загнанномъ и замкнутомъ состояніи, какъ этого

требовали прежніе обычаи татаръ; многія изъ нихъ уже не прячутся отъ мужчинъ и живутъ съ мужьями по человѣчески, въ семьѣ своей имѣютъ право голоса и даже иногда управляютъ всѣмъ домомъ. Нерѣдкость также встрѣтить въ Сибири и татаръ—мужчинъ, совершенно чуждыхъ мусульманскихъ предразсудковъ и блистательно доказывающихъ свои способности ни въ чемъ не отстать отъ русскихъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже не считаютъ за грѣхъ замѣнять русскимъ армякомъ или полушубкомъ свой обычный костюмъ, любятъ говорить по русски даже между собою, учатъ дѣтей своихъ иногда русской грамотѣ,—словомъ, многіе изъ нихъ уже не имѣютъ никакихъ международныхъ предразсудковъ. Такое отношеніе сибирскихъ татаръ къ русскимъ, конечно, доказываетъ, что если они не могутъ совершенно слиться съ русскими, по различію съ ними въ своихъ нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденіяхъ, то совершенно могутъ составлять съ ними одно гармоническо — цѣлое въ гражданскомъ отношеніи.

III. КРЫМСКІЕ ТАТАРЫ.

Характеръ и бытъ.

Татары, извѣстные подъ именемъ «крымскихъ», населяютъ, въ числѣ 276 т. душъ обоего пола, Крымскій полуостровъ и часть степей къ сѣверу отъ Перекопскаго перешейка.

Нѣсколько столѣтій тому назадъ число крымскихъ татаръ достигало, можетъ быть, нѣсколькихъ милліоновъ, и знаменитое Крымское ханство, простиравшее свою гибельную власть на днѣпровскія, и даже приволжскія земли, играло немаловажную роль на всемъ юговостокѣ Европы. Повелители Крымской орды, знаменитые Гиреи, были въ свое время столь могущественны и грозны, что дружбы ихъ домагались въ одно время русскіе, поляки и турки, пока, наконецъ, Екатерина II не положила окончательно предѣла господству татаръ на югѣ Россіи.

Въ настоящее время, какъ это было отчасти и встарину, населеніе Крымскаго полуострова представляетъ пеструю и разнообразную картину, какую трудно найдти въ другой европейской странѣ. На небольшомъ пространствѣ въ 476 квад. миль здѣсь встрѣчаются,

кромѣ русскихъ, нѣмцы-колонисты, евреи-караимы, цыгане, евреи, армяне, греки, болгары и проч... Но какъ не велико количество этихъ пришлыхъ племенъ, все таки главное вниманіе обращаютъ на себя коренные жители полуострова, татары, которые далеко́ превышаютъ численностью всѣ прочія народности вмѣстѣ взятыя и составляютъ главное населеніе Крыма.

Крымскіе татары хотя и всѣ принадлежатъ къ тюрко-монгольскому племени, но вездѣ, однако, они сохранили свой первобытный типъ. Если вспомнить, сколько народностей прошло черезъ Крымъ и со сколькими изъ нихъ приходилось вступать въ соприкосновеніе крымскимъ татарамъ, то вполнѣ будетъ понятно все то разнообразіе въ ихъ наружности, какимъ поражается теперь глазъ случайнаго наблюдателя. Если, напримѣръ, доискаться до происхожденія татарскихъ пастуховъ на Чатырдагѣ, то въ жилахъ ихъ найдешь, можетъ быть, больше киммерійской, нежели тюркской или монгольской крови.

Крымскіе татары по наружности и занятіямъ представляютъ, въ настоящее время, три степени, довольно рѣзко отличающіяся одна отъ другой; ихъ можно раздѣлить на степныхъ татаръ или ногаевъ, горныхъ татаръ и южнобережныхъ или приморскихъ.

Только въ остаткахъ ногайскаго племени, населяющаго сѣверныя равнины полуострова и уѣзды по ту сторону Перекопскаго перешейка, во всей чистотѣ сохранился монгольской типъ. Здѣсь татары невелики ростомъ и сутуловаты; цвѣтъ лица у нихъ темножелтый, нерѣдко переходящій въ мѣдно-красный; носъ небольшой и почти всегда сплюснутый; скулы сильно выдавшіяся; по большей части темные глаза съужены и косо обращены кверху; уши большія и оттопыренныя; волосы на головѣ черные, борода весьма рѣдкая.

Горные татары, обитающіе на сѣверныхъ склонахъ крымскихъ горъ и въ долинахъ, къ нимъ примыкающихъ, во многомъ отличаются отъ ногайцевъ. Они высоки ростомъ, хорошо сложены, ловки

и сильны; цвѣтъ лица у нихъ болѣе свѣтлый, приближающійся къ цвѣту кавказскаго племени; глаза большіе и темные; волосы и борода густые и черные. Вообще наружность этихъ татаръ красива.

Татары же, живущіе на южномъ берегу Крыма, положительно представляютъ смѣсь тюрко-монгольской съ греческой, а можетъ быть и съ римскою кровью. Кромѣ того, крымскіе татары, какъ извѣстно, покупали себѣ въ жены черкешенокъ, а также похищали полекъ и русскихъ. Эта смѣсь типовъ, столь различныхъ между собой, и послужила къ улучшенію и облагороженію татарской породы въ южномъ Крыму, гдѣ сталкивались болѣе образованныя народности и гдѣ съиздавна поселились высшіе и богатѣйшіе классы татарскаго общества. Южные татары высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; цвѣтъ лица у нихъ смуглый, какъ у всѣхъ южныхъ жителей; лицо овальное, продолговатое и очень пріятное; носъ прямой, нерѣдко римскій или греческій; волосы и глаза совершенно черные. Въ южномъ Крыму попадаются татары и татарки съ такими античноправильными и прекрасными чертами лица, что невозможно на нихъ смотрѣть безъ восхищенія, и ужь, конечно, татарскаго въ нихъ всего меньше.

Вообще, всѣ горные татары—народъ рослый, статный, красивый и, благодаря беззаботной жизни и прекрасному горному воздуху, пользуются отличнымъ здоровьемъ.

Однако же, нельзя сказать того же о татарскихъ женщинахъ. Онѣ чрезвычайно рано старѣются и нерѣдко подвержены свойственнымъ ихъ полу болѣзнямъ. Причины тому лежатъ отчасти въ ихъ безотрадномъ семейномъ положеніи, а главнымъ образомъ въ томъ обстоятельствѣ, далеко не безвредномъ, что всѣ онѣ слишкомъ рано становятся матерями — нерѣдко 13 — 14 лѣтъ Крымскія татарки не вездѣ также отличаются красотою. Правда, чадра ихъ, или головное покрывало, придаетъ всѣмъ имъ нѣкоторую интересность: глаза, любопытствующіе взглянуть сквозь узкую щель чадры, кажут-

ся очень черными и выразительными, но это только кажется; на самомъ же дѣлѣ большинство татарокъ прегрубаго и некрасиваго типа лица. Только въ южномъ Крыму встрѣчаются женщины въ высшей степени красивыя, съ лицомъ совершенно европейскимъ и бѣлымъ; послѣднее зависитъ отчасти отъ того, что онѣ не работаютъ на солнечномъ жару и даже на улицу не выходятъ съ открытомъ лицомъ, почему совсѣмъ не загораютъ.

Характеръ общественной жизни татаръ выражается и въ наружномъ видѣ ихъ деревень. Всѣ татарскія селенія расположены въ лощинахъ; въ этомъ сказывается можетъ быть привычка прежняго степняка-татарина прятаться отъ взоровъ казака. Дома здѣсь не скученные, какъ въ русскихъ селахъ, а разбросаны въ безпорядкѣ и отдѣлены другъ отъ друга если не садомъ, то огородомъ, или просто пустыремъ. Вокругъ деревни, большею частью, примыкая къ самымъ усадьбамъ, лежатъ поля и сѣнокосы. Поля эти, въ свою очередь, обнесены, почти у каждаго хозяина, плетнемъ, а иногда каменною оградою или канавою.

Только въ горахъ, по тѣснотѣ мѣста, дома въ татарскихъ деревняхъ стоятъ не въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга, хотя также разбросаны въ безпорядкѣ. Въ этихъ селеніяхъ низкія татарскія сакли, обыкновенно, плотно примыкаютъ одною стѣною къ горѣ, такъ что, сходя съ послѣдней, можно легко взойти на домъ, совсѣмъ того не замѣчая.

Жилище татарское — сакля — не вездѣ строится одинаково: на южномъ берегу Крыма татары дѣлаютъ себѣ дома изъ грубыхъ полевыхъ камней, смазываютъ ихъ и оштукатуриваютъ глиною. А на сѣверномъ склонѣ горъ, и особенно въ степяхъ, татарскіе дома строятся изъ крупныхъ самодѣльныхъ кирпичей, приготовляемыхъ изъ смѣси глины съ соломою и провяленныхъ въ теченіи 5 или 6 дней на солнцѣ или вѣтрѣ. Вообще постройка сакли незамысловата. Два

работника выводятъ стѣны изъ самодѣльныхъ кирпичей дня въ три. Часто сакли бываютъ плетеныя, тоже обмазанныя глиною.

Всѣ дома татарскіе узки и длинны, и всегда выбѣлены снаружи известью. Крыша только у богатыхъ дѣлается изъ красной черепицы. По большей же части крыши на домахъ плоскія, земляныя, чуть-чуть только покатыя въ одну сторону, для стока дождевой воды. Устроиваются онѣ такъ: на стѣны сакли кладутся плоскія стропила, края которыхъ далеко выступаютъ за внѣшнюю линію стѣнъ. Концы этихъ стропилъ опираются снаружи на тонкіе деревянные стволы, врытые въ землю, на подобіе колоннъ. Стропила накрываютъ плетенкою изъ ивовыхъ вѣтвей, и на эту плетенку насыпаютъ землю съ мелкимъ щебнемъ. По краямъ крыши земля обыкновенно прорастаетъ травою, нерѣдко тутъ красуется и цвѣтокъ; а посрединѣ крыши земля утаптывается и уравнивается посредствомъ инструмента, въ родѣ катка, постоянно находящагося на крышѣ. Тутъ же красуются одинъ или два глиняныхъ шалаша, имѣющихъ видъ бобровой постройки—это татарскія трубы; онѣ дѣлаются изъ ивовой плетенки, хорошо вымазанной и выштукатуренной глиною. Можетъ быть, вслѣдствіе такого устройства трубъ, пожаровъ въ татарскихъ деревняхъ почти никогда не бываетъ.

Крыша у татаръ имѣетъ совсѣмъ иное назначеніе, чѣмъ у насъ. Прежде всего она служитъ сушильнею. Здѣсь всегда можно видѣть бѣлье, плоды, печенья, вывѣшанныя на ней для просушки; сюда же собираются люди для всякаго рода работъ, для разговоровъ; здѣсь же и гостей принимаютъ. Интересный видъ представляютъ, иногда, различныя группы татаръ, расположившихся на крышахъ въ своихъ пестрыхъ и довольно живописныхъ костюмахъ.

Въ окна вставляютъ стекла только самые богатые татары, или живущіе въ сосѣдствѣ съ русскими и нѣмецкими колоніями; у истыхъ же татаръ такихъ затѣй не водится. Они, просто-на-просто, вставляютъ въ окно рѣшетку изъ тонкихъ спицъ и заклеиваютъ ее ма-

сляною бумагою, да иногда вставятъ въ середину этой бумаги маленькое стеклышко, какъ зрачекъ въ глазу: это больше для удовлетворенія любопытства прекраснаго пола. Иногда же окна закрываются просто деревянною задвижкою, что имѣетъ, конечно, нѣсколько мрачный видъ. Но татарамъ и не нужно особеннаго свѣта въ дому: ихъ домашнія занятія несложны и немногочисленны — лежать на войлокѣ.

Дверь сакли всегда обращена на югъ. Порогъ дѣлается очень высокій, а самая дверь — низкая, такъ что для того, чтобы войдти въ домъ, надобно низко нагибаться и высоко поднимать ноги.

Внутри домъ раздѣленъ на три части: прямо противъ входа находится кухня, изъ нея ведутъ двери направо и налѣво, т. е. въ мужскую половину и въ женскую.

Кухня устроивается очень просто. Очага нѣтъ, а огонь разводятъ на хорошо утоптанномъ земляномъ полу; надъ нимъ поднимается *чело* и *тяга*; послѣдняя, постепенно съуживаясь кверху, выходитъ на крышу въ трубу.

Въ комнатѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе печь. Комнатная печь устроивается довольно оригинально. Это шести или восьмисторонняя пирамидка, кверху съуживающаяся и покрытая сверху куполомъ: все это сдѣлано изъ необожженнаго кирпича. Дымовая труба выходитъ въ сторону и соединяется съ кухонною тягою. Куполъ или колпакъ надъ печкою украшается различными фигурами и цвѣтною глиною.

Надъ челомъ печки устроивается выступъ; на немъ, въ видѣ украшенія или для того, чтобы было ближе подъ рукою, кофейникъ изъ желтой мѣди съ крышкою и короткимъ рыльцемъ, на мѣдномъ же подносѣ; вокругъ кофейника чашки, тоже изъ желтой мѣди, съ изогнутыми ручками. Все это очень чисто вычищено и блеститъ какъ золото.

Стѣны комнаты обыкновенно чисто оштукатурены, но у очень

немногихъ выбѣлены, а въ рѣдкихъ случаяхъ размалеваны первобытною живописью, изображающею стволы деревьевъ съ развѣтвленіями, оканчивающимися или козлиною головою, или исполинскою птицею, или какимъ-то необыкновеннымъ плодомъ. Все это очень пестро и ярко, но лишено всякаго вкуса и изящества.

Потолка въ саклѣ вовсе нѣтъ. Чтобы скрыть непривлекательный видъ балокъ и перекладинъ, на нихъ развѣшиваютъ одежду и бѣлье. Для этого употребляется, обыкновенно, весь наличный гардеробъ хозяевъ, не исключая никакой части костюма. На самыхъ же перекладинахъ, поверхъ нихъ, наваленъ разный домашній скарбъ: непочатая кудель, коробъ съ пряжею, связка шерсти, кнуты, веревки, ножи, топоръ и т. п.

Полъ комнаты весь устланъ войлокомъ; на немъ, вдоль стѣны съ полкою, лежатъ подушки, одна на другой, въ видѣ турецкаго дивана. Подушки въ наволочкахъ съ бѣлыми и темными прямолинейными узорами. Сверху онѣ накрыты шерстяною, домотканною коричневою матеріею. Вдоль другихъ стѣнъ поставлены сундуки, голубые и красные, съ черными или бѣлыми желѣзными переплетами; они покрыты сверху такою же матеріею, какъ и подушки, а у очень богатыхъ—дорогими персидскими коврами. У бѣдныхъ совсѣмъ подушки не складываются въ видѣ дивана, а просто лежатъ въ углу, покрытыя ситцевымъ одѣяломъ. У богатыхъ же одѣяла дѣлаются изъ толстой турецкой шелковой матеріи яркихъ цвѣтовъ. Кромѣ подушекъ и сундуковъ, другой мебели въ татарской саклѣ нѣтъ.

На женской половинѣ комната имѣетъ приблизительно тотъ же видъ; только здѣсь красуется, сверхъ того, колыбель, расписанная всевозможными красками—изобрѣтеніе бахчисарайскихъ токарей.

Въ саклѣ татарской постоянно соблюдается чистота и порядокъ; войлокъ, постланный на полу, часто выколачивается и вывѣтривается. Вообще, гдѣ участвуютъ руки и глазъ татарки, тамъ все дѣлается исправно и обстоятельно. Это относится одинаково какъ

къ бѣднымъ, такъ и къ богатымъ татарскимъ семействамъ, съ тою лишь разницею, что у бѣдныхъ всего меньше и все дешевле, и комната только одна — въ правой части сакли, а въ лѣвой — печь и кухня, все-таки отдѣленныя другъ отъ друга перегородкою.

На дворѣ тоже чистота, благодаря немалому участію женщинъ въ устройствѣ и этой части татарскаго обиталища. Дворъ всегда огороженъ или каменною стѣною, или плетнемъ, обмазаннымъ снаружи глиною.

Для скота внутри двора не строятъ ни хлѣвовъ, ни сараевъ, и довольствуются простымъ навѣсомъ, да и тотъ далеко не у всѣхъ имѣется, такъ какъ скотъ большею частью держатъ зимою въ полѣ, на подножномъ корму. Птичники во дворахъ попадаются чаще.

На ночь скотъ вездѣ загоняютъ или во дворъ, или въ особые загоны. Это дѣлается главнымъ образомъ для того, чтобы заготовлять *кизякъ*, которымъ татары отапливаютъ свои сакли.

Въ татарской деревнѣ всегда есть нѣсколько колодцевъ, а у степныхъ татаръ—подлѣ каждаго дома свой колодезь, изъ котораго поднимаютъ воду колесомъ въ бурдюкахъ или кожаныхъ мѣшкахъ.

Татары всегда и все сами строятъ себѣ, равнымъ образомъ — и деревенскія мечети. Мечеть въ деревнѣ стоитъ всегда особнякомъ. Постройка ея незамысловата; она мало чѣмъ отличается отъ обыкновенной сакли, и строится, по большей части, изъ грубаго известковаго камня, съ кровлею изъ красной черепицы. Вмѣсто минаретовъ дѣлаютъ каменную лѣстницу, которая ведетъ къ площадкѣ, часто ничѣмъ неогороженной. Сюда входитъ самъ мулла, или *мазинъ* (такъ называютъ крымскіе татары своихъ муэззиновъ), и пять разъ въ день извѣщаетъ правовѣрныхъ, что часъ молитвы наступилъ. Городскія мечети гораздо красивѣе: ихъ строятъ изъ камня съ рѣзными карнизами. Минаретъ высокій, нерѣдко доходитъ до 7 сажень и оканчивается шпицемъ съ двурогою луною. Аршина на 4 ниже

шпица сдѣланъ балконъ, окружающій шпицъ и на него выходъ изъ башенки минарета.

Крымскіе татары питаютъ замѣтную наклонность къ внѣшнему блеску и роскоши, въ чемъ обнаруживается тѣсное родство ихъ, по качествамъ и свойствамъ натуры, съ востокомъ. Въ этомъ отношеніи они больше имѣютъ сходства съ турками, чѣмъ напримѣръ съ волжскими татарами, стремленіе которыхъ къ востоку скорѣе искусственное, чисто тенденціозное, основанное не на характерѣ народа, а на національныхъ традиціяхъ и преданіяхъ мусульманства. На особенную близость крымскихъ татаръ къ востоку указываетъ также ихъ одежда. Татары одѣваются красиво, иногда даже живописно. Обыкновенный костюмъ крымскаго татарина составляютъ: куртка, широкіе шальвары, стянутые поясомъ, и баранья шапка или красная феска на головѣ.

Куртка шьется изъ особенной турецкой матеріи съ разводами, у богатыхъ—изъ шелковой, а у бѣдныхъ—изъ бумажной. Куртка эта надѣвается сверхъ рубахи, и застегивается спереди металлическими пуговицами, мѣдными или серебряными, а у небогатыхъ—деревянными, обтянутыми тою же матеріей. Рукава куртки дѣлаются узкіе и короткіе; они доходятъ только до локтей и также застегиваются на пуговицы посредствомъ петлей изъ снурковъ. Куртка, сверхъ того, часто бываетъ обшита по воротнику и бортамъ серебряными галунами или золотыми снурками въ нѣсколько рядовъ. Отъ локтей до кисти видны рукава рубашки.

Широкіе шальвары надѣваются сверхъ куртки и у таліи стягиваются поясомъ различной ширины какого нибудь яркаго цвѣта, исключая зеленаго. Зеленый цвѣтъ, какъ преобладающій въ раю Магомета и вслѣдствіе этого почитаемый священнымъ, предоставляется носить только лицамъ высшаго духовенства и прямымъ потомкамъ Магомета.

Шапка весьма изящной формы дѣлается изъ бараньяго мѣха,

вышиною въ одинъ футъ или въ полфута, съ краснымъ, сафьяннымъ или суконнымъ донышкомъ. Фески приготовляются вязанныя, безъ швовъ, съ цѣльнымъ непришитымъ донышкомъ; обыкновенно ихъ перерабатываютъ на фабрикахъ, гдѣ фески и получаютъ такой видъ, какъ будто онѣ сдѣланы были изъ цѣльнаго куска суконной матеріи.

Феску и шапку крымскій татаринъ не снимаетъ даже въ комнатѣ, и разстается съ ними только тогда, когда ложится спать.

Зажиточные татары носятъ шерстяные чулки, въ которыхъ и входятъ въ комнату; сверхъ нихъ надѣваютъ мягкія, желтыя *мешты*—сафьянныя туфли съ острыми, загнутыми къ верху носками; а сверхъ этой первой обуви надѣваютъ еще калоши или кожаные башмаки на желѣзныхъ подковахъ. Низшій классъ носитъ сандаліи, т. е. лапти, сдѣланныя изъ бараньей невыдѣланной кожи; ноги подъ лапоть обертываютъ зимою толстымъ сукномъ, а лѣтомъ—грубымъ полотномъ. Лапоть прикрѣпляется къ ногѣ веревочками или тонкими кожаными ремешками, перевитыми вокругъ ноги крестообразно до самыхъ колѣнъ.

Сверхъ куртки татары надѣваютъ *чекмень*, длинный кафтанъ съ башлыкомъ и очень широкими рукавами; чекмень дѣлается изъ грубаго домашняго сукна коричневаго цвѣта. Татары хлѣбопашцы очень часто употребляютъ этотъ кафтанъ вмѣсто мѣшковъ. Нужно татарину хлѣбныхъ зеренъ или овощей насыпать, онъ скидаетъ съ себя чекмень, связываетъ рукава и полы, насыпаетъ въ этотъ импровизированный мѣшокъ зерна, протыкаетъ подъ узелъ палку и, взваливши себѣ на спину, несетъ куда слѣдуетъ. Зимою, вмѣсто чекменей, татары носятъ тулупы, съ которыми не разстаются въ это время года ни днемъ, ни ночью. Тулупы у нихъ двоякаго рода: одинъ короткій, домашній, по формѣ напоминающей кавалерійскій полушубокъ; другой—дорожный, длинный и широкій.

Татарскихъ мальчиковъ съ четырехлѣтняго возраста одѣваютъ,

какъ взрослыхъ; а до тѣхъ поръ татарченокъ бѣгаетъ въ курточкѣ съ узенькими рукавами, надѣтой сверхъ длинной рубашенки, и въ мохнатой шапкѣ, а иногда съ голой, бритой и синей головенкой гладкой какъ пузырь, на макушкѣ которой развѣвается хохолокъ, словно у краснокожаго индѣйца.

Женскій костюмъ нѣсколько сходенъ съ мужскимъ. Татарки носятъ шерстяныя домотканыя рубашки, съ открытой шеей и съ короткими рукавами до локтей. Сверхъ рубахи надѣваютъ широкіе шальвары, стянутые на поясѣ и собранные на снурокъ у щиколки; отъ колѣнъ до щиколки ихъ обшиваютъ краснымъ кумачемъ. Поверхъ шальваръ надѣваютъ юбку, тоже шерстяную, и передникъ, собственной работы, иногда очень неискусной.

Сверхъ этого надѣваютъ лѣтомъ бешметъ, длинный кафтанъ изъ бумажной матеріи, на пестрой подкладкѣ; онъ доходитъ до колѣнъ и шьется въ обтяжку, съ узкими короткими рукавами, доходящими до локтей. Края его обшиваются галунами или серебряными снурками въ нѣсколько рядовъ. Изъ подъ бешмета виднѣются только концы шальваръ, обшитые кумачемъ и мѣшками падающіе на ступни. Бешметъ стягивается вокругъ таліи серебрянымъ поясомъ, ширина котораго различна, смотря по богатству женщины или дѣвушки. Концы пояса уже, чѣмъ середина, и застегиваются спереди круглою серебряною пряжкою, украшенною гранатами или разноцвѣтными, по большей части поддѣльными, каменьями. Только у самыхъ бѣдныхъ пояса шелковые или льняные. Подъ поясъ на кафтанъ часто надѣваютъ сложенную угломъ цвѣтную шаль такимъ образомъ, что уголъ ея виситъ назади чуть не до пятъ.

Зимою, поверхъ бешмета, надѣваютъ *друбе* — шубку, преимущественно красной или зеленой матеріи, съ стоячимъ воротникомъ, и съ узкими рукавами; длина шубки различна: у молодыхъ — до колѣнъ, а у старыхъ — до пятъ. Рукава этой шубки дѣлаются съ обшлагами, очень красиво вырѣзанными, и украшаются по шву металли-

ческими пуговками; края шубки также обшиваются галуномъ или снурками, а иногда мѣхомъ и широкимъ позументомъ по швамъ.

При выходѣ изъ дома, сверхъ всего надѣваютъ еще *фередже*, суконную накидку, розоваго или зеленаго цвѣта съ короткими рукавами; при недальнихъ отлучкахъ со двора, фередже набрасываютъ на голову, вмѣсто чадры или покрывала.

Обувь женская также нѣсколько разнообразнѣе мужской. Зимою въ комнатѣ татарки носятъ такія же туфли, какъ и мужскіе мешты поверхъ которыхъ при выходѣ надѣваютъ также галоши или *катыры*. Лѣтомъ обуваются въ *терлики*, или папучи — полуботинки съ острыми носками, расшитые золотомъ и серебромъ. Когда на дворѣ грязно, то, кромѣ туфлей и галошъ, носятъ еще деревянные башмаки. Они дѣлаются изъ легкаго дерева, обыкновенно изъ чернаго тополя; прежде всегда вырѣзывается подошва, верхняя сторона которой усаживается гвоздиками, чтобы нога не скользила; подъ передній и задній конецъ подошвы придѣлывается деревянная ножка, дюймовъ въ 6 или 8 вышиною. Къ серединѣ подошвы прибрѣпляется широкій ремень, въ видѣ перехвата, въ который и вставляется нога. Въ этихъ галошахъ можно ходить по глубокой грязи и незапачкать обуви; привычные въ нихъ свободно бѣгаютъ; они только хлябаютъ на ногѣ, но не спадаютъ. Богатыя щеголихи носятъ деревянные башмаки весьма изящной формы, полированные, украшенные рѣзьбою и инкрустаціей изъ перламутра, серебра и разноцвѣтнаго дерева.

Костюмъ дѣвушекъ такой же какъ и у замужнихъ женщинъ, исключая головнаго убора. Замужнія татарки раздѣляютъ волосы на головѣ на обѣ стороны на двѣ пряди, и завертываютъ ихъ на вискахъ въ два пучка, называемые *зелифами*; назади волосы остаются незаплетенными и висятъ по спинѣ расспущенные.

Сверхъ такой прически, женщины носятъ *чалму* изъ длиннаго, аршина въ 4, холщеваго полотенца. Для этого наматываютъ его

крестообразно на голову такъ, что одинъ конецъ виситъ по спинѣ и прикрываетъ распущенные волосы, а другой конецъ обвитъ вокругъ головы и запрятанъ такъ, что не выскальзываетъ, даже при большой работѣ; во весь день головной уборъ татарки остается на мѣстѣ, какъ она не нагибается, какъ ни хлопочетъ.

Дѣвушки же татарскія заплетаютъ волосы на множество тонкихъ косичекъ, иногда очень длинныхъ, и онѣ висятъ у нихъ по плечамъ и по спинѣ. Верхнюю часть головы дѣвушки покрываютъ красно́ю фескою, такою же, какъ у мужчинъ, но красиво убранною. По срединѣ плоскаго донышка пришивается металлическая пуговица, къ которой прйдѣлывается кисть изъ золотыхъ нитокъ или шнурковъ; кисть эта по донышку разсыпается звѣздою. По сторонамъ феска расшита золотомъ, или просто мишурою. По краямъ ея нашиваются червонцы, а у бѣдныхъ бронзовыя или мѣдныя монеты, только серебряныхъ не любятъ; иногда монеты эти не пришиты, а висятъ по краямъ фески нанизанныя на нитки, спускаясь на лобъ и вокругъ всей головы. Дѣвушки особенно щеголяютъ фесками; чѣмъ она наряднѣе, тѣмъ больше чести приноситъ дѣвушкѣ, потому что нарядъ этотъ всегда собственной работы Кромѣ того, дѣвушки носятъ множество золотыхъ или мѣдныхъ монетъ на груди и на шеѣ въ видѣ ожерелья и нагрудника; чѣмъ больше монетъ въ этомъ случаѣ, тѣмъ красивѣе кажется татаркамъ.

Всѣ женщины носятъ также разныя украшенія на рукахъ: серебряныя кольца, браслеты изъ стекляруса или изъ серебрянныхъ нитокъ. Женщины ногайцевъ отличаются въ этомъ случаѣ отъ прочихъ татарокъ тѣмъ, что носятъ тяжелое серебряное кольцо, продѣтое въ лѣвую ноздрю. Татарки южнаго берега и горныя не любятъ такого украшенія.

Всѣ наряды и украшенія татарки предназначаются исключительно для дома, потому что съ 17-тилѣтняго возраста каждая татарка, какъ-бы она ни была наряжена, при выходѣ на улицу непремѣнно долж-

на набросить на себя чадру, по крымски — *маралу* — длинное, бѣлое холщевое покрывало, которое живописно покрываетъ ея стройную фигуру, охватывая весь костюмъ и голову и оставляя отъ лица открытыми только глаза.

Можетъ быть, вслѣдствіе того же тепличнаго прозябанія красоты татарокъ, онѣ охотно прибѣгаютъ, при свойственномъ имъ кокетствѣ и, при неизбѣжномъ въ ихъ положеніи, заслужить . расположеніе мужа, къ самымъ грубымъ косметическимъ средствамъ. Въ комнатѣ, въ особенности такой мрачной, какъ татарская, всякія притиранія, даже топорной работы, не такъ замѣтны, какъ на улицѣ, гдѣ марама даетъ, однако, возможность татаркѣ совершенно прикрывать всѣ ея косметическія продѣлки. Различныя притиранія и крашенія обратились у татарокъ въ какой-то догматъ красоты, безъ котораго не обходится ни одна женщина, какъ бы она ни была красива, сама по себѣ, безъ этихъ аляповатыхъ, и всегда уродующихъ средствъ. У многихъ отъ природы прекрасные черные или темнорусые волосы, но татарка до тѣхъ поръ не примется заплетать ихъ, пока не выкраситъ ихъ въ яркій лисій цвѣтъ. Той же красной краской малюютъ онѣ себѣ ладони, пальцы и ногти на рукахъ и ногахъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ употребляютъ особенную краску — *кну* — порошокъ изъ растенія, приготовляемый на востокѣ. Щеки себѣ татарки бѣлятъ и румянятъ, на лбу кладутъ блескъ, а брови густо сурмятъ, дѣлая при этомъ такого же цвѣта точку на переносицѣ.

Необходимую принадлежность татарскаго костюма, какъ женскаго, такъ и мужскаго, составляютъ также кожаныя сумочки, заключающія въ себѣ серебряные ящички, въ которыхъ, въ свою очередь, спрятаны молитвы, нарочно для каждаго написанныя. Эти сумочки, имѣющія значеніе амулетовъ, мужчины носятъ на особыхъ перевязкахъ на груди, или на спинѣ, а дѣвушки вплетаютъ въ косы. Ни одинъ изъ носящихъ молитву не только не знаетъ ея наизусть,

но и не можетъ ее прочесть; они силу приписываютъ написаннымъ словамъ, а не смыслу ихъ.

О костюмѣ татаръ, равно какъ и о жилищѣ ихъ, нужно вообще замѣтить, что они постоянно содержатъ и то, и другое въ порядкѣ, чистотѣ и опрятности; рѣдко можно увидѣть на татаринѣ разорванное платье, хотя и весьма часто съ заплатами.

Но если татаринъ такъ причудливъ и отчасти даже изященъ въ выборѣ своей внѣшней обстановки, то далеко нельзя сказать того же о взглядахъ татаръ на качества и свойства употребляемой ими пищи. Ни у одной народности нельзя встрѣтить такой невзыскательности, неумѣнья и безвкусія въ приготовленіи пищи, какъ у крымскихъ татаръ. Небрежность и неопрятность играетъ также значительную роль въ дѣлѣ татарской ѣды.

Крымскими татарами употребляются въ пищу слѣдующія кушанья: хлѣбъ, обыкновенно, перекисшій, черезчуръ крутой и дурно выпеченый; *пилавъ* изъ пшена и баранины; *катыкъ*, т. е. скисшееся, свернувшееся и, потомъ прокипяченное, а иногда еще и просоленое молоко, по большей части—овечье, что-то въ родѣ нашего кислаго молока или творогу, но на вкусъ русскихъ совершенно негодное, у крымскихъ же татаръ весьма любимое.

Изрѣдка, въ какихъ-нибудь особенныхъ случахъ, татары приготовляютъ: *шашлыкъ* — жареную на вертелѣ мелкими кусками баранину; *чирчиръ-бурекъ* или *чубурекъ*, т. е. жареные на бараньемъ салѣ пирожки съ начинкой изъ рубленой говядины; *голубцы* въ виноградныхъ листьяхъ, облитые, вмѣсто сметаны, катыкомъ. Самымъ же роскошнымъ блюдомъ считаются щи, сваренныя изъ разныхъ овощей и фруктовъ и изъ различнаго мяса; чѣмъ разноколибернѣе составъ этого удивительнаго блюда, тѣмъ выше оно цѣнится.

Всякое кушанье у татаръ, обыкновенно, переварено и пережарено до-нельзя, и все обильно приправляется бурдючнымъ жиромъ (сало изъ хвоста крымскаго барана), стручковымъ перцемъ, лукомъ и чес-

нокомъ, который татары поглощаютъ въ огромномъ количествѣ, такъ что ихъ одежда и дома насквозь пропитываются острымъ запахомъ этого овоща и нестерпимо разятъ для непривычнаго обонянія.

Мясо татары рѣдко употребляютъ и не имѣютъ обыкновенія солить его. Обыкновенно, они заготовляютъ на зиму: *какачъ*—вяленую на солнцѣ баранину, и *пастырму* — тоже вяленую говядину. Верблюжье мясо всѣ охотно употребляютъ. Конину ѣдятъ только ногайцы и приготовляютъ ее такъ же, какъ дѣлали это еще предки ихъ.

До различныхъ лакомствъ татары, а въ особенности татарки, большіе охотники. Самое высокое и дорогое лакомство для нихъ составляетъ *кайматъ*—жирныя, маслянистыя пѣнки, снимаемыя съ кипяченаго овечьяго молока, во время приготовленія брынзы (овечьяго сыра). Каймакъ или вареныя овечьи сливки ѣдятъ преимущественно застывшія, холодныя, когда онѣ имѣютъ вкусъ сальной свѣчи. Какъ лакомство, употребляютъ также сладкіе пирожки съ начинкой изъ фруктовъ и овощей, а нерѣдко съ молодой крапивой, вареной въ молокѣ. Весьма распространенное лакомство составляетъ также *бекмезъ* — жидкая фруктовая пастила. Но если крымскій татаринъ пожелаетъ полакомиться на-славу, то беретъ ломтикъ хлѣба, макаетъ его сперва въ бекмезъ, потомъ въ каймакъ, затѣмъ въ медъ, въ коровье масло, и, положивъ сверху всего кусочекъ соленаго стручковаго перцу, проглатываетъ эту невообразимую смѣсь съ истиннымъ наслажденіемъ... Татарки, сверхъ того, лакомятся рагатъ-лукумомъ, халвою, изюмомъ и ля-бляблею (сладкимъ горохомъ).

У крымскихъ татаръ существуетъ также много національныхъ напитковъ, преимущественно прохладительныхъ, къ числу которыхъ относится *шербетъ* или *чарденка*—кислый фруктовый отваръ или просто бекмезъ, разбавленный водою, напоминающій фруктовый

квасъ. Самымъ же распространеннымъ прохладительнымъ напиткомъ служитъ *язьма*, это — катыкъ или кислое овечье молоко, разбавленное водою, вслѣдствіе чего получается жидкость ѣдко-кислаго, отвратительнаго, гнилаго вкуса. Не смотря на это, язьма составляетъ любимое питье татаръ, ихъ національный квасъ, и считается самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для утоленія жажды.

Употребленіе вина строго запрещено кораномъ для всѣхъ мусульманъ; но большинство крымскихъ татаръ вполнѣ убѣждено, что водка не есть вино, а потому и пьютъ всѣ хлѣбные хмѣльные напитки не хуже гяуровъ.

Лишь степные татары составляютъ исключеніе въ этомъ случаѣ; они нетолько строго воздерживаются отъ употребленія всякихъ спиртныхъ напитковъ, но считаютъ грѣхомъ даже употребленіе винограда, изъ котораго, однакожъ, сами приготовляютъ вино, которое, впрочемъ, тотчасъ же сбываютъ съ рукъ и продаютъ въ Симферополѣ.

Нужно вообще замѣтить, что крымскіе татары гораздо умѣреннѣе въ употребленіи пищи чѣмъ напитковъ.

Отличительныя черты характера, свойственныя татарамъ всѣхъ трехъ вѣтвей, суть: лукавство, скрытность, лѣнь, безпечность, робость и хвастливость.

Въ частныхъ отношеніяхъ между собою татары донынѣ сохранили патріархальную простоту, уравнивающую, по крайней мѣрѣ наружно, бѣдняка съ богатымъ и знатнаго съ незнатнымъ. Рабочіе кто бы они ни были — все равно, не стѣсняясь, входятъ въ домъ своего хозяина, будь онъ самъ бей, и, отдавъ ему съ обычной важностью привѣтствіе, спокойно садятся, хотя-бы въ присутствіи посторонніхъ посѣтителей, рядомъ съ хозяиномъ (канакъ-беемъ) по турецки на диванъ и съ достоинстомъ ѣдятъ все, что поставлено для гостей.

Но подобная простота нравовъ нисколько не исключаетъ въ средѣ татаръ общественныхъ отношеній, основанныхъ на корысти, на низкопоклонствѣ. Правда, они живутъ въ своихъ деревняхъ, повидимому мирно, безъ ссоръ и дракъ, но дружнаго единенія между ними нѣтъ, и сильнѣйшій всегда стремится подчинить себѣ слабѣйшаго. Эта же черта характеризуетъ и ихъ семейныя отношенія, гдѣ отецъ и мужъ — полновластный владыка надъ женою и дѣтьми.

Татарамъ не чужды понятія правды и добра, но понятія эти слишкомъ темны и узки. Всѣмъ извѣстна честность ихъ между собою; сдѣлки у нихъ заключаются на словахъ, безъ всякихъ письменныхъ обязательствъ. Воръ у нихъ также всѣми презираемъ и есть явленіе очень рѣдкое. Воровство между ними даже совсѣмъ почти не практикуется, такъ что двери въ домахъ остаются постоянно, даже ночью, незапертыми, а зерновой хлѣбъ, зарытый на дворѣ, остается тамъ до употребленія совершенно неприкосновеннымъ. Но въ то же время, человѣкъ, который ловокъ и можетъ болѣе или менѣе тонко всякаго провести и надуть, не только иновѣрца, но и своего брата татарина, пользуется у нихъ всеобщимъ уваженіемъ, какъ дѣлецъ и умница. Поэтому всѣ сельскія власти у нихъ, самимъ же міромъ избираемыя, отъявленные міроѣды и плуты, они же и первые богачи въ деревнѣ.

Понятія татаръ о гостепріимствѣ весьма своеобразны. Гостепріимство оказываютъ они всякому путешественнику, хотя-бы и иновѣрцу, и каждая бездѣлица, принадлежащая гостю, почитается святыней, до которой никто не дотронется. Принимаютъ они гостя радушно; татарка тотчасъ начинаетъ суетиться и хлопотать; приготовляетъ ему постель, сидѣнье; подаетъ трубку и табакъ, а черезъ нѣсколько минутъ появляется и кофе. При этомъ, за свое гостепріимство татары, даже бѣдные, никогда не требуютъ платы; но всѣ одинаково охотно принимаютъ подарки, состоящіе изъ табаку или

денегъ, и отъ нихъ гость почти всегда услышитъ слова: «дай мнѣ то, что ты любишь». Если даже просто побывать на короткое время въ гостяхъ хотя-бы у какого нибудь татарскаго бея, и, за оказанный имъ радушный пріемъ, предложить ему рубль то это нисколько не смутитъ дворянина-мусульманина, а напротивъ — онъ приметъ этотъ рубль съ большимъ удовольствіемъ и даже не безъ достоинства, какъ должную дань уваженія къ его особѣ.

Спокойствіе въ манерахъ и нѣкоторая важность въ движеніяхъ составляютъ вообще отличительную черту крымскаго татарина. Чтобы ни дѣлалъ татаринъ, онъ дѣлаетъ это съ нѣкоторымъ врожденнымъ достоинствомъ; во время молитвы онъ ничѣмъ не отвлекается; войдя въ кофейню, онъ медленно садится, поджавъ ноги, на разостланномъ на полу войлокѣ или коврѣ, держа длинный чубукъ во рту,—и съ важнымъ лицомъ принимается за чашку кофе и пьетъ его малыми глотками, тихо и важно.... Если онъ занимается поденною работою у чужихъ, то и въ этомъ случаѣ работаетъ также спокойно и важно.

Веселость у нихъ проявляется порывами, по большей части только въ минуты отдыха. Тогда всѣ они собираются въ кружокъ, физіономіи ихъ оживляются, слова такъ и сыплются, смѣхъ не умолкаетъ, и идутъ безконечные разговоры о разныхъ предметахъ. Трубка — составляетъ необходимое условіе татарскихъ бесѣдъ, которыя продолжаются иногда нѣсколько часовъ сряду, и даже послѣ долговременной утомительной охоты, не смотря на усталость, они толкуютъ до полуночи. Но лишь только наступитъ часъ работы, говорливость моментально исчезаетъ и смѣняется молчаніемъ, серьезнымъ выраженіемъ лица и медленными, лѣнивыми движеніями.

Можетъ быть, ни въ одной мѣстности въ Россіи не способствуютъ такъ сильно всѣ обстоятельства быстрому развитію промышленности и народного богатства какъ въ Крыму, а между тѣмъ нигдѣ нѣтъ такой поголовной бѣдности какъ между крымскими татарами.

Правда, сѣверная степная часть Крымскаго полуострова немного разнится по своей природѣ и климату вообще отъ нашихъ южныхъ степей; но какъ и послѣднія, она представляетъ всѣ удобства для занятія хлѣбопашествомъ и, въ особенности, скотоводствомъ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Южная же часть Крыма, защищенная горами отъ холодныхъ вѣтровъ сѣвера и открытая благодатнымъ южнымъ вѣтрамъ, приносящимся съ моря, пользуется теплымъ и мягкимъ климатомъ и справедливо можетъ носить названіе «русской Италіи». Здѣсь успѣшно растетъ виноградъ, лавровыя и оливковыя деревья, кипарисы, гранаты, однимъ словомъ — всѣ произведенія Средней Италіи. Проѣзжія дороги идутъ тамъ черезъ фруковые сады и орѣховые лѣса; осенью деревья покрыты зеленью и цвѣты благоухаютъ на открытомъ воздухѣ, а Черное море, съ его прозрачной синевою, круглый годъ не перестаетъ плескаться, ласкаясь къ прекрасному берегу..... Недаромъ этотъ берегъ издавна привлекалъ къ себѣ множество поселенцевъ даже изъ неменѣе роскошныхъ по природѣ странъ Европы.

Къ числу занятій татаръ относятся: садоводство, виноградничество, табаководство, огородничество, скотоводство, а главнымъ образомъ—хлѣбопашество.

Не смотря на всѣ выгоды разведенія въ Крыму плодовъ, овощей и нѣкоторыхъ колоніальныхъ растеній, — татары, по отсутствію предпріимчивости и по унаслѣдованной привычкѣ, предпочитаютъ поддерживать свое существованіе хлѣбопашествомъ. Но и это главное занятіе татаръ находится у нихъ въ самомъ жалкомъ состояніи, хотя климатъ и почва въ высшей степени благопріятствуютъ хлѣбопашеству.

Нечего и говорить, что татары оказываются вполнѣ безномощными противъ такихъ бичей земледѣлія въ Крыму, какъ недостатокъ воды и частыя засухи, саранча, весеннія утренники, болѣзни винограда и т. под. Правда, крымскіе татары, наравнѣ съ турками и

другими восточными народами, могутъ назваться мастерами орошенія и фантановъ. У нихъ можно встрѣтить фонтаны и на дорогахъ, и въ деревняхъ, и даже на горахъ; но все это устроено больше для кейфа мѣстныхъ жителей, а не для хозяйственныхъ потребностей. Земледѣльческій участокъ иного татарина часто обращается въ пустыню отъ недостатка воды, а хозяину его все-таки лѣнь взяться за заступъ. Неудивительно поэтому, что, въ случаѣ засухи, сотни татарскихъ семей въ этомъ благодатномъ краю терпятъ голодуху, не менѣе какихъ-нибудь ирландцевъ.

Садоводствомъ татары занимаются въ рѣдкихъ случаяхъ, не смотря на то, что въ Крыму садъ довольно умѣренныхъ размѣровъ, при одномъ,—двухъ работникахъ, часто даетъ одну,—двѣ тысячи годоваго дохода. Но если татарину удалось обзавестись десяткомъ грецкихъ орѣшинъ, онъ уже не пашетъ и не жнетъ и считаетъ положеніе своего семейства вполнѣ обезпеченнымъ, потому что отъ продажи орѣховъ у него остается достаточно денегъ для удовлетворенія его ничтожныхъ потребностей. Въ существующихъ татарскихъ садахъ ухода за деревьями, разумѣется, нѣтъ никакого.

Огородничество и табаководство также ограниченное и существуетъ только въ предѣлахъ мѣстныхъ потребностей, при томъ же дѣломъ этимъ исключительно занимаются женщины.

На татарскихъ женщинахъ вообще лежатъ всѣ тяжелыя домашнія работы. Жена татарина колетъ дрова, таскаетъ топливо, носитъ воду, ходитъ за скотомъ, гоняетъ его въ поле, прядетъ, ткетъ и шьетъ на себя и всю семью, печетъ хлѣбы и работаетъ не только на мужа, но и на всѣхъ его работниковъ. А мужъ все больше сидитъ, сложивши калачикомъ ноги, да покуриваетъ, и не будь въ домѣ его жена-работница, онъ терпѣлъ-бы нужду въ самомъ необходимомъ. Вообще, крымскій татаринъ не мастеръ зашибить копѣйку и не имѣетъ въ этомъ отношеніи ничего общаго съ своими казанскими и симбирскими единоплеменниками.

Причиной этому, кромѣ вліянія климата, а можетъ быть и близкаго сосѣдства турокъ, служитъ также отсутствіе среди крымскаго населенія дѣятельнаго русскаго элемента. Колонизація Крыма русскими только еще въ зародышѣ. Самая лучшая часть его — южные берега—до сихъ поръ украшались только элегантными дачами русскихъ вельможъ, не преслѣдующихъ, конечно, на первомъ планѣ, экономическихъ цѣлей. Правда, помимо этой колонизаціи, въ Крыму устроено было правительствомъ нѣсколько малороссійскихъ поселеній; но поселенія эти, по своей малочисленности и разобщенности съ русскими, сами стали отчасти подражать татарамъ въ дѣлѣ обработки земли. Впрочемъ, хозяйство русскихъ здѣсь во всякомъ случаѣ гораздо лучше, чѣмъ у татаръ, и это даетъ уже нѣкоторое понятіе о благотворности будущей русской колонизаціи для крымскаго татарскаго населенія

Если ко всему вышесказанному прибавимъ частыя выселенія татаръ въ Турцію и вслѣдствіе этого постепенное уменьшеніе въ Крыму рабочихъ рукъ, — то намъ вполнѣ будетъ понятно жалкое экономическое положеніе «Русской Италіи» и ея мусульманскихъ обитателей.

Скотоводство у крымскихъ татаръ, у этихъ потомковъ знаменитыхъ скотоводовъ-кочевниковъ, находится теперь въ плачевномъ состояніи, не смотря на обиліе пастбищъ въ Крыму и на отличную породу крымскаго скота. Лошади крымскія — часто дорого-цѣнимыя верховые иноходцы; рогатый скотъ некрупный, но крѣпкій, красивый и выносливый; при этомъ, содержаніе лошадей и скота въ Крыму почти ничего не стоитъ при полной возможности держать скотъ круглый годъ на подножномъ корму. Не смотря на все это, большинство татаръ держитъ лошадей и крупнаго скота всего по 2—3 штуки, да овецъ по столько-же.... Большія стада имѣются только у очень богатыхъ татаръ, преимущественно же у русскихъ скотопромышленниковъ.

Изъ татарина, когда-то самостоятельнаго скотовода, выработался теперь особый типъ батрака-пастуха, извѣстный подъ названіемъ «чабана».

Пастушеская жизнь особенно развита среди горныхъ татаръ, и тамъ-то *чабанъ* представляетъ очень распространенный типъ и играетъ чуть-ли не первенствующую роль въ дикихъ ущельяхъ и долинахъ крымскихъ горъ, въ особенности на горѣ Чатырдагѣ. Крымскія горы большею частью состоятъ изъ покрытыхъ травою хребтовъ, называемыхъ татарами «яйлами». И какъ швейцарцы гонятъ весною рогатый скотъ на горы, такъ и татары взбираются съ своими овцами на яйлы и остаются тамъ цѣлое лѣто. На горахъ этихъ пасутся преимущественно овцы, вѣроятно потому, что движеніе по нимъ съ крупнымъ рогатымъ скотомъ неудобно, къ тому же на яйлахъ трава очень короткая, болѣе удобная для овецъ, чѣмъ для крупнаго скота.

Чабаны составляютъ особый классъ—пастуховъ овецъ. Въ южныхъ степяхъ между чабанами можно встрѣтить даже и русскихъ пришельцевъ изъ какой-нибудь Курской губерніи, перенявшихъ этотъ родъ занятія вѣроятно отъ татаръ.

Вслѣдствіе установившагося въ Крыму обычая — держать скотъ и зиму, и лѣто на подножномъ корму, чабаны проводятъ большую часть времени года въ степи или въ горныхъ долинахъ, подъ открытымъ небомъ, вдали отъ жилищъ. Сообразно съ этимъ выработалась и вся ихъ бытовая обстановка. Одѣваются они въ овчинную куртку, въ овчинные штаны, а сверхъ этого носятъ еще овчинный полушубокъ; обуваются въ буйволовые сандаліи, шапки носятъ остроконечныя, бараньи, и глубоко надвигаютъ ихъ на голову. У чабана ножъ за поясомъ, черезъ плечо — широкая черная перевязь, на которой въ черномъ футлярѣ, хранятся молитвы Магомету, молитвы, которыхъ ни одинъ чабанъ не умѣетъ прочесть, но безъ которыхъ ни одинъ изъ нихъ не рискнетъ выйдти на пастбище. Чабаны—это

загорѣлые, закаленные, здоровенные пастухи, одичалые, крайне-суевѣрны, но смѣлые и въ извѣстныхъ случаяхъ — рѣшительные. Они привычны къ особенностямъ степной и горной природы, довольны своимъ образомъ жизни, котораго не оставляютъ въ теченіи многихъ лѣтъ, и отличаются любовью къ овцеводству и своеобразною заботливостью объ овцахъ.

Чабаны не держатъ своихъ стадъ, но нанимаются всегда артелью въ пастухи къ какому-нибудь богатому татарину или русскому скотопромышленнику. Къ стаду въ двѣ тысячи головъ нанимаются обыкновенно пять чабановъ. Одинъ изъ нихъ атаманъ, т. е. староста, другой—кашеваръ. На кашеварѣ лежитъ также обязанность являться, разъ или два въ недѣлю, въ хозяйскую экономію за полученіемъ припасовъ для чабановъ. Если у одного хозяина имѣется нѣсколько *отаръ*, т. е. стадъ овецъ, то чабаны и атаманы каждой отары подчинены главному овчарю, который избирается тоже изъ чабановъ.

Не смотря на спеціальныя качества и преимущества чабана, онъ стоитъ хозяину недорого. При хозяйскихъ харчахъ атаманъ получаетъ въ годъ отъ 40—60 рублей, а прочіе чабаны отъ 30—50 р.; кашеваръ довольствуется 12—20 рублями въ годъ. Если же стадо состоитъ изъ однѣхъ простыхъ овецъ, неулучшенной породы, какъ это бываетъ постоянно у горныхъ татаръ, то плата чабанамъ производится не деньгами, а натурою, и въ этомъ случаѣ они не наемщики, а скорѣе — пайщики хозяина. Вознагражденіе имъ производится слѣдующимъ образомъ: атаманъ получаетъ отъ хозяина, на себя и на чабановъ, два раза въ годъ, по одной овцѣ съ каждыхъ тридцати, и по два пуда муки на каждую сотню овецъ. Разсчетъ этотъ дѣлается 23 апрѣля и 26 октября. Кромѣ того, онъ можетъ готовить себѣ *брынзу*, т. е. овечій сыръ, для чего атаманъ отдѣляетъ отъ стада, въ началѣ августа, отъ 200 — 300 овецъ, пасетъ ихъ отдѣльно двѣ недѣли, для доенія, и готовитъ брынзу на цѣлый годъ для себя и прочихъ чабановъ, отдавая и хозяину извѣстную часть

ея. При подобномъ способѣ вознагражденія, у каждаго чабана накопляется въ годъ отъ 16 до 20 овецъ, которыхъ онъ держитъ при хозяйскомъ стадѣ, а черезъ нѣсколько лѣтъ у него образуется собственное маленькое стадо, которое онъ можетъ отдѣлить отъ хозяйскаго и сдѣлаться самостоятельнымъ скотоводомъ.

При каждомъ стадѣ, управляемомъ чабанами, непремѣнно находится нѣсколько особой породы собакъ-овчарокъ, которыхъ чабаны держатъ на свой счетъ, если получаютъ плату натурою, а если деньгами, то на счетъ хозяина. Собаки эти необыкновенно свирѣпы, на высокихъ ногахъ, поджарыя, лохматыя, съ длинными челюстями, почти всѣ бѣлыя, а глаза словно кровью налитые. Назначеніе ихъ — подгонять къ стаду отставшихъ овецъ, не допускать къ нимъ незнакомыхъ людей и защищать стадо отъ нападенія волковъ, которые появляются въ большомъ количествѣ, въ особенности тогда, когда въ лѣсахъ лежитъ глубокій снѣгъ. Обязанности свои овчарки исполняютъ иногда даже черезчуръ усердно; онѣ страшно злы и сильны, и въ одиночкѣ разрываютъ волка, а при случаѣ и человѣка. Только чабанъ умѣетъ укрощать этихъ свирѣпыхъ псовъ и командовать ими, съ помощью какого-то гоготанья, свиста и энергическихъ словъ.

При движеніи стада къ водопою или обратно, впереди идетъ атаманъ; за нимъ нѣсколько козъ, которыя замѣняютъ собою сигнальную трубу, такъ какъ ревутъ благимъ матомъ при появленіи волка или при видѣ другой какой-нибудь опасности. Овцы глупы, и въ подобныхъ случаяхъ молчатъ, поэтому слѣдуютъ цѣлымъ стадомъ, непосредственно за козами; по сторонамъ стада идутъ прочіе чабаны, а сзади кашеваръ съ собаками и съ парою воловъ, запряженныхъ въ фуру, нагруженную разными припасами, въ числѣ которыхъ находятся: ржаной хлѣбъ, пшено, кукурузная мука, соль, а также—войлокъ, кизякъ, котелокъ для приготовленія пищи, ложки и проч. Впрочемъ, подобныя передвиженія стадъ съ чабанами и ихъ имуществомъ происходятъ только въ степяхъ. Горные же чабаны

живутъ въ шалашахъ, врытыхъ въ землю. Тамъ у нихъ находится и все ихъ обзаведеніе: сырные котлы, овчины, сѣдла, потники, войлоки, съѣстные припасы и прочее. Вокругъ такого шалаша пасутся овцы.

Когда степное стадо останавливается въ полдень, или ночью, кашеваръ съ возомъ помѣщается въ центрѣ отары, а вокругъ ея располагаются чабаны съ собаками, при чемъ, въ жаркое время дня, овцы, по врожденному инстинкту, лежатъ или стоятъ, сбившись въ кучу и наклонивъ голову.

Хорошимъ чабаномъ въ Крыму очень дорожатъ. Нерѣдко въ степи и на горахъ стадамъ угрожаютъ разныя опасности, напримѣръ: пожаръ степи, вьюга и т. п. Въ этихъ-то критическихъ случаяхъ опытный чабанъ и оказывается необходимымъ; тутъ онъ прилагаетъ къ дѣлу всю свою ловкость и знаніе. Огонь на степи въ лѣтнее время при вѣтрѣ распространяется съ такою силою, что легко можетъ обхватить все стадо. Чабанъ, замѣтивъ огонь въ какой-нибудь сторонѣ степи и предвидя опасность, не теряя времени, зажигаетъ противуположное пространство, невдалекѣ отъ стада, по вѣтру, такъ, что въ одно время стадо находится между двумя огнями; затѣмъ, чабанъ, ни мало не медля, перегоняетъ стадо на выжженный имъ участокъ, и этимъ предотвращаетъ опасность: первоначальный огонь, достигнувъ черты убѣжища, изготовленнаго чабаномъ, не можетъ уже проникнуть къ стаду.

Въ зимнее время, въ случаѣ, если поднимется мятель и застигнетъ стадо въ открытой степи, то чабанъ старается, какъ можно скорѣе, загнать отару въ одинъ изъ загоновъ, разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ степи. Загоны эти состоятъ изъ непокрытаго пространства, огороженнаго земляною насыпью. Во все продолженіе вьюги, чабанъ гоняетъ овецъ по загону; этою постоянною бѣготнею овцы предохраняются отъ массы снѣга, падающаго на нихъ, сваливаютъ его на землю и притаптываютъ тотчасъ ногами. Иногда, во

время необыкновенной продолжительной вьюги, овцы натаптываютъ такъ много снѣгу, что подъ конецъ спиною достаютъ до самаго верха земляной насыпи загона, имѣющей высоту двухъ аршинъ. Между тѣмъ стадо спасено.

Чабанамъ извѣстны многія простыя средства леченія овецъ, составляющія обыкновенно ихъ секретъ. Напримѣръ, при укушеніи овцы волкомъ, они раскаляютъ кость и прижигаютъ ею рану. — Иглообразныя сѣмена степныхъ растеній, ковыля и метлицы, часто проникаютъ, чрезъ руно и кожу, въ животъ овецъ, отчего овца болѣетъ, теряетъ аппетитъ и, наконецъ, ежели не будетъ подана помощь, издыхаетъ. Хорошій чабанъ, узнавъ по примѣтамъ причину недуга, прилагаетъ особенное стараніе къ отысканію вкравшихся сѣменъ и, тщательно вынимая ихъ, нерѣдко спасаетъ овцу отъ гибели.

Чабанъ знаетъ въ лицо каждую овцу, каждаго барана; при утренней и вечерней повѣркѣ, онъ, обыкновенно, не считаетъ овецъ, *переглядываетъ* ихъ, и тотчасъ замѣчаетъ, если нѣтъ одной, двухъ, десяти и т. д. Когда наступитъ время сбора овечьяго молока для приготовленія брынзы, чабаны принимаются въ извѣстные часы дня доить овецъ. Съ этою цѣлью чабанъ снимаетъ овчинную куртку, засучиваетъ рукава рубахи по локоть и, пропуская мимо себя овецъ по одиночкѣ, грубо хватаетъ каждую одною рукою за заднія ноги и приподнимаетъ кверху, а другою рукою, сильнымъ нажатіемъ, выдавливаетъ молоко изъ вымени разомъ въ поставленный на землю ушатъ. Занятіе это одинаково мучительно, какъ для овецъ, такъ и для ихъ патроновъ. Во время доенія овецъ съ чабана льется потъ градомъ.

При всей своей грубости въ обращеніи съ овцами, чабаны питаютъ къ нимъ своеобразную привязанность и заботятся о нихъ какъ отцы. Атаманъ наблюдаетъ обыкновенно за всею отарою. Отара, въ свою очередь, дѣлится на групны, какъ полкъ на батальоны, и каж-

дый изъ этихъ второстепенныхъ отрядовъ имѣетъ своего отца-командира. Главный врагъ чабана, недающій ему покоя ни днемъ, ни ночью, — волкъ. Нерѣдко такимъ образомъ является и человѣкъ. Это происходитъ вслѣдствіе своеобразныхъ понятій чабановъ о чести и общественной нравственности. Къ благосостоянію стада своего хозяина, каждый чабанъ считаетъ своею обязанностью относиться съ полнѣйшею добросовѣстностью; но украсть овцу изъ отары другаго владѣльца—признается у нихъ неменьшимъ удальствомъ. Подобнымъ продѣлкамъ много помогаетъ знакомство чабановъ съ порядками въ каждой отарѣ, а также ущелья и трущобы горъ, гдѣ похищенная добыча находитъ себѣ надежный пріютъ; обычай этотъ, вѣроятно, составляетъ остатокъ прежней «баранты» и заставляетъ чабана держать ухо востро противъ своихъ сосѣдей—товарищей по ремеслу.

О правильномъ уходѣ за овцами и объ улучшеніи породы ихъ, между чабанами, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Они сильно заражены предразсудками и привычками, часто препятствующими даже поддержанію стада въ обыкновенномъ его видѣ. Овецъ держатъ въ хлѣвахъ и кормятъ сѣномъ только въ сильную зимнюю мятель или когда степь бываетъ покрыта очень глубокими снѣгами. Въ обыкновенную же погоду, зимою, овцы сами выкапываютъ себѣ кормъ изъ подъ снѣга передними ногами. Чрезъ это надѣются сберечь сѣно, которое, вслѣдствіе степныхъ пожаровъ, истребленія саранчею и дороговизны рабочихъ рукъ, стоитъ иногда очень дорого.

Множество предразсудковъ постоянно отвлекаютъ вниманіе чабановъ отъ болѣе дѣйствительныхъ мѣръ для предотвращенія несчастій. Такъ, по убѣжденію чабана, для предотвращенія грозы, достаточно связать ноги черному волу и, бросивъ его въ грязное болото, уйдти не оглядываясь. Животное это вскорѣ начнетъ ревѣть и умолять пророка о спасеніи; милостивый заступникъ также не замедлитъ, и сейчасъ же появится солнце, и ливень прекратится. Отъ

засухи или бездождія стоитъ только закопать живаго зола, приговаривая, что онъ отдается въ жертву землѣ, требующей у Аллаха воды; если послѣ этого дождь всетаки не пойдетъ, то необходимо закопать еще одного вола, но уже съ двумя хлѣбами, прикрѣпленными къ рогамъ.

Зимою, когда работы полевыя окончены, и у каждаго заводятся лишнія деньженки, общественная жизнь татаръ нѣсколько оживляется. Всю зиму большинство татаръ ровно ничѣмъ не заняты, всю зиму они наслаждаются кейфомъ, водкою и бузою (татарскимъ пивомъ) музыкою и пѣніемъ. Все это они получаютъ за весьма умѣренныя цѣны въ спеціальныхъ по этой части заведеніяхъ—бузнѣ, кофейной и кабакѣ. Татары любятъ общество, любятъ быть въ гостяхъ, убить время въ разговорѣ, но не принимаютъ гостей у себя, поэтому домашніе пиры и бесѣды бываютъ у нихъ только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ-то: во время свадьбы, обрѣзанія, похоронъ и проч. Домъ, въ особенности небогатаго мусульманина. какъ жилище его жены и дочерей, не представляетъ удобства для веселыхъ мужскихъ пирушекъ. Оттого-то татаринъ ищетъ развлеченія внѣ дома, въ общественномъ заведеніи, устроенномъ, обыкновенно, въ азіятскомъ вкусѣ.

Музыкою и пѣніемъ услаждаютъ татаръ цыгане. Татары презираютъ ихъ, какъ падшее племя, въ отношеніи религіозномъ—недоразвитое, половинное (по мнѣнію крымскихъ татаръ, всѣхъ религій въ мірѣ—семьдесятъ семь съ половиною: половинка эта приходится на долю цыганъ), и созданное изъ омерзительнаго вещества, въ противуположность имъ самимъ, слѣпленнымъ изъ чистѣйшей пшеничной муки. Не смотря на это, они охотно слушаютъ цыганскую музыку и пѣніе, и съ полною вѣрою обращаются въ трудныхъ случаяхъ къ ихъ колдуньямъ за совѣтомъ, леченіемъ и ворожбою. Упражняются цыгане больше въ національныхъ татарскихъ пѣсняхъ, и музыка ихъ часто напоминаетъ кошачье мяуканье, не то визгъ по-

росенка. Искуснѣйшіе артисты знакомятъ татаръ и съ европейскою музыкою — польками, кадрилями и проч., составляя изъ всего этого какія-то неслыханныя попури. Инструментовъ немного — свирѣль, скрипка и всеоглушающій барабанъ—дѣло рукъ самихъ виртуозовъ.

Увеселенія татаръ немногосложны. Азартная игра въ карты, борьба и скачки—составляютъ обыкновенное ихъ развлеченіе. Борьбою развлекаются по большой части на свадьбахъ. Публика становится въ кружокъ, посрединѣ помѣщаются два джигита; они наклоняются другъ къ другу и берутъ одинъ другаго за кушаки. Музыка начинаетъ какой нибудь маршъ, и оба джигита начинаютъ переминаться на мѣстѣ, изловчаться, тянуть другъ друга за кушаки, стараясь повалить одинъ другаго и возбуждая тѣмъ неописанный восторгъ въ зрителяхъ. Когда одинъ изъ противниковъ оказывается вдругъ сваленнымъ на землю, взрывъ дикихъ восклицаній привѣтствуетъ побѣдителя.

Скачки для татаръ составляютъ высшее наслажденіе. На губернскія скачки они собираются даже изъ отдаленныхъ городовъ и деревень, заранѣе навѣшивая на своихъ лошадей различныя амулетки, съ цѣлью обезпечить за собою побѣду надъ соперниками. Даже женщинамъ дозволяется бывать на скачкахъ, и онѣ, въ качествѣ зрительницъ, собираются на нихъ во множествѣ, становятся въ бѣлыхъ марамахъ гдѣ нибудь поодаль, въ длинную шеренгу, представляя изъ себя какъ бы сплошную линію полотна.

Для горныхъ татарокъ во время различныхъ праздествъ самое любимое удовольствіе составляютъ качели и танцы.

Танцы производятся по большей части подъ національную татарскую музыку, состоящую изъ *сазы* (скрипки), *зурны* (свирѣли) *дире* (бубенъ) и турецкаго барабана. Сазы или скрипки—трехструнныя; во время игры ихъ упираютъ не въ подбородокъ, а на колѣно, и пилятъ на нихъ смычкомъ собственнаго издѣлія.

Иногда крымскіе татары пляшутъ и подъ пѣніе, въ особенности

подъ любимую свою пѣсню «Варылячъ» Танцамъ ихъ нужно отдать полную справедливость—одно на искуснаго плясуна-джигита стоитъ всего татарскаго музыкальнаго репертуара. Ничего живѣе, выразительнѣе и граціознѣе этого танца не встрѣтить ни у одной народности и въ предѣлахъ Россіи. Пляска татаръ чисто мимическая и исполняется скорѣе общими положеніями тѣла и движеніями рукъ, чѣмъ ногами.

Дѣти съ восьмилѣтняго возраста, какъ мальчики такъ и дѣвочки, также участвуютъ въ танцахъ; но замужнимъ женщинамъ пляски дозволены только до сорокалѣтняго возраста. Танцы татаръ исполняются, подобно европейскимъ, сообразно съ переходами мелодіи; но у татаръ мужчины никогда не пляшутъ вмѣстѣ съ женщинами, и въ этомъ состоитъ огромное различіе ихъ танца отъ европейскаго.

Пѣснями татары крымскіе чрезвычайно бѣдны. Время богатства и блеска восточной поэзіи у крымскихъ мусульманъ уже прошло, и это доказывается бѣдными остатками стихотвореній, которыя до сихъ поръ живутъ въ народѣ, но едва заслуживаютъ названія поэзіи. Въ свободное время татары занимаются больше разсказами о *джинахъ* злыхъ духахъ, каковы напримѣръ: *обуры* (вѣдьмы), *дивы* (духи гиганты), *пери* (нѣжныя и прекрасныя женщины), *мюнкиръ-венекиры* (вызыватели мертвыхъ) и проч.

Между крымскими татарами существуетъ также множество разныхъ легендъ и преданій о богатыряхъ разбойникахъ и кладахъ. Крымскій полуостровъ весьма богатъ замѣчательными явленіями природы, какъ напримѣръ таинственными горными пещерами, оврагами и горами, поражающими чрезвычайно прихотливою формою своихъ частей и игрою природы въ ихъ общемъ расположеніи; не менѣе богатъ Крымъ и памятниками искусства—древними замѣчательными монументами, развалинами храмовъ и башенъ, гробницами усопшихъ татарскихъ шейховъ, составляющихъ теперь, подъ названіемъ *азизовъ*, святыню для евпаторійскихъ татаръ, съ особеннымъ благовѣніемъ

относящихся къ ихъ могиламъ. Все это нашло себѣ различное толкованіе въ безчисленныхъ легендахъ, преданіяхъ и повѣрьяхъ.

Содержаніе же собственно пѣсенъ у крымскихъ татаръ весьма бѣдно, да онѣ и малочисленны. Напѣвъ ихъ чрезвычайно монотонный, тягучій, изрѣдка переходящій въ размѣръ болѣе оживленный.

Между пѣснями про славный Бахчисарай, про любовь и разныя житейскія радости, обращаютъ на себя особенное вниманіе грустныя обращенія къ родинѣ, сложенныя въ позднѣйшее время татарами, выселившимися въ крымскую камманію въ предѣлы Турціи. Пѣсни эти почему-то весьма распространены между теперешними обитателями Крыма—собратами выселившихся; содержаніе этихъ пѣсень исполнено слезъ и жалобъ на горькое житье-бытье на чужбинѣ.

Крымскіе татары, исповѣдуя одинаковую съ волжскими татарами магометанскую вѣру суннитскаго толка, и строго соблюдая чисто обрядовую сторону этой религіи, многихъ положеній корана все-таки не соблюдаютъ или же толкуютъ превратно. Причиной этому служитъ отчасти малое знакомство ихъ съ кораномъ, что объясняется, въ свою очередь, безграмотностью. Въ этомъ отношеніи крымскіе татары никакъ не могутъ идти въ сравненіе съ волжскими татарами, у которыхъ безграмотность считается позоромъ для истиннаго мусульманина и между которыми грамотность распространена почти поголовно, даже въ средѣ деревенскихъ жителей и женщинъ. У крымскихъ же татаръ грамотные очень рѣдки.

Правда, публичныхъ школъ въ Крыму не имѣется, но за то, по мусульманскому обычаю, при каждой мечети мулла обязанъ, за извѣстное умѣренное вознагражденіе, обучать всякаго желающаго, хотя бы и взрослаго, татарской грамотѣ, корану и арабскому языку, какъ это дѣлается у казанскихъ татаръ. Въ Крыму же этотъ обычай если и практикуются, то въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Причиной тому служитъ отчасти бѣдность крымскаго татарина. Изъ трехъ-че-

тырехъ крымскихъ деревень, развѣ одинъ только татаринъ въ состояніи платить муллѣ за обученіе своихъ сыновей,—и въ этомъ случаѣ отдаютъ на выучку муллѣ обыкновенно 13-ти лѣтнихъ мальчиковъ, а до того времени говорятъ: «дитя молодъ и неразуменъ».

Отъ природы татары очень любопытны; если ихъ поразитъ что-нибудь новое, небывалое, они до тѣхъ поръ не успокоиваются, пока не узнаютъ того, чего знать хотятъ. Это могло бы еще служить для нихъ одной изъ побудительныхъ причинъ выйдти изъ обычной лѣнивой неподвижности и равнодушія; но за отсутствіемъ всякихъ другихъ благопріятныхъ условій, и эта способность глохнетъ въ татарахъ.

Даже муллы, для которыхъ было бы во всѣхъ отношеніяхъ выгодно развитіе среди татаръ охоты къ ученію, и они немного дѣлаютъ въ этомъ отношеніи. Мусульманское духовенство въ Крыму, вообще, имѣетъ слабое вліяніе на своихъ прихожанъ. Муллы выбираются изъ среды самой паствы, и выбираются далеко не вслѣдствіе ихъ особенной набожности или благочестія, а также и не за хорошія познанія, въ которыхъ большинство муллъ смыслитъ небольше самаго послѣдняго пастуха-татарина. Можетъ быть поэтому татары въ южномъ Крыму довольно равнодушны къ религіи и не отличаются ни фанатизмомъ, ни нетерпимостью къ другимъ вѣроисповѣданіямъ. Въ южный Крымъ время отъ времени пробираются изъ Турціи разные подозрительные миссіонеры съ цѣлію поддерживать въ татарахъ исламъ, возбуждать въ нихъ фанатизмъ и, между прочимъ, собирать съ нихъ деньги на какое-то, якобы религіозное дѣло... При этомъ нерѣдко случается, что татары, вмѣсто почетнаго пріема и приношеній, которыя, пожалуй, навлекли бы на нихъ бѣду, преспокойно перевязываютъ пришельцевъ и, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, отправляютъ ихъ въ станъ...

Не смотря на скромную роль духовенства въ средѣ крымскихъ мусульманъ и на его, въ сущности, ничтожную дѣятельность на пользу

интересовъ мѣстнаго населенія, крымскіе муллы все-таки не церемонятся съ правовѣрными и дѣлаютъ съ своихъ прихожанъ весьма значительные поборы. Можетъ быть никакое духовенство въ мірѣ не получаетъ такого большаго содержанія, какъ крымскіе муллы.

Духовенство при каждой мечети въ Крыму составляютъ, обыкновенно, слѣдующія лица: *хатимъ* (кіятибъ), *имамъ* и *мазинъ* (муэзинъ). Имамы или муллы отличаются отъ остальныхъ правовѣрныхъ покроемъ свой одежды. Муллы опоясываютъ шальвары поясомъ зеленаго цвѣта; по верхъ всего носятъ синіе, или голубые плащи съ стоячимъ воротникомъ. Голову покрываютъ бѣлою чалмою, а *хаджи-муллы*, т. е. муллы побывавшіе въ Меккѣ и удостоившіяся поклониться священной каабѣ, носятъ чалму зеленаго цвѣта. Нужно кстати замѣтить, что заповѣдь о посѣщеніи Мекки и Медины, обязательная для всякаго мусульманина, исполняется въ Крыму почти однимъ только духовенствомъ, такъ какъ дороговизна путешествія въ Аравію, по карману развѣ только мулламъ, а отнюдь не такимъ бѣднымъ мусульманамъ какъ крымскіе татары-хлѣбопашцы, которымъ и мечтать о Меккѣ не приходится.

Источникомъ содержанія крымскаго духовенства служатъ слѣдующія доходныя статьи: во 1-хъ, *вакуфы*, или вакуфныя земли т. е. принадлежащія духовенству. Вакуфовъ считается въ Крыму до 30 тысячъ десятинъ, предоставленныхъ въ полное владѣніе духовенства.

Во 2-хъ, ишуръ, т. е. десятая часть всякаго дохода, которая должна быть отдаваема, по корану, въ пользу бѣдныхъ и духовенства; подать эта, главнымъ образомъ, поступаетъ, конечно въ пользу духовенства, такъ какъ проходитъ прежде всего чрезъ его руки и вносится плательщиками—зажиточными татарами—весьма исправно, хотя и не безъ остроумныхъ оговорокъ.

Въ 3-хъ, *зіакетъ*, или подать, отдаваемая по предписанію корана, въ пользу бѣдныхъ и духовенства въ видѣ извѣстнаго про-

цента съ движимаго имущества: со всего денежнаго наличнаго капитала, цѣнныхъ вещей, рогатаго скота, верблюдовъ и лошадей. Червонцы, украшающіе фески и грудь татарскихъ дѣвушекъ, также не изъяты отъ этой подати.

Въ 4-хъ *фитыръ* — подать, взимаемая, по предписанію корана, опять въ пользу бѣдныхъ и духовенства съ каждой мусульманской души обязательно, по большей части натурою: съ наиболѣе богатыхъ — финиками, съ остальныхъ — изюмомъ, пшеницей и даже ячменемъ. Опрѣдѣленные размѣры-фитыра — 48 фунтовъ.

Въ 5-хъ, доходы отъ курбанъ-байрама, — праздника, справляемаго въ 70-й день послѣ перваго байрама. Доходы эти состоятъ изъ остатковъ жертвенныхъ животныхъ, приносимыхъ утромъ въ первый день курбанъ-байрама. Всякій хозяинъ долженъ принести въ этотъ день за каждую живую душу своего семейства барана или овцу; даже для бѣдныхъ обязательно въ настоящемъ случаѣ принесеніе жертвы, съ тою лишь льготою, что семеро бѣдныхъ могутъ, сложившись вмѣстѣ, принести одно крупное животное — корову или лошадь. Едва-ли не большая часть мяса и кожъ всѣхъ жертвенныхъ животныхъ идетъ въ пользу духовенства, меньшая-же бѣднымъ, хотя по закону вся предназначается для бѣдныхъ. — Въ настоящее время кожи иногда сами хозяева продаютъ, но часть вырученныхъ денегъ отдается все-таки духовенству; такъ что, по вычисленію нѣкоторыхъ изслѣдователей быта крымскихъ муллъ, курбанъ-байрамъ даетъ духовенству по крайней мѣрѣ 20,000 руб. въ годъ, если принять во вниманіе количество мусульманскаго населенія въ Крыму и положить на долю духовенства только половину всѣхъ кожъ животныхъ, приносимыхъ въ день курбанъ-байрама.

Присоединивши къ означеннымъ статьямъ дохода духовенства плату за разныя требы, какъ-то: обрѣзаніе, заключеніе браковъ, похороны, отчитываніе больныхъ, что въ большомъ ходу у крымскихъ татаръ, и проч., получимъ въ результатѣ, во всякомъ случаѣ, до-

вольно почтенную цифру доходовъ крымскихъ муллъ. Объяснить такое обиліе источниковъ содержанія крымскаго духовенства не трудно: въ прежнее время, большая часть вышеозначенныхъ податей и налоговъ, не смотря на предписанія корана, шла въ пользу крымскихъ хановъ, а съ уничтоженіемъ ихъ, подати эти естественно перешли почти цѣликомъ въ руки ловкихъ муллъ и муфтіевъ.

Религіозные обряды и празднества у крымскихъ татаръ совершенно одинаковы съ тѣми, что у волжскихъ татаръ; поэтому распространяться о нихъ въ настоящемъ очеркѣ было бы излишне. Семейные же обряды и обычаи крымскихъ татаръ довольно своеобразны и носятъ на себѣ чисто мѣстной отпечатокъ.

Послѣдствія всякаго варварскаго быта обрушиваются прежде всего едва ли не на женщинъ, въ особенности въ мусульманскомъ мірѣ. Женщина всегда и вездѣ первая несетъ на себѣ всѣ невыгоды умственной неразвитости и дикости народа; такъ и въ средѣ крымскихъ татаръ, до сихъ поръ остающихся, вслѣдствіе различныхъ неблагопріятныхъ условій, на степени развитія какого нибудь полукочеваго народа. Въ особенности варварскіе обычаи сопровождаютъ роды татарки, на которые приглашается, какъ и вездѣ, повивальная бабка. Роженицу держатъ, обыкновенно, подъ лоханкой, и притомъ постоянно въ сидячемъ положеніи. Сверхъ того, повивальная бабка считаетъ непремѣннымъ долгомъ постоянно встряхивать ее — съ благой цѣлью, разумѣется облегчить и ускорить разрѣшеніе. Усердіе этой бабки простирается часто до того, что она привязываетъ подъ мышки несчастную страдалицу къ потолку и дергаетъ ее снизу вверхъ, что есть мочи.... Неудивительно, что многія не выдерживаютъ этой звѣрской операціи и на ней же испускаютъ духъ.

Зато любовь татарки къ своимъ дѣтямъ не знаетъ границъ; любовь эта, впрочемъ, чаще всего выражается въ разныхъ примѣтахъ. Суевѣрныя до крайности, вѣрующія, что и вѣдьмы враждуютъ про-

тивъ дѣтей, и злой духъ немилостивъ къ нимъ, и человѣкъ можетъ сглазить ихъ на смерть,—татарки со дня рожденія обвѣшиваютъ своихъ дѣтей разнаго рода молитвами, зашитыми въ вощанкахъ, амулетками и другаго рода предметами, въ родѣ синихъ бусъ, змѣиныхъ головокъ, клещей отъ морскаго рака, мѣдныхъ монетъ и т. п. въ полномъ убѣжденіи отклонить этими средствами вліяніе враждебныхъ силъ.

Замѣчательно, что между татарскими мальчиками въ Крыму многіе остаются необрѣзанными, единственно по той причинѣ, что отцы ихъ, по бѣдности, не въ состояніи сдѣлать приличный *синетъ-той* (свадьбу обрѣзанья), а исполнить важнѣйшій догматъ религіи безъ приличнаго угощенія почти ничего не значитъ. Поэтому, нѣкоторые татары запаздываютъ съ обрѣзаньемъ лѣтъ до 30, и такихъ наберется, можетъ быть, не одна тысяча. Исходъ изъ такого непріятнаго положенія получается отчасти въ слѣдующемъ обычаѣ: на обрядъ обрѣзанья дѣтей богатыхъ мусульманъ собирается, обыкновенно большое число мальчиковъ, неимѣющихъ отцовъ, а также и взрослыхъ бѣдныхъ, гдѣ всѣ они и получаютъ обрѣзаніе, такъ сказать въ счетъ угощенія отъ конакъ-бая (хозяина дома). На пирахъ этихъ присутствуютъ, обыкновенно, родственники и знакомые хозяина, мулла, читающій во время обряда молитвы, и цюрульникъ, совершающій самое обрѣзаніе. Но, не смотря на щедрое содѣйствіе богатыхъ людей, многіе татары въ Крыму такъ и умираютъ необрѣзанными, избѣгая въ зрѣломъ возрастѣ подвергать себя этой мучительной операціи. Въ этомъ случаѣ, мулла при погребеніи тѣла мусульманина, умершаго безъ выполненія столь важнаго обряда, обязанъ поломать покойнику на рукахъ и на ногахъ мизинцы для того, чтобы на томъ свѣтѣ онъ былъ узнанъ и принятъ какъ мусульманинъ.

Особенный отпечатокъ на семейную жизнь мусульманъ кладетъ постановленіе корана о бракѣ. По корану, всякій мусульманинъ можетъ имѣть четырехъ законныхъ женъ, хотя зажиточные татары и

муллы почему-то предпочитаютъ этому числу цифру семь. Большинство же крымскихъ татаръ, какъ это бываетъ и у всѣхъ другихъ мусульманъ, женится по недостатку средствъ только на двухъ, а многіе и на одной. Для такихъ бѣдняковъ какъ крымскіе татары, въ отношеніи къ многоженству особенно стѣснителенъ всеобщій мусульманскій обычай, по которому каждая жена должна имѣть особую комнату и особой столъ, приготовляемый ею самою, что доступно, разумѣется, только для болѣе или менѣе зажиточныхъ людей.

Татары рѣдко женятся ранѣе 30 лѣтняго возраста; дѣвушки же татарскія выходятъ замужъ гораздо раньше, иногда 15 и даже 13 лѣтъ. Отецъ выдаетъ свою дочь замужъ, не спрашивая на то ея согласія, и нерѣдко за человѣка, котораго та и въ глаза не видала до свадьбы. Женихъ, какъ и у волжскихъ татаръ, вноситъ за невѣсту ея родителямъ калымъ или выкупъ. Размѣры калыма колеблются между 25 и 1,000 руб., иногда выкупъ уплачивается скотомъ или вещами. Калымъ играетъ въ Крыму особенную роль, благодаря тому обстоятельству, что здѣшніе татары, отчасти по бѣдности, отчасти по врожденному отвращенію къ труду, не особенно гнушаются экстраординарными средствами къ пропитанію. Наиболѣе недостаточные родители охотно выдаютъ своихъ дочерей за богатыхъ, но завѣдомо порочныхъ и ненадежныхъ въ отношеніи къ жизни людей, когда судьба просватанной дѣвушки, при извѣстной легкости развода у мусульманъ, уже рѣшена, лишь бы только на этотъ разъ получить за нее побольше выкупу. Этой спекуляціей чадолюбивые родители поправляютъ свое состояніе....

Со своей стороны невѣста приноситъ въ даръ жениху около 20 вышитыхъ платковъ. Вышитые платки—это важная часть приданаго; женихъ очень часто условливается заранѣе, сколько платковъ невѣста приготовитъ къ свадьбѣ. Во все время идутъ переговоры о калымѣ, что иногда длится цѣлый годъ, невѣста только и дѣлаетъ, что вышиваетъ съ своими подругами платки и полотенца.

Случается иногда, что назначенный родителями невѣсты выкупъ бываетъ такъ великъ, что жениху нѣтъ возможности выплатить его. Тогда онъ чрезъ знакомую или родственницу заранѣе условливается съ невѣстой, подъѣзжаетъ къ назначенному мѣсту, сажаетъ съ собою на лошадь и вмѣстѣ съ нею скачетъ прочь. При этомъ считается необходимымъ, чтобы она закричала раза три и звала на помощь.

На слѣдующій же день женихъ является къ отцу, снова возобновляетъ съ нимъ переговоры о выкупѣ, которые, обыкновнно, очень скоро оканчиваются къ полному удовольствію жениха, вслѣдъ затѣмъ является мулла для прочтенія молитвъ, и бракъ считается законнымъ.

Обрядъ заключенія брака у крымскихъ татаръ тотъ же, что и у волжскихъ, при чемъ характеристическимъ явленіемъ служитъ то обстоятельство, что не только вся процедура сватовства, но и самый обрядъ бракосочетынія происходитъ въ отсутствіи невѣсты.

Передъ началомъ свадебнаго торжества, въ домѣ, гдѣ долженъ происходить пиръ, моютъ, чистятъ, бѣлятъ и устанавливаютъ вещи въ порядокъ. Стѣны сакли украшаются вышитыми платками, войлоки разстилаются вездѣ новые, на подушки надѣваются новыя наволочки; все получаетъ праздничный видъ. Торжество начинается, обыкновенно съ вечера какого-нибудь дня, и длится сутокъ трое, непрерывно, а иногда дольше недѣли, съ перерывомъ на одинъ только субботній день. Гости раздѣлются на три группы — пожилыхъ мужчинъ, юношей и женщинъ, пирущихъ каждая въ отдѣльнымъ домѣ, а иногда въ нѣсколькихъ домахъ. Женихъ прощается съ холостой жизнью въ кругу своихъ товарищей, а невѣста въ кругу подругъ. Каждой группой избирается свой распорядитель, распоряжающійся музыкой и угощеніемъ. На немъ же лежитъ еще одна очень важная обязанность: онъ собираетъ съ гостей приношенія въ пользу новобрачныхъ. Размѣръ этихъ приношеній назначается имъ же самимъ, и горе тому гостю, который отказался-бы почему либо въ точности

исполнить это требованіе! Съ такимъ вольнодумцемъ распорядятся какъ на большой дорогѣ: если нѣтъ при немъ денегъ, снимутъ съ него всю одежду и, въ заключеніе, выгонятъ съ позоромъ изъ собранія. Цифра этой своеобразной пошлины бываетъ иногда довольно солидная—рублей 50 и болѣе съ каждаго гостя! Впрочемъ, размѣръ ея всегда соглашается съ состояніемъ новобрачныхъ и нисходитъ для бѣдныхъ до одного рубля и даже до полтинника. Подобные поборы за угощеніе въ пользу хозяевъ происходятъ не на однихъ только свадебныхъ пирахъ, но и на другихъ семейныхъ торжествахъ, какъ напримѣръ—по случаю обрѣзанія и т. под.

Когда гости собрались, ихъ подчуютъ кофемъ; музыканты начинаютъ свои убійственныя экзерциціи. Пожилые мужчины курятъ и бесѣдуютъ, развалившись на подушкахъ, а молодежъ—пляшетъ, исключая молодыхъ, которые обязаны въ теченіи всѣхъ долгихъ дней свадьбы сидѣть неподвижно въ углу — женихъ, храня глубчайшее молчаніе, невѣста безпрерывно — воя.... Въ такомъ порядкѣ время проходитъ до ужина, подаваемаго не ранѣе ночи. Гости, невидѣвшіе во весь вечеръ ничего, кромѣ кофе, накидываются на ужинъ какъ голодные волки. Послѣ ужина является, наконецъ, буза и водка, и тогда-то начинается ужь настоящій пиръ; вино (хлѣбное, а не виноградное) льется рѣкою, дымъ отъ трубокъ стоитъ въ саклѣ столбомъ. Пиръ кончается, обыкновенно, тѣмъ, что всѣ гости, мертвецки напившись, валятся съ ногъ и часто тутъ же засыпаютъ.

На слѣдующій день снова повторяется тоже, опять объяденіе, куреніе табаку и пьянство, и такъ до послѣдняго дня свадьбы, когда въ домъ жениха прявозятъ наконецъ невѣсту.

Гости жениха выѣзжаютъ ей на встрѣчу верхами и лишь только завидятъ маджару съ невѣстой, тотчасъ же вся кавалькада несется впередъ. Тутъ начинается настоящая джигитовка. Нѣкоторые изъ всадниковъ, желая показать свое искусство въ верховой ѣздѣ, бросаютъ поводья, ударяютъ ногайкой по лошади и, припавъ къ лукѣ,

съ гиканьемъ мчатся по дорогѣ. Никто не хочетъ отставать, и потому скачка бываетъ самая отчаянная.

Между тѣмъ на встрѣчу имъ подвигается маджара съ невѣстой; передъ нею ѣдутъ верхами два молодые джигита рядомъ, держа въ рукахъ длинные шесты, между которыми растянута шаль или огромный платокъ, прикрѣпленный двумя противоположными краями къ верхнимъ концамъ двухъ шестовъ. Поѣздъ невѣсты состоитъ часто изъ нѣсколькихъ маджаръ; въ переднихъ сидятъ старухи — родственницы невѣсты, а сама невѣста—въ послѣдней.

Всадники во всю скачь подлетаютъ къ маджарамъ, откуда старухи костлявыми руками помахиваютъ пестрыми, бумажными платками. Лучшіе и искуснѣйшіе изъ наѣздниковъ, первые прискакавшіе къ мѣсту, получаютъ изъ рукъ старухъ по платку. Счастливцы тотчасъ-же привязываютъ подарки къ лошадинымъ уздамъ, и снова начинается скачка, еще отчаяннѣе первой. За счастливцами гонятся остальные поѣзжане, стараясь отнять у нихъ платки; при этомъ не жалѣютъ ни лошадей, ни собственной головы. Нѣкоторые увертываются съ такой отвагой и такимъ искусствомъ, что успѣваютъ отбиваться отъ погони, и, доскакавъ до выѣзда въ деревню, мгновенно спрыгиваютъ съ коней и съ торжествомъ показываютъ платокъ. Тутъ дарятъ имъ еще платокъ, часто вышитый самою невѣстою. Но эта награда рѣдко кому достается, такъ какъ татары всѣ отличные наѣздники и уберечься отъ погони трудно.

При въѣздѣ въ деревню, къ поѣзду присоединяются музыканты, до тѣхъ поръ игравшіе въ домѣ жениха. Поѣздъ двигается по деревнѣ шагомъ, впереди идутъ музыканты, съ барабаномъ, скрипкой и зурнами (свирѣлями). Подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и звуковъ музыки, поѣзжане и сами музыканты приходятъ по временамъ въ экстазъ и оглашаютъ воздухъ дикимъ взвизгиваніемъ....

У первыхъ же домовъ деревни жители устраиваютъ для поѣзда баррикаду: кладутъ бревно, поливаютъ маджару, и изъ за нея

встрѣчаютъ поѣзжанъ ружейными и пистолетными выстрѣлами. Тогда начинаются переговоры съ засадою. Выходятъ оттуда парламентеры и объявляютъ, что пропуску нѣтъ, развѣ заплатятъ 500 рублей. Обѣ стороны нѣсколько времени торгуются, прибавляютъ уступаютъ, и, наконецъ, дѣло кончается тѣмъ, что пропускаютъ за 5 рублей. По дорогѣ еще встрѣчаются остановки, но здѣсь отдѣлываются гораздо дешевле нѣсколькими копѣйками.

Маджара съ невѣстой подъѣзжаетъ, наконецъ, къ самому дому жениха и останавливается какъ можно ближе къ низенькой двери сакли. Предъ этимъ изъ дому всѣ мужчины уходятъ и становятся поодаль отъ маджары; нѣкоторые даже обертываются къ ней спиной, чтобы не видѣть невѣсты. Молодые джигиты, ѣхавшіе впереди маджары съ платкомъ на шестахъ, передаютъ его женщинамъ и тоже отходятъ въ сторону. За то старухи начинаютъ ужасно суетиться; онѣ переговариваются, условливаются, мечутся въ маджарѣ, и разстилаютъ въ ней платокъ, полученный отъ джигитовъ; послѣ этого невѣста, закутанная съ головы до ногъ въ *мараму* или бѣлое покрывало, медленно поднимается въ маджарѣ и ложится на разостланныя для нея носилки. Старухи сейчасъ же берутъ платокъ за всѣ края и поднимаютъ его вмѣстѣ съ невѣстою. Сходя съ телѣги хилыя и неловкія старушенки нерѣдко падаютъ вмѣстѣ съ своей драгоцѣнной ношею, при чемъ невѣста получаетъ иногда значительные ушибы, стукаясь головой объ колесо или о землю; но ничто не можетъ заставить старухъ отказаться отъ ихъ права внести невѣсту въ домъ жениха.

Когда невѣста внесена, такимъ образомъ, на женскую половину сакли, всѣ мужчины опять входятъ въ домъ, и снова начинается музыка, угощеніе и пиръ до полуночи.

Положеніе женщины въ татарской семьѣ — самое безотрадное. Мы уже видѣли, что татары взваливаютъ на своихъ женъ самыя тяжелыя домашнія работы. Помимо этого, они держатъ ихъ въ со-

вершенномъ отчужденіи отъ всего свѣта. Войдти въ саклю татарина можно только въ присутствіи хозяина; если же его нѣтъ дома, то надобно посидѣть или у воротъ, или у входа въ домъ, дожидаясь его возвращенія. При появленіи же чужаго мужчины въ самой саклѣ, хотя-бы и въ присутствіи хозяина, женщины тотчасъ же уходятъ на свою половину, или за неимѣніемъ ея въ кухню. Для прислуживанья гостю остается одна только старуха. Нужно ужь быть близко знакомымъ съ татариномъ, чтобы жена и дочери его не убѣгали отъ гостя и даже прислуживали ему; но никогда все-таки онѣ не вступятъ съ нимъ въ разговоры. Таково отношеніе татарскихъ женщинъ къ постороннимъ мужчинамъ, все равно—къ гяурамъ, или правовѣрнымъ. Только въ байрамъ Новаго года (котерласъ байрамъ), женщины въ Крыму, какъ и у волжскихъ татаръ, веселятся вмѣстѣ съ мужчинами на загородныхъ гуляньяхъ. Во все-же остальное время онѣ скрыты отъ постороннихъ глазъ, четырьмя стѣнами, или же непроницаемой для чуждаго взора «марамой».

Будучи заключены, обычаемъ и закономъ, въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ домашней жизни, татарки всѣ страдаютъ какимъ-то болѣзненнымъ любопытствомъ и изыскиваютъ всевозможныя средства, чтобы проникнуть во внѣшнюю общественную жизнь, которая имѣетъ для нихъ какую-то особенную прелесть и служитъ предметомъ постояннаго удивленія. Онѣ по цѣлымъ днямъ поглядываютъ въ окно на кривую и узкую улицу, чтобы удовлетворить своему жадному любопытству и этимъ хотя нѣсколько разогнать несносную скуку вѣчной домашней жизни. Всякій посторонній человѣкъ, проходя мимо татарской сакли, если въ ней естъ окна со стеклами, всегда замѣтитъ нѣсколько паръ черныхъ женскихъ глазъ направленныхъ на него съ крайнимъ любопытствомъ, но съ приближеніемъ путника глаза эти быстро изчезаютъ за матовымъ отблескомъ стекла. Точно также, подходя къ полуотворенной двери татарскаго дома, посторонній мужчина еще издали увидитъ нѣсколько жен-

скихъ головъ въ бѣлыхъ повязкахъ, въ родѣ чалмы, и въ красныхъ, расшитыхъ золотыми монетами фескахъ, изъ подъ которыхъ роскошно вьются безчисленныя косички курчавыхъ волосъ; но не успѣетъ онъ сдѣлать пяти шаговъ, какъ смутное видѣніе пропадаетъ во внутренности дома.... Изрѣдка случается бывать нѣкоторымъ татаркамъ въ гостяхъ у христіанскихъ женщинъ, и тогда удивленію мусульманокъ нѣтъ конца; все въ комнатѣ привлекаетъ ихъ вниманіе; когда же дѣло доходитъ до нарядовъ, то изумленіе ихъ достигаетъ такой степени, что онѣ стоятъ неподвижно, съ полуоткрытыми ртами, и только время отъ времени тихо произносятъ: «Алла, Алла» (Боже, Боже!..).

Обращаніе татаръ съ женами—крайне грубое, исключающее всякую внимательность или чувство великодушія къ слабѣйшему полу. Жена находится въ совершенномъ подчиненіи мужу и онъ считается полнымъ властелиномъ ея. Каждый день, послѣ утренней молитвы, канакъ-бей (хозяинъ дома) закуриваетъ трубку и, поджавъ ноги, садится противъ печи. Проходитъ четверть часа — онъ ничего не говоритъ, только моргаетъ своими узенькими глазами и куритъ. Когда выкуритъ трубку, онъ начинаетъ поминутно обращаться къ женѣ съ приказаніями подать хлѣба, воды, чесноку, или катыку, что она тотчасъ и исполняетъ. Потомъ онъ опять куритъ, и молча, съ серьезнымъ лицомъ, сидитъ прислонясь къ печкѣ. Пройдетъ еще полчаса — онъ спрашиваетъ у жены, что дѣлаетъ корова или лошадь, и жена въ бурную погоду должна выйдти изъ дому, чтобы принести отвѣтъ своему повелителю, который продолжаетъ грѣть ноги и курить. Большая часть зимы проходитъ для мужчинъ въ подобномъ бездѣйствіи; ни до какихъ домашнихъ работъ они зимою и недотрогиваются, во всемъ полагаясь на своихъ женъ. Только когда истощится у татарина весь скудный запасъ его продовольствія, онъ поднимется самъ и сходитъ не дальше какъ къ одному изъ своихъ сосѣдей, большею частью къ русскому государственному

крестьянину, чтобы занять у него четверть ржи, которую долженъ возвратить впослѣдствіи съ процентами, или даже работою въ лѣтнее время.

Мужей своихъ татарки называютъ не иначе, какъ *мѣсяцемъ*. Называть поименно—не запрещено, но считается не уважительнымъ. *Ай газюмъ* — «мѣсяцъ глазъ моихъ», говоритъ татарка своему деспоту-мужу....

Положеніе масульманской женщины становится особенно невыносимымъ вслѣдствіе широкихъ постановленій корана о свободѣ развода между супругами, постановленій, повидимому уравнивающихъ положеніе обѣихъ сторонъ, но на дѣлѣ безобидныхъ только для мужчинъ. Постановленія эти совершенно одинаковы, какъ у крымскихъ, такъ и у волжскихъ татаръ.

При такихъ условіяхъ брачной жизни, нельзя ожидать отъ супруговъ семейныхъ добродѣтелей, и мусульмане ими не особенно отличаются. По отзыву самихъ татаръ, вѣрность ихъ женъ «катыка» не стоитъ; вѣрность мужей стоитъ, конечно, не дороже.... При этомъ, общество и духовенство смотритъ на вѣроломство супруговъ сквозь пальцы, такъ какъ святость брака у мусульманъ почти лишена всѣхъ нашихъ общественныхъ, религіозныхъ и юридическихъ гарантій.

По смерти мужа, положеніе женщины становится едва-ли не болѣе безотраднымъ, чѣмъ при его жизни. Жена наслѣдуетъ всего $^1/_{20}$ часть изъ его скуднаго имущества, но и при полученіи этой ничтожной доли вынуждена играть самую жалкую и подчиненную роль. Родственники мужа и кади (судья) являются, обыкновенно, въ домѣ покойнаго, ѣдятъ, пьютъ и дѣлятъ его имущество безъ всякаго участія со стороны жены, которая даже не имѣетъ права жаловаться на замѣчанную несправедливость и обязана хладнокровно смотрѣть, какъ растаскиваютъ добро, частію ею нажитое, платья ею сотканныя и сшитыя, и при этомъ должна еще употребить всѣ усилія, чтобы

какъ можно болѣе приличнымъ образомъ угостить своихъ грабителей.... Нужно еще прибавить, что дѣлежъ имущества, происходитъ обыкновенно въ самый день похоронъ и часто сопровождается ссорами и драками, особенно если дѣло происходитъ въ отсутствіи кади и на все это только-что осиротѣвшая женщина, грустная, убитая горемъ, также должна смотрѣть спокойно.

Обряды и обычаи, соблюдаемые крымскими татарами при погребеніи умершихъ, также отличаются нѣкоторыми особенностями. Въ болѣзняхъ татары рѣдко лечатся даже домашними средствами. Только въ самыхъ упорныхъ недугахъ татары рѣшаются прибѣгать къ отчитыванію муллъ, прикладыванію къ больнымъ частямъ тѣла различныхъ «дуа» — молитвъ или изреченій изъ корана и къ содѣйствію «джинджи»—знахарей, практикующихъ съ помощью самаго заурядnаго шарлатанства и поступающихъ, иной разъ, въ особенности съ беременными женщинами, чрезвычайно безчеловѣчно. Немудрено поэтому, что среди крымскихъ татаръ встрѣчаются нерѣдко жалкіе калѣки, прозябающіе главнымъ образомъ въ Бахчисараѣ, въ качествѣ нищихъ.

Самые обычаи при погребеніи умершихъ тѣсно связаны съ представленіями татаръ о загробной жизни вообще. По ихъ понятіямъ, душа праведника оставляетъ человѣческое тѣло тихо и безъ боли душа же грѣшника покидаетъ тѣло только послѣ долгой и упорной борьбы, сопровождаемой жестокими страданіями. Душу изъ тѣла отзываетъ *ангелъ смерти*, который тотчасъ же передаетъ ее съ рукъ на руки другому ангелу, для препровожденія ея къ двумъ другимъ геніямъ испытателямъ, спеціально занимающимся приготовленіемъ душъ къ лучшей жизни и къ вѣчнымъ наслажденіямъ рая. Во все продолженіе этого приготовленія и испытанія, т. е. во время самаго погребенія и довольно долгое время спустя послѣ погребенія, душа остается еще въ тѣлѣ, хотя уже и безжизненномъ. Испытаніе заканчивается самой трудной экзерциціей: душу прово-

дятъ по *Сарытъ* — т. е. по мосту, проведенному надъ адомъ; мостъ этотъ тоньше самой тонкой волосинки и острѣе лезвія самой острой сабли. Понятно, что праведникъ пройдетъ по сарытѣ легко и свободно, а грѣшника ждетъ неминуемая гибель. Когда испытаніе кончится, такимъ образомъ, въ пользу испытуемаго, душа его тотчасъ же улетаетъ на небо, гдѣ она остается до страшнаго суда, а тѣло, между тѣмъ, вкушаетъ уже, не выходя изъ могилы, всѣ удовольствія и наслажденія рая Магомета. Но если умершій оказался недостойнымъ небесной награды, то его тѣло подвергается въ могилѣ страшнымъ мукамъ и ядовитымъ уязвленіямъ 99 семиглавыхъ драконовъ, а душа возвращается на землю, гдѣ скитается, не находя нигдѣ успокоенія, и потомъ низвергается въ седьмой ярусъ преисподней. Адъ, по понятіямъ татаръ, состоитъ изъ 7 ярусовъ, населенныхъ чудовищными людьми, какихъ только могла изобрѣсть восточная фантазія.

Суевѣрные и брезгливые, татары не любятъ долго возиться съ покойниками. Не успѣетъ кто либо изъ нихъ скончаться, какъ его уже тащатъ на кладбище. При такомъ варварскомъ обычаѣ, весьма возможны случаи погребенія живыхъ людей, и, вѣроятно, случаи эти нерѣдки, такъ какъ были уже не разъ обнаружены примѣры подобныхъ похоронъ.

Въ назначенный для похоронъ день, собираются въ домъ покойнаго всѣ родственники и знакомые его. Умершаго сажаютъ на подушку, прислонивъ спиною къ стѣнѣ; на ноги ему надѣваютъ чулки, туфли; тѣло обертываютъ бѣлымъ саваномъ, а на голову надѣваютъ ермолку съ длинной бѣлой кистью. Въ сторонѣ ставятъ хлѣбъ, кружку съ водой, кисетъ съ табакомъ и трубку. Женщины вокругъ завываютъ, ломаютъ руки, бьютъ себя въ грудь, причитаютъ, царапаютъ лицо и т. п. Когда всѣ гости собрались, мертваго бережно поднимаютъ и бережно, не разстроивая костюма, несутъ на рукахъ, или сажаютъ на маджару, запряженную волами, и везутъ шагомъ; нѣкоторые ѣдутъ

верхомъ. Родственники несутъ вещи, стоявшія въ саклѣ подлѣ тѣла покойнаго; женщины идутъ за маджарой, съ плачемъ и горькими рыданіями, между которыми постоянно слышны слова «Аллахъ, Аллахъ». Мулла тихо идетъ впереди. Только молодые люди иногда горячатъ лошадей и скачутъ изъ стороны въ сторону, но, укротивъ коней, опять присоединяются къ шествію.

Пріѣхавъ на кладбище, останавливаются не въ далекомъ разстояніи отъ приготовленной могилы. Покойника очень осторожно спускаютъ въ могилу, сажаютъ его тамъ лицомъ къ востоку, прислонивши спиною къ одной изъ стѣнъ, обложенной досками, а ноги протягиваютъ въ углубленіе, вырытое въ противуположной стѣнѣ; затѣмъ поправляютъ складки савана; подлѣ кладутъ хлѣбъ, ставятъ кружку съ водой, трубку съ табакомъ и огниво, и при этомъ постоянно приговариваютъ: «ловко ли тебѣ? хорошо ли сидѣть»?

Такое положеніе даютъ тѣлу для того, чтобы умершій могъ сохранить почтительную и приличную позу, когда будетъ отвѣчать ангеламъ-испытателямъ на внушительные вопросы касательно его вѣры и поведенія на землѣ. Продовольствіе же ставится въ могилу въ виду того, что участь покойника пока еще не рѣшена, и что, до окончанія испытанія, ему во всякомъ случаѣ придется самому о себѣ позаботиться.

Когда покойникъ усаженъ въ могилу и поставлено все нужное подлѣ него, тогда берутъ заранѣе приготовленныя доски и кладутъ ихъ надъ покойникомъ въ наклонномъ положеніи, образуя надъ нимъ нѣчто въ родѣ навѣса. Одинъ конецъ досокъ упирается въ землю подлѣ ногъ, а другой — надъ головой въ стѣну могилы, такъ что покойникъ сидитъ какъ въ шалашѣ. Когда все готово, родственники принимаются зарывать его, при этомъ всѣ плачутъ и громко причитаютъ, даже мужчины голосятъ какъ бабы. Только мулла во все время остается спокоенъ и, неподвижно стоя въ головахъ могилы, продолжаетъ читать молитвы....

Насыпавъ надъ покойникомъ холмикъ и поставивъ на него каменную плиту торчкомъ, всѣ присутствующіе отходятъ на нѣкоторое разстояніе отъ могилы, кромѣ муллы, который остается на прежнемъ мѣстѣ. Припавъ лицомъ въ землѣ, мулла начинаетъ читать молитвы вслухъ и потомъ громко спрашиваетъ: «что ты подѣлываешь»? Мгновеніе спустя, отвѣчаетъ самъ-же, только измѣненнымъ голосомъ: «сижу и дожидаюсь ангела-испытателя». — «Доволенъ-ли ты своими похоронами?»—«Доволенъ. Но молитесь побольше за меня, я много грѣшилъ».—«Видѣлъ-ли ты такихъ-то и такихъ-то—что они подѣлываютъ?—«Имъ далеко еще до блаженства, нужно больше молиться и за нихъ». Отвѣты эти выслушиваются съ глубочайшимъ вниманіемъ и принимаются за отвѣты покойника, при чемъ каждый смекаетъ уже, какой вкладъ надобно ему дать въ мечеть и сколько придется заплатить муллѣ, чтобы онъ побольше помолился за умершаго родственника или знакомаго.

По возвращеніи домой, гости садятся за приготовленный заранѣе обѣдъ, состоящій изъ хлѣба, сыра, одного или двухъ цѣликомъ зажаренныхъ барановъ и изъ неизбѣжныхъ пилава и катыка; очень часто на поминкахъ фигурируетъ и водка. Такіе-же пиры устраиваютъ въ 3 день, въ 9 день, черезъ 3 мѣсяца и черезъ 3 года.

Кладбище у крымскихъ татаръ имѣетъ тотъ-же видъ, и у волжскихъ: такое-же голое, унылое мѣсто, безъ тѣни и зелени, съ неправильными грудами камней, торчкомъ покрывающихъ неровную мѣстность. Форма памятниковъ въ Крыму болѣе груба и однообразна чѣмъ въ Казани, но надписи на нихъ составлены въ томъ-же духѣ Могила муллы здѣсь отличается тѣмъ, что въ головахъ ея ставится плита или труба, верхъ который обдѣланъ въ видѣ головы въ чалмѣ, а въ ногахъ утверждается шестъ съ пестрыми лоскутками и съ придѣланной къ нему чашечкой, для приношеній на мечеть отъ людей набожныхъ.

Мусульманство до того вошло въ плоть и кровь татаръ, что от-

части успѣло уже стереть въ этомъ племени многія чисто національныя черты, и теперь трудно было-бы искать среди нихъ какихъ нибудь оригинальныхъ самобытныхъ обычаевъ или обрядовъ; все имѣетъ своимъ источникомъ религію и ею же поддерживается. Точно также мало найдется у татаръ и празднествъ, происхожденіе которыхъ можно было-бы приписать чисто народнымъ обычаямъ, неимѣющимъ никакой связи съ религіозными вѣрованіями и обрядами мусульманъ. Всѣ празднества у крымскихъ татаръ чисто религіозныя, какъ и у волжскихъ ихъ единоплеменниковъ. Нѣкоторою оригинальностью отличаются только малые праздники, менѣе популярные среди мусульманъ, чѣмъ ихъ три большихъ праздника — Рамазанъ-Байрамъ, Курбанъ-Байрамъ и Катерласъ-Байрамъ.

Особенно замѣчателенъ праздникъ, установленный въ честь пророковъ и справляемый въ *ашеръ*-аѣ (мѣсяцъ купанья). На этомъ праздникѣ нельзя не видѣть слѣдовъ вліянія христіанскихъ племенъ, долгое время жившихъ въ Крыму совмѣстно съ татарами. Въ ашеръ-аѣ, крымскіе софты или семинаристы получаютъ отъ муфтія (высшаго духовнаго лица) дозволеніе обходить дворы всѣхъ мусульманъ и пѣть священные *илляги* или гимны Магомета и Якубъ-Пейгамбера (Іоанна крестителя). Въ каждой медрессе собирается такимъ образомъ до 200 софтъ. Они дѣлятся на партіи, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой значекъ и направляется въ свой, заранѣе опредѣленный, округъ деревень. Партіи софтовъ обходятъ всѣхъ мусульманъ и собираютъ за пѣніе «илляговъ» все безразлично: платки, полотенца, яица, пшеницу, куръ и проч.

Въ иллягахъ воспѣваются различные предметы, поучительнаго свойства, напримѣръ: доброта пророка Магомета, гнѣвъ Аллаха на дерзкихъ и непослушныхъ предъ родителями софтовъ, и т. под. Илляги поются хоромъ и возбуждаютъ обыкновенно, рыданія у женщинъ и чрезвычайно сильно дѣйствуютъ даже на пожилыхъ мужчинъ. Вслѣдствіе этого, софты принимаются съ особеннымъ раду-

шіемъ и каждый бѣднякъ съ удовольствіемъ жертвуетъ имъ послѣднее свое имущество.

Не менѣе замѣчателенъ также праздникъ *кефериша*, справляемый крымскими татарами черезъ каждыя 25 лѣтъ. Онъ справляется собственно въ Бахчисараѣ и установленъ ради посвященія нѣкоторыхъ правовѣрныхъ въ классъ торговцевъ и въ различные ремесленные цехи; до этого посвященія каждый ремесленникъ и торговецъ считается какъ-бы не признаннымъ и неутвержденнымъ въ своей профессіи. На празднествѣ посвященія присутствуетъ самъ «нагибъ»—лицо, происходящее по прямой линіи отъ Магомета. Званіе это передаются старшему сыну. Нагибъ живетъ на счетъ мусульманъ и играетъ у нихъ немаловажную роль. Однакоже, власть и отличія его званія мало извѣстны, такъ какъ онъ живетъ въ глуши, въ какой-то татарской деревнѣ.

Всѣ бахчисарайскіе ремесленники и торговцы предъ днемъ кефериша соединяются въ артели, числомъ до десяти. Каждая артель избираетъ себѣ старосту, который дѣятельно собираетъ съ членовъ ея сахаръ, куръ, овецъ, кофе, фрукты, разныя закуски, бузу, водку и тому подобные припасы для предстоящаго пиршества.

Все это свозится въ день кефериша въ Вофудскій садъ въ Бахчисараѣ; туда-же собирается и публика и духовенство, со всѣхъ сторонъ, верхами, въ маджарахъ и разныхъ другихъ экипажахъ. Садъ устилается коврами и подушками. Площадка сада покрывается лучшимъ ковромъ съ особеннымъ сидѣньемъ по серединѣ для нагиба, а по сторонамъ—для двухъ его ассистентовъ. Позади нагиба помѣщаются въ нѣсколько рядовъ высшія духовныя лица, а за ними въ перспективѣ сидятъ посвящаемые, съ цвѣтными перевязками черезъ плечо. Остальныя мѣста въ саду занимаетъ публика, среди которой виднѣются и христіане, а въ особенности—греки.

Празднество начинается молитвою одного изъ муллъ, который становится на коврѣ передъ нагибомъ и громко произноситъ: «Магометъ

я привелъ къ тебѣ избранное стадо, посвящающихъ себя на торговлю.» Затѣмъ мулла вызываетъ однаго изъ посвящаемыхъ, становится по лѣвую его сторону, беретъ лѣвой рукой за лѣвое ухо, а ладонью правой своей руки ударяетъ его по бритой головѣ такъ, что ударъ направляетъ посвящаемаго прямо къ нагибу, у котораго онъ и цѣлуетъ руку. Такому же ухорванію и толчкамъ подвергаются и всѣ остальные посвящаемые, послѣ чего начинается ѣда и попойка, продолжающіяся до поздней ночи.

Какъ крымскіе татары ни дичатся русскихъ, но изъ всѣхъ національностей, съ которыми имъ приходится сталкиваться, они съ наибольшею терпимостью относятся къ «казакамъ», какъ они называютъ всѣхъ русскихъ. Грековъ же, евреевъ и армянъ они терпѣть не могутъ. При всемъ томъ расположеніе, которое они намъ оказываютъ, отзывается скорѣе неискренностью и страхомъ, объясняемымъ сознаніемъ нашей силы и невольнымъ къ ней уваженіемъ. Между тѣмъ нѣкоторое добродушіе характера и отсутствіе фанатизма въ религіи наклонность къ почитанію нѣкоторыхъ христіанскихъ праздниковъ и памятниковъ и, наконецъ, вполнѣ уже окрѣпшая любовь къ осѣдлой жизни—все это не можетъ не представлять хорошихъ задатковъ для окончательнаго сближенія крымскихъ татаръ съ русскою народностью.

IV. БАШКИРЫ.

Характеръ и бытъ.

Башкиры, съ незапамятныхъ временъ, обитаютъ въ юговосточной части Европейской Россіи, на обширныхъ и привольныхъ степяхъ: между Ураломъ, Волгою и Каспійскимъ моремъ. По послѣдней ревизіи численность башкирскаго племени, въ пяти смежныхъ губерніяхъ, Оренбургской, Уфимской, Вятской, Пермской и Самарской, вмѣстѣ съ мещеряками и тептерями доходила до 1.037,000 душъ обоего пола.

О происхожденіи башкирскаго народа, за отсутствіемъ историческихъ указаній на это, толкуютъ различно. Гумбольдтъ и Штраленбергъ признаютъ башкиръ за народъ финскаго племени, только современемъ принявшій монгольскій типъ. Хвольсонъ производитъ башкиръ и одноплеменныхъ имъ мадьяръ отъ вогульскаго племени, составляющаго отдѣльную отрасль такъ называемой угрской группы или большой алтайской семьи. Нѣкоторые же историки производятъ ихъ отъ болгаръ. Есть, наконецъ, писатели, отводящіе башкирамъ среднее мѣсто между финскимъ и татарскимъ племенами.

Наше простонародье, кажется, всего вѣрнѣе называетъ башкиръ *татарами* и вообще не отличаетъ ихъ отъ татаръ. Сосѣди башкиръ, киргизы, называютъ ихъ *истякъ* (остякъ), что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, служитъ новымъ подтвержденіемъ происхожденія башкиръ отъ финскаго племени. Сами же себя башкиры называютъ словомъ «башкуртъ».

Послѣднее названіе производятъ отъ татарскихъ словъ: башъ-голова и *куртъ*—пчела или вообще насѣкомое. По мнѣнію однихъ, это названіе намекаетъ на страсть башкиръ къ пчеловодству, а по, мнѣнію другихъ — на неряшливость и нечистоплотность этого племени. Дѣйствительно, вѣчно оборванному и лѣнивому башкиру едва ли не чаще приходится имѣть дѣло съ «головными насѣкомыми», чѣмъ съ трудолюбивыми пчелами. Слово «башкуртъ» производятъ также отъ татарскаго *башка — юртъ* — отдѣльный народъ, и отъ слова, означавшаго на древнемъ, вышедшемъ изъ употребленія джагатайскомъ языкѣ—*волкъ*, *грабитель*. Послѣдній эпитетъ также имѣлъ за себя много основаній въ прежнемъ образѣ жизни башкиръ.

Свѣденія о башкирахъ заходятъ въ очень отдаленныя времена. Еще арабскіе и персидскіе писатели IX—XIII вѣка упоминаютъ о башкирахъ какъ о самостоятельномъ народѣ, извѣстномъ подъ названіемъ «мадьяръ» или «бадшгардовъ». Путешественники XIII вѣка, посѣщавшіе страну башкиръ, прилегающую къ Волгѣ и Уралу, находили башкирскій языкъ вполнѣ тождественнымъ съ мадьярскимъ. По этой причинѣ они называли пріуральскія башкирскія степи «*Великою Венгріею*». На основаніи приведенныхъ свидѣтельствъ древнихъ писателей можно, кажется, безошибочно отнести башкиръ къ татарскому или тюркскому племени. Полагаютъ, что башкиры и мадьяры или угры вошли въ Европу въ V столѣтіи, подъ общимъ именемъ гунновъ и другихъ народовъ. Собственно мадьяры или венгры, какъ часть башкирскаго народа, оставили при-уральскую страну около 884 года, вслѣдствіе притѣсненій отъ восточныхъ печенѣговъ, и поселились въ нынѣшней Венгріи. Оставшіеся же при

Уралѣ башкиры заняли вскорѣ ту территорію, какую они занимаютъ и по настоящее время, именно мѣстность между Волгою, Камою, Тоболомъ и верхнимъ теченіемъ Урала.

Занявши страну, сосѣднюю съ древними волжскими «булгарами», башкиры вскорѣ должны были подчиниться имъ. Въ 1236 году, при нашествіи татаръ на восточную Европу, башкиры покорены были Батыемъ. Можетъ быть вслѣдствіе своего близкаго родства съ завоевателями, башкиры не только были пощажены ими и сохранили за собой всѣ свои прежнія права, но и получили отъ татаръ преимущества предъ прочими покоренными ими народами, въ отличіе отъ которыхъ имъ были даны тамги (знаки) и названіе тюбъ (волостей).

Впослѣдствіи башкиры вошли въ составъ казанскаго татарскаго царства. Съ покореніемъ Іоанномъ Грознымъ Казани и Астрахани, должна была пасть и Башкирія. Правда, страна эта оставалась въ это время еще неприкосновенной; но лишенныя поддержки со стороны одноплеменныхъ имъ казанцевъ и астраханцевъ и тѣснимые сосѣдними кочевыми народами, преимущественно хищными киргизами, башкиры вскорѣ вынуждены были сами обратиться къ русскому правительству съ просьбою принять ихъ подъ свое подданство. Избранные по этому случаю депутаты отъ башкиръ отправились въ Москву, за отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія, на лыжахъ. Іоаннъ Грозный принялъ ихъ милостиво и согласился включить башкиръ въ число подвластныхъ ему народовъ, обложивъ ихъ ясакомъ.

Глядя на нынѣшнихъ башкиръ, трудно представить себѣ, что еще такъ недавно они составляли сильный и воинственный народъ; черезъ какія-нибудь сто лѣтъ нельзя и узнать этого буйнаго и отважнаго народа... Еще недавнія сказанія про силу и воинственный духъ башкиръ кажутся теперь просто невѣроятными: такъ сильно измѣнилось это племя подъ вліяніемъ русской культуры и новыхъ условій жизни.

По типу лица башкиры не представляютъ рѣзкаго отличія отъ

татарскаго племени вообще. Таже кіруглая, довольно большая голова круглое и смуглое лицо, сѣрые или каріе, большею частію плоскіе и довольно узкіе глаза, прямой и небольшой лобъ, оттопыренныя большія уши, короткая рѣдкая борода, по большей части темнорусая. Выраженіе лица у башкиръ не только не безобразно, но нерѣдко даже очень красиво. Ходячія изображенія башкиръ съ звѣрскимъ монгольскимъ лицомъ, съ выдавшимися скулами и косыми глазами—далеко не вѣрны.

Ростъ башкиры имѣютъ большею частью средній, сложеніе не очень крѣпкое; но тѣмъ не менѣе они довольно сильны и способны переносить большія лишенія. Въ работѣ они, по общему отзыву, трудолюбивы и аккуратны, но *не споры*, т. е. не имѣютъ той выдержки и умѣлости, какая замѣтна у русскихъ. Поэтому заработная плата башкирамъ полагается меньше, нежели русскимъ крестьянамъ, а урочную работу они выполняютъ по крайней мѣрѣ на треть дольше въ сравненіи съ послѣдними. Вообще башкиры исполняютъ, напр. на золотыхъ пріискахъ и заводахъ-большею частью чисто механическій трудъ: рубятъ и возятъ дрова, приготовляютъ уголь, доставляютъ руду и проч. Также даютъ имъ такія работы, при которыхъ требуется аккуратность безъ особеннаго умѣнья, напр. на золотыхъ пріискахъ имъ нерѣдко поручаютъ конецъ промывки, такъ называемую головку, гдѣ золотой песокъ отдѣляется отъ марганца и другихъ металлическихъ примѣсей. При этомъ у башкиръ замѣчательно развиты органы чувствъ. Днемъ и даже ночью они въ состояніи различать предметы на недосягаемомъ для насъ растояніи, равно какъ уловить звуки, далеко недолетающіе еще до нашего уха. Вообще, организмъ башкиръ въ высшей степени приноровленъ къ своеобразной степной жизни и закаленъ противъ всѣхъ стихійныхъ невзгодъ. Въ этомъ смыслѣ здоровье ихъ можно считать очень хорошимъ. Башкиры не знаютъ, что такое простуда или неудобоваримая пища. Если же они замѣтно вымираютъ отъ разныхъ эпидемическихъ болѣзней,

то причиной этому, конечно, далеко не деликатность ихъ тѣлеснаго сложенія, а вѣрнѣе нищета и крайне тяжелая жизненная обстановка вообще.

Нравственныя качества башкиръ весьма непривлекательны, что вполнѣ объясняется историческими условіями ихъ жизни. Они лѣнивы, склонны къ праздности, легковѣрны, подозрительны и скрытны.

Праздность и лѣнь, конечно, есть слѣдъ ихъ недавняго кочеваго быта, а легковѣрность обусловливается ихъ крайней неразвитостью Наиболѣе серьезные пороки ихъ состоятъ въ конокрадствѣ въ тяжбахъ ихъ между собою и со всѣми сосѣдями. Любовь къ сутяжничеству иногда проявлялась у нихъ въ курьезныхъ формахъ. Разсказываютъ, напримѣръ, что очень часто случалось, какъ два башкира-противника отправлялись въ городъ на далекое разстояніе, на тяжбу другъ съ другомъ, изъ экономическихъ разсчетовъ—въ однихъ саняхъ и на одной лошади, для раззоренія одинъ другаго, такъ сказать, на общій счетъ...

При всемъ томъ башкиры до наивности добры, услужливы и въ высшей степени переносливы. Это—дѣти природы, несчастные, забитые, кроткіе и едва ли способные на какія бы то ни было рѣзкія, мстительныя выходки. Вообще башкиры очень смирны, и съ ними, какъ съ дѣтьми, можно дѣлать все, что угодно. Отъ воспоминаній объ ихъ прежней политической независимости и воинственности не осталось и слѣдовъ.—Полуголодные, едва существующіе изо дня въ день, запуганные и забитые башкиры въ настоящее время представляютъ только тѣнь своего прежняго облика.

Между тѣмъ умственныя качества башкиръ далеко не безотрадны; ихъ можно считать людьми очень способными. Они не только обладаютъ здравымъ смысломъ, но предусмотрительны и находчивы и не лишены нѣкоторой доли остроумія и изобрѣтательности. Башкиры вообще склонны къ занятіямъ, при которыхъ требуется разно-

образіе пріемовъ и личное соображеніе. Есть основаніе надѣяться, что при иныхъ условіяхъ исторической жизни, они не были бы хуже, напримѣръ, одноплеменныхъ имъ венгерцевъ.

Образъ жизни и занятія башкиръ различны и обусловливаются мѣстными удобствами, климатомъ и естественными произведеніями. Главное ихъ занятіе и богатство заключается въ скотоводствѣ. Когда-то у башкиръ было много разнаго скота, а на привольныхъ пастбищахъ паслись несмѣтные табуны лошадей; но это время миновало для нихъ безвозвратно. Теперь сплошь и рядомъ бываетъ, что у башкира нѣтъ ни лошади, ни овцы, ни коровы; а у кого скотъ еще имѣется, у тѣхъ онъ съ каждымъ годомъ вымираетъ... Въ настоящее время скотоводствомъ занимается собственно незначительная часть башкиръ, которые придерживаются еще полукочеваго быта.

Къ числу занятій башкиръ относятся также лѣсные промыслы, извозъ, пчеловодство, охота, между прочимъ—соколиная, а также рыбная ловля и работа на заводахъ и рудникахъ; хлѣбопашество прививается къ нимъ очень туго, да и выше перечисленные промыслы находятся у нихъ, такъ сказать, еще въ зачаткѣ. Напримѣръ, извозный промыселъ, при тѣхъ условіяхъ, при какихъ башкиры занимаются имъ, возможенъ, быть можетъ, только для нихъ однихъ. Они ѣздятъ безъ дорогъ, по непроходимымъ лѣсамъ, дебрямъ и горнымъ ущельямъ, по извѣстнымъ только имъ однимъ мѣстностямъ. При этомъ, конская упряжь у башкиръ—ямщиковъ самого допотопнаго устройства: она вся состоитъ изъ одного мочальнаго хомута, часто еще несоотвѣтвующаго размѣрамъ конской шеи. Уложивъ небольшую кладь въ узенькія санки и запрягши въ нихъ нѣсколько лошадей гусемъ, башкиръ садится самъ на переднюю изъ нихъ верхомъ, и скачетъ по извѣстному ему направленію цѣликомъ дебрями и буераками, управляя всѣми лошадьми заразъ—крикомъ, свистомъ и энергическимъ размахиваніемъ мочальнымъ кнутомъ... Вообще, экономическое положеніе башкиръ чрезвычайно тяжелое. Сплошь и

рядомъ все имущество башкира заключается въ дырявой рубахѣ и лаптяхъ. Можно встрѣтить даже такихъ, которые лѣтомъ ходятъ (на работахъ) совсѣмъ безъ рубахи, босые, съ непокрытой головой, прикрывъ нижнюю часть тѣла дырявыми тряпками, взамѣнъ панталонъ; зимою, прямо на голое тѣло надѣвается верхняя одежда — халатъ, или армякъ. Многія взрослыя дѣвушки ходятъ также безъ рубахъ; вся одежда ихъ заключается въ лохмотьяхъ. Дѣти у большей части бѣдныхъ башкиръ и зимой, и лѣтомъ держатся совершенно голыми. Не менѣе скудно бываетъ и ихъ питаніе, въ особенности зимою. Лѣтомъ еще, при подножномъ кормѣ скота, продовольствіе ихъ идетъ порядочно; но съ наступленіямъ зимы большинство башкиръ, равно какъ и ихъ скотъ, начинаютъ голодать, и тогда встрѣчаются жилища, обитатели которыхъ по нѣскольку дней не видятъ рѣшительно ничего съѣстнаго, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ ихъ истощенныя фигуры. Многіе довольствуются лепешками изъ толченаго проса, или лебеды, испеченными въ золѣ и похожими съ виду на засушенную глину, съ отвратительнымъ промозглымъ запахомъ и непріятнымъ вкусомъ. Другое, болѣе лакомое блюдо—болтушка изъ воды съ мукой или отваръ проса въ водѣ. Нужно, конечно, быть башкиромъ, чтобы безропотно переносить такую бѣдность и мириться съ ней. Замѣчательно, что, не смотря на всѣ лишенія и недостатки, нищихъ-попрошаекъ между башкирами вовсе не встрѣчается.

Къ числу многихъ причинъ жалкаго экономическаго положенія башкиръ относится прежде всего ихъ переходное состояніе отъ полу-кочеваго къ осѣдлому образу жизни. Не отрѣшившись вполнѣ отъ праздности и лѣни кочеваго народа и не освоившись въ достаточной степени со всѣми требованіями осѣдлаго, земледѣльческаго быта, башкиры подвергаются, наравнѣ со многими другими инородцами, многимъ невзгодамъ. Обладая пятнадцати-десятиннымъ надѣломъ, способнымъ достаточно обезпечивать крестьянина—хорошаго рабо-

тника, умѣющаго взяться за дѣло, башкиры съ этимъ надѣломъ неминуемо попадаются въ кабалу и бѣдность, потому что ихъ система хозяйства, скотоводство и лѣсные промыслы требуютъ несравненно болѣе обширныхъ угодій и настоящаго приволья. Полудикарямъ-башкирамъ, отказавшимся вслѣдствіе этого отъ скотоводства и непривыкшимъ къ земледѣлію по необходимости пришлось прибѣгнуть къ продажѣ земли, и разныя лица начали скупать у нихъ огромныя пространства земли за самую дешевую цѣну. Даже въ послѣдніе годы, башкирскія земли покупались по полтинѣ и по рублю за десятину, въ то время, какъ даже годовая арендная плата была гораздо выше этой цѣны. Понятно, что такой порядокъ могъ существенно подорвать экономическое положеніе башкиръ. Сверхъ того, по неимѣнію запасовъ продовольствія на зимнее время, башкиры принуждены бываютъ еще осенью брать муку у русскихъ крестьянъ или промышленниковъ въ счетъ будущихъ заработковъ. Такимъ образомъ они закабаляются на заводы, золотые пріиски, или на полевыя работы. Словомъ, многіе изъ башкиръ нерѣдко оказываются совершенно въ безвыходномъ положеніи. Не мудрено поэтому, что въ нѣкоторыхъ башкирскихъ селеніяхъ, во время эпидемій, въ теченіи года вымираетъ половина населенія.

Въ прошломъ столѣтіи правительство полагало, что башкиры по своимъ привычкамъ болѣе склонны къ военному званію, чѣмъ къ сельскому труду, и потому въ 1786 году сборъ съ нихъ ясака былъ прекращенъ, а изъ нихъ самихъ набрано иррегулярное войско, главная обязанность котораго заключалась въ содержаніи кордоновъ на Оренбургской линіи, а иногда и въ участіи во внѣшнихъ войнахъ.

Такъ, въ 1812-мъ году изъ башкиръ и мещеряковъ сформировано было 30 казачьихъ полковъ для участія въ дѣйствіяхъ противъ французской арміи; въ Крымскую кампанію были высланы во внѣшнюю службу 4 пяти-сотенныхъ башкирскихъ казачьихъ полка. Къ сожалѣнію, войско это не приносило никакой особой пользы и не об-

наружило особой воинственности, и потому 14 мая 1863 года было Высочайше утверждено положеніе объ обращеніи башкирскаго войска въ гражданское вѣдомство. Отъ прежней воинской славы осталось за башкирами только прозвище «сѣверныхъ амуровъ», данное имъ французами, за особенность ихъ вооруженія, состоявшаго между прочимъ изъ лука и колчана со стрѣлами... Старые—воины башкиры впрочемъ, и до сихъ поръ съ гордостью щеголяютъ между своими однодеревенцами нашивками и значками, которые остались имъ отъ прежней службы.

Башкиры, по обширности занимаемыхъ ими земель и по своему положенію на отдаленной восточной окраинѣ Европейской Россіи, долго оставались подъ исключительнымъ вліяніемъ сосѣднихъ калмыковъ и киргизовъ, и потому до сихъ поръ сохранили въ себѣ родовыя преданія и привычки прежняго кочеваго быта. Въ этомъ только и состоитъ отличіе ихъ отъ казанскихъ и другихъ единоплеменныхъ имъ татаръ. Правда, въ настоящее время башкиры живутъ уже среди осѣдлаго населенія. Ихъ окружаетъ пестрая смѣсь племенъ: русскіе, малороссы, бѣлоруссы, мещеряки, чуваши, мордва, тептяри, татары и отчасти калмыки и киргизы, и рѣдкія селенія башкиръ представляются островками среди моря русскихъ и инородческихъ поселеній. Поэтому башкиры не могли уже не усвоить нѣкоторыхъ привычекъ осѣдлой гражданской жизни. Въ настоящее время, они, собственно говоря, всѣ уже имѣютъ дома и живутъ деревнями. Однако, можетъ быть, только половина изъ нихъ живутъ постоянно въ домахъ; остальные же каждое лѣто покидаютъ деревни и переселяются въ степи, гдѣ и кочуютъ въ войлочныхъ шалашахъ или кибиткахъ, называемыхъ *кошъ*. Осѣдлые башкиры постоянно живущіе въ деревняхъ, обыкновенно ничѣмъ не отличаются отъ казанскихъ татаръ хлѣбопашцевъ, какъ по устройству жилищъ, такъ и по хозяйству и даже по благосостоянію. Что же касается до полукочевыхъ башкиръ, то бытъ ихъ значительно разнится отъ татарскаго.

Прежде всего, деревни башкиръ, какъ полукочевыхъ, такъ даже и вполнѣ осѣдлыхъ, по своему внѣшнему виду, отличаются отъ татарскихъ деревень какой-то неоконченностью, или полуразрушенностью. На одномъ дворѣ недостаетъ, напримѣръ, воротъ, на другомъ—крыши на избѣ, на третьемъ бросаются въ глаза полуразрушенныя хозяйственныя пристройки. Вообще, всѣ башкирскія деревни носятъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ отсутствія домовитости и любви къ своему жилищу со стороны ихъ хозяевъ, чего нельзя сказать про казанскихъ татаръ.

По внутреннему устройству и убранству, жилища осѣдлыхъ башкиръ совершенно сходны съ избами казанскихъ татаръ. У полукочевыхъ же башкиръ внутреннее устройство жилищъ скорѣе напоминаетъ кибитку киргиза, чѣмъ жилье хотя-бы и татарина-поселянина. Посреди подобной башкирской избы, часто неимѣющей ни крыши, ни пола, устроенъ *чувалъ*, родъ камина, съ прямой трубой и съ широкимъ отверстіемъ для горѣнія дровъ. Съ одной стороны чувала вмазывается котелъ, подъ которымъ поддерживается постоянный огонь и въ которомъ варятъ пищу и стираютъ бѣлье или, вѣрнѣе, грязныя лохмотья... Вокругъ стѣнъ, увѣшанныхъ конской сбруей, оружіемъ и стрѣлами, помѣщаются иногда сундуки, а также перины, подушки и одѣяла, если только они имѣются. Два или три окна, прорѣзанныя въ одной изъ стѣнъ, заклеиваются очень часто, вмѣсто стеколъ, буйволовымъ пузыремъ, едва пропускающимъ свѣтъ. Грязь въ избѣ непроходимая. При употребленіи пищи башкиры не знаютъ ни ножей, ни вилокъ, которыя замѣняются руками; къ тому же, употребленіе бани и мыла до сихъ поръ не привилось къ нимъ; оттого опрятность и чистоплотность представляются добродѣтелями неслыханными въ семействахъ башкиръ, и въ ихъ платьѣ и бѣльѣ разводится несмѣтное количество плотоядныхъ насѣкомыхъ.

Въ описанныхъ жилищахъ, башкиры дрогнутъ и голодаютъ въ продолженіи всѣхъ зимнихъ мѣсяцевъ. Подъ конецъ зимы они бро-

дятъ по деревнямъ, какъ тѣни, изнуренные, оборванные и апатичные, съ одной надеждой на наступающее лѣто. Но башкиръ совершенно преображается, когда семейство его, съ первымъ проблескомъ весны, потянется въ *коши*. На лѣтней кочевкѣ башкиръ отдыхаетъ на славу; ѣстъ баранину, пьетъ кумысъ или молоко, и ни о чемъ не думаетъ. Сборы бываютъ не долги. Запрягаютъ лошадь въ арбу, или навьючиваютъ верблюда, забираютъ домашнюю рухлядь, берутъ одну или двѣ подушки, грязный войлокъ или черную кошму, двѣ пары рубахъ для хозяина, халатъ изъ китайки для жены, одну или двѣ ложки и кунякъ (ведро) вотъ и все! Молодые башкиры и башкирки, надѣвъ на себя лучшее платье, ѣдутъ впереди верхами, погоняя табуны лошадей и стада скота. Прибывъ на поляну, выбранную для кочевки, иногда верстъ за сто отъ деревни, башкиры устраиваютъ наскоро *коши* или войлочныя кибитки, на подобіе киргизскихъ. На круглыя деревянныя рѣшетки, укрѣпленныя въ землѣ, натягиваютъ войлокъ, оставляя отверстіе вверху шалаша, для выхода дыма. Посреди кибитки разводятъ костеръ,—и жилище готово. Привязавъ жеребятъ и отпустивъ стада на подножный кормъ, башкиры предаются праздности и лѣни.

Раннимъ утромъ встаютъ, прежде всего, башкирки, доятъ коровъ, моютъ посуду и осматриваютъ стада. Затѣмъ поднимаются старики, накидываютъ на себя халаты и выходятъ изъ кибитокъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Немного спустя, они собираются въ палатку какого нибудь зажиточнаго башкира попить любимаго кумысу. Отъ него идутъ къ другому башкиру и продолжаютъ распивать освѣжающій напитокъ, подъ звуки кураи (дудки) или подъ пѣніе башкирскихъ пѣсенъ про подвиги *отцовъ и дидовъ*...

Черезъ какія-нибудь 2 или 3 недѣли башкиръ и узнать нельзя. Къ нимъ возвращаются врожденная веселость и живость. Просыпаются въ нихъ старые инстинкты и склонности; появляется отвага, юморъ, изобрѣтательность и живость въ движеніяхъ, даже самый наружный

видъ ихъ измѣняется. Только въ кошахъ и можно узнать, что такое башкиръ по природѣ.

Однако, скоротечность лѣта напоминаетъ и кочующимъ башкирамъ о близости суровой зимы, и они волей-неволей принимаются за рубку дровъ, за гонку смолы и дегтя, и за сѣнокосъ. Тутъ же, вблизи кошей, обыкновенно, расположены бываютъ и ихъ пашни.

При этомъ, очень часто оказывается, что у одного недостаетъ топора, у другого нѣтъ сохи или бороны.....

Съ наступленіемъ заморозковъ, обыкновенно поздней осенью, башкиры возвращаются опять въ свои деревни, голодать и дрогнуть до наступленія слѣдующей весны.

Но далеко не всѣ башкиры, даже изъ наиболѣе богатыхъ, пользуются этими лѣтними кочевками. Самые зажиточные изъ башкиръ уже вполнѣ освоились съ домашнимъ комфортомъ и не думаютъ ни о какихъ переселеніяхъ. Наиболѣе же бѣдные изъ нихъ не имѣютъ земли для кочевокъ и принуждены копошиться все лѣто подлѣ своихъ полуразвалившихся избъ, или же тянутся, вмѣсто кошей, на заводы и пріиски....

Одежда башкиръ, даже по названію, почти тождественна съ обыкновеннымъ татарскимъ костюмомъ. Мужчины носятъ тѣ же длинныя рубахи съ откладными воротниками, тотъ же чекмень (кафтанъ), халаты и широкіе шальвары. Голову покрываютъ низкой войлочной шляпой съ загнутыми вверхъ полями. На ногахъ носятъ ичиги съ калошами, а бѣдные—лапти. Зимою носятъ тулупы и шапки, отороченныя мѣхомъ.

Женскій костюмъ также мало отличается отъ татарскаго. Башкирки носятъ холщевыя рубашки, вышитыя вокругъ ворота и рукавовъ алаго цвѣта нитками. Сверхъ рубашки надѣваютъ платье—родъ кафтана, зимою съ рукавами, а лѣтомъ безъ рукавовъ; платье это увѣшивается вокругъ ворота и на груди серебрянными монетами. Подобно татаркамъ, башкирскія женщины носятъ шальвары.

На ноги надѣваютъ или сафьянные башмаки на высокихъ каблучкахъ, или же лапти, смотря по состоянію. Дѣвушки ходятъ съ открытой головой, а замужнія башкирки надѣваютъ на голову *кожбовъ*—шапочку, унизанную мелкимъ краснымъ бисеромъ. Но самый щегольской нарядъ—это *калябашъ*, шлемообразная чешуйчатая шапка, съ длиннымъ и широкимъ хвостомъ, сплошь увѣшаннымъ серебрянными монетами. Цѣна калябашу доходитъ иногда до 1000 рублей. Какъ рѣдкость, онъ встрѣчается только въ немногихъ богатыхъ домахъ и переходитъ отъ матери къ замужнимъ дочерямъ по наслѣдству.

Національную пищу башкиръ, какъ и у казанскихъ татаръ, составляютъ преимущественно жирныя и мучнистыя кушанья. *Чуръпаря*, маленькіе пирожки съ изрубленнымъ мясомъ, сваренные въ маслѣ или водѣ. *Баламыкъ*, отваръ варенаго мяса съ мелко натертымъ саломъ или «крутомъ». *Крутъ*, засушенный творогъ, въ родѣ сыру. *Бишъ-бармакъ*, искрошенное мясо съ кусочками тѣста, сваренное въ маслѣ или водѣ. Бишь-бармакъ ѣдятъ пригоршней, отчего онъ и получилъ свое названіе—«бишъ-бармакъ», что значитъ въ переводѣ—пять пальцевъ. Къ числу башкирскихъ кушаній относятся также обыкновенныя татарскія блюда: *каймакъ*, *салма*, *катыкъ* и проч. Любимая пища башкиръ—лошадиное мясо и баранина Изъ напитковъ наиболѣе употребительны: чай, кумысъ и «айранъ».

Башкиры очень гостепріимны и подчуютъ своими національными яствами всякаго гостя безъ разбора, къ какой бы онъ народности ни принадлежалъ и какого бы онъ званія или сана ни былъ. Посѣтитъ его торговецъ, чиновникъ или начальникъ кантона (башкирской волости), башкиръ рѣжетъ и жаритъ цѣлаго барана, на истребленіе котораго сходятся и всѣ сосѣди хозяина. При этомъ, башкиры никогда не снимаютъ шапокъ передъ гостемъ, будь онъ

даже ихъ начальство; они съ достоинствомъ подаютъ ему руку и разговариваютъ, какъ равный съ равнымъ.

Религія башкиръ, какъ и у всѣхъ татаръ,—мусульманская. Духовенство ихъ подчинено оренбургскому муфтію. По обыкновенію всѣхъ мусульманъ, башкиры имѣютъ при каждой мечети школы, въ которыхъ муллы занимаются обученіемъ дѣтей. Однако, мусульманская грамота мало приноситъ пользы башкирамъ.

Религіозныя празднества и народныя увеселенія у башкиръ тѣ-же самыя, что и у татаръ. Посты и праздники рамазана и курбанъ-байрама они исполняютъ, хотя менѣе фанатично, чѣмъ казанскіе татары, но съ соблюденіемъ тѣхъ-же обрядовъ и обычаевъ, что и у послѣднихъ. Изъ народныхъ празднествъ башкиры, подобно казанскимъ татарамъ, совершаютъ праздникъ *сабанъ*, въ началѣ весны, предъ выселеніемъ въ кóши, и праздникъ *зігинъ* или джіинъ, лѣтомъ, во время кочевокъ. Оба торжества эти справляются: первый—гдѣ-нибудь въ полѣ, близь деревни, а второй — на мѣстахъ кочевокъ. Празднества сопровождаются, какъ и у прочихъ татаръ, объяденіемъ, питьемъ кумыса или бузы, пѣніемъ пѣсней и скачками или борьбою съ призами. Побѣдитель получаетъ какой-нибудь разшитый платокъ изъ рукъ лучшей женщины или дѣвушки, и награждается возгласами толпы: «мердясь! мердясь!» (исполать, браво!). По окончаніи состязанія, участвовавшіе въ немъ молодые джигиты ходятъ по всѣмъ дворамъ, съ пожеланіемъ хозяевамъ хорошаго урожая и всего лучшаго въ жизни, за что получаютъ въ каждой избѣ угощеніе бузою, катыкомъ, баламыкомъ и проч. Во время празднества джіина, совершаемаго на мѣстѣ кочевки, сюда съѣзжаются, какъ на ярмарку, торговцы сластями и плодами, и даже виномъ и водкою, что, впрочемъ, въ послѣднее время преслѣдуется мѣстною администраціею.

Семейные обряды и обычаи башкиръ также напоминаютъ соотвѣтствующіе татарскіе обычаи. Заключеніе брака у башкиръ

основано также на взносѣ со стороны жениха выкупа за невѣсту или *калыма*. Цѣнность выкупа опредѣляется, обыкновенно, состояніемъ жениха, и заключается у самыхъ бѣдныхъ въ возѣ дровъ или сѣна, а у самыхъ богатыхъ цѣнность калыма достигаетъ иногда до 3,000 рублей. Сватовство начинается, очень часто, въ то время, когда женихъ и невѣста еще не вышли изъ пеленокъ. Сватъ со стороны жениха, обыкновенно ближайшій родственникъ его, отправляется къ отцу невѣсты и, спросивъ о здоровьѣ деревенскихъ стариковъ, поговоривъ, затѣмъ, о томъ о семъ, объявляетъ подъ конецъ о цѣли своего посѣщенія. Если послѣдуетъ согласіе со стороны отца невѣсты, то свата немедленно угощаютъ чаемъ, котораго онъ выпиваетъ чашекъ 10 или 15, потомъ подчуютъ бишь-бармакомъ, при чемъ хозяинъ дома долженъ подавать свату кусочекъ мяса собственными пятью пальцами; вслѣдъ за тѣмъ угощаютъ опять чаемъ.

Обрядъ вѣнчанія и свадебное торжество совершается у башкиръ одинаково съ татарами.

Вообще, родство этихъ двухъ тюркскихъ племенъ очень близкое, какъ по происхожденію, такъ и по всѣмъ этнографическимъ признакамъ: по языку, по физическому типу, по одеждѣ, жилищамъ, пищѣ и по народнымъ обычаямъ и обрядамъ. Все отличіе башкиръ отъ татаръ въ настоящее время заключается отчасти въ образѣ жизни, а также въ степени матеріальнаго благосостоянія; но все это объясняется болѣе низкимъ уровнемъ развитія башкиръ. Указываютъ также на большую свободу, которою пользуются башкирскія женщины, на отсутствіе у послѣднихъ обычая закрывать лица, на отсутствіе въ самихъ башкирахъ склонности къ осѣдлости, труду и домовитости, но и это все составляетъ такіе признаки, которые не даютъ права раздѣлять оба эти народа на два совершенно различныхъ племени, и которые легко сглаживаются подъ вліяніемъ постепеннаго развитія народа.

Вѣроятно, вслѣдствіе крайне-тяжелой матеріальной обстановки и

весьма слабаго умственнаго развитія башкиръ, численность этого племени, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, съ каждымъ годомъ замѣтно сокращается. Безъ сомнѣнія, часть башкиръ, при этомъ, слилась и продолжаетъ до сихъ поръ сливаться съ русскою народностью; остальная-же часть, по неимѣнію силъ и средствъ выдержать конкурренцію съ окружающею болѣе развитою народностью, неминуемо обречена на вымираніе. Въ этомъ отношеніи участь башкирскаго народа столь-же печальна, какъ и судьба многихъ другихъ, уже окончательно вымершихъ инородцевъ. Но для башкиръ есть еще много времени впереди, и если всѣ мѣры за это время направлены будутъ тѣми, отъ кого это зависитъ, къ ускоренію и облегченію сліянія ихъ съ господствующею націею, то башкирская народность можетъ еще, такъ сказать, продолжиться въ общей жизни съ великимъ русскимъ народомъ, въ сліяніи съ которымъ и заключается единственное спасеніе для всѣхъ полудикихъ, инородческихъ племенъ въ Россіи.

V. МЕЩЕРЯКИ.

Прошлая судьба мещеряковъ. Современный бытъ ихъ.

Мещеряки или мещера — турко-финское племя или, лучше сказать, отчасти отатарившееся, отчасти обрусѣвшее финское племя, уцѣлѣвшее нынѣ только въ Уфимской, Пермской, Пензенской и Саратовской губерніяхъ, въ количествѣ около 140,000 душъ обоего пола. Въ прежнее-же время мещера населяла такъ называемую Мещерскую область, въ составъ которой входила часть нынѣшней Рязанской губерніи къ сѣверу отъ рѣки Оки, сѣверные уѣзды Тамбов-

ской и западные уѣзды Пензенской, гдѣ мещеряки уцѣлѣли и донынѣ. Независимо отъ этого мещера обитала въ предѣлахъ бывшаго Казанскаго царства, въ нынѣшнихъ губерніяхъ Пензенской и Симбирской, по правую сторону Волги, откуда этотъ народъ бѣжалъ въ Башкирію, вслѣдствіе разрушенія русскими Казанскаго царства. Такимъ образомъ, съ давнихъ поръ одна часть мещеры подпала подъ вліяніе и власть татаръ, а другая — подъ вліяніе русскихъ, вслѣдствіе чего и нынѣшніе мещеряки представляютъ два совершенно различныхъ между собою типа—обрусѣвшей и отатарившейся мещеры. Такъ, пензенскіе мещеряки (которыхъ считается свыше 30,000 душъ) совершенно обрусѣли, утратили свой языкъ и говорятъ только по-русски, подобно своимъ русскимъ сосѣдямъ, исповѣдуютъ православную вѣру, однимъ словомъ, весьма мало отличаются отъ русскихъ крестьянъ, кромѣ удержанія за собою названія мещеряковъ и легкихъ оттѣнковъ произношенія, напримѣръ, употребленія звука *ц* вмѣсто *ч*, и можетъ быть нѣкотораго различія въ чертахъ лица. Такимъ образомъ, пензенскіе мещеряки находятся въ послѣдней степени обрусѣнія и скоро исчезнутъ также безслѣдно, какъ исчезли ихъ соплеменники другой части Мещерской области, въ которой можно однако-же встрѣтить слѣды обрусѣнія мещеры. Такъ, въ Рязанской губерніи, жители сѣверной части Спасскаго уѣзда, по теченію р. Пры, называютъ себя мещеряками, хотя уже ничѣмъ не отличаются отъ русскихъ, ни въ языкѣ, ни въ нравахъ, ни въ обычаяхъ.

Жилище мещеряковъ составляетъ: черная изба, холодныя сѣни, вышка, клѣть, конюшня, сарай, баня и т. д. Избы у мещеряковъ строются различно, но вообще должно замѣтить, что въ дворахъ мещеряковъ много различныхъ пристроекъ, а въ домахъ замѣтно отсутствіе чистоты и опрятности. Въ избѣ и свиньи съ поросятами, и овцы съ ягнятами, и коровы съ телятами; валяется всякій хламъ, отчего въ избахъ сырость и тяжелый воздухъ.

Одежда мужская—лѣтняя, обыкновенно, состоитъ изъ бѣлой холстяной рубахи, съ краснымъ оподольникомъ, и краснымъ-же, шитымъ бумагою, косымъ воротомъ, и изъ бѣлыхъ-же штановъ. Затѣмъ идетъ зипунъ изъ черной шерстяной матеріи, собственнаго издѣлія; бѣлыя, посконныя онучи и лапти. Въ зимнее время къ описанной одеждѣ прибавляется полушубокъ и тулупъ, суконныя онучи и шапка съ высокимъ, плисовымъ верхомъ о четырехъ углахъ. Молодыя дѣвушки, лѣтъ до 15, носятъ длинныя, бѣлыя рубахи, съ воротомъ шитымъ шерстью или бумагою, красною и другихъ цвѣтовъ; рубаху подпоясываютъ поясомъ, съ плетями на концахъ, довольно низко, и, перепуская ее вдвое, дѣлаютъ пазуху или, по ихъ, *пазицу*. Сверхъ рубахи надѣваютъ такъ называемый *чупрунъ*, который шьется изъ бѣлаго, тонкаго, неваленаго сукна, съ распашкою напереди, длиною нѣсколько ниже колѣнъ; бока, рукава, полы и подолъ чупруна обкладываются красными или зелеными лентами изъ такого-же сукна. Дѣвушки въ этомъ возрастѣ стригутъ маковку, голову подвязываютъ холщевыми, на подобіе полотенцевъ, платками, а въ праздникъ ситцевыми; на ногахъ носятъ бѣлыя онучи и лапти; голени-же обертываютъ черными, шерстяными, тонкими онучами, называемыми *повилами*; въ ушахъ носятъ большіе, съ проволочными кольцами серьги. Одежда замужнихъ женщинъ, обыкновенно, состоитъ изъ такой-же длинной рубахи, какую носятъ дѣвушки, и суконной, толстой понявы, которая бываетъ длиною не болѣе одного аршина; на ногахъ носятъ лапти, онучи и повилы; на головахъ-же носятъ особый уборъ, въ видѣ роговъ, которыя покрываются бѣлымъ, холщевымъ платкомъ, называемымъ уннкомъ.

Не смотря на значительное обрусѣніе, мещеряки Пензенской губерніи до сихъ поръ сохранили много старинныхъ обычаевъ и обрядовъ, которые не соблюдаются у окружающаго ихъ великороссійскаго населенія, хотя очевидно, что многіе изъ этихъ обычаевъ происхожденія славянскаго.

При рожденіи младенца, мещеряки замѣчаютъ время мѣсяца. Напримѣръ, по ихъ мнѣнію, если младенецъ родился въ началѣ мѣсяца, то это значитъ, что младенецъ проживетъ долго, если-же въ концѣ, то умретъ скоро. Мещеряки особенно радуются рожденію мальчика; при рожденіи, хозяинъ рѣжетъ барана, поросятъ, куръ берутъ водки, однимъ словомъ, готовятся къ пиру; при рожденіи-же дѣвочки, только богатые пируютъ. Въ крестные отцы беретъ, обыкновенно, изъ чужаго дома, а въ крестныя матери изъ своихъ родственниковъ, именно изъ сестеръ, племянницъ и т. д. У кого дѣти часто умираютъ, родители стараются брать такого кума и куму, у которыхъ много живыхъ крестниковъ, думая, что жизнь младенца зависитъ отъ выбора кумовьевъ. Мещеряки причащаютъ младенцевъ послѣ каждыхъ шести недѣль, и матери особенно хлопочутъ о томъ, чтобы не выпускать, какъ онѣ говорятъ, младенца изъ шести недѣль.

Первопачальный сговоръ къ свадьбѣ происходитъ между парнемъ и дѣвушкой на игрищахъ и посидѣлкахъ и потому браки у мещериковъ рѣдко происходятъ по принужденію. Условившись между собою, парень проситъ отца просватать извѣстную дѣвушку. Если дѣло идетъ на ладъ, отецъ жениха покупаетъ вина, поитъ отца невѣсты и родственниковъ ея, сохраняя впрочемъ дѣло въ тайнѣ. Затѣмъ идетъ къ священнику и проситъ благословенія начинать сватанье. Выбравъ кого нибудь поопытнѣе изъ родственниковъ невѣсты, или *схожатаго*, онъ посылаетъ его въ домъ невѣсты съ формальнымъ предложеніемъ о сватовствѣ. Выпивъ и угостивъ родителей, схожатый начинаетъ свое дѣло такъ: «Я къ вамъ пришелъ, дядюшка и тетушка! Я купецъ, у васъ, слышалъ я, есть товаръ». «Есть родимый, да дорогъ»; отвѣчаетъ мать невѣсты. «Намъ такого и нужно, отвѣчаетъ съ своей стороны схожатый: мы люди не простые». Тутъ съ обиняковъ дѣло переходитъ на прямой разговоръ о сватовствѣ. Мать невѣсты объявляетъ цѣну своей дочери, которая простирается

иногда до нѣсколькихъ десятковъ рублей, да требуетъ еще полушубокъ, зипунъ, онучи и лапти; уговариваются также сколько женихъ обязанъ привезти въ домъ невѣсты вина: одно ведро на столъ и одно подъ столъ, или два ведра на столъ и столько же подъ подъ столъ (подъ столъ вино назначается для дома невѣсты, а на столъ идетъ на угощеніе гостей). Уладивши на первый разъ дѣло, схожатый идетъ домой. Къ нему подходитъ отецъ жениха и распрашиваетъ его о сватовствѣ. Если все улажено хорошо, схожатый и отецъ жениха идутъ въ домъ невѣсты для рукобитья. На рукобитье опять приноситъ вино, уговариваются о клажѣ (т. е. платѣ жениха и о приданомъ), даютъ другъ другу руки и схожатый разнимаетъ ихъ; такимъ образомъ полагается начало свадьбѣ. Надобно замѣтить, что отецъ невѣсты во время всѣхъ этихъ переговоровъ старается держаться въ сторонѣ, предоставляя все дѣло главнымъ образомъ на усмотрѣніе жены. Онъ говоритъ, указывая на нее: «вонъ съ ней говорите; это не нашъ, а ее товаръ». Чрезъ нѣсколько дней послѣ рукобитья бываетъ *запой*. Въ назначенный день въ домѣ невѣсты собираются ея родственники; отецъ жениха собираетъ также своихъ, беретъ съ собою хлѣба, пироговъ, поросенка, часть говядины, блиновъ, вина ѣдетъ въ домъ невѣсты, гдѣ бываетъ пиръ, который и называется запоемъ; во время запоя невѣста сидитъ въ вышкѣ и не показывается гостямъ; жениха на запоѣ не бываетъ также. Случается, что послѣ запоя пронесется слухъ, что невѣста имѣетъ какіе либо недостатки, которые ранѣе скрывались. Въ такомъ случаѣ отецъ невѣсты беретъ рубль или два, и ѣдетъ въ домъ невѣсты, объявляя, что онъ хочетъ посмотрѣть невѣсту, платя за это безчестье. Мать торгуется и, потомъ, за извѣстную плату соглашается показать невѣсту и дѣйствительно показываетъ. Если невѣста окажется дѣйствительно съ недостатками, отецъ жениха, пріѣхавъ домой, посылаетъ схожатаго къ невѣстѣ съ отказомъ.

Наканунѣ свадьбы съ жениха берутъ деньги слѣдующимъ по-

рядкомъ: отецъ жениха идетъ къ схожатому и говоритъ ему, что нынѣ слѣдуетъ отдать деньги за нѣвѣсту. Схожатый идетъ къ невѣстѣ и говоритъ отцу ея, чтобы онъ готовился. Спустя нѣкоторое время, отецъ жениха собираетъ своихъ родственниковъ, которые съ схожатымъ, отцомъ жениха и матерью его идутъ вмѣстѣ въ домъ невѣсты, со всѣмъ нужнымъ для пированья. Погулявши въ домѣ невѣсты, родственники жениха идутъ домой, а выбранный дружка остается и беретъ у дѣвушекъ рубаху для жениха, заплативъ за нее по состоянію жениха нѣсколько рублей. Въ день свадьбы схожатый отвозитъ отъ жениха невѣстѣ шубу, зипунъ, онучи, лапти и велитъ имъ готовиться къ поѣзду. Передъ поѣздомъ родители жениха благословляютъ его, послѣ чего всѣ поѣзжане, посидѣвши немного, молятся, и испрашиваютъ благословенія у родителей жениха къ поѣзду. Выйдя на дворъ, дружка три раза обходитъ съ иконою весь поѣздъ и говоритъ: кто съ нами, тотъ садись въ сани, а кто не съ нами, тотъ поди прочь. Затѣмъ съ разными церемоніями отправляются въ домъ невѣсты, гдѣ начинается подчиванье виномъ всей компаніи. По окончаніи подчиванья, жениха и невѣсту выводятъ изъ-за стола и сажаютъ въ разныя телеги или сани; дружко опять обходитъ поѣздъ съ иконой и поѣздъ отправляется. Послѣ вѣнчанія молодыхъ уводятъ въ церковную караулку, гдѣ на новобрачную надѣваютъ женскій уборъ и уѣзжаютъ домой. При въѣздѣ въ домъ стрѣляютъ нѣсколько разъ изъ ружья; это дѣлается для предохраненія молодыхъ отъ порчи колдунами, которые, вслѣдствія выстрѣла, теряютъ память, и потому колдовство ихъ не можетъ уже дѣйствовать. На крыльцѣ молодые встрѣчаются родственниками, обсыпаются хмѣлемъ и входятъ въ избу по разостланному холсту. Молодыхъ усаживаютъ на лавкѣ: жениха въ шапкѣ, а невѣсту подъ покрываломъ. Дружко взлѣзаетъ на лавку, обходитъ молодыхъ три раза, каждый разъ ударяя голову жениха о голову невѣсты и приговариваетъ: «сколько у меня пинечковъ, столько за вами сыночковъ,

сколько въ лѣсу кочекъ, столько бы у васъ дочекъ»; затѣмъ снимаетъ съ жениха шапку, а съ невѣсты покрывало, и идетъ съ свахою въ клѣть нагрѣвать постелю для молодыхъ, разостлавъ по ней кушакъ, которымъ былъ подвязанъ. На другой день молодые ѣдутъ звать родственниковъ невѣсты въ гости къ жениху и пиръ продолжается дня два. Черезъ недѣлю отецъ невѣсты дѣлаетъ пиръ у себя и зоветъ родственниковъ жениха; этотъ пиръ называется *отпиръ*. Молодая недѣли черезъ три ходитъ въ гости къ матери, гдѣ обыкновенно гоститъ недѣль шесть. Мещеряки всегда стараются брать невѣсту изъ своего села или въ сосѣднемъ же мещерякскомъ; брать же жену въ дальнемъ селѣ или не мещерякскомъ, считается безчестьемъ.

Нѣкоторыя особенности въ обычаяхъ замѣчаются у мещеряковъ и при смерти и погребеніи. Такъ во время сопровожденія покойника въ церковь, мужчины слѣдуютъ около гроба повязанные бѣлыми платками, а женщины идутъ не въ дальнемъ разстояніи отъ гроба и всѣ плачутъ въ голосъ, причитывая каждая свое. Въ сороковой день совершаютъ поминки, на которые приглашаютъ родственниковъ и духовенство. Послѣ панихиды женщины выходятъ во дворъ къ воротамъ и плачутъ, провожая покойника на небеса, такъ какъ, по ихъ вѣрованію, до 40 дней душа покойника еще пребываетъ на землѣ, въ своемъ домѣ. Въ дни, назначенные для поминовенія, на могилы приносятъ блины, пироги, брагу, яйца и т. д., вырываютъ небольшую ямку и кладутъ туда по немногу всего съѣстного, остальное съѣдаютъ сами.

Мещеряки вообще довольно религіозны, хотя религіозность ихъ болѣе ограничивается соблюденіемъ внѣшней стороны христіанскаго ученія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, среди нихъ распространено много суевѣрій, впрочемъ общихъ съ коренными русскими.

Въ характерѣ своемъ мещеряки не представляютъ какихъ нибудь рѣзкихъ особенностей; они довольно смышлены, въ послѣднее время охотно заботятся объ образованіи своихъ дѣтей. Главный ихъ про-

мыселъ—земледѣліе; а у пензенскихъ мещеряковъ есть свой промыселъ—битье коноплянаго масла.

Отатарившіеся мещерики сохранили кажется еще менѣе своихъ національныхъ особенностей, чѣмъ мещеряки—христіане. Всѣ они исповѣдуютъ магометанскую религію и вообще относятся очень ревностно къ исполненію предписаній своего закона.

Мещеряки—магометане живутъ на земляхъ, составлявшихъ нѣкогда собственность башкирцевъ и считаются ихъ *«припущенниками»*. Они народъ совершенно осѣдлый, живутъ деревнями въ хорошо устроенныхъ домахъ на русскій образецъ. Главный промыселъ ихъ хлѣбопашество и скотоводство. Мещеряки здоровы, крѣпко сложены, опрятны, одѣты чисто. Одежда ихъ таже, что и у татаръ, тюбитейка, бѣлая войлочная шляпа лѣтомъ, а зимой мерлушковая шапка или овчинный малахай, рубаха холщевая или ситцевая длиною ниже колѣнъ, широкіе шаровары, бешметъ, халатъ или азямъ изъ сукна или болѣе легкой матеріи. Жены и дочери мещеряковъ также одѣваются опрятно: ситцевая съ многими оборками внизу рубашка, бешметъ и кожбакъ т. е. нагрудникъ изъ серебряныхъ монетъ разной величины составляютъ обыкновенный ихъ костюмъ. Какъ на особенность можно указать на то, что у мещеряковъ, не въ примѣръ другимъ магометанамъ, женщина пользуется значительною свободою; въ мещерякскихъ деревняхъ нерѣдко можно видѣть молодыхъ дѣвушекъ и парней вмѣстѣ на игрищахъ, чего нельзя встрѣтить въ другихъ мусульманскихъ селеніяхъ.

VI. ТЕПТЯРИ.

Тептяри-магометане и Тептяри-язычники. — Характеръ, обряды и обычаи.

Тептяри не представляютъ какого нибудь обособившагося типа, а, есть помѣсь татаръ и финскихъ народцевъ: черемисъ, чувашей, вотяковъ и мордвы. Они живутъ въ губерніяхъ: Оренбургской, Уфимской, Вятской и Пермской, преимущественно на земляхъ прежде принадлежавшихъ на правѣ собственности башкирцамъ.

Тептяри въ настоящее время раздѣляются собственно на два разряда: тептярей-татаръ и тептярей язычниковъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ племени въ настоящее время есть лица принявшіе христіанскую вѣру. Сообразно этому дѣленія на магометанъ и язычниковъ и въ ихъ образѣ жизни, въ нравахъ, обычаяхъ, существуетъ значительная разница. Тептяри магометане подверглись сильному вліянію татаръ или, лучше сказать, совершенно отатарились. Но, исповѣдуя магометанскую религію, тептяри, кажется, не имѣютъ о ней надлежащаго понятія и не въ состояніи объяснить какой нибудь изъ самыхъ обыкновенныхъ религіозныхъ обрядовъ. Можно съ увѣренностью сказать, что религія тептярей состоитъ только въ наружныхъ формахъ. Богослуженіе они совершаютъ въ мечетяхъ, въ которыя женщины не имѣютъ права входить. Языкъ тептярей-татаръ, татарскій; одежда также татарская.

Тептери-татары вообще любятъ пощеголять нарядомъ и похвастаться хорошею вещью, хотя бы она была воровская или взятая на время у сосѣда. Если тептяръ идетъ въ гости, особенно къ женіной роднѣ и, если у него нѣтъ собственнаго приличнаго платья, онъ, не стѣсняясь, отправляется къ сосѣду, вымѣниваетъ тамъ платье,

даетъ ему хорошія деньги, часто не много меньше того, что стоитъ вещь и, получивъ платье, съ радостію идетъ домой. Точно также нерѣдко собираетъ со всей деревни и нарядную сбрую для лошади для поѣздки въ гости, и также за деньги. Добрая хозяйка ни въ чемъ не отстаетъ отъ мужа. Она точно также собираетъ почти по всей деревнѣ свой костюмъ, гдѣ платокъ гдѣ рубашку, и точно также, тѣмъ или другимъ способомъ, платитъ за прокатъ. Потомъ румянится и бѣлится. Разрядившись такимъ образомъ, она садится съ своимъ супругомъ въ сани или телѣгу, смотря по времени года, наполненныя перинами и подушками, и отправляется въ гости: оба веселы, счастливы, имъ нѣтъ дѣла до того, что, возвратившись домой, они за все должны платить, и платить не мало. Такъ какъ деньги у тептяръ бываютъ рѣдко, особенно же запасныя, то онъ отдаетъ сосѣду землю, часто еще незасѣянную и такимъ образомъ избавляетъ себя отъ труда обработывать ее. Если сосѣдъ несоглашается взять невспаханную землю, а въ гости ѣхать нужно, то онъ готовъ отдать и вспаханную и засѣянную землю, лишь-бы тотъ далъ ему свое платья.

Селенія тептярей-татаръ бѣдны, неопрятны; улицы узкія, кривыя; дома—это по большей части ветхія избушки безъ сѣней, окна безъ рамъ, просто затянутыя пузыремъ; только зажиточные имѣютъ двѣ сколько нибудь сносныя избы, а между тѣмъ деревни расположены въ лѣсу и часто на собственной землѣ тептярей находится лѣсъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что внутри домъ содержится опрятно. Войдите въ самую бѣдную избушку, и тамъ всегда найдете вымытый полъ, выбѣленную печку, чистый столъ, нары и лавку. Зажиточные тептяри, имѣющіе двѣ избы, одну называютъ горницей; устройство избы вездѣ совершенно однообразное; кругомъ стѣнъ нары, въ переднемъ углу столъ, около стѣнъ развѣшаны полотенца съ концами, вышитыми красной бумагой или даже шелкомъ; на нарахъ положенъ коверъ, а въ углахъ разставлено нѣсколько сундуковъ, на которыхъ

чуть не до потолка навалены перины и подушки. Сундуки часто очень хороши и довольно дороги, но загляните въ сундукъ и тамъ окажется какая нибудь никуда негодная уже вещь. У задней стѣны въ избѣ стоитъ шкафъ съ чайной посудой; иногда цѣлая полка занята чайниками; невольно подумаешь, для чего такое множество чайниковъ, но когда присмотришься внимательнѣе, то окажется, что изъ нихъ одинъ, много два, годны къ употребленію, а другія—который безъ бока, который безъ носа, третій совсѣмъ безъ дна,—но всѣ они разставлены такъ тщательно у стѣны, что издали кажется, что всѣ они цѣлы. Таже самая исторія и съ чайными чашками. Подлѣ печи на особо сдѣланномъ мѣстѣ красуется самоваръ, чисто вычищенный, а у богатыхъ даже два, а рядомъ съ нимъ мѣдный умывальникъ, въ видѣ кувшина и мѣдный тазъ.

Не смотря на счастливую мѣстность и почти вездѣ достаточное количество полевыхъ и лѣсныхъ угодій тептяри все-таки весьма часто сидятъ безъ хлѣба. Пріѣзжайте когда угодно въ тептярскую деревню и вы всегда увидите у воротъ какого-либо дома человѣкъ десять, а если деревня большая, то и больше тептярей; они преспокойно сидятъ и нѣжатся на солнцѣ, а что дѣлается въ полѣ, имъ нѣтъ дѣла. А между тѣмъ, употреби они хотя незначительный трудъ, земля давала-бы обильный плодъ; вѣдь только и нужно, что вспахать да посѣять. Да и не однимъ хлѣбопашествомъ они могли-бы заняться: у нихъ подъ бокомъ озеро полное рыбой, у нихъ кругомъ лѣсъ. Чего-бы кажется недоставало жить имъ безбѣдно, такъ нѣтъ: спросите у любого тептяря, зачѣмъ онъ дома, а не работаетъ въ полѣ, и онъ навѣрное найдетъ какую нибудь отговорку: или скажетъ, что болѣнъ, или что у него нѣтъ лошади, не на чѣмъ работать, а у другаго есть лошадь, такъ соха на два дома одна,—сегодня не его очередь. Спросите отчего онъ дома, когда могъ-бы идти хотя въ лѣсъ охотиться, онъ скажетъ что порохъ дорогъ, а навѣр-

но не знаетъ даже цѣну ему и никогда не справлялся. Спросите отчего не рыбачитъ,—отвѣтъ готовъ,—снастей нѣтъ.

Но взамѣнъ недостатка трудолюбія тептяри имѣютъ замѣтную склонность къ торговлѣ, какъ къ труду болѣе другихъ легкому. Сколотивъ какъ - нибудь, а иногда просто укравши, какъ - нибудь, пять рублей, тептярь идетъ въ городъ, покупаетъ разныхъ мелочей: иголокъ, булавокъ, тесемокъ и т. п. Подговоривши себѣ товарища съ лошадью, такой торговецъ ѣдетъ по деревнямъ; гдѣ можно украсть—украдетъ, гдѣ можно надуть—надуетъ. Поторговавши въ одной деревнѣ, они отправляются далѣе; прійдетъ время обѣдать, наши торговцы выбираютъ какой - нибудь домъ побогаче, преспокойно въѣзжаютъ во дворъ, распрягаютъ лошадь, даютъ ей хозяйскаго корму, а сами идутъ въ избу, садятся за столъ и просятъ обѣдать. Добрая хозяйка рада не рада, а угощаетъ незваныхъ гостей. Боже сохрани обидѣть отказомъ такого торговца: онъ найдетъ случай отомстить — подведетъ конокрадовъ или что-нибудь другое да сдѣлаетъ. Послѣ обѣда и отдыха купцы отправляются далѣе и дарятъ хозяйкѣ, въ знакъ благодарности, иголку, либо вещичку, которой красная цѣна 2 коп. Объѣхавъ такимъ образомъ нѣсколько деревень и распродавъ свой товаръ, торговецъ возвращается домой, нажившн рубль на рубль. Но онъ не поѣдетъ опять за товаромъ, а покупаетъ чаю, сахару, моханины (конскаго мяса), покушаетъ до сыта, ляжетъ на пуховики и цѣлый день распиваетъ чай. Вотъ тутъ-то предложите ему какой-нибудь трудъ, хотя-бы на самыхъ выгодныхъ условіяхъ,—онъ откажется. Онъ не разсчитываетъ на завтра, ему нѣтъ дѣла до будущаго.

Нельзя сказать, чтобы тептяри были сплошь бѣдняки; встрѣчаются между ними и зажиточные. Но нравственная сторона богатыхъ, ничѣмъ не лучше бѣдняковъ: они также лѣнивы и плутоваты Это и не мудрено, такъ какъ богатство наживается не трудомъ, а больше плутнями и воровствомъ. Обезпечивъ себя небольшимъ ка-

питаломъ, тептярь можетъ уже жить бариномъ. Напримѣръ, сосѣду вздумается напиться чаю, — дома его нѣтъ, купить не-на-что, онъ идетъ къ богатому, проситъ его и даетъ ему въ обмѣнъ свою полосу земли, часто уже засѣянную. Нужно платить подать, а денегъ нѣтъ, и бѣдняки цѣлыми толпами идутъ къ зажиточному сосѣду просить денегъ и тутъ-то отдаютъ ему въ аренду сѣнокосы, озера, поля за самую дешевую плату. Сколько-нибудь зажиточный тептярь самъ работать уже не станетъ ни зачто; трудъ онъ считаетъ равнымъ тѣлесному наказанію: еслибъ его кто-нибудь насильно заставилъ работать, то онъ считалъ-бы себя несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ, и навѣрное жаловался-бы. Привычки тѣ же, что у богатаго, что у бѣднаго: если первый не согласится идти воровать самъ, то очень радъ купить что-нибудь краденое, особенно, если можно извлечь изъ этого выгоду. Кромѣ лѣни и воровства, этихъ главныхъ качествъ тептярей-татаръ, есть еще одно—страсть къ ябедничеству. Стоитъ только поссорится изъ-за чего нибудь двоимъ сосѣдямъ—они сейчасъ идутъ судиться.

Во многихъ отношеніяхъ противоположныя черты характера и быта представляютъ тептяри-язычники, не составляющіе, впрочемъ столь опредѣленнаго типа, какъ тептяри-магометане или точнѣе татары. Это зависитъ, конечно, прежде всего оттого, что они произошли, какъ уже было сказано выше, изъ смѣси черемисъ, чувашъ, мордвы и вотяковъ, почему и въ вѣрованіяхъ, и въ характерѣ они представляютъ какую-то странную смѣсь отличительныхъ чертъ этихъ послѣднихъ народцевъ.

Наружность ихъ вообще непривлекательна: небольшой ростъ худо сложенное тѣло, угловатыя формы, продолговатое лице, маленькіе вѣчно красные глаза, тонкій голосъ, рыжіе, большею частію, волосы, всегда выстриженные, клинообразная борода; во взглядѣ видны хитрость и недовѣрчивость. Исповѣдуя языческую религію, кромѣ Бога, котораго они считаютъ существомъ высшимъ обитаю-

щимъ на небѣ, признаютъ еще власть надъ собою злаго духа—Кереметя, и убѣждены, что всѣ несчастья, какія испытываетъ человѣкъ, совершаются по волѣ Керемети. О загробной жизни они имѣютъ самыя сбивчивыя понятія. Но они вѣрятъ, что и за гробомъ человѣкъ живетъ, почему съ умершимъ кладутъ древесную вѣтвь, чтобы ему было чѣмъ, какъ они говорятъ, отгонять собакъ, которые на томъ свѣтѣ будутъ его кусать. Религіозные обряды ихъ состоятъ въ жертвоприношеніи, совершаемомъ разъ въ годъ въ честь Кереметя.

Тептяри-язычники кротки, смирны, не любятъ ссоръ, но если разъ поссорятся, то мстятъ цѣлую жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ честность ихъ считается, у живущихъ съ ними, неподкупною. Они трудолюбивы въ высшей степени и вмѣстѣ бережливы и даже скупы, по отношенію къ издержкамъ на себя. Земледѣліе у нихъ находится сравнительно въ хорошемъ состояніи. У рѣдкаго не найдется во всякое время запаснаго хлѣба. Нищій между тептярями-язычниками такая же рѣдкость, какъ богатый — между тептярями-татарами. Скота они держатъ также довольно и имѣютъ за нимъ хорошій уходъ. Селенія ихъ опрятны, улицы широкія, прямыя, дома большіе, удобные; у каждаго почти хозяина по двѣ избы и по нѣсколько пристроекъ. Но въ домашнемъ быту за то тептяри-язычники далеко не такъ опрятны какъ тептяри-татары: здѣсь они довели простоту до крайности. Въ ихъ избахъ сильное зловоніе; скотъ и птица живутъ вмѣстѣ съ хозяевами. Отъ этой неопрятности зависитъ, вѣроятно, сильное развитіе среди нихъ глазныхъ болѣзней. Особенно же между женщинами подъ старость рѣдко можно встрѣтить съ здоровыми глазами.

Изъ числа обычаевъ тептярей-язычниковъ, можно упомянуть обычаи при совершеніи свадьбы. Согласно имъ, каждый женихъ обязанъ непремѣнно украсть свою невѣсту, хотя-бы въ этомъ не предстояло ни малѣйшей надобности. Молодой человѣкъ, задумавъ жениться,

высматриваетъ себѣ невѣсту. Выбравъ по сердцу, ухаживаетъ за ней нѣсколько времени и сговариваетъ сбѣжать съ нимъ.

Пока влюбленные ведутъ переговоры, приговляются къ побѣгу родители какъ той, такъ и другой стороны, хотя и знаютъ объ этомъ, но, если находятъ, что партія подходящая, то притворяются, что ничего не замѣчаютъ и даютъ имъ полную свободу, и родители жениха, кромѣ того, приготовляются къ свадьбѣ. Въ одинъ прекрасный вечеръ дѣвушка покидаетъ навсегда родительскій домъ, выходитъ въ назначенное время на условленное мѣсто. Счастливый женихъ встрѣчаетъ ее, сажаетъ въ тѣлегу или сани и увозитъ домой. На другой день родители невѣсты пускаются въ погоню, обыкновенно зная напередъ, куда дѣвалась дочь, и идутъ прямо въ домъ жениха. Тамъ встрѣчаютъ ихъ какъ дорогихъ гостей, дѣлаютъ условіе о количествѣ калыма и когда кончатъ торгъ,—начинается пиръ. Какъ скупъ тептярь въ обыкновенное время, такъ добръ онъ въ это время и вообще на праздникѣ: тутъ кто-бы ни пришелъ—каждый гость; всѣхъ онъ напоитъ и накормитъ.

Всѣхъ тептярей, какъ мусульманъ, такъ и язычниковъ считается до 130,000 душъ обоего пола.

VII. Ч У В А Ш И.

Въ русскихъ лѣтописяхъ впервые о чувашахъ упоминается по случаю построенія у устья рѣки Суры города Васильсурска въ 1524 году. Во время движенія русскаго войска къ этому мѣсту оно имѣло бой, при чемъ побито было много чувашей. Болѣе основательно говорится о нихъ, по поводу основанія города Свіяжска въ 1561 го-

ду, когда чувашей «привели къ правдѣ». До этаго времени они находились въ полнѣйшемъ порабощеніи татаръ, состоя въ зависимости отъ татарскихъ князей и мурзъ, что продолжалось вплоть до принятія ими крещенія въ 1743 году.

Во время монголо-татарскаго владычества и основанія за тѣмъ казанскаго царства, при распространеніи ислама, чуваши очутились въ полной зависимости побѣдителей, сдѣлались даже крѣпостными князей и мурзъ, въ угоду коихъ приняли нѣкоторые наружные обряды мухаммеданъ. Съ водвореніемъ русскихъ, они причислены къ христіанству. Не смотря на все эти переходы, чуваши нынѣ сохранили въ себѣ очень много первороднаго, своеобразнаго, что разумѣется не могло бы быть, еслибъ существовала болѣе тѣсная связь съ финскимъ либо татарскимъ племенемъ.

Чуваши въ преданіяхъ сохранили мало; они толкуютъ смутно, и то самые разумные, объ общемъ происхожденіи своемъ отъ мужчины и женщины, о всемірномъ потопѣ, о смѣшеніи языковъ, коихъ насчитываютъ до 77, но изъ нихъ главныхъ только 6: татарскій, чувашскій, черемисскій, мордовскій, калмыцкій и русскій. Они говорятъ, что пришли изъ за чернаго моря и изъ за далекихъ горъ. Своимъ предкомъ, родоначальникомъ, они считаютъ чуваша.

Свыкаясь съ физіономіею чуваша, всматриваясь въ ея отдѣльныя черты и сравнивая ихъ съ другими народностями казанской губерніи, нельзя не придти къ заключенію, что выдающіяся скулы, узкій разрѣзъ глазъ и покатый назадъ лобъ суть непремѣнныя признаки чувашскаго типа. Лицемъ они смуглы, глаза каріе или черные, лобъ узкій, носъ тонкій разнаго очертанія, зубы бѣлые, роста средняго, походка тяжелая переваливающаяся, при сильномъ маханіи рукъ. Волосы у нихъ темно-русые, усы и борода густые, ровные, свивающіеся иногда въ видѣ пряди. У женщинъ узкій разрѣзъ глазъ и выдающіяся скулы еще больше замѣтны, чѣмъ у мущинъ.

Одежда мущинъ совершенно схожа съ русскою.

Женская одежда болѣе разнообразна, при чемъ многія мѣстности имѣютъ свои характеристическія оттѣнки одежды, тѣмъ не менѣе, по нѣкоторымъ предметамъ всеобщей носки, легко признать чувашку.

Селенія чувашскія имѣютъ свой особый имъ принадлежащій видъ, имѣющій свое историческое происхожденіе вслѣдствіе монгольскаго нашествія и непріязненнаго обращенія съ ними вслѣдъ за признаніемъ ими русскаго подданства. Желая избѣгнуть всякихъ столкновеній и сохранить свое имущество и женъ, чуваши удалялись съ болѣе открытыхъ мѣстъ, гдѣ нѣсколько столѣтій сряду занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ, и поселялись въ дебряхъ и лѣсахъ, вдали отъ проѣзжихъ на глубинѣ овраговъ и возлѣ проточной воды.

Избы ихъ внутри, отъ постоянной копоти, какъ бы покрыты глянцемъ. Полъ не кладется, а дѣлается изъ битой глины, имѣя видъ, какъ стѣны и всѣ остальныя предметы внутренности, совершенно черный. Другой мебели кромѣ нары, шириною въ ростъ человѣка, нѣтъ; подъ нарами устраиваютъ подполье, для храненія болѣе цѣнныхъ вещей и другихъ принадлежностей.

Чуваши въ общей сложности народъ зажиточный, представляя въ этомъ случаѣ рѣзкую противоположность съ татарами. Между ними почти нѣтъ нищихъ, по крайней мѣрѣ ихъ рѣдко можно встрѣтить въ чувашской деревнѣ, а исправный платежъ податей доказываетъ какъ состоятельность, такъ и порядочность распредѣленія ихъ жизни между отдыхомъ и занятіями. Рѣдкій изъ крестьянъ не имѣетъ у себя въ амбарѣ годоваго запаса хлѣба, притомъ если не больше, то онъ уже считается бѣднѣйшимъ между односельцами, изъ коихъ многіе хранятъ еще дѣдовскій хлѣбъ. Тѣмъ не менѣе какъ бѣдный, такъ и богатый одѣваются одинаково неприхотливо—въ онучи и лапти, и единственнымъ признакомъ степени ихъ состоятельности служитъ большей или меньшей величины дворъ съ разной постройкой и въ особенности большое число анбаровъ, ульевъ и разная скотина.

Не смотря на то, что чуваши живутъ разбросанно своими семьями и дворами, ведутъ жизнь аккуратную и неприхотливую, нельзя отвергать, чтобы они не любили общества, не ходили бы сами въ гости и не принимали бы къ себѣ. Въ свободное отъ занятій время, особенно по вечерамъ, они засиживаются другъ у друга до поздней ночи и выкуривая трубку за трубкою, сидятъ хозяинъ и его досъ т. е. человѣкъ которому онъ далъ обѣтъ неразрывной дружбы, либо хорошій знакомый, родственникъ, разсказывая все то, что недавно видѣли и слышали въ городѣ, на базарѣ, разсуждая объ урожаѣ и сбытѣ хлѣба и даже о торговлѣ, кто ею занимается. Занимающіеся торговлею и болѣе присмотрѣвшіеся къ лучшей жизни соблюдаютъ опрятность и чистоту и потому не только ихъ избы ни чѣмъ не отличаются отъ опрятныхъ и чистыхъ русскихъ избъ, но и посуда кіотъ или божница, содержатся въ щеголеватомъ видѣ. У такихъ крестьянъ можно найти и русскую баню.

Русскіе всѣхъ чувашей зовутъ Васильями Ивановичами причемъ преданіе говоритъ, что іеромонахъ Пуцекъ-Григоровичъ, впослѣдствіи казанскій митрополитъ, обращавшій чувашъ въ христіанство, крестилъ ихъ цѣлыми толпами, давая имъ свое свѣтское имя Василій; воспріемникомъ же былъ діаконъ Иванъ Афанасьевичъ, получившій потомъ мѣсто въ одномъ изъ чувашскихъ приходовъ.

Чуваши смотрятъ на свою жену, какъ на человѣка, котораго они должны любить, какъ на существо имъ вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ подчиненное и способное быть не только подспорьемъ мужа, но и трудиться въ одинаковой съ нимъ мѣрѣ. Отъ этого нигдѣ вѣроятно женщины не работаютъ такъ усердно дома и въ полѣ, какъ у чувашъ; нигдѣ онѣ не ѣздятъ такъ лихо верхомъ, какъ тамъ, за то также этотъ двойной трудъ не остается безъ хорошихъ вознагражденій, какъ для дома, такъ и для жены. Украшенія и наряды женщинъ, сообразно вкусу чувашъ отличаются не только своимъ числомъ, но и богатствомъ, и еслибъ чувашамъ была извѣстна цѣн-

ность драгоцѣнныхъ камней, если бы они въ своей глуши имѣли понятіе о другихъ украшеніяхъ, то вѣроятно бы все это неминуемо появилося на рукахъ, шеяхъ, въ ушахъ и на головѣ ихъ женъ.

Ученіе чувашскихъ дѣтей и распространеніе грамотности идетъ довольно туго и къ народу не привилась еще вполнѣ сознательная охота къ обученію дѣтей.

Вообще нельзя сказать, чтобы дѣло обрусѣнія не шло впередъ много вспомоществуемое новымъ поколѣніемъ, для котораго русскій языкъ тоже самое, что для татарскаго арабскій т. е. щегольство рѣчи. Но ежегодный процентъ приращенія развитія между чувашами идетъ медленнѣе, нежели какъ слѣдовало бы этаго ожидать, судя по успѣхамъ учениковъ. Они не только показали способность къ развитію, но въ будущемъ обѣщаютъ гораздо больше, выказывая хорошія призванія къ той или другой отрасли дѣятельности. Такъ появились священники изъ чувашъ, болѣе значительные торговцы, писаря, сельскіе учителя и всѣ они ни въ чемъ не уступаютъ русскимъ напротивъ того, какъ только они успѣли стряхнуть съ себя вѣковой мохъ угнетенія, дикости и затворничества, во многихъ случаяхъ чуваши выказывались очень способными и не менѣе смѣтливыми, чѣмъ русскій крестьянинъ. Между ними появился даже писатель Михайловъ на русскомъ языкѣ, который помѣщалъ въ казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ рядъ интересныхъ статей о своихъ собратіяхъ и удостоился даже быть членомъ сотрудникомъ Императорскаго русскаго географическаго общества.

Чуваши рѣдко ссорятся между собою и далеко не мстительны, но выведенные изъ терпѣнія похожи на звѣря, который рвется и мечется во всѣ стороны, не зная какъ и чѣмъ причинить наибольшій вредъ обидѣвшему. Въ прежнее время ихъ мщеніе заключалось въ томъ, что они вѣшались на дворѣ обидѣвшаго. Тогда пріѣзжалъ судъ, начиналось слѣдствіе и нескончаемыя притѣсненія не только хозяину

того дома, гдѣ совершилось преступленіе, но и цѣлой деревнѣ. Такое несчастіе называлось у нихъ сухою бѣдою.

ЧУВАШИ.

Какъ не прихотливы ихъ желанія на земномъ поприщѣ, такъ оди-

наково они просты для посмертной жизни. По понятіямъ чувашъ, добродѣтельные люди будутъ наслаждаться счастіемъ въ будущей жизни въ свѣтлой и удобренной странѣ. У нихъ будутъ красивые дома, хорошій скотъ, много товаровъ, столько же хлѣба, богатая одежда и вдоволь пива и меду. Ихъ ожидаетъ вѣчная жизнь, постоянное довольство, веселье и всякія наслажденія.

Напротивъ того, недобродѣтельнаго человѣка ожидаетъ полнѣйшій физическій и душевный недостатокъ. Ему предстоитъ жить въ аду, въ котлообразной безднѣ, среди постоянныхъ мученій, которыя уже начинаются по пути слѣдованія въ эту бездну.

Выборъ невѣсты въ полной мѣрѣ зависитъ отъ жениховъ, но не отъ ихъ родителей. Изъ нихъ болѣе осторожные и благоразумные не ограничиваются тѣмъ, что увидятъ только дѣвушку; нѣтъ многіе изъ нихъ желаютъ знать ихъ образъ мыслей, ихъ способность хозяйничать и потому уговариваютъ своихъ односелокъ, пригласить дѣвушку къ себѣ на гулянье, напримѣръ въ семикъ. Дѣвушку заманиваютъ, угощаютъ на счетъ жениха пряностями, въ то время, какъ онъ ее высматриваетъ и вслушивается въ ея разговоръ. По отъѣздѣ ея, женихъ обязанъ угостить тѣхъ односелокъ, которыя сдѣлали ему такое одолженіе. Другіе же, увидѣвъ дѣвушку, отправляются въ ея деревню, какъ бы покупать хлѣбъ, либо другой товаръ для отца или брата и во время своего разговора, высматриваютъ дѣвушку, которая въ это время подаетъ пиво и прислуживаетъ при закускѣ. Наконецъ есть рѣдкіе случаи, что прибѣгаютъ къ свахамъ или сватамъ. Убѣдившись, что дѣвушка соотвѣтствуетъ требованіямъ, начинается сватанье и вскорѣ послѣ того бываетъ и свадьба, обыкновенно въ періодъ отъ Петрова до Ильина дня, т. е. во время хлѣбнаго цвѣта, когда у чувашенина считается за грѣхъ, заниматься какою либо работою, за исключеніемъ драть лыки. Невѣстъ по большей части выбираютъ изъ другихъ деревень по той причинѣ, что чуваши, селясь по семействамъ

и родоначальникамъ, всѣ между собою въ родствѣ, но тамъ, гдѣ это родство уже очень отдалилось, гдѣ деревня считаетъ свыше 100 дворовъ, тамъ случается, что чуваши берутъ себѣ въ жены изъ той же деревни, что бываетъ однакожъ рѣже, такъ какъ этимъ нарушается свадебный обрядъ, т. е. длинные поѣзды изъ деревни въ деревню.

Обрядная сторона брака состоитъ изъ множества обычаевъ какъ чисто чувашскихъ, такъ и заимствованныхъ у русскихъ и другихъ сосѣдей.

Черезъ недѣлю, три недѣли и полгода, молодые посѣщаютъ родителей и родственниковъ молодой. Каждый разъ поѣздъ увеличивается числомъ сопутствующихъ лицъ. Посѣщенія эти сопровождаются безпрерывнымъ угощеніемъ, причемъ пиво и вино играютъ самую важную роль. Въ третій разъ тесть даритъ своей дочери лошадь, корову, улья или что иное и затѣмъ самъ ѣдетъ въ гости къ молодымъ, гдѣ продолжаются угощенія до 3 и болѣе дней. По истеченіи мѣсяца послѣ свадьбы, молодая надѣваетъ сарпанъ, родъ тонкаго полотенца, вышитаго по краямъ и концамъ, которымъ чувашскія женщины накрываютъ свою голову повседневно.

Согласно прежнимъ извѣстіямъ чуваши язычники имѣли по нѣскольку женъ; кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что такъ какъ жена чувашей цѣнится по ея работѣ, то случалось прежде, что лѣнивыхъ мужъ выгонялъ изъ своего дома, какъ ненужную вещь, не заботясь ни сколько о ея существованіи. За тѣмъ въ силу того же начала, чтобы имѣть работящую помощницу, чуваши женились вслѣдъ за тѣмъ на другихъ; со времени же сближенія съ татарами, принявъ отъ нихъ многое наружное, они могли также найти удобнымъ и непротивузаконнымъ имѣть нѣсколько женъ, нѣсколько работницъ. Теперь это можетъ быть, какъ рѣдкое исключеніе, у некрещенныхъ.

Разрѣшеніе женщинъ отъ бремени необыкновенно легко, что происходитъ какъ отъ хорошаго ихъ тѣлосложенія, такъ и отъ безпре-

рывнаго движенія и работы среди семейныхъ и хозяйственныхъ нуждъ. По рожденіи ребенка у некрещеныхъ чувашъ, болѣе зажиточныхъ, не медля посылаютъ за іомсею, родъ знахаря, который, умывъ ребенка, въ корытцѣ, разбиваетъ надъ головою новорожденнаго два яйца, потомъ отрываетъ пѣтуху голову и все выбрасываетъ за ворота, въ знакъ изгнанія шайтана. Далѣе дѣлаются какія то заклинанія надъ водою, чтобы предсказать судьбу ребенка и потомъ іомся даетъ ему имя. Послѣ сего передается ребенокъ бабкѣ. Другая женщина, какъ бы крестная мать, принимаетъ его, надѣваетъ на него рубашку и отдаетъ матери.

Одѣваютъ, содержутъ и воспитываютъ дѣтей слѣдующимъ образомъ: дитя завертывается въ тряпки, подсыпанныя мелко истолченою древесною гнилушкою. Потомъ укладываютъ его въ лубки, дабы руки и ноги были прямы и завязываютъ, оставляя лицо открытымъ.

Мать питаетъ младенца грудью; соски или рожки вовсе неупотребляются. По истеченіи 4 или 5 мѣсяцевъ, перестаютъ пеленать, одѣвая ребенка въ рубашенку съ краснымъ воротникомъ и начинаютъ давать въ пищу пережованный хлѣбъ съ яйцами и молокомъ пока ребенокъ не начнетъ ходить. Во время занятій матери, она опоясываетъ ребенка веревкою, конецъ которой привязываетъ къ крюку такъ, чтобы ребенокъ имѣлъ возможность ползать кругомъ себя, не трогая тѣхъ предметовъ, которые могутъ ему причинить вредъ. Какъ только прорѣжутся зубы, его сажаютъ за общій столъ и кормятъ яшкою. Въ остальное время онъ ѣстъ довольно крѣпкій сыръ приготовленный изъ творогу. Кафтаны суконные и лапти дѣти надѣваютъ, когда начинаютъ бѣгать. Дѣвочки, кромѣ кафтановъ носятъ балахоны. Дѣти отъ 7 до 10 лѣтъ помогаютъ матери прясть Этотъ же возрастъ, во время лѣтнихъ работъ, остается дома, смотрѣть за птицею и кормить ее, загонять скотъ и помогать старикамъ. Отъ 10 лѣтъ мальчики начинаютъ боронить, плести лапти и стеречь

табуны. Въ 14 и 15 лѣтъ выѣзжаютъ пахать, ѣздятъ зимою за дровами, привыкаютъ къ домашнему мастерству и справляютъ по силамъ всякую работу. Въ 18 лѣтъ ихъ считаютъ уже взрослыми. Дѣвушки 12 лѣтъ помогаютъ матери вышивать, а къ 15 годамъ уже ткутъ, моютъ бѣлье и готовятъ пищу.

Дочерей выдаютъ за мужъ очень поздно, иногда 30 лѣтъ, тогда какъ мужу едва минуло 20 лѣтъ. Дѣлается это для того, чтобы имѣть жену крѣпкую, здоровую и работящую.

По смерти чувашина одна изъ родственницъ разбиваетъ надъ его головою два яйца, а старшій изъ родственниковъ отрываетъ голову пѣтуху и все это бросается за ворота злымъ духамъ, которыхъ просятъ не препятствовать покойнику перейти мирно на тотъ свѣтъ.

Чувашскіе похороны сопровождаются слѣдующими обрядами. Умершій немедленно выносится на дворъ и омывается; зимою это дѣлается въ избѣ. За тѣмъ его одѣваютъ въ лучшее платье и кладутъ въ гробъ въ шапкѣ и въ рукавицахъ; за щеки кладутъ табакъ и деньги, а уши, ноздри, ротъ затыкаютъ шелкомъ, для того, чтобъ при допросѣ на томъ свѣтѣ, ему можно было отвѣчать: «ничего не слыхалъ, ничего не видалъ». Прежде хоронили ихъ на другой же день что впрочемъ и теперь также нерѣдко дѣлается, по тѣснотѣ избъ. Такъ какъ чуваши вѣрятъ въ продолженіе жизни на небесахъ, при тѣхъ же потребностяхъ, какъ на землѣ, то, до прихода священника они кладутъ подъ покойника въ гробъ, на обзаведеніе на томъ свѣтѣ, все то, чѣмъ онъ занимался при жизни. Мужчина получаетъ съ собою тавлинку и табакъ, нѣсколько вина, пива; если былъ плотникъ то топоръ, если пузырщикъ—то пузырь и другія принадлежности, а также и деньги, иногда значительныя суммы. Женщинамъ кладутъ иглы, нитки, ленъ, холстъ и проч. Ихъ также одѣваютъ въ парадное платье съ шапкою на головѣ и въ рукавицахъ. Если умершій былъ очень безобразенъ при жизни, чего чуваши боятся, то гробъ крѣпко закрывается, иногда желѣзными обручами. Бывали случаи

что покойниковъ прибивали подъ сердцемъ, а также ноги гвоздями къ гробу, полагая лишить его возможности вставать и пугать людей. При выносѣ покойника изъ избы, ему кидаютъ вслѣдъ зажженное тряпье или обливаютъ раскаленный камень водою, выражая этимъ желаніе, чтобы онъ одинаково быстро перешелъ на тотъ свѣтъ, какъ улетучивается дымъ.

Покойника иногда не везутъ на телѣгѣ, не несутъ на рукахъ, но даже и лѣтомъ, тащутъ на саняхъ и съ колокольчиками на кладбище. Тамъ вырываютъ яму, становятъ два кола у изголовья и въ ногахъ и на нихъ свѣчи. Направленіе могилы отъ запада къ востоку. Затѣмъ родственники начинаютъ прощаться съ покойникомъ, прося поклониться всѣмъ роднымъ, его опередившимъ, послѣ чего зарываютъ могилу. По окончаніи сего присутствующіе ѣдятъ и пьютъ пиво, бросая кусочки и отливая пиво на могилу. За тѣмъ начинаются поминки, кончающіяся всегда общимъ опьяненіемъ. Платье покойника относится въ амбаръ и хранится тамъ на случай, еслибъ оно ему понадобилось при возвращеніи домой. По окончаніи всѣхъ обрядовъ, чуваши моются, переодѣваются, признавая свое платье нечистымъ отъ прикосновенія къ покойнику и наконецъ снова угощаются.

Всѣ эти похоронные обряды, сохранились у чувашей, не смотря на введеніе христіанства.

VIII. КИРГИЗЫ.

Историческій очеркъ и народный характеръ.

Киргизы—это въ высшей степени любопытный и довольно многочисленный народъ, до сихъ поръ удержавшій патріархальный пастушескій бытъ номадовъ и сохранившій, почти въ первобытной чистотѣ, типическія черты «степняковъ-хищниковъ», или, по выраженію нашего простаго народа, *«азіятовъ»*, игравшихъ такую важную роль въ судьбахъ древней Руси и имѣвшихъ безспорное вліяніе на складъ общественной и семейной жизни русскаго народа. Въ этомъ отношеніи, бытъ и нравы кочевниковъ-киргизовъ представляютъ для русскаго глубокій интересъ, помимо того политическаго значенія, какое получило для Россіи въ послѣднее время вообще все населеніе средней Азіи.

Киргизы кочуютъ, со своими кибитками и стадами, по безпредѣльнымъ степямъ Средней Азіи, простирающимся отъ р. Урала и Каспійскаго моря до горъ Алтайскихъ, Алатау, и Тянь-Шаньскихъ или Небесныхъ, и отъ южныхъ границъ Западной Сибири до независимыхъ ханствъ, лежащихъ по теченію рѣкъ Сыръ-Дарьи и Аму-

Дарьи. Киргизскія степи занимаютъ болѣе 40,000 квадратныхъ миль т. е. вчетверо превосходятъ пространство Франціи. Къ нимъ нужно еще прибавить обширныя астраханскія степи, лежащія между Волгой и Каспійскимъ моремъ, гдѣ обитаетъ Внутренняя или Букеевская орда киргизовъ, водворившихся здѣсь въ 1772 году и выселившихся изъ сибирскихъ степей вслѣдствіе внутреннихъ смутъ и раздоровъ съ сосѣдними киргизскими племенами.

Всего киргизовъ насчитывается до 2,000,000 душъ.

Происхожденіе этого народа довольно темно. Едва ли можно производить киргизовъ отъ какого-либо одного народа или племени, не только въ политическомъ, но даже и въ этнографическомъ отношеніи. Смуты и войны могли разбрасывать въ обширныя равнины Средней Азіи разноплеменныхъ, бездомныхъ скитальцевъ, бродившихъ съ своими стадами по глухимъ трущобамъ азіятскихъ горъ, не подчиняясь никому и цѣлые вѣка не складываясь въ государство. Названіе киргизовъ лучше всего намекаетъ на первопачальное происхожденіе ихъ.

Имя «киргизъ» производятъ отъ соединенія двухъ словъ: *киръ*—степной и *гизъ*—человѣкъ (степной человѣкъ). Но это названіе принадлежитъ собственно небольшому племени киргизовъ, кочующему въ Небесныхъ горахъ, въ долинѣ р. Чу, такъ называемымъ «бурутамъ» или дикокаменнымъ киргизамъ. Частые набѣги этого отважнаго племени на сибирскую пограничную линію дали поводъ русскимъ ошибочно распространить названіе киргизовъ на всѣхъ кочевниковъ средне-азіатскихъ степей. Между тѣмъ большинство киргизовъ до сихъ поръ называетъ сами себя словомъ «казакъ», что значитъ на монгольскомъ языкѣ: бродяга, свободный скиталецъ. Это имя искони принадлежало всѣмъ киргизамъ и, со временемъ, перешло и на русскій бездомный и бродячій людъ. Не только киргизы сами себя называютъ казаками, но и сосѣдніе съ ними народы, какъ напримѣръ—китайцы, бухарцы и другіе называютъ ихъ также сло-

вами: хасакъ, кайсакъ и т. под., откуда и произошло болѣе вѣрное названіе киргизовъ—«киргизъ-кайсаки».

Въ началѣ XIII столѣтія изъ-за горъ Алатау показались несмѣтныя монгольскія орды подъ предводительствомъ Чингисъ-хана, разрушавшія все на своемъ пути и наводнившія вскорѣ всю аралокаспійскую низменность. Здѣсь монгольскій элементъ почти совершенно поглотилъ мѣстныхъ жителей. Однакоже, казаки, слившись съ монголами, не образовали изъ себя цѣльнаго новаго *народа*, а остались, по прежнему, разрозненными, независимыми племенами, сохраняя свой прежній бытъ и свои привычки. Этому много способствовалъ обычай монголовъ—не нарушать независимости покоренныхъ ими народовъ. Они дали только каждому киргизскому роду своего правителя, особое названіе и знакъ (тамгу), для отличія отъ другихъ родовъ.

Русскія лѣтописи въ первый разъ упоминаютъ о киргизахъ въ 1537 году.

Петръ Великій первый обратилъ вниманіе на этотъ народъ. Онъ называлъ казацкую орду «*ключемъ и вратами ко всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ*» и считалъ присоединеніе киргизовъ къ Россіи необходимымъ для утвержденія нашего вліянія и торговли въ Средней Азіи, а чрезъ нее и въ Индіи. Съ этою цѣлью, Петръ Великій далъ порученіе бывшему въ персидскомъ походѣ старшему переводчику, изслѣдовавшему пути въ Индію, Тевкелеву, постараться, «*не смотря на великія издержки, хотя бы до милліона*», присоединить киргизовъ къ русскому подданству. Но за смертію Петра Великаго, виды и намѣренія его въ этомъ отношеніи оставались забытыми до 1730 года, когда одинъ изъ хановъ киргизскихъ, тѣснимый сосѣдними джунгарами, калмыками, и особенно башкирами, просилъ защиты Россіи, отдаваясь въ ея подданство. Послѣ переговоровъ, веденныхъ по этому поводу тѣмъ же Тевкелевымъ, значительная часть «казаковъ» признала свою зависимость отъ Россіи.

Съ того времени, многочисленные киргизскіе роды, побуждаемые внутренними смутами и раздорами, одинъ за другимъ, переходили въ русское подданство. Но вражда между ними, бунты и даже набѣги ихъ на русскія пограничныя линіи не прекращались до послѣдняго времени, чему въ особенности много способствовало враждебное Россіи вліяніе Хивы и другихъ независимыхъ среднеазіатскихъ ханствъ, гдѣ бунтовщики-киргизы всегда находили убѣжище и радушный пріемъ. Хивинскіе муллы проникали съ торговыми караванами въ киргизскія степи и возбуждали кочевое населеніе во имя религіи и пророка противъ русскихъ. Эти муллы и хаджи распространили въ XVII столѣтіи мусульманство между всѣми киргизскими племенами. Впрочемъ, утвержденію исламизма въ киргизскихъ степяхъ не мало способствовало и само русское правительство, издавая, въ теченіи XVIII столѣтія, указы о постройкѣ мечетей въ киргизскихъ степяхъ и поставляя при нихъ указныхъ муллъ. Дѣлалось это конечно, съ благой цѣлью — содѣйствовать распространенію между киргизами мирной, осѣдлой жизни; но результаты оказывались при этомъ противуположнаго свойства.....

Киргизы раздѣлаются на множество племенъ. Главнымъ образомъ они дѣлятся на три орды, изъ которыхъ каждая ведетъ свой родъ отъ особаго родоначальника — одного изъ трехъ сыновей монгольскаго правителя Алачь-хана. На востокѣ киргизскихъ степей, у сибирско-китайской границы кочуетъ такъ называемая Большая орда (Улу — юзъ); между Ураломъ и Аральскимъ моремъ обитаетъ Малая орда (Качи — юзъ), которая, въ сущности, есть самая большая. Между Малой и Большой ордой находится Средняя орда (Урта — юзъ). Отъ этихъ трехъ киргизскихъ родовъ, называющихъ себя общимъ именемъ — «казаки», значительно разнится собственно киргизское племя, кочующее со своими стадами въ Тяньшаньскихъ горахъ и извѣстное подъ названіемъ «кара-киргизовъ» (черныхъ киргизовъ), «бурутовъ» или дикокаменныхъ киргизовъ (по мѣсту жительства),

Внутренняя или Букеевская орда причисляется къ Малой ордѣ и также носитъ названіе «казаковъ».

Языкъ киргизовъ представляетъ нарѣчіе тюркотатарскаго языка но съ значительной примѣсью монгольскаго элемента.

У киргизовъ довольно сильно развито чувство любви къ своему родному языку и, вообще, къ своей національности и исторіи. Киргизъ, даже хорошо знающій русскій языкъ, не будетъ говорить на судѣ по русски, а объясняется съ судьями непремѣнно чрезъ переводчика.

Въ физическомъ отношеніи киргизовъ характеризуютъ: короткое тучное тѣло, широкое, плоское лицо, сильно выдавшіяся скулы, узкіе черные глаза, приплюснутый носъ, выдвинутый впередъ ротъ и короткая, рѣдкая бородка клиномъ. Волосы на головѣ брѣютъ, и на верхней губѣ выдергиваютъ особыми щипчиками, или подбриваютъ. Кожа самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, начиная отъ смугложелтаго до чернаго цвѣта угля. Ноги у всѣхъ киргизовъ кривыя, какъ говорится, *колесомъ*; походка медленная, развалистая; вообще, по недостатку навыка, они неспособны къ пѣшей ходьбѣ.

За то киргизы неутомимы на сѣдлѣ и могутъ, безъ видимыхъ признаковъ усталости, скакать полъ-сутокъ и болѣе на перемѣнныхъ лошадяхъ. Киргизъ привыкаетъ къ верховой ѣздѣ съ самаго ранняго дѣтства. Онъ какъ-будто приростаетъ къ сѣдлу и разстается съ нимъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, входитъ въ палатку или сидитъ въ ней. Внѣ юрты онъ постоянно на сѣдлѣ. Нужно ли ему загнать отбившуюся отъ стада корову или овцу, побывать у сосѣда, или поговорить съ прохожимъ,—киргизъ выполняетъ все это, сидя въ сѣдлѣ. Онъ ѣдетъ верхомъ на лошади за 100—200 верстъ только для того, чтобы попить съ пріятелемъ кумыса. Ноги, кажется, совершенно излишнее для нихъ орудіе. Лошадь составляетъ какъ-бы часть ихъ организма. У киргизовъ и

пляски никакой не существуетъ, хотя до музыки и пѣнія они большіе охотники.

Въ мѣстности, гдѣ расположенъ киргизскій аулъ, вездѣ, на всемъ пространствѣ горизонта, вы увидите этихъ забавныхъ центавровъ, скачущихъ или мѣрно двигающихся впередъ и назадъ, высоко сидящихъ на спинахъ коренастыхъ лошадокъ. Подъѣхавъ ближе, различишь уродливую мѣховую шапку, коротко подобранныя въ стременахъ ноги и толстую, длинную нагайку, трясущуюся въ полусогнутыхъ рукахъ всадника съ монгольскимъ типомъ лица.... Удивительно тонкій слухъ и необыкновенная зоркость глазъ—отличительная черта киргиза. Онъ ясно видитъ и слышитъ на громадныхъ разстояніяхъ. Память у него превосходная! Малѣйшій знакъ на горизонтѣ, чуть замѣтная горка, ручей, камень, дерево, слѣдъ,—у него отпечатлѣвается въ головѣ какъ на географической картѣ. Онъ ѣдетъ по степи за сотни верстъ всегда кратчайшимъ путемъ, не боясь заблудиться.

Физическія страданія они переносятъ съ непонятнымъ, дикимъ стоицизмомъ, и на ихъ бронзовыхъ, огрубѣлыхъ лицахъ едва разберешь впечатлѣнія отъ 30-ти градусовъ мороза или отъ 30 градусной жары. Голодъ и жажду они выдерживаютъ долго, терпѣливо, безъ малѣйшихъ жалобъ, не выражая ничѣмъ своихъ мученій; но за то, дорвавшись до пищи, они ѣдятъ невѣроятно много, заѣдая кусками мяса такіе же куски жира и обратно.

Умъ у киргиза хитрый и лукавый; любопытства — не оберешься Новости — страсть степнаго номада. Лѣтомъ ему нечего дѣлать и онъ ѣдетъ въ степь или, лучше сказать, гуляетъ по степи. На горизонтѣ чуть замѣтно обрисуется фигура всадника.... Киргизъ посмотритъ туда сквозь свои, косо-прорѣзанные, но невѣроятно зоркіе глаза, и если его неудовлетворитъ эта рекогносцировка, онъ поскачетъ по направленію къ всаднику... «На хабаръ?» — что поваго? спроситъ онъ у него, сдѣлавъ для того карьеромъ нѣсколько верстъ Но онъ ѣхалъ не даромъ: встрѣченный киргизъ—такой же празд-

ный кочевникъ, какъ и его любопытный товарищъ—разскажетъ все, что видѣлъ особеннаго, и все, что слышалъ новаго. Узнавъ другъ у друга всѣ новости, киргизы скачутъ въ сосѣдніе аулы, съ безкорыстной цѣлью—разсказать все слышанное. Не пройдетъ и дня, какъ во всѣхъ сосѣднихъ аулахъ узнаютъ, что въ нѣсколькихъ десяткахъ или стахъ верстахъ оттуда проѣхало столько-то всадниковъ о дву-конь; узнаютъ съ фотографической точностью костюмъ всадниковъ, отличительные ихъ признаки; узнаютъ, что у рыжей кобылы разсѣчено ухо, а у другой лошади—бѣлая отмѣтина на правой ногѣ; узнаютъ тамъ же, изъ самаго достовѣрнаго источника, что проѣхавшіе всадники смотрѣли какъ-то странно, что это агенты хивинскаго хана, и что старый *Джеримъ-падишахъ**)—«полъ государя» боленъ, очень боленъ, теперь умираетъ, и чтобы не было какой бѣды отъ хановъ, имъ смиренныхъ... Подобно всѣмъ жителямъ далекаго востока, киргизы страстно любятъ болтать о политикѣ. Они, пожалуй, убьютъ на это цѣлый день, разнообразя лишь изрѣдка главную тему какимъ-нибудь дѣтскимъ разсказцемъ или простодушными сплетнями про своихъ султановъ и біевъ. Принимая гостя у себя въ юртѣ, киргизъ усаживаетъ его у чувала и начинаетъ разспрашивать самомалѣйшія подробности: кто онъ, откуда и куда ѣдетъ, зачѣмъ, какая у него есть родня, что стоитъ лошадь, одежда, сбруя, оружіе, что слышалъ, кого встрѣтилъ? и т. д. и т. д., Бойкая рѣчь киргиза готова длится два—три часа сряду. Слушать гостя сбѣгается иногда весь аулъ, и чѣмъ больше гость краснобаитъ, тѣмъ слушатели приходятъ въ большій восторгъ.

Вообще говоря, это народъ добрый, наивный и, въ тоже время, плутоватый, смѣлый — съ азіатами и проникнутый благоговѣйнымъ страхомъ къ русскимъ. Увидавъ русскаго, киргизъ становится пасмуренъ и неразговорчивъ, но, познакомившись съ нимъ поближ

---

*) Такъ называютъ киргизы генерала Кауфмана.

онъ часто дѣлается его закадычнымъ пріятелемъ. Всѣхъ, кто изучалъ жизнь киргизовъ, вѣроятно, поражали ихъ превосходныя семейныя качества. Едва ли кто нибудь видѣлъ, чтобы киргизъ билъ свою жену или дѣтей. Особенно они нѣжны къ дѣтямъ. Поэтому столь прославленная склонность киргизовъ къ убійству и хищничеству едва-ли составляетъ ихъ врожденное качество: это, скорѣе случайный порокъ, обусловленный ихъ прежнимъ кочевымъ бытомъ. Но, какъ всѣ неразвитые народы, киргизы вспыльчивы; ссоры и драки между мужчинами повторяются очень часто, такъ что трудно встрѣтить хотя одного человѣка безъ знаковъ на лицѣ или головѣ полученныхъ въ какой нибудь стычкѣ.

Самая ужасная и господствующая изъ страстей киргизовъ — это мщеніе. Между ними никакая обида не можетъ быть заглажена иначе, какъ равною или большею обидою. Если обиженный умеръ, то право мщенія переходитъ къ сыну его и ближайшимъ родственникамъ, и пока родъ обиженнаго не истребится, обидчикъ не можетъ быть увѣренъ въ своей безопасности. Но и это, очевидно, есть легко-искоренимый порокъ—наслѣдство прежняго степнаго самосуда, порокъ, постепенно обращающійся теперь, со введеніемъ въ степи болѣе правильнаго суда, въ забавное сутяжничество.

Киргизы несомнѣнно храбры, только по своему, по степному. Они нападаютъ всегда неожиданно, врасплохъ, и при этомъ натискъ ихъ бываетъ стремителенъ: они несутся въ атаку съ гикомъ, воплемъ, дикими восклицаніями, и вдругъ вся эта буря, налетѣвъ на каре, при первомъ залпѣ разсыпается дождемъ во всѣ стороны, и если имъ не удалось овладѣть добычей съ перваго натиска, они уже не прибѣгаютъ къ новымъ попыткамъ.

Одну изъ самыхъ привлекательныхъ чертъ киргизскихъ нравовъ составляетъ гостепріимство. Кто бы ни пріѣхалъ къ киргизу, по дѣлу-ли, или просто шатаясь праздно изъ аула въ аулъ, можетъ всегда разсчитывать найти у него самый радушный пріемъ. Всякій,

ищущій гостепріимства, называетъ себя «джолаучи» (проѣзжающій) и имѣетъ право войти во всякую юрту. Слѣзая съ лошади и удерживая поводъ въ рукѣ, «джолаучи» садится сперва на землю, подлѣ двери юрты. Хозяинъ обязанъ выйдти и попросить его къ себѣ въ кибитку. Если джолаучи пріѣхалъ ночью, то хозяйка обязана встать, развести огонь и накормить пріѣзжаго. Богатый киргизъ ставитъ нарочно для гостей отдѣльную кибитку и держитъ при ней особую прислугу. Принявъ гостя у себя въ юртѣ и предложивъ ему самое почетное мѣсто за чуваломъ, подлѣ сундуковъ, обвѣшанныхъ коврами или росписными кошмами, киргизъ усердно принимается угощать его. Онъ накладываетъ на ладонь своей лѣвой руки, до оконечности четырехъ пальцевъ, кучку *бишъ-бармаку*, кусочковъ говядины съ саломъ, и пятымъ пальцемъ искусно вдвигаетъ ихъ въ разинутый ротъ гостя. Это знакъ особенной почести, какой удостоивается только почетный гость, отличаемый, обыкновенно, по внѣшнему виду, т. е. по платью. Гость, съ своей стороны, долженъ отплатить хозяину и всѣмъ присутствующимъ такою же любезностью и, въ знакъ особенной вѣжливости, посылаетъ иногда нѣсколько кусочковъ говядины женѣ киргиза, сидящей поодаль, за сундуками и мѣшками съ имуществомъ. Послѣ этого хозяинъ подаетъ гостю ковшъ съ кумысомъ; гость прихлебываетъ изъ него и передаетъ остатки хозяину—это тоже знакъ благовоспитанности со стороны гостя. Разспрашивать «джолаучи» о новостяхъ можно только накормивъ его; поэтому проѣзжій, насытившись, складываетъ руки и принимаетъ спокойную позу, показывая этимъ, что онъ сытъ и готовъ сообщить все, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ.

Киргизъ скорѣе самъ подвергнется опасности, нежели допуститъ ее до своихъ *кунаковъ* (гостей), кто-бы они ни были. Подъ защитою этого гостепріимства, наши промышленники могли и въ прежнее время вести торговыя дѣла даже внутри степей. Сами киргизы, разсчитывая на гостепріимство соплеменниковъ, отправляются въ са-

мую дальнюю дорогу безъ всякихъ запасовъ для себя и для лошади. Въ этомъ случаѣ они гарантированы строгимъ судомъ бія за всякое нарушеніе правилъ гостепріимства.

Киргизы вообще понятливы и воспріимчивы. При первомъ удобномъ случаѣ они скоро выучиваются русскому языку. Но наслѣдіе отцовъ и дѣдовъ—пастушескій бытъ—составляетъ почти непреодолимое препятствіе къ переходу ихъ къ осѣдлой, гражданской жизни.

Жизнь киргизовъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, обусловливалась средствами ихъ существованія—скотомъ. Скотъ давалъ и даетъ имъ все: пищу, одежду, матеріалъ для жилища и деньги. Понятно, слѣдовательно, что киргизъ привыкъ цѣнить свой скотъ наравнѣ съ жизнью, и что даже и мѣрою служитъ ему тотъ-же скотъ (въ торговлѣ единицею цѣнности служитъ у нихъ баранъ, соотвѣтствующій одному рублю). «Малъ джанъ аманлы?» *какъ состояніе скота и души?* обращаетъ киргизъ обычное привѣтствіе знакомому и незнакомому, азіату и европейцу. И замѣчательно, скотъ у него поставленъ ранѣе души. Только получивъ удовлетворительный отвѣтъ на вышеприведенный вопросъ, вопрошающій еще разъ спрашиваетъ: «бала аманъ ба?» *здорово-ли семейство?* Встрѣчаясь на дорогѣ, киргизы привѣтствуютъ другъ друга: «атъ лау аманъ-ба?» *хорошо-ли провожаешь лошадь?..* Скотъ вездѣ у нихъ на первомъ планѣ. Чье-либо богатство киргизъ опредѣляетъ числомъ лошадей или овецъ. «Большой человѣкъ, хорошій человѣкъ, много имѣетъ денегъ—тысяча лошадей будетъ!» говоритъ киргизъ про своего знатнаго родовича, ударяя сильно на *à* тамъ, гдѣ мы ставимъ *о*. Почемъ покупалъ *бязь* (бумажная матерія) въ нынѣшнемъ году? спросите вы у киргиза. — «За барана давалъ зимою купецъ штука (т. е. бязи)».

Понятно, что киргизъ, обязанный многимъ въ своемъ существованіи скоту, и дорожащій имъ выше всего, подчиняетъ всѣ условія своей жизни соображеніямъ о прокормленіи и размноженіи своихъ

стадъ. Потребность находить для нихъ кормъ заставляетъ киргиза *кочевать*.

По самымъ умѣреннымъ вычисленіямъ оказывается, что для такого огромнаго количества скота, какое необходимо киргизамъ въ ихъ быту, не нашлось-бы подходящихъ пастбищъ и не хватило-бы ни чьихъ рукъ для заготовленія сѣна, чтобы продержать весь этотъ скотъ на готовомъ корму цѣлый годъ, или даже одну только зиму! Каждый мало-мальски зажиточный киргизъ, живущій только «безъ нужды», держитъ нѣсколько сотенъ головъ крупнаго и мелкаго скота, а самые богатые считаютъ свой скотъ не головами, а *стадами, косяками* и *табунами*! Понятно, что такія стада въ состояніи вытравить въ нѣсколько дней самое тучное и обширное пастбище, а удержать ихъ на болѣе или менѣе долгое время на одномъ мѣстѣ — значитъ обречь ихъ на вѣрный голодъ и вымираніе. Если-же присоединить къ этому многочисленность киргизскихъ семействъ, то будетъ совершенно понятно, почему этимъ кочевникамъ необходимо приволье, обширныя, пространныя степи.

Что-же касается до природы той мѣстности, которую занимаетъ изстари киргизское племя, то характеръ ея тоже неминуемо приводитъ скотовода къ кочевому образу жизни.

За недавно упраздненною, сибирско-оренбургскою пограничною линіею, «широко пораскинулась» настоящая, безграничная, киргизская степь. Ровно, непривѣтливо, однообразно идетъ она къ югу, на многія сотни верстъ, лишенная, лѣтомъ, отъ палящихъ 40-градусныхъ жаровъ, почти всякой растительности, и окованная, впродолженіи долгой зимы, 30-градусными морозами.

Изрѣдка только встрѣтится въ степи такой ручей, въ омутахъ котораго вода держится даже лѣтомъ, — и куда какъ ярка покажется зелень вокругъ его, по сравненію съ бурою, высохшею травою степи. Только тутъ и можно встрѣтить людей и животныхъ. Здѣсь мѣстность оглашается криками и говоромъ, а за предѣлами

ея, гдѣ солнце жгло и убило растенія, лежитъ пустыня, тихая, безмолвная, едва обитаемая низшими животными. Въ центральныхъ-же частяхъ степи вся почва состоитъ изъ песку или красной глины, пропитанной солью.

Только на востокѣ и юго-востокѣ киргизская степь упирается въ высокіе горные хребты: Тарабагатайскій и Алатау, увѣнчанные вѣчными снѣгами и изрѣзанные роскошнѣйшими долинами и склонами. Понятно, что киргизы, кочующіе близь этихъ горъ, высоко цѣнятъ горныя долины, какъ отличныя мѣста для кочевокъ. Но и этихъ роскошнѣйшихъ пастбищъ слишкомъ мало для громадныхъ стадъ киргизскаго народа, да и мѣста эти, по высотѣ ихъ положенія, далеко не всегда бываютъ доступны для кочевокъ, такъ какъ глубокіе снѣга и страшные морозы царствуютъ здѣсь въ продолженіи всей зимы.

Вышеупомянутая измѣнчивость и непостоянство степной природы и разбросанность на огромныхъ разстояніяхъ удобныхъ для пастбищъ мѣстъ, невольно заставляютъ киргиза-скотовода, даже владѣющаго незначительнымъ количествомъ скота, переходить съ нимъ въ теченіи года съ мѣста на мѣсто.

Но не нужно думать, чтобы кочевникъ-киргизъ вполнѣ и слѣпо подчинялся окружающей его природѣ. Напротивъ, онъ пользуется ею по извѣстному, обдуманному плану, съ глубокимъ и вѣрнымъ разсчетомъ, по выработанной многими поколѣніями системѣ. «Дерево стоитъ на одномъ мѣстѣ и питается тѣмъ, что вокругъ его находится, а вольная птица летитъ туда, гдѣ ей лучше», говоритъ киргизская пословица.

Прежде всего киргизу необходимо для его многочисленныхъ стадъ выбрать «зимовку»—*кзеу*. Выборъ зимовки требуетъ большаго знанія. «Кзеу» должна заключать въ себѣ мѣстность луговую и степную, такъ какъ верблюды и бараны ѣдятъ сухую, пропитанную солью, солонцеватую траву, а лошади и коровы любятъ чернотравіе при этомъ, нужно еще наблюдать, чтобы зимовка не могла быть за-

носима слишкомъ глубокимъ снѣгомъ, или покрываема гололедицею, такъ какъ скотъ, въ этомъ случаѣ, не въ состояніи будетъ добывать себѣ подножный кормъ; съ этою цѣлью киргизъ выбираетъ мѣстность покатую къ сторонѣ господствующихъ вѣтровъ, которые сдували-бы излишній снѣгъ и т. д. Впрочемъ, нужно замѣтить, что скотъ у киргизовъ, подобно имъ самимъ, какъ нельзя болѣе *приматурень* къ степи; дикій пылъ, неустрашимость и невѣроятная выносливость — составляютъ отличительныя качества ихъ лошадей, верблюдовъ, воловъ и барановъ. Пользуясь этимъ, киргизъ иногда ловко обходится съ зимовкою, хотя-бы она и неудовлетворяла всѣмъ требованіямъ настояще «кзеу»; онъ на одно и то-же пастбище пускаетъ сперва лошадей, которые срываютъ верхушку травы; потомъ ходитъ здѣсь рогатый скотъ, который довольствуется серединою растеній, затѣмъ тутъ-же пасутся бараны, съѣдающіе остатки травъ.

Какъ только весеннее солнце сгонитъ снѣга, киргизъ поднимаетъ свою юрту, «ломаетъ» ее, навьючиваетъ со всѣмъ имуществомъ на верблюдовъ, и, въ сопровожденіи чадъ и домочадцевъ, начинаетъ *кочевать*, т. е. отыскивать мѣста для корма скота или «лѣтовки». Придя на какое-либо мѣсто, онъ занимаетъ его до тѣхъ поръ, пока окрестная трава не будетъ вытравлена скотомъ. Подвигаясь, такимъ образомъ, впередъ, всегда по дугообразной линіи, для того, чтобы не пришлось послѣ идти по вытравленной дорогѣ, киргизъ къ зимѣ ворочается другими путями назадъ, къ «зимовкѣ».

Понятно, что величина кривой, описываемой въ кочевкахъ киргизомъ, зависитъ отъ изобилія подножнаго корма на лѣтовкахъ и отъ многочисленности его стадъ. Богатые киргизы въ теченіи года дѣлаютъ со своими стадами болѣе 2,000 верстъ! Но чѣмъ бѣднѣе киргизъ, тѣмъ круги, описываемые его стадами во время лѣтовокъ будутъ менѣе. Тѣ-же киргизы, которыхъ имущестзо состоитъ всего изъ нѣсколькихъ головъ скота, такъ называемые *джетаки*, «лежащіе», остаются круглый годъ на мѣстѣ.

Киргизскія семьи никогда не кочуютъ одиноко, а всегда цѣлыми родами. При патріархальномъ складѣ жизни, киргизы помнятъ самое дальнее родство, и считаютъ близкимъ человѣкомъ каждаго, кто, по степной, очень сложной и подробной генеалогіи, происходитъ отъ одного съ ними родоначальника. Родственныя узы, сплочивая многолюдные роды въ одно цѣлое, даютъ имъ средства охраняться общими силами противъ грабежей и отгоновъ скота со стороны сосѣдей (баранта). Съ другой стороны, необходимость не группироваться на одномъ мѣстѣ, чтобы не вытравливать кормъ для скота, заставляетъ кочующіе аулы одного и того-же рода раздвигаться настолько широко, насколько это нужно для стадъ. Такимъ образомъ, киргизскій родъ, начавшій кочевать, двигается по степи широкою линіею, которая раздвигается или укорачивается, смотря по обилію подножнаго корма.

Теперь въ степи установилось неписанное, но признаваемое всѣми кочевниками право извѣстныхъ родовъ на опредѣленныя зимовки и на опредѣленное направленіе лѣтнихъ кочеваній. Но въ прежнее время, въ особенности за обладаніе хорошею зимовкою, происходили кровопролитныя стычки между разными родами.

«Зимовки» избираются киргизами преимущественно въ степяхъ. Раннюю весну и позднюю осень, т. е. самое дождливое время года, они проводятъ также въ степи. Лѣтомъ-же они, обыкновенно, стоятъ лагеремъ въ горахъ, и тутъ, во время самыхъ сильныхъ жаровъ, поднимаются иногда до уровня снѣговой линіи.

Кочевой бытъ киргизовъ, какъ и всякій другой патріархальный бытъ, липіенный высшаго государственнаго или общественнаго строя, держится *родовымъ бытомъ*, въ которомъ слабое, неразвитое племя полудикарей находитъ для себя твердую опору и почерпаетъ иногда неистощимую силу и живучесть. Чтобы понять, что такое киргизскій *родъ* и что значитъ для кочевника *родовая община*, необходимо привести здѣсь нѣкоторыя изъ главныхъ чертъ ея.

Прежде всего, необходимо замѣтить, что киргизы дѣлятъ себя на два сословія: *акъ-сіюкъ*—«бѣлая кость», и *кара-сіюкъ*—«черная кость». «Бѣлою костью» величаютъ себя султаны и манапы, т. е. начальники киргизскихъ волостей и предводители родовъ, производящіе себя отъ потомковъ великаго завоевателя, Чингисъ-хана. «Черною костью» именуется остальной киргизскій людъ, т. е. чернь, неимѣющая ясныхъ доказательствъ своего прямаго происхожденія отъ великаго завоевателя.

У киргизовъ раздѣляются на роды или образуютъ родовыя группы собственно только «бѣлая кость», султаны (у казаковъ) и манапы (у кара-киргизовъ). Народъ-же, «черная кость», только принимаетъ на себя родовое названіе того манапа или султана, подъ покровительствомъ котораго онъ находится или чью власть признаетъ. Случается, что отдѣльныя семейства переходятъ отъ одного манапа къ другому, и въ этомъ случаѣ они мѣняютъ названіе своего рода. Но такіе случаи, нужно замѣтить, бываютъ очень рѣдки, такъ какъ киргизы крѣпко держатся своего рода; даже плѣнные киргизы сохраняютъ названіе своего рода, который часто замѣняетъ для нихъ собственное имя.

Начальникомъ рода (союза дальнихъ родственниковъ) служитъ султанъ или манапъ, званіе котораго получается по праву рожденія.

Прочность родоваго союза основывается прежде всего на общности экономическихъ интересовъ всѣхъ сородичей. Связь между членами одного и того же рода, въ экономическомъ отношеніи, самая тѣсная. У киргизовъ владѣніе землей общинное. Каждый родъ и отдѣлъ имѣютъ свой опредѣленный участокъ; на этомъ пространствѣ каждый изъ родовичей можетъ имѣть свои пашни, лѣтовки и зимовки; но родъ ревниво слѣдитъ за тѣмъ, чтобы никто изъ другаго отдѣла не занималъ ихъ земель. Особенно жаркіе споры бывали у нихъ изъ за-зимовокъ.

Общинный характеръ родоваго союза проявляется также въ склад-

чинахъ сородичей на нѣкоторыя общественныя нужды и увеселенія. Такъ, знаменитыя киргизскія тризны по умершемъ отбываются всегда цѣлымъ родомъ; даже нѣкоторыя изъ свадебныхъ увеселеній справляются на счетъ всего отдѣленія.

Въ частности, родъ служитъ для киргизъ прибѣжищемъ во всѣхъ несчастіяхъ и бѣдахъ. Родъ даетъ ему безопасность отъ враговъ; въ случаѣ обиды кого нибудь изъ родовичей, за него вступается весь родъ (посредствомъ баранты), или же въ лицѣ родоправителя.

Въ случаѣ голода, падежа скота, неурожая и тому подобныхъ несчастій, киргизъ также получаетъ помощь отъ своего рода: ему даютъ нѣсколько барановъ, лошадей, коровъ, или «капъ» (2-3 пуда) хлѣба. То же бываетъ при уплатахъ штрафовъ по рѣшеніямъ біевъ, т. е. судей когда приговоры ихъ оказываются обременительными для отдѣльнаго лица. «Кунъ» или выкупъ за преступленіе, совершенное однимъ родовичемъ, всегда выплачивается цѣлымъ родомъ. Если убійство совершитъ султанъ или манапъ, то «кунъ» платится за него также всѣмъ родомъ, по раскладкѣ на кибитку.

Иногда случается, что при перекочевкахъ съ зимовокъ на лѣтовки, когда приходится проходить земли чужихъ родовъ, киргизъ отстаетъ отъ своихъ, или его задерживаетъ на дорогѣ между чужими какое нибудь несчастіе. Въ такомъ случаѣ, киргизъ шлетъ о томъ извѣстіе къ родовичамъ, и получаетъ отъ нихъ помощь, которая заключается, напримѣръ, въ присылкѣ вьючнаго скота, что и даетъ ему возможность снова присоединиться къ своимъ.

Родовой, общинный духъ проникаетъ даже въ частныя отношенія киргизовъ. Сколько бы одноаульцевъ ни пришло въ кибитку киргиза, въ какое-бы то ни было время, всякій получаетъ отъ него по кусочку баранины или другаго яства, и это не по требованію извѣстныхъ правилъ гостепріимства, а по праву родства. Бѣдняки, въ праздничные дни, присутствуютъ при убоѣ скота богатаго родовича, при этомъ получаютъ отъ него небольшія части баранины и другія яства; час-

то они сопровождаютъ богатаго кочевника при его выѣздахъ, какъ рой пчелъ свою матку, и въ этомъ случаѣ содержатся на его счетъ.

Родовая связь у киргизовъ весьма сильна. Киргизъ рѣдко сознается въ преступленіи, хотя бы улика была на лицо, въ полной увѣренности, что его одноаульцы скорѣе согласятся сложиться и заплатить за хищничество «кунъ», чѣмъ выдать родича-преступника. Киргизъ не имѣетъ права даже взять жену изъ своего рода, такъ какъ это считается уже кровосмѣшеніемъ. При сборищахъ киргизовъ на праздники, всѣ однородцы считаются какъ бы за одного человѣка— одни хозяевами, а прочіе-гостями. При этомъ, самыми почетными изъ гостей считаются, обыкновенно, наиболѣе удаленные роды, такъ какъ право гостепріимства распространяется преимущественно на чужихъ, постороннихъ людей.

Дорожа своимъ родомъ, киргизъ питаетъ къ нему безграничное почтеніе въ лицѣ всѣхъ представителей его. Нигдѣ нѣтъ такого глубокаго повиновенія и уваженія къ старшимъ въ родѣ, какъ у киргизовъ. Особенно характерно проявляется это уваженіе въ случаяхъ полученія киргизомъ какой нибудь экстраординарной прибыли чрезъ личную доблесть. Такъ, отправляясь на охоту артелью или обществомъ, киргизы всегда отдаютъ лучшаго звѣря или лучшую птицу изъ пріобрѣтенной добычи старшему изъ участвовавшихъ на промыслѣ; но если встрѣтится имъ, на возвратномъ пути, еще болѣе старый родовичъ, то получившій лучшую часть добычи долженъ отдать ее встрѣтившемуся родовичу. Точно также, полученный на бѣгахъ, въ борьбѣ или на другомъ какомъ нибудь состязаніи призъ никогда не присвоивается себѣ побѣдителемъ, а отдается старшему въ его родѣ. Побѣдитель на скачкахъ отдаетъ старшему родовичу не только самый призъ, но и лошадь, выигравшую оный. Этимъ киргизы какъ бы хотятъ возвратить роду часть той помощи, какую они получаютъ чрезъ него.

При всемъ томъ, у киргизовъ нѣтъ оффиціальнаго неравенства.

Даже султаны и манапы, чтобы не оскорбить народнаго чувства, принимаютъ всѣхъ одинаково. Киргизъ идетъ къ высшему себя по сословію или по службѣ свободно, входитъ въ его кибитку и располагается какъ ему удобнѣе: на корточкахъ, полулежа на локтѣ, либо избираетъ себѣ изголовьемъ колѣни сосѣда,—и говоритъ при этомъ обо всемъ, какъ равный съ равнымъ.

Такова родовая связь киргизовъ и ея сила. Опираясь на родовое начало, на содѣйствіе всѣхъ родичей и на дѣятельную помощь, поддержку, киргизъ дѣлается хозяиномъ въ пустынѣ, среди многочисленныхъ враждебныхъ племенъ, и можетъ даже богатѣть здѣсь и размножаться. Родовая связь даетъ ему возможность быстро сплотиться и давать немедленный отпоръ всякому враждебному дѣйствію со стороны окружающихъ хищническихъ племенъ. Но за то, внѣ родовой связи, кочевникъ какъ-то теряется, обезличиваются и мало по малу становится совершенно безпомощнымъ. Киргизъ, почему-либо отбившійся отъ своего рода, быстро бѣднѣетъ, «Трудно жить между чужими», говорятъ киргизы. Родовой, общинный союзъ—это сила, на которой только и можетъ держаться кочевой бытъ ихъ.

Что касается до дикости нравовъ и хищничества, то все это едва ли можно считать послѣдствіемъ родовой сплоченности киргизовъ. И то и, другое есть скорѣе необходимый результатъ ихъ пастушескаго кочеваго быта. Въ прежнее время хищничество составляло почти единственное средство, съ помощью котораго полудикарь-кочевникъ, не имѣвшій понятія о трудѣ, могъ поправлять свое разстроенное хозяйство и даже размножать свои стада. Такое средство заключалось въ знаменитой *«барантѣ»*, удержавшейся нынѣ только въ самыхъ отдаленныхъ, глухихъ частяхъ киргизской степи.

Впрочемъ «баранта» была простымъ хищничествомъ только по отношенію къ неодноплеменникамъ. Относительно же одноплеменниковъ «баранта» есть, скорѣе, довольно сложный степной законъ,

обставленный многочисленными условіями и оговорками, и основанный на обычномъ правѣ.

Сущность баранты заключается въ хищническомъ отгонѣ скота или табуна лошадей, соединенномъ, очень часто съ разграбленіемъ аула. Киргизъ, потерпѣвшій отъ кого нибудь обиду или оскорбленіе, старается набрать себѣ дружину и отправляется съ нею на поискъ. Барантовщики высматриваютъ стада непріятельскія, подкрадываются къ нимъ въ ночное время, и внезапно, воровски, съ дикимъ пронзительнымъ визгомъ, кидаются на табуны и угоняютъ ихъ къ своимъ жилищамъ. Такъ барантовали малыя партіи. Но часто набѣги производились нѣсколькими стами и даже тысячами наѣздниковъ, т. е. цѣлыми родами. Въ этомъ случаѣ баранту назначаетъ родоначальникъ. Нападеніе совершается открыто, въ знойный полдень или на разсвѣтѣ, когда все спитъ или отдыхаетъ, для того чтобы застать непріятеля врасплохъ. Грабительству тутъ нѣтъ предѣла! Изступленные, полунагіе, съ дикими воплями, они истребляли все и не давали пощады ни полу, ни возрасту. Юрты разграблялись, скотъ угонялся, а люди и пастухи избивались.

Наѣздники, отличившіеся на барантѣ удальствомъ и храбростью пріобрѣтали весьма почетное названіе — *«батырей»*. При дѣлежѣ захваченнаго на барантѣ имущества, «батыръ» получалъ большую часть, даже не дожидаясь общаго дѣлежа, производившагося по извѣстнымъ правиламъ между всѣми родичами.

Такъ какъ для кочевника скотъ есть все, то нанесеніе вреда послѣднему составляетъ самое высшее оскорбленіе для киргиза, оскорбленіе, которое, въ свою очередь, даетъ и ему право барантовать противъ оскорбителей. Вслѣдствіе этаго, барантовщики подвергаются такому же раззоренію отъ ограбленныхъ, составляя, такимъ образомъ, взаимною барантою, длинную цѣпь злодѣйствъ, раззорительныхъ для народа и ведущихъ за собою опустошеніе цѣлыхъ ауловъ.

Баранта прекращалась только зимою; но съ наступленіемъ

весны, удальцы снова садились на коней и толпами мчались на грабежъ, вооруженные пиками и «чеканами» (топорами на длинныхъ рукояткахъ)...

Энергическія дѣйствія нашего правительства уничтожили среди степей этотъ ужасный обычай, немало способствовавшій вырожденію кочевыхъ племенъ. Но въ отдаленныхъ пограничныхъ мѣстахъ обычай этотъ еще имѣетъ между киргизами своихъ почитателей.

Своеобразный взглядъ кочевника на способъ пріобрѣтенія имущества не менѣе характерно проявляется въ другомъ, противуположномъ барантѣ, обычаѣ, такъ называемомъ «тамырствѣ» (обычай дружиться, отъ слова «тамыръ» — другъ). Обычай этотъ удержался въ полной силѣ до настоящаго времени. Желающіе подружиться обнимаются другъ съ другомъ чрезъ обнаженную саблю, держа ее на груди, причемъ даютъ клятву быть навсегда въ дружбѣ. Дружба эта заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что каждый изъ двухъ тамыровъ имѣетъ право во всякое время пріѣхать къ другому тамыру и объявить ему *калау*, т. е. свой выборъ: это значитъ, что все, чтобы онъ ни выбралъ, тамыръ обязанъ отдать ему. Преимущественно «калау» падаетъ на хорошихъ скакуновъ, беркутовъ, ястребовъ, борзыхъ собакъ, ковры, мѣха и т. под. Если послѣдуетъ отказъ въ выдачѣ калау, то дружба разрывается, и никогда и ничѣмъ уже не можетъ быть возобновлена. Послѣдствіемъ этого бываетъ баранта, угонъ лошадей и убійства. Чтобы избѣжать всѣхъ этихъ непріятностей, киргизы прибѣгаютъ къ нѣкоторымъ уловкамъ: выдавъ «калау», киргизъ, по праву тамырства, старается поскорѣе объявить свой выборъ, падающій часто на тотъ же самый предметъ, а иногда и на болѣе цѣнный... Кто въ этомъ случаѣ перехитритъ другъ друга, тотъ и остается въ выгодѣ... Таковъ обычай тамырства!

Къ числу оригинальныхъ обычаевъ, рисующихъ наклонности «степняка-кочевника» относится также соколиная охота, перея-

тая у киргизовъ ради забавы и нашими старинными князьями и боярами. «Соколиная охота» не составляетъ для киргизовъ промысла или занятія, которому они предавались бы отъ нужды; напротивъ, охота эта составляетъ, по большей части, времяпрепровожденіе богатыхъ киргизовъ, ихъ національное, обычное развлеченіе отъ монотонной жизни пастуха-кочевника,—развлеченіе, которому праздный апатичный азіатъ предается со всею пылкостью хищника... Поэтому и можно сказать, что «соколиная охота» составляетъ скорѣе народный обычай, нежели промыселъ киргизовъ.

Для каждаго звѣря у киргизовъ имѣется особая охотничья птица, такъ что ихъ насчитывается до семи породъ. Напримѣръ, на волковъ и лисицъ киргизы ходятъ съ беркутами; на горныхъ козъ, драхвъ и лебедей охотятся съ соколами; съ помощью ястребовъ бьютъ утокъ, гусей, стрепетовъ, и проч.

Сами киргизы рѣдко занимаются дрессировкой для охоты хищныхъ птицъ; эту черную работу исполняютъ, обыкновенно, наши волжскіе татары и башкиры. Татаринъ по цѣлымъ недѣлямъ носитъ хищную птицу на палкѣ по зарямъ, не кормитъ и не даетъ ей спать, надѣваетъ ей на лапы ремни, завязываетъ колпачкомъ глаза и продолжаетъ эти экзекуціи до тѣхъ поръ, пока птица совсѣмъ перестанетъ дичиться и станетъ по первому зову прилетать къ рукѣ за кускомъ. Тогда татаринъ или башкиръ везетъ птицу въ степь и продаетъ киргизу.

Киргизъ дорого даетъ за охотничью птицу. Хорошій беркутъ цѣнится въ 5—6 верблюдовъ, соколъ—въ 1 или 2 верблюда, ястреба и копчики — дешевле.

Замѣчательна любовь кочевника къ этимъ воздушнымъ, пернатымъ хищникамъ. Киргизъ уже не мучаетъ птицу; черезъ двѣ-три недѣли хищникъ возмужаетъ у него,—перья покроются глянцемъ и глазъ «заиграетъ»... Киргизъ кормитъ его вдоволь, холитъ, гладитъ его, носитъ по степи, словомъ возится съ нимъ, какъ нянька. И

птица, въ свою очередь, не остается равнодушной къ своему патрону.

Но высшее наслажденіе для киргиза начинается тогда, когда онъ отправляется съ своимъ орломъ или беркутомъ на охоту. Предъ этимъ онъ дня 2—3 совсѣмъ не кормитъ птицу. Затѣмъ киргизъ сѣдлаетъ свою коренастую лошадку, садится верхомъ, помѣщаетъ рядомъ, на лукѣ, голоднаго хищника, накрывъ ему глаза колпачкомъ,—и оба катаются по степи... Завидитъ кочевникъ лису или сайгака, сейчасъ же сдернетъ колпакъ съ пернатаго хищника, приподниметъ на рукѣ такъ, чтобы онъ видѣлъ звѣря—и пускаетъ на свободу... Тяжело взмахнетъ крыльями проголодавшійся орелъ, и пойдетъ на кругахъ, все выше и выше... Киргизъ глазъ съ него не спускаетъ. Но вотъ «пернатый хищникъ» нацѣлилъ на звѣря, и, сложивъ крылья, стрѣлой падаетъ внизъ... У киргиза замеръ духъ! Но беркутъ уже сдѣлалъ свое дѣло: запустивъ когти одной лапы въ голову лисицы, а когти другой—въ ея крестецъ, беркутъ выклевываетъ ей глаза и сильными ударами клюва въ голову убиваетъ ее или ослабляетъ настолько, что восхищенный киргизъ, примчавшись во весь духъ, безъ труда уже доканчиваетъ пораженіе звѣря. Послѣ этого кочевникъ не налюбуется на своего «пернатаго товарища», холитъ, гладитъ его и даетъ ему лучшій кусокъ изъ добычи, кусокъ лисьей печени...

О хорошей, удалой птицѣ молва пробѣгаетъ по всей степи. Киргизы ѣдутъ за 100 — 200 верстъ и больше, чтобы посмотрѣть на нее, полюбоваться ея удалью, какъ она лисицъ и волковъ матерыхъ хватаетъ, словно зайцевъ, и душитъ въ когтяхъ... Удивленію ихъ нѣтъ конца! За то и хозяинъ цѣнитъ такую птицу дороже своего скота и жилища...

Киргизы охотятся на звѣрей и съ борзыми туркменскими собаками (*«тазами»*); но собаки эти дурно содержатся и вовсе не воспитываются для охоты.

Вышеописанныя наклонности киргизовъ составляютъ, конечно, крупные пороки, но, во всякомъ случаѣ, не прирожденные имъ, а навѣянные прежнимъ хищническимъ бытомъ, — пороки, подъ вліяніемъ русской цивилизаціи, все болѣе и болѣе сглаживающіеся и даже совсѣмъ исчезающіе. Въ настоящее время, киргизъ-кочевникъ въ сущности, уже выродился и имѣетъ больше задатковъ для мирнаго гражданскаго развитія, нежели для хищническаго быта. Правда, познанія и навыкъ киргизовъ къ гражданской жизни еще не на столько велики, чтобы они могли тотчасъ же перейдти къ ней; но этого, конечно, нельзя и требовать отъ нихъ; хорошо уже и то, что въ нихъ есть несомнѣнные задатки для постепеннаго перехода къ слѣдующей, высшей степени цивилизаціи.

Свѣдѣнія киргизовъ касаются, главнымъ образомъ, узкой сферы пастушескаго быта. Киргизъ знаетъ на небѣ Полярную звѣзду (*темиръ-казыкъ* — желѣзный гвоздь), которая указываетъ ему дорогу въ степи, Большую Медвѣдицу, по которой онъ опредѣляетъ время ночи, Венеру (*караванъ-джылдызъ* — звѣзду каравановъ), подымающую его въ дальній путь. Знаетъ также привычки и свойства своихъ животныхъ и разныя благопріятныя и неблагопріятныя условія кочевокъ.

Но, кромѣ того, киргизамъ извѣстны и многія изъ условій осѣдлаго быта. Киргизъ умѣетъ приготовить себѣ всѣ вещи, нужныя для домашняго обихода. Всякому матеріалу, который даетъ имъ скотъ, они могутъ придать форму, удобную для личнаго употребленія. Они умѣютъ валять кошмы и войлоки, ткать армячину, выдѣлывать кожи, мѣха, замшу, приготовлять «сабы» (кожанные мѣхи для храненія кумыса), «чембары» (кожаные штаны), «яргаки» (шубы изъ телячьихъ шкуръ), «турсуки» и «бурдюки» (мѣшки изъ конскихъ и овечьихъ кожъ), «кебежи» (сундуки изъ сырыхъ коровьихъ кожъ), шить сапоги и платье, дѣлать арканы, конскую сбрую, молоть муку и проч., и знакомы отчасти съ кузнечнымъ, плотничнымъ

и красильнымъ мастерствами. Остальныя же вещи, какъ-то: домашнюю посуду, разныя матеріи и металлическія вещи — они получаютъ, по большей части, изъ Россіи и среднеазіатскихъ ханствъ. Но и вышеперечисленныхъ ремеслъ и свѣдѣній киргизовъ достаточно, чтобы составить прочное основаніе для ихъ дальнѣйшаго гражданскаго развитія.

Къ хлѣбопашеству киргизы пока переходятъ только вслѣдствіе крайней необходимости, потерявши, напримѣръ, весь свой скотъ и сдѣлавшись «джетаками (лежащими, некочующими) Такихъ обездоленныхъ кочевниковъ, вслѣдствіе прежней баранты и разныхъ стихійныхъ бѣдствій, весьма часто посѣщающихъ киргизскую степь, накопилось уже множество, и они, волей-неволей, образовали особый классъ—«игинчи»—пахарей. Понятно, что положеніе этихъ подневольныхъ пахарей не могло сдѣлаться особенно завиднымъ. Во первыхъ, для истаго киргиза, «игинча»—пахарь—слово презрительное, означающее самаго послѣдняго, самаго низкаго человѣка. Одно уже это обстоятельство не можетъ служить особеннымъ поощреніемъ для киргиза къ земледѣльческому труду. Къ тому же киргизы ѣдятъ хлѣба мало и неохотно, и потому самые «закромы хлѣба» также не могутъ для нихъ представлять особенной прелести. Сверхъ того, неумѣнье взяться за дѣло, отсутствіе навыка къ земледѣлію и вообще привычки къ труду, и, наконецъ, постепенное распаденіе, вслѣдствіе новыхъ условій жизни, родоваго общественнаго быта, — все это ставитъ пахаря-киргиза въ самое ужасное положеніе. Покопавшись кое-какъ вмѣсто сохи допотопной лопатой у своей пашни, и оросивъ ее, по обыкновенію всѣхъ среднеазіатцевъ, тощимъ каналомъ («арыкомъ») *), киргизъ-«игинчи» больше уже не знаетъ никакихъ заботъ

*) Искусственно проведенная вода составляетъ для осѣдлыхъ среднеазіатцевъ, вслѣдствіе особыхъ условій природы, такой же источникъ благосостоянія, какъ скотъ у кочевниковъ. Владѣть большимъ «арыкомъ» — ирригаціоннымъ кана-

о своей землѣ, и, предоставивъ все дѣло собственному его теченію, едва успѣваетъ собрать даже затраченныя сѣмена. Селится онъ также на манеръ своихъ отцовъ и братьевъ кочевниковъ — въ кибиткахъ. Но юрта не домъ; она не предназначалась для земледѣльца и въ высшей степени непрактична для жизни на мѣстѣ. Оттого грязь, нечистота, холодъ, повсемѣстныя лохмотья и вѣчные больные,—вотъ обыкновенные аттрибуты некочующихъ киргизовъ или «джетаковъ».

Многіе изъ этихъ «игинчи» или пахарей доходили до такой крайности, что продавали своихъ дѣтей въ азіатскихъ владѣніяхъ за какой-нибудь «капъ» хлѣба, чтобы только имѣть возможность продлить свое существованіе. Образовавъ особый, довольно многочисленный классъ нищихъ (*байгушей*), они ходили толпами по нашимъ линейнымъ селеніямъ, городамъ и крѣпостямъ, въ грязныхъ рубищахъ, съ дѣтьми—большею частью—нагими, выпрашивая милостыню, или же пускаясь въ хищничество. Въ настоящее время, «байгуши» нанимаются въ работу къ русскимъ земледѣльцамъ, а также занимаются на заводахъ и пріискахъ, или же служатъ въ пастухахъ (*кончи*) у богатыхъ киргизовъ.

Нѣтъ никакихъ причинъ думать, чтобы подобное положеніе киргизовъ—пахарей было естественнымъ, необходимымъ послѣдствіемъ перехода ихъ къ осѣдлому быту. Существуетъ, безъ сомнѣнія, множество условій, при которыхъ и кочевникъ можетъ сдѣлаться — и дѣлался—прилежнымъ, зажиточнымъ земледѣльцемъ. Но, во всякомъ случаѣ, несчастный примѣръ «игинчей», служа какъ бы подтвержденіемъ взглядовъ кочевниковъ, не особенно располагаетъ послѣднихъ

ломъ, для азіата-земледѣльца значитъ быть богатымъ. Вслѣдствіе этого, самое землевладѣніе въ Средней Азіи основано на правѣ «оживленія», т. е. по мѣстному закону, только тотъ имѣетъ первоначальное право на обладаніе землей, кто ее оросилъ, оживилъ. Этотъ взглядъ отчасти проникъ и къ киргизамъ.

къ подражанію имъ. И дѣйствительно, жизнь большинства кочевниковъ, по сравненію съ положеніемъ пахарей, представляется просто раемъ.

Въ торговлѣ киргизы также не принимаютъ непосредственнаго участія, хотя сношенія ихъ съ Россіей и азіатскими странами производятся довольно дѣятельно, конечно азіатскимъ способомъ — съ помощью верблюдовъ или посредствомъ, такъ-называемыхъ, «караванъ». Драгоцѣнныя качества верблюда, этого «корабля пустыни», даютъ возможность переходить съ товаромъ даже безводныя и безтравныя пустыни киргизскихъ степей. Караванные пути пересѣкаютъ киргизскую степь во всѣхъ направленіяхъ, съ юга на сѣверъ и съ востока на западъ. Когда ѣдешь по степи, то на сѣрожелтой ея поверхности пути эти вездѣ раскинулись темными лентами, проторенными копытами верблюдовъ и тяжелыми колесами азіатскихъ товарныхъ арбъ.

Многіе изъ киргизовъ разводятъ верблюдовъ спеціально для караваннаго найма; богатые кочевники держатъ съ этой цѣлью сотъ по пяти верблюдовъ. Вожаками верблюдовъ въ караванахъ или «чапарами» служатъ также киргизы. Вожаки, или чапары, въ караванѣ подчиняются обыкновенно «караванъ-башѣ» (караванному старшинѣ), избираемому изъ среды кунечества. Караванъ-баша разбираетъ распри между чапарами, принимаетъ нужныя мѣры для безопаснаго слѣдованія каравана, развѣдываетъ о киргизскихъ родахъ, кочующихъ близъ дороги —дружественные они, или враждебные, и по общему совѣщанію съ чапарами, располагаетъ ходомъ каравана, назначаетъ ночлеги и остановки.

Движеніе каравана въ степи представляетъ чрезвычайно оригинальную картину. Верблюды, навьюченные разнымъ товаромъ, идутъ обыкновенно, одинъ за другимъ, гуськомъ, или, по караванному выраженію, «ниткой». Для этого ихъ привязываютъ однаго къ другому посредствомъ особыхъ уздечекъ, состоящихъ изъ веревочки, прикрѣ-

пленной къ концамъ маленькой палочки или кости, продѣтой въ носовой хрящъ верблюда. При остановкѣ на кормежку нужно только потянуть верблюда за эту уздечку, и онъ тотчасъ становится на колѣни; въ это время безъ труда снимаютъ съ него вьюкъ, а самаго его пускаютъ на подножный кормъ. Утромъ, по слову: «чокъ»! верблюдъ опять становится на колѣни и даетъ класть на себя ношу въ особую раму, прикрѣпленную къ его спинѣ и обшитую войлокомъ.

Поставляя верблюдовъ подъ караваны и служа вожаками ихъ, киргизы въ самой торговлѣ не принимаютъ никакого участія. Караванная торговля почти вся находится въ рукахъ среднеазіатскихъ купцовъ и отчасти русскихъ. Въ торговомъ отношеніи киргизъ зависитъ отъ другихъ. Болѣе всѣхъ прижимаютъ киргизовъ туркестанскіе жители — *сарты*. Сартъ, какъ бы онъ ни былъ богатъ, непремѣнно торгашъ въ самомъ дурномъ смыслѣ этого слова. Будучи дѣятеленъ по натурѣ, онъ неутомимъ въ надуваніи ближняго и въ накапливаніи денегъ. Трусливый по характеру, сартъ не побоится рисковать своею жизнью, если этотъ рискъ дастъ ему барышъ. Совершенно равнодушно отправится онъ съ караваномъ черезъ всѣ среднеазіятскія трущобы и пустыни въ Москву, Нижній Новгородъ, Семипалатинскъ, или въ Индію, зная хорошо, что трущобы эти и пустыни заселены кругомъ хищными племенами, у которыхъ грабежи почти единственное средство къ существованію. Понятно, что для такихъ отважныхъ барышниковъ, каковы сарты, болѣе другихъ добродушный и наивный—киргизскій народъ представляетъ неистощимый источникъ наживы. Ежегодно, вмѣстѣ съ приходомъ киргизскихъ родовъ на зимовки, у богатѣйшихъ ауловъ непремѣнно появляется переносная юрта прикащика какого нибудь сарта. Раздавая свой товаръ, приготовленный на киргизскую руку, подъ барановъ и скотъ будущаго приплода, прикащикъ беретъ за свой товаръ въ нѣсколько разъ дороже его настоя-

щей цѣны. Распродавъ въ кредитъ товаръ, прикащикъ спокойно возвращается къ хозяину съ отчетомъ, такъ какъ онъ знаетъ, что долги почти никогда не пропадаютъ за киргизами. Къ осени, этотъ долгъ сберется по ауламъ, и гурты скота, полученнаго отъ киргизовъ, пригоняются въ мѣста жительства сартовъ для нагула.

Не мудрено, что сами киргизы не принимаютъ никакого участія ни въ торговлѣ, ни въ промышленности; и не хлопочутъ много ни о какихъ перемѣнахъ въ быту или улучшеніяхъ. Потребности кочевника чрезвычайно просты и однообразны. Незначительный капиталъ въ скотѣ, напримѣръ, 200—250 барановъ, съ пропорціональнымъ количествомъ коровъ и лошадей, дѣлаетъ жизнь киргиза совершенно счастливою. Киргизъ счастливъ, если у него есть скотъ для прокормленія, кибитка для защиты отъ непогоды, постель для сна и жена для услуги. При подобномъ состояніи, даже прихотливый киргизъ можетъ удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ. Привольно беззаботно ему живется тогда! Онъ веселъ и гордъ, любуясь своими жирными баранами и десяткомъ — другимъ маленькихъ, горбоносыхъ, кадыкастыхъ лошадокъ. Кругомъ его раздолье, такое же широкое, какъ мать его—степь. Если же состояніе его будетъ выше, то у киргиза всетаки не явится ни одной новой потребности; онъ станетъ только ѣздить на хорошей лошади, вмѣсто посредственной; станетъ покупать ташкентскія или китайскія сѣдла, вмѣсто грубыхъ и жесткихъ киргизскихъ; заведетъ двѣ «сабы», вмѣсто одной; уберетъ внутренность юрты *тикеметами* (росписными кошмами и коврами) вмѣсто простыхъ кошемъ; однимъ словомъ, количество потребностей останется тоже, но, съ увеличеніемъ его состоянія, киргизъ станетъ улучшать только качество потребляемыхъ предметовъ. Такимъ образомъ, потребности и бѣдныхъ, и богатыхъ кочевниковъ почти одинѣ и тѣ же; удовлетворяются же онѣ, смотря по состоянію, съ большею или меньшею прихотливостью. Киргизъ, главнымъ образомъ, заботится о томъ, чтобы его состояніе

позволяло ему продолжать кочевой образъ жизни и чтобы, въ противномъ случаѣ, не обратиться — чего боже упаси — въ «джетака» или пахаря.

Жилище.

Становища или аулы киргизовъ стоятъ въ степи чрезвычайно рѣдко одинъ отъ другаго, такъ что по жилищамъ кочевниковъ путешественникъ не можетъ опредѣлить направленіе своего пути, какъ по нашимъ селеніямъ. Лишь въ кои-вѣки доберешься въ необозримой степи до такой прогалины или ложбины, гдѣ вблизи ручья невысыхающаго и лѣтомъ, прячась за «борханомъ» (бугромъ) и тростниками, пріютились эти невзрачные аулы, состоящіе изъ сплотившихся группами юртъ, покрытыхъ потемнѣвшими войлоками. Непривычному человѣку юрты, съ перваго раза, покажутся кучками насыпной земли. Замѣтить такой аулъ издали чрезвычайно трудно. Гораздо скорѣе можно добраться до него по особенному аульному запаху. Воздухъ вокругъ жилища кочевника пропитанъ запахомъ скотскаго навоза. Въ чистомъ степномъ воздухѣ далеко слышенъ этотъ характеристическій запахъ, перемѣшанный съ гарью, выдавая тѣмъ присутствіе аула, хотя бы онъ и былъ спрятанъ за камышами и прогалинами.

Первое живое существо, которое увидишь, приближаясь къ аулу, это верблюды, пасущіеся на солонцеватыхъ, повидимому совершенно безплодныхъ степяхъ. Медленно подниметъ верблюдъ свою голову съ земли и его умные глаза выразятъ недоумѣніе при видѣ людей, непохожихъ на тѣхъ, которыхъ онъ зналъ до сихъ поръ. Увидя, что эти люди приближаются къ нему, онъ сдѣлаетъ неловкій скачекъ въ бокъ и, судорожно согнувши свой жалкій хвостъ, побѣжитъ по равнинѣ, нескладно сгибая свои мозолистыя ноги и ныряя всѣмъ корпусомъ въ воздухѣ...

Въ ближайшихъ къ аулу частяхъ степи, раскинулись стада барановъ, будто разсыпанныя по ней кучи камешковъ. А еще ближе къ аулу—пасутся лошади и рогатый скотъ.

Около самыхъ юртъ бродятъ худыя, злѣйшія собаки, съ стоячими ушами, кидающіяся съ остервененіемъ на всякаго человѣка, непохожаго на киргиза. Нѣкоторыя изъ нихъ, забравшись въ середину какого нибудь остова павшаго животнаго, съ сердитымъ ворчаньемъ обгладаваютъ на немъ бахромки мяса... Заслышавъ проѣзжихъ, онѣ съ недоумѣніемъ выберутся изъ костяка и вспугнутъ тѣмъ цѣлую стаю сорокъ и другихъ пернатыхъ спутниковъ степняка-кочевника. Гдѣ нибудь въ сторонѣ, на «барханѣ», сидитъ огромной орелъ-стервятникъ, гордо слѣдящій за проѣзжими. Женщины-киргизки повылѣзутъ изъ юртъ, въ своихъ высокихъ головныхъ уборахъ изъ грубаго коленкора. Прикрывъ глаза рукою, онѣ будутъ стоять у юртъ и смотрѣть съ тупымъ вниманіемъ на проѣзжающихъ до тѣхъ поръ, пока тѣ не пропадутъ за горизонтомъ. Совершенно голыя, до невѣроятности грязныя, вывалявшіяся въ навозѣ дѣти, сидѣвшіе, пока путешественники были недалеко, внутри юртъ, пугливо забившись по угламъ, теперь выбѣгутъ въ степь, замахаютъ руками, закрмчатъ, запищатъ и пошлютъ вслѣдъ за путешественниками стаю волкообразныхъ собакъ, съ поднятою на спинѣ шерстью. Сами же хозяева кибитокъ, пожилые киргизы, праздно снующіе верхомъ взадъ и впередъ вокругъ ауловъ, завидѣвъ путешественника, непремѣнно поскачутъ къ нему на встрѣчу, чтобы спросить: «что на свѣтѣ новаго»?

Каждый аулъ состоитъ изъ десяти или пятнадцати юртъ, расположенныхъ неподалеку одна отъ другой и занятыхъ семействами кровныхъ родичей. Первое мѣсто занимаетъ юрта главы аула—отца или дѣда—кровныхъ родичей. Рядомъ съ его юртой помѣщаются юрта *бай-баче*, т. е. его первой жены и такая же юрта для *токель* («безрогихъ», т. е. неимѣющихъ вліянія на мужа—младшихъ женъ).

Всѣ дѣти живутъ въ кибиткахъ своихъ матерей. Взрослые же сыновья имѣютъ каждый свою юрту. Какъ только сынъ женится, ему сейчасъ ставятъ отдѣльную юрту, недалеко отъ отца, и надѣляютъ его скотомъ, вычитая при этомъ, уплаченный за его жену калымъ: чѣмъ больше у него женъ, тѣмъ меньше у него имущества; но онъ очень часто дополняетъ его барантой. Каждый изъ женатыхъ сыновей ставитъ подлѣ своей юрты, въ свою очередь, кибитки для своихъ женъ и т. д. Все это расположено группами по строгому порядку старшинства членовъ рода, огорожено общей тростниковой загородкой и составляетъ «аулъ». Начальникъ его есть старшій между кровными родственниками, — ихъ отецъ или дѣдъ. Скотъ всѣхъ членовъ аула пасется вмѣстѣ, на общемъ пастбищѣ.

Рядомъ съ этимъ ауломъ помѣщается другой подобный же аулъ, члены котораго состоятъ въ близкомъ родствѣ съ членами перваго. Дальше располагается третій аулъ, члены котораго также находятся въ родствѣ съ двумя первыми, и т. д. Нѣсколько такихъ ауловъ, связанныхъ близкимъ родствомъ и имѣющихъ каждый свои стада и табуны, составляютъ вмѣстѣ «улусъ», начальникомъ котораго служитъ «аксакалъ», т. е. старшій во всемъ союзѣ близкихъ родственниковъ.

За нѣсколько верстъ отъ этого улуса располагается другой подобный же улусъ, всѣ члены котораго состоятъ въ дальнемъ родствѣ съ членами перваго улуса. Нѣсколько такихъ улусовъ вмѣстѣ составляютъ отдѣльный родъ, кочующій по степи широко-раздвинувшейся линіей, и состоящій подъ главенствомъ султана или манапа.

Переносное жилище киргиза «кибитка» или «юрта» (*уй*) въ высшей степени приспособлено къ его походной жизни и напоминаетъ собою остовъ животнаго, или, вѣрнѣе, *грудную клѣтку*.

Каждая юрта состоитъ изъ деревяннаго *остова* и войлочной по-

крышки. Остовъ, въ свою очередь, заключаетъ въ себѣ три части; верхнюю, нижнюю и среднюю.

Деревянный остовъ, для прочности, обтягиваютъ сверху веревочками и широкими тесьмами. Затѣмъ его покрываютъ кошмами, лѣтомъ бѣлыми, а зимою—сѣрыми, въ два ряда. Чагаракъ, или верхній кругъ, остова имѣетъ отдѣльную покрышку изъ особой кошмы; онъ составляетъ дымовое отверстіе въ юртѣ (*тюндюкъ*) и служитъ въ тоже время вмѣсто окна.

Вполнѣ собранная юрта, покрытая кошмами и обтянутая веревочками и тесьмами, стоитъ такъ прочно, что если встать на нее взрослому человѣку, то она не покачнется, и ее можно свободно переносить съ мѣста на мѣсто, нисколько не нарушая взаимнаго отношенія частей.

Разбирается юрта еще легче. Ее разъединяютъ на составныя части, навьючиваютъ на верблюдовъ и, такъ сказать, «по суставамъ» перевозятъ на новое мѣсто.

Юрта, занимающая, сравнительно, ничтожное пространство (3—4 сажени въ поперечникѣ и 2 — 3 сажени въ вышину) должна вмѣстить въ себѣ всѣ необходимые въ домашнемъ быту покои: столовую, гостинную, спальную, кладовую и проч. Поэтому, здѣсь все разсчитано, соображено, всему опредѣлено свое мѣсто, какъ въ пчелиномъ ульѣ; каждая вещь, каждый членъ семейства или гость знаютъ, гдѣ ему сѣсть или лечь. Оттого, въ сравнительно ничтожномъ помѣщеніи юрты, небогатый киргизъ ухитряется нерѣдко помѣститься съ двумя женами, со всѣми ихъ семействами и домашнимъ скарбомъ, и тутъ-же собирается иногда до 50 человѣкъ гостей.

При входѣ въ юрту, на первомъ планѣ, составляющемъ ея заднюю часть, бросаются въ глаза въ порядкѣ уложенные сундуки и кожанные тюки, завернутые въ ковры или узорчатыя кошмы («тикеметы»). Тамъ сложено все богатство киргиза, и по количеству этихъ сундуковъ и тюковъ можно съ перваго раза составить вѣрное поня-

тіе о состояніи хозяина. Передъ этими сундуками всегда сидитъ самъ хозяинъ или сидятъ почетные гости. Середину юрты занимаетъ очагъ.

Лѣвая сторона ея завѣшана пологомъ, который на день подбирается за «ууки», а ночью опускается, отдѣляя, такимъ образомъ, спальню хозяина отъ домочадцевъ и гостей. Тутъ помѣщается деревянная, изрѣдка желѣзная кровать, или просто постельные войлоки, убираемые на день куда-нибудь въ уголъ. Правая сторона юрты загорожена стѣнкою или ширмою, сплетенною изъ особаго растенія, называемаго «чіемъ» (родъ соломы). Ширма эта непремѣнно вышита разноцвѣтною шерстью или шелкомъ. За этою ширмою помѣщается кладовая. Тамъ хранятся всѣ продовольственные запасы и домашняя посуда. Мясо сырое и копченое виситъ тутъ-же на стоячихъ желѣзныхъ палкахъ съ крючками, или просто на сучковатыхъ шестахъ. Вѣшаютъ мясо высоко, оберегая его отъ собакъ, которыхъ киргизы никогда не кормятъ.

Между кладовою и стѣнкою изъ сундуковъ и тюковъ, въ самой задней части юрты, у небогатыхъ киргизовъ помѣщается, обыкновенно, жена хозяина, ея дочери и маленькія дѣти.

Полъ юрты весь устилается войлокомъ или пестрыми кошмами.

Внутренняя сторона юрты, для украшенія, обшивается иногда кусками сукна, расположенными симметрически въ видѣ своеобразныхъ узоровъ. «Чагаракъ» или деревянный кругъ вверху юрты и косяки дверей также украшаются красками, рѣзьбою, костью, мѣдью и зеркальцами.

Внѣшняя сторона юрты, въ видѣ украшенія, обкладывается по краямъ кусками ковма, обшитой сукномъ.

Дверь юрты запирается, обыкновенно, опускнымъ войлокомъ. Дверь эта носитъ характерное названіе: *ити киръ месъ*, т. е. «собака не войдетъ».

Одежда киргизовъ не сложна. Киргизъ носитъ распашную ру-

башку изъ «бязинной» (бумажной) матеріи, *чамбары*, т. е. штаны изъ козлиной или овечьей кожи; кожаные сапоги, шитые жилами, на одной подметкѣ, безъ рантовъ и безъ стелекъ, съ двойными деревянными каблуками Поверхъ рубашки надѣваютъ халатъ изъ желтой или сѣрой армячины. Опоясываются ремнемъ съ мѣдными или серебрянными бляхами; къ нему привѣшиваютъ кожанную сумку (*калту*), въ которой хранится огниво и рогъ (*насымъ*) съ нюхательнымъ табакомъ. На бритой головѣ носятъ тюбетейку, сверхъ которой надѣваютъ конусообразную, войлочную шляпу, съ загнутыми вверхъ полями.

Зимою носятъ овчинныя шубы и *ярганы*, т. е. халаты изъ козлиной или телячьей шкуры, шерстью вверхъ; грудь оставляютъ по большей части открытою. Вмѣсто шляпъ надѣваютъ *малахаи*, т. е. овчинныя, крытыя сукномъ, конусообразныя шапки съ полями, загнутыми спереди вверхъ, а сзади—опущенными внизъ.

Національное вооруженіе киргизовъ составляютъ: пика, «чеканъ» (топоръ на длинной рукояткѣ), лукъ со стрѣлами, кривая сабля и изрѣдка старинное ружье съ фитилемъ.

Одежда богатыхъ киргизовъ сохраняетъ, въ сущности, тотъ-же покрой, но блещетъ серебромъ, золотомъ, шелкомъ, галунами, бархатомъ, дорогими мѣхами, сафьяномъ и т. п. роскошью. При этомъ киргизы страстно любятъ чины, ордена и жалованные кафтаны.

Женщины киргизскія въ одеждѣ немногимъ разнятся отъ татарокъ. Дѣвушки киргизскія (*кызъ*) заплетаютъ волосы въ мелкія косички, соперничая ихъ количествомъ, и носятъ на головѣ шапочки или фески. Замужнія-же киргизки (*катимъ*) заплетаютъ волосы въ двѣ косы, которыя распускаютъ по плечамъ, обвертывая ихъ иногда бязью, т. е. бѣлою бумажною матеріею. Головной уборъ замужней женщины состоитъ изъ конусообразной шапки, вышиною въ полъ-аршина, называемой *джмелукъ*. Уборъ этотъ накрывается сверху кускомъ бѣлаго коленкора, концы котораго висятъ сзади; спереди-

же, на лбу, джавлукъ вышивается шелкомъ или унизывается корольками, змѣевиками, бусами и т. п.

Остальной костюмъ киргизокъ почти совершенно такой-же, какъ и у татарокъ. Даже бѣлила, румяна и сурьма получаются ими, вѣроятно, изъ одного источника съ послѣдними.

Пища кочевника весьма неприхотлива. Не смотря на многочисленныя стада, какими располагаетъ онъ, мясо, противъ всякаго ожиданія, не составляетъ его обыденнаго кушанья и лишь изрѣдка появляется на столѣ только болѣе зажиточныхъ киргизовъ. Даже баранину ѣдятъ ежедневно лишь самые богатые изъ кочевниковъ. Конина-же составляетъ рѣшительно для всѣхъ ихъ лакомство. Мясо верблюдовъ ѣдятъ еще рѣже, такъ какъ рѣжутъ ихъ только въ случаѣ неизбѣжной ихъ смерти, напримѣръ, вслѣдствіе старости болѣзни, увѣчья и т. п.

Такая воздержность кочевника отъ употребленія мясной пищи весьма понятна. Скотъ нуженъ ему не столько для пищи, сколько для удовлетворенія всѣхъ потребностей кочеваго быта. Скотъ служитъ киргизу не столько своимъ мясомъ, сколько своею кожею, шерстью и волосомъ. Изъ кожъ киргизъ готовитъ себѣ платье и почти всю свою домашнюю утварь, а шерсть служитъ у него главнымъ матеріаломъ для постройки жилища и, кромѣ того, идетъ ему также на платье и на разныя другія домашнія принадлежности, замѣняя подъ-часъ дерево, пеньку, ленъ и пр. Чтобы удовлетворить всѣмъ этимъ потребностямъ, кочевникъ долженъ тщательно беречь и размножать свой скотъ, а отнюдь не истреблять его, и киргизъ хорошо понимаетъ, что съѣшь онъ лишняго барана или лошадь изъ своего стада, то какъ разъ придется ему обратиться въ «джетака» или пахаря.

Вотъ почему главную пищу киргизовъ составляетъ молоко и — что всего неожиданнѣе — просо. Эти два вещества киргизы употре-

бляютъ въ разнообразныхъ формахъ, какъ нельзя болѣе приноровленныхъ къ ихъ походной, кочевой жизни.

Изъ молока, преимущественно овечьяго или козьяго, киргизы приготовляютъ *курутъ*, т. е. сыръ, довольно питательный, но очень сухой и твердый, некрошащійся и непортящійся, занимающій очень мало мѣста, однимъ словомъ, весьма удобный для дороги. Изъ просяной поджареной муки киргизы готовятъ себѣ *толканъ*, т. е. болтушку съ водою. Одна—двѣ горсти такой муки, разбавленныя водою, достаточны въ день для одного человѣка. Выпивъ такой болтушки, киргизъ считаетъ себя совершенно сытымъ.

Національный киргизскій напитокъ составляетъ знаменитый *кумысъ*, приготовляемый изъ кобыльяго молока. Едва ли кто такъ умѣетъ приготовлять кумысъ, какъ киргизы, чему не мало способствуютъ раздолье киргизскихъ степей и качество ихъ скота. Предназначенное для кумыса молоко сливаютъ сперва въ кожаный мѣшокъ (сабу), гдѣ оно, въ теченіи нѣсколькихъ дней, тщательно и часто взбалтывается особой палкой — «пекенемъ». Для закваски, въ новую сабу кладутъ копченую лошадиную жилу; старая же обдержанная саба сама по себѣ служитъ закваской для молока. Отъ частаго взбалтыванія и закваски, молоко постепенно приходитъ въ броженіе, и въ концѣ концовъ получается напитокъ, чрезвычайно питательный, освѣжающій и слегка опьяняющій. Киргизы употребляютъ кумысъ въ огромномъ количествѣ, какъ русскіе пьютъ брагу. Изъ коровьяго молока киргизы приготовляютъ *айранъ*, тоже родъ кумыса, но далеко уступающій послѣднему по качеству. Въ большомъ также употребленіи между ними *арака*, перегнанная изъ кумыса водка и наконецъ, *буза*, брага изъ просяной муки.

Чай пьютъ только очень богатые киргизы. Но для гостей напитокъ этотъ считается необходимымъ угощеніемъ. Въ томъ и другомъ случаѣ къ чаю подаютъ *достарханъ*—сладости, главнымъ образомъ орѣхи, миндаль, фисташки, кишмишъ и немного сахару. Все это

разсыпается на полотенце, состоящее изъ куска полотна, ситцу или канауса.

Кирпичный чай гораздо болѣе распространенъ между киргизами, нежели обыкновенный, и они пьютъ его совершенно также, какъ и сибирскіе татары.

Киргизы всѣ мусульмане, на сколько это совмѣстно съ ихъ любовью къ свободѣ и страстью къ пастушеской жизни. Они исповѣдуютъ магометанскую вѣру сунитскаго толка, но въ нихъ незамѣтно фанатизма и нетерпимости, присущихъ усерднымъ послѣдователямъ корана. По роду ихъ кочевой жизни, они и мечетей держатъ немного, да имъ рѣдко приходится и молиться въ нихъ. Въ званіе ахуновъ, имамовъ и муллъ киргизы избираютъ, обыкновенно, казанскихъ татаръ, или сартовъ, которыхъ утверждаетъ въ этихъ должностяхъ оренбургскій муфтій.

Объ руку съ муллами у киргизовъ есть и *баксы*, истолкователи судьбы, представители прежнихъ вѣрованій въ добрыхъ и злыхъ духовъ, и чуть ли послѣдніе не пользуются у нихъ большимъ уваженіемъ по сравненію съ первыми. «Баксы» занимаются ворожбою леченіемъ. Главнымъ орудіемъ, при этомъ, служитъ у нихъ музыкальный инструментъ, родъ скрипки съ разными металлическими побрякушками, изъ котораго они извлекаютъ смычкомъ дикіе звуки, распѣвая непонятныя слова и вызывая духовъ, причемъ кривляются, какъ шаманы, бросаются въ огонь, тычутъ себя ножами.

Вообще, въ киргизскихъ обычаяхъ и повѣрьяхъ можно до сихъ поръ замѣтить слѣды шаманства, когда-то распространеннаго во всей сѣверной полосѣ Азіи. Киргизы доселѣ поклоняются видимымъ предметамъ изъ міра физическаго. Уединенно стоящее въ степи дерево, гигантскій камень, одиноко выдвинутый на необозримой равнинѣ, горная пещера съ ключемъ чистой воды, могилы «батырей», все это служитъ у нихъ предметомъ поклоненія. Ни одинъ киргизъ не проѣдетъ мимо могилы «батыря», не слѣзши съ коня и не отправивши

намаза, причемъ оставляетъ обитающему тутъ духу какую нибудь умилостивляющую жертву, лоскутъ одежды, либо хоть клокъ конскихъ волосъ, привѣшивая это на воткнутыхъ вокругъ кольяхъ.

Обряды же собственно мусульманскіе, какъ то посты, молитвы, омовенія, посѣщеніе Мекки—исполняются ими не такъ охотно.

Образъ жизни, праздники и обряды.

Киргизскій день начинается съ восходомъ солнца. Едва блеснетъ первый лучъ свѣта, какъ мулла, или кому случится проснуться раньше, затягиваетъ *азанъ* (призывъ на молитву). Сейчасъ же открываются двери всѣхъ юртъ и проснувшіеся обитатели идутъ къ водѣ для совершенія «намаза». Послѣ омовенія читается первая молитва въ юртѣ или на дворѣ. Жены обязаны къ этому времени убрать постели, развести огонь и приготовить завтракъ, который состоитъ, большею частью, изъ «кужи», просяной похлебки. Если средства позволяютъ, то прибавляютъ въ котелъ съ кужей—молока, курдючнаго сала, конской колбасы или айрану. Если есть остатки отъ ужина, то они подаются тутъ же. Вообще киргизъ любитъ въ это время поѣсть плотно.

По окончаніи завтрака, вымывъ руки и погладивъ себя по бородѣ, со словами *Алла-акъ-беръ*, всѣ встаютъ и каждый идетъ къ своему дѣлу: женщины доятъ скотъ предъ угономъ его въ поле, мужчины же, по обыкновенію, идутъ гулять. Подоивъ скотъ и отпустивъ его въ поле, женщины принимаются готовить запасы провизіи—айранъ, кумысъ и проч. Дѣти въ это время собираютъ дрова и носятъ воду. Молодыя дѣвушки готовятъ себѣ приданое, валяютъ кошмы, вышиваютъ по нимъ разные узоры, снуютъ тесьмы. Вообще киргизскимъ женщинамъ гулять некогда, а потому въ аулѣ днемъ рѣдко слышны разговоры или пѣсни.

Въ такихъ занятіяхъ проходитъ весь день, прерываемый изрѣдка молитвами, которыя совершаютъ только мужчины. Обѣденнаго времени у киргизовъ не полагается, за отсутствіемъ обычая *обѣдать*. Это время сутокъ они проводятъ большей частью въ дорогѣ или перекочевкахъ, и потому привыкли въ продолженіи дня удовлетворять свой голодъ по дорожному, хотя бы и находились на мѣстахъ стоянокъ. Кто захочетъ поѣсть или, вѣрнѣе, заморить голодъ, тотъ самъ угощается въ юртѣ, въ кладовой, гдѣ находится постоянный запасъ разной провизіи: кужи, айрана, кумысу, бузы и проч.

Киргискій аулъ оживаетъ только къ вечеру, когда скотъ пригоняется домой. Какъ только пригоняютъ барановъ, хозяйка съ дочерьми входитъ въ свои стада *и на глазъ опредѣляетъ*, весь ли скотъ дома. Ошибки въ этомъ случаѣ очень рѣдки. Затѣмъ начинаютъ доить овецъ, коровъ, козъ и проч. Сначала подпускаютъ къ маткамъ сосуновъ, для того чтобы они отсосали; послѣ этого, пряча за сосуновъ, идутъ сами киргизки съ кожанными подойниками и, быстро оттолкнувъ сосуна, принимаются за доенье. Но молока киргизы получаютъ мало. Даже коровы приносятъ имъ гораздо больше пользы, какъ рабочій и вьючной скотъ. Киргизъ не можетъ не ѣздить верхомъ,—это его привычка, потребность, какъ у осѣдлаго жителя—ходить пѣшкомъ. Поэтому бѣдные киргизы, за неимѣніемъ лошадей, очень часто кочуютъ на коровахъ, ѣздятъ верхомъ на нихъ и, кромѣ того, питаются ихъ молокомъ. Но при этомъ, разумѣется, самымъ полезнымъ и необходимымъ для кочевника животнымъ остается всетаки овца, которая его кормитъ, одѣваетъ и даетъ матеріалъ для жилища.

По уборкѣ скота, вся семья приступаетъ къ ужину, который состоитъ изъ той же «кужи», иногда съ небольшимъ количествомъ сала. Если при этомъ случится киргизу ѣсть мясо, то онъ тщательно обгладываетъ каждую косточку, такъ что послѣ киргиза и собакѣ нечѣмъ поживиться. У богатыхъ киргизовъ подается чашка

съ мяснымъ бульономъ; ее подаютъ сначала старшему, и отъ него она обходитъ уже всю собравшуюся публику. Затѣмъ слѣдуютъ кумысъ и айранъ, и наконецъ читается *бата* — пожеланіе хозяину всего хорошаго.

Хотя ужинъ этимъ совершенно заканчивается, но долго еще видны огни чрезъ «тюндюки» и слышны говоръ и пѣсни изъ ауловъ. Во всѣхъ юртахъ ведутся разговоры, разсказываются сказки. Старики, посѣдѣвшіе въ барантахъ, вспоминаютъ о своей молодости и возбуждаютъ духъ дѣтей разсказами о своихъ подвигахъ. Тутъ же поются пѣсни и играютъ въ разныя игры, преимущественно въ кости.

Ложатся спать около полуночи. Раньше, чѣмъ хозяйка ляжетъ, она обязана затушить огонь и закрыть тюндюкъ (дымовое отверстіе), чтобы нечистая сила не безпокоила обывателей.

Молодые джигиты уходятъ въ это время въ степь пасти табуны лошадей, которыя на ночь не пригоняются въ аулы. Скотъ же, собравшійся вокругъ юртъ, оберегаютъ ночью дѣвушки, съ помощью собакъ. Киргизка до самой зари выкрикиваетъ пѣсни, чтобъ ими отпугивать отъ стада волковъ, и нужно имѣть большую привычку, чтобы заснуть подъ этотъ крикъ и пѣсни.

Такимъ образомъ, вся тяжесть ежедневныхъ работъ лежитъ у киргизовъ на женщинѣ, всегда грязной и еще болѣе неопрятной, чѣмъ ея мужъ. Киргизка съ дѣтства пріучается ѣздить верхомъ на лошади и должна потомъ справлять всю свою жизнь за мужчину всѣ домашнія работы. Вьючить юрты, ставить ихъ, готовить кушанья, кормить дѣтей, доить скотъ и смотрѣть за нимъ, обшивать семью,— все это лежитъ на обязанностяхъ женщины. Киргизы-мужчины ничего недѣлаютъ. Только во время кочевокъ они отыскиваютъ мѣста для лѣтовокъ, да пасутъ изрѣдка лошадей въ отгонныхъ табунахъ; все же остальное время проводятъ въ *гуляньѣ* по степи. Проснувшійся мужъ потребуетъ ѣсть; поѣстъ —сядетъ на лошадь, возьметъ ястреба или ружье, и отправится на охоту или поѣдетъ къ сосѣду въ

гости. А въ это время, жена, хотя бы и беременная, должна разобрать юрту, навьючить ее на верблюдовъ, разсадить на вьюки дѣтей, и, прицѣпивъ животныхъ другъ къ другу, кочевать съ этимъ караваномъ на новое мѣсте, гдѣ опять ей же придется развьючить, поставить юрту и приготовить ѣсть проголодавшемуся мужу, который какъ разъ поспѣетъ домой къ тому времени, когда все готово. Переночевавъ, мужъ опять отправляется гулять по степи, въ надеждѣ натолкнуться на какое-нибудь развлеченіе, въ родѣ свадьбы, разбора дѣлъ біемъ, поминокъ, драки и т. под. На свадьбѣ онъ посмотритъ на игры, на судѣ онъ послушаетъ, на поминкахъ перепадетъ ему что-нибудь отъ угощеній, а въ дракѣ онъ приметъ чью-нибудь сторону. Или вспомнитъ онъ какое-нибудь старое дѣло съ товарищемъ, гдѣ послѣ баранты его обдѣлили, и отправится къ бію взыскивать недоданное. Однимъ словомъ, киргизъ найдетъ себѣ развлеченіе. Жена же его не можетъ оторваться отъ юрты; уйди она—и все хозяйство киргиза пропало.

Такая жизнь легла тяжелымъ бременемъ на женскую половину киргизскаго народа. Киргизка въ 25 лѣтъ уже старуха. Вообще, она занимаетъ въ жизни кочевниковъ гораздо низшее мѣсто въ сравненіи съ мужчиною. Жена ѣсть отдѣльно отъ мужа, который посылаетъ ей остатки съ своего стола. За убійство женщины «кунъ» платится вдвое менѣе.

Не смотря на это, киргизскія женщины не проводятъ жизни взаперти, подобно прочимъ своимъ единовѣркамъ. Киргизка пользуется полною свободой, не удаляется отъ мужчинъ и не закрываетъ себѣ лица. Цѣня заслуги и познанія женщинъ въ хозяйствѣ, мужчины предоставляютъ имъ главное распоряженіе въ домѣ и очень часто сами прибѣгаютъ къ ихъ совѣтамъ. Вслѣдствіе этого, киргизская женщина играетъ большую роль не только какъ полная хозяйка дома, но и какъ членъ общества. На сходкахъ киргизовъ женщины подаютъ голосъ наравнѣ съ мужчинами, въ особенности по вопро-

самъ, касающимся общественныхъ нуждъ. Иногда даже мнѣніе женщинъ имѣетъ нѣкоторое преимущество надъ мнѣніемъ мужчинъ.

Народныя празднества у киргизовъ, исключая религіозныхъ мусульманскихъ праздниковъ, всѣ имѣютъ основаніе свое въ пастушескомъ кочевомъ бытѣ и довольно многочисленны, такъ какъ у киргизовъ даже важные случаи изъ частной жизни богатаго кочевника празднуются всенародно, цѣлыми родами. Главныя изъ киргизскихъ народныхъ празднествъ справляются ранней весною, по случаю выступленія съ зимовокъ на лѣтовки, и поздней осенью, когда киргизы рѣжутъ скотъ и заготовляютъ мясо для домашняго обихода на зиму.

Въ день выступленія съ зимовокъ на кочевки, съ восходомъ солнца, всѣ молодые люди аула, нарядившись въ праздничное платье, садятся на лучшихъ коней, выбираютъ молодую, красивѣйшую женщину и вручаютъ ей знамя, состоящее изъ шеста съ привязаннымъ къ нему цвѣтнымъ платкомъ. Женщина или дѣвушка слѣдуетъ съ этимъ знаменемъ верхомъ на лошади, впереди каравана, къ избранному мѣсту кочевки, въ сопровожденіи толпы юношей и дѣвицъ, при пѣсняхъ, скачкахъ и разныхъ играхъ. А за ними тянутся навьюченные верблюды съ юртами и пожитками, и гонятъ стада скота, разсыпаннаго по степнымъ равнинамъ. Достигнувъ мѣста первой лѣтовки, пожилыя киргизки начинаютъ устанавливать юрты, а молодежь снова принимается за скачки, бѣги, борьбу и прочія національныя киргизскія увеселенія, которыя будутъ описаны ниже. Дѣти, въ это время, ходятъ по юртамъ, поздравляя хозяевъ съ наступленіемъ весны, за что имъ даютъ кусочки курту, баранины и другихъ явствъ. Вообще праздникъ этотъ напоминаетъ татарскій «сабанъ».

Поздней осенью, когда киргизы уже возвратились на мѣста зимовокъ, они назначаютъ день, когда рѣжутъ скотъ и приступаютъ къ заготовленію мяса на зиму. Это обстоятельство сопровождается народнымъ празднествомъ, скачками, борьбой и прочими киргизскими увеселеніями. Каждый въ этотъ день зарѣжетъ хоть одного

барана. Бѣдные, у которыхъ нѣтъ скота, пристроиваются къ богатымъ и всегда получаютъ отъ нихъ небольшія части мяса. Мясо, собранное въ этотъ день, обыкновенно солятъ, коптятъ, дѣлаютъ изъ него колбасы и проч. Все, заготовленное такимъ образомъ, носитъ названіе *сугумъ*, часть котораго каждый долженъ отдать султану или манапу. Каждый родъ отбываетъ эту повинность по раскладкѣ народомъ на кибитку. Во время лѣтнихъ перекочевокъ, султаны также получаютъ *шибагу* (вареное мясо) со всѣхъ ауловъ, лежащихъ на пути ихъ перекочевокъ.

Народныя киргизскія празднества сопровождаютъ также, какъ уже было упомянуто выше, всѣ болѣе или менѣе важные случаи изъ частной жизни каждаго киргиза, начиная съ факта его рожденія и кончая похоронами и поминками.

Роды женщины у киргизовъ обставлены варварскими условіями. Киргизка работаетъ до самыхъ родовъ. Въ случаѣ же трудныхъ родовъ, киргизы бросаютъ въ огонь кусокъ бараньяго жиру и, пока онъ горитъ, молятся Богу, чтобы онъ облегчилъ страданія роженицы. Если случается при этомъ обморокъ, то киргизы бьютъ палками сначала по кибиткѣ, гдѣ лежитъ больная, а потомъ ударяютъ нѣсколько разъ ее самою, чтобы выгнать изъ нея *албасты-басу* — злаго духа. Или выбираютъ для этого лошадь съ свѣтлыми глазами, приводятъ ее въ кибитку и наклоняютъ мордой къ больной, чтобы напугать этимъ злаго духа. Иногда прибѣгаютъ и къ мусульманскимъ амулеткамъ, т. е. исписаннымъ какой нибудь молитвой изъ корана бумажкамъ, которыя проглатываютъ вмѣстѣ съ водою. Во время самыхъ родовъ, роженицу привѣшиваютъ за мышки къ *тюндюку* (дымовому отверстію) для того, чтобы роды были легче. Всякая старуха считается при этомъ знающей акушеркой.

Если родится мальчикъ, то родители устроиваютъ праздникъ, въ которомъ принимаетъ участіе весь аулъ; праздникъ сопровождается, обыкновенно, скачками, борьбою и прочими киргизскими увеселенія-

ми. Въ случаѣ же рожденія дѣвочки празднества не бываетъ, такъ какъ, по понятіемъ киргизовъ, дѣвочки не приносятъ счастія въ жизни. «Долго соль не береги, говоритъ киргизская пословица,— обратится въ воду; долго дочь не держи—обратится въ рабыню».

Имя новорожденному даетъ мулла. Прежде ребенокъ получалъ, обыкновенно, языческое имя своего родителя или какого нибудь близкаго родственника, прославившагося храбростью или наѣздничествомъ. Но въ послѣднее время все чаще и чаще стали встрѣчаться между киргизами имена мусульманскихъ святыхъ, благодаря усилившемуся вліянію муллъ.

Новорожденнаго киргизы купаютъ ежедневно въ соленой водѣ, послѣ чего каждый разъ натираютъ его масломъ или бараньимъ саломъ. Это дѣлается для того, чтобы окрѣпли суставы малютки. Особенно оберегаютъ его отъ дурнаго глаза, и каждая киргизка знаетъ множество средствъ противъ этого. По прошествіи 40 дней, рубашку, которую не снимали съ ребенка съ самаго дня его рожденія, снимаютъ и надѣваютъ на шею собаки для того, чтобы собака, съѣдая жирную, засаленную рубашку, приняла на себя и всѣ будущія болѣзни ребенка.

Не раньше, какъ чрезъ годъ по рожденіи, ребенку брѣютъ голову и обрѣзаютъ ногти. Когда ребенку минуло два-три года, его уже начинаютъ забавлять верховой ѣздой, устраивая для этого на сѣдлахъ удобные ящики, называемые *«кулгтурмарчи»* или «ачамай». Лѣтъ 7 или 12 мальчика обрѣзываютъ, послѣ чего устраивается праздникъ съ неизбѣжными скачками, борьбою и проч.

Невѣстъ для своихъ сыновей киргизы высватываютъ въ то время, когда послѣдніе лежатъ еще въ люлькѣ. Вообще, для киргиза *выборъ свата* гораздо важнѣе, чѣмъ выборъ невѣсты. На ея лѣта и красоту не обращаютъ особеннаго вниманія, лишь бы сватъ былъ богатъ и хорошъ. При этомъ зажиточный киргизъ старается всегда породниться съ равнымъ себѣ по роду и знатности; напримѣръ, «бѣ-

лая кость» не женится на «черной». Выбравъ себѣ по сердцу киргиза, у котораго есть дочь, киргизъ, отецъ жениха, развѣдываетъ предварительно о его намѣреніяхъ и затѣмъ уже посылаетъ къ нему сватовъ. Чѣмъ богаче отецъ жениха, тѣмъ онъ больше долженъ послать этихъ сватовъ; иногда ихъ отправляется цѣлая свита, человѣкъ изъ 10 или 15-ти.

Отецъ невѣсты принимаетъ ихъ съ нѣкоторой церемоніей, лѣтомъ —въ отдѣльной кибиткѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ аула, а зимою — въ юртѣ сосѣда, но никогда у себя дома. Этотъ пріѣздъ сватовъ называется *кудатусеръ*. Сваты должны условиться съ отцомъ невѣсты о калымѣ.

«Калымъ» (выкупъ жениха за невѣсту) сохранился въ киргизскихъ степяхъ въ первобытномъ видѣ. Цѣна его основана на «кунѣ», на платѣ за убійство женщины.

При заключеніи условія о «калымѣ», лошади очень часто замѣняются баранами и тогда каждая лошадь считается за 6 барановъ. Самое условіе скрѣпляется *батой* (молитвой), т. е. всѣ присутствующіе проводятъ руками по лицу. Иногда «бату» прочитываетъ приглашаемый на этотъ случай мулла.

По заключеніи условія о калымѣ, отецъ невѣсты устраиваетъ для сватовъ праздникъ съ неизбѣжными скачками, бѣгами и прочими играми, на которыя сходятся его знакомые и родственники, а преимущественно женщины и дѣвушки, каждая съ своими запасами провизіи.

Черезъ нѣсколько времени по приглашенію особыхъ *кудачакруч* (сватовъ приглашателей), отправляются къ отцу жениха сваты со стороны отца невѣсты за полученіемъ части условленнаго калыма. Въ день пріѣзда этихъ сватовъ отецъ жениха устраиваетъ имъ праздникъ, но не такой шумный, какъ въ аулѣ отца невѣсты, потому что, какъ говорятъ киргизы, — «невѣста еще у отца». По-

дарки со стороны отца жениха бываютъ также не очень богаты, такъ какъ ему приходится еще уплачивать часть калама.

Чаще всего случается, что въ этотъ пріѣздъ сватовъ уплата калыма совсѣмъ не производится, такъ какъ отецъ жениха, основываясь на киргизской пословицѣ: «все, что получаешь, есть богатство а все, что отдаешь, есть несчастіе» и ссылаясь на разныя неблагопріятныя примѣты, отдѣлывается только тѣмъ, что отдариваетъ сватовъ за подарки его сватамъ.

Обмѣнявшись, такимъ образомъ, подарками, родители спокойно ждутъ, когда ихъ дѣти достигнутъ совершеннолѣтія, т. е. 12—15 лѣтняго возраста. Въ слѣдующую затѣмъ весну, женихъ, въ сопровожденіи человѣкъ 4 или 5 своихъ сверстниковъ, ѣдетъ въ аулъ невѣсты. Онъ везетъ за собою часть калыма и подарки.

Не доѣзжая до аула, гдѣ живетъ его невѣста, женихъ, по крайней мѣрѣ, за четверть версты сходитъ съ лошади, которую и отправляетъ съ товарищами въ аулъ, самъ же остается въ степи. Товарищи его, объявивъ въ аулѣ о пріѣздѣ жениха, передаютъ лошадь дѣвушкѣ, родной сестрѣ невѣсты или близкой ея родственницѣ, которая впослѣдствіи получаетъ за это подарокъ отъ жениха, называемый *атъ-байляръ*, т. е. за привязку лошади.

Узнавъ о пріѣздѣ жениха, женщины и дѣвушки аула, исключая близкихъ родственницъ невѣсты, выѣзжаютъ верхами встрѣчать жениха, захвативъ съ собою съѣстные припасы.

Между тѣмъ, въ аулѣ невѣсты, на значительномъ разстояніи отъ ея юрты, ставятъ для жениха отдѣльный *«кошъ»*, т. е. небольшую походную кибитку. Женщины приводятъ сюда жениха уже послѣ заката солнца, такъ какъ въ аулѣ невѣсты онъ не можетъ показываться днемъ. По понятіямъ киргизовъ, молодой человѣкъ долженъ совѣститься того, что онъ женихъ. Войдя въ свою кибитку, женихъ дѣлаетъ женщинамъ новые подарки — *чатыръ-байгазы*, за приготовленіе кибитки. Въ тотъ же вечеръ онъ посылаетъ отцу невѣсты

за воспитаніе дочери, лучшую изъ своихъ лошадей, а матери, за вскормленіе невѣсты, лучшаго верблюда — *сутъ-аки* (плата за молоко).

Первый входъ жениха въ кибитку невѣсты называется *исыкъ-ачу* — «открыть двери». Войдя въ кибитку, женихъ дѣлаетъ три раза «тажимъ» (поклонъ): первый — умершимъ праотцамъ невѣсты, второй — главѣ дома, третій — матери невѣсты. Затѣмъ женихъ садится у двери, не доходя до очага, подлѣ котораго помѣщается мать невѣсты; она справляется у жениха о состояніи его «скота и души», потомъ даетъ ему молока и, съ словами: «дѣти играйте и веселитесь», уходитъ въ свое отдѣленіе за сундуки и тюки. Войдя за занавѣсъ къ своей невѣстѣ, женихъ здоровается съ нею, говоря *исенъ-сыч*——«здорова-ли?» Невѣста нѣкоторое время должна молчать, чтобы дать случай женщинѣ, находящейся при ней, получить отъ жениха подарокъ, называемый *суйлестру*, т. е. за принужденіе къ отвѣту. Вслѣдъ за тѣмъ другая женщина получаетъ отъ него подарокъ *тюсенъ-сапу*, т. е. за приготовленіе постели. Послѣ этого жениха и невѣсту оставляютъ въ покоѣ.

На слѣдующій день женихъ потихоньку уходитъ изъ юрты невѣсты въ свою палатку, но немного спустя, женщины опять приводятъ его въ юрту невѣсты, и такъ продолжается 7 дней.

Возвратившись послѣ этого въ аулъ своего отца, женихъ, чрезъ нѣсколько времени, опять ѣдетъ съ товарищами къ своему будущему тестю за окончательнымъ полученіемъ невѣсты. На этотъ разъ, кромѣ условленной части калыма, женихъ везетъ съ собою кошмы для юрты, лошадь для угощенія и два верблюда: *бикъ-якши* и *якъ-якши*, т. е. по верблюду въ голову поѣзда съ приданымъ невѣсты и въ заключеніе его. Однако, и въ этотъ пріѣздъ жениху не скоро удается получить невѣсту. Чтобы подольше попировать на его счетъ, свадьбу откладываютъ со дня на день, отговариваясь неготовностью приданаго. Иногда приходится жениху отдуваться своимъ

карманомъ цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ, въ послѣдній день предъ выдачей невѣсты, назначается свадебный пиръ — *той*. Въ немъ принимаютъ участіе родственники и знакомые жениха и невѣсты. Празднество сопровождается угощеніемъ, пѣснями, скачками, борьбой и прочими увеселеніями. Для пѣсенъ дѣвушки усаживаются полукругомъ, а противъ нихъ становятся джигиты, выбирая каждый ту, которая ему нравится. Сначала поетъ мужчина, восхваляя въ импровизаціи свою возлюбленную. Ему отвѣчаетъ дѣвушка, также импровизируя. Когда одна пара кончитъ, начинаетъ пѣть другая. Гости расходятся поздно ночью. Въ этотъ вечеръ, на невѣсту, вмѣсто обычной фески, надѣваютъ женскій головной уборъ — «джавлукъ».

На утро молодые уѣзжаютъ въ аулъ отца жениха. Ихъ провожаютъ мать и братъ невѣсты. При этомъ невѣста везетъ съ собою приданое, размѣры котораго зависятъ или отъ особаго уговора съ отцемъ жениха, или соотвѣтствуютъ цѣнности калыма, но всегда, впрочемъ, бываютъ меньше послѣдняго.

Пока молодые ѣдутъ съ приданымъ, отецъ жениха выставляетъ въ своемъ аулѣ богато убранную юрту и готовится встрѣчать гостей. Молодая, войдя въ юрту, беретъ кусокъ сала и бросаетъ въ огонь чтобы онъ ярче горѣлъ; затѣмъ всѣ усаживаются, кромѣ отца жениха, который не долженъ входить въ юрту молодыхъ. Сама молодая помѣщается за занавѣской и принимаетъ отъ родственниковъ и знакомыхъ жениха подарки и сама ихъ отдариваетъ. Послѣ этого гостямъ подаютъ «достарханъ», угощеніе изъ разныхъ сладостей. У дверей юрты рѣжутъ, въ это время, барана, голову котораго вносятъ въ юрту и выбрасываютъ чрезъ «тюндюкъ» (дымовое отверстіе), чтобы дымъ хорошо выходилъ. Въ заключеніе начинается пиръ, въ которомъ принимаютъ участіе родственники и одноаульцы жениха. Празднество сопровождается неизбѣжными скачками, борьбой, бѣгами

и проч., и продолжается иногда три дня, послѣ чего молодой окончательно поселяется въ кибиткѣ своей жены.

Религіозная сторона погребенія у киргизовъ общая для всѣхъ мусульманъ и обусловливается законамъ ислама. Обычная же сторона киргизскихъ похоронъ имѣетъ свои церемоніи.

Какъ только умеръ киргизъ, всѣ родственники выходятъ изъ кибитки и поселяются въ отдѣльной юртѣ. О смерти киргиза извѣщаютъ по всѣмъ сосѣднимъ ауламъ чрезъ нарочныхъ гонцовъ, и всякій обязанъ пріѣхать въ аулъ, гдѣ жилъ умершій, чтобы отдать ему послѣдній долгъ. Для этого въ аулѣ умершаго выставляется особая юрта, куда и кладутъ тѣло покойнаго, предварительно обмывъ его и завернувъ въ бѣлую бязь.

Жены умершаго собираются въ сосѣднюю юрту; онѣ надѣваютъ особый головной уборъ съ чернымъ покрываломъ, обозначающимъ трауръ, и садятся спиной ко входу въ юрту. Тутъ начинается вой со всевозможными причитаньями. Въ знакъ особой печали, вдовы царапаютъ себѣ щеки до крови, что дѣлается очень ловко и безъ малѣйшей жалости къ своей собственной особѣ. Женамъ умершаго помогаютъ въ причитаньяхъ прибывшія женщины съ дѣтьми. Каждая, ни съ кѣмъ не здороваясь, спокойно входитъ въ юрту и тотчасъ присоединяется къ общему вою. Въ то время, когда женщины, въ юртѣ вдовъ, плачутъ и рвутъ себѣ щеки, всѣ прибывшіе мужчины заходятъ въ кибитку, гдѣ лежитъ умершій, и, совершивъ надъ его тѣломъ молитву, молча собираются также въ особой юртѣ. Когда гости собрались и все уже готово къ погребенію, тѣло умершаго кладутъ на чистую кошму и въ сопровожденіи муллы, родственниковъ и знакомыхъ несутъ къ могилѣ. Въ аулѣ остаются только женщины.

Хоронятъ покойниковъ по близости воды, на дорогахъ, для того, чтобы пріятели, родные и почитатели могли чаще имѣть случай исполнить молитву надъ умершимъ. Самое погребеніе совершается по мусульманскому закону. Но въ то время, когда начнутъ зарывать

тѣло умершаго, родственники его, по киргизскому обычаю, принимаются рвать на небольшіе куски заранѣе заготовленныя матеріи такъ, чтобы всѣмъ хватило по куску. Какъ только могила зарыта, всѣ садятся вокругъ ея и читаютъ бату, по окончаніи которой сидятъ нѣкоторое время спокойно, въ ожиданіи *джартыша* — (раздачи кусковъ). Вслѣдъ затѣмъ каждый получаетъ, сообразно его званію и состоянію, извѣстный кусокъ матеріи. Надъ могилой, послѣ этого, ставятъ памятникъ. Бѣдные люди складываютъ просто призму изъ сырца или изъ глины, а богатые ставятъ дорогія постройки изъ жженаго кирпича, въ видѣ квадратныхъ или конусообразныхъ склеповъ съ отверстіемъ на верху, на подобіе юрты. Съ могилы всѣ ѣдутъ обратно въ аулъ умершаго, гдѣ происходитъ угощеніе. Женщины угощаются отдѣльно; вдовы же не имѣютъ права не только ѣсть, но даже и угощать другихъ, и ѣдятъ только ночью.

Но главная почесть покойнику отдается въ самый большой киргизскій праздникъ, въ день *аша* — тризны, которая справляется ровно черезъ годъ послѣ смерти.

Все время между смертью и «ашемъ», киргизы употребляютъ на разныя приготовленія къ тризнѣ. Прежде всего, со дня смерти покойнаго, на кибиткѣ его выставляется бѣлый флагъ, если умершій былъ мужчина, и черный, если—женщина, и этотъ флагъ не снимается въ продолженіи всего года. Затѣмъ, всѣмъ любимымъ лошадямъ покойнаго подрѣзываютъ хвосты и пускаютъ на цѣлый годъ въ пастьбище, предназначая ихъ на закланіе въ день *«аша»*.

Весь этотъ годъ, до самаго дня «аша», жены покойнаго обязаны поддерживать свои щеки въ окровавленномъ видѣ. Онѣ должны также аккуратно начинать и оканчивать каждый день, въ продолженіи всего года, воемъ и причитаніемъ, въ чемъ имъ всегда находятся усердныя помощницы. Плачъ этотъ имѣетъ характеристическій напѣвъ, такъ что, слыша его, всегда узнаешь, гдѣ живетъ вдова.

Особенно заботятся киргизы объ угощеніи въ день аша. Хлопоты

объ этомъ продолжаются цѣлый годъ, такъ какъ тризна обходится очень дорого и приготовленія къ ней весьма сложны. Хорошій «ашъ» стоитъ отъ 30 до 40 тысячъ рублей, и на него собирается до 15 тысячъ народа! Чтобы принять, увеселить, а главное—накормить мясомъ всю эту толпу, въ особенности съ такимъ желудкомъ, какъ у киргизовъ, нужно употребить для этого не мало хлопотъ и заручиться огромными средствами. Между тѣмъ тризна неизбѣжна. Ею опредѣляется слава умершаго и уваженіе къ нему. О большихъ ашахъ говорятъ нѣсколько лѣтъ, слагаютъ про нихъ пѣсни и вообще прославляютъ умершаго и его родственниковъ. Какъ же уклониться отъ подобной чести, хотя бы и пришлось послѣ этого раззориться? Къ счастію киргизовъ, тризна у нихъ составляетъ, если не національное торжество то, во всякомъ случаѣ, *родовое празднество.* Поэтому, въ издержкахъ и приготовленіяхъ къ киргизскому ашу принимаетъ участіе, обыкновенно, весь родъ покойнаго. Каждый родовичъ обязанъ хоть разъ въ годъ посѣтить юрту умершаго для совершенія баты, а главное, долженъ привезти съ собой подарокъ, сообразный съ достоинствомъ умершаго. Не пріѣхать — значитъ нанести кровную обиду всему роду. До исполненія киргизомъ этого обычая, никто изъ родственниковъ покойнаго не можетъ посѣщать его. Если какая нибудь крайность помѣшаетъ быть на батѣ самому, то онъ долженъ послать для этого другаго киргиза и передать черезъ него подарокъ.

Подъѣзжая къ аулу умершаго, исправный киргизъ посылаетъ когонибудь впередъ извѣстить семейство умершаго, что онъ пріѣхалъ прочитать бату. Одинъ изъ семейства выходитъ встрѣчать пріѣзжаго, а женщины, пріодѣвшись, садятся въ юртѣ, по обѣимъ сторонамъ входа, и начинаютъ плачъ, продолжая его до тѣхъ поръ, пока гость не исполнитъ баты и не уговоритъ ихъ замолчать. Послѣ этого, онъ вручаетъ семейству подарокъ, халатъ, кусокъ матеріи, лошадь, корову, верблюда, или барана и т. под. Все это собирается и хранится отдѣльно и должно быть употреблено на предстоящій ашъ.

*

За мѣсяцъ или за два до аша, родственники умершаго разсылаютъ приглашеніе родамъ, непремѣнно чрезъ ихъ вождей, принять участіе въ тризнѣ. Въ тоже время приступаютъ къ выбору мѣста для сбора гостей, сортируютъ скотъ для угощенія и для разныхъ призовъ, опредѣляютъ заранѣе роль каждаго отдѣла и подъ-отдѣленія въ родѣ, а также мѣру и характеръ участія ихъ въ расходахъ на тризну. Затѣмъ приступаютъ къ устройству самаго празднества. На мѣстѣ, избранномъ для отправленія аша, ставятъ почетнымъ гостямъ отдѣльныя юрты, число которыхъ доходитъ иногда до 1000. Остальные же гости должны размѣститься въ кибиткахъ прикочевавшихъ родовъ. При этомъ, для порядка, заранѣе опредѣляютъ: какіе отдѣлы и подъ-отдѣленія какихъ гостей принимаютъ, такъ что уже каждый заранѣе знаетъ свое мѣсто.

Всѣ юрты размѣщаются по огромному кругу. Въ серединѣ ставятъ палатку, гдѣ каждый изъ гостей, въ теченіи аша, обязанъ прочитать бату по умершемъ. Невдалекѣ отъ этой палатки, ставятъ другую большую юрту, надъ которой выставляютъ флагъ умершаго и въ которой помѣщается старшая жена покойнаго, съ ея дѣтьми. Она должна выть и причитать здѣсь и утромъ, и вечеромъ. По другую сторону молитвенной палатки ставится юрта безъ знамени, для младшихъ женъ покойнаго. Въ обѣихъ этихъ юртахъ поселяются также родственницы женъ, размѣщаясь по родству съ ними. Обыкновенно, обѣ юрты раздѣляются на двѣ половины: открытая предназначена для вдовъ и старыхъ женщинъ, а молодыя и дѣвушки помѣщаются за перегородкой. Женщины живутъ въ этихъ юртахъ во все время аша, занимаются разговорами и помогаютъ вдовамъ причитывать и плакать, когда тѣ устанутъ. Если у умершаго есть взрослая дочь, то она поетъ пѣсню, разсказывая въ ней болѣе замѣчательные случаи изъ жизни умершаго. Мужчины размѣщаются по юртамъ почетныхъ гостей и по кибиткамъ прикочевавшихъ киргизовъ, группируясь по родамъ отдѣламъ и подъ-отдѣленіямъ.

Праздникъ аша продолжается семь дней.

Первые шесть дней, всѣ помѣстившіеся не въ палаткахъ почетныхъ гостей, а въ кибиткахъ прикочевавшихъ родовъ, питаются чѣмъ Богъ послалъ. Почетнымъ же гостямъ отпускаютъ для ежедневнаго продовольствія на каждую юрту по два барана въ день. Болѣе почетнымъ присылаютъ, кромѣ того, рису, чаю, орѣховъ, кумысу и проч., одѣляютъ ихъ также кониной, такъ какъ это мясо считается лакомствомъ. Въ послѣдній же день аша, въ счетъ собранныхъ подарковъ продовольствуется уже весь народъ, т. е. не только живущіе въ выставленныхъ юртахъ, но и тѣ, которые живутъ по кибиткамъ прикочевавшихъ ауловъ. Для прокормленія ихъ заготовляютъ варенное мясо еще до наступленія аша; варятъ мясо въ теченіи нѣсколькихъ дней. Обыкновенно приходится рѣзать 20 — 30 лошадей и до 1000 барановъ. Заготовленное такимъ образомъ мясо сохраняется до седьмаго дня аша и роздается наканунѣ, вечеромъ шестаго дня.

Кромѣ угощенія, во время аша каждый день бываютъ какія-нибудь игры, состязанія, скачки, и, наконецъ, въ утро послѣдняго, седьмаго дня, ашъ завершается большой скачкой-*байгой*, которая собственно и составляетъ славу тризны. Состязанія, въ теченіи аша, идутъ въ такомъ порядкѣ:

Первый день, обыкновенно, проходитъ въ сборѣ и размѣщеніи гостей.

Во второй день назначается стрѣльба въ ямбу, китайскую монету. Ямба привязывается за три нитки къ верхушкѣ трехъ-саженной мачты. Всадники должны сбить ямбу пулею или стрѣлою на полномъ скаку. Сбившій ямбу, получаетъ ее въ призъ себѣ, при восклицаніяхъ народа.

На третій день устроивается скачка трехъ-лѣтнихъ лошадей (*кунаковъ*). Скачутъ дѣти на разстояніи 20-30 верстъ. Призовъ выставляется 9, большею частію мелкихъ; первый призъ состоитъ,

обыкновенно, изъ верблюдовъ; послѣдній—изъ двухгодовалаго жеребенка. Въ тотъ же день устраивается *кыз-качаръ*-«скачка за дѣвушкою». Молодыя дѣвушки и молодые джигиты собираются группами верхомъ на коняхъ. Одна изъ лучшихъ наѣздницъ выскакиваетъ и мчится впередъ; за нею гонится избранный товарищами лучшій джигитъ. Если онъ успѣетъ догнать красавицу, то цѣлуетъ ее, усаживаетъ къ себѣ на лошадь и тихимъ шагомъ возвращается съ нею обратно, при общихъ восторженныхъ привѣтствіяхъ. Если же погоня его не удалась, то дѣвушка, доскакавъ до барьера, быстро поворачиваетъ назадъ, и тогда лихой джигитъ долженъ, въ свою очередь, поскорѣе спасаться отъ нея; ловкая наѣздница, догоняя джигита, что есть силы бьетъ его нагайкой, и иногда, при общемъ восторгѣ присутствующихъ, сбиваетъ ему шапку. Послѣ этого, провалившагося джигита прогоняютъ съ поля состязанія нагайками.

Въ четвертый день происходитъ *союшъ*—поединокъ на пикахъ. Для поединка выбираются два ловкіе джигита, непремѣнно изъ различныхъ родовъ и неродственники между собою. Соперники надѣваютъ на себя кольчугу, нѣсколько халатовъ, голову обвязываютъ платками, и, такъ какъ побѣда доставляетъ славу всему роду побѣдителя, то имъ даютъ самыхъ лучшихъ лошадей. Бойцы вооружаются длинными шестами съ тупымъ концомъ. Народъ размѣщается вокругъ, оставляя арену для бойцовъ, которые выѣзжаютъ на нее съ противуположныхъ сторонъ. Цѣль поединка — выбить противника изъ сѣдла; но такъ какъ киргизы всѣ отличные наѣздники, то дѣло это трудное. Поэтому, соперники наровятъ или убить одинъ другаго, или нанести противнику такой ударъ въ бокъ или лицо, чтобы ему уже нельзя было драться. Если же при этомъ у однаго изъ бойцовъ выбьютъ глазъ, то это ничего, дозволяется перевязать глазъ и, если боецъ желаетъ, можетъ снова вступить въ бой. Отказъ въ этомъ равносиленъ пораженію. Ярость и азартъ бойцовъ въ поединкѣ на пикахъ всецѣло сообщаются зрителямъ, страсти родовъ разгораются,

и тутъ достаточно малѣйшаго повода, чтобы вызвать всеобщую свалку въ народѣ. Побѣжденнымъ въ поединкѣ считается только убитый или выбитый изъ сѣдла. Призомъ за такую битву служитъ 1 верблюдъ и 8 лошадей, но большею частію 2 или 3 верблюда. Въ тотъ же день происходитъ иногда борьба киргизскихъ батырей. Два силача выходятъ въ однихъ шароварахъ, перетянутыхъ кушаками, и измѣривши другъ друга глазами, схватываются. Иногда одинъ удачный пріемъ рѣшаетъ борьбу. Но нерѣдко силы у обоихъ равныя. Поэтому борцы долго ходятъ, перегибая одинъ другаго. Между тѣмъ толпа подстрекаетъ ихъ всякаго рода насмѣшками, похвалами, крикомъ, гиканьемъ. Тогда-который нибудь изъ борцовъ, уловивъ удобную минуту, отбрасываетъ противника въ сторону, или, приподнявъ, осадитъ такъ крѣпко, что заставитъ его упасть. Иногда побѣжденный и послѣ этого не сдается, и тогда оба противника валяются по землѣ, покуда который нибудь не осилитъ.

Въ пятый день происходитъ скачка четырехъ-лѣтнихъ лошадей. Призы небольшіе. Разстояніе до 50 верстъ въ оба конца. Въ тотъ же день повторяется иногда *кызъ-качаръ*—скачка за дѣвушкой.

Шестой день весь проходитъ въ приготовленіяхъ къ большой скачкѣ—«байгъ», и въ назначеніи призовъ, число которыхъ бываетъ обыкновенно 15. Вечеромъ, какъ уже было упомянуто, роздаютъ вареное мясо народу.

Седьмой день составляетъ сущность аша и обходится дороже всѣхъ дней. Въ этотъ день призы назначаются огромные. Иногда одинъ первый призъ состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: краснаго товару на 100 рублей, 30 верблюдовъ, 100 лошадей, 30 коровъ и 500 барановъ. Нерѣдко для перваго приза выставляется цѣлая юрта, убранная коврами и шелковыми тканями, и при ней 500 куницъ и 300 лошадей. Бываютъ и такія байги, на которыхъ первый призъ состоитъ изъ 100 верблюдовъ, 100 лошадей, 100 коровъ, 100 барановъ, 100 рублей, 100 кокановъ, 100 аршинъ сукна, 100 ар-

шинъ шаи (канауса) и 100 концовъ маты. Слѣдующіе призы изъ числа 15 значительно меньше. Послѣдній призъ составляютъ 2 или 3 лошади. Такая непомѣрная разница между первымъ и прочими призами заставляетъ всѣхъ бить на первенство и прибѣгать съ этой цѣлью ко всевозможнымъ уловкамъ.

Киргизы готовятъ лошадей къ байгѣ 3 и 4 мѣсяца. Все это время ихъ поятъ лошадинымъ молокомъ, кормятъ только овсомъ, туго стягиваютъ животъ, окутываютъ теплой войлочной попоной, чтобы возбудить испарину, и ежедневно, утромъ и вечеромъ дѣлаютъ имъ проѣздки. Для этого мальчики лѣтъ 9—10 скачутъ на нихъ, съ каждымъ днемъ увеличивая разстояніе. Эти же мальчики учавствуютъ потомъ и въ самой байгѣ, въ качествѣ наѣздниковъ. Имъ кладутъ, вмѣсто сѣдла однѣ попоны, и чтобы мальчикъ могъ вынести весь карьеръ, его перетягиваютъ кушакомъ крестообразно.

Во избѣжаніе путанницы при раздачѣ призовъ, разстояніе назначаютъ огромное, отъ 80—100 верстъ въ оба конца. При этотъ скачка происходитъ не по кругу, а въ прямомъ направленіи, по степной дорогѣ. Число участвующихъ скакуновъ всегда произвольно.

Скачка верхъ наслажденія для киргиза! Онъ смотритъ на нее съ лихорадочнымъ напряженіемъ. Хозяину также лестно отличиться скакуномъ. Молва о хорошей лошади разносится далеко по степи. Да и по самому свойству киргизскаго быта, бѣгунцы имѣютъ у нихъ важное значеніе и нерѣдко выручаютъ киргиза изъ опасности, спасая ему жизнь. Поэтому понятно то лихорадоччное нетерпѣніе, съ какимъ всѣ киргизы ждутъ байги.

Въ назначенный часъ, завѣдующій байгой — «гайдавши», имѣющій при себѣ на всякій случай нѣсколько перемѣнныхъ лошадей и наблюдающій за правильностью скачки, подаетъ сигналъ сбора, разъѣзжая передъ зрителями и трубя въ «сурну», деревянную трубу съ рѣзкимъ, невыносимымъ звукомъ. Когда наѣздники собрались, они проѣзжаютъ разъ или два передъ зрителями, которые любуют-

ея скакунами и предсказываютъ имъ успѣхъ или неуспѣхъ, но при этомъ пари никогда не держатъ. Затѣмъ по знаку «гайдавши», всѣ бѣгунцы крупной рысью отправляются до заранѣе выбраннаго мѣста, съ котораго долженъ начатся бѣгъ. Мѣсто это назначается въ разстоянiи 40 — 50 верстъ, такъ что лошадямъ приходится пробѣжать въ одинъ пріемъ, туда и обратно, отъ 80 — 100 верстъ! Достигнувъ назначеннаго мѣста «гайдавши» устанавливаетъ бѣгунцовъ рядомъ и наблюдаетъ, чтобы не выѣхалъ кто-нибудь впередъ; затѣмъ пускаютъ всѣхъ бѣгунцовъ разомъ...

Едва только завидитъ толпа мчащихся всадниковъ, какъ приходитъ просто въ изступленiе! Крики или, лучше сказать ревъ оглушительный наполняетъ воздухъ и разносится далеко по степи!

Но при всей замѣчательной выносливости и неутомимости киргизскихъ лошадей, только немногiе скакуны могутъ выдержать эту необычайно дикую скачку на такомъ огромномъ разстоянiи. Большая часть лошадей гибнетъ, не проскакавъ и половины разстоянiя до флага. А если которыя и приходятъ, то лучшiя только легкой рысью, а прочiя — шагомъ. Случается, что наѣздники идутъ пѣшкомъ и погоняютъ лошадь, лишь бы она добрела до цѣли... Можетъ быть ни одна лошадь и не доскакала бы до нея, если бы, по киргизскому обыкновенiю, имъ не помогли и не дотащили до флага. Чтобы выиграть первый призъ, киргизы прибѣгаютъ ко всевозможнымъ уловкамъ, даже къ насилiю. Особенно популярнымъ средствомъ въ этомъ случаѣ считается *кутерьма*. Человѣкъ 20 родственниковъ хозяина лошади выѣзжаютъ верхомъ на встрѣчу ей, верстъ за 20 — 30 отъ флага, и, выждавъ своего протеже, на всемъ скаку снимаютъ съ него мальчика, чтобы облегчить лошадь; затѣмъ человѣкъ пять подхватываетъ ее за *чумбуры* (арканы), и, скача впереди тянутъ ее за собою, а остальные родственники, слѣдуя съ боку, понуждаютъ лошадь впередъ крикомъ, визгомъ и нагайками. Такимъ образомъ, въ скачкѣ, мало по малу, принимаетъ участiе почти весь

собравшійся народъ; одни скачутъ, чтобы помочь лошади дотащиться до мѣста, другіе это дѣлаютъ изъ любопытства, и какъ тѣ, такъ и другіе сопровождаютъ скачку пронзительнымъ крикомъ, визгомъ гиканьемъ, гамомъ...

Если впереди скачетъ одна лошадь, безъ этихъ провожатыхъ, то ее, не стѣснясь, останавливаютъ, мальчика сбиваютъ, а иногда даже убиваютъ.... Однимъ словомъ, принимаются всѣ мѣры, законныя и незаконныя, чтобы только выиграть первый призъ! За то многія изъ доскакавшихъ до флага лошадей падаютъ тутъ же, другія едва волочатъ ноги... По обычаю, существовавшему до занятія края русскими, было принято давать призъ, даже если лошадь сама и не дошла до флага, а привезли ее голову...

Этой скачкой завершается ашъ, и гости уже прямо ѣдутъ по домамъ, не заѣзжая въ юрты. Случается, что наслѣдники покойнаго, воздавъ ему честь, возвращаются домой нищими.

Музыка киргизовъ почти вся заключается въ «сурнѣ», деревянной трубѣ, имѣющей величину и форму кларнета, въ узкій конецъ которой вставляется гусиное перо. Этотъ инструментъ, издающій пронзительный звукъ, употребляется по большей части въ дорогѣ; кромѣ того есть струнный инструментъ, въ родѣ нашей балалайки. На войнѣ и барантѣ «сурна» замѣняетъ сигнальный рожокъ. Богатыя киргизы непремѣнно имѣютъ каждый своего *сурнчайи*, который разгоняетъ ихъ думы, наигрывая пѣсни о славныхъ подвигахъ ихъ самихъ и ихъ предковъ.

Пѣсни киргизскія, распѣваемыя чрезвычайно монотоннымъ и тоскливымъ голосомъ, состоятъ обыкновенно изъ импровизацій, въ которыхъ разсказывается о подвигахъ батырей, о взаимныхъ распряхъ киргизскихъ племенъ и родовъ, о свободѣ, о завоеваніяхъ русскихъ и т. под.

КАВКАЗСКІЕ ЖИТЕЛИ.

За чертою области войска Донскаго начинается кавказскій край, то есть широкій перешеекъ протянувшійся отъ Чернаго до Каспійскаго моря и ограниченный съ сѣвера областью Донскаго войска и Астраханскою губерніею, а съ юга границею Россіи съ Турціею и Персіею. По характеру своему этотъ перешеекъ самою природою раздѣленъ на три характеристичныя отдѣльныя части: *Предкавказье,* — продолженіе равнинныхъ степей южной Россіи; *Кавказъ* — горный хребетъ съ своими отрогами, протянувшійся на тысячу верстъ отъ Тамани до Баку, и наконецъ *Закавказье* — лежащее по южную сторону хребта до государственныхъ границъ.

Сѣверная часть Предкавказья есть степь безлѣсная и почти безводная, всѣ рѣчки которой бѣдны водою, весьма дурнаго качества и въ лѣтнее время почти всѣ высыхаютъ. Хотя во всѣхъ поселеніяхъ, расположенныхъ по теченію этихъ рѣчекъ, господствуетъ постоянный смрадъ отъ гніющей воды, видъ жителей однако здоровый, изъ чего можно заключить, что въ гигіеническомъ отношеніи вода эта не производитъ дурныхъ послѣдствій.

Зимою морозы доходятъ здѣсь до 20°; вьюги и мятели свободно гуляютъ по степи и самый путь держится съ декабря до начала марта.

По мѣрѣ движенія на югъ степной характеръ мало по малу исчезаетъ. Сначала вдали виднѣются деревья, самая мѣстность дѣлается волнистою; это—возвышенная плоскость, перерѣзанная балками и оврагами. Съ Георгіевска и Пятигорска мѣстность дѣлается еще разнообразнѣе: появляются рѣчки, лѣса, рощи и вообще страна становится видимо плодороднѣе. Эта вторая полоса имѣетъ слишкомъ 800 верстъ длины и на ней лежатъ обширныя равнины, Кубанская, Закубанская, Кабардинская, Владикавказская и Чеченская. Плодородная почва, роскошныя травы и теплый климатъ составляютъ отличительную принадлежность и характеристику этой мѣстности.

Хотя близость снѣговыхъ горъ и бываетъ причиною, что на высокихъ плоскостяхъ этой части морозы доходятъ до 20°, тѣмъ не менѣе полоса эта, обильная лѣсомъ, наполнена фруктовыми деревьями, между которыми не рѣдкость встрѣтить черносливъ, персики, абрикосы, шелковицу, груши, бергамоты и виноградъ. Урожаи здѣсь громадные, а трава высотою въ ростъ человѣка.

Кавказскій хребетъ съ его отрогами составляетъ громадный естественный рубежъ, раздѣляющій діагонально весь перешеекъ на двѣ неравныя части: сѣверную и южную. Съ кабардинскихъ полей кавказскій хребетъ представляетъ поразительно художественный видъ. Вѣчно снѣжныя вершины его ярко рисуются на небѣ и блестятъ солнечнымъ свѣтомъ, прихотливо играющимъ во впадинахъ, по выпуклостямъ, и переходящимъ то въ нѣжно голубой, то туманно-синій и бѣлый. Начинаясь у Анапы, горы идутъ въ юговосточномъ направленіи, и изъ общаго пространства края въ 8,000 квадратныхъ миль занимаютъ 3,857 миль; остальное пространство остается на долю равнинъ и плоскихъ возвышенностей.

Сѣверная или передняя гряда состоитъ изъ низшихъ горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ, называющихся *Черными* горами; за ними почти паралельно идутъ болѣе высокія горы, болѣе крутыя и обрывистыя, а въ срединѣ пролегаетъ главный Кавказскій хребетъ. По южную сторону главнаго хребта опять тянутся голыя, крутыя и обрывистыя горы, а еще далѣе за ними лѣсистыя, отъ подножія которыхъ и начинается *Закавказскій* край. Высочайшія вершины Кавказскаго хребта суть: *Казбекъ*, поднимающійся на 16,546 футовъ, и *Эльборусъ*—на 18,571 футъ.

Отъ горы Барбало въ главномъ хребтѣ отдѣляется вѣтвь въ сѣверовосточномъ направленіи, извѣстная подъ названіемъ Андійскаго хребта. Треугольное пространство, ограниченное Андійскимъ хребтомъ, главнымъ кавказскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ, есть Дагестанъ. Онъ состоитъ изъ хаоса горъ, безлѣсныхъ и каменистыхъ.

Все Закавказье, то есть пространство по южную сторону Кавказскаго хребта до самой турецкой и персидской границъ, за исключеніемъ небольшихъ частей, наполнено горами. Горы, наполняющія это пространство, извѣстны подъ именемъ Малаго Кавказа.

Племенной составъ жителей Кавказскаго и Закавказскаго края чрезвычайно разнообразенъ. Въ сѣверозападной части Кавказскаго перешейка по обѣимъ сторонамъ хребта — живутъ *адыге* или *черкесы*. Отъ предгорій Эльбруса до верховій Сунжи — живетъ тоже племя подъ названіемъ *кабардинцевъ*. По берегу Чернаго моря въ сосѣдствѣ съ черкесами живутъ *убыхи*; далѣе *абхазцы*; южнѣе кабардинцевъ — *осетины*; по бассейну Сунжи — *чеченцы*, а въ сосѣдствѣ съ ними — *кумыки*; Дагестанъ занятъ аварскимъ племенемъ, извѣстнымъ у насъ подъ именемъ *лезгинскаго*.

Въ Закавказскомъ краѣ къ абхазскому племени примыкаютъ *сва-*

нетъ, а все пространство на югъ отъ Абхазіи, отъ Чернаго моря и почти до сліянія рѣки Куры съ Алазанью, занято племенемъ картвельскимъ или грузинскимъ, къ которому кромѣ *грузинъ* принадлежатъ: *имеретинцы*, *мингрельцы* и *гурійцы*. Нѣкоторые къ грузинскому же племени относятъ: *тушинъ*, *пшавовъ* и *хевсуровъ*. Часть ахалцыхскаго уѣзда и уголъ между Курою и Араксомъ, равно какъ и вся возвышенная плоскость Малаго Кавказа, населенны *армянами*, перемѣшанными съ другими племенами. Между грузинами и армянами поселились *персіяне* и *татары*.

Таковы главныя племена и народности Кавказскаго перешейка. Но необходимо замѣтить, что нѣкоторыя изъ этихъ племенъ дробятся на множество отдѣльныхъ обществъ, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя населяютъ горы. Тамъ каждая долина рѣки представляетъ собою какъ бы отдѣльное общество, имѣющее весьма мало сношеній съ сосѣдями. Такая раздѣльность объясняется характеромъ природы Кавказскаго края. Значительная высота горныхъ хребтовъ дѣлаетъ доступъ къ нѣкоторымъ обществамъ весьма затруднительнымъ. Часто только одна пѣшеходная тропа соединяетъ два общества, но и та бываетъ доступна только въ теченіи двухъ, а много четырехъ мѣсяцевъ; въ остальное время года глубокія пропасти, заваленныя рыхлымъ снѣгомъ, сглаживаются, и каждый шагъ путника дѣлается опаснымъ. Вьюги и мятели, сбрасывающія съ сосѣднихъ горныхъ хребтовъ снѣговыя завалы, сильные и порывистые вѣтры, свирѣпствующіе на перевалахъ, дѣлаютъ сообщеніе съ сосѣдями невозможнымъ. Предоставленные исключительно самимъ себѣ, одинокіе въ своей жизни, запертые со всѣхъ сторонъ въ своей котловинѣ, жители усвоили себѣ дикій и суровый характеръ, какъ дика и сурова окружающая ихъ природа. Эта уединенность и замкнутость суть единственныя причины, что многія поколѣнія одного и того же племени живутъ различною жизнью, имѣютъ неодинаковые нравы и обычаи и

даже говорятъ особымъ нарѣчіемъ, нерѣдко трудно понимаемымъ сосѣдями-единоплеменниками.

Описаніе народовъ Кавказа мы начнемъ съ черкесовъ, которые въ прежнее время занимали Черноморское побережье и склоны Кавказскаго хребта. Съ покореніемъ Кавказа большинство черкесскихъ племенъ удалилось въ Турцію, а оставшіяся въ небольшомъ числѣ выселены изъ горъ на плоскость.

IX. ЧЕРКЕСЫ ИЛИ АДЫГЕ.

Характеръ, бытъ и религія.

До полнаго покоренія Кавказа, Черноморскій кавказскій берегъ, значительная часть обоихъ склоновъ Кавказскаго хребта, Кубанская равнина и большая половина Кабардинской плоскости были заняты племенемъ, которое, по завоеваніи всего Кавказа, отчасти удалилось въ Турцію, а частью было выселено изъ горъ на плоскость. Племя это черкесы, которые сами себя называютъ адыге, что на всѣхъ нарѣчіяхъ этого племени означаетъ островъ. Происхожденіе названія черкесъ объясняютъ различно. Одни стараются объяснить начало этого названія отъ Чера и Кеса, по преданіямъ бывшихъ, будтобы, первыми родоначальниками адыгскаго народа; другіе говорятъ, что черкесъ есть слово татарское, данное отъ рѣчки Черекъ, извѣстной кровопролитными битвами, происходившими между татарами и кабардинцами; наконецъ дагестанцы и всѣ остальные жители Закавказья называютъ черкесовъ «саръ-кясъ», что означаетъ сорви-голова, головорѣзъ. Отъ послѣдняго названія произошло испорченное слово черкесъ, данное народу, отъ хищническихъ нападеній котораго сосѣди весьма много терпѣли.

Откуда бы ни произошло названіе черкесъ, оно стало однако у насъ гораздо популярнѣйшимъ и болѣе употребительнымъ, чѣмъ

слово адыге, служащее выраженіемъ одинаковости происхожденія и одноплеменности многихъ отдѣльныхъ поколѣній черкесскаго народа, которыя не отличаются другъ отъ друга ни языкомъ, ни нравами и обычаями.

Многочисленное черкесское племя (адыге) раздѣлялось на нѣсколько отдѣльныхъ поколѣній, извѣстныхъ подъ различными именами и названіями, какъ-то: кабардинцы, живущіе въ Большой и Малой Кабардѣ; бесленеевцы, мохошевцы, хатюкойцы, темиргоевцы, абадзехи, шапсуги, бжедухи, убыхи и разныя другія болѣе мелкія племена.

Внутренняя жизнь черкеса была всегда тревожна, всегда взволнована; постоянно какой нибудь вопросъ да занималъ общество. То народное собраніе подымало на ноги весь народъ, или въ аулѣ происходило какое-нибудь разбирательство; то ходила въ народѣ ложная, преувеличенная вѣсть о грозящей опасности; то сборъ партій, то набѣгъ; то дѣйствительное вторженіе нашихъ войскъ въ ихъ предѣлы, или наконецъ, появленіе въ горахъ шейха (святаго), проповѣдывавшаго покаяніе.

Между черкесами встрѣчалось много такихъ лицъ, которыя выросли безъ призрѣнія, безъ воспитанія и религіи, и не имѣли рѣшительно никакой собственности; никто не могъ сказать откуда явились такіе люди. Желая сдѣлать свое существованіе не только возможнымъ, но и пріятнымъ, они, кромѣ воровства, не имѣли никакихъ другихъ средствъ. Это были бездомные бродяги, или *абреки*. Обстоятельства ихъ, естественнымъ образомъ, сложились такъ, что жить и воровать было для нихъ одно и то же; воровать у непріятеля-ли или у своихъ,—все равно: въ этомъ заключалась цѣль ихъ существованія и единственное занятіе.

Обычай мстить за кровь, или кровомщеніе, было необузданное чувство и вмѣстѣ обязанность, налагаемая честью, общественнымъ мнѣніемъ и личнымъ убѣжденіемъ каждаго черкеса.

При совершеніи кровомщенія не было ничего рыцарскаго и откровеннаго. Кровоместникъ (зе-піи) убивалъ изъ засады, истреблялъ хлѣбъ и сѣно враждебнаго ему семейству, зажигалъ ночью сакли, кралъ дѣтей и продавалъ ихъ въ рабство и неволю. Все это дѣлалось воровски, скрытно, съ удаленіемъ отъ себя, по возможности, всякой опасности. Предпріимчивый кровоместникъ, въ теченіи короткаго времени, могъ столько надѣлать вреда, что обидившее его семейство принуждено бывало просить черезъ посредниковъ мира и удовлетворить обиженнаго установленною обычаемъ платою за кровь.

Для кровомщенія нѣтъ ни дружбы, ни родства, нѣтъ и опредѣленнаго времени, въ которое должна быть совершена месть. Проходятъ годы и десятки ихъ, происшествіе забывается среди общества, но не забываетъ его кровоместникъ и ищетъ удобнаго случая къ мщенію.

Въ прежнее время, черкесы всѣ исповѣдывали христіанскую религію. Пѣсни, сказки и преданія черкесовъ свидѣтельствуютъ, что христіанство введено было при Юстиніанѣ; что при немъ воздвигнуты были храмы, постановлены священники (шогени), изъ которыхъ главный, съ званіемъ епископа (шехникъ), по преданію жилъ въ четырехъ верстахъ отъ крѣпости Нальчика, на мѣстѣ и до сихъ поръ извѣстномъ народу подъ именемъ лѣсистаго кургана.

Потерявъ нить истинныхъ христіанскихъ обрядовъ, черкесы не могли оставаться вовсе безъ религіи, въ состояніи несродномъ человѣчеству, и потому примѣшали къ своимъ религіозномъ вѣрованіямъ понятіе о многобожіи, установили посты и праздники въ честь разныхъ святыхъ и почитаемыхъ ими боговъ и, такимъ образомъ, незамѣтно для нихъ самихъ, отпали совершенно отъ христіанства.

Въ такомъ положеніи были религіозныя понятія черкесовъ, когда,

въ началѣ XVIII столѣтія, въ предѣлы ихъ страны стало проникать ученіе Магомета.

Исламъ не коснулся однако большей части простаго класса черкесскаго народа, особенно бывшихъ жителей морскаго прибрежья и гористыхъ ущелій. Они оставались безъ опредѣленнаго вѣрованія, придерживались обрядовъ жертвоприношенія и возліянія. Деревянный, особой формы крестъ, прислоненный къ дереву, былъ единственнымъ символомъ ихъ поклоненія. У нихъ не было ни церквей, ни особыхъ молитвенныхъ домовъ или жертвенниковъ.

Вообще жители морскаго прибрежья и горныхъ ущелій, не имѣя опредѣленныхъ религіозныхъ понятій, составили свою собственную религію, состоящую изъ смѣси язычества, христіанства и исламизма.

Шаткость религіозныхъ убѣжденій и жизнь, проводимая въ постоянной опасности, сообщили черкесу такія особенности характера которыя, въ основаніи своемъ, противорѣчатъ другъ другу. Храбрые по природѣ, привыкшіе съ дѣтства бороться съ опасностью, черкесы въ высшей степени пренебрегали самохвальствомъ.

Будучи чрезвычайно впечатлителенъ, черкесъ легко увлекается но весьма скоро и приходитъ въ себя. Въ обращеніи съ соплеменниками онъ вѣжливъ, почтителенъ къ старшимъ, откровененъ, говоритъ смѣло и рѣзко то, что думаетъ. Въ обращеніи съ русскими былъ всегда вѣроломенъ, холоденъ, натянутъ. Легкомысленный на обѣщанія, о скоромъ исполненіи обѣщаннаго мало думалъ. Страхъ дѣйствовалъ на черкеса мгновенно и сильно, но онъ скоро оправлялся и потомъ, съ необыкновенною настойчивостью продолжалъ прежнее, какъ бы дорого за это ему ни пришлось поплатиться. Съ необычайною гибкостью переходилъ онъ отъ пирушки къ дѣятельности, отъ молитвы къ воровству, отъ благочестія къ злодѣянію. Религія была его единственная опора; но когда онъ не боялся наблюденія за собою соотечественниковъ, то весьма легко уклонялся отъ исполненія

религіозныхъ обрядовъ и правилъ. Эта черта характера проявлялась и въ бою.

Когда черкесъ находился въ составѣ партіи и принужденъ былъ сражаться въ присутствіи своихъ товарищей, то выказывалъ удивительную храбрость и необыкновенные подвиги самопожертвованія. Онъ зналъ, что подвиги его видятъ всѣ, что храбрость его съ избыткомъ будетъ вознаграждена общею молвою; но на одиночномъ хищничествѣ, гдѣ не было свидѣтелей его поведенія, черкесъ не всегда хлопоталъ о блескѣ подвига, а старался скорѣе убить, ограбить или украсть что попало, и за тѣмъ убраться, избѣгая погони.

Черкесъ всегда былъ жаденъ къ деньгамъ, за деньги рѣшался на убійство, на измѣну; но, получивъ деньги, готовъ былъ раздать ихъ кому попадется, съ щедростью и легкомысліемъ. Ведя непрерывную войну съ русскими, черкесы часто за деньги были лучшими проводниками для купцовъ, доставлявшихъ рогатый скотъ гарнизонамъ различныхъ нашихъ крѣпостей.

Примѣры скупости были весьма рѣдки между черкесами; да и нельзя было быть скупымъ, когда въ обычаѣ народа укоренилось правило, что порядочный человѣкъ долженъ подарить вещь нуждающемуся по первому его слову или намеку. И если, съ одной стороны, черкесъ не дорожилъ своимъ имуществомъ, то, съ другой стороны, когда дѣло шло на споръ, касалось его самолюбія, онъ готовъ былъ тягаться двадцать лѣтъ за какого-нибудь украденнаго у него теленка, лишь бы только не уступить противнику, и тогда спорамъ и разбирательствамъ не было конца. Въ одномъ и томъ же человѣкѣ страннымъ образомъ соединялись: любовь къ пріобрѣтенію, достигавшая до сутяжничества, и щедрость, доведенная чуть ли не до отрицанія права на свою собственность. Не смотря на видимое легкомысліе, черкесъ обладаетъ характеромъ энергическимъ и многостороннимъ, въ которомъ скрывается твердая настойчивость и необыкновенное терпѣніе. Послѣднее, особенно въ страданіяхъ, счи-

тается у черкесовъ однимъ изъ первыхъ достоинствъ молодаго человѣка. Равнодушіе, съ которымъ они переносятъ боль, доходитъ до такой степени, что, въ этомъ случаѣ, легко было узнать между ними европейца, который могъ быть столько же безстрашенъ, какъ и черкесъ, но никогда не могъ сравниться съ нимъ въ терпѣливости.

Одежда черкеса состоитъ изъ мохнатой бараньей шапки, обшитой галуномъ и прикрывающей бритую его голову; изъ бешмета, черкески, ноговицъ и сафьянныхъ чевяковъ, по преимуществу красныхъ.

На черкескѣ, по обѣимъ сторонамъ груди, пришиваются гнѣзда для патроновъ, помѣщаемыхъ въ *газыряхъ*, т. е. деревянныхъ гильзахъ. На поясѣ привѣшивается жирница, отвертка и небольшая сумка, наполненная разнаго рода вещами, дозволяющими всаднику вычистить оружіе, не слѣзая съ лошади.

Оружіе черкеса состоитъ изъ винтовки, пистолетовъ, кинжала и шашки. Послѣднее оружіе черкесъ очень любитъ и владѣетъ имъ въ совершенствѣ. Шашка остра, какъ бритва, и страшна въ рукахъ наѣздника, потому что ударъ его почти всегда бываетъ смертеленъ; кинжалъ всегда за поясомъ, даже въ домашнемъ быту.

Все это отличается хорошимъ вкусомъ, изяществомъ покроя, въ особенности чевяки, то есть обувь безъ подошвы.

На послѣднюю черкесы обращаютъ особенное вниманіе въ своемъ нарядѣ. Чевяки шьются обыкновенно нѣсколько меньше ноги и, передъ надѣваніемъ, предварительно размачиваются въ водѣ, натираются внутри мыломъ и, сырые, натягиваются на ногу подобно перчаткамъ. Надѣвшій новые чевяки, долженъ выждать, лежа, пока они высохнувъ, примутъ форму ноги. Подъ чевяки впослѣдствіи подшиваютъ самую легкую и мягкую подошву.

Не смотря на то, что черкесъ былъ съ ногъ до головы обвѣшанъ оружіемъ, оно пригонялось такъ, что одно оружіе не мѣшало другому; ничто на немъ не брячало, не болталось, а это было весьма важно во время ночныхъ набѣговъ и засадъ. Его шашка, покоившаяся въ сафь-

янныхъ *нахвахъ* (ножны), не звучала; его винтовка, скрытая въ буроч-номъ чахлѣ, не блестѣла; его чевякъ, мягкій и гибкій, какъ лапа тигра, не стучалъ; его конь, охлажденный ножемъ кастратора, не ржалъ въ засадѣ, и, наконецъ, его языкъ, скудный гласными буквами и состав-ленный изъ односложныхъ словъ, не издавалъ рѣзкихъ звуковъ при сговорѣ, сопутствовавшемъ ночному нападенію.

Домъ черкеса состоялъ изъ нѣсколькихъ комнатъ съ низкими дверьми и маленькими окнами безъ стеколъ и весьма рѣдко затяну-тыхъ пузыремъ. Плотно запираемыя ставнями, окна служили болѣе для наблюденія за тѣмъ, что дѣлается на дворѣ, чѣмъ для осве-щенія комнатъ: главный свѣтъ проходилъ черезъ двери, растворен-ныя настежь лѣтомъ и зимою; на ночь двери запирались и закола-чивались изнутри деревянными клиньями, отчего въ аулахъ каждый вечеръ поднимался всеобщій стукъ, заканчивавшій собою дневную дѣятельность его жителей. Около одной изъ стѣнъ комнаты устрое-но было полукруглоеили четырехугольное углубленіе въ землѣ для огня, надъ которымъ висѣла высокая труба, сдѣланная изъ плетня, обмазаннаго глиною; полъ земляной, но такъ хорошо убитый, что не давалъ пыли. Вокругъ печи придѣланы полки, а иногда повѣшенъ цѣлый шкафъ, на полкахъ котораго становилась домашняя утварь и посуда, а оружіе и одежда вѣшались на гвоздяхъ. Широкія, низкія кровати, покрытыя войлокомъ и коврами, и небольшіе круглые столы, разставленные по разнымъ мѣстамъ комнаты, составляли всю ме-бель туземца, а стоявшая на дворѣ четырехугольная маленькая, на двухъ колесахъ арба, запрягаемая парою воловъ, — его экипажъ. Вдоль стѣнъ, на полкахъ, становилась, какъ украшеніе, европейская посуда, и если хозяинъ былъ человѣкъ зажиточный, то колонна та-релокъ, ничѣмъ непокрытая и разложенная на самомъ видномъ мѣ-стѣ полки, свидѣтельствовала о его достаткѣ.

Хозяинъ, его жены и взрослыя дѣти имѣли свое отдѣльное помѣ-щеніе; но посторонній человѣкъ не проникалъ въ эти отдѣленія, по-

священныя исключительно семейной жизни; если же при этомъ хозяинъ былъ человѣкъ богатый, то онъ укрывалъ свою семью отъ посторонняго глаза особымъ заборомъ, которымъ обносилъ сакли и хозяйственныя постройки. Постройки эти состояли изъ кладовой и хлѣва для овецъ.

Внѣ ограды или забора у богатыхъ, и въ дальнемъ углу ея у бѣдныхъ, строился *хаджичижъ* — пріемный домъ для гостей, или *кунахская*. Самая значительная часть имущества и лучшая его часть шла у черкеса на убранство этой комнаты.

Устройство кунахской и ея убранство не отличалось ничѣмъ отъ устройства обыкновенныхъ черкесскихъ домовъ; только камышевыя цыновки, ковры, тюфяки и подушки, составлявшія самую значительную и роскошную часть домашнихъ принадлежностей черкеса, свидѣтельствовали о заботѣ хозяина сдѣлать это помѣщеніе, по возможности, роскошнымъ и удобнымъ.

Гостепріимство развито было между черкесами въ самой широкой степени и составляло одну изъ важнѣйшихъ добродѣтелей этого народа. Гость былъ священною особою для хозяина, который обязывался угостить, охранить его отъ оскорбленій и готовъ былъ жертвовать для него жизнью, даже и въ томъ случаѣ, если-бы онъ былъ преступникъ или кровный его врагъ. Стоило только преступнику войти въ первую встрѣтившуюся ему саклю — и онъ подъ защитою: онъ безопасенъ отъ преслѣдованій.

Красота черкешенокъ съ давнихъ поръ не находила соперницъ; правильныя черты лица, стройный станъ, маленькія руки и ноги, поступь, походка и всѣ движенія являли что-то гордое и благородное. Всѣ, кто только могъ видѣть черкесскихъ женщинъ, свидѣтельствуютъ, что между ними встрѣчаются такія красавицы, при видѣ которыхъ невольно останавливаешься, пораженный изумленіемъ. «Про черкешенокъ»—говоритъ очевидецъ—«можно сказать, что онѣ вообще хороши, имѣютъ замѣчательныя способности, чрезвычайно

страстны, но въ то же время обладаютъ необыкновенною силою воли».

Конечно, понятіе о красотѣ женщинъ есть понятіе относительное; нельзя сказать, чтобы всѣ черкесскія женщины безъ исключенія были красивы, но, во всякомъ случаѣ, онѣ служатъ лучшими представительницами прекраснѣйшаго бѣлаго, или, такъ называемаго, кавказскаго племени. Красотѣ ихъ очень много вредитъ оспа, для предохраненія отъ которой не предпринималось никакихъ мѣръ; плоскость стана отнимаетъ также много красоты. Обычай надѣвать на дѣвушку корсетъ съ ранняго возраста и не снимать его до замужества, дѣлаетъ то, что грудь красавицы не развивается, слѣдовательно, красота женщины теряетъ многое.

Корсетъ этотъ, надѣваемый подъ рубашку, носитъ названіе пша-кафтанъ (дѣвичій кафтанъ). Пша-кафтанъ состоитъ изъ кожаннаго, холщеваго или изъ какой другой матеріи корсета, съ шнуровкою спереди и съ двумя гибкими деревянными пластинками, сжимающими обѣ груди. Плоская талія и неполная грудь, по понятіямъ черкесовъ, первое условіе красоты дѣвушки. Знатныя дѣвушки шьютъ иногда корсетъ изъ краснаго сафьяна или бархата и обшиваютъ его серебрялными и золотыми галунами; въ послѣднемъ случаѣ онъ бываетъ съ короткими полами и серебряными застежками на груди. Такой корсетъ надѣвается сверхъ рубашки, подъ верхнюю одежду, и преимущественно въ дни праздниковъ. Хотя корсетъ вмѣстѣ съ ростомъ дитяти перемѣняется и надѣвается съ единственною цѣлію дать дѣвушкѣ стройность и гибкость стана, но, сообщая красоту въ одномъ, препятствуетъ развитію груди и дѣлаетъ ее чрезвычайно плоскою, а главное стѣсняетъ движенія дѣвушки.

По выходѣ замужъ дѣвушки, молодой супругъ распарываетъ кинжаломъ шнуръ корсета, но дѣлаетъ это съ особенною осторожностью, чтобы не захватить тѣла и сафьяна. Неловкость или ошибка, въ этомъ случаѣ, ставится молодому въ большое безчестіе. Разсказываютъ, что

послѣ снятія корсета, у молодой замужней женщины грудь выростаетъ въ двѣ недѣли.

У абадзеховъ и у нѣкоторыхъ шапсугскихъ фамилій дѣвушки не носятъ корсетовъ; оттого и женщины ихъ болѣе красивы и кокетливы.

Черкесскій женскій костюмъ чрезвычайно живописенъ. Поверхъ широкихъ, съуженныхъ къ низу, шароваровъ, надѣвается длинная бѣлая рубашка изъ бязи (бумажнаго холста) или кисеи, разрѣзанная на груди, съ широкими рукавами и съ небольшимъ стоячимъ воротничкомъ. По таліи рубашка стягивается широкимъ поясомъ съ серебряною пряжкою. Сверхъ рубашки надѣвается шелковый бешметъ какого-нибудь яркаго цвѣта. Бешметъ шьется короче колѣна, съ короткими выше локтя рукавами, полуоткрытый на груди и украшенный продолговатыми серебряными или другими металлическими застежками. На ногахъ легкіе красные, сафьянные чевяки, обшитые галуномъ; на головѣ круглая шапочка, съ небольшимъ околышемъ изъ смушекъ, обложенная серебрянымъ галуномъ; верхъ шапочки повитъ бѣлою кисейною чалмою, съ длинными концами, падающими за спину. Изъ-подъ шапочки вьются всегда распущенные по плечамъ волосы и придаютъ много прелести костюму и красотѣ дѣвушки.

Черкесскія дѣвушки оченъ цѣломудренны, не смотря на предоставленную имъ свободу, и весьма рѣдко впадали въ ошибку. Нравственность черкесскихъ женъ также довольно строга; но примѣры нарушенія супружеской вѣрности бывали нерѣдки, въ особенности у шапсуговъ, гдѣ женщины необыкновенно хороши. Тамъ, несмотря на ревность мужей, невѣрность женъ часто служила поводомъ къ кровавымъ сценамъ; не менѣе того, шапсуги любили волокитство. Еще не такъ давно женщины пользовались у нихъ гораздо большею свободою и каждая должна была имѣть фаворита. Это служило вывѣскою достоинства женщины, и мужья гордились тѣмъ, что жены ихъ любимы другими мужчинами. Теперь не то: любовь къ постороннему

мужчинѣ считается чувствомъ неприличнымъ, и надо скрывать ее въ тайнѣ. Но то, что позволялось женщинѣ, то считалось во всѣ времена постыднымъ для дѣвушки, и потому онѣ всегда тщательно сохраняли свое цѣломудріе. Съ раннихъ лѣтъ всѣ мечты дѣвушки были направлены къ одной цѣли: выйти замужъ за безстрашнаго воина и чистою попасть въ его объятія. Малѣйшее увлеченіе со стороны мужчины приводило дѣвушку въ робость, и она съ неудовольствіемъ и страхомъ отталкивала отъ себя соблазнителя.

Черкесы вообще неопрятны; носятъ, не снимая съ плечъ, бешметы испещренные заплатами, и нагольные тулупы со множествомъ разнаго рода насѣкомыхъ; въ ихъ бараньей шапкѣ содержится чуть не цѣлый возъ сѣна, щепокъ, отрубей и множество другихъ веществъ. Бѣдность и недостатокъ въ одеждѣ такъ были велики у абадзеховъ что только половина изъ нихъ имѣли рубашки, а остальные носили одну черкеску, не снимая съ плечъ. Дѣти, до десятилѣтняго возраста, особенно у крестьянъ, ходили или голыми, или въ одной рубашкѣ. Въ теплой одеждѣ и въ шубахъ нужда была такъ велика, что изъ трехъ-тысячнаго сборища абадзеховъ, для однаго набѣга на нашу линію, достигли до рѣки Лабы не болѣе тысячи человѣкъ, а остальные принуждены были возвращаться домой съ половины пути. Одежда абадзеховъ состояла, по преимуществу, изъ грубой бумажной ткани, вымѣниваемой ими у турокъ на женщинъ и дѣтей.

При такой бѣдности нельзя было и помышлять объ особенной чистотѣ. Черкесы высшаго класса и люди богатые держали себя гораздо чище, и между ними не встрѣчалось накожныхъ болѣзней. Во всѣхъ же сословіяхъ черкесскаго народа женщины отличались большею опрятностію, чѣмъ мужчины, не смотря на то, что исполняли почти всѣ домашнія и грязныя работы. За неимѣніемъ бань, женщины безпрестанно полоскались въ большихъ, совершенно плоскихъ, мѣдныхъ тазахъ и содержали свою одежду въ исправности и чистотѣ.

Но жилище было не для мужчины, который рѣдко бывалъ дома, а обыкновенно проводилъ время въ набѣгахъ и разбояхъ.

Кабардинка.

Если же и былъ дома, то проводилъ весь день въ кунахской, гдѣ лежалъ или чистилъ оружіе, поправлялъ конскую сбрую, а чаще ничего не дѣлалъ. Въ минуты совершеннаго бездѣлья, онъ стругалъ ножемъ палочку или напѣвалъ пѣсню. Ему дѣла не было до того, что происходило въ семьѣ, съ которой онъ рѣдко видѣлся и ходилъ къ женѣ только вечеромъ. На послѣдней лежала обязанность смотрѣть за хозяйствомъ. Она ткала сукно, холстъ и одѣвала дѣтей и мужа съ ногъ до головы. Если у черкеса было нѣсколько женъ, то каждая изъ нихъ занимала отдѣльное помѣщеніе, имѣла особое хозяйство и поочередно обязана была готовить для мужа пищу и относить ему въ кунахскую.

Семейныя отношенія у черкесовъ были вообще грубы и деспоти-

чны, а отцовская власть на семейство неограничена. Глава семейства имѣлъ право не только лишить сына наслѣдства, но убить его, не подвергаясь за то ни передъ кѣмъ никакой отвѣтственности.

Жена могла бесѣдовать съ мужемъ только ночью, во время супружескихъ свиданій; присутствіе же мужа въ ея покояхъ днемъ считалось предосудительнымъ. Жена не имѣла права проститься съ умершимъ мужемъ; ей не позволялось быть въ той комнатѣ, гдѣ лежалъ покойникъ. Мертваго сына матери дозволялось видѣть, но близко подходить къ нему или проститься съ нимъ—нельзя.—По суровымъ и воинственнымъ нравамъ черкесовъ, считалось неприличнымъ мужу показываться вмѣстѣ съ женою внѣ дома, а отцу ласкать дѣтей своихъ при постороннихъ.

Черкесы чрезвычайно щекотливы относительно женской добродѣтели, ея нравственности, и мстили за оскорбленіе женщины жестоко. Обида, нанесенная семейству обезчещеніемъ женщины или дѣвушки могла быть, впрочемъ, покончена миролюбивымъ соглашеніемъ, и тогда обидчикъ платилъ пеню изъ двадцати четырехъ головъ крупнаго скота; въ противномъ случаѣ, одно оружіе смывало безчестіе, и всѣ способы для удовлетворенія обиженнаго были дозволительны. Нарушеніе супружеской вѣрности замужнею женщиною считалось тяжкимъ преступленіемъ, которое влекло за собою нерѣдко смерть женщины, а иногда рабство. Участника въ подобномъ преступленіи также убивали. Казнить преступную жену предоставлялось самому мужу. Въ прежнее время, онъ обрѣзывалъ женѣ кончикъ носа и выгонялъ изъ дому. Въ этомъ отношеніи, виды наказаній женщины были чрезвычайно разнообразны и вполнѣ предоставлены своеволію мужа. Онъ имѣлъ право убить преступную жену, не навлекая на себя кровомщенія и не дѣлаясь отвѣтственнымъ передъ ея родственниками. Онъ могъ и просто развестись съ женою, не подвергая ее наказанію.

Изъ увеселеній черкесы знали танцы, музыку и пѣніе.

Черкесы любятъ поэзію и пѣсни. Въ прежнее время у нихъ были поэты, гекоко—слагатели народныхъ пѣсенъ. Они были, по большей части, простолюдины и рѣдко знали языкъ священниковъ—людей грамотныхъ. Такіе поэты высоко были чтимы князьями и дворянствомъ; они ходили въ бой и были впереди войскъ. Князья любили имѣть при себѣ пѣвцовъ и гордились ими. Умѣнье сочинить пѣсню во всѣ времена глубоко уважалось.

Уважая поэтовъ-импровизаторовъ и благоговѣя передъ ними, черкесы не уважали самихъ пѣвцовъ, исполнителей народной поэзіи. Изъ высшаго класса никто не соглашался быть пѣвцомъ и заниматься этого рода профессіею, хотя знаніе народныхъ пѣсенъ вмѣнялось каждому дворянину въ необходимость. Съ именемъ пѣвца черкесъ соединялъ понятіе о шутѣ или о канатномъ плясунѣ. Разъѣзжая по ауламъ, пѣвцы собирали отъ жителей подаяніе, въ которомъ, большею частію, не нуждались вовсе и позволяли себѣ шутки и остроты, иногда весьма неблагопристойныя. Впрочемъ, и между пѣвцами были такіе, которые пользовались всеобщимъ уваженіемъ, и если не могли поднять въ глазахъ народа своего званія, за то и не подвергали себя всеобщему посмѣянію.

Рожденіе ребенка не составляло у черкесовь ни особенной важности, ни особенной радости; оно не сопровождается никакими особенными церемоніями. При рожденіи младенца его оставляли однѣ сутки на воздухѣ безъ всякаго призрѣнія. Одинъ изъ ближайшихъ сосѣдей, родственниковъ или пріятелей, даритъ счастливому отцу корову лошадь или овцу, смотря по состоянію, приноситъ хлѣбъ, вино и другіе съѣстные припасы, и получаетъ за то право дать имя новорожденному. Имена новорожденнымъ даются совершенно произвольно. Вліятельные и богатые люди часто даютъ имена по названіямъ тѣхъ племенъ, у которыхъ воспитывается ихъ сынъ или живутъ сами: такъ встрѣчаются имена Бесленей, Убыхъ и другія.

Давшій имя ребенку, у нѣкоторыхъ племенъ черкесскаго народа

считается какъ-бы вторымъ отцомъ новорожденнаго. На принесенныя имъ кушанья затѣвается пирушка, которая собственно и обозначаетъ семейную радость въ обыденной жизни горца.

Если новорожденный есть первенецъ, то отецъ мужа снимаетъ съ своей невѣстки носимую ею на головѣ небольшую шапочку съ околышемъ изъ смушекъ, повязываетъ ей голову косынкою и даритъ молодыхъ скотомъ или другимъ имуществомъ.

По прошествіи года, новорожденному мужскаго пола подносятъ оружіе, и если онъ его принимаетъ, то это считается признакомъ его воинственности, составляетъ истинное наслажденіе для родителей и часто служитъ поводомъ къ празднествамъ и различнаго рода увеселеніямъ.

Бѣдные черкесы воспитываютъ дѣтей дома, и тогда мальчикъ до семилѣтняго возраста находится при матери, а послѣ этого поступаетъ въ распоряженіе отца, который учитъ его владѣть ножемъ, кинжаломъ, верховой ѣздѣ и военнымъ упражненіямъ.

Князь и дворяне, тотчасъ послѣ рожденія, отдаютъ мальчика на воспитаніе одному изъ достойнѣйшихъ своихъ подвластныхъ, а чаще всего къ одному изъ лицъ, принадлежащихъ другимъ обществамъ. Воспитатель ребенка носитъ названіе *аталыка*, и охотниковъ взять на себя эту обязанность бываетъ очень много, и тѣмъ больше, чѣмъ знаменитѣе и уважаемѣе отецъ новорожденнаго.

Принявшій ребенка на воспитаніе пріобрѣтаетъ всѣ права кровнаго родства, а потому понятно, отчего такъ много является лицъ желающихъ породниться съ вліятельнымъ или богатымъ княземъ. Связь по аталычеству считается у черкесовъ священною. Не только семейство аталыка становится роднымъ своему воспитаннику, но часто случается, что жители цѣлаго селенія, общества и даже страны считаютъ себя аталыками воспитаннаго между ними ребенка знатной фамиліи.

Черкесы рѣдко рано выдавали дочерей замужъ, и предоставляли

часто имъ право самимъ выбрать жениха. На аульныхъ свадьбахъ дѣвушка можетъ видѣть молодыхъ людей, которые въ свою очередь, давали ей замѣтить свою любовь взглядами и выстрѣлами въ честь ея, когда она танцовала; но разговоръ и какія-бы то ни было объясненія съ дѣвушкою не допускаются. Черезъ друзей и довѣренныхъ лицъ молодой человѣкъ узнаетъ чувства дѣвушки, и тогда уже сватается. Хотя въ большей части случаевъ родители и не препятствуютъ дочери выбирать жениха, но случается нерѣдко, что, давъ слово одному, способствуютъ и другому, болѣе богатому и знатному въ похищеніи своей дочери, а дѣвушка разъ похищенная, становится женою похитителя. Такая продажа дочерей хотя рѣдко, но случалась у черкесовъ и вызывала, со стороны обиженнаго жениха кровавыя мщенія.

По основнымъ началамъ гражданскаго и уголовнаго права черкесовъ, невѣста составляетъ неотъемлемую собственность жениха. Если въ то время, когда невѣста находилась еще въ домѣ родителей, она была похищена другимъ, то женихъ не только въ правѣ преслѣдовать похитителя, но обязанъ мстить ему. Такое оскорбленіе принадлежитъ къ числу нестерпимыхъ обидъ и, для возстановленія своей чести, женихъ, по обычаю страны, долженъ рѣшаться на самыя крайнія мѣры, чтобы только получить удовлетвореніе. Ссоры подобнаго рода вызывали всегда со стороны обиженнаго ужасныя сцены. Родители, содѣйствовавшіе похищенію, лишались калыма (выкупа за дочь), а невѣста принадлежала по праву первому жениху, если похититель не успѣвалъ на ней жениться.

Сутки, проведенные дѣвушкою въ домѣ похитителя, дѣлали ее законною женою. Тогда никто не въ правѣ отнять ее и дѣло обыкновенно кончается третейскимъ судомъ который назначаетъ калымъ (выкупъ), слѣдуемый въ уплату семейству. Плата назначалась соразмѣрно достатку жениха, и потому очень часто бывала меньше той, которую ему пришлось-бы заплатить, если-бы онъ вздумалъ жениться путемъ обыкновеннаго сватовства.

Сватовство съ колыбели хотя весьма рѣдко, но случается и у черкесовъ; обыкновенно вскорѣ послѣ рожденія дочери, друзья условливаются, что когда у одного выростетъ сынъ, а у другаго дочь достигнетъ совершеннолѣтія, то сочетать ихъ бракомъ. Проходило время; молодые люди, обрученные словами родителей, подростали, не подозрѣвая, что судьба ихъ рѣшена. Съ наступленіемъ мальчику 17, а дѣвушкѣ 16 лѣтъ имъ объявляли о скоромъ счастіи ихъ ожидающемъ, и несчастные, часто не видавшіе другъ друга, исполняютъ волю своихъ родителей.

Послѣ сватовства, спустя нѣкоторое время, происходятъ смотрины и обрученіе.

Въ назначенный день женихъ является въ домъ невѣсты и проводитъ время среди пиршества, сопровождаемаго обильнымъ количествомъ яствъ, вина, пляскою и пѣніемъ.

Съ наступленіемъ вечера, подруги наряжаютъ невѣсту, выводятъ ее къ пирующимъ и ставятъ против жениха. Присутствующіе медленно подвигаютъ невѣсту къ жениху, и когда они достаточно приблизятся другъ къ другу, тогда гасятъ огонь въ комнатѣ и соединяютъ ихъ руки. Въ этомъ собственно и состоитъ обрядъ обрученія, при которомъ родители невѣсты не присутствуютъ.

Послѣ обрученія женихъ приглашаетъ къ себѣ родителей невѣсты для того, чтобы условиться о калымѣ, т. е. выкупѣ, платимомъ обыкновенно женихомъ родителямъ невѣсты.

Каждый черкесъ женится внѣ своего дома; невѣста привозится обыкновенно въ домъ уважаемаго человѣка, гдѣ и совершается бракосочетаніе. Затѣмъ, если мужъ новобрачной имѣетъ родителей или старшаго брата, то удаляется въ домъ одного изъ своихъ пріятелей и оттуда, въ сопровожденіи молодаго человѣка, посѣщаетъ свою супругу, но не иначе, какъ по захожденіи солнца.

Вообще у всѣхъ черкесовъ, кромѣ христіанъ, мужу дозволяется видѣться съ женою только тайкомъ, прокрадываясь ночью на сви-

даніе, какъ воръ, и, сохрани Богъ, если разсвѣтъ застанетъ его въ саклѣ жены. Тогда молодежь, узнавшая объ этомъ, сейчасъ же начинаетъ въ насмѣшку стрѣлять по трубѣ женской сакли и сбивать ее пулями до самой крыши. Обычай этотъ особенно строго соблюдается въ первые дни женитьбы. Видѣть жену днемъ, входить къ ней въ саклю и разговаривать съ нею въ присутствіи другихъ считается предосудительнымъ: это могъ позволить себѣ только простолюдинъ, и то пожилой, но князь и дворянинъ—никогда.

Когда черкесъ умираетъ, то въ саклю сходятся всѣ родственники и знакомые умершаго, оплакиваютъ его, бьютъ себя въ грудь и голову, царапаютъ лицо и тѣмъ выказываютъ свою горесть. Такія знаки глубокой печали оставляютъ на себѣ преимущественно жена и родственники покойнаго. Случается часто, что синія пятна отъ ударовъ по тѣлу и жестокія раны на изувѣченныхъ мѣстахъ долгое время свидѣтельствуетъ о горести постигшей семейство.

Всѣ женщины аула считаютъ своею обязанностію приходить въ саклю умершаго, чтобы умножить скорбь и увеличить число плачущихъ. Приходящіе начинаютъ свой протяжный вопль, не доходя дома, съ плачемъ входятъ въ домъ, но, подойдя къ тѣлу покойника, остаются тамъ недолго. Плачъ посѣтителей прекращается только по выходѣ изъ дома умершаго, или же по просьбѣ стариковъ, занятыхъ приготовленіемъ тѣла къ погребенію.

Жители прибрежья Чернаго моря, и вообще не магометане, не сопровождали похоронъ никакими религіозными обрядами. Покойника зашивали въ холстъ, относили на кладбище, головою впередъ, и зарывали безъ всякой молитвы.

Абадзехи закрывали покойника доскою, засыпали ее землею, а поверхъ ея наваливали каменья. По понятіямъ ихъ, каменья, положенные на могилѣ покойнаго, помогутъ ему затушить вѣчный огонь

въ день страшнаго суда, въ который предназначено всѣмъ камнямъ превратиться въ воду».

Присутствующіе на похоронахъ возвращаются въ саклю покойнаго, въ которой, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ умеръ, разстилаютъ цыновку, кладутъ на нее подушки, и, если покойникъ былъ мужчина, то на подушкахъ размѣщаютъ оружіе и кисетъ съ табакомъ. Желающіе приходятъ во всякое время оплакивать покойника, набиваютъ трубку даровымъ табакомъ, и, покуривая ее проводитъ, такъ время сидя или лежа на цыновкѣ. Эта церемонія продолжается, смотря по состоянію родныхъ умершаго, иногда недѣлю, мѣсяцъ, а иногда и годъ, словомъ до тѣхъ поръ, пока родные не успѣваютъ приготовить достаточный запасъ для послѣднихъ поминокъ, продолжающихся, по большей части, около трехъ дней.

Обычай оплакиванія существовалъ прежде и между черкесами магометанами, но въ послѣднее время духовенство запретило громкія изъявленія горести и преслѣдовало пѣсни, поминки и джигитовку.

Теперь, послѣ смерти магометанина-черкеса, тотчасъ же призываютъ муллу, который вмѣстѣ съ своими учениками и помощниками, моетъ тѣло. На покойника надѣваютъ родъ савана или мѣшка, открытаго съ обоихъ концовъ и извѣстнаго подъ именемъ *кефина*. Тѣло вымываютъ самымъ тщательнымъ образомъ такъ, что даже обрѣзаютъ покойному ногти. Тѣло женщины моютъ и приготовляютъ къ погребенію старухи.

Со дня смерти родственники чуждаются увеселеній, сохраняютъ печальный видъ и, одѣвшись въ трауръ, носятъ его: жена по мужу и аталыкъ по своему питомцу въ теченіи года, причемъ первая во все время траура не можетъ спать на мягкой постели; мужъ же, по народному обычаю, не долженъ плакать о смерти жены, и если высказываетъ свою печаль во время болѣзни или смерти ея, то подвергается всеобщимъ насмѣшкамъ.

Въ прежнее время на седьмой день совершались первыя поминки, а на сороковой день вторыя. Третьи или большія поминки совершались иногда въ шестидесятый день со дня смерти, но преимущественно по истеченіи года. На первыхъ двухъ поминкахъ читали коранъ, потомъ пили, ѣли, и, насытившись вдоволь, расходились по домамъ.

Суровая, но величественная природа породила въ горцахъ вѣру въ существованіе множества духовъ: каждая рѣчка имѣетъ свою богиню (гоуаше), многія ущелья—своихъ духовъ. Нѣкоторые туземцы разсказываютъ, что существуютъ богини покровительницы ворожей и колдуній, и что послѣднія обращаются съ мольбами къ какимъ-то тремъ божественнымъ сестрицамъ (тхашерейихъ-шерейрхумъ). У черкесовъ существуютъ и русалки, которыхъ они представляютъ себѣ прекраснѣйшими и очаровательными женщинами.

Среди суевѣрія черкесскаго народа особенно важную роль играютъ гадальщицы и колдуньи, или вѣдьмы. Гаданьемъ обыкновенно занимаются старухи, къ помощи которыхъ чаще всего прибѣгаютъ несчастные влюбленные.

Если, съ одной стороны, подобные гадальщики возбуждаютъ удивленіе и уваженіе къ себѣ суевѣрнаго народа, то, съ другой стороны, черкесы жестоко преслѣдуютъ колдуновъ и вѣдьмъ. Такихъ людей они называютъ удде, признаютъ ихъ злыми и истребляющими своихъ собственныхъ дѣтей. Удде можетъ быть и мужчина, и женщина; послѣднія бываютъ чаще. Онѣ находятся въ сношеніи съ нечистымъ и могутъ послать на человѣка всякую невзгоду. Изнурительныя дѣтскія болѣзни, зараза, падежъ скота и прочія несчастія приписывались дѣйствію дурнаго ихъ глаза. Поймать колдуна или колдунью на мѣстѣ преступленія нѣтъ возможности, потому что, по понятію черкеса, они, при помощи нечистаго духа, имѣютъ способ-

ность превращаться въ собакъ, кошекъ, волковъ и даже дѣлаться невидимками.

Въ заключеніе сказаннаго о суевѣріи черкесскаго народа нельзя не упомянуть о томъ страхѣ, который успѣли внушить народу муллы относительно картинъ всякаго рода, въ особенности портретовъ и вообще изображенія человѣческихъ фигуръ.

Очерки животныхъ, цвѣтовъ и разнаго рода видовъ черкесы еще переносятъ, но какъ только увидятъ запрещенные кораномъ суреты — какъ они называютъ картины — съ изображеніемъ фигуры человѣка, такъ тотчасъ же стараются соскоблить или замарать ихъ.

— Откуда берешь ты смѣлость, сказалъ однажды черкесъ своему русскому плѣнному, такъ сходно изображать человѣка созданнаго по подобію Аллаха? Души ты не можешь вѣдь дать твоему изображенію. Смотри, когда ты умрешь, на томъ свѣтѣ твои суреты отнимутъ у тебѣ покой, требуя для себя безсмертной души; а откуда ты ее возьмешь?....

X. АБХАЗЦЫ ИЛИ АЗЕГА.

Характеръ страны и народный бытъ.

Хребетъ Кавказскихъ горъ, постепенно удаляясь отъ Чернаго моря, даетъ мѣсто прекраснѣйшимъ, плодороднымъ равнинамъ. Обнаженныя горы и скалистый берегъ, пересѣкаемый множествомъ ущелій, не давятъ здѣсь путника. Напротивъ, онъ видитъ передъ собою вѣчно неувядаемую зелень, которой не лишены даже и самые высокіе отроги горъ, спускающіеся къ морю и покрытые большою растительностію.

Эта благодатная страна населена племенами абхазскими, или племенемъ азега, которое, подобно черкесамъ, подраздѣляется на множество мелкихъ племенъ, извѣстныхъ подъ разными названіями. Всего въ абхазскомъ населеніи можно считать около 200,000 душъ.

Занимая пространство верстъ на 30 въ ширину и около 120 верстъ въ длину, Абхазія составляетъ одинъ изъ рѣдкихъ и прекраснѣйшихъ уголковъ Закавказья, по богатству и разнообразію природы. Здѣсь есть горы, съ покрытыми вѣчно снѣжными вершинами, и вѣчно зеленѣющія долины, бездонныя пропасти съ шумными водопадами, непроходимые дѣвственные лѣса со множествомъ ручьевъ и рѣчекъ, и, наконецъ, Черное море — съ гаванью Сухумомъ, гдѣ на берегу, подъ открытымъ небомъ, вы встрѣтите въ апрѣлѣ цвѣтущія деревья чая и другія тропическія растенія.

Равномѣрное распредѣленіе тепла и обиліе влажности дѣлаютъ почву весьма плодородною, отличающеюся разнообразіемъ и грандіозностію растительности. Рядомъ съ сосною въ Абхазіи растетъ маслина, шелковичное и чайное дерево.

Въ нѣкоторыхъ ущельяхъ и по склонамъ горъ, въ особенности около Сухума, растетъ буковое дерево и лавръ, сохраняющіе зелень круглый годъ. Въ казенномъ саду Сухума растутъ въ грунтѣ и даютъ цвѣты камеліи и мирты.

Богатая, производительная сила природы даетъ средство расти винограду въ большомъ изобиліи и почти безъ всякаго ухода. Абхазецъ пускаетъ свои виноградныя лозы на большія деревья, и, въ такомъ видѣ онѣ, сами собою, достигаютъ до гигантскихъ размѣровъ. Въ этомъ только и состоитъ весь трудъ абхазца по уходу за виноградомъ, который всетаки выходитъ хорошаго качества. Приготовленное, самымъ первобытнымъ способомъ, изъ такого винограда, вино, въ особенности извѣстное прежде подъ именемъ бомборскаго, а теперь выдѣлываемое въ селеніи Лехне (Соукъ-су), выво-

зится въ значительномъ количествѣ и имѣетъ хорошій сбытъ въ Крыму.

Такая роскошь природы доставила абхазцу возможность, не прикладывая труда, пользоваться обильными ея плодами. Стада рогатаго скота, табуны лошадей и отары овецъ круглый годъ питаются подножнымъ кормомъ, то подымаясь на горныя возвышенности, убѣгая отъ лѣтняго зноя долинъ, то спускаясь въ ущелья и равнины подъ защиту горъ и лѣса отъ зимней стужи и непогоды.

Та-же лѣнь препятствуетъ абхазцу заняться, какъ слѣдуетъ, и земледѣліемъ. Онъ не спѣшитъ, съ наступленіемъ весны, взяться за плугъ или соху, чтобы вспахать свое поле и засѣять его; онъ даже не имѣетъ и понятія, что такое плугъ. Воздѣлываніе своего участка земли онъ производитъ или просто заступомъ, или сохою, съ особымъ деревяннымъ лемешомъ, составляющимъ исключительное изобрѣтеніе и принадлежность только одной Абхазіи. Вырубивъ дерево съ изогнутымъ пенькомъ, туземецъ заостряетъ пенекъ клиномъ, «къ длинному концу придѣлываетъ приспособленіе изъ веревокъ для тяги, и такимъ орудіемъ, съ помощію буйволовъ, бороздитъ землю.

Поступая такимъ образомъ, абхазецъ не боится неурожая. Онъ знаетъ, что жена его, на которой лежатъ всѣ тяжелыя работы, вскопаетъ такимъ способомъ, и кое-какъ, около его дома пол-десятины а на этой пол-десятинѣ Богъ даруетъ ему столько кукурузы и гоміи (родъ проса), что его будетъ слишкомъ достаточно на годовую порцію всей его семьи.

Богатая природа Абхазіи должна-бы была служить источникомъ богатства, довольства и даже роскоши для ея жителей, но, въ дѣйствительности, она служитъ для туземца лишь причиною крайней бѣдности. Увѣренный въ ея производительности, абхазецъ предается крайней лѣни. Онъ или, вѣрнѣе, его жена засѣваетъ поле въ такомъ скудномъ количествѣ, что, при огромныхъ урожаяхъ, едва можетъ прокормить свое семейство до новаго хлѣба.

Абхазецъ въ теченіе года работаетъ много-много 20 или 30 дней, а остальное время проводитъ въ безпечной бродяжнической жизни. Прибрежные жители занимаются рыбною ловлею, преимущественно у устья горныхъ рѣкъ, изобилующихъ лососиною, которая жарится, обыкновенно, на вертелѣ и составляетъ весьма лакомую пищу. Лѣтомъ, около морскихъ береговъ появляется множество дельфиновъ, которые въ хорошую погоду держатся на поверхности воды и играютъ, вертясь колесомъ. Жители Абхазіи пользуются этимъ временемъ, выѣзжаютъ въ море на своихъ каюкахъ, лодкахъ, выдолбленныхъ изъ одного куска дерева, охватываютъ довольно большое пространство длинною сѣтью, съ поплавками на верху и тяжестью внизу, заставляющими ее сохранять въ водѣ вертикальное положеніе. Въ средину охваченнаго пространства въѣзжаютъ два-три каюка и ловцы бьютъ баграми находящихся въ немъ дельфиновъ, жиръ которыхъ продается туркамъ и грекамъ. «Этотъ способъ ловли не безопасенъ, потому-что каюки иногда тонутъ подъ тяжестью добычи и опрокидываются, когда дельфины ударяютъ въ нихъ, кружась въ водѣ; но абхазцы не боятся этого, плавая не хуже дикарей острововъ Южнаго океана».

Деревень, въ европейскомъ смыслѣ, не встрѣчается въ Абхазіи. Населеніе не сосредоточивается въ дружныхъ, скученныхъ жильяхъ, а, напротивъ того, каждая сакля, со своими незатѣйливыми службами и небольшими огородами, стоитъ совершенно особнякомъ и не имѣетъ связи съ другими. Деревня, не смотря на то, что абхазцы живутъ небольшими группами, отъ пяти до десяти семействъ, разсыпается по холмамъ и косогорамъ на значительное разстояніе, и оттого мѣстность принимаетъ видъ огромнаго и великолѣпнаго парка, посреди котораго какъ будто устроены лачужки для сторожей. Дорога рѣдко когда идетъ мимо жилья, и случается, что проѣзжій, находясь посреди деревни, не видитъ ни одного строенія.

Дома въ Абхазіи похожи на плохо устроенную корзину, въ которой сучья деревьевъ до такой степени дурно переплетены между собою, что образуютъ множество отверстій, въ которыя можно просунуть кулакъ. Сплетя себѣ изъ хвороста квадратную или круглую, смотря по вкусу, клѣтушку, накрывъ ее сверху камышемъ, кукурузными листьями или, наконецъ, папоротникомъ, абхазецъ считаетъ, что построилъ себѣ домъ, лучше котораго и желать нечего. Передъ дверью онъ дѣлаетъ небольшой навѣсъ; внутри, у одной изъ стѣнъ—очагъ съ такою-же плетеною трубою, и сакля готова. Въ ней онъ проваляется кое-какъ зиму, лежа около очага на войлокѣ или буркѣ, и лучшаго помѣщенія онъ не желаетъ и не ищетъ. Постройка такой сакли стоитъ одной коровы. Низенькая перегородка дѣлитъ саклю на двѣ половины, которыя, смотря по достатку хозяина, назначаются: одна для мужчинъ, другая—для женщинъ, или большая для людей, меньшая — для скота. Съ двухъ сторонъ, по стѣнамъ сакли, ставятся длинныя, деревянныя скамьи, изъ которыхъ на одной лежитъ перина или войлокъ: — это мебель сакли. Посрединѣ, на земляномъ полу, раскладывается костеръ и служитъ для обогрѣванія семейства; надъ костромъ виситъ желѣзная цѣпь съ крючкомъ, для поддерживанія котла. Свѣтъ костра, сквозя черезъ стѣны, отсвѣчивается ночью на деревьяхъ красноватымъ цвѣтомъ и, смѣшиваясь съ миріадами свѣтляковъ, искрящихся въ землѣ, представляетъ издали довольно фантастическую картину. Въ углахъ стоятъ сундуки, преимущественно краснаго цвѣта, окованные желѣзомъ и заключающіе въ себѣ все фамильное имущество; возлѣ нихъ стоитъ кадка съ кислымъ молокомъ, любимымъ напиткомъ туземца. На дырявыхъ стѣнахъ, надъ нарами, виситъ оружіе: ружье въ чехлѣ, шашка и кинжалъ; тутъ-же приклеена какая-нибудь грубая лубочная картинка, изображающая черта съ двумя рогами и глупо растопыренными руками, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Надъ го-

ловами протянута веревка, черезъ которую перекинуты платья и разнаго рода тряпки.

Неподалеку отъ такого дома видна еще клѣтушка или корзина, величиною до одной кубической сажени—это амбаръ абхазца. Онъ сплетенъ также изъ сучьевъ и поставленъ на четырехъ столбахъ, до одной сажени высотою. Послѣднее необходимо для предохраненія небольшихъ запасовъ хлѣба отъ истребленія его мышами и крысами.

Дома князей, зажиточныхъ и извѣстныхъ дворянъ отличаются нѣсколько большимъ удобствомъ. Жилища такого рода составляютъ два строенія: большое—асасайра (гостиная) и малое—ашхора. Вообще, жилище абхазца бѣдно и не чисто, а сами жители крайне нечистоплотны; даже богатые абхазцы не очень заботятся о чистотѣ въ одеждѣ, въ домѣ.

Одежда абхазца весьма близко подходитъ къ черкесской, но абхазецъ чисто и щегольски никогда не одѣвается. На немъ почти всегда надѣта оборванная, вѣчно дырявая подъ мышкою черкеска, сшитая изъ грубаго сукна домашняго приготовленія; узкое, короткое нижнее платье, съ ноговицами другаго цвѣта, остроконечная шапка, всегда прикрытая башлыкомъ, и рыжая бурка — вотъ и весь его костюмъ. Жители селеній, ближайшихъ къ Мингреліи, носятъ иногда мингрельскія и имеретинскія шапочки, но предпочитаютъ, впрочемъ, свой національный костюмъ. На ногахъ, не всегда однако-же, туземецъ носитъ пастолы — обувь, средняя между русскимъ лаптемъ и турецкимъ башмакомъ. Пастолы изготовляются изъ сырой кожи, прикрѣпляются къ ногѣ ремнями и вооружены шпорою. Князья носятъ черныя или красныя черкесскія чевяки.

Абхазецъ вооруженъ кинжаломъ, который носитъ за поясомъ, шашку — у бедра, ружье—за плечами; а на поясъ онъ надѣваетъ пороховницу и металлическій ящичекъ, въ которомъ онъ носитъ сало для смазыванія пуль.

Цвѣтъ лица его смуглый, ростъ средній, волосы черны и перепутаны, вся фигура костиста и сухощава; большинство мужчинъ брѣетъ головы. Жители Сухума и его окрестностей имѣютъ цвѣтъ лица блѣдно-желтоватый.

Красота мужчинъ въ Абхазіи преобладаетъ надъ красотою женщинъ, тогда какъ у абазинъ наоборотъ. Тамъ женщины и дѣвушки прекрасны въ полномъ значеніи этого слова; онѣ рослы и стройны до очарованія. Здѣсь между женщинами встрѣчается много лицъ замѣчательной красоты.

Турки, скупая горскихъ красавицъ, предпочитали всѣмъ другимъ абазинокъ и черкешенокъ.

Женщины въ Абхазіи, какъ и вездѣ, гораздо чистоплотнѣе и опрятнѣе мужчинъ. Исполняя всѣ полевыя и черныя работы, и занимаясь всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ, абхазки одѣты въ чистое ситцевое платье, покроемъ своимъ подходящее къ европейской одеждѣ, и бѣлыя покрывала.

Абазины вообще не имѣли привычки скрывать своихъ женщинъ, но въ Абхазіи помѣщики и князья, придерживаясь магометанскому обычаю, скрываютъ своихъ женъ отъ посторонняго глаза и показываютъ даже и врачу ручку своей больной жены не иначе, какъ сквозь прорѣзанное въ ширмѣ отверстіе. Жены-же простыхъ крестьянъ показываются довольно свободно, а молодыхъ дѣвушекъ и вовсе не прячутъ.

Незамужнія женщины у крестьянъ не закрываютъ свои лица и черные, острые глаза; а замужнія, хотя и обязаны закрываться, но при встрѣчѣ съ мужчиною, показываютъ только желаніе прикрыть себя платкомъ или руками, но на дѣлѣ не исполняютъ и этого. Всѣ женщины заплетаютъ волосы въ косу и повязываютъ голову платкомъ, носятъ шали или греческія курточки и обуваются въ аккуратно сшитые чевяки собственной работы. Женщина-абхазка ловко ѣздитъ верхомъ на мужскомъ сѣдлѣ, потому-что объ экипажахъ

кромѣ своей неуклюжей, двухъ-колесной арбы, абхазецъ не имѣетъ понятія.

Красивыхъ женщинъ въ Абхазіи мало, и онѣ вообще весьма скоро старѣются. Въ нихъ нѣтъ граціи, деликатности, нѣжности и свободы. Отъ тяжелыхъ работъ, которыя исполняетъ женщина въ домашнемъ быту, она огрубѣла, а постоянно висящая надъ нею власть мужа, который имѣетъ надъ женою право жизни и смерти, сдѣлала то, что во всѣхъ ея движеніяхъ и поступкахъ выказывается что-то робкое, нерѣшительное.

Абхазецъ.

Въ прежнее время турки въ большомъ числѣ вывозили абхазскихъ женщинъ, и вывезли лучшіе типы. На долю абхазца осталась посредственность, весьма скоро старѣющаяся.

Подобно черкесамъ, абхазцы сжимаютъ грудь молодыхъ дѣвушекъ особымъ корсетомъ.

Религія и обычаи.

Все народонаселеніе абхазскаго племени, въ религіозномъ отношеніи, дѣлится на три части: православныхъ христіанъ, магометанъ и язычниковъ, или людей, не исповѣдующихъ никакой религіи, а поклоняющихся божествамъ, ими самими созданнымъ.

У жителей собственно Абхазіи точно также остались слѣды вѣрованій всѣхъ народовъ, господствовавшихъ надъ ихъ страною. Какъ христіанинъ, такъ и магометанинъ, одинаково исполняютъ только наружные обряды своей религіи, да и тѣ въ искаженномъ видѣ; въ сущность своей религіи ни одинъ абхазецъ никогда не считалъ нужнымъ загладывать.

При всѣхъ усиліяхъ, турки, во время владѣнія краемъ, не могли совершенно изгладить изъ памяти народа воспоминаніе христіанства, но магометанская религія хотя, и не имѣла въ краѣ значительнаго успѣха, все-таки поколебала христіанство.

Православную вѣру теперь исповѣдываютъ всѣ члены владѣтельнаго дома, за исключеніемъ одного бѣднаго и небольшаго семейства, живущаго въ Пицундскомъ округѣ и придерживающагося исламизма. Между дворянами седьмая или восьмая часть христіане, а остальные магометане. Изъ крестьянъ — пятая часть христіанъ, пятая —магометанъ, а три пятыхъ язычники. Изъ этого видно, что магометанское ученіе, въ свою очередь, не нашло много ревностныхъ послѣдователей, и господствующею религіею въ странѣ всетаки осталась языческая, къ которой принадлежитъ и теперь большая часть народонаселенія.

Какъ правила христіанской религіи плохо исполняются туземцами, также точно исполняется ими и коранъ Магомета. Рѣдко абхазецъ ходитъ въ православную церковь, а еще рѣже показывается

въ мечети. Абхазецъ-христіанинъ не считаетъ грѣхомъ подкараулить гдѣ-нибудь, въ скрытномъ мѣстѣ, и убить человѣка изъ-за пустой мести, по нѣскольку лѣтъ не быть на исповѣди и у св. причастія, и ѣсть постное только при недостаткѣ скоромнаго. Съ другой стороны, абхазецъ-магометанинъ ѣстъ съ большимъ аппетитомъ свинину, пьетъ вино, не соблюдаетъ постовъ, не терпитъ многоженства, но за то позволяетъ себѣ мѣнять женъ при каждомъ удобномъ случаѣ и, наконецъ, совершаетъ намазъ тогда, когда ему нравится, а больше всего тогда, когда находится въ обществѣ уважаемаго имъ турка.

Абхазцы до такой степени безразлично и равнодушно относятся къ религіи, что она ни въ какомъ отношеніи не налагаетъ различія между жителями.

Въ одномъ и томъ-же семействѣ можно встрѣтить весьма часто и христіанина, и магометанина, живущихъ между собою въ совершенномъ согласіи. Мусульманинъ не чуждается брака съ христіанкою, и послѣ того каждый сохраняетъ свою религію. Во многихъ семействахъ часть дѣтей слѣдуетъ христіанскому ученію, другая — магометанскому, безъ всякихъ семейныхъ раздоровъ.

Такое тѣсное сближеніе двухъ противоположныхъ религій, во избѣжаніе соблазна и разныхъ недоразумѣній, заставило христіанъ и магометанъ праздновать вмѣстѣ Рождество Христово, Пасху, Духовъ день, совершать байрамъ, поститься въ рамазанъ и великій постъ.

Суевѣріе и языческіе обряды проявляются во всѣхъ праздникахъ, гдѣ жертвоприношенія, какъ главный догматъ религіи, составляютъ непремѣнную принадлежность.

Св. Георгій пользуется особымъ почтеніемъ между всѣми абхазцами, какого-бы вѣроисповѣданія они ни были. У каждаго хозяина есть въ стадѣ лучшая корова съ обрѣзаннымъ ухомъ, и сохраняется отдѣльно самый большой кувшинъ, наполненный чистымъ, краснымъ

виноградным сокомъ. Вино это и приплодъ отъ коровы назначаются для жертвоприношенія Св. Георгію. Если посвященная корова отелится бычкомъ, то онъ идетъ въ жертву, а если телочкою, тогда для жертвы откармливаютъ барашка.

Абхазцы, всѣхъ исповѣданій, вѣрятъ въ народную молву, что солгавшій передъ иконою великомученика Георгія и передъ иконами монастырей Пицундскаго и Иллорскаго, не избѣгнетъ наказанія. На этомъ основана у нихъ и клятва въ важныхъ случаяхъ.

Въ народѣ укоренилось безчисленное множество суевѣрій и предразсудковъ, неразрывныхъ съ понятіями людей невѣжественныхъ, грубыхъ и дикихъ.

Гонитъ-ли пастухъ свое стадо на лѣто въ горы, или спускаетъ ихъ оттуда осенью—онъ, по народному обычаю, приноситъ жертву Афѣ (богъ грома, молніи и вообще всѣхъ атмосферическихъ явленій), закалываетъ барана, прося бога предохранить его стада отъ громоваго истребленія. Мясо принесенной жертвы употребляется въ пищу лицомъ, приносившимъ жертву. Случится-ли въ Абхазіи засуха — народъ обращается съ просьбою къ дѣвушкамъ добыть имъ дождя. Одѣвшись въ лучшія свои платья и раздѣлившись на три части, дѣвушки идутъ тогда къ рѣчкѣ, гдѣ одна часть устраиваетъ изъ вѣтвей плотъ, другая подноситъ къ плоту сухую солому, а третья занимается приготовленіемъ куклы, въ видѣ женщины. Затѣмъ приводятъ эшака, покрываютъ его бѣлою простынею и сажаютъ на него куклу. Одна изъ присутствующихъ беретъ за поводъ узды, двѣ становятся съ боковъ эшака, для поддерживанія куклы, а остальныя, раздѣлившись на двѣ части, становятся по обѣ стороны эшака, и въ такомъ видѣ ведутъ его къ плоту.

— Воды дашь! воды дашь! поютъ они хоромъ, воду дождевую маргаритку красную, сынъ владыки (или владѣтеля жаждетъ немного воды, немного воды). (Дзивау дзывава, дзири ква ква, мырылдъ апшъ ахъ, и на дыздышвойтъ дзы-хучикъ, дзы-чучикъ).

У плота снимаютъ съ эшака куклу, сажаютъ ее на плотъ, зажигаютъ на немъ солому и, въ такомъ видѣ, пускаютъ его по теченію воды. Потомъ заставляютъ эшака выкупаться въ той-же рѣчкѣ, и какъ онъ всегда противится этому, то дѣвушки вгоняютъ его хлыстами. Переплывъ рѣку и выйдя на противоположный берегъ, эшакъ почти всегда начинаетъ ревѣть, что принимается за хорошій признакъ, и дѣвушки увѣряютъ себя, что дождь непремѣнно будетъ, и радостно возвращаясь домой, поютъ народныя пѣсни.

Подобно сосѣдямъ своимъ, черкесамъ, абхазцы признаютъ существованіе различнаго рода духовъ и вѣрятъ въ существованіе духа покровителя горъ.

Суевѣріе народа обезпечило существованіе женщинъ — гадальщицъ, ворожей и знахарокъ. Такая старуха есть въ каждомъ аулѣ: она и лекарка, сваха, бабка и гадальщица. Онѣ лучшія посредницы во всѣхъ горскихъ любовныхъ похожденіяхъ. Передать тайну юной горянки предмету ея страсти — молодому наѣзднику; добыть травки силотворной или питья, зелья приворотнаго, на случай, если-бы понадобилось завербовать чье-нибудь сердце, это ихъ дѣло.

Придавая большое значеніе гаданію, абхазцы вѣрятъ въ существованіе колдуновъ, вѣдьмъ и водяныхъ. Послѣдніе носятъ названіе дзызла и водятся въ омутахъ, рѣкахъ и особенно подъ мельницами.

Абхазецъ вообще грубъ и невѣжественъ; въ немъ нѣтъ стойкости и твердости характера; онъ непостоянен, не смѣлъ и даже робокъ, вѣроломенъ, остороженъ и всегда покоренъ передъ сильнѣйшимъ.

Ума у абхазцевъ немного, и къ тому-же они мало способны къ умственному развитію; но у нихъ много практическаго смысла, и тотъ небольшой кругъ понятій, который имъ доступенъ, разработанъ ими отлично.

Вся цѣль, вся жизнь абхазца направлена, по большей части, на пріі-

обрѣтеніе, по возможности даровое, какихъ-либо вещественныхъ выгодъ. Отличительныя черты его: воровство, корыстолюбіе въ самыхъ мелочныхъ размѣрахъ, и отсутствіе честнаго труда и любознательности. Воровство считается молодечествомъ и удальствомъ. Самымъ лучшимъ человѣкомъ въ краѣ считается тотъ, кто произвелъ болѣе разбоевъ и убійствъ. Вся слава состояла въ томъ, чтобы бродить изъ одного мѣста въ другое, изъ одной засады въ другую, воровать имущество неосторожныхъ лицъ, ихъ скотъ, а при удачѣ и самихъ поселянъ, для продажи въ неволю.

— Ты еще, кажется, ни одной лошади не съумѣлъ украсть, говоритъ часто въ укоръ дѣвушка молодому парню —ни одного плѣннаго не продалъ.

— Помоги тебѣ Богъ, говоритъ мать, благословляя сына и передавая ему въ первый разъ шашку, — помоги тебѣ Богъ этою шашкою пріобрѣсти много добычи и днемъ, и ночью.

Характеръ абхазца глубоко испорченъ. Не смотря на эту испорченность, на многія безнравственныя черты въ народѣ, нельзя все-таки отрицать въ немъ извѣстной доли благородства.

Князья и дворяне, въ особенности тѣ, которые получили воспитаніе, вѣжливы и честны.

Вообще абхазцы держатъ себя свободно, говорятъ съ каждымъ безъ стѣсненія, подбоченившись или опершись на ружье. Гордость и сознаніе собственнаго достоинства проглядываютъ во всѣхъ движеніяхъ абазинскаго племени, которое отличается большою суровостью и воинственностью.

Не смотря на нѣкоторую наружную свободу, предоставленную женщинѣ, она, въ полномъ смыслѣ, раба своего мужа и, въ крестьянскомъ быту, выполняетъ всѣ тяжелыя работы. Какъ въ Абазіи, такъ и въ Абхазіи одинаково смотрятъ на женщину, которая, въ глазахъ мужа, не болѣе, какъ старшее въ домѣ рабочее животное, о которомъ можно гораздо менѣе заботиться, чѣмъ о лошади. Женщи-

на не знаетъ ласкъ ни мужа, ни сыновей, которые, по большей части, со дня рожденія, отрываются отъ груди матери и отдаются на воспитаніе въ чужія руки, въ чужой домъ, и даже внѣ своей родины. Чувство сыновней любви не можетъ развиться въ такихъ дѣтяхъ, и она неизвѣстна абхазцамъ. Жена не можетъ вступать съ мужемъ въ разговоръ, пока ее не спросятъ; не имѣетъ права сидѣть при немъ и при постороннемъ лицѣ; не получаетъ даже отъ мужа непосредственныхъ приказаній, а всегда черезъ кого-нибудь другаго. Услыша голосъ мужа издали, она обязана выйти къ нему на встрѣчу и ожидать его стоя, держать его коня, разсѣдлать и присмотрѣть за нимъ.

Не смотря на то, что женщина проводитъ всю свою жизнь подъ гнетомъ мужа, удивительная чистота нравовъ — принадлежность женщины всѣхъ племенъ абхазскаго народа. Ни рабство, ни тяжкіе труды не могутъ заставить жену забыть свой долгъ и измѣнить мужу. Подобная измѣна влечетъ за собою или смерть отъ руки мужа, или продажу въ неволю. Если гдѣ и встрѣчается измѣна, то въ приморскихъ мѣстечкахъ, гдѣ всегда находятся такія почтенныя старушки, которыя помогаютъ своимъ пріятельницамъ водить за носъ мужей.

Въ нравственномъ отношеніи женщина стоитъ всетаки неизмѣримо выше мужчины. Послѣдній знаетъ это, и, не смотря на то, что оказываетъ презрѣніе женщинѣ, онъ внутренно гордится ея нравственною чистотою.

Не связанный никакими особенными понятіями о религіи, абхазецъ видитъ въ бракъ средство избавиться отъ труда и передать его женѣ. Въ силу такой точки зрѣнія на бракъ въ Абхазіи установился обычай не жениться на дѣвушкѣ, а держать ее, тѣмъ не менѣе вмѣстѣ съ тѣмъ, въ домѣ, какъ жену. Мужчина, съ дозволенія родителей, беретъ къ себѣ ихъ дочь, живетъ съ нею, какъ съ женою, но женится на ней только тогда, когда она выкажетъ свои способ-

ности быть хорошею хозяйкою. Такое испытаніе можетъ продолжаться годъ и болѣе. Хотя большинство абхазцевъ, въ строгомъ смыслѣ, и не принадлежитъ къ христіанскому вѣроисповѣданію, они всетаки не придерживаются многоженства, а ограничиваются одною женою. Бываютъ случаи семейной жизни съ двумя женами, но тогда вторая жена поступаетъ въ домъ не иначе, какъ съ согласія первой, которая и остается хозяйкою въ домѣ.

Обычай не позволяетъ абхазцу говорить родителямъ о своемъ желаніи вступить въ бракъ; скромность-же запрещаетъ самому искать себѣ невѣсту или объясняться съ нею. Молодой человѣкъ повѣряетъ тайну желанія жениться одному изъ своихъ родственниковъ, или-же родители, или родственники молодаго человѣка сами выведываютъ отъ него эту тайну.

Получивъ согласіе, родители стараются пріискать невѣсту. Если она въ одной и той-же деревнѣ, то, желающій жениться, зная ее хорошо, встрѣчаясь на гуляньяхъ и народныхъ праздникахъ, заявляетъ родителямъ, нравится-ли она ему или нѣтъ. Если-же невѣста живетъ въ другомъ аулѣ, то молодой человѣкъ отправляется туда подъ видомъ путника. Онъ старается придти въ домъ родителей невѣсты поздно вечеромъ, подъ видомъ запоздалаго гостя, котораго, по установившемуся обычаю гостепріимства, принимаютъ со всѣмъ радушіемъ, не спрашивая, кто онъ, куда и откуда идетъ.

Гость для абхазца считается особою священною: былъ-ли то другъ (достъ) или недругъ—онъ одинаково находилъ защиту и безопасность подъ крышею дома того хозяина, къ которому пріѣхалъ.

Есть еще оригинальная черта въ душѣ абхазца: будучи гостепріименъ, абхазецъ не любитъ вечернихъ странниковъ и посѣтителей. Подъѣзжайте къ саклѣ абхазца вечеромъ и просите пріюта,—хозяинъ навѣрно всѣми средствами будетъ стараться отдѣлаться.

Молодыя дѣвушки Абхазіи замѣняютъ обыкновенно въ семействѣ прислугу, и потому молодой человѣкъ, пріѣхавшій въ домъ подъ

видомъ гостя, можетъ хорошо и легко разсмотрѣть избранную его родителями невѣсту и высказать о ней свое мнѣніе.

Бракъ не имѣетъ никакихъ прочныхъ основаній въ семейной жизни абхазца. Правда, родственники замужней женщины защищаютъ ее отъ произвола мужа, но защита эта слаба и ничтожна. Мужъ можетъ прогнать свою жену, когда ему вздумается, и взять себѣ дру-

Абхазецъ.

гую. Онъ считаетъ совершенно естественнымъ развестись съ такою женою, которая часто и продолжительно болѣетъ, или такою, которая не родитъ ему сына. Въ первомъ случаѣ, переселившись опять къ своимъ родственникамъ, она, по выздоровленіи, не теряетъ еще права возвратиться въ домъ мужа; но во второмъ — такой возвратъ

рѣдко бываетъ возможенъ. Мужъ, во время отсутствія жены, беретъ себѣ другую, живетъ съ нею, приживаетъ дѣтей, и случается, что если первая жена рѣшится возвратиться къ мужу, то застаетъ дома цѣлое чуждое ей семейство.

Впрочемъ, подобное происшествіе никого изъ семьи не поражаетъ: она остается и мужъ живетъ съ обѣими. Такіе случаи одинаково встрѣчаются какъ у христіанъ, магометанъ, такъ и у язычниковъ.

Въ домашней жизни все почти хозяйство лежитъ на обязанности женщины. Весь тяжкій и грязный трудъ, какъ собственно въ Абхазіи, такъ и въ горахъ, исполняютъ женщины. Мужъ знаетъ винтовку, кинжалъ да шашку, а жена все остальное. Если бы даже случилось, что убогая крыша сакли абазина протекла, то наѣздникъ скорѣе рѣшится погибнуть отъ дождя и сырости, чѣмъ запачкать руки въ глинѣ и замазать дыру въ крышѣ.

Абхазецъ не родится, не женится и не умираетъ безъ выстрѣла и звона шашки. Никогда мужъ не зналъ о предстоящей и скорой прибыли въ семействѣ. Обычай народа сдѣлалъ это обстоятельство тайною для мужа. Жена тщательно скрывала отъ него беременность и, своимъ разрѣшеніемъ, готовила ему пріятный и неожиданный сюрпризъ. Чувствуя приближеніе родовъ, женщина тихо вставала съ постели, зажигала огонь, прокрадывалась къ винтовкѣ мужа, снимала ее со стѣны и стрѣляла въ дверь сакли. По числу дыръ пробитыхъ въ двери можно собрать точныя свѣденія о числѣ потомства каждаго абхазца.

Поцѣловавъ жену, которая только въ этомъ случаѣ имѣла законное право на ласку, мужъ вскидывалъ на плечо винтовку и отправлялся за бабкой. Втолкнувъ послѣднюю въ свою саклю, будущій отецъ новорожденнаго оставался за порогомъ, ожидая слабаго призывнаго голоса родильницы. Съ первымъ призывомъ жены, мужъ бросался въ саклю и останавливался на порогѣ.

— Отвага или красота? спрашивалъ онъ бабку.

— Отвага, отвѣчала та.

Мужъ спѣшилъ къ женѣ, цѣловалъ ее, щедро даривъ бабку, а самаго себя поздравлялъ съ сыномъ.

Но если случалось, что на вопросъ его бабка отвѣчала: красота,— что означало рожденіе дочери, то онъ обязанъ былъ или поцѣловать бабку, или откупиться отъ сладости поцѣлуя, по преимуществу весьма ветхой старухи.

Не оказывая впрочемъ ни сыну, ни дочери особыхъ ласкъ, онъ въ душѣ гордится сыномъ и презираетъ дочь.

Въ семейномъ быту власть родительская неограниченна. Уваженіе къ отцу и старшимъ составляютъ исключительную черту народнаго характера и семейной жизни. Взрослый и даже женатый сынъ не имѣетъ право садиться въ присутствіи отца и старшаго брата. Вообще младшій обязанъ всегда уступить старшему лучшее мѣсто, въ почетномъ углу дома, а въ толпѣ пропускать его. Отецъ не отвѣчаетъ ни передъ кѣмъ за жизнь своего ребенка. Въ этомъ отношеніи абхазцы совершенно сходны съ черкесами. Отецъ и здѣсь не долженъ ласкать дѣтей: ласка считается выраженіемъ слабаго характера. Отъ этого отецъ является въ семействѣ человѣкомъ угрюмымъ, суровымъ, властелиномъ гордымъ и деспотичнымъ. Если злоупотребленія родительской власти случаются не часто, то причиною тому обычай отдавать дѣтей на воспитаніе въ чужія семейства. Между князьями и дворянами обычай этотъ, во всѣхъ племенахъ абхазскаго народа, былъ явленіемъ обыкновеннымъ, а простой народъ также придерживался этого при возможности и средствахъ.

По понятію абхазцевъ, дитя, отданное на воспитаніе, до совершенолѣтія не должно знать своихъ родителей и близкихъ родственниковъ, а отцу и матери приласкать его считается большимъ неприличіемъ и даже порокомъ.

Отданный на воспитаніе мальчикъ оставался въ чужомъ домѣ до

четырнадцатилѣтняго возраста и затѣмъ, съ разными церемоніями, возвращался въ домъ родительскій.

Въ домѣ, гдѣ бываетъ покойникъ, собираются мужчины и женщины, садятся вокругъ гроба, проводятъ всю ночь въ пѣніи разныхъ пѣсень, въ которыхъ, какъ говорятъ, даже зачастую ругаютъ умершаго, и когда одни изъ присутствующихъ плачутъ, другіе смѣются и поютъ.

Въ то время какъ всѣ присутствующіе веселятся, поютъ и смѣются, жена покойнаго, чтобы не потерять всякое уваженіе въ народѣ, обязана оплакивать мужа, съ выраженіями отчаянія и самоистязанія.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, около котораго толпится не малое число мужчинъ и женщинъ, пріѣзжающій на похороны останавливается, слѣзаетъ съ лошади и проситъ увѣдомить вдову о своемъ пріѣздѣ.

Черезъ нѣсколько времени изъ дома слышится громкій плачъ, дверь отворяется и, рыдая и заливаясь слезами, выходитъ жена покойнаго. Нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, родственницъ покойнаго или неутѣшной вдовы, окружаютъ и поддерживаютъ ее. Волосы ея распущены и на ней надѣта длинная, черная шерстяная рубашка съ открытою грудью; лицо, грудь и руки исцарапаны и избиты до крови.

Выслушавъ выраженіе участія и скорби, которыя принимаетъ пріѣзжій въ постигшемъ ея горѣ, вдова вводитъ его въ комнату, гдѣ плачъ и рыданіе, сопровождаемые ударами въ лицо и грудь, снова возобновляются съ удвоенною силой и продолжаются до тѣхъ поръ, пока вдова не придетъ въ изнеможеніе. Эти сцены должны повторяться съ каждымъ новымъ пріѣзжимъ до самыхъ похоронъ.

Между абхазцами, даже и христіанами, до сихъ поръ поддержи-

вается обычай хоронить умершихъ по лѣсамъ или близъ дорогъ, или близъ домовъ, но не въ церковной оградѣ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ похоронъ, семейство умершаго обязано совершить поминки по немъ. На поминки собирается множество народа, они продолжаются не менѣе трехъ сутокъ, въ теченіе которыхъ всѣ живутъ на счетъ родственниковъ умершаго. Поэтому, какъ бы въ покрытіе издержекъ и расходовъ, каждый гость обязанъ сдѣлать посильный подарокъ. Онъ приноситъ то, чѣмъ богатъ: оружіе, сукно, холстъ, матерію, лошадей, скотину, барановъ, домашнюю птицу, зерно и проч.

Поминки происходятъ почти всегда на открытой полянѣ, гдѣнибудь по близости деревни.

На третій день поминокъ назначается скачка, которою и заканчивается тризна по умершемъ. Въ скачкѣ принимаютъ участіе исключительно мальчики отъ 12 до 14 лѣтняго возраста. На лошадяхъ, осѣдланныхъ черкесскими сѣдлами, но безъ подушекъ, для того чтобы не сидѣть, а стоять въ стременахъ, скачутъ они на значительное разстояніе отъ 30 до 50 верстъ, туда и обратно, по мѣстности чрезвычайно пересѣченной. Состязающихся въ скачкѣ почти всегда сопровождаетъ огромная толпа любителей и охотниковъ. Скачущіе могутъ побуждать своихъ лошадей крикомъ, гикомъ и гонаньемъ, не касаясь лошади плетью. Вся ватага, состоящая часто болѣе чѣмъ изъ сотни всадниковъ, несется черезъ бугры и рытвины по полямъ и по лѣсу, на гору и подъ гору, думая только объ одномъ, какъ бы придти первому и получить призъ часто весьма не цѣнный.

Рѣдко такая скачка обходится безъ несчастія. Мальчики падаютъ съ лошадей, убиваются до смерти и за однѣми поминками слѣдуютъ другія, на которыхъ повторяется снова та же бѣшеная скачка.

Вдова умершаго, по обычаю абхазцевъ, можетъ выйдти замужъ за роднаго брата покойнаго, если на то существуетъ обоюдное согласіе. Но если согласія этого нѣтъ и вдова остается въ затруднительномъ положеніи относительно матеріальнаго благосостоянія, то

въ Абхазіи существуетъ прекрасный обычай, по которому жители аула всегда помогутъ ей посѣять и убрать хлѣбъ и обезпечутъ ея существованіе. Забота о бѣдныхъ развита въ народѣ и составляетъ одну изъ хорошихъ сторонъ общественной жизни абхазца. Здѣсь нѣтъ нищихъ, какъ мы привыкли видѣть въ другихъ мѣстахъ, и бѣдные всегда получаютъ пособіе отъ общества.

XI. НОГАЙЦЫ.

Характеръ и народный бытъ.

Ногайцы живутъ въ Ставропольской губерніи, по Кубани, между Лабою и Кубанью и на Кумыкской плоскости. Ихъ считается болѣе 80,000 душъ.

По образу жизни, ногайцы раздѣляются на осѣдлыхъ и кочевыхъ.

Неудобство земель причиною того, что, какъ забубанскіе, такъ и всѣ остальные ногайцы, или вовсе не занимаются земледѣліемъ и хлѣбопашествомъ, или занимаются ими весьма мало.

Главное занятіе ногайцевъ состоитъ въ скотоводствѣ и уходѣ за скотомъ. Бѣдные, не имѣющіе его, идутъ лѣтомъ въ заработки, и тысячи ихъ расходятся по окрестнымъ селамъ сосѣднихъ уѣздовъ и казачьихъ полковъ. Тамъ они пасутъ стада и табуны лошадей, убираютъ виноградъ и выжимаютъ вино.

Ногайцы, ведущіе жизнь осѣдлую, довольно безобразны: постоянное сидѣнье на корточкахъ возлѣ огня, нечистота и дымъ, скудная пища, всеобщая бѣдность и недостатокъ движенія — все это дѣлаетъ плоскія и измозженныя ихъ лица крайне безобразными. Напротивъ того, ногайцы, кочующіе лѣтомъ по широкимъ степямъ, какъ

напримѣръ, кара-ногайцы, едишкульцы, довольно красивы. Кара-ногаецъ, по большей части, высокаго роста и статенъ. Карiе глаза, прямой съ небольшимъ горбомъ носъ, средняя толщина, бритая голова черная рѣдкая борода и усы составляютъ отличительныя черты его лица.

Ногайцы вообще вкрадчивы, скрытны и корыстолюбивы; за кирпичъ чая готовы возстать на самаго близкаго родственника. Корыстолюбiе ихъ не высказывается въ стремленiи къ прiобрѣтенiю прилежанiемъ и трудомъ, а напротивъ того, въ желанiи нажить все легчайшимъ способомъ—воровствомъ и хищничествомъ. Будучи лѣнивы до высочайшей степени, они проводятъ большую часть времени въ праздности: сидятъ въ кибиткахъ или разъѣзжаютъ въ степи по ауламъ.

Гостепрiимство хотя и считается у нихъ добродѣтелью, но безъ разсчета погаецъ не испечетъ чурека для гостя и очень часто обокрадетъ его точно также, какъ и гость не стѣснится обокрасть хозяина. Пуговица, гвоздь, обрѣзокъ сукна или ленты—это такiя вещи, которыя составляютъ предметы желанiя одного и зависти другаго.

Главную и любимую пищу кара-ногайца составляетъ кирпичный чай; какъ русскiй человѣкъ безъ хлѣба, такъ кара-ногаецъ безъ чая обойтись не можетъ; хлѣба кара-ногайцы не употребляютъ вовсе или очень мало. Кромѣ чая, кара-ногайцы ѣдятъ вареное пшено, небольшiя пышки, вареныя въ салѣ, и бишбармакъ—кушанье, приготовленное изъ баранины и сарачинскаго пшена. Мясо ѣдятъ только въ дни годовыхъ и торжественныхъ праздниковъ, да и то только богатые. Пьютъ бузу, приготовляемую изъ пшена, и аракъ—родъ спиртнаго напитка, приготовляемаго изъ молока, и отчасти кумыса.

Ногаецъ можетъ быть очень воздержанъ въ пищѣ, въ теченiи даже нѣсколькихъ дней; можетъ довольствоваться одною пышкою или чу-

рекомъ, но за то, если представится случай, будетъ пить чай, сколько бы ему ни предлагали, и съѣстъ несмѣтное количество пищи.

Всѣ ногайцы лѣнивы, но кара-ногайцы и едишкульцы отличаются особою лѣностію и неспособностію къ продолжительному труду. Лѣтомъ они предаются полнѣйшей бездѣятельности: по цѣлымъ днямъ сидятъ возлѣ кибитокъ съ небольшими трубочками во рту и слушаютъ *хабаръ* (новости), въ которыхъ нѣтъ недостатка.

Каждое извѣстіе съ быстротою молніи разлетается во всѣ мѣста кочевья кара-ногайцевъ.

Бездѣятельность и отсутствіе правильныхъ занятій породили въ народѣ страсть къ воровству, мошенничеству и клаузамъ.

Ногайцы съ виду кажутся весьма простыми, но на самомъ дѣлѣ чрезвычайно изворотливы.

Кара-ногайцы не грабятъ, не убиваютъ: они занимаются, по преимуществу, тѣмъ, что называется мелкимъ воровствомъ. Его дѣло стащить гдѣ-нибудь лошадь, скотину или барашка: но онъ никогда почти не нападаетъ на человѣка и никогда не употребляетъ въ дѣло оружія. Къ послѣднему онъ прибѣгаетъ только для защиты своихъ стадъ отъ звѣрей и себя отъ внѣшнихъ враговъ, которыми окруженъ со всѣхъ сторонъ, и которыхъ привыкъ бояться съ малолѣтства.

Понятія о стыдѣ у ногайцевъ совершенно не существуетъ. Ласковое обращеніе съ ними выводитъ ихъ изъ границъ подчиненности.

По образу жизни ногайцы болѣе осѣдлы, чѣмъ калмыки. Хотя очень немногіе изъ ногайцевъ живутъ въ земляно-соломенныхъ, а тѣмъ болѣе деревянныхъ саклях; но за то почти всѣ, за исключеніемъ самыхъ бѣдныхъ и одинокихъ, имѣютъ въ ряду своихъ кибитокъ базы, окопанные кругомъ и обнесенные ими просто глиняными или глиняно-кирпичными стѣнами. У нихъ есть конюшни, въ кото-

рыхъ съ достаточнымъ удобствомъ помѣщается малый, а при нуждѣ и рогатый скотъ.

Осѣдлые ногайцы живутъ въ мазанкахъ, расположенныхъ обыкновенно весьма неправильно и тѣсно. Закубанскіе же ногайцы всѣ живутъ осѣдло въ домахъ, такъ что въ аулахъ ихъ рѣдко можно встрѣтить кибитку.

Все семейство кочующаго кара-ногайца, какъ бы велико ни было, помѣщается въ одной кибиткѣ; только у нѣкоторыхъ, болѣе богатыхъ, имѣется другая кибитка для низшихъ членовъ семьи, кладовой и кухни. Въ кибиткѣ всегда грязно, душно и тѣсно.

Кибитка кара-ногайца обита снаружи войлокомъ и для входа имѣетъ небольшое отверстіе, закрываемое также войлокомъ. Вверху кибитки сдѣлана отдушина для прохода дыма; въ ненастную погоду она закрывается большимъ кускомъ полости, прикрѣпленной къ жердямъ кибитки. Такой домъ не болѣе какъ въ полчаса можетъ быть разобранъ и уложенъ на арбу; на другую арбу еще скорѣе укладываютъ хурда-мурда, т. е. домашнюю рухлядь, и семейство готово въ ходъ.

Если подобное жилище очень удобно лѣтомъ, за то зимою оно весьма плохо защищаетъ отъ стужи, страшной степной вьюги и сильнаго холоднаго вѣтра, врывающагося со свистомъ въ дырья кибитки. Тогда дѣти кара-ногайца, голыя или въ однѣхъ оборванныхъ рубашенкахъ, прячутся подъ овчины и дрожатъ какъ листъ, а хозяинъ кибитки, съ болѣе взрослыми членами семьи, сидитъ скорчившись возлѣ скромнаго огонька и отогрѣваетъ окоченѣвшія свои руки.

Во время продолжительныхъ *шурановъ* (жестокихъ степныхъ мятелей), въ кибитку, гдѣ съ трудомъ помѣщается семейство ногайца, загоняются телята, бараны, козы для предохраненія ихъ отъ гибели. Крупный скотъ, лошади и верблюды, оставляются на произволъ судьбы. Нерѣдко гибнутъ цѣлыя стада, и изъ богатаго, ногаецъ на дру-

гой день дѣлается такимъ же байгушемъ (нищимъ), какъ и многіе его собраты.

Каждый ногаецъ можетъ имѣть нѣсколькихъ женъ, и всѣ онѣ, по магометанскому закону, не только рабы своего мужа, но и старшаго члена въ семействѣ.

Между женщинами въ семействѣ существуетъ также чинопочитаніе. Младшая слушаетъ старшую, и жена хозяина повелѣваетъ всѣми женщинами и, даже, младшими женами своего мужа, если у него ихъ нѣсколько.

Супружеская нравственность народа стоитъ на высокой степени: незаконно-рожденныхъ дѣтей почти нѣтъ между ногайцами, и въ особенности между кара-ногайцами.

Исповѣдуя магометанскую религію, ногайцы принадлежатъ къ двумъ сектамъ: суннитской и шіитской.

Религіозные обряды и праздники закубанскихъ, да и вообще всѣхъ ногайцевъ, будучи совершенно сходны и одинаковы съ обрядами прочихъ магометанъ суннитскаго толка, весьма немногочисленны.

Изъ гражданскихъ праздниковъ можно упомянуть только о встрѣчѣ новаго года, который ногайцы празднуютъ 10-го сентября по нашему стилю.

Будучи сходны съ прочими кавказскими племенами по религіи, ногайцы сходны съ ними по суевѣрію и предразсудкамъ, такъ что въ этомъ отношеніи ногайцы не имѣютъ много характеристическихъ особенностей.

Свадьбѣ обыкновенно предшествуетъ сватовство, которое ногайцы заводятъ между собою еще тогда, когда жениху и невѣстѣ бываетъ не болѣе семи лѣтъ отъ роду, а иногда и ранѣе этого срока. Отецъ мальчика отдаетъ по уговору калымъ за невѣсту отцу дѣвочки или тотчасъ, или въ извѣстный срокъ; мулла читаетъ молитву и дѣти считаются обрученными. Подобныя преждевременныя условія ведутъ

къ большимъ неудобствамъ. Браки совершаются большею частію между семействами одинаковаго состоянія.

Похищеніе невѣстъ изъ дома родителей считается большимъ удальствомъ, и часто смѣльчакъ дорого расплачивается за свой отважный поступокъ.

Если калымъ въ срокъ не уплаченъ, то отецъ невѣсты вправѣ отказать жениху и заключить условіе съ другимъ ногайцемъ. Обрученные часто растутъ, не зная другъ друга; женихъ можетъ посѣщать невѣсту; но оставаться съ нею наединѣ или вступить въ связь — не допускается ни въ какомъ случаѣ. Самая свадьба не сопровождается нынѣ никакими характеристическими особенностями. Передъ свадьбою отецъ жениха прежде всего приглашаетъ нѣсколько довѣренныхъ лицъ со стороны невѣсты и, въ сопровожденіи духовнаго лица, отправляется къ ея родителямъ. По прочтеніи краткой молитвы, дѣвушку сажаютъ въ нарочно приготовленную для нея брачную арбу, раскрашенную иногда въ разныя цвѣта и называемую *кугіме*; въ эту же арбу укладывается и все имущество невѣсты, если его не много, а въ противномъ случаѣ спаряжаютъ нѣсколько арбъ.

Если невѣста—дѣвушка, то надъ брачною арбою устанавливаютъ кибитку, *отауй*, а если выходитъ за-мужъ вдова, то ее отправляютъ въ домъ жениха въ открытой арбѣ. Передъ отправленіемъ поѣзда, на прощанье провизжитъ передъ невѣстою домра — двухструнная балалайка, туземный цѣвецъ пропоетъ пѣсню и охотники поплясать покажутъ свое искусство. Затѣмъ арба сопровождается не только родственниками и знакомыми, но и огромною толпою народа, которому дѣлаются разные подарки, смотря по состоянію новобрачныхъ. Отъ степени достаточности брачущихся зависитъ многочисленность ихъ свиты.

Джигитовка и скачка на перегонки другъ съ другомъ составляютъ исключительное разнообразіе брачнаго поѣзда.

Если женихъ и невѣста не богаты, то первый посѣщаетъ свою

невѣсту въ ея домѣ до тѣхъ поръ, пока не выплатитъ калымъ, и потомъ уже перевозитъ къ себѣ свою суженую.

Въ свадебныхъ увеселеніяхъ ногайцевъ нѣтъ удали, проворства, а напротивъ того: въ нихъ лежитъ что-то тихое и спокойное. какъ и сама степь, гдѣ они кочуютъ.

Ногаецъ только въ случаѣ крайней необходимости станетъ говорить съ своею женою при постороннихъ, а новобрачный какъ будто боится и совѣстится взглянуть днемъ на жену.

При рожденіи ребенка родственники и друзья отца новорожденнаго становились, въ прежнее время, у воротъ отцовскаго дома и производили ужасный шумъ и бряцанье молотками въ пустые котлы, чтобы тѣмъ, какъ говорятъ ногайцы, устрашить и прогнать отъ дитяти дьявола. Теперь этотъ обычай почти вышелъ изъ употребленія.

Новорожденному дается имя отцомъ или кѣмъ либо изъ постороннихъ уважаемыхъ лицъ. По магометанскому закону, младенецъ мужскаго пола можетъ оставаться необрѣзаннымъ до 2-хъ и даже до 8-ми лѣтъ, смотря по желанію родителей.

Для производства такой операціи приглашается или духовное лицо, или искусные въ этомъ дѣлѣ.

Когда ногаецъ умираетъ, то родственники, съ послѣднимъ его вздохомъ, тотчасъ извѣщаютъ своихъ близкихъ друзей и знакомыхъ о постигшемъ ихъ несчастіи.

Отовсюду собирается огромная толпа. особенно если умершій, передъ своею кончиною, завѣщалъ хорошій капиталъ для своихъ похоронъ и поминокъ, бывающихъ по окончаніи года.

Не доѣзжая нѣсколькихъ шаговъ до кибитки или сакли покойника, посѣтители сходятъ съ своихъ лошадей и своимъ раздирательнымъ стономъ, крикомъ, и отчаяннымъ сѣтованіемъ, даютъ знать о своемъ прибытіи для того, чтобы раздѣлить общую горесть съ осиротѣвшимъ семействомъ. Прочтя затѣмъ обычные стихи изъ ко-

рана, посѣтитель входитъ въ домъ умершаго, гдѣ раздаются постоянный плачъ и рыданія. Затѣмъ по окончаніи оплакиванія, покойника относятъ на кладбище и опускаютъ въ могилу, надъ которою ногайцы ставятъ камень, вышиною въ аршинъ или немногимъ болѣе, но никакихъ похоронныхъ обрядовъ не совершаютъ.

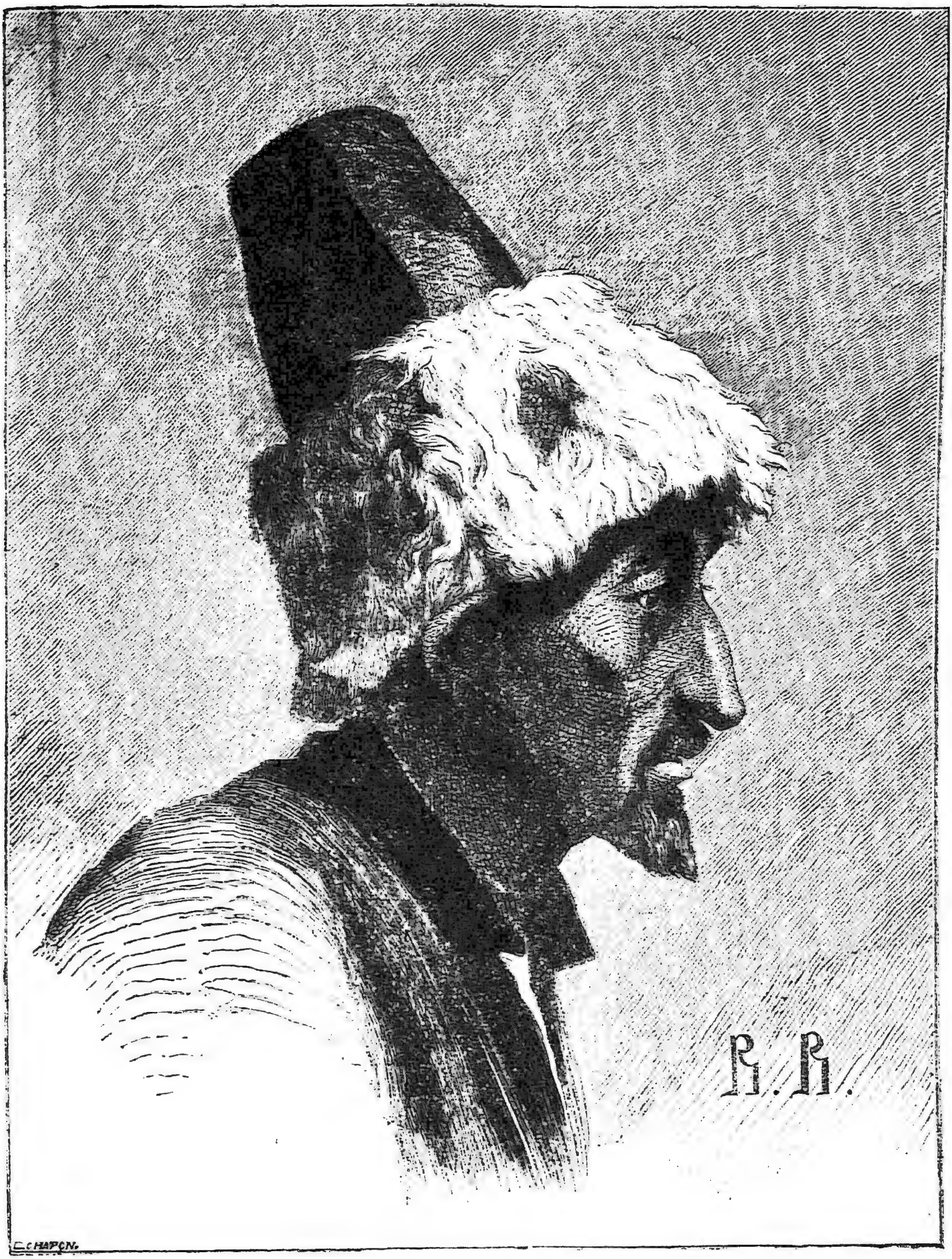
Часто мужчины, родственники покойнаго, въ знакъ своей скорби и печали, надѣваютъ на голову траурную шапку особаго покроя. Эта шапка снимается по истеченіи года со дня погребенія того, въ честь кого была надѣта. Нѣкоторые ногайцы носятъ, впрочемъ, шапку эту, какъ принадлежность вседневняго костюма.

По истеченіи года со дня смерти множество народа собирается на поминки, которыя главнымъ образомъ состоятъ въ питьѣ и ѣдѣ.

У кара-ногайцевъ, послѣ смерти покойника, обмываютъ и зашиваютъ все тѣло его, кромѣ головы, въ кусокъ коленкору или бязи. Едва только вѣсть о смерти кого нибудь разнесется по аулу, какъ всѣ аульныя кошки привязываются и держатся въ такомъ заключеніи до самаго погребенія покойника, изъ опасенія, чтобы которая нибудь изъ нихъ не перескочила черезъ его тѣло. Ногайцы вѣрятъ, что если кошка перепрыгнетъ черезъ тѣло, то умершій будетъ по ночамъ посѣщать свое семейство. Поэтому каждый, изъ опасенія встрѣтить покойнаго гуляющимъ, привязываетъ свою кошку.

Мулла, наибъ или даже кадій, смотря по состоянію и достоинству умершаго, читаютъ молитвы, послѣ которыхъ въ сопровожденіи родственниковъ-мужчинъ, ѣдущихъ верхомъ, и женщинъ въ арбахъ или идущихъ пѣшкомъ, покойника кладутъ на арбу, везутъ на кладбище, устроенное непремѣнно на курганѣ, для того, чтобы сократить путь правовѣрному въ рай, обѣщанный ему кораномъ.

Во время печальной процессіи никто не плачетъ, а всѣ вспоминаютъ только одни похвальныя качества умершаго. По прочтеніи духовнымъ лицомъ особой молитвы, покойника опускаютъ въ могилу и



НОГАЕЦЪ.

кладутъ въ небольшое углубленіе, сдѣланное въ могилѣ съ южной стороны. По возвращеніи присутствующихъ въ домъ умершаго открывается женскій плачъ необходимый для того, чтобы оплакать и проводить душу умершаго. Плачъ этотъ продолжается не болѣе полчаса, т. е. столько времени, сколько необходимо по понятію кара-ногайца для того, чтобы душа достигла до мѣста своего назначенія.

Пока женщины плачутъ, мужчины, сѣвши въ кружокъ, уничтожаютъ въ значительномъ количествѣ маханъ (вареная баранина), запивая его шорбомъ (отваръ изъ бараньяго мяса, нѣчто въ родѣ бульона) и аракомъ (родъ водки дѣлаемой изъ проса или пшена). За ѣдою до отвала слѣдуютъ еще нѣсколько возаыханій о покойномъ, и затѣмъ всѣ расходятся.

Убитый на войнѣ или кѣмъ либо изъ злодѣевъ считается праведникомъ и его, не обмывая, зашиваютъ окравленнаго въ мѣшокъ и опускаютъ въ могилу. Душа такого счастливца попадаетъ въ рай съ послѣднимъ его вздохомъ. Надъ могилой такого покойника ставится флагъ для указанія каждому правовѣрному, что здѣсь покоится праведный.

По окончаніи шести недѣль со дня смерти дѣлаются поминки открываемыя молитвою, которую читаетъ мулла, а затѣмъ слѣдуетъ плачъ женщинъ и обычное угощеніе. Вещи и другія мелочи, принадлежавшія покойному раздаются въ этотъ день нищимъ и, начиная съ этого дня, вдова можетъ снова выйти замужъ, а родственники снять трауръ, состоящій обыкновенно изъ чернаго платка у женщинъ, и черной шапки у мужчинъ.

XII. СВАНЕТЫ ИЛИ ШАНЫ.

Религіозный и семейный бытъ народа.

По сосѣдству съ абхазскимъ племенемъ и на востокъ отъ него, въ верховьяхъ р. Ингура и его притоковъ, поселились сванет народъ до сихъ поръ еще мало извѣстный, по крайней ограниченности извѣстныхъ о немъ этнографическихъ свѣдѣній.

Часть сванетовъ, поселившаяся въ верховьяхъ р. Цхенис-Цхали и бывшая прежде подвластною владѣтелямъ Мингреліи, называется Дадіановскою Сванетіею. Остальное населеніе, размѣстившееся по верховьямъ Ингура и многочисленнымъ его притокамъ, раздѣляется на Вольную и Княжескую Сванетію.

Страна эта есть одна изъ самыхъ возвышенныхъ мѣстъ, обитаемыхъ въ горахъ Кавказа, и представляетъ собою ущелье, обнесенное со всѣхъ сторонъ горами и простирающееся въ длину до 110, а въ ширину до 50 верстъ, съ населеніемъ до 11 т. душъ.

Суровость скалъ и самаго ущелья иногда смѣняется разнообразными видами богатой растительности на небольшихъ полянкахъ, попадающихся при впаденіи въ Ингуръ его притоковъ. Здѣсь ростетъ мелколиственная пальма, каштанъ, стройный букъ и высокоподымающіяся хвойныя породы лѣса, а подъ ними пріютились рододендронъ, остролистъ и т. п.

Замкнутая въ котловинѣ Кавказскаго хребта, Сванетія считается однимъ изъ самыхъ дикихъ мѣстъ Кавказа, какъ въ топографическомъ отношеніи, такъ и относительно нравовъ ея жителей. Въ то-

нографическомъ отношеніи Сванетія занимаетъ центральное положеніе въ западномъ Кавказѣ до того уединенное, замкнутое, что страна эта представляется какъ бы отдѣльнымъ островомъ среди цѣлаго океана горъ. Такая замкнутость имѣла и имѣетъ большое вліяніе на характеръ, нравы и обычаи народа. Сванетъ также недоступенъ и дикъ, какъ и природа его окружающая. Доступъ въ Сванетію возможенъ только въ теченіи короткаго лѣта и почти прекращается въ теченіи продолжительной зимы.

Въ Сванетіи, какъ и во всякой горной странѣ, много климатическихъ особенностей, въ зависимости отъ которыхъ находится и земледѣліе ея жителей. Склонные къ земледѣлію, сваneты содержатъ свои поля очень чисто и въ нихъ плевела попадаются весьма рѣдко.

Сванетія болѣе населена и лучше обработана, чѣмъ многія изъ горскихъ владѣній. Ничтожность промышленности заставила народъ обратиться къ единственному источнику пропитанія и богатства— хлѣбопашеству, и надо сказать, что трудъ землевладѣльца вознаграждается достаточно, хотя сванетъ крайне лѣнивъ и потому бѣденъ.

Домъ сванета каменный и состоитъ изъ большой двухъ-этажной постройки, выбѣленной и съ окнами въ видѣ бойницъ.

Сваneты любятъ строить свои дома на выдающихся холмахъ около скалистыхъ обрывовъ, съ тѣмъ, чтобы господствовать надъ окружающею мѣстностію. Деревни ихъ раскинуты по терассамъ, на склонахъ горъ, и, по мѣрѣ удаленія въ горы и возвышенія надъ уровнемъ моря, они все болѣе скучиваются.

Домъ широкимъ своимъ бокомъ прилегаетъ къ четыреугольной высокой башнѣ, съ четырехъ сторонъ которой устроены въ самомъ верху ея амбразуры, а надъ амбразурами выступаютъ изъ стѣны небольшіе своды. Башни раздѣляются на нѣсколько этажей, но не составляютъ принадлежности домовъ всей Сванетіи, и тамъ, гдѣ туземецъ не имѣетъ надобности скрываться подъ ихъ защитою, башни не строятся.

Верхній этажъ дома отдѣляется отъ нижняго бревенчатымъ поломъ; такіе же полы разграничиваютъ на нѣсколько этажей и башню. Толстыя доски, съ вырубленными въ нихъ ступенями, замѣняютъ лѣстницы, по которымъ производится сообщеніе нижняго этажа съ верхнимъ какъ въ жиломъ домѣ, такъ и въ башняхъ. Съ наружной стороны къ дому приставлена такая же лѣстница, которая верхнимъ своимъ концомъ прислоняется противъ верхняго этажа къ деревянному балкону. Въ случаѣ нападенія, сванетъ втаскиваетъ эту лѣстницу внутрь, забиваетъ двери изъ нижняго этажа въ верхній, и тогда домъ его обращается въ крѣпость. Полъ въ домѣ сванета каменный, комнаты просторны, но стѣны и потолки лоснятся отъ копоти и черны какъ уголь. Топка производится въ очагѣ, расположенномъ посреди комнаты и не имѣющемъ дымовой трубы.

Сванетъ живетъ зимою въ нижнемъ этажѣ своего дома и загоняетъ туда же свой скотъ, а на лѣто переселяется въ верхній этажъ.

Внутри комнаты бѣдно, и при самомъ входѣ въ домъ, на пеньковыхъ веревкахъ, виситъ небольшой ящикъ (кубъ), сдѣланный въ видѣ домика, гдѣ хранится сыръ и свѣжее молоко.

Почти около каждаго дома есть огородъ, гдѣ сѣютъ коноплю и горохъ; четыреугольныя и даже квадратныя пашни, здѣсь и тамъ, раскинуты около деревни и обнесены изгородью.

Подлѣ дома устроены небольшіе сквозные деревянные амбары, крытые соломою, для сохраненія кукурузы, и часто, въ предохраненіе отъ сырости и мышей они, не касаясь пола, стоятъ на нѣсколькихъ столбахъ.

Свободное время, а въ особенности праздники, сванетъ проводитъ въ стрѣльбѣ и попойкѣ. Попойки бываютъ днемъ и ночью то у одного, то у другаго. Обыкновенно домъ хозяина наполняется народомъ, который размѣщается гдѣ попало: кто на землѣ, кто на скамейкахъ, устроенныхъ въ видѣ креселъ и диванов съ рѣзными спинками Женщины тутъ-же пекутъ хлѣбъ на шиферныхъ плитахъ, утверж-

денныхъ на каменныхъ или желѣзныхъ столбахъ; мясо варится въ чугунныхъ котлахъ, повѣшенныхъ въ саклѣ на желѣзныхъ крючьяхъ.

Пища сванета проста и неразнообразна. Она состоитъ изъ хлѣба, испеченаго изъ ржаной муки въ видѣ комковъ и безъ дрожжей; до чрезвычайности соленаго сыра и арака—родъ водки, которую гонятъ изъ проса.

Существенныя увеселенія сванетовъ состоятъ въ сходбищахъ и пляскахъ. Пѣсни ихъ грубы, суровы и состоятъ въ прославленіи войны, народныхъ героевъ и охоты. По большой части онѣ риѳмованы и заимствованы у имеретинъ.

Дикая и суровая природа Сванетіи сдѣлала и обитателей ихъ не менѣе суровыми; они являются какимъ-то остаткомъ древняго человѣчества, до котораго не коснулась ни одна пылинка просвѣщенія. Всѣ жители чрезвычайно привязаны къ своей родной почвѣ, и многіе изъ нихъ рѣдко посѣщаютъ сосѣдей.

Черты лица сванета напоминаютъ горныхъ грузинъ. Жители, въ особенности Княжеской Сванетіи, болѣе чѣмъ средняго роста, стройны и излишнюю толстоту считаютъ за порокъ, какъ слѣдствіе невоздержной жизни. Имѣя здоровой видъ, сванеты по большой части бѣлокуры, брѣютъ бороду, но оставляютъ усы, волосы стригутъ въ скобку и сзади немного подбриваютъ. Женщины также бѣлокуры и рѣдко встрѣчаются съ темнорусыми волосами, глаза голубые, носъ прямой, продолговатый, ротъ небольшой и вообще окладъ лица довольно правильный. Природа надѣлила сванетовъ значительною физическою силою, хорошими умственными способностями и быстрымъ соображеніемъ, но кругъ свѣдѣній ихъ чрезвычайно ограниченъ, какъ и языкъ ихъ. Не имѣя своей письменности, они употребляютъ грузинскія письмена.

Можно сказать, что всѣ сванеты крещены, но далеко нельзя сказать, что всѣ они христіане. Нужно много усилій и значительное время для того, чтобы очистить отъ языческаго элемента религіоз-

ныя и нравственныя ихъ воззрѣнія. Но въ Сванетіи сдѣлать это гораздо легче, чѣмъ среди другихъ горскихъ племенъ, потому что въ основаніи религіозныхъ возрѣній этого народа лежатъ все таки истины христіанскаго ученія, хоть и въ искаженномъ видѣ.

Въ настоящее время христіанство обратилось у сванетовъ въ чистое идолопоклонство. Они уважаютъ сохранившіеся образа, приписываютъ каждому изъ нихъ какое нибудь особое свойство и почитаютъ Спасителя, Богородицу, св. Георгія и архангела Гавріила. При видѣ иконы, на лицѣ сванета выражается благоговѣніе; но молясь, онъ не крестится и не снимаетъ шапки; считаетъ себя недостойнымъ, какъ грѣшникъ, поцѣловать икону, а при видѣ ея чмокаетъ губами, какъ бы цѣлуя окружающій ея воздухъ.

Съ потерею письменности, народъ потерялъ способность и умѣнье читать священныя книги, утратилъ настоящій смыслъ религіи, а неграмотные священники, передавая изустно своимъ дѣтямъ обряды религіи, искажали ихъ съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе.

Въ Сванетіи очень много храмовъ: даже въ самой незначительной деревнѣ находится ихъ по нѣскольку. Особенно нацолнена ими Вольная Сванетія.

Церкви построены изъ грубо-вытесаннаго пористаго камня и покрыты тесомъ. Онѣ содержатся весьма неопрятно. Самый обрядъ богослуженія совершается только однимъ сословіемъ духовенства. Существованіе среди народа особаго класса духовенства принесло ту важную услугу, что оно ревниво оберегало свою, хотя и искаженную, религію отъ вторженія всякихъ постороннихъ ученій. Слѣдствіемъ того было, что сванеты, не смотря на соблазнъ и примѣръ нѣкоторыхъ изъ князей, остались чуждыми магометанскому ученію, пытавшемуся проникнуть къ нимъ съ сѣвернаго Кавказа. Такое противодѣйствіе со стороны духовенства значительно облегчило впослѣдствіи крещеніе почти всѣхъ сванетовъ, такъ что въ 1865 году считалось только 300 душъ некрещенныхъ жителей..

Ни одеждой, ни образомъ жизни, духовенство не отличается отъ мірянъ.

Не смотря на значительный упадокъ христіанства, слѣды его остались въ отправленіи сванетами немногихъ годовыхъ и, въ значительномъ числѣ, церковныхъ празднествъ. Великій постъ въ большомъ уваженіи среди народа. Во все время поста жители не ѣдятъ ничего мяснаго, а употребляютъ въ пищу горохъ, бобы и разныя овощи.

Сванеты до чрезвычайности суевѣрны: вѣрятъ въ разныя примѣты и сновидѣнія, и охотники толковать ихъ. Они обращаютъ вниманіе на различныя предзнаменованія. Сванетъ не пойдетъ иначе на грабежъ, какъ сначала попробуетъ счастія выстрѣломъ по птицѣ, и если не убьетъ ее, то остается дома, съ убѣжденіемъ, что не будетъ ему удачи въ предпріятіи.

Всѣ они отличные стрѣлки до такой степени, что убить птицу не въ голову считается промахомъ. Дурная погода внушаетъ народу особый страхъ. Появленіе незнакомца во время дождя или посѣщеніе имъ въ такую погоду ихъ церкви, принимается жителями какъ знакъ не беснаго гнѣва. Чтобы не накликать себѣ дождя или грозы во время похода, не слѣдуетъ, по понятію туземца, говорить между собою. Для этого сванеты обыкновенно ходятъ другъ за другомъ, поютъ духовныя пѣсни про себя и такъ тихо, чтобы передній не слыхалъ задняго и обратно.

Съ наступленіемъ дождливой погоды, они дѣлаются неразговорчивы и прибѣгаютъ къ гаданію.

Нравственная сторона характера представляетъ смѣсь хорошихъ и дурныхъ качествъ. Сванетъ чрезвычайно впечатлителенъ, помнитъ добро, признателенъ и всегда веселъ. Онъ гостепріименъ, радушенъ, но любитъ попрошайничество и требуетъ вознагражденія за каждую незначительную услугу. Сванеты цѣломудренны, вѣрны своему слову и клятвѣ, но за то горды, мстительны, скрытны и суевѣрны въ выс-

шей степени. Гордость не мѣшаетъ имъ имѣть о себѣ самое низкое понятіе. Туземецъ не скрываетъ своего невѣжества и своихъ пороковъ, и при этомъ сознается, что у него нѣтъ рѣшимости и силы воли, чтобы исправить себя.

Лично они храбры, но неспособны къ дружному дѣйствію противъ враговъ; у нихъ нѣтъ единства дѣйствія.

Вообще характеръ сванета весьма непостоянен: онъ то занимается хлѣбопашествомъ, то, бросивъ его, пускается въ торговлю, то ищетъ пропитанія въ одномъ грабежѣ. Въ немъ нѣтъ воинственности, нѣтъ отваги и того молодечества, которое внушаетъ презрѣніе къ опасности. Онъ не нападаетъ явно, но за кустомъ и камнемъ выжидаетъ противника, захватываетъ добычу тайкомъ и спасается безъ оглядки въ своихъ неприступныхъ горахъ.

Удивительное искусство ходить по горамъ и тропамъ скоро и много и терпѣніе въ перенесеніи трудовъ въ дорогѣ доставляютъ ему полную защиту отъ преслѣдованія и наказанія. Огромныя трещины горъ наполняются снѣгомъ, сглаживающимъ всѣ пропасти; порывистые вѣтры свирѣпствуютъ съ ужасною силою, а смѣлый сванетъ, надѣвъ на ноги большія деревянныя тхеламзаури и пасшись длиннымъ остроконечнымъ шестомъ, отправляется на разсвѣтѣ въ путь. Гдѣ для другаго нѣтъ никакой возможности пройти, тамъ сванетъ, безъ особой усталости, сдѣластъ до 70-ти верстъ въ сутки, перенесетъ на себѣ тяжелые вьюки и пройдетъ черезъ глубокіе снѣга и страшныя пропасти съ такимъ же хладнокровіемъ и спокойствіемъ, какъ-бы гулялъ по своему двору. Во время пути онъ можетъ оставаться безъ пищи два и даже три дня, а при случаѣ съѣстъ за однимъ обѣдомъ трехдневную порцію.

Костюмъ сванета мало чѣмъ отличается отъ костюма имеретинца и мингрельца.

Будучи некрасива, женщина къ тому же и нечистоплотна, но любитъ рядиться въ серебряные или мѣдные чапрасты (грудное укра-

шеніе), и пуговицы изъ этихъ-же металловъ составляютъ любимѣйшее ея украшеніе.

По понятію сванета, красавица та, которая имѣетъ широкія плечи, маленькія ножки, полную грудь и тонкій станъ. Для сбереженія стройности стана, нѣкоторыя обшиваютъ дѣвушекъ, на десятомъ году отъ рожденія, сырою кожею отъ бедръ до груди. Въ такомъ положеніи дѣвушка остается до брачнаго ложа, и тогда женихъ разрѣзываетъ эту шнуровку кинжаломъ.

За жену сванетъ, по обычаю, долженъ заплатить 60 коровъ, — цѣна весьма большая и при значительномъ скотоводствѣ, а потому каждый предпочитаетъ взять ее силою, и часто за одну женщину, за право обладать ею, перерѣжутся предварительно множество претендентовъ. Тотъ-же недостатокъ прекраснаго пола вызвалъ и другой, не менѣе странный обычай. Если замужняя женщина понравится мужчинѣ, то онъ ищетъ случая привязать пулю къ ея головному убору и, высказавъ этимъ способомъ притязаніе на нее, убиваетъ мужа и беретъ понравившуюся женщину къ себѣ.

Послѣ сговора и уплаты калыма, невѣста переходитъ въ домъ жениха. Тамъ молодыхъ сажаютъ, священникъ связываетъ полу платья жениха съ рукавомъ платья невѣсты. Произнося сначала «во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа», а потомъ: «слава Отцу, и Сыну и Святому Духу», поздравляетъ молодыхъ — и свадьба окончена.

Каждый сванетъ одновременно можетъ имѣть только одну жену; но если-бы ему захотѣлось жениться на другой, то это весьма легко исполнить: стоитъ только прогнать первую жену. Въ случаѣ смерти мужа, жена переходитъ къ его брату, и если переживетъ его, то ко второму, третьему и т. д., въ томъ случаѣ, если они холосты; но если братья умершаго женаты, то она свободна и вольна выйдти замужъ за постороняго. Въ послѣднемъ она не можетъ встрѣтить затрудненія, потому-что женщины въ Сванетіи очень рѣдки, и нѣтъ та-

кой старухи-вдовы, которая бы, послѣ смерти мужа, тотчасъ-же не нашла себѣ другаго, и очень часто молодаго.

Жена находится въ полномъ распоряженіи мужа. Онъ ея повелитель и судья, въ рукахъ котораго находится жизнь и смерть женщины. Спрашивать сванета о здоровьѣ жены, значитъ обидѣть его, и самому сдѣлать неприличный поступокъ; одни родственники могутъ спросить мужа о здоровьѣ жены, да и то не при постороннихъ. Мужъ считаетъ за стыдъ сидѣть вмѣстѣ съ женою и, вообще, неохотно говоритъ съ нею.

Не смотря на рабское положеніе женщины въ семействѣ, она пользуется нѣкоторою свободою и отличается непринужденностью при обращеніи съ посторонними. Въ противность всѣмъ горскимъ женщинамъ, сванетки легко вступаютъ въ разговоръ, шутятъ, прислуживаютъ и кокетничаютъ. Женщины принимаютъ участіе во всѣхъ народныхъ собраніяхъ и увеселеніяхъ, составляютъ хороводы, поютъ, пляшутъ, нисколько не стѣсняясь и не дичась ни соплеменниковъ, ни чужеземцевъ.

Мужчина смотритъ на женщину, какъ на существо нечистое.

Сравнительно съ мужчинами, женщинъ весьма мало—отъ гнуснаго обычая убивать новорожденныхъ дѣвочекъ. Обычай этотъ существовалъ между богатыми и бѣдными, между дворянамм и крестьянами, и былъ вызванъ убѣжденіемъ, что убійство дѣвушекъ вознаграждается рожденіемъ сына; а сванеты, по своему положенію, нуждались въ мужскихъ рукахъ и, какъ всѣ неразвитыя племена, давали предпочтéніе мальчику передъ дѣвочкою. Обычай этотъ былъ такъ распространенъ, что можно было встрѣтить семейство, въ которомъ родители убили до пяти новорожденныхъ дѣвочекъ.

При жизни отца и братьевъ, женщина не имѣетъ права на выдѣлъ какой бы то ни было части изъ имѣнія; убить женщину считается низкимъ, а прекрасный полъ пользуется этимъ и принимаетъ участіе во всѣхъ ссорахъ и рѣзнѣ. Стоитъ только женщинѣ, безъ покрывала, съ рас-

пущенными волосами, броситься въ толпу враждующихъ, какъ кровопролитіе тотчасъ-же прекращается. Сванетъ, скрывшійся отъ преслѣдованія въ женскомъ отдѣленіи дома, или прикоснувшійся до женщины рукою, остается невреднымъ. Никакое мщеніе, наказаніе, а тѣмъ болѣе убійство, не можетъ быть совершено въ присутствіи женщины. Ихъ посредничество принимается въ ссорѣ; но женщины не имѣютъ права быть свидѣтельницами въ процессахъ. Церковь считается оскверненною, если женщина войдетъ въ нее: она можетъ входить въ предѣлъ, но не дальше. Столь презрительный взглядъ на женщину до такой степени укоренился въ средѣ сванетовъ, что сами женщины убѣждены въ томъ, что образа не вынесутъ ихъ присутствія.

Когда молодая жена родитъ въ первый разъ ребенка, тогда отецъ вручаетъ ей повязку и покрывало—исключительный нарядъ замужней женщины. Во время родовъ и послѣ ихъ, женщина, въ теченіи 40 дней считается нечистою и оставляется на произволъ: прикоснуться къ ней въ это время, пока священникъ не окропитъ ее водою, значитъ осквернить себя. Самое окропленіе производится издали, при помощи палки.

Родившійся ребенокъ считается до крещенія также нечистымъ. Крещеніе младенца производится весьма разнообразно въ различныхъ обществахъ: въ однихъ обществахъ оно ограничивается сотвореніемъ надъ новорожденнымъ крестнаго знаменія; въ другихъ младенца погружаютъ въ воду и помазываютъ мукомъ изъ орѣховаго масла. Обрядъ этотъ исполняетъ крестный отецъ. Есть и такія общества, у которыхъ крещеніе замѣняется тѣмъ, что отецъ кидаетъ въ колыбель новорожденнаго двѣ пули: одну за себя, другую за него.

Сванеты, особенно въ сѣверныхъ частяхъ владѣній, открыто пользуются правомъ сильнаго, для котораго жизнь человѣка не имѣетъ никакого значенія.

Убить человѣка за самую ничтожную вещь или плату, ничего не значитъ. Христіанская религія, принятая во второй разъ народомъ, пока еще не принесла плодовъ. Въ Вольной Сванетіи трудно найти человѣка, который бы не совершилъ нѣсколькихъ убійствъ. Оттого въ Сванетіи съ давнихъ временъ враждуютъ деревня противъ деревни, общество противъ общества. Сванетъ въ домѣ и внѣ дома боится встрѣтится съ кровоместникомъ. Какъ только садится солнце, онъ, боясь нападенія, загоняетъ свой скотъ и запираетъ ворота. Ночью онъ почти никогда или очень рѣдко выѣзжаетъ изъ дому.

Сванетъ строитъ крѣпкое жилье съ массивною оградою, съ единственною цѣлью дать своему семейству убѣжище во время нападеній. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ закладываетъ и забиваетъ нижнюю дверь, служащую для прохода скота, снимаетъ лѣстницеобразную доску отъ верхнихъ дверей, по которой обитатели входятъ и выходятъ, и все семейство, запасшись провіантомъ, запирается въ многоэтажной башнѣ. Изъ дому въ домъ открывается стрѣльба, часто продолжающаяся по нѣскольку недѣль; люди и животныя одинаково подвергаются выстрѣламъ.

Во время подобной засады, дозволяется только постороннимъ свободный входъ въ оба враждующіе дома для снабженія тѣхъ и другихъ пищею и водою и для принятія мѣръ къ примиренію враждующихъ. Съ объявленіемъ мира, если случилось смертоубійство, то выборные опредѣляютъ цѣну крови, но это не мѣшаетъ получившему плату, отправить, при удобномъ случаѣ, на тотъ свѣтъ виновнаго въ смертоубійствѣ, а полученную плату бросить ему на дворъ. Эти враждебныя соотношенія довели сванетовъ до того, что иной не смѣетъ перейти черту своего поля, а когда воздѣлываетъ землю, то братъ или другой родственникъ оберегаетъ его со взведеннымъ куркомъ у ружья. За то ни одинъ сванетъ не разстается съ оружіемъ, и малѣйшая обида или ссора оканчивается выстрѣломъ.

Своеобразный характеръ сванетовъ выразился и въ похоронномъ обрядѣ. Каждый имѣетъ на кладбищѣ или въ церковной оградѣ свой участокъ; занимать чужой участокъ не допускается, а неимѣющіе его хоронятся внѣ ограды. Въ самой церкви и у стѣнъ ея похороны строго воспрещены; дѣти моложе трехъ лѣтъ зарываются въ домѣ или во дворѣ. На общемъ кладбищѣ не хоронятъ незаконнорожденныхъ, умершихъ неестественною смертію, и тѣла разлагающіяся вслѣдъ за кончиною. Въ дурную погоду не хоронятъ вовсе: покойникъ долженъ пролежать, пока не прояснится, и если дождь продолжителенъ, то вся деревня, помимо воли родныхъ, относитъ покойника и хоронятъ его въ какомъ-нибудь уединенномъ и пустынномъ мѣстѣ.

Если въ первую недѣлю послѣ похоронъ пойдетъ дождь, то покойника вынимаютъ изъ могилы и относятъ дальше: если это все не поможетъ прекращенію дурной погоды, то трупъ бросаютъ просто въ яму и, не зарывая его землею, закладываютъ досками и наваливаютъ камни.

Умершаго обмываютъ, брѣютъ, надѣваютъ на него платье, обрѣзываютъ ногти и, давъ въ руки свѣчи, кладутъ въ деревянный гробъ. Вся деревня собирается на похороны; приходятъ даже и тѣ, которые были во враждѣ съ покойнымъ.

Открывается обрядъ оплакиванія: толпа раздѣляется на кучки, которыя однѣ за другими входятъ въ домъ, становятся передъ покойникомъ на колѣна и начинаютъ голосить. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сванетіи существуетъ оригинальный обычай устраивать оплакиваніе при жизни мнимаго покойника. Приготовивши пиръ, хозяинъ созываетъ гостей, укутывается какъ покойникъ и, ставъ въ углу, остается въ неподвижномъ состояніи. Родные подходятъ къ нему по очереди и, съ громкими воплями и рыданіями, выхваляютъ доблести воображаемаго покойника.

Послѣ оплакиванія слѣдуетъ выносъ: впереди ведутъ быка, коро-

ву или теленка, которые потомъ передаются священнику; затѣмъ слѣдуетъ мезаре съ колокольчикомъ, потомъ священникъ съ крестомъ въ рукѣ. Присутствующіе подвигаются сзади медленно, въ извѣстномъ порядкѣ: мужчины, снявъ шапки, а женщины—лечаки. Плачъ пѣніе молитвъ, съ акомпаниментомъ балалайки, сливаются въ одинъ общій гулъ.

На кладбищѣ во время отпѣванія всѣ становятся на колѣни. Самое отпѣваніе состоитъ въ одномъ произнесеніи словъ: «Слава Отцу, и Сыну, и Святому духу» и въ прочтеніи нѣсколькихъ молитвъ, не принадлежащихъ, впрочемъ, исключительно этому случаю.

По окончаніи погребенія, всѣ отправляются въ домъ умершаго, гдѣ обѣдаютъ и напиваются. Родственники носятъ траурное черное платье; мужчины отращиваютъ бороды, на 6 или 7 мѣсяцевъ; дворяне носятъ трауръ два года, крестьяне менѣе. Мужчины не ѣдятъ мяса двѣ недѣли, а женщины иногда нѣсколько лѣтъ. Круглый годъ, за обѣдомъ и ужиномъ, оставляютъ на столѣ блюда для покойника, какъ бы ожидая его прихода, а каждую субботу относятъ на могилу хлѣбъ, аракъ и сыръ, дѣлающіеся достояніемъ священника, которому отдаютъ и все платье покойника послѣ общихъ поминокъ, дѣлаемыхъ въ концѣ года.

Если случится, что сванетъ умретъ вдали отъ родины, то родственники употребляютъ все стараніе, чтобы перенести его останки на свое кладбище. Если же онъ похороненъ, то довольствуются соблюденіемъ весьма оригинальнаго обычая, происхожденіе котораго основано на вѣрованіи въ переселеніе душъ.

Однажды бывшій въ Кутаисѣ сванетъ заболѣлъ, былъ отправленъ въ госпиталь, гдѣ и умеръ. Вскорѣ явились его родственники и просили выдать имъ тѣло покойника, но какъ оно было уже похоронено, то въ просьбѣ этой имъ было отказано. Тогда сванеты подошли къ кровати, на которой скончался ихъ одноземецъ; ставши передъ ней на колѣни, они шептали какія-то слова и оплакивали умершаго;

потомъ пошли на кладбище къ его могилѣ, и надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежала его голова, вылили бутылку водки, выкопали небольшую яму, и посадили въ нее пѣтуха (для женщины сажаютъ курицу). Затѣмъ взяли съ могилы горсть выкопанной земли, завязали ее въ узелокъ, и, послѣ долгаго шептанія, понесли пѣтуха домой, наигрывая на чонгурѣ, напѣвая погребальную пѣсню и никому не отвѣчая на дѣлаемые имъ вопросы.

По ихъ понятію, этихъ обрядовъ совершенно достаточно, чтобы душа покойника переселилась въ пѣтуха. Они спѣшили отнести ее къ матери умершаго и тамъ уже совершали надъ пѣтухомъ и землею оплакиваніе и поминки, какъ бы надъ самимъ покойникомъ.

КАРТВЕЛЬСКОЕ ИЛИ ГРУЗИНСКОЕ ПЛЕМЯ.

Начиная отъ восточнаго берега Чернаго моря и почти до слія-нія р. Куры съ Алазанью, все пространство между главнымъ хребтомъ и сѣверными скатами хребтовъ Аджарскаго и малаго Кавказа занято племенемъ картвельскимъ, или грузинскимъ.

При вступленіи въ подданство Россіи, картвельское племя раздѣлялось на четыре самостоятельныя части: собственно Грузію, или Грузинское царство, Имеретію, Мингрелію и Гурію, управлявшіяся отдѣльными самостоятельными владѣльцами.

Грузинская народность сохранилась въ Имеретіи и Мингреліи гораздо лучше, чѣмъ въ самой Грузіи. Въ этихъ частяхъ почти все населеніе принадлежитъ исключительно къ одному картвельскому племени, тогда какъ въ Грузіи народонаселеніе въ значительной степени перемѣшано съ татарами и армянами. Причиною тому историческая судьба Грузинскаго царства, подвергавшагося значительнымъ и частымъ раззореніямъ.

Такая пестрота населенія Грузіи была причиною того, что картвельская народность, въ территоріальномъ отношеніи, перемѣшалась съ другими народностями и, не сохранивъ той сплошной населенности, какая существуетъ въ Имеретіи и Мингреліи, удержала, однако же, свою особенность въ нравахъ и обычаяхъ.

Мы сначала опишемъ собственно грузинъ, а потомъ мингрельцевъ, имеретинцевъ и гурійцевъ.

III. ГРУЗИНЫ.

По лощинамъ и скатамъ горъ раскинуты грузинскія деревни. Издали они кажутся неправильною насыпью или грудою развалинъ. Въ Карталиніи многія села и деревни лишены садовъ; въ Кахетіи напротивъ того, всѣ строенія тонутъ въ зелени. Въ самомъ расположеніи деревни нѣтъ, собственно, ничего характеристичнаго, опредѣленнаго: двухъ-этажный домъ стоитъ рядомъ съ землянкою, едва видною отъ горизонта земли.

Каждый строится тамъ, гдѣ ему вздумается, не обращая вниманія на то, нарушитъ ли онъ удобство другихъ, или займетъ дорогу. Улицъ нѣтъ; проходы между домами такъ узки и наполнены такими рытвинами, что одиночные всадники едва подвигаются впередъ. Грузины не имѣютъ привычки очищать улицъ; соръ и падаль валяются въ глазахъ всѣхъ и своимъ разложеніемъ заражаютъ воздухъ.

Посреди плоскихъ крышъ домовъ возвышаются конусообразныя насыпи съ отверстіемъ для выхода дыма, а вокругъ нихъ набросаны связки хвороста и терновника, идущаго на топку. Досчатый курятникъ и плетеный кузовъ на сваяхъ для кукурузы, на кормъ птицамъ, суть необходимыя пристройки къ дому.

Хата (сакля) простолюдина первобытной постройки. Она строится

изъ плетня, съ двумя отдѣленіями: одно для семейства, другое для кладовыхъ. Сакля доступна только со стороны входа. Крыша и задняя стѣнки приходятся въ уровень съ землею. Ее окружаютъ приземистый, колючій заборъ и деревья орѣшника, виноградника и плакучей ивы. Входъ въ саклю закрытъ навѣсомъ, устроеннымъ на небольшихъ столбикахъ, испещренныхъ весьма часто разными узорами.

Входная дверь ведетъ прежде всего въ дарбази—главную и самую большую комнату, посреди которой стоятъ два, а иногда и одинъ столбъ (дедабодзи), служащій опорою всему дому.

Пріемная, гостиная, кухня и самая семейная жизнь селянина сосредоточиваются въ этой комнатѣ. Къ потолку придѣлана желѣзная цѣпь съ крючкомъ, на которомъ вѣшается котелъ. Въ барбази же разводится огонь или устраивается углубленіе, выложенное камнемъ, небольшой очагъ, служащій для приготовленія пищи и согрѣванія во время холода. Вокругъ очага семья собирается обѣдать; здѣсь же она и спитъ. Полъ въ саклѣ земляной и неровный. Вдоль задней стѣны дарбази идутъ деревянныя полки съ симметрически разставленною посудою.

Посуда состоитъ изъ азарпеши, небольшой серебряной чашечки съ тонкою продолговатою ручкою. Азарпеша имѣетъ видъ суповой разливательной ложки, на которой часто написано во всю длину ея, кому принадлежитъ и что стоитъ. Другой сосудъ—кула, т. е. кувшинъ съ узкимъ горлышкомъ, сдѣланный изъ орѣховаго дерева, покрытаго краснымъ лакомъ, или изъ корня грушеваго дерева, съ пустотою внутри.

Азарпеша и кула—сосуды, изъ которыхъ, по преимуществу, пьютъ вино. Когда пьютъ изъ кулы, то вино, стремясь изъ широкаго въ узкое и спиральное отверстіе, производитъ звукъ, похожій на воркованіе горлинки. Изъ кулы меньше выпьешь, за то скорѣе опьянѣешь.

Самый замѣчательный кубокъ грузинъ — это турій рогъ, часто

оправленный въ серебро; въ него помѣщается до полтунги вина (тунга 5 бутылокъ).

Остальная посуда состоитъ изъ деревянныхъ чашекъ грубой работы и глиняныхъ кувшиновъ, иногда натуральнаго цвѣта, а иногда муравленыхъ.

Въ противуположной входу стѣнѣ сакли, устроена большая нишь, въ которую укладываютъ постель. Мебель составляютъ широкіе, но низкіе тахты (родъ дивана), сколоченные изъ досокъ. Тахты поставлены вдоль одной или двухъ стѣнъ, покрыты разноцвѣтными коврами, съ красною мутакою (продолговатая подушка). У третьей стѣны стоятъ сундуки, окованные желѣзомъ или обтянутые кожею, и кидобани (деревянный ящикъ) для храненія хлѣба. Тутъ же стоятъ кувшины для воды и другая мелкая утварь.

По стѣнамъ развѣшаны военные доспѣхи хозяина, покрытые весьма часто значительнымъ слоемъ копоти. Пища приготовляется въ самой саклѣ, въ висящемъ надъ очагомъ котлѣ, и оттого постоянное пребываніе въ комнатѣ дыма рѣжетъ глаза и коптитъ всю внутренность дома. Пламя, поднимаясь, нагрѣваетъ саклю. Къ балкѣ, упирающейся въ потолокъ, привѣшенъ глиняный или желѣзный шкаликъ съ растопленнымъ саломъ. Горящій фитиль его даетъ тусклый, мерцающій свѣтъ и, вмѣстѣ съ пламенемъ костра, составляетъ все освѣщеніе сакли.

Городской домъ грузина нѣсколько отличается отъ деревенскаго. Почти каждый домъ имѣетъ балконъ съ деревяннымъ навѣсомъ и огражденъ съ улицы заборомъ. Со всѣхъ же прочихъ сторонъ къ нему плотно пристраиваются различнаго вида и величины дома сосѣдей; здѣсь, также какъ и въ деревняхъ, нѣтъ никакого однообразія. Небольшія ворота ведутъ на дворъ, весьма рѣдко вымощенный булыжникомъ. Отъ воротъ до самаго дома тянется крытая галлерея, часто до такой степени низкая, что по ней можно пройти только согнувшись. Самое жилье состоитъ изъ одного покоя, столь обширнаго,

что изъ него можно было бы сдѣлать нѣсколько комнатъ съ залою. Полъ или земляной, или выложенный кирпичемъ; потолокъ составляютъ или неотесанные брусья, или выструганныя доски. Для согрѣванія устроенъ каминъ (бухари), имѣющій большое отверстіе безъ рѣшетки. Выталкиваемый вѣтромъ, дымъ стелется по всей комнатѣ.

Въ комнатѣ подѣланы ниши; будучи прикрыты дверями, онѣ образуютъ шкафы. Вдоль стѣнъ стоятъ низкіе диваны (тахты), покрытые разноцвѣтными коврами. На стѣнахъ висятъ бубенъ (дайра) и другіе музыкальные инструменты; тутъ же винтовка съ патронташемъ и пороховницею.

Подъ домомъ устроенъ темный, съ однимъ отверзстіемъ, погребъ, въ которомъ хранятся всѣ съѣстные припасы; сюда лѣтомъ ставятъ воду для прохлады всего жилья.

О переднихъ не имѣютъ и понятія: входныя двери ведутъ прямо въ жилую комнату. Для предохраненія отъ наружнаго холода, дверь завѣшиваютъ полостями. Тамъ, гдѣ въ домѣ нѣтъ камина, употребляютъ желѣзную или глиняную жаровню, часто причиняющую угаръ.

Простая баранья шапка грузина, окрашенная въ черный цвѣтъ, какъ-то особенно заломлена на-бокъ. Рубашка изъ синяго бумажнаго холста застегнута на правой сторонѣ голой шеи. Только во время сильныхъ холодовъ грузинъ повязываетъ шейный платокъ. Широкіе суконные шальвары поддерживаются на таліи шнуркомъ съ кисточками и, по привычкѣ общей всѣмъ грузинамъ, торчатъ на виду. Ситцевый архалукъ застегнутъ на рукахъ и груди множествомъ мелкихъ пуговицъ и стянутъ тремя обхватами канаусоваго пояса, къ которому привѣшенъ кинжалъ. Сверхъ архалука надѣвается чеха, которой рукововъ мужикъ никогда не закидываетъ за плечи. Икры его всегда обтянуты кожаными онучами; въ нихъ запущены концы исподень, которые у щиколки застегнуты тесемками, концами спускающимися внизъ.

Обыкновенно употребляются шкуровые лапти, а въ торжественныхъ случаяхъ сапоги изъ сырцовой кожи, хотя и грубой работы, но съ подковами и ременными тесемками или пуговками. Поверхъ всего надѣвается мохнатая бурка, особенно любимая грузинами, съ перевязью изъ полушелковаго платка на груди.

Грузинъ вообще неопрятенъ; въ продолженіи многихъ лѣтъ носитъ двѣ рубашки и неохотникъ мыть и стирать бѣлье. Надѣваетъ, новое платье только тогда, когда старое свалится съ плечъ или въ особенныхъ, торжественныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ. когда самъ женится, бываетъ на свадьбѣ, праздникѣ и т. д.

Костюмъ женщинъ очень живописенъ, но мы его не описываемъ ибо на рисункѣ это видно нагляднѣе.

Грузинъ любитъ попировать, пообѣдать и поужинать въ компаніи. Одинъ онъ ѣстъ очень мало, часто довольствуется сухимъ хлѣбомъ, зеленью и сыромъ. Для того же, чтобы пообѣдать въ компаніи, въ кругу пріятелей, грузинъ готовъ истратить за одинъ разъ сумму, ассигнованную на недѣльное его пропитаніе.

Передъ обѣдомъ всѣ умываютъ руки и затѣмъ обыкновенно располагаются на тахтахъ или вокругъ очага, на коврахъ или войлокахъ; ѣдятъ и пьютъ поджавши подъ себя ноги; папахъ не снимается съ головы, рукава чехи закинуты за плечи. Передъ обѣдающими растянута супра (скатерть), преимущественнаго синяго цвѣта, съ разными фигурами, неотличающимися изяществомъ рисунка. На ней, безъ приборовъ и безъ всякаго порядка, разбросаны чуреки, турьи рога, цвѣты и любимая грузинская зелень: эстрагонъ, кресс-салатъ и другія травы. Вмѣсто тарелокъ служатъ виноградные листья, или лаваши—тонкія и весьма длинныя прѣсныя лепешки. Ихъ пекутъ двухъ величинъ: поменьше для тарелокъ, а побольше употребляютъ вмѣсто салфетокъ.

Хозяйка разливаетъ и подаетъ блюда; три пальца замѣняютъ

вилки, а ножъ у каждаго неотлучно въ карманѣ, или въ особыхъ ножнаж кинжала.

Обѣдъ почти никогда не обходится безъ вина; каждому подносится кубокъ. Даже переносчикъ тяжестей и нищій никогда не садятся безъ вина за свою скудную трапезу.

Старшій въ домѣ провозглашаетъ здоровье всѣхъ присутствующихъ и отсутствующихъ, пьетъ за упокой умершихъ и, по обычаю, проливаетъ при этомъ каплю вина на полъ.

Прежде горячаго, подаютъ большіе куски говядины, сыръ съ зеленью, тешку, балыкъ и овощи. Жирный бозбашъ—супъ съ бараниной, приправленный маленькими кусочками курдючьяго сала, и чихиртма—мучной бульонъ, или скорѣе соусъ, на маслѣ съ яйцами и нарѣзанною курицею, употребляются грузинами предпочтительно передъ всѣми горячими. Шашлыкъ жарится во время самаго обѣда и подается въ нѣсколько перемѣнъ; пловъ ѣдятъ въ заключеніе обѣда.

Растительная пища изъ зелени до чрезвычайности разнообразна. Изъ одного и того же матеріала приготовляется нѣсколько разныхъ блюдъ, приправляемыхъ миндалемъ, изюмомъ, медомъ, шафраномъ, сушенымъ кизелемъ и прочими сластями и кислотами.

Вина во время обѣда выпивается много, но грузины пьяны бываютъ весьма рѣдко. «Здѣсь отъ материнскихъ сосцевъ переходятъ прямо къ лапкѣ бурдюка (кожаный мѣшокъ съ виномъ). Къ вину привыкаютъ съ малолѣтства. Въ Кахетіи, особенно обильной виномъ, часто мать не уложитъ спать ребенка, пока не дастъ ему выпить вина, несвойственнаго его возрасту; десятилѣтній мальчикъ легко отличаетъ въ винѣ примѣсь воды.

На шумныхъ грузинскихъ обѣдахъ женщины не принимаютъ участія; любезность и грація ихъ въ это время считается помѣхою. Женщины обѣдаютъ отдѣльно, въ сторонѣ, не смѣшиваясь съ мужчинами, и, случается, кутятъ на славу.

Затворничество женщинъ и отдѣленіе ихъ отъ мужчинъ сообщило

грузинскимъ праздникамъ особый, своеобразный колоритъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, кажется, не особенно сожалѣли о такомъ раздѣлѣ и предаются увеселеніямъ съ полнымъ энтузіазмомъ, особенно на свадьбахъ. Въ одномъ углу сакли кричатъ, поютъ и пьютъ мужчины; въ другомъ пляшутъ и также пьютъ женщины.

Компанію обносятъ сначала азарпешей, кулой, стаканами, а потомъ пускаютъ въ ходъ и турьи рога. Продолжителенъ кутежъ веселой компаніи, и только храпѣніе и пьяный бредъ, по временамъ, нарушаютъ общее веселье.

По походкѣ и одеждѣ идущаго можно сказать, къ какому сословію принадлежитъ онъ. Серебряная цѣпочка на груди, крашеные усы и шпоры, составляютъ принадлежность истаго азнаура (дворянина). Цѣпочка массивнѣе, шпоры, иногда всѣ серебряныя, составляютъ принадлежность товади (князя). Грузинъ, принадлежащій къ низшему сословію, при встрѣчѣ съ высшимъ, считаетъ невѣжливымъ поклониться первому: онъ ждетъ, пока не поклонится ему первымъ князь Усы въ особенномъ почетѣ у всѣхъ грузинъ. Ихъ привязанность къ усамъ доводитъ иногда до оригинальныхъ случаевъ, весьма хорошо характеризующихъ народный характеръ.

Съ самаго ранняго утра грузинъ оставляетъ свою саклю и проводитъ почти весь день въ лавкахъ или на базарѣ, гдѣ туземцы переливаютъ изъ пустаго въ порожнее. Базаръ въ кавказскомъ городѣ есть центральный пунктъ всей дѣятельности и всѣхъ новостей. Дѣятельность эта публичная и общественная; здѣсь ремесленникъ занимается своимъ дѣломъ при всемъ честномъ народѣ: вы съ улицы видите, какъ валяютъ тѣсто у булочника, какъ лошадь подковываютъ, какъ обтачиваютъ новый ножикъ, какъ починиваютъ старые сапоги, какъ брѣютъ намыленную голову правовѣрнаго. Лавки и мастерскія совершенно открыты для взоровъ праздныхъ наблюдателей, которые по цѣлымъ днямъ сидятъ на улицѣ, покуривая трубку и любуясь на кузнеца, загоняющаго гвозди въ конское копыто, на

портнаго, починивающаго грязные шаровары, или, наконецъ, на булочника, окончившаго свою утреннюю работу и собирающагося отдохнуть. Сложивъ въ кучу нѣсколько лавашей, онъ преспокойно ложится на нихъ, какъ на подушкахъ, и скоро засыпаетъ. Отъ дѣйствія палящихъ лучей солнца, обильный потъ спящаго струится по лавашамъ; но праздный зритель, грузинъ, не стѣсняется этимъ: будитъ его, покупаетъ одинъ изъ лавашей и, безъ всякаго отвращенія, употребляетъ въ пищу. Словомъ, жизнь грузина уличная и вполнѣ азіятская. Туземцы весь свой день, отъ восхода и до заката солнца, проводятъ на улицѣ.

Днемъ остаются дома только однѣ женщины. Грузинка, славящаяся красотою, занимается своимъ туалетомъ и разнощиками (далали), которые таскаютъ по домамъ принадлежности женскаго туалета.

Не смотря на рабское положеніе и отчужденность въ семействѣ, грузинскія женщины въ высшей степени безпечны и невозмутимо лѣнивы. Всѣ труды по хозяйству лежатъ здѣсь на попеченіи мужа, а жена, даже и бѣдная, думаетъ только о томъ, какъ бы нарядиться въ праздникъ. Но это равнодушіе къ труду туземной женщины проистекаетъ не изъ организаціи ея натуры, большею частію живой и дѣятельной, но изъ боязливой ревности мужчины выводить жену свою, черезъ участіе ея въ своихъ занятіяхъ внѣ дома, на позорище нѣсколькихъ чужихъ глазъ.

Женщины большія балагурки, не прочь посплетничать и будутъ говорить цѣлый день безъ устали. Онѣ готовы въ тихомолку пококетничать, не весьма далеки отъ какой бы то ни было интриги, будучи связаны разными обстоятельствами; ихъ окружаютъ, напримѣръ, сосѣдки, которыя замѣчаютъ каждое ихъ движеніе. Въ Грузіи не принято входить въ домъ, когда нѣтъ мужчины; нарушить это правило значитъ, подвергнуть грузинку укорамъ и насмѣшкамъ всѣхъ сосѣдей и знакомыхъ.

Вечеромъ все населеніе выходитъ изъ саклей и кучами распола-

гается или у дверей, или на крышахъ домовъ. Тамъ и сямъ, въ лѣтнюю пору, видны полураздѣтые туземцы, нѣжащіеся на коврахъ. Среди толковъ, сплетенъ и пересудовъ, разряженныя дѣвушки, собравшись въ кружокъ при звукѣ бубна, пляшутъ лезгинку. Лѣтомъ ужинаютъ на крышахъ, гдѣ и располагаются спать.

Съ наступленіемъ холодовъ, жизнь немногимъ измѣняется. Все семейство собирается подлѣ курси (родъ большаго ящика изъ рамъ, покрываемаго одѣяломъ), подъ которымъ ставятся жаровни съ угольями. Сюда грузинки прячутъ свои ноги. Тамъ, гдѣ нѣтъ очага, употребляютъ мангалъ, а у бѣдныхъ просто глиняную чашку, наполненную углями.. Грѣться у мангала составляетъ особенное наслажденіе для грузина и есть своего рода занятіе. Проводитъ ли туземецъ время въ разговорахъ, занимается ли дѣломъ—онъ, отъ времени до времени, протягиваетъ руки къ мангалу, чтобы погрѣть ихъ. Мангалъ употребляютъ для плавки серебра, онъ же служитъ и очагомъ для жаренія шашлыка. Чадъ отъ угольевъ не причиняетъ головной боли владѣтелямъ мангала, привыкшимъ къ такому кейфу.

Характеръ грузина высказывается въ праздники.

Въ праздникъ грузинъ одѣвается щеголевато; любитъ, въ компаніи съ туземною музыкою, пройтись по базару, посмотрѣть на кулачный бой или самому въ немъ участвовать. Кулачные бои бываютъ цѣлыми партіями на двѣ стороны. Въ городѣ всегда есть бойцы, извѣстные своею силою и ловкостію. Босые, въ однѣхъ рубашкахъ съ засученными рукавами, бойцы выступаютъ на арену, окруженную толпою любопытныхъ.

Вообще борьба составляетъ самую лучшую потѣху для грузинъ. Въ праздникахъ общихъ каждая деревня выставляетъ своего бойца; торжество его составляетъ торжество цѣлой деревни. Помѣщики также выдвигали своихъ искусныхъ бойцевъ, съ которыми и ѣздили на праздники.

Сельскіе жители предаются гораздо больше удовольствіямъ, чѣмъ

городскіе. Въ праздники все село высыпаетъ на площадь и занимается играми и плясками. Изъ игръ наиболѣе употребляемая—прыганіе черезъ спину другаго.

Когда наступаетъ срокъ родить, мужъ посылаетъ дать знать о томъ родственникамъ и знакомымъ. Мало по малу со всѣхъ концевъ собираются родные и знакомые больной, которая лежитъ среди комнаты, на постелѣ.

Существуетъ повѣрье, что, при родахъ нечистая сила, въ образѣ; змѣя, старается напасть на новорожденнаго и задушить родильницу. Чаще же всего *алп*, духъ женскаго пола, преслѣдуетъ родильницъ. Онъ является имъ въ образѣ повивальныхъ бабокъ, умерщвляетъ. дитя, а родильницу уводитъ и бросаетъ въ рѣку.

Въ защиту отъ такого чудовища, подъ голову родильницы кладутъ обнаженные кинжалъ и шашку, а самую кроватъ, гдѣ лежитъ она, вмѣсто занавѣса, окружаютъ освященною сѣтью.

Не смотря ни на какія страданія, больная не можетъ позвать къ себѣ мужа, лишеннаго теперь права входить въ комнату жены, около которой сидитъ бабка и двѣ или три женщины для услугъ. Чтобы облегчить страданія родильницы,— если бы таковыя случились,— бабка запасается на всякій случай, она опытная и бывалая, разными снадобьями.

Шумъ, веселье, разговоры и закуска окружаютъ больную. Хохотня гостей, вмѣстѣ со стономъ больной, наполняютъ комнату. Случается, что родильница не выдерживаетъ приличій и зоветъ мужа.

— Смотрите, говорятъ тогда блюстительницы чистоты нравовъ, смотрите, какая грѣховодница: умираетъ, а всетаки думаетъ о мужѣ. Просто стыдъ и срамъ!..

Насмѣшки и колкости дѣлаютъ то, что мучащаяся женщина рѣдко зоветъ къ себѣ мужа. По большей части онъ сидитъ въ сосѣдней комнатѣ и тамъ ожидаетъ себѣ наслѣдника или наслѣдницу. Сынъ предпочитается дочери. Съ того момента, какъ раздастся крикъ

новорожденнаго, никто изъ вновь пришедшихъ навѣстить родильницу или новорожденнаго младенца не допускается къ нимъ ранѣе какъ по прошествіи часа со времени прихода.

Грузины вѣрятъ въ существованіе злаго вѣтра, который пристаетъ къ людямъ, отправляющимся ночью чрезъ рѣки, или вообще чрезъ воду. Вѣтеръ этотъ не приноситъ никому вреда, кромѣ женщинъ, находящихся въ родахъ, и ихъ новорожденныхъ. На этомъ основаніи пріѣзжіе никогда ранѣе часа не впускаются къ родильницѣ.

Въ комнатѣ, гдѣ лежитъ больная, поднимается еще большій шумъ и разгулъ присутствующихъ женщинъ. Поздравленія сопровождаются пѣснями, въ которыхъ мать сравниваютъ съ луною, а новорожденнаго младенца съ солнцемъ. Больной желаютъ здоровья, а младенцу золота, чиновъ и чудной красоты. Шумъ и хохотъ гостей смѣшиваются со стономъ хозяйки и оглашаютъ комнату.

Грузины бываютъ очень недовольны, когда родится дочь.

Рожденіе сына, въ особенности перваго, составляетъ истинное удовольствіе для родителей, и выстрѣлъ изъ ружья возвѣщаетъ о появленіи его на свѣтъ. Тотчасъ-же дается праздникъ дзеоба, т. е. рожденіе сына. Служанка изъ дому новорожденнаго бѣжитъ извѣстить всѣхъ родныхъ и знакомыхъ о пріятной новости, и получаетъ отъ нихъ въ подарокъ деньги за радостное извѣстіе. Въ теченіе цѣлой недѣли посѣщаютъ больную родные и знакомые, и проводятъ около ея постели цѣлые дни и ночи.

Въ защиту матери и младенца отъ всякихъ покушеній *ам* принимаются мѣры.

Для этого учреждается ночная стража (гамисъ-тева), обязанная защищать ихъ отъ нечистой силы, такъ какъ дознано опытомъ, «что новорожденный и мать бываютъ только пятнадцать дней въ опасности отъ змія».

Крещеніе совершается обыкновеннымъ образомъ. Грузины часто

къ христіанскому имени прибавляютъ другое, заимствованное ими или отъ мусульманъ, или-же выражающее какое-либо качество.

Мальчикъ ростетъ на совершенной свободѣ, а дѣвочка подъ надзоромъ матери. Послѣднюю, нерѣдко на восьмомъ году отъ рожденія, отдаютъ въ монастырь для обученія рукодѣлію и грамотѣ. Обычай этотъ, какъ надо полагать, произошелъ изъ желанія скрыть своихъ дочерей отъ персіянъ, ежегодно посылавшихся собирать хорошенькихъ дѣвицъ съ порученіемъ для гарема шаха.

Какъ всегда и вездѣ, родители хлопочутъ о скорѣйшей выдачѣ дочери замужъ. Желаніе свое они приводятъ въ исполненіе при помощи свахъ, которыхъ выбираютъ или изъ числа родственницъ, или изъ духовныхъ лицъ, или-же, всего чаще, изъ близкихъ знакомыхъ женщинъ.

Переговоры о бракѣ происходятъ всегда между родителями. О приданомъ прежде не очень заботились, но каждая невѣста получала въ приданое непремѣнно одну или двѣ азарпеши, которыя и переходили всегда по наслѣдству. Въ послѣднее время стали, впрочемъ, появляться *сіа*—списокъ приданому, которое обѣщаютъ дать родители за невѣстою. Теперь почти каждая сваха имѣетъ такой сіа.

Покончивъ переговоры, женихъ, черезъ своего дядю или другаго родственника, посылаетъ своей невѣстѣ *хелисъ-дасадеби* — сахаръ и колечко. Родители невѣсты призываютъ священника, который читаетъ надъ перстнемъ молитву, а отецъ, передавая его дочери въ знакъ обрученія, говоритъ, что она невѣста такого-то. Молодая дѣвушка только теперь узнаетъ, что жребій ея брошенъ, и что она выходитъ замужъ.

Хороша-ли невѣста или дурна—женихъ не можетъ уже, послѣ обрученія, отказаться отъ нея, не заплативъ пени. Женихъ, послѣ посѣщенія невѣсты, признается роднымъ, и въ честь его дается *эртаджала*—обѣдъ жениха съ невѣстою, на которомъ онъ имѣетъ полное

право не только смотрѣть на свою будущую жену, но и сдѣлать ей подарокъ, состоящій, по преимуществу, изъ платка и четокъ.

Наканунѣ свадьбы шаферъ собираетъ молодыхъ людей (макари) и, вмѣстѣ съ ними, ведетъ жениха въ баню. Невѣста обязана исполнить то-же самое. Баня для грузинъ—это истинное удовольствіе; у нихъ есть даже обыкновеніе поздравлять съ банею, какъ съ праздникомъ. Посѣщать баню и понѣжиться въ ней особенно любятъ женщины. Собираясь въ баню, безразличія, будетъ-ли то праздничный или воскресный день, онѣ нагружаютъ бѣльемъ перваго попавшагося мушу, т. е. носильщика, и слѣдуютъ за нимъ со всѣми домочадцами.

Шумъ, крикъ, а иногда и ссоры слышатся въ банѣ. Посѣтители усѣвшись въ кружокъ и разостлавъ на полу коверъ, размачиваютъ хлѣбъ и сыръ въ горячей сѣрной водѣ и съ удовольствіемъ принимаются утолять свой голодъ. Въ банѣ нерѣдко происходитъ цѣлый пиръ; въ баню собираются цѣлыми партіями собственно для того, чтобы покутить на славу, и потомъ освѣжиться ея водою. Звуки пѣсенъ, зурны и другихъ инструментовъ оглашаютъ баню и, скользя по ея сводамъ, раздаются и громче, и звучнѣе. Полунагія грузинки часто пируютъ въ баняхъ до самаго разсвѣта; тамъ же моется и женихъ наканунѣ свадьбы.

На время свадьбы женихъ принимаетъ названіе мепе (царь), а невѣста именуется дедопали (царица). Огромная свита сопровождаетъ жениха; все, что попадается на пути,— овца, корова, курица — все рѣжется въ честь мепе, который обязанъ платить за нихъ. Проѣздъ черезъ деревни сопровождается пѣснями въ два хора.

Отецъ невѣсты хлопочетъ объ угощеніи, музыкантахъ (сазандреби) и приглашаетъ сазандара (пѣвецъ), который долженъ непремѣнно присутствовать на каждой свадьбѣ. За удовольствіе его послушать часто платятъ по 60 руб. въ сутки. Болѣе же всего будущій тесть заботится о томъ, чтобы сдѣлать приличный подарокъ своему

зятю. Подарокъ этотъ обыкновенно состоитъ или изъ хорошей лошади, или изъ оружія.

Мало по малу въ домѣ все приходитъ въ порядокъ, стихаетъ и успокоивается. Къ воротамъ дома посланъ слуга съ азарпешей и кувшиномъ вина: онъ ждетъ кого-то.

Между тѣмъ одного изъ балагуровъ, записныхъ весельчаковъ, женихъ отправляетъ впередъ въ домъ невѣсты.

Посланный принимаетъ названіе махаробели—вѣщатель радости.

— Мепе мобдзандеба (царь ѣдетъ), говоритъ онъ.

А что, дедопали (царица-невѣста) готова?

— Царица давно наряжена, отвѣчаютъ ему. Но она поступитъ въ распоряженіе мепе (женихъ) не иначе, какъ послѣ щедраго вознагражденія ея наставницѣ.

На дворѣ слышны ружейные выстрѣлы, пѣсни, крикъ и шумъ.

— Мепе мобдзандеба (царь ѣдетъ), слышится со всѣхъ сторонъ и на разные голоса.

Женихъ пріѣхалъ. Онъ окруженъ свитою, состоящею изъ поѣзжанъ — людей всякаго возраста, но преимущественно изъ такихъ которые любятъ кутнуть на славу. Для большинства изъ нихъ ни почемъ осушить сряду нѣсколько турьихъ роговъ вина. Они обязаны, по возвращеніи молодыхъ отъ вѣнца, сколько пить, столько же пѣть, кричать и шумѣть.

Будущіе тесть и теща привѣтствуютъ и обнимаютъ жениха, и приглашаютъ его въ комнату невѣсты. Войдя туда съ открытою головою, онъ молча садится подлѣ невѣсты съ правой стороны. Черезъ нѣсколько минутъ, одинъ изъ родственниковъ невѣсты беретъ правую ея руку и, вручивъ ее жениху, произноситъ рѣчь.

Обрядъ вѣнчанія совершаетъ священникъ той церкви, къ приходу которой принадлежитъ невѣста *).

*) Городскія свадьбы, и въ особенности тифлисскія, нѣсколько отличаются отъ деревенскихъ. Женихъ не ѣздитъ въ домъ невѣсты, а ѣдетъ прямо въ цер-

Женихъ хотя и привозитъ своего священника, но тотъ не вѣнчаетъ, а приходитъ съ крестомъ, послѣ вѣнца, къ отцу невѣсты, говоритъ, что привезъ зятя его невредимымъ и исчисляетъ его достоинства. Тесть обвязываетъ крестъ шелковою матеріею и дѣлаетъ подарокъ, пастырю церкви.

Обрядъ вѣнчанія кончился. Союзъ скрѣпленъ.

Поздравленія, шумъ, крикъ, стрѣльба и пѣсни сопровождаютъ сочетавшихся къ дому невѣсты, въ которомъ давно уже ожидаютъ ихъ и приготовились къ встрѣчѣ.

Поздравляющіе, кромѣ того, обязаны сдѣлать подарокъ молодымъ или деньгами, или вещами, цѣнность которыхъ въ самомъ бѣдномъ семействѣ доходитъ отъ 50 до 60 рублей. Лицо, избранное отъ всего присутствующаго общества, подноситъ подарки молодымъ, говоря громко, какой подарокъ и кѣмъ именно жертвуется.

Изъ дома невѣсты пирущіе отправляются въ домъ жениха. Молодая ѣдетъ верхомъ на осѣдланной новымъ чапракомъ лошади или на убранной и устланной коврами арбѣ. Сопровождающіе гости всю дорогу поютъ пѣсни. Если на пути придется обогнать другой такой же поѣздъ, то надо объѣхать его непремѣнно справа, иначе по народному предразсудку, не избѣжишь бѣды. Очень естественно что желаніе каждаго не подвергаться бѣдѣ ведетъ нерѣдко къ соперничеству и спорамъ. Народная находчивость и тутъ даетъ средство уладить дѣло. Оба жениха спѣшиваются, садятся за импрови-

---

ковь, куда привозитъ невѣсту шаферь. Въ день свадьбы въ домѣ жениха собираются гости: мужчины на одной половинѣ, женщины на другой. Первые занимаются разговорами, игрою въ карты, закусываютъ, слушаютъ сазандара, а послѣднія, сидя на тахтѣ и поджавъ подъ себя ноги, слушаютъ пискливые звуки зурны и раскатистый громъ бубна и дайры (дайра—горшокъ, обтянутый кожею). По мѣрѣ прибытія гостей, онѣ садятся на тахту и принимаются за варенья и разныя сласти. Въ антрактахъ пляшутъ лезгинку, съ акомпаниментомъ всеобщаго хлопанья въ ладоши—необходимымъ условіемъ этого танца.

зованную закуску, пьютъ за здоровье другъ друга и разстаются пріятелями.

Въ домѣ жениха, свекровь встрѣчаетъ молодую также сахаромъ.

Въ сопровожденіи шафера, невѣста входитъ въ дарбази — главную комнату. Ее обводятъ вокругъ очага. Присутствующіе обнажаютъ оружіе, бьютъ крестообразно по столбамъ, поддерживающимъ потолокъ, и по цѣпи, на которой привѣшенъ котелъ для варенія пищи. На колѣна невѣсты сажаютъ мальчика — чтобы она подарила мужа наслѣдникомъ. Въ присутствіи молодыхъ поднимается снова кутежъ до глубокой ночи....

Молодые встаютъ и хотятъ снять вѣнцы до другаго дня, но служанка не позволяетъ этого сдѣлать,—она требуетъ платы. Расплатившись съ нею, молодые входятъ въ спальню, въ сопровожденіи родныхъ. Поперегъ кровати лежитъ постельничая и, никого не пуская, требуетъ также платы. Удовлетворивъ и ея требованію, молодой мужъ сажаетъ на постель жену, снимаетъ съ правой ноги ея башмакъ и растегиваетъ крючки на правой рукѣ. Присутствующіе оставляютъ комнату, пожелавъ молодымъ покойной ночи.

Оставшись вдвоемъ, молодая супруга кажется недовольною и отворачивается. Она ждетъ хмись-гасацемы — подарка за разговоръ, и, получивъ отъ мужа какую нибудь вещь, дѣлается ласковою и разговорчивою. Если на другой день подадутъ полустаки — сласти, приготовленныя изъ меду, масла и муки — это значитъ, что молодые условились жить мирно, въ согласіи и любви, и довольны другъ другомъ.

— Когда участники недовольны свадьбой и угощеніемъ, то, не скрывая своего неудовольствія, высказываютъ его жениху при прощаніи.

— Женихъ! говорятъ они, твой вѣнецъ благословенъ, но поясы наши затянуты туго, потому что брюхи пусты....

Три дня продолжается пиръ послѣ свадьбы. На третій день, при собраніи гостей, шаферъ подходитъ къ молодой, бывшей все время подъ покрываломъ, и концомъ сабли приподнимаетъ его. Присутствующіе при этомъ гости подносятъ *пирисъ-саханави* — подарокъ за смотръ лица. Каждый обязанъ сдѣлать подарокъ по своему состоянію: азарпешу, серебряную вещь, нѣсколько червонцевъ или другую какую нибудь цѣнную вещь.

Празднованіе свадьбы окончено. Казалось-бы, молодымъ предстоитъ веселый медовый мѣсяцъ и пріятная жизнь. Въ дѣйствительности такое заключеніе оказывается не совсѣмъ вѣрнымъ. По народному обычаю, выйдя за-мужъ и вступивъ въ новую, чуждую для нея семью, молодая женщина не имѣетъ права говорить съ отцомъ, матерью и братьями своего мужа до тѣхъ поръ, пока у нея не будетъ дѣтей. Если промежутокъ этотъ будетъ продолжителенъ, то бѣдная женщина вынесетъ не одну укоризну отъ свекрови.

Бездѣтная женщина не только не пользуется уваженіемъ своего мужа и его семейства, но, въ кругу простаго народа, подвергается многимъ важнымъ стѣсненіямъ. Пытка эта продолжается иногда нѣсколько лѣтъ, и во все это время мужъ отвѣчаетъ вмѣсто своей жены, которая объясняется пантомимами. Неудивительно послѣ того, что всѣ грузинки такъ пламенно желаютъ имѣть дѣтей и употребляютъ къ тому всѣ средства, какія только создало народное суевѣріе. Бездѣтная женщина на востокѣ считается неблагословенною Богомъ. Она молитъ Творца о прощеніи ей грѣховъ, даетъ обѣты и спѣшитъ въ монастырь св. Давида, гдѣ есть ручей, имѣющій силу оплодотворять безплодныхъ женщинъ.

Каждый изъ праздниковъ имѣетъ у грузинъ свою особенность, исключая праздникъ Рождества, который не отличается у грузинъ никакими особенностями. Почти вся рождественская недѣля праздниковъ служитъ приготовленіемъ къ встрѣчѣ новаго года. Канунъ новаго года самый доходный для торгующихъ сластями. Каждая

хозяйка закупаетъ множество фруктовъ. орѣховъ, изюму, леденцу, и меду. Торговцы употребляютъ всѣ ухищренія для того, чтобы заманить къ себѣ щедрыхъ покупательницъ. Воткнувъ на конецъ ножа кусокъ сота или зачерпнувъ медъ ложкою, торговецъ вертитъ ихъ надъ головою, бѣгаетъ, прыгаетъ возлѣ лавки, стараясь привлечь къ себѣ покупателей. Другой облизываетъ пальцы, намазанные медомъ, смѣшками, прибаутками выхваляетъ его сладость и тѣмъ заманиваетъ къ себѣ дѣтей съ ихъ матушками.

Въ самый новый годъ, глава семейства, хозяинъ дома, поднимается еще до свѣта. Онъ долженъ прежде всѣхъ посѣтить семейство: такъ заведено изстари, и грузинъ слѣдуетъ этому обычаю безпрекословно, вѣря, что, если въ какой нибудь праздникъ нарушится порядокъ, то и въ будущемъ году, въ соотвѣтствующій день, произойдетъ тоже самое.

На особомъ подносѣ, называемомъ у грузинъ табля, онъ укладываетъ хлѣбы счастія, ставитъ чашку меду и четыре горящія свѣчи нарочно отлитыя для этого хозяйкою.

Хозяинъ обходитъ кругомъ комнаты, съ пожеланіемъ, чтобы новый годъ былъ для него также обиленъ, какъ тотъ подносъ, который онъ держитъ въ рукахъ.

За хозяиномъ долженъ войти кто-нибудь посторонній, и каждое семейство имѣетъ завѣтнаго гостя, открывающаго входъ въ жилище, что также, по народному повѣрью, приноситъ особое счастіе.

Родственники и знакомые спѣшатъ другъ къ другу и поздравляютъ съ праздникомъ.

Въ день Крещенія, толпа народа слѣдуетъ къ рѣкѣ за священникомъ. Мужчины часто идутъ на Іордань съ вещами, соотвѣтствующими ихъ занятію. Земледѣлецъ несетъ свои земледѣльческія орудія (сахнисъ—сакveти), охотникъ свои прадѣдовскія шашки и кинжалы. Все это погружается, вмѣстѣ съ крестомъ, въ воду. Молодые несутъ

сосуды для святой воды; позади медленно и осторожно подвигаются женщины.

Пришедшіе съ кувшинами за водою ждутъ съ нетерпѣніемъ погруженія креста, чтобы прежде другихъ зачерпнуть святой воды. Со словами пастыря: «Во Іорданѣ крещающуся», раздаются ружейные выстрѣлы. Едва крестъ опущенъ въ воду, какъ многіе грузины бросаются туда же *или съ береговъ, или съ высокаго моста. Сопровождаемые одобрительными восклицаніями народа, набожные* пловцы или переплываютъ рѣку, или, доплывъ до половины, возвращаются назадъ. Многіе всадники также спускаются съ отлогихъ береговъ въ воду, непремѣнно ниже того мѣста, гдѣ былъ погруженъ крестъ, и стараются при этомъ направить своихъ лошадей такъ, чтобы онѣ грудью встрѣтили волны, только-что освященныя крестнымъ погруженіемъ.

Счастливецъ, успѣвшій прежде другихъ зачерпнуть воды, бѣжитъ къ своему дому, стараясь не уступить никому первенства, быстро взбирается на крышу сакли, гдѣ, черезъ отверзтіе ея вливаетъ святую воду въ сосудъ съ закваской хлѣба. Подъ отверзтіемъ подносятъ закваску люди, нарочно для того остающіеся дома.

Грузины строго соблюдаютъ только первую половину поста; въ это время они говѣютъ и постятся; во вторую же половину мужчины не придерживаются строгаго воздержанія.

Празднованіе Пасхи у грузинъ весьма мало отличается отъ празднованія ея у насъ, русскихъ. Въ этотъ день у многихъ хозяевъ и владѣльцевъ выставленъ столъ для убогихъ и нищихъ, и не одна рука спѣшитъ подать милостыню заключеннымъ въ тюрьмахъ.

Мужчины, въ день Вознесенія, занимаются скачкою. Въ Тифлисѣ скачка происходитъ за-городомъ, на мѣстѣ весьма живописномъ. По направленію къ западу тянутся горы; медленно и спокойно течетъ рѣка Кура; кругомъ зеленые сады, перемѣшанные съ землянками. Группы женщинъ, въ бѣлыхъ чадрахъ, въ разныхъ мѣстахъ покры-

ваютъ возвышенности или сидятъ на плоскихъ крышахъ домовъ. Съ утра раскидываются палатки и балаганы; въ нихъ сидятъ торговцы съ разными сластями. Въ этой живописной котловинѣ и происходятъ скачки. По двумъ концамъ ристалища собираются всадники, вооруженные пиками, винтовками и *джеридами*—длинная, тонкая палка съ острымъ наконечникомъ. Скачка начинается. На встрѣчу другъ другу несутся всадники и, подскакавъ довольно близко одинъ къ другому, бросаютъ шесты и, поворотивъ коней, во весь опоръ пускаются назадъ. Ихъ съ крикомъ преслѣдуютъ противники и пускаютъ въ слѣдъ ружейные выстрѣлы и палки. Искусные верховые во всѣ глаза смотрятъ назадъ и, на лету, ловятъ палки; неопытные же поражаются въ спину и затылокъ. Громы рукоплесканій, столкновеніе и паденіе лошадей, выбиваніе изъ сѣдла, хохотъ и шумъ продолжаются до самаго вечера.

Во всю западную сторону города тянется отвѣсная гора, называемая туземцами Мта-цминда (Святая гора). На одномъ изъ ея уступовъ стоитъ монастырь св. Давида, высоко виднѣясь надъ цѣлымъ городомъ и его окрестностями.

Преданіе разсказываетъ, что св. Давидъ, одинъ изъ 13 сирійскихъ отцевъ, нѣкогда подвизался на горѣ Мта-цминдской. Тоже преданіе гласитъ, что молодая дѣвушка, дочь одного знатнаго человѣка, жившаго неподалеку горы, сдѣлалась беременною и, по наущенію виновника своего проступка, оклеветала отшельника въ томъ, что онъ былъ причиною ея беременности.

Св. Давыда потребовали къ суду. Онъ всенародно обличилъ клеветницу. Дотронувшись до ея чрева посохомъ, святой спросилъ: онъ ли отецъ зачатаго ребенка?—Изъ утробы матери послышался голосъ, назвавшій имя обольстителя.

Несчастная внезапно почуствовала тяжкія мученія и, по молитвамъ святаго, родила камень. Камень этотъ послужилъ впослѣдствіи основаніемъ квашетской церкви, получившей отъ него и свое

названіе. Въ возмездіе за взведенную на него клевету, угодникъ испросилъ у Господа открытіе на горѣ источника, вода котораго имѣла бы силу оплодотворять безплодныхъ женщинъ.

По понятію грузинъ, злые духи завладѣли всею землею. Съ ними вошли въ сношеніе люди и преимущественно, старухи, которыя, заключивъ контрактъ съ нечистымъ, обращаются въ *кудіанеби*, т. е. въ вѣдьмъ и колдуній съ хвостами.

Одинъ разъ въ году, въ страстной четвергъ, всѣ вѣдьмы и отовсюду собираются на гору Ялбузъ (Эльбрусъ) на шабашъ. Тамъ обитаетъ сатана или, какъ грузины называютъ, тартаръ, имѣющій необыкновенно большіе глаза и страшные зубы; изо рта у него выходитъ дымъ чадящій; глаза у него огненные. Каждая вѣдьма, представляясь тартару, бросаетъ ему въ ротъ камешки, выражающіе собою жертву, и чѣмъ больше камешекъ, тѣмъ жертва важнѣе. Самою цѣнною жертвою считается человѣкъ, и тогда сатана, проглотивъ его и оставшись очень доволенъ столь лакомымъ приношеніемъ, даетъ еще большій даръ кудесничествъ.

Путешествіе свое на гору Эльбрусъ вѣдьмы совершаютъ при помощи зелья, извѣстнаго подъ именемъ квинтила. Ночью, когда всѣ спятъ, вѣдьмы встаютъ намазываютъ своимъ зельемъ первый, попавшійся имъ подъ руку, предметъ: будетъ ли то метла, кувшинъ, камень или животное—все равно; сѣвъ на него верхомъ и вылетѣвъ въ трубу, онѣ въ одно мгновеніе достигаютъ Эльбруса. Больше всего онѣ любятъ путешествовать на кошкахъ, которыхъ хватаютъ у грузинъ.

Чтобы предохранить себя отъ посѣщенія вѣдьмъ, туземцы въ этотъ вечеръ зажигаютъ на дворѣ каждаго дома костры изъ соломы. Всѣ домочадцы, отъ шестидесятилѣтняго старца до пятилѣтняго ребенка, обязаны перепрыгнуть черезъ костеръ не менѣе трехъ разъ, при ружейныхъ выстрѣлахъ и заклинаніи, состоящемъ въ повторенія словъ: ари-ирули-ирули-ирули кудіанеби (фраза непере-

водимая, но выражающая проклятья, обращенныя къ кудіанебамъ). Въ деревняхъ, кромѣ того, заслоняютъ крестообразными вѣтками шиповника окна, двери и отверзтія трубы въ саклѣ.

Простой народъ вѣритъ чистосердечно, что, въ ночь съ среды на четвергъ страстной недѣли, кудіанеби дѣйствительно тревожатъ тѣхъ, кто не успѣетъ перепрыгнуть черезъ костеръ, называемый чіакокона, и забираются въ тѣ дома, которыя не были ограждены вѣтками шиповника, гдѣ и воруютъ кошекъ, необходимыхъ имъ для путешествія аа гору Ялбузъ. Войдите въ какой угодно домъ или, заглянувъ туда, прислушайтесь повнимательные: вездѣ раздаются жалобныя мяуканья; бѣдныя кошки тщательно заперты въ сундукахъ, изъ опасенія, чтобы ихъ не похватали непріязненные ѣздоки-кудіанеби.

На горѣ Ялбузѣ, по преданію грузинъ, томится узникъ, богатырь Амиранъ, заключенный туда, по слову Божію, съ незапамятныхъ временъ. Желѣзная цѣпь, къ которой онъ прикованъ, такъ крѣпка, что никакія силы не въ состояніи ее разорвать сразу. Вмѣстѣ съ Амираномъ находится въ пещерѣ собака, единственный сотоварищъ его одиночества. Вѣрный песъ безъ устали лижетъ оковы своего господина и давно бы ихъ разорвалъ, если бы грузинскіе кузнецы ежегодно, въ утро страстнаго четверга, не ударяли три раза о наковальню. Отъ этихъ ударовъ цѣпь пріобрѣтаетъ прежнюю крѣпость, и Амирану суждено освободиться отъ оковъ только въ день втораго пришествія.

XIV. ИМЕРЕТИНЫ, МИНГРЕЛЬЦЫ И ГУРІЙЦЫ.

Отличительныя черты народа.

Область Имеретіи имѣетъ три различныхъ климата. Возвышенныя мѣста, равнины и небольшія плоскости на горахъ, примыкающихъ къ главному Кавказскому хребту, имѣютъ климатъ умѣренный. Природа здѣсь величественна, но угрюма; съ горъ, поросшихъ высокими соснами, березами и чинарами, сбѣгаютъ шумные водопады; рожь, ячмень и овесъ составляютъ главныя произведенія земли; виноградъ попадается рѣдко и не вызрѣваетъ. Подымаясь еще выше къ главному хребту, встрѣтимъ вѣчную осень и зиму. Большая часть населенія живетъ въ долинахъ, между горами, подъ защитою лѣсовъ и пользуется пріятнѣйшимъ и теплымъ климатомъ. Здѣсь растетъ сарачинское пшено, шелковица, виноградъ и множество разнообразныхъ фруктовыхъ деревьевъ. Третья полоса, составляющая собственно бассейнъ Ріона — жаркая, влажная и поражающая своею растительностію. Здѣсь двѣ весны. Трава, вызженная солнцемъ во время лѣта, снова растетъ и покрывается цвѣтами осенью. Здѣсь туземецъ живетъ даромъ, не снискивая себѣ пропитанія въ потѣ лица.

Оттого въ нижней, подгорной Имеретіи, женщины не занимаются никакой земледѣльческой работой. Въ полѣ работаютъ мужчины, не смотря на свою лѣнь. Женщины же, послѣ жатвы, выходятъ на поля и подбираютъ оставшіеся на нивѣ колосья, которые и жертвуютъ или въ пользу церкви, или причта. Напротивъ того, въ верхней или горной Имеретіи, въ мѣстахъ гористыхъ и суровыхъ, гдѣ земля не такъ плодородна или недостаточна для продовольствія, по малому ея количеству, особенно въ Рачѣ, работаютъ все однѣ женщины, а мужья ихъ отправляются на заработки къ сосѣдямъ.

Природа большей части равнины Имеретіи очаровательна, а растительность и еще того больше. Многія мѣста утопаютъ въ зелени и цвѣтахъ, рѣдкихъ даже въ оранжереяхъ, а здѣсь имѣющихъ значеніе простаго хвороста, которымъ огораживаютъ сады, или плетутъ курятники.

Роскошная растительность видна повсюду; слышится запахъ азалей и миндаля; плющъ и боярышникъ выглядываютъ изъ-за зелени.

Съ наступленіемъ ночи, картина принимаетъ еще болѣе фантастически-очаровательный видъ, когда весь лѣсъ наполняется маленькими, порхающими вокругъ огоньками. Миріады летающихъ мушекъ съ фосфорическими, свѣтящимися желудками, какъ будто лампадки, наполняютъ весь воздухъ и лѣсъ.

Онѣ храбро усаживаются на гривы лошадей, на спину ямщика, залетаютъ въ экипажъ, и, рѣя повсюду и описывая свѣтящіяся голубоватыя линіи, даютъ путнику волшебный видъ на яву.

Жилища имеретинскихъ князей, большею частію каменныя, покрытыя тесомъ или дранью, со многими службами для помѣщенія прислуги, строятся въ два этажа. Имеретинскія деревни, монастыри и церкви раскинуты на горахъ и по холмамъ, между обширными и тучными полями. Имеретинъ, точно также, какъ мингрелецъ и гуріецъ, любитъ просторъ, хочетъ, чтобы подъ рукою, около его дома, была пашня, виноградники, шелковица и фрукты. Обширный дворъ

имеретина обсаженъ деревьями; поодаль отъ дома небольшая пристройка—абечели, амбаръ для проса, гоми, кукурузы и ячменя, а у помѣщиковъ, сверхъ того, кухни, конюшни, овчарни и проч. Отъ этого деревни тянутся на большое пространство, и часто одна деревня сливается съ другою. Вся Нижняя Имеретія составляетъ, можно сказать, одно громадное селеніе, гдѣ жители, окруженные со всѣхъ сторонъ садами, живутъ какъ на дачахъ.

Имеретинъ, даже и небогатый, не живетъ въ саклѣ съ плоскою крышею, но имѣетъ досчатый домъ, крытый тесомъ или соломою; крыша имѣетъ остроконечный видъ, и, спускаясь низко, образуетъ надъ стѣнами навѣсъ, подъ которымъ, обыкновенно вокругъ всего дома, устраивается балконъ.

Балконы бываютъ большею частію широки, украшаются рѣзьбою, столбами и составляютъ лучшую часть помѣщенія туземца, въ особенности когда бываютъ обвиты виноградными лозами. Балконъ—лучшая пріемная для гостей и любимое помѣщеніе для семейства. Тутъ постоянно можно видѣть и работающихъ женщинъ и играющихъ дѣтей, и разряженныхъ въ праздничные дни имеретинокъ.

Имеретинъ не сидитъ поджавши ноги, какъ грузинъ, но сидитъ на креслахъ и скамьяхъ, хотя первобытнаго и грубаго устройства.

Онъ не пьетъ вина азарпешею и кулою, а пьетъ его изъ глинянаго или оловяннаго бокала. Имеретины очень любятъ роскошь, но пользуются ею страннымъ образомъ. Женщины одѣваются въ богатѣйшія платья, а ходятъ босикомъ; полы устилаютъ отличными коврами, а стѣны кое-какъ побѣлены. Конечно, все это относится до людей средняго и бѣднаго класса населенія. Богатые имеретины живутъ несравненно лучше и чище своихъ бѣдныхъ собратій.

Имеретинки большею частію брюнетки и притомъ стройны, но не выдѣляются своею красотою передъ мужчинами, которые, если не превосходятъ ихъ, то и не уступаютъ имъ въ красотѣ. Мужчины преиму-

щественно средняго роста; въ лицѣ ихъ болѣе пріятности, чѣмъ правильности. Почти всѣ мужчины носятъ или бороду, или усы, причемъ къ послѣднимъ они имѣютъ особое влеченіе. Туземецъ страшный защитникъ не только своихъ усовъ, но и каждаго отдѣльнаго ихъ волоса; нѣкоторые оставляли службу изъ-за того только, что приходилось сбрить усы. «Какой же совѣстливости ожидать отъ человѣка, говорятъ имеретины, у котораго нѣтъ ни бороды, ни усовъ».

Имеретины закручиваютъ и завертываютъ на ночь свои усы въ саулваши—особаго рода наусники.

Будучи добръ, ласковъ, обходителенъ, имеретинъ невѣжественъ и страстный охотникъ до процессовъ и тяжбъ всякаго рода. Среди населенія явились подъячіе, ябедники и законники, которыхъ всѣ боятся, которымъ низко кланяются и ищутъ всѣ знакомства и расположенія, какъ людей полезныхъ и до нѣкоторой степени необходимыхъ. Такіе люди пользуются извѣстностію, обираютъ добродушныхъ поселянъ и живутъ на ихъ счетъ припѣваючи. Это благосостояніе крючкотворцевъ заставило многихъ молодыхъ людей, даже и хорошихъ фамилій, добиваться должности писца, какъ почетнаго званія, при помощи котораго каждый разсчитываетъ на лишнюю копѣйку, на вѣрный источникъ дохода.

Разсчеты ихъ болѣе чѣмъ вѣрны, потому что ни одинъ поселянинъ не пройдетъ мимо присутственнаго мѣста безъ того, чтобы не завернуть туда, не взять какой-нибудь справки или не попросить написать просьбу.

Пріѣхавъ на базаръ и выручивъ хорошіе барыши отъ продажи своихъ продуктовъ, крестьянинъ не прокутитъ ихъ, не купитъ обновы, а зайдетъ въ казначейство и возьметъ гербовой бумаги. «На что тебѣ она скажетъ ему добрый человѣкъ, односелецъ».—«Какъ на что? отвѣтитъ онъ—это вещь нужная; она всегда пригодна, даже въ праздникъ можно подарить родственнику; да кромѣ того я и самъ думаю подать просьбу; нѣтъ ли у тебя на примѣтѣ писаки, такъ, не-

дорогаго, абаза (20 коп.) за три съ листа?»—«Какъ не быть,—ихъ много. Да вѣдь ты недавно подавалъ просьбу». — «А какъ недавно! мѣсяца три будетъ; тогда отказали, а теперь можетъ быть и не откажутъ».—«Почему-жъ не откажутъ?—А потому, что у насъ начальникъ новый. Авось не откажетъ; а откажетъ, такъ пойду жаловаться. Губернаторъ откажетъ, пойду къ намѣстнику, а тамъ подамъ просьбу въ сенатъ; а сенатъ откажетъ, тогда утоплюсь или надѣну на шею сабели (крученая веревка, изображающая висѣльную петлю) и опять пойду къ намѣстнику».

Не смотря на столь большую охоту къ сутяжничеству, имеретины, въ сущности, весьма добродушны и честны.

Одѣваясь совершенно по грузински, имеретинъ носитъ на головѣ папанаки—небольшую плоскую шапочку. Папанаки—полукруглый кусокъ сукна или матеріи, вершка въ два ширины и полтора длины. На головѣ онъ поддерживается тесьмою, пришитою по угламъ и задѣваемою за подбородокъ. Прикрывая только маковку головы, папанаки носится, однакоже, во всякое время года. На ногахъ туземецъ носитъ сапоги съ высокими каблуками, подбитыми подковами, и съ длинными носками, загнутыми вверхъ. Вся подошва его обуви, часто, сплошь, начиная отъ выемки, и неисключая носковъ, подбита мелкими гвоздями, что необходимо для спуска и подъема на горы.

Имеретинки носятъ лечаки и тавса-крави, вышитую серебромъ по темномалиновому бархату. Богатые носятъ кать-ибу, родъ кацавейки съ открытыми рукавами, темно-малиноваго бархату и опушенную куницею; изъ-подъ кать-ибы виднѣется архалукъ изъ розоваго канауса, обшитый вдоль въ два ряда серебрянымъ галуномъ, съ серебряными застежками сверху до низу и перетянутый широкою лентою, касающеюся двумя концами своими носковъ. Роскошныя косы красавицъ переплетаются и перевиваются иногда розовымъ шелкомъ.

Имеретинки отличныя наѣздницы; онѣ садятся на коня также скоро, какъ мужчины, ѣздятъ на мужскихъ сѣдлахъ, и въ состояніи дѣлать верхомъ значительные переѣзды. За то женщина сочтетъ за безчестіе, если ей предложатъ сѣсть на катера. Причина та, что въ прежнее время безнравственныхъ женщинъ сажали на катера или на осла, и возили публично по селенію, подвергая тѣмъ тяжкому наказанію.

Сосѣдняя съ Имеретіею — Мингрелія, по характеру мѣстности, раздѣляется: на горную и низменную.

Климатъ верхней Мингреліи пріятенъ, повсюду здоровъ, и почва плодородна; Нижняя же Мингрелія, болѣе поросшая лѣсомъ, изобилуетъ болотами и топями никогда невысыхающими, и потому климатъ ея нездоровъ и тяжелъ, даже для самихъ туземцевъ: горячка, цынга и лихорадки существуютъ въ этихъ мѣстахъ почти постоянно.

Природа такъ обильно расточаетъ свои блага, что мингрельцу предстоитъ только одинъ трудъ: собирать въ свою житницу то, что дастъ ему почва, безъ всякаго труда и заботъ съ его стороны.

Если взглянуть на Мингрелію съ высоты птичьяго полета, то она представится сплошнымъ густымъ лѣсомъ, среди котораго лишь изрѣдка попадаются пространства, покрытыя кустарникомъ и папоротникомъ. Но болѣе пристальный взглядъ обнаружитъ, что большая часть пространства, кажущагося лѣсомъ, покрыта виноградными и фруктовыми садами, скрывающими въ себѣ жилища туземцевъ, разбросанныя на значительномъ между собою разстояніи, такъ что одна какая-нибудь деревушка тянется на нѣсколько верстъ. Каждый имѣетъ близъ и вокругъ своей сакли виноградникъ, пашни и пастбища. Селенія представляютъ почти неразрывную связь между собою.

Смастеривъ себѣ кое-какъ и наскоро хижину, подъ тѣнью гигантскаго орѣшника, туземецъ ожидаетъ только, когда созрѣютъ его плоды, и собираетъ ихъ часто такое количество, что на вырученныя

отъ продажи деньги можетъ легко просуществовать цѣлый годъ Этотъ же орѣшникъ или чинаръ защищаетъ его жилище отъ вѣтра. и дождя, а подъ его тѣнью находится вся усадьба и все хозяйство туземца.

Растительность вообще такъ богата, что можно подъѣхать къ деревнѣ, въ которой считается до 200 домовъ, и видѣть передъ собою только одинъ домъ. Такое богатство природы способствуетъ сохраненію жителями первобытнаго состоянія младенчествующихъ племенъ. Лѣнь, развитая до высшей степени, сдѣлала мингрельца способнымъ только вспахать себѣ поле, да сшить одежду; но многіе изъ нихъ ходятъ босыми зимою и лѣтомъ. Часто въ Редутъ-Кале приходятъ мингрельцы, принося на продажу куръ, зелень, орѣхи, каштаны и т. п., зимою при 3° и 5° мороза. Отправляясь на рынокъ босикомъ, мингрелецъ несетъ подъ мышкою клочекъ сѣна; останавливаясь на мѣстѣ для продажи своего товара, онъ бросаетъ подъ одну ногу сѣно, чтобы нога не примерзла къ камнямъ, другую поднимаетъ, какъ гусь, и перемѣняетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не кончитъ продажу; тогда, подобравъ сѣно, онъ идетъ дальше.

На небольшомъ пространствѣ Мингреліи, можно встрѣтить и море, и горы значительной высоты, и долины зеленѣющія безконечными виноградниками, и гряды скалъ увѣнчанныя замками и храмами. Тутъ есть и нѣжные плоды роскошнаго юга, и дары суроваго сѣвера. Вся Мингрелія представляетъ собою непрерывный садъ, въ которомъ около каждаго дерева вьется виноградная лоза съ тяжелыми гроздьями. Перекидываясь часто съ дерева на дерево, виноградныя лозы образуютъ естественныя качели, на которыхъ женщины, сидя, качаются.

Мингрельцу построить домъ ничего не стоитъ. Необходимо только выкопать въ землѣ яму, глубиною аршина въ два, а шириною какую вздумается, и обложить стѣны ея камнемъ; въ одной стѣнѣ, обращенной къ скату, сдѣлать входъ, и тогда вода не потечетъ внутрь

дома; все выкопанное пространство раздѣлить на двѣ половины: на одной—супруга и семейство, на другой—лошадь и рогатый скотъ; обѣ половины покрыть землею,—и хата готова.

Обрубокъ дерева и доска, вмѣсто стола, служатъ мингрельцу мебелью; двѣ, три чашки изъ чинароваго дерева и глиняные кувшины составляютъ всю его посуду.

Вся усадьба мингрельца состоитъ изъ сакли или шалаша и двухъ-трехъ амбарчиковъ, также плетеныхъ, огороженныхъ заборомъ изъ колючки, представляющей непроницаемую защиту отъ звѣря и человѣка.

Подлѣ дома устраивается иногда скотный дворъ,—это просто большой огороженный лугъ, наполненный домашними животными.

Такъ туземецъ жилъ изстари, такъ онъ живетъ и теперь. Въ холодную пору на очагѣ среди комнаты, на земляномъ полу, горитъ постоянный огонь. Топливомъ запасаются безъ всякаго разбора, такъ что жители очень часто срубаютъ на дрова фруктовыя деревья, строевой лѣсъ и все, что только не составляетъ въ ихъ глазахъ особой необходимости для другихъ хозяйственныхъ потребностей.

Мингрельцы имѣютъ черты лица нѣжныя и болѣе женственныя; мужской красоты въ нихъ нѣтъ, за то типъ мингрельской женщины одинъ изъ изящнѣйшихъ въ свѣтѣ; даже женщины изъ крестьянскаго сословія и тѣ поражаютъ своею красотою. Въ Мингреліи нѣтъ особаго типа; здѣсь одинаково попадаются и брюнетки, и блондинки. Правда онѣ не такъ красивы, какъ сосѣдки ихъ, гурійки, но стройный ростъ, умныя, выразительныя лица, миловидныя головки, длинные и шелковистые волосы, вьющіеся по плечамъ, и правильныя роскошныя формы тѣла—приковываютъ вниманіе. Движенія ихъ смѣлы, граціозны, страстны и выказываютъ вполнѣ окружающую ихъ природу.

Мингрелецъ, мужчина, чрезвычайно способенъ, воспріимчивъ, упрямъ и мстителенъ, но въ обращеніи скроменъ и вкрадчивъ; на мингрельца слишкомъ трудно положиться и повѣрить ему на слово,

тогда какъ гургецъ, напротивъ того, гордится выполненіемъ даннаго обѣщанія. Воровство, сильно развитое въ Мингреліи,—глав-

МИНГРЕЛЬСКІЙ СВЯЩЕННИКЪ.

ный порокъ, глубоко проникнувшій въ среду народа и составляющій исключительную особенность мингрельцевъ.

Воровство преимущественно распространяется на скотъ, и въ особенности, на лошадей, и въ этомъ отношеніи мингрельцы ловки до чрезвычайности: они не могутъ равнодушно смотрѣть на чужаго коня, особенно когда тотъ гуляетъ на свободѣ. Туземный конокрадъ употребляетъ множество ухищреній для укрытія похищенной лошади. Конокрадствомъ занимались почти всѣ сословія, не исключая духовенства. Занятіе это доведено здѣсь до степени художества.

Богатые мингрельцы носятъ темносинюю чуху, всю отороченную и изукрашенную золотыми галунами. Чуха надѣвается сверхъ блѣдно-голубаго шелковаго архалука; на голову надѣваютъ также папанаку, обшитую золотомъ. Мингрельскія и гурійскія женщины катьибъ не носятъ, а вмѣсто лечака въ Мингреліи употребляютъ тюлевые или газовые куски, фантастически намотанные на голову. Женщины простаго званія ходятъ въ ситцевыхъ и холщевыхъ платьяхъ грузинскаго покроя, а на головѣ носятъ большой платокъ, закрывающій все лицо, кромѣ глазъ и носа.

Небольшое пространство Гуріи, лежащее на берегу Чернаго моря и составляющее Озургетскій уѣздъ Кутаисской губерніи, имѣя весьма много общаго съ сосѣдними ей Мингреліею и Имеретіею, отличается вредностью своего климата. Вся страна покрыта густыми лѣсами, во многихъ мѣстахъ непроходимыми. Почва ея обладаетъ необыкновенною силою растительности: трава и деревья достигаютъ значительныхъ размѣровъ. Пахатное поле въ нѣсколько лѣтъ зарастаетъ такъ густо, что обращается въ лѣсъ. Кукуруза своимъ ростомъ закрываетъ всадника, и самые нѣжные плоды и растенія встрѣчаются въ лѣсу въ естественномъ видѣ; шелковичныхъ деревьевъ цѣлыя лѣса.

За то климатъ повсюду сырой и почва болотистая, такъ что почти въ каждой деревнѣ встрѣчаются люди въ вѣчной лихорадкѣ. Сырость почвы такъ велика, что если въ саклѣ начнутъ разводить на землѣ огонь, то онъ часто тухнетъ отъ притока къ нему грунто-

вой воды, и потому, чтобы предупредить это, туземцы въ землю подъ очагомъ врываютъ глиняный горшокъ, стѣны котораго не пропускаютъ влажность. Домъ гурійца деревянный, безъ оконъ, съ однимъ отверстіемъ въ потолкѣ, замѣняющимъ и трубу, и окно; посреди комнаты разложенъ очагъ, который и грѣетъ, и кормитъ гурійца. Дымъ выходитъ частію въ потолочное отверзстіе, частію въ двери. У высшаго класса строятся дома европейской архитектуры.

Типъ гурійцевъ значительно отличается отъ типа имеретинъ и мингрельцевъ. Причиною такого измѣненія одного и того же грузинскаго племени было вліяніе природы и сосѣдство турецкихъ племенъ, съ которыми гурійцы роднились и были въ постоянныхъ сношеніяхъ черезъ продажу невольниковъ. Такихъ похожихъ на испуганныхъ птичекъ, граціозныхъ, ребятишекъ, такую мужественную красоту мужчинъ, и такой изящный тонкій профиль женщинъ, трудно найти и на Кавказѣ. Своею манерою и граціею гурійки очень похожи на южныхъ италіянокъ. Господствующая черта характера гурійца—необыкновенная подвижность, страстность, живость, любопытство и увлеченіе.

Гурійцы чрезвычайно привѣтливы и горды. Будучи разсудительны и хитры, они вѣрны данному слову. Гдѣ дѣло касается народной гордости, семейства или личности, тамъ гуріецъ крайне вспыльчивъ и раздражителенъ. Поступокъ или слово, на которое другой не обратилъ бы вниманія, вызываетъ часто у гурійца неудовольствіе и кончается нерѣдко кровавою развязкою. Гуріецъ набоженъ до фанатизма, исполняетъ самымъ строгимъ образомъ посты, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ такіе обряды, которые кажутся странными для христіанина. Считая непростительнымъ грѣхомъ оскоромиться въ среду или пятницу, онъ готовъ, въ ту же среду или пятницу, продать туркамъ чужихъ и даже своихъ собственныхъ дѣтей, или убить человѣка. Молясь усердно въ церкви, онъ условливается съ товарищами на разбой и грабежъ.

*

Всѣ гурійцы храбры, хорошіе стрѣлки и отличные пѣшеходы въ отношеніи дальности и скорости переходовъ. Гурійцу не составляетъ никакого труда пройти, напримѣръ, въ полтора сутокъ изъ Озургетъ до Кутаиса, что составляетъ разстояніе около 190 верстъ по прямому пути.

Гуріецъ корыстолюбивъ, но не для наживы. а для исполненія своихъ прихотей; простой крестьянинъ рѣшится на самое ужасное преступленіе, чтобы только доставить себѣ предметъ роскоши.

Гурійская женщина такъ хороша собой, и походка, ея такъ граціозна что достаточно взглянуть вечеромъ при закатѣ солнца на дѣвушку, идущую съ кувшиномъ воды на головѣ, чтобы помириться и съ ея синимъ ветхимъ платьемъ, и съ ея красными, также не первой молодости, шальварами. Красота женщинъ была побудительною причиною къ плѣно-продавству, которое существовало даже въ 1850 годахъ, не смотря на всю бдительность нашей кордонной стражи.

Гурійскія женщины скромны, ласковы, привѣтливы и замѣчательной красоты, впрочемъ много теряющей отъ чрезмѣрнаго употребленія бѣлилъ, румянъ и сурьмы. Онѣ любятъ наряды преимущественно яркихъ цвѣтовъ и самыхъ дорогихъ тканей, но обращаютъ болѣе вниманія на внѣшнюю роскошь и наружныя украшенія. Бѣлье не считается важною частію одежды и пренебрегается гурійками, лишь бы только верхнее платье отличалось пышностію и великолѣпіемъ.

Гурійская женщина пользуется большею свободою, чѣмъ въ Грузіи; мужчины, въ разговорахъ съ женщинами, весьма вольны, не стѣсняются въ выраженіяхъ даже съ матерью и сестрами и допускаютъ рѣчи, предосудительныя по мнѣнію европейцевъ. Мужчины, а въ особенности юноши, имѣютъ свободный доступъ въ семейство, доступъ тѣмъ болѣе легкій, чѣмъ менѣе ревнивъ глава семейства. Въ отсутствіи мужа, жена принимаетъ только женщинъ, но въ присутствіи мужа посѣщенія бываютъ безпрерывны.

Гуріецъ одѣвается въ куртку съ патронами и серебряными галу-

нами; изъ-подъ куртки видна часть элеги (жилета), сверхъ котораго надѣваетъ еще зубани (тоже родъ жилета). Онъ носитъ узкіе донельзя шаровары, обшитые серебряными галунами; ноги въ ноговицахъ и коротенькихъ кожаныхъ сапожкахъ съ проплетенными подошвами. Широкій шелковый турецкій платокъ охватываетъ его талію; на головѣ—*башлыкъ*.

Военные доспѣхи гурійца и боевыя принадлежности никогда не разлучаются съ нимъ. Сверхъ кушака, на ременномъ широкомъ поясѣ, служащемъ и хранилищемъ денегъ, виситъ дчурмушъ-оглы, гдѣ лежатъ: кресало, трутъ, пули и форма для ихъ отливки; матара, кожаный складной сосудъ для питья; пороховница изъ верблюжьей кожи съ красивою рѣзьбою; ножикъ, мѣдная сальница, кожаная солонка; навощенный холстъ—липа, чтобы въ темную ночь освѣтить дорогу; веревка для связыванія плѣнныхъ; шомполъ со вдѣланными въ него маленькими щипцами для огня, и длинный кисетъ со вложенною въ него маленькою трубочкою. Если ко всему этому прибавить, что у него за кушакомъ заткнуты кинжалъ, карабинъ и пистолетъ, сверхъ которыхъ привязанъ патронташъ, да въ рукахъ онъ держитъ винтовку—тогда будетъ полная картина гурійца.

Таковы отличительныя черты каждой изъ трехъ народностей; въ слѣдующей главѣ мы укажемъ на свойства имъ всѣмъ общія.

Обычаи, праздники и суевѣрія.

Со временъ глубокой древности, жители Имеретіи, Мингреліи, Гуріи, точно также какъ и Грузіи, сохранили уваженіе къ правамъ гостепріимства и заботятся о путникѣ. Лишь только путникъ подъѣзжаетъ къ дому, какъ хозяинъ спѣшитъ его встрѣтить, и если это случится ночью, то выходитъ къ гостю съ факеломъ въ рукѣ, торопясь снять съ него башлыкъ и бурку.

Едва пріѣзжій сойдетъ съ лошади, какъ слуги указываютъ ему саклю, въ которой онъ располагается, какъ дома. Спустя нѣсколько минутъ, является сынъ или ближайшій родственникъ хозяина, и предлагаетъ гостю свои услуги, чтобы омыть ему ноги. Тотъ, конечно, отказывается; тогда вносятъ скамейку или супру, съ трапезой и входитъ самъ хозяинъ, привѣтствуя гостя.

Туземцы любятъ покушать и сытно, и жирно. На супрѣ, означающей въ буквальномъ переводѣ скатерть и замѣняемой описанною выше длинною и легкою скамейкою, кладется нѣсколько хлѣбовъ и ставятся самыя разнообразныя кушанья. Между ними занимаетъ первое мѣсто гомія—кушанье, похожее на нашу пшенную кашу. Гомія приготовляется безъ соли, подается горячей и составляетъ легкую и пріятную приправу къ соленымъ кушаньямъ, какъ-то сыру и рыбѣ.

Приготовленныя въ изобиліи и самаго разнообразнаго вида кушанья изъ каплуновъ и цыплятъ, которыми особенно славится Мингрелія по всему южному Кавказу, занимаютъ одно изъ видныхъ мѣстъ при угощеніи. Пироги съ творогомъ, сыръ, разныя душистыя травы, лобіо—родъ крупной чечевицы съ перцомъ, чуреки изъ кукурузы,—все это приносится и подается за столомъ. О винѣ и говорить нечего:—въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи въ немъ нѣтъ недостатка; разныхъ сортовъ и изъ разныхъ садовъ, оно льется рѣкою въ стаканы, бокалы, азарпеши и турьи рога, которые быстро осушаются до дна. Къ концу обѣда въ Гуріи подается самое лакомое блюдо, молочная каша съ корицею и сахаромъ. Разнаго рода фрукты: виноградъ, грецкіе орѣхи, каштаны, айвы и гранаты, тутъ же сорванные съ дерева, подаются въ видѣ десерта, для лакомства съ избыткомъ насыщенныхъ желудковъ.

Кости, оглоданныя зубами болѣе почетныхъ гостей, и остатки отъ цыплятъ не пропадаютъ: ихъ передаютъ съ главнаго стола низшему классу гастрономовъ, выжидающихъ съ жаднымъ вниманіемъ чтобы кто-нибудь изъ сильныхъ міра сего швырнулъ имъ ногу отъ

цыпленка или кусокъ какого нибудь кушанья. Принимая этотъ подарокъ, какъ знакъ высокой снисходительности и вниманія, получающій встаетъ, низко раскланивается и снимаетъ шапку.

Встрѣчая и отправляя большую часть праздниковъ совершенно сходно съ грузинами, жители Имеретіи, Мингреліи и Гуріи придали нѣкоторымъ изъ нихъ своеобразный характеръ, и, кромѣ того, установили у себя нѣкоторые собственно имъ принадлежащіе такъ сказать, мѣстные праздники. Такъ новый годъ—время полнаго разгула въ Гуріи. Гурійцы часто выносятъ на продажу самыя необходимыя вещи для того только, чтобы на вырученныя деньги гулять весь день новаго года, и тотъ, кто по бѣдности не въ состояніи отпраздновать надлежащимъ образомъ, считать себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ.

Наканунѣ новаго года въ семействѣ, гдѣ только есть свинья, убиваютъ ее и приготовляютъ кушанье.

Съ вечера наканунѣ новаго года населеніе деревень, кромѣ женъ и дѣтей, выселяется на площадь, гдѣ и проводитъ всю ночь въ играхъ, пѣсняхъ, стрѣльбѣ изъ ружей, ожидая съ нетерпѣніемъ наступленія утра, когда начинается особая церемонія взаимныхъ поздравленій.

Въ первый день великаго поста, женщины Гуріи приготовляютъ изъ тѣста нѣсколько шариковъ, величиною въ глазъ, кладутъ ихъ на тарелку окруженную зажженными восковыми свѣчами, молятся Богу и просятъ, чтобы оспа не повредила тому, кого посѣтитъ. Шарики бросаются потомъ въ воду. Тѣ, у кого не было еще оспы, въ этотъ день не чешутся, не читаютъ книгъ, не шьютъ, потому что, по народному повѣрью, сколько зубьевъ въ гребнѣ, сколько кто увидитъ буквъ въ книгѣ, или сколько кто сдѣлаетъ швовъ, столько будетъ у того рябинъ и пятенъ на тѣлѣ.

На Ѳоминой недѣлѣ имеретины занимаются игрою въ мячъ. Мячикъ, употребляемый для игры, приготовляется величиною въ арбузъ, обшивается галунами и представляетъ не только простую или

невинную забаву, но и составляетъ предметъ народнаго уваженія и даже суевѣрія. На второй день Ѳомина воскресенья народъ дѣлится на двѣ части. Раздается звукъ буки (трубы), и священникъ въ облаченіи выноситъ мячъ на серебряномъ блюдѣ. Мячъ бросается въ средину однимъ изъ старшихъ почетныхъ въ родѣ лицъ, обѣ стороны бросаются къ мячу, спорятъ между собою, стараются завладѣть имъ и донести до назначеннаго мѣста; честь и слава той сторонѣ, которой, достанется мячъ: она будетъ имѣть круглый годъ изобиліе и удачу во всемъ. Конечно, каждый желаетъ такого счастія, а потому споръ и свалка бываютъ жестокіе. Мячъ перебрасывается товарищами изъ рукъ въ руки: то скрывается въ толпѣ, то вновь появляется при всеобщемъ крикѣ и шумѣ. Часто, послѣ боя, мячъ разрѣзывается на нѣсколько кусковъ и раздается домохозяевамъ. Получившій кусочикъ мячика увѣренъ, что храненіе такого кусочка доставитъ дому изобиліе урожай и прочее. Разсказываютъ, что имеретинскіе цари выдумали эту забаву для упражненія народа въ военныхъ движеніяхъ.

Уваженіе къ старшимъ сохранилось въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи во всей первобытной силѣ. Взрослый сынъ не сядетъ безъ особаго разрѣшенія передъ отцомъ; точно также молодой человѣкъ, находясь въ обществѣ со старикомъ или человѣкомъ преклонныхъ лѣтъ, не сядетъ, пока не получитъ приглашенія. Дѣти хотя и обѣдаютъ съ своими родителями, но точно будто гости, участвующіе въ трапезѣ по особому приглашенію; ни одно громкое или нескромное слово не можетъ быть произнесено дѣтьми въ присутствіи отца или старшихъ.

Старшій братъ, въ особенности если онъ послѣ смерти отца заступаетъ мѣсто главы семейства, пользуется уваженіемъ не только братьевъ и сестеръ, но и матери, которая, покоряясь его волѣ и распоряженіямъ, сохраняетъ только за собою право на услуги и почтеніе старшаго ея сына. Въ Гуріи эта особенность доведена до такой тонкости, что младшіе члены семейства считаютъ своею обя-

занностію не только повиноваться отцу или брату, но даже прислуживать имъ на равнѣ сослугами.

ИМЕРЕТИНКА.

Семейное начало, основанное на уваженіи старшихъ, перешло и

въ общество, отразившись на отношеніяхъ владѣтеля къ его подданнымъ и крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ.

Въ Мингреліи относительно привѣтствія существуетъ совершенно особый обычай. Тамъ, при встрѣчѣ князя или дворянина съ крестьяниномъ, послѣдній до тѣхъ поръ не поклонится, пока князь или дворянинъ не скажетъ ему: здравствуй!

При встрѣчѣ же двухъ равныхъ лицъ, или, по крайней мѣрѣ, такихъ, которыя хотятъ оказать другъ другу взаимную вѣжливость и учтивость, существуетъ опять новый этикетъ: каждый старается уступить другому честь перваго поклона. Встрѣтившіеся, просятъ другъ друга, настаиваютъ, взаимно умоляютъ кланяться первымъ, но учтивость и благопристойность требуютъ, чтобы каждый не менѣе упорно отказывался отъ подобной чести. Послѣ жаркихъ споровъ, продолжающихся обыкновенно нѣсколько минутъ, спорящіе одновременно кланяются другъ другу и разъѣзжаются или расходятся спокойно.

Часто случается, что встрѣтившіеся поспорятъ—поспорятъ между собою, да такъ и разойдутся не поклонившись, показывая этимъ, что въ высшей степени воспитаны и обладаютъ равною вѣжливостью.

Въ религіозныхъ понятіяхъ всѣхъ трехъ народностей много наивнаго и дѣтскаго. Имеретины, напримѣръ, не считаютъ грѣхомъ принять ложную присягу, если она производится не по ихъ древнему обычаю, передъ образомъ, а передъ крестомъ и Евангеліемъ; такую присягу они называютъ русскою присягою. Явный воръ, неоднократно изобличенный въ своемъ дурномъ поведеніи и пойманный съ поличнымъ, принимаетъ ложную присягу безъ всякаго страха и угрызеній совѣсти, потому что предварительно онъ успѣлъ забѣжать въ домъ и, вынувъ изъ люльки своего ребенка, полежалъ нѣсколько минутъ на его мѣстѣ.

У имеретинъ есть обычай: въ случаѣ спора за право владѣнія

какимъ либо участкомъ земли, одна изъ тяжущихся сторонъ беретъ въ руки образъ и обходитъ съ нимъ спорный участокъ; этимъ способомъ доказывается принадлежность его обходящимъ. При одномъ такомъ случаѣ замѣтили, что взявшіе образъ начали обходить не только спорный участокъ, но и тѣ полосы, о которыхъ никогда не было дѣла и которыя составляли неотъемлемую собственность постороняго лица. Поэтому начался споръ, драка, и что же обнаружилось? что господа присягатели, насыпавъ въ сапоги земли съ своей пашни, думали что вслѣдствіе этой хитрости, они могутъ обходить какія угодно земли и нисколько не согрѣшатъ передъ Богомъ, присягая что идутъ по своей собственной землѣ.

Такія странности проявляются весьма часто и указываютъ на какія-то оригинальныя и дѣтскія понятія народа, считающаго себя весьма религіознымъ. Что туземцы преданы вѣрѣ и тверды въ ней— это не подлежитъ сомнѣнію.

Постъ соблюдается весьма строго и ни одинъ изъ дней поста не нарушается скоромною пищею; церкви посѣщаются народомъ весьма часто, но все это дѣлается по привычкѣ и безъ всякаго сознанія.

Употребляя различнаго рода хитрость для принятія ложной присяги, туземецъ сохраняетъ спокойствіе духа до первой болѣзни и въ особенности, если она случится вскорѣ послѣ ложной клятвы. Тогда, приписывая свою болѣзнь наказанію, ниспосланному тѣмъ образомъ передъ которымъ онъ ложно присягнулъ, больной призываетъ къ себѣ священника и признается ему во всемъ, а пріобрѣтенную несправедливою присягою вещь возвращаетъ своему противнику.

Отсутствіе яснаго пониманія началъ религіи породило глубочайшее суевѣріе и толки всякаго рода самые нелѣпые.

Никто не сомнѣвается въ существованіи колдуновъ и вѣдьмъ и въ способности ихъ портить людей, нагонять падежъ скота и прочія невзгоды.

Туземцы больше всего боятся порчи отъ глаза, во избѣжаніе чего

носятъ амулеты, а новорожденнаго долгое время не показываютъ никому изъ постороннихъ.

Суевѣріе, вкоренившееся въ народѣ, перешло и въ обычай, которымъ, напримѣръ, въ Гуріи сопровождается рожденіе ребенка.

Родильницу помѣщаютъ въ комнатѣ, гдѣ нѣтъ пола, накидываютъ сѣна и на немъ стелютъ постель. Надъ постелью прикрѣпляется къ потолку веревка такъ, чтобы родильница могла ухватиться за нее при самомъ разрѣшеніи. Въ головахъ постели ставится образъ Божіей Матери. Священникъ читаетъ Евангеліе до самаго разрѣшенія, а мужъ сидитъ въ сосѣдней комнатѣ. Родится сынъ — радуются, веселятся и стрѣляютъ, а родится дочь — ничего не бываетъ. Кто первый скажетъ отцу: «у тебя родился сынъ», тому дѣлаютъ подарокъ.

По окончаніи стрѣльбы, родильницу переводятъ въ другую убранную комнату, покрываютъ сѣтью, чтобы не упалъ на нее нечистый духъ, и завѣшиваютъ парчевымъ занавѣсомъ. Подъ подушки кладутъ раковины. До благополучнаго разрѣшенія до бремени, родственники плачутъ. Первую ночь семейство не спитъ до самаго разсвѣта. Едва разнесется вѣсть о рожденіи дитяти, какъ всѣ знакомые спѣшатъ поздравить, наряжаясь при этомъ въ разныхъ животныхъ и костюмы. Собравшіеся пьютъ, веселятся и тѣшатся.

Въ Мингреліи и Гуріи существуетъ также обычай усыновленія взрослыхъ лицъ. Человѣкъ, питающій особое уваженіе къ какой-либо женщинѣ, можетъ просить ее, чтобы она усыновила его. Въ Гуріи, какъ усыновляющая, такъ и усыновляемый, передъ совершеніемъ обряда нѣсколько дней постятся и затѣмъ усыновляемый сосетъ грудь у нареченной матери, въ присутствіи родственниковъ и близкихъ знакомыхъ. Въ Мингреліи предварительный постъ не составляетъ необходимости. Здѣсь усыновляющая и усыновляемый призываютъ священника и нѣсколькихъ свидѣтелей. Усыновляемый становится на колѣна, усыновляющая раскрываетъ грудь, а священникъ читаетъ надъ ними приличную этому случаю молитву. Затѣмъ

усыновляемый беретъ въ ротъ сосокъ нареченной матери, которая одну ногу ставитъ ему на спину, какъ бы для большаго скрѣпленія родства. Это родство высоко уважается мингрельцами и гурійцами, и никакія тѣлесныя связи не допускаются послѣ этого ни между лицами совершившими этотъ обрядъ, ни между дѣтьми ихъ. По окончаніи обряда, пируютъ празднуя свое новое родство.

Впрочемъ, въ настоящее время, обычай этотъ ослабѣваетъ и замѣняется родствомъ, извѣстнымъ у насъ подъ именемъ молочнаго. У туземцевъ еще и до сихъ поръ существуетъ обыкновеніе отдавать своихъ новорожденныхъ дѣтей на воспитаніе другимъ, безъ различія сословія, гдѣ питомецъ остается иногда до 10 лѣтъ. По окончаніи этого времени, воспитатели привозятъ своего воспитанника съ подаркомъ къ родителямъ,которые вознаграждаютъ ихъ подарками вдвое и втрое бо́льшими.

Молочное родство считается священнѣйшимъ и воспитатели предпочитаютъ воспитанника своимъ дѣтямъ; нигдѣ молочный братъ или сестра не пользуются такими правами, какъ въ Гуріи.

Говоря объ обычаяхъ, нельзя пройти молчаніемъ особенно характеристическаго, оплакиванія умершаго и обряда погребенія, одинаково соблюдаемыхъ всѣмъ картвельскимъ или грузинскимъ племенемъ. Конечно соблюдаемые при этомъ обычаи нельзя назвать тождественными въ подробностяхъ, но нижеслѣдующій разсказъ представляетъ сводъ всѣхъ тѣхъ особенностей, какія замѣчаются какъ у грузинъ и гурійцевъ, такъ у имеретинъ и мингрельцевъ — это, такъ сказать, общая картина похоронъ.

Со смертію одного изъ членовъ семейства, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, дѣлаются приготовленія къ публичному оплакиванію. Присутствующіе ближайшіе родственники, родители, братья, разсылаютъ во всѣ концы письма къ родственникамъ и друзьямъ покойнаго съ извѣщеніемъ о постигшемъ ихъ несчастіи и съ приглашеніемъ на оплакиваніе, продолжающееся иногда нѣсколько дней и даже цѣлую

недѣлю, смотря по достоинству и званію умершаго, по числу оплакивающихъ лицъ, близости или дальности ихъ мѣстожительства.

Пока не соберутся родственники или же не получится извѣстіе, что такіе-то не могутъ пріѣхать, покойникъ, не смотря на жаръ, остается въ домѣ непохороненымъ иногда очень долго и въ особенности это чаще всего случается въ Гуріи. Кромѣ родныхъ и друзей, созываются также и сосѣди, которые, кромѣ оплакиванія, исполняютъ при этой церемоніи нѣкоторыя, собственно для этого случая, установленныя должности.

Обойдя съ горестными восклицаніями всѣ комнаты дома и вещи покойнаго, посѣтитель идетъ къ себѣ домой или возвращается во вторую комнату, гдѣ собрались родственники, но возвращается непремѣнно другимъ путемъ, отнюдь не входя въ тѣ комнаты, въ которыхъ уже былъ. Родственники также могутъ уходить домой, но обязаны каждый день, утромъ и вечеромъ, приходить и поплакать вмѣстѣ съ ближайшимъ родственникомъ покойнаго, съ тѣми же почти причитаніями, какъ и въ первый разъ.

Изъявленіе сожалѣнія зависитъ отъ краснорѣчія плакальщика, которому присутствующіе отвѣчаютъ также пронзительнымъ воемъ. Отъ этого въ комнатѣ, по мѣрѣ накопленія посѣтителей, раздается раздирающій душу плачъ, невольно заставляющій разчувствоваться и самаго безчувственнаго человѣка. По окончаніи плача, всѣ выходятъ изъ комнатъ и прихлопываютъ три раза дверями. Не успѣла одна толпа родственниковъ окончить свое оплакиваніе, какъ на горѣ появляется другая толпа, еще большая, оглашающая своимъ крикомъ и рыданіемъ всю окрестность. Съ увеличеніемъ числа оплакивающихъ увеличиваются крики и рыданія.

Когда всѣ родственники окончатъ свой очередной плачъ и прежде чѣмъ приступятъ къ выносу покойника изъ дому, начинается плачъ всеобщій. Каждый старается перекричать своего сосѣда и отличиться плачемъ: шумъ, крикъ и неистовыя движенія наполняютъ

комнату. Родственники плачутъ и кричатъ отъ чистаго сердца, отъ скорби; а сосѣди бьютъ себя въ грудь и рвутъ волосы, бьются головою объ стѣну, можно сказать, по обязанности, по изстари заведенному обычаю. Тѣ, которые, при жизни покойнаго, были въ разладѣ съ нимъ и даже ненавидѣли его, теперь до крови царапаютъ себѣ лице и грудь, рвутся, чтобы броситься въ воду, показываютъ видъ, что намѣрены убить себя какимъ-либо оружіемъ, и мечутся такъ, что два человѣка едва въ состояніи удержать ихъ. Они бранятся, просятъ не держать, пустить ихъ, и умоляютъ, чтобы дозволили прекратить несносную для нихъ жизнь. Они бросаются къ гробу и не дозволяютъ поднять его, чтобы вынести изъ дому: такова сила обычая.

Съ разнаго рода затрудненіями удается вынести умершаго изъ дому и тогда у гурійцевъ передъ гробомъ является человѣкъ, которому даютъ сулис—сагзали, (путевую провизію для души, состоящую изъ кувшина съ виномъ и печенаго хлѣба. Провизію эту необходимо нести прямо на кладбище, отнюдь не оглядываясь ни разу назадъ, иначе сулис—сагзали недостигнетъ своего назначенія. Гурійцы убѣждены, что душа человѣка, оставляя тѣло и отправляясь въ дорогу, имѣетъ нужду въ провизіи. По вѣрованію туземца, послѣ смерти человѣка душа остается на землѣ въ теченіи 40 дней и нуждается въ пищѣ точно также, какъ все живущее на землѣ; съ переселеніемъ же послѣ этого срока на небо, она, забывая все земное, отвыкаетъ мало по малу и отъ пищи. Отъ этого родственники умершаго, въ теченіи 40 дней, во время обѣда и ужина оставляютъ для покойнаго особую порцію, и, отдавая ее нищему, думаютъ, что она чудеснымъ образомъ достигнетъ до умершаго.

Въ Имеретіи при выносѣ покойника изъ дому разбиваютъ нѣсколько стеколъ въ окнахъ. Самые близкіе родственники разуваются и идутъ за гробомъ босые, хотя бы въ это время былъ снѣгъ или морозъ

Возвращаясь съ кладбища, въ воротахъ дома умываютъ руки ви-

номъ съ водою и потомъ садятся за столъ, исключая близкихъ родственниковъ. За обѣдомъ подаютъ постныя кушанья и это постничанье продолжается, для близкихъ родственниковъ, 40 дней. Члены семейства умершаго постятся обыкновенно круглый годъ: не ѣдятъ въ это время сладкихъ блюдъ и фруктовъ, а иногда отказываются навсегда отъ тѣхъ блюдъ, какія любилъ покойный.

Начиная съ пятнадцатаго дня послѣ похоронъ, самые близкіе родственники надѣваютъ трауръ и носятъ его въ продолженіи года, а иногда и болѣе; дальніе же родственники носятъ по 15 или 40 дней, или до перваго торжественнаго храмоваго праздника.

Во время траура носятъ самое грубое черное платье, не брѣютъ бороды, не стригутъ волосъ, избѣгаютъ общества и развлеченія; члены же семейства часто запираются въ темную комнату, въ которой скончался покойный.

Въ седьмой и сороковой день совершаютъ *гамотириш* (выплаканіе или послѣднее оплакиваніе). Родственники собираются на кладбище и около могилы ставятъ столъ, разстилаютъ на немъ ковры, а на нихъ кладутъ платье покойнаго, надъ которымъ снова плачутъ и рыдаютъ. Спустя нѣсколько времени совершаются агапи (поминки). Пригласивъ духовенство, родныхъ, друзей и знакомыхъ, закалываютъ нѣсколькихъ быковъ, или коровъ, овецъ и куръ, при чемъ въ Гуріи окрашиваютъ куриныя яйца въ красной цвѣтъ. Послѣ панихиды, духовенство благословляетъ приготовленныя яства и всѣ принимаются за обѣдъ. Священникамъ, и особенно духовнику умершаго, подаются лучшія кушанья и по нѣскольку красныхъ яицъ. Порціи эти, священникамъ поданныя и называемыя аршиви, довольно велики, такъ что священники отсылаютъ часть ихъ къ своимъ семействамъ.

Въ черноморскомъ бассейнѣ встрѣчаются и русскія поселенія скопцовъ и молоканъ, которые, разумѣется, сохранили русскую характеристику. Мы прилагаемъ здѣсь только рисунокъ.

XV. ТУШИНЫ, ПШАВЫ И ХЕВСУРЫ.

Сѣверный и южный скаты главнаго Кавказскаго хребта, верховья рѣкъ Арагвы, Аргуна, Алазани, Іоры и Эрцойское ушелье населены тушинами, пшавами и хевсурами, составлявшими особый округъ, простиравшійся до 3,932 квадр. верстъ съ населеніемъ около 32,000 душъ.

Основываясь на томъ, что въ языкѣ тушинъ, пшавовъ и хевсуровъ слышится древній грузинскій языкъ, сохранившійся даже въ ихъ книгахъ священнаго писанія, многіе считаютъ ихъ народомъ грузинскаго происхожденія.

Хевсуръ сложенъ непропорціонально своему высокому росту. Смуглое лицо, длинный носъ, сѣрые или каріе глаза, бритая голова, рыжеватые усы и борода, составляютъ типъ хевсура. Онъ грубъ, надмѣненъ, придирчивъ, гордъ и безпеченъ, уважаетъ только храбрыхъ и считаетъ себя выше всѣхъ народовъ. Низкая шапка его опушена бараньимъ мѣхомъ; на ней нашиты кресты изъ красной бязи (бумажная ткань) и иногда она обвязана кускомъ полосатой матеріи или тряпки, концы которой висятъ на бокъ въ родѣ кокардъ; синяя или красная чеха съ короткими разрѣзными рукавами и сборками на нихъ, съ нашитыми также, на груди и плечахъ, красными крестами, составляютъ его костюмъ. Подъ чехой надѣтъ архалукъ и рубашка; шаровары коротбіе и узкіе, обшитые тесьмою; сапожки, вязаные изъ разноцвѣтной шерсти и, «кромѣ того, хунчи или бандули, кожаные башмаки съ проплетеннымъ низомъ.

До 16-ти лѣтъ хевсурскія дѣвушки очень милы и стройны, но

изнурительныя работы, неопрятность и грубая пища дѣлаютъ ихъ въ 25 лѣтъ уже старухами. Послѣднія крайне безобразны и, по выраженію очевидца, напоминаютъ кіевскихъ вѣдьмъ.

Хевсурки носятъ довольно красивую одежду. Черная шаль охватываетъ ихъ голову, не закрывая маковки, и оканчивается кисточкою надъ правымъ ухомъ; въ ушахъ огромныя серебряныя или мѣдныя серьги. Заплетенные волосы, обогнувъ щеки и уши, связываютъ на затылкѣ.

Почти всѣ женщины курятъ изъ коротенькихъ трубочекъ, которыя носятъ за головной повязкой; въ 30 лѣтъ онѣ начинаютъ нюхать.

Пшавецъ средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія; круглое лицо, каріе глаза, каштановые волосы, голова и борода бритые; на головѣ оставляется чубъ, похожій на тотъ, какой носятъ малороссіяне. Походка пшава важная, характеръ добродушный. Пшавецъ чрезвычайно дикъ и, не стѣсняясь ничьимъ присутствіемъ, дѣлаетъ все, что ему захочется, не имѣя никакого понятія о стыдливости. Пшавскія женщины большею частію блондинки, миловидны, не такъ скоро старѣются, какъ у хевсуровъ, но за то скоро тучнѣютъ.

Хевсуры называютъ пшавовъ жирными дойными коровами и притѣсняютъ ихъ. Претензіи хевсуровъ на пшавовъ, предъявляемыя въ судахъ, бываютъ сколько же смѣшны, столько и нелѣпы.

Въ настоящемъ своемъ мѣстопребываніи, въ сосѣдствѣ тушинъ и хевсуровъ, пшавы живутъ только весною и лѣтомъ, потому что имѣютъ тамъ свои сѣнокосы и пастбища. Осенью и зимою они откочевываютъ на далекое разстояніе отъ своихъ жилищъ, туда, гдѣ находятъ болѣе подножнаго корма для своихъ стадъ.

Многіе пшавы сознаютъ, что кочевая жизнь вредно отзывается на ихъ благосостояніи, но измѣнить свой образъ жизни они не рѣшаются изъ одной приверженности къ старинѣ и примѣру отцевъ.

Пшавъ одѣвается въ черную чеху съ небольшими откидными

рукавами, зеленый или синій архалукъ и широкіе шаровары изъ чернаго или бураго сукна собственнаго приготовленія. На ногахъ носитъ каламяны изъ сыромятной кожи. На головѣ круглая войлочная шапочка; на поясѣ кинжалы, а на большомъ пальцѣ правой руки желѣзное острое кольцо.

Женщины одѣваются почти также, какъ и грузинки. Бѣлое покрывало на головѣ, красная рубаха и шальвары; обувь таже, что и у мужчинъ.

О храбрости тушинъ разсказываютъ во всѣхъ углахъ Кавказа. Горцы рѣдко хвалятъ и воспѣваютъ храбрость, считая ее дѣломъ весьма обыкновеннымъ, но про тушинъ въ центрѣ самаго Дагестана, въ Аваріи и другихъ мѣстахъ, сложены и поются пѣсни. Тушинъ рѣшится лучше умереть, чѣмъ попасться въ плѣнъ; но если бы это случилось какимъ нибудь образомъ, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, то онъ умретъ въ тяжкой неволѣ, какъ горится со славою, но не согласится быть вымѣненнымъ на непріятельскую плѣнную дѣвушку.

Вѣрность этихъ народовъ была причиною того, что грузинскіе цари всегда имѣли при себѣ тѣлохранителей изъ тушинъ, пшавовъ и хевсуровъ. По востребованію ихъ, они шли на войну подъ предводительствомъ своихъ духовныхъ пастырей.

Собираясь въ дѣло, хевсуръ весь замыкается въ желѣзо. На голову надѣваетъ чачкани (шишакъ съ сѣткой, покрывающей шею), рубаху плетеную изъ желѣзной проволоки, рукавицы, прямые палаши и дашна—короткая сабля, употребляемая вмѣсто кинжала. Обыкновенное ружье въ чехлѣ изъ медвѣжьей шкуры и щитъ, въ защиту отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, дополняютъ его вооруженіе. Пика, какъ оружіе, есть принадлежность стариковъ, точно также какъ и стрѣлы.

Пшавы и тушины не столько заботятся о средствахъ защиты сколько хевсуры. Хорошая винтовка и сабля составляютъ все ихъ

оружіе. Всѣ три народа эти дрались всегда храбро, и получить рану въ тылъ считается весьма постыднымъ.

На уступахъ скалъ едва доступныхъ, по узкимъ тропинкамъ, какъ орлиныя гнѣзда, повисли хевсурскія деревни, выстроенныя изъ дерева или плитняка безъ извести и въ нѣсколько ярусовъ съ бойницами. Башни, построенныя на извести, очень рѣдки въ Хевсуріи, а тѣ, которыя есть, составляютъ особую надежду на ихъ защиту.

Селенія пшавовъ, разбросанныя въ долинахъ и по скатамъ горъ, не многолюдны. Дома пшавовъ сколочены на скорую руку, а землянки едва виднѣются надъ поверхностью земли.

Внутренность дома не затѣйлива и состоитъ изъ одной, часто обширной комнаты. Она темна, стѣны ея покрыты копотью и облѣплены паутиною. Посреди комнаты видѣнъ очагъ или, скорѣе, костеръ выстланный плитнякомъ, въ которомъ разведенъ огонь. Вокругъ него собирается вся семья немытая и нечистая.

Въ одномъ углу комнаты стоятъ корова, лошадь и телята; въ другомъ—плетеныя носилки съ соломою. Растянувшись на нихъ, спитъ глава семейства, прикрывшись буркою или нагольнымъ тулупомъ. Прочіе члены семьи спятъ у огня: по одну сторону мужской полъ, а по другую женскій.

Пшавы очень нечистоплотны. Дома ихъ не болѣе какъ хлѣвы, никогда не выметаемые и служащіе жилищемъ одновременно для людей и для скота. Пшавецъ валяется на пыльныхъ войлокахъ, разостланныхъ на навозѣ. Платье на пшавцѣ нечисто, сально и рубашка снимается только тогда, когда, обратившись въ клочки, сама свалится съ плечь. Пшавецъ не разбираетъ пищи и ѣстъ всякую мерзость.

Мужчины любятъ бывать въ обществѣ и посѣщать другъ друга. Гостепріимство у этихъ народовъ развито до высшей степени, и гость, кто-бы онъ ни былъ, считается священною особою.

Туземецъ проводитъ время среди разсказовъ о геройскихъ по-

двигахъ предковъ, безпрерывнаго куренія и бряцанія на пандурѣ, сопровождаемаго дикими пѣснями. Въ такомъ положеніи отецъ поучаетъ семью или разсказываетъ ей случаи изъ житейскаго опыта. Онъ разсказываетъ о народныхъ повѣрьяхъ, о примѣтахъ, которыя долженъ знать каждый, чтобы избѣжать многихъ невзгодъ въ жизни.

Браки вообще не имѣютъ прочнаго основанія.

Женщина считается рабою, съ нею обходятся чрезвычайно грубо, безъ всякой нѣжности и привязанности. Мужъ можетъ прогнать жену во всякое время, хотя бы черезъ недѣлю послѣ свадьбы, и безъ всякихъ поводовъ со стороны послѣдней. Мужъ говоритъ просто, что она ему не нравится, или что дурная хозяйка. Поступокъ этотъ не порочитъ женщины: она отправляется въ домъ родительскій и скоро выходитъ замужъ за другаго.

У пшавовъ прогнанной и забракованной женѣ выдается самтцунебро, т. е. пять коровъ, а забракованному жениху родители невѣсты должны выдать за безчестіе 16 коровъ, если только передъ отказомъ дочь ихъ была обручена съ нимъ. У тушинъ мужъ, за нарушеніе супружеской вѣрности, можетъ обрѣзать женѣ руку и носъ, и въ такомъ видѣ отправить ее къ родителямъ, или же, прогнавъ просто, налагаетъ срокъ, раньше котораго она не можетъ выдти замужъ за другаго.

По установившимся мѣстнымъ законамъ туземцевъ важнѣйшими уголовными преступленіями считаются: смертоубійство, прелюбодѣяніе и воровство. Всѣ три вида этого рода преступленій почти всегда сопровождаются кровомщеніемъ. Оскорбленіе чести женщины у тушинъ всегда влечетъ за собою кровомщеніе.

За оклеветаніе въ невѣрности жены у другаго, обиженный рѣжетъ корову у обидчика, отсылаетъ свою жену къ ея родителямъ, а тѣ требуютъ обидчика къ суду и взыскиваютъ съ него 60 коровъ;

если обидчикъ публично сознается въ своей клеветѣ, то мужъ беретъ жену обратно, а обидчика удовлетворяетъ за убитую корову.

Кровомщеніе существуетъ у всѣхъ трехъ поколѣній этихъ народовъ. У хевсуровъ и тушинъ, какъ бы ни было совершено убійство, т. е. нечаянно или съ намѣреніемъ, убійца подлежитъ кровомщенію. Родственники убитаго хевсура предаютъ огню все имущество убійцы, скрывающагося со всѣмъ своимъ семействомъ въ сосѣднюю деревню, которая принимаетъ его подъ свое покровительство.

У пшавовъ и хевсуровъ, каждый мѣсяцъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, убійца присылаетъ семейству убитаго по одному барану. На четвертый годъ, черезъ своихъ родственниковъ, онъ проситъ принять въ плату за кровь 280 барановъ и 70 коровъ. Если плата принята, то онъ можетъ возвратиться въ свою деревню, но не избавляется отъ мщенія.

Трудно увѣрить хевсура въ томъ, что Богъ одинъ. По его понятію, есть Богъ востока и Богъ запада; есть Богъ душъ, Христосъ Богъ, большой Богъ и маленькій Богъ. Народъ болѣе всего уважаетъ Бога войны и сына Божія, но никто не можетъ объяснить истинныхъ догматовъ своей религіи. Постороннему человѣку опредѣлить религію этихъ народовъ еще труднѣе. Уважая крестъ Господень, покланяясь св. Георгію, апостоламъ Петру и Павлу и другимъ святымъ христіанской церкви, они въ то же время почитаютъ своихъ собственныхъ, ими изобрѣтенныхъ, боговъ.

Тушины исповѣдуютъ христіанскую вѣру греко-восточной церкви. Водвореніе здѣсь христіанской религіи надо отнести къ незапамятнымъ временамъ царствованія первыхъ христіанскихъ царей Грузіи. Впослѣдствіи ученіе Магомета имѣло сильное вліяніе и на судьбу вѣры въ Тушетіи. Для защиты христіанства тушины должны были вести безпрестанную борьбу съ мусульманскими горцами, и хотя съ твердостію и успѣхомъ отстаивали свою независимость, но воинственный звукъ оружія сталъ заглушать голосъ проповѣдниковъ

Евангелія. Духовенство грузинское не въ состояніи было поддержать падающее христіанство, въ особенности когда прекратилось сообщеніе съ Тушетіею, окруженною врагами.

Въ Тушетіи не стало священниковъ, богослуженіе прекратилось церкви обветшали и рушились, а сами тушины представляли собою осиротѣвшихъ христіанъ, безъ наставниковъ религіи, какъ стадо, лишенное пастыря.

Хевсуровъ, пшавовъ и тушинъ нельзя назвать язычниками, потому что они вѣруютъ въ истиннаго Бога и его святыхъ; но ихъ нельзя назвать и христіанами, потому что они слишкомъ далеки отъ догматовъ христіанской церкви. Сами себя они называютъ христіанами, а всѣхъ иновѣрцевъ считаютъ бусурманами и обижаются, если назвать ихъ нехристями.

Смѣсь вѣрованій не мѣшала однако же тушинамъ, пшавамъ и хевсурамъ, самимъ по себѣ, быть увѣренными, что они исповѣдуютъ христіанскую религію и принадлежатъ къ греческой церкви. Изъ грузинскихъ церквей, въ прежнее время, имъ посылался ежегодно, подъ видомъ мура, обыкновенный елей, который они употребляли, по обрядамъ своимъ, при крещеніи. Младенца, умершаго до крещенія, поливали въ гробѣ елеемъ и окропляли святою водою. Всѣ три поколѣнія вѣрили въ существованіе рая и ада и содержали нѣсколько постовъ въ году.

Вообще вѣрованія ихъ весьма неопредѣленны и шатки. Суевѣріе отражается въ обычаяхъ, соблюдающихся при рожденіи а смерти.

Чувствуя приближеніе родовъ, беременная женщина обыкновенно проситъ своихъ подругъ построить ей сачехи—шалашъ, воздвигаемый въ одной верстѣ отъ деревни. Переселившись въ этотъ шалашъ, родильница остается тамъ все время, пока не разрѣшится отъ бремени, что весьма часто сопровождается ужасными мученіями. Если больная мучится родами, и крики ея слышны въ селеніи, то жители

подкрадываются къ шалашу и производятъ залпъ изъ ружей, чтобы испугомъ облегчить страданіе больной.

На другой день послѣ родовъ, больной приносятъ хлѣба и, боясь всякаго съ нею сообщенія, кладутъ его вдали отъ шалаша. Больная живетъ въ шалашѣ у хевсуровъ мѣсяцъ, у пшавовъ 40 дней, а у тушинъ шесть недѣль.

Выдержавъ этотъ карантинъ, женщина возвращается къ своему семейству.

Существующее между горцами суевѣрное обыкновеніе не прикасаться къ беременнымъ женщинамъ и къ родильницамъ перешло и на покойниковъ. Поэтому избѣгаютъ того, чтобы больной скончался въ самомъ домѣ. Замѣтивъ приближеніе кончины, родственники больнаго выносятъ его тотчасъ же или въ сѣнцы, или просто на дворъ, гдѣ онъ и умираетъ.

На четвертый день послѣ кончины является священникъ. По окончаніи послѣдняго обряда оплакиванія, онъ беретъ въ руки зажженную свѣчу и произноситъ надъ усопшимъ молитвы. Съ покойника снимаютъ оружіе и относятъ на кладбище, гдѣ, выложивъ могилу досками или плитнякомъ, опускаютъ въ нее тѣло безъ гроба, воздвигнувъ на немъ насыпь безъ креста и надписей. По окончаніи всѣхъ этихъ обрядовъ, гости должны выкурить за упокой души усопшаго трубки, набитыя махоркой. Потомъ гостей угощаютъ вареной бараниной, слоеными лепешками, пивомъ и водкой.

Въ день похоронъ назначается скачка и стрѣльба въ цѣль на призы. Родственники во время поминокъ стараются угостить на славу; гости объѣдаются бараниною и напиваются пивомъ, а многіе выпиваютъ всю теплую кровь зарѣзаннаго барана. Напившись и наѣвшись, народъ расходится по домамъ съ веселымъ шумомъ.

нующійся по ущельямъ, похожъ на океанъ, по которому плаваютъ ледяныя горы, закутанныя въ фантастическія тѣни. Глазу кажется, что всѣ эти исполинскія вершины движутся, колеблятся, тонутъ и снова возникаютъ. Но туманъ рѣдѣетъ, и остроконечныя верхи осетинскихъ горъ рѣзко обозначаются. Они поднимаются въ высоту одинъ надъ другимъ, въ безконечныхъ ярусахъ, окрашенные разнообразными цвѣтами, которые мѣняются по мѣрѣ отдаленія: сначала зеленые, потомъ темные, голубые, фіолетовые... но всѣхъ цвѣтовъ не перечесть: такъ они различны, да и нѣтъ имъ названій Вправо и влѣво, словно рамы для этой картины, стоятъ огромныя, неизмѣримыя скалы, черныя, блестящія, какъ броня вороненая; вотъ на одной изъ этихъ скалъ, въ высотѣ, упершись ногою объ остроконечную вершину, стоитъ какой нибудь пастухъ, какъ пограничный стражъ; онъ рѣзко рисуется на яркой лазури неба, но, равнодушный къ красотѣ окружающей его природы, грубый и дикій, онъ не сочувствуетъ природѣ; онъ занятъ: онъ стережетъ стадо козъ, которыя, прыгая съ камня на камень, щиплютъ тощую зелень, засыпанную снѣгомъ...

Въ такое время осетинскіе аулы дѣлаются островами, отдѣленными отъ всего міра, и населеніе скучивается въ своихъ жилищахъ.

Жилища осетинъ не одинаковы и не однообразны. Въ мѣстахъ безлѣсныхъ дома и прочія хозяйственныя пристройки складываются изъ плитняка безъ глины, а въ ущельяхъ, изобилующихъ лѣсомъ, строятся изъ дерева. Каждый каменный домъ имѣетъ видъ замка въ два или три этажа, съ высокими башнями и плоскою земляною крышею. Такой домъ, обнесенный каменною оградою и имѣющій высокую башню, носитъ названіе галуана.

Часто домъ осетина однимъ своимъ фасомъ вдѣланъ въ гору, такъ что задняя стѣна и часть боковыхъ образуются земляною или скалистою стѣною горы. Потолокъ нижняго этажа, въ которомъ преимущественно содержится скотъ, служитъ поломъ для втораго, сообщаю-

щагося съ дворомъ посредствомъ внѣшней лѣстницы, идущей на площадку, образуемую нижнимъ выдающимся впередъ этажемъ. Во второмъ этажѣ живутъ сами осетины, а верхній, если онъ есть, то предназначается частію для пріема гостей, частію служитъ вмѣсто кладовой. Главное строеніе имѣетъ двѣ двери: одну посрединѣ, а другую — боковую, ведущую на дворъ; небольшія четыреугольныя отверстія безъ рамъ замѣняютъ окна.

Большая часть деревянныхъ домовъ или сакель строится въ видѣ сараевъ и часто состоитъ изъ плетня, смазаннаго съ обѣихъ сторонъ глиною, съ досчатою крышею, опирающеюся на два столба и замѣняющею потолокъ, поверхъ котораго настилается очень рѣдко дрань, а больше солома, поддерживаемая жердями. Внутренность такого жилища состоитъ изъ двухъ комнатъ съ земляным поломъ. У богатаго владѣльца, къ внѣшней стѣнѣ сакли прислонена полукруглая печь, сдѣланная также изъ плетня, обмазаннаго глиною; а у бѣднаго—очагъ, раскладываемый посрединѣ сакли между двумя большими камнями.

Если осетинъ въ саклѣ, то навѣрное подлѣ очага, у котораго онъ проводитъ день и ночь. Раздѣвшись до-нага, онъ ложится на соломѣ, постланной на полу, подкладывая подъ себя бурку или грубый войлокъ. Зимою спитъ подлѣ очага, а лѣтомъ — подъ отбрытымъ небомъ. Очагъ, кромѣ того, имѣетъ и другое значеніе между осетинами и считается священнымъ мѣстомъ, въ которомъ стараются сохранить постоянный огонь. Каждая хозяйка поддерживаетъ огонь въ своемъ очагѣ и придаетъ его неугасимости особенное значеніе. Надъ очагомъ, въ потолкѣ сакли, сдѣлано дымное отверстіе, а близъ него, къ тому же закопченному дымомъ потолку, прикрѣплена цѣпь, на которой виситъ котелъ, служащій для приготовленія пищи. Вдоль стѣнъ, на полкахъ, разставлена домашняя утварь, посуда: деревянная или глиняная; а если хозяинъ съ достаткомъ, то и мѣдная, составляющая роскошь въ домашнемъ быту осетина. На гвоздяхъ рядомъ

съ полкою виситъ оружіе, бурки, башлыки; а въ углу едва видна дверь, похожая на лазейку. Дверь эта ведетъ въ *кабичъ* — кладовую съ съѣстными припасами, состоящими въ исключительномъ распоряженіи хозяйки.

Въ самой комнатѣ разставлены въ безпорядкѣ кадки съ масломъ, бурдюки съ сыромъ, длинныя скамейки, и разбросаны желѣзныя лопатки для загребанія угольевъ, клещи, вертелъ, квашня и рогожи, сплетенныя изъ особой породы болотистаго растенія и составляющія почти все внутреннее убранство сакли, гдѣ вонь, пыль и нечистота— главнѣйшіе обитатели и равноправные хозяева съ семействомъ осетина.

Осетинъ не умѣетъ, подобно прочимъ азіятцамъ, сидѣть на полу поджавши подъ себя ноги, и потому въ саклѣ его почти всегда есть нѣчто въ родѣ кресла о трехъ ножкахъ и съ рѣзною спинкою, или скамья, или родъ дивана, или, наконецъ, просто обрубокъ, тренога и проч. У нѣкоторыхъ имѣются кровати, по устройству похожія на европейскія, и на которыхъ кучею навалены перины и подушки.

Почти каждая сакля окружена хлѣвами и курятниками. Обыкновенно, подлѣ самаго дома стоитъ птичникъ и хлѣвъ для овецъ; въ оградѣ изъ хвороста помѣщается рогатый скотъ. Всѣ зданія и пристройки обнесены прочнымъ тыномъ, вблизи отъ котораго разведены огороды, засѣянные картофелемъ, рѣдькою, кукурузою и другою зеленью.

Одежда осетинъ, преимущественно чернаго цвѣта, сходна въ покроѣ съ одеждою черкесовъ: короткій кафтанъ, спускающійся немного ниже колѣнъ, съ пришитыми на груди мѣстами для патроновъ, подпоясывается ремнемъ, убраннымъ серебрянымъ или мѣдными пуговицами или змѣиными головками; небольшая низкая и круглая шапка съ бараньимъ околышемъ; шаровары изъ простого сукна или изъ сукна, приготовленнаго изъ козьяго пуха и не крашеннаго, составляютъ остальной костюмъ мужчины. На ногахъ онъ носитъ че-

вяки или надѣваетъ башмаки некрашенной кожи съ подошвами; а чтобы лучше держаться на скалахъ и льдахъ, осетинъ дѣлаетъ подошву изъ рѣдко-плетеныхъ ремней. Главное щегольство осетина составляетъ оружіе: кинжалъ на поясѣ, пистолетъ за поясомъ, шашка у бедра, а ружье за плечами. Осетины, живущіе на сѣверномъ склонѣ кавказскихъ горъ, еще не такъ давно имѣли небольшіе круглые щиты, сдѣланные изъ кожи, окованные вокругъ желѣзомъ и съ металлическою посединѣ бляхою.

Женщины предпочитаютъ синій цвѣтъ, и одежда ихъ состоитъ изъ длинной до пятъ рубахи, приготовленной изъ бумажной матеріи; шароваръ, по преимуществу краснаго цвѣта, и ситцеваго или нанковаго архалука. Лѣтомъ осетинки ходятъ босыя, а въ остальное время носятъ мужскую обувь, только изъ черной кожи, и во время холода надѣваютъ длинный нагольный тулупъ. На головѣ однѣ носятъ шапочки или, лучше, ермолки, другія—болѣе бѣдныя—покрываются просто платкомъ, а дѣвицы заплетаютъ косы, но безъ лентъ.

Подлѣ очага, скинувъ съ себя архалукъ и чевяки (ножная обувь), съ трубкою въ зубахъ, сидитъ глава семейства, поучающій свое потомство, размѣстившееся вокругъ него и съ жадностію прислушивающееся къ его фантастическому и сказачному разсказу. Онъ разсказываетъ о жившихъ нѣкогда дивныхъ людяхъ, охотившихся въ вѣковыхъ лѣсахъ, похищавшихъ красавицъ и не боявшихся колдуновъ. Говоритъ онъ своимъ дѣтямъ о Вацилѣ (или Уацилѣ), какомъ-то лѣсномъ божествѣ; говоритъ и о покровительствѣ Уастырджи (св. Георгія), спасавшаго охотниковъ отъ козней лѣснаго духа. Къ послѣднему самъ разсказчикъ питаетъ особое уваженіе, но совершенно отличное отъ почитанія святаго каждымъ истиннымъ христіаниномъ, потому что осетинъ не имѣетъ никакого понятія о религіи, и болѣе суевѣренъ, чѣмъ религіозенъ.

Трудно сказать, какой именно религіи держатся осетины: до такой степени у нихъ перемѣшаны понятія о христіанствѣ, магометан-

ствѣ и язычествѣ. По отчетамъ общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ, всѣ осетины дѣлятся на три категоріи: христіанъ, число которыхъ простирается до 51,590 душъ; магометанъ—14,434 душъ и язычниковъ. Такое разграниченіе можно назвать только существующимъ на бумагѣ. Хотя осетины имѣютъ свои церкви, священниковъ и раздѣлены на приходы, но религія у нихъ не достигла еще до высокой степени набожности. Ни христіане, ни магометане, ни наконецъ язычники не слѣдуютъ въ точности обрядамъ и установленіямъ своей религіи. Всѣ правила и церковные уставы перемѣшаны и перепутаны; христіане исполняютъ многіе языческіе обряды при свадьбахъ и похоронахъ, брѣютъ голову и совершаютъ омовеніе; магометане, принадлежа къ сунитской сектѣ, не слѣдуютъ законамъ пророка, ѣдятъ свинину, пьютъ вино и смѣются надъ своими обрядами, а язычники чествуютъ многіе праздники вмѣстѣ съ христіанами. Считаясь христіанномъ, почитая святыхъ, осетинъ не ходитъ въ церковь, приноситъ жертву кумиру, и допускаетъ многоженство. Сколько правительство ни старалось внушать осетинамъ, что они, какъ христіане, должны покинуть многоженство, какъ обычай, противный уставамъ православной церкви, но туземцы оставались непреклонными и долгое время не покидали многоженства. Изъ смѣси различныхъ вѣрованій и понятій, въ народѣ образовалась своя собственная религія, одинаково пригодная христіанину, магометанину и язычнику. Причиною такого смѣшенія религіозныхъ понятій было то, что осетины подвергались поперемѣнно ученію разныхъ вѣрованій, смотря по тому, подъ чьею властію находились. Грузины съ юга—вносили къ нимъ христіанское ученіе, а съ запада и сѣвера кабардинцы поучали магометанству. Положеніе осетинъ было точно такое же, какое бываетъ съ слабымъ племенемъ относительно сильнаго: они положили себѣ правиломъ не сопротивляться ни тому, ни другому ученію, принимать до времени форму побѣдителей; но упорно держаться своего.

Такая система политическаго поведенія произвела у осетинъ окончательное смѣшеніе всѣхъ ихъ вѣрованій.

Не заходя въ глубокую древность, мы должны сказать, что, по свидѣтельству имеретинскаго князя Давида, проведшаго четыре года въ плѣну у осетинъ и присмотрѣвшагося къ быту ихъ, осетины «исполняли въ концѣ прошлаго вѣка великій постъ, но поповъ не имѣли; они не крестились, а поклонялись козловой кожѣ, которую почитали вмѣсто Ильи пророка, и ей молились».

Прошло съ тѣхъ поръ почти цѣлое столѣтіе, и осетины весьма мало подвинулись въ религіозномъ отношеніи. Правда, число лицъ, называющихъ себя христіанами, значительно увеличилось, но смѣшанность вѣрованія осталась все также.

Ни чѣмъ не заинтересованные въ необходимости убѣдиться въ чистотѣ и пользѣ христіанскаго ученія, осетины и въ настоящее время весьма плохіе христіане.

Православные священники, живущіе въ Осетіи, находятся въ крайней бѣдности и не имѣютъ хотя бы мало-мальски сноснаго помѣщенія. Лучшимъ помѣщеніемъ считается полумрачная сакля съ земляннымъ поломъ и съ однимъ крошечнымъ окномъ. Многіе изъ пастырей церкви живутъ почти въ хлѣву, да и то чужомъ, изъ котораго часто приходится переселяться въ другой, потому что хозяинъ выгоняетъ его. Купить же или построить себѣ саклю, при скудномъ содержаніи, священникъ не въ состояніи. Содержанія его не хватаетъ даже и на пищу, которую приходится пріобрѣтать изъ города или далекой станицы, такъ какъ въ горахъ ничего не достанешь.

Недостатокъ въ священникахъ-миссіонерахъ дѣлаетъ то, что осетины, весьма равнодушные къ православію, придерживаются своей особой религіи, представляющей смѣсь христіанства съ язычествомъ. Подъ именами различныхъ христіанскихъ святыхъ—чаще св. Маріи и св. Георгія—у осетинъ существуютъ священныя мѣста: скалы, лѣса и даже отдѣльныя деревья.

Они почитаютъ Михаила Архангела, пророка Илію—какъ покровителя скотоводства и земледѣлія; Георгія Побѣдоносца—какъ покровителя дорогъ и путешественниковъ. Каждый молится ему и приноситъ жертвы, отправляясь на войну, въ набѣгъ или просто въ путь.

Святая Марія считается покровительницею супружескаго счастія и плодородія. Ей молятся и приносятъ жертвы послѣ каждыхъ родовъ; въ честь ея осетины назвали пятницу—майрамъ-бонъ и установили мужское имя Майрамъ (Марій).

Въ народѣ много теплаго вѣрованія, но недостатокъ въ истинномъ началѣ и ученіи религіи. Такъ, каждый осетинъ, свято вѣрующій въ какой-либо священный предметъ, относится къ нему съ особымъ благоговѣніемъ. Ни одинъ изъ нихъ, проходя мимо такого предмета, не забудетъ снять папахи; ѣдущій не забудетъ сойти съ лошади; никто не откажется внести посильную лепту на постройку жертвенника, обыкновенно воздвигающагося въ почитаемыхъ и священныхъ мѣстахъ. За неимѣніемъ средствъ, жертвенникъ замѣняетъ большой шестъ съ привязанными къ нему лоскутками. Тутъ съ незапамятныхъ временъ, осетины складываютъ свои приношенія: желѣзные инструменты, турьи рога, черепа разныхъ животныхъ, убитыхъ въ честь святаго и т. п.

Убѣжденіе въ томъ, что взявшій такую вещь подвергнется самой мучительной смерти, дѣлаетъ вещи эти неприкосновенными. Принося зачастую ложную присягу, передъ крестомъ и евангеліемъ, осетинъ никогда не рѣшится сдѣлать того же на святомъ мѣстѣ и тотчасъ же сознается въ преступленіи.

Христіанство распространено преимущественно въ простомъ народѣ; магометанства придерживаются старшины и вообще высшее сословіе, такъ какъ оно допускаетъ многоженство; но всѣ, не имѣя яснаго понятія о религіи, клонятся на сторону той, которая представляетъ имъ болѣе покровительства, менѣе требованій и болѣе выгодъ. По народному обычаю, замужнія женщины, не имѣя права

показываться постороннему мужчинѣ и обязанныя выходить изъ дому подъ покрываломъ, никогда не бываютъ въ церкви.

Все это ведетъ къ тому, что осетины отличаются вѣротерпимостію другъ къ другу, или, лучше сказать, совершеннымъ равнодушіемъ къ религіи.

Не имѣя понятія о сотвореніи міра, осетины сохранили въ своей памяти названіе двухъ первыхъ людей, Адама и Евы, и вѣрятъ въ существованіе ангеловъ и дзуаровъ—безчисленныхъ духовъ, покровителей всего хорошаго и добраго. Имъ они приносятъ молитвы, прося объ урожаѣ, удачной охотѣ и проч.

Праздники, обряды, семейная жизнь.

Люди всѣхъ вѣроисповѣданій почитаютъ христіанскихъ святыхъ и въ честь ихъ исполняютъ праздники, больше частію совпадающіе съ нашими.

Около 25-го декабря у осетинъ бываетъ праздникъ, чисто христіанскій, въ честь Рождества Христова. Дня черезъ два или три послѣ того, народъ празднуетъ ночь въ честь шайтана—злой силы, или дьявола.

Новый годъ извѣстенъ у осетинъ подъ именемъ *Ногъ-бонъ*, что въ переводѣ означаетъ новый день, и празднуется одновременно съ нами. Празднованіе и встрѣча новаго года весьма сходна съ празднованіемъ его у грузинъ.

Осетины соблюдаютъ посты: великій (мархо), успенскій (майрамъ-мархо) и двѣ недѣли передъ Рождествомъ Христовымъ (шапурсъ-мархо).

Всѣ праздники осетинъ совершаются обыкновенно на одной изъ горъ, окружающихъ аулъ, которая часто получаетъ названіе отъ имени того святаго, въ честь котораго приносятся на ней жертвы. Вы-

бирая гору для молитвы и совершенія праздника, осетины вѣрятъ, что чѣмъ выше подымется молящійся, тѣмъ скорѣе дойдетъ, до кого слѣдуетъ, его молитва.

Съ вечера страстной субботы, наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія, каждый осетинъ старается провести предстоящую ночь одинъ, потому что, по сказанію народа, Іисусъ Христосъ ежегодно въ эту ночь сходитъ съ неба на пѣгой лошади и показывается только одному достойному осетину, который будетъ послѣ того счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Отпраздновавъ Свѣтлое Христово Воскресеніе, осетины ожидаютъ праздника *уастырджи*, въ честь св. Георгія, или, какъ называютъ его женщины, *Лагти-Дзуара*—святаго всѣхъ мужчинъ. Женщина не смѣетъ произносить имени этого святаго, вѣроятно потому, что, по обычаю народа, она не должна называть по имени ни мужа, ни родственниковъ и даже избѣгать говорить о послѣднихъ, слѣдовательно не смѣетъ произносить и имени святаго, покровительствующаго только мужчинамъ.

Троицынъ день, извѣстный у осетинъ подъ именемъ *Кардагъ-Хасанъ*—сборъ травъ,—считается въ числѣ главныхъ праздниковъ и празднуется съ особеннымъ великолѣпіемъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ того у осетинъ бываетъ праздникъ въ честь пророка Иліи. Подъ именемъ Уацилы, или Вацилы осетины разумѣютъ пророка Илію, котораго считаютъ управляющимъ громомъ и молніею, и представляютъ себѣ сидящимъ въ огненной колесницѣ, везомой огненными крылатыми конями. Во время засухи, продолжительной непогоды осетины обращаются съ молитвою къ этому святому, прося его пощадить ихъ нивы, полевыя и огородныя растенія. Жертвоприношеніе, въ такомъ случаѣ, совершается подъ дубомъ, который выбирается, по преимуществу, старый и солидныхъ размѣр въ въ поперечникѣ.

Громовой ударъ осетины считаютъ проявленіемъ сильнаго гнѣва

Иліи. Почти всегда, въ каждомъ аулѣ, найдется такая старуха, которая послѣ молніи и удара грома падаетъ въ обморокъ, начинаетъ рвать на себѣ волосы, бить по лицу, скрежетать зубами, производить кривлянья и различныя гримасы, словомъ—показываетъ себя какъ бы навожденною и распѣваетъ непонятныя пѣсни.

Главное мѣсто празднества св. Иліи происходитъ на одной изъ горъ, гдѣ живетъ главный жрецъ этого святаго *дзуарг-лагъ*, что значитъ святой человѣкъ. Онъ же и гадаталь.

Вѣра въ существованіе многихъ духовъ, разнаго рода покровителей, защитниковъ и угнетателей рода человѣческаго и боязнь прогнѣвить ихъ, вызвала народъ на совершеніе многихъ праздниковъ, и притомъ такихъ, что и сами осетины не знаютъ въ честь кого празднуютъ.

Кромѣ различнаго рода святыхъ, почитаемыхъ осетинами, каждый аулъ, или отдѣльное племя, имѣетъ своихъ идоловъ-покровителей и священныя мѣста, которыя, впрочемъ, по большей части, не признаются другими аулами и племенами.

Слѣпая вѣра въ непреодолимую силу нѣкоторыхъ вещей также очень сильна между осетинами. Нравственное и умственное развитіе ихъ стоитъ на такой низкой степени, что каждое семейство, тайно отъ другаго, уважаетъ какой-нибудь предметъ, въ непреодолимую силу котораго вѣритъ и боится прогнѣвить его, изъ одного простаго страха, что эта неодушевленная вещь отмститъ за оскорбленіе, въ случаѣ ложной клятвы передъ нею или неправильнаго показанія.

Уваженіе это къ неодушевленнымъ предметамъ и даже животнымъ до такой степени сильно, что не было еще примѣра, чтобы кто-нибудь не сознавался въ воровствѣ или даже убійствѣ, ежели отъ него потребуютъ признанія надъ предметами или животными, въ-тайнѣ имъ уважаемыми.

Лица, поставленныя во главѣ управленія осетинами, нерѣдко прибѣгали къ такого рода клятвѣ и пользовались суевѣріемъ народа

при разборѣ тяжебныхъ дѣлъ между осетинами. Осетины вѣрятъ тоже въ русалокъ и въ существованіе богини воды.

Многоженство въ обычаѣ осетинъ. Если только мужчина въ состояніи прокормить трехъ или болѣе женъ, то не преминетъ воспользоваться своимъ положеніемъ. Женихъ прежде всего долженъ внести за невѣсту выкупъ, или, по осетински, *ирадъ*, и быть равнаго съ нею состоянія. Равенство браковъ соблюдается очень строго; старшина (дворянинъ) ни за что не выдастъ своей дочери за фарсалака (однодворца).

Каждый, женившійся на дѣвушкѣ низшаго, чѣмъ онъ, состоянія, дѣлаетъ ее незаконною женою, и дѣти, происшедшія отъ такого брака, получаютъ названіе *кавдасардовъ*— состояніе, подходящее къ крестьянскому быту.

Сватаніе происходитъ между родителями и часто начинается съ колыбели. Выкупъ платится также родителями жениха невѣсты или исподволь, пока растетъ дѣвушка, или сразу передъ свадьбою.

Свадьбы по любви у осетинъ не существуетъ. Женихъ беретъ себѣ въ жены ту дѣвушку, которую хотятъ его родители, и смотритъ на нее не какъ на подругу жизни, а какъ на рабу или прислугу, обязанную для него вѣчно работать. Женихъ можетъ видѣть свою невѣсту только украдкою, мимоходомъ или въ домѣ своихъ родныхъ, и вопросъ жениху: здорова-ли невѣста или когда будетъ свадьба? считается для него жестокимъ оскорбленіемъ.

Не всякій осетинъ въ состояніи заплатитъ выкупъ за невѣсту, а потому болѣе ловкіе молодые люди крадутъ себѣ невѣстъ безъ всякаго выкупа, что притомъ же считается особенной честію и достоинствомъ для жениха, и тогда похищенная дѣвушка принадлежитъ безспорно похитителю, который, въ этомъ случаѣ, не платитъ совсѣмъ выкупа или платитъ значительно меньшій противъ установленнаго.

Похищеніе должно быть однакоже совершенно съ согласія невѣ-

сты и сдѣлано съ большимъ удальствомъ: иначе пойманный часто платится жизнію, а боками—всегда. Тѣ же, которые не могли похитить невѣсты и не имѣли средствъ заплатить выкупа, поступаютъ въ домъ невѣсты работникомъ и часто только послѣ восьми-лѣтняго служенія женихъ пріобрѣтаетъ себѣ право вступить въ супружество съ избранною. Отъ этого между осетинами встрѣчается очень много взрослыхъ и перезрѣлыхъ холостяковъ.

Бѣдность и недостатокъ, съ одной стороны, и значительная цифра выкупа—съ другой лишали осетина возможности заплатить законный, калымъ за нѣсколькихъ женъ; поэтому онъ обыкновенно, вмѣстѣ законною женою, обзаводился и нѣсколькими незаконными, отъ которыхъ происходили незаконныя дѣти или *кавдасарды*. Послѣдніе составляли въ Осетіи цѣлое особое племя, лишенное многихъ гражданскихъ правъ, сравнительно съ прочимъ населеніемъ. Они, со всѣмъ своимъ потомствомъ, составляли достояніе сначала отца своего, а потомъ переходили, по наслѣдству, къ его дѣтямъ. Отецъ могъ ихъ дарить, продать, закладывать, выдавать дѣвушекъ замужъ и выкупъ брать себѣ. Свадьба кавдасарда происходила безъ всякой церемоніи: женщина просто переходила изъ родительскаго дома къ мужу. Однимъ словомъ, осетины собственнымъ иждивеніемъ и стараніемъ увеличивали число рабочихъ рукъ въ семействѣ; въ незаконной женѣ пріобрѣтали рабочую прислугу, дарившую ихъ одновременно и сыномъ, и крестьяниномъ. Къ тому же подобную жену можно было взять на время, совсѣмъ, или съ условіемъ, выговариваемымъ при женитьбѣ, что если она окажется неспособною или дурнаго поведенія, то мужъ отошлетъ ее обратно къ родителямъ, но дѣтей оставляетъ при себѣ въ услуженіи.

Въ прежнее время осетины женились очень рано. Мальчикъ, достигшій восьмилѣтняго возраста, вступалъ въ бракъ, если только былъ въ состояніи заплатить выкупъ; но теперь наше правительство воспрещаетъ столь ранніе браки и женятся только такіе молодые

люди, которые достигли четырнадцати-лѣтняго возраста. Ограниченіе возраста часто и до сихъ поръ сопряжено съ большими затрудненіями.

Такъ, въ 1862 году восьми-лѣтняя дочь жителя селенія Четорси, Дзигви Цалогови, была засватана за десятилѣтняго мальчика, жителя того же селенія, Михаила Хубегова. Родители дѣвушки, не смотря на неоднократное запрещеніе священника, приготовились къ свадьбѣ, и три брата Цалогови явились къ священнику и принуждали его обвѣнчать сговоренныхъ. Священникъ просилъ ихъ обождать до совершеннолѣтія, и видя, что увѣщанія его тщетны, объявилъ, что передастъ это дѣло на разсмотрѣніе благочиннаго. Но въ то время, когда священникъ писалъ донесеніе благочинному, одинъ изъ братьевъ ворвался въ его домъ и кинжаломъ убилъ священника. Въ то же время злодѣй поразилъ и церковнаго старосту, дряхлаго старичка, который былъ только простымъ свидѣтелемъ переговоровъ со священникомъ.

Основою семейнаго быта у осетинъ служитъ уваженіе къ старшимъ и вообще людямъ пожилыхъ нѣтъ. Уваженіе это простирается до того, что каждый считаетъ непремѣнно своею обязаннестью вставать при входѣ старшаго и привѣтствовать его, хотя бы онъ былъ и низшаго происхожденія. Учтивость эта, никогда не нарушаемая, соблюдается въ семействѣ съ особою строгостію.

Женившись, осетинъ тотчасъ же сдаетъ все свое хозяйство на руки и въ распоряженіе жены. Сами мужчины не занимаются хозяйствомъ, и если работаютъ, то не болѣе трехъ дней въ недѣлю: вторникъ, среду и четвергъ.

Тамъ, гдѣ сила и ловкость, удальство и хищничество съ оружіемъ въ рукахъ составляютъ основу жизни, тамъ женщина, конечно, должна терять въ глазахъ мужчины и быть въ рабскихъ къ нему отношеніяхъ. Осетинъ покупаетъ себѣ жену какъ товаръ, можетъ купить себѣ двѣ или три жены, если имѣетъ къ тому средства, и

потому онъ обращается съ ними сурово, стараясь на каждомъ шагу показать свое превосходство и презрѣніе къ женщинѣ. Мужчину можно обругать какъ угодно, сравнить съ какимъ бы то ни было животнымъ—онъ не обидится; но назвать его усъ—женщиною, онъ приметъ это за тяжкую обиду. Чтобы предохранить себя отъ этого ужаснаго прозвища, онъ не носитъ краснаго цвѣта—принадлежности женскаго пола. Изъ этого составляютъ исключеніе только старики, къ которымъ народъ питаетъ глубокое уваженіе; только они одни и могутъ носить платье какихъ угодно цвѣтовъ.

Жена не называетъ по имени не только мужа, но даже братьевъ, и другихъ родственниковъ. Называя мужа, она говоритъ обыкновенно «на лаг»,—что означаетъ нашъ господинъ, нашъ мужъ. Но еслибы случилось, что женщина, въ присутствіи другихъ женщинъ, по ошибкѣ, назвала по имени мужа, или одного изъ родственниковъ его, то подвергается большому осмѣянію.

Осетинская женщина старѣется весьма скоро: въ двадцать пять лѣтъ она уже совсѣмъ старуха. Лицо ея обрюзгло и покрыто морщинами, груди отвисаютъ до пояса и животъ опущенъ; впрочемъ эта послѣдняя статья считается красотою. Осетинская женщина любитъ посплетничать, въ особенности во время полевыхъ работъ, на которыя сходятся сосѣдки безъ мужчинъ. При встрѣчахъ и разговорахъ, онѣ очень часто называютъ другъ друга не собственными именами, а нарицательными: савъ-гизъ (черная дѣвка, одно изъ почтенныхъ именъ), бабизъ (утка) и проч. Осетинки не прячутся отъ глазъ мужчины ни своего, ни посторонняго, и, при всей дикости ихъ мужей, пользуются нѣкоторою свободою въ своихъ дѣйствіяхъ,—а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже съ излишествомъ, не возбуждая тѣмъ ревности своихъ мужей. Послѣдній, будучи полновластнымъ господиномъ своей жены, можетъ прогнать ее отъ себя когда вздумается.

Разводъ допускается между супругами и причинъ для него весь-

ма много. Бездѣтность женщины или жена, просто надоѣвшая мужу, можетъ быть отослана послѣднимъ къ ея родителямъ, не спрашивая о томъ ни у кого согласія или позволенія. Если осетинъ, прогоняя жену, дастъ ей что-либо на пропитаніе, то это доказываетъ его прекрасныя качества. Чаще же всего женщина выходитъ изъ дому нагая, оборванная и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Если у выгоняемой женщины есть дѣти, то отецъ обязанъ назначить на ихъ пропитаніе опредѣленныя средства деньгами или скотомъ.

Разведясь съ своею законною женою, осетинъ беретъ себѣ другую женщину, и даже вдову роднаго брата, и живетъ съ нею безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ.

Рожденіе младенца сопровождается у осетинъ нѣкоторыми особенностями. Чѣмъ богаче и сильнѣе отецъ новорожденнаго сына, тѣмъ болѣе собирается у него охотниковъ попировать на счетъ хозяина. Съ приближеніемъ родовъ, прежде разрѣшенія больной отъ бремени, въ домъ къ ней собираются всѣ родные и знакомые обоихъ супруговъ, причемъ мужчины, преимущественно молодые парни и мальчики, помѣщаются въ одной половинѣ сакли, а замужнія женщины и старухи—въ другомъ отдѣленіи; дѣвушки въ это время не допускаются. Каждая женщина несетъ по три масляныхъ пирога, по обычаю вырываемыхъ изъ рукъ мальчиками. Когда больная почувствуетъ приближеніе родовъ, то самыя близкія родственницы уводятъ ее изъ женскаго общества въ особую комнату, и ни мужъ, ни другіе родственники при родахъ не присутствуютъ, по малому развитію родительскихъ и родственныхъ чувствъ. Больная оставляется только съ одною бабкою, и всѣ безъ исключенія присутствующіе удаляются. Отъ молодой жены требуется такой твердости, что какъ бы ни были мучительны роды родильница должна быть совершенно спокойною и не произносить ни одного стона, до разрѣшенія отъ бремени. Гости остаются чуждыми этой высокой разыгрывающейся драмы въ судьбѣ двухъ существъ: матери и будущаго новорожден-

наго, и хлопочутъ только о томъ, какъ бы приступить скорѣе къ угощенію. Но увы! и эта надежда исчезла: хозяйка подарила отцу не сына, а дочь.

Рожденіе дочери хуже чѣмъ наказаніе для отца: дочь у осетина не ставится ни во что, не смотря на то, что отецъ получаетъ за нее ирадъ (плата, калымъ), и что она до замужества и послѣ него будетъ работать въ семействѣ какъ волъ. Осетины не цѣнятъ этихъ заслугъ женщины, и рожденіе дочери принимаютъ за несчастіе. Отецъ, повѣся голову, посматриваетъ на приготовленныя угощенія, груститъ, не хочетъ праздновать рожденія дочери, и часто гости оставляютъ домъ хозяина, только растравленные апетитомъ.

Но если родится сынъ, то угощеніямъ нѣтъ конца. Съ первымъ крикомъ ребенка всѣ бросаются поздравлять отца и всѣхъ родственниковъ, не только присутствующихъ, но и отсутствующихъ. Кто первый поздравитъ, тому отецъ дѣлаетъ подарокъ, состоящій изъ кинжала, пояса и даже шашки, смотря по состоянію, и дарить еще что-нибудь, кому вздумается. Часто родственники также дѣлаютъ подарки, состоящіе по большей части изъ оружія, платья, барановъ и рѣдко лошадей.

Осетинъ не ведетъ счета своимъ годамъ, не празднуетъ своего рожденія и дня ангела, даже и въ томъ случаѣ, когда исповѣдуетъ христіанскую вѣру. Младенцу даютъ имя свое собственное, языческое, независимо отъ имени христіанскаго или магометанскаго. Это имя считается главнымъ и болѣе важнымъ, а христіанскія имена назначаются для проформы. Кто первый подойдетъ къ люлькѣ младенца, тотъ долженъ дать ему имя и можетъ сочинить какое угодно прозваніе новорожденному. Имена эти принадлежатъ разнымъ звѣрямъ, животнымъ и т. п. Осетины всегда зовутъ другъ друга по имени, но никогда не произносятъ имени христіанскаго, а всегда свое языческое.

Крещеніе совершаютъ только тогда, когда самъ священникъ уз-

наетъ, что въ такомъ-то домѣ есть новорожденный, но и то часто родители увѣряютъ своего духовнаго пастыря, что ребенокъ ихъ давно уже крещенъ.

Въ этомъ случаѣ муллы поступали для себя болѣе практично. Они распустили слухъ, что каждый необрѣзанный и семейство его будутъ ходить на томъ свѣтѣ безъ головы, а потому у осетинъ-мусульманъ обрядъ обрѣзанія исполняется гораздо строже.

О воспитанія дѣтей осетины заботятся очень мало. Ребенокъ находится на попеченіи матери; но сынъ съ двѣнадцатилѣтняго возраста поступаетъ подъ надзоръ отца.

У нѣкоторыхъ осетинъ существуетъ обыкновеніе, преимущественно у старшинъ, надѣвать на дѣвушку съ раннихъ лѣтъ корсетъ.

Для сохраненія гибкости стана, которая составляетъ необходимую принадлежность красоты дѣвушки, ее кормятъ весьма дурно. Молоко и нѣсколько яицъ составляютъ ея ежедневную пищу. Часто дѣвушки и женщины привѣшиваютъ себѣ сзади къ волосамъ —длинной витой узелъ, похожій на жгутъ, изъ тонкаго бѣлаго полотна. По понятію осетинокъ, это способствуетъ выростанію и удлиненію волосъ.

Осетины считаютъ безчестіемъ для дома, если покойникъ хотя одну ночь останется непохороненнымъ. Поэтому похороны совершаются или въ самый день смерти, или на другой день утромъ, но никакъ не позже. Христіане, живущіе на плоскости, хоронятъ по церковному уставу съ примѣсью своихъ обычаевъ; а тѣ, которые живутъ въ горахъ, хоронятъ умершихъ чисто по-язычески.

Народъ вѣритъ, что слезы облегчаютъ за гробомъ участь умершаго, и чѣмъ больше слезъ, тѣмъ легче будетъ покойнику. Поэтому на оплакиваніе стараются собрать какъ можно болѣе народа, который часто пріѣзжаетъ изъ весьма отдаленныхъ селеній.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Осетіи въ день смерти совершался обрядъ хоранга, или большія поминки.

Родственники приходили въ домъ покойника, продавали или закладывали его имущество, безъ согласія наслѣдниковъ; на вырученныя деньги покупали вина, выгоняли изъ хлѣба или ячменя водку и рѣзали значительное число быковъ и барановъ, иногда до 35 штукъ. Приготовленныя изъ нихъ кушанья съѣдались и выпивались гостями, при участіи самихъ родственниковъ.

Тотчасъ послѣ кончины лица, всѣ родственники и знакомые одного съ нимъ аула собираются въ саклю; прочимъ, живущимъ въ сосѣднихъ аулахъ даютъ знать черезъ карганака (вѣстникъ, глашатай). Послѣдняго снабжаютъ самою лучшею лошадью, чтобы онъ могъ, какъ можно скорѣе, оповѣстить всѣхъ о кончинѣ такого-то. Если же нѣтъ лошади, то посылаютъ нѣсколько человѣкъ въ разные аулы. Пока соберутся изъ сосѣднихъ ауловъ матзигой—такъ называется народъ, сходящійся на погребеніе—покойника оплакиваютъ свои одноаульцы. Сверстники покойнаго жертвуютъ на погребеніе его вещи—кто черкеску, шашку, бешметъ, а кто и ремень; умершую женщину одѣваютъ ея родители и родственники.

Пріѣзжающихъ изъ сосѣднихъ деревень встрѣчаютъ молодые люди, сводятъ ихъ съ лошадей и аробъ, и отбираютъ отъ нихъ оружіе.

Около дымнаго очага, укутанный съ ногъ до головы, лежитъ на скамейкѣ умершій, окруженный родственниками и знакомыми.

Передъ покойникомъ теплится свѣча, а у порога сакли, у самой двери, стоятъ по одну сторону мужчины, по другую сторону женщины. Начинается обрядъ оплакиванія. Гости, приближаясь къ дому умершаго, сжимаютъ обѣ руки въ кулаки, и, ставъ рядомъ, по нѣскольку человѣкъ, бьютъ себя въ лобъ поперемѣнно обѣими руками, испуская печальные гортанные звуки «са-а-а»; дойдя до порога дверей, они возвращаются обратно и присоединяются къ другимъ. За тѣмъ на порогѣ сакли становится въ рядъ по два или по четыре

человѣка, которые берутъ въ правыя руки плети, а лѣвыми закрываютъ глаза и, затянувъ печальную пѣсню ада-дай, тихо приближаются къ покойнику. Нѣкоторые натираютъ конецъ плети воскомъ, чтобы показать свое состраданіе къ покойнику и свое сердечное сожалѣніе его семейству. Плетьми этими они бьютъ себя по открытой головѣ такъ сильно, что она, огибая лобъ, темя и шею, вырываетъ тѣло кусками, и кровь льется изъ задней части головы.

Дойдя до покойника, они прекращаютъ удары, дотрогиваются до него обѣими руками и отходятъ прочь, передавая плети другимъ охотникамъ истязать себя въ этой печальной церемоніи.

За мужчинами идутъ точно также прощаться женщины, съ тою только разницею, что, вмѣсто плети, бьютъ себя руками. Женщины царапаютъ себѣ лица ногтями, бьютъ обѣими руками по щекамъ или крестообразно по предплечіямъ, такъ что правая рука приходится на лѣвое предплечіе, а лѣвая на правое. Отъ безпрестанныхъ ударовъ этихъ лицо ихъ раздувается, глаза наливаются кровью. Дойдя, такимъ образомъ до покойника, каждая кланяется и, дотронувшись до ногъ его, отходитъ въ сторону.

Когда всѣ гости попрощаются съ покойникомъ, тогда мать, жена или сестра его начинаетъ такъ называемый карагъ—оплакиваніе, поддерживаемое общимъ рыданіемъ присутствующихъ. Присутствующіе, при выходѣ изъ сакли покойника, оставляютъ деньги какъ для покрова умершаго, такъ и на содержаніе его вдовы. По совершеніи всѣми обряда прощанія, покойника, одѣтаго въ новое платье и завернутаго въ кусокъ холста или сукна, кладутъ на носилки или на арбу, и отвозятъ на семейное, а не на общее кладбище. Осетины, какого бы вѣроисповѣданія ни были, не хоронятъ своихъ покойниковъ въ гробахъ, а вырываютъ яму, укладываютъ ее досками или камнемъ и обжигаютъ порохомъ, для того чтобы звѣри не разрывали могилъ.

Въ печальной процессіи, непосредственно за арбою, на которой

везутъ покойника на кладбище, идутъ только всѣ женщины аула, и при пѣніи «ада-дай», бьютъ себѣ обѣими руками по лбу; мужчины слѣдуютъ по правую сторону и продѣлываютъ тоже самое плетью. По лѣвую сторону покойника ѣдетъ всадникъ въ полномъ вооруженіи и на конѣ, принадлежащемъ умершему. Чѣмъ знатнѣе и богаче покойникъ, чѣмъ медленнѣе подвигается процессія, тѣмъ большее число лицъ принимаютъ въ ней участіе и тѣмъ яростнѣе сыплются удары въ лобъ и головы провожающихъ.

На кладбищѣ совершается новое и послѣднее оплакиваніе. Покойника ставятъ поодаль отъ мѣста погребенія. Вокругъ умершаго становятся женщины, а поодаль ихъ мужчины. Одна половина женщинъ поетъ печальную пѣсню и ударяютъ себя въ грудь. Мужчины, опираясь на палку и понуривъ голову, безмолвно внимаютъ плачу женщинъ.....

У алагирцевъ на грудь покойника насыпаютъ пороху и зажигаютъ его; если дымъ подымется вверхъ, значитъ умершій человѣкъ блаженный, а если онъ распространится въ стороны или пойдетъ къ низу, то наоборотъ.

Жители горной Осетіи, какъ-то: алагирцы, куртатинцы, челитинцы и дигорцы, одѣваютъ покойника въ новое платье, шапку, полное вооруженіе, и, покрывъ буркою, кладутъ вмѣстѣ съ нимъ въ могилу три чурека и штофъ араки, съ тою цѣлію, чтобы покойникъ, во время пути на небо, ни въ чемъ не нуждался и могъ одарить кого слѣдуетъ.

Если умершій магометанинъ, то изъ среды толпы выходитъ мулла и съ важностію требуетъ коня покойнаго, для совершенія обряда бахи-фалдистъ—жертвованія лошади въ честь покойника.

Въ послѣднее время, только тѣ женщины, которыя желаютъ остаться вдовыми навсегда, отрѣзаютъ себя волосы и кладутъ ихъ въ могилу умершаго. Обрѣзываніе ушей и принесеніе ихъ на могилу осталось только въ дѣлахъ кровомщенія, и тогда отмщенный полу-

чаетъ для прислуги себѣ на томъ свѣтѣ раба, въ лицѣ того, кто за него убитъ.

Въ могилѣ покойника кладутъ лицомъ къ востоку. Затѣмъ одни только родственники засыпаютъ его землею и бросаютъ лопаты на могилѣ, изъ предразсудка, что, взятыя обратно въ домъ, онѣ принесутъ несчастіе. Въ могилу кладутъ и тѣ вещи, которыя любилъ покойный или чѣмъ занимался, но преимущественно зарываютъ огниво, кремень, трутъ, трубку, табакъ, иглу для прочистки трубки, а съ младенцами кладутъ ихъ игрушки.

Предоставивъ женщинамъ дальнѣйшее оплакиваніе, мужчины спѣшатъ на поминки.

Осетины-христіане очень рѣдко ставятъ надъ могилами кресты, а большею частію ставятъ въ головахъ деревянный брусъ или каменную плиту, на верхнихъ концахъ которой у магометанъ придѣлывается шаръ.

Послѣ закрытія могилы, производятся конскія скачки на разстояніи, впрочемъ, не болѣе семи верстъ. Кто первый прискачетъ, тотъ, по мнѣнію осетинъ, вѣроятно былъ болѣе всѣхъ любимъ покойникомъ и за то получаетъ подарокъ: быка или барана; смотря по состоятельности осиротѣвшаго семейства; иногда у бѣдныхъ призъ составляетъ четвертая часть бычачьей шкуры, но за то у богатыхъ такой удалецъ получаетъ отъ вдовы до 40 коровъ. Часто скачку замѣняетъ такъ называемый кабакъ—стрѣльба въ цѣль по жерди, воткнутой въ землю и нерѣдко достигающей до десяти саженъ длины. Кто попадетъ въ кругъ, сдѣланный на верху жерди, или сброситъ пулею кусочекъ, положенный на верхній конецъ жерди, получаетъ призъ.

Послѣ похоронъ преимущественно въ тотъ же день вечеромъ устраивается маданих-истъ—такъ сказать—ужинъ, на которомъ присутствующіе принуждаютъ родственниковъ умершаго разговѣться.

Со дня смерти семья, родственники, а иногда даже и знакомые

не должны ѣсть ничего скоромнаго, причемъ мать, жена или сестра покойнаго, по обычаю осетинъ, должны поститься въ теченіи трехъ дней, а въ нѣкоторыхъ обществахъ цѣлый годъ, и носить трауръ, который состоитъ изъ повязаннаго на головѣ чернаго платка. Остальныя лица могутъ разговѣться, для чего собственно и устраивается мадани-хистъ. Каждый приглашенный на хистъ приноситъ съ собою пироги съ сыромъ, варенки съ медомъ и масломъ, а семейство покойнаго закалываетъ барана или теленка. Одинъ изъ стариковъ, вставъ посреди собравшихся, поминаетъ умершаго.

Три дня сряду послѣ похоронъ родственники собираются на могилу помолиться и поплакать. У дигорцевъ, въ теченіи первыхъ трехъ ночей, на могилѣ умершаго оставляется караулъ съ оружіемъ. По сказанію народа, въ одну изъ этихъ ночей шайтанъ (дьяволъ) имѣетъ привычку похищать трупъ и относить его въ адъ, на пищу страшнымъ фуріямъ.

XVIII. КУРДЫ.

На приложенной хромолитографіи, вмѣстѣ съ армяниномъ и осетиномъ, изображенъ курдъ. Эта народность принадлежитъ къ иранской расѣ и живетъ въ Азіятской Россіи въ весьма ограниченномъ числѣ, въ частяхъ губерній: Эриванской, Бакинской и въ пограничныхъ частяхъ Кутаисской. Всего считается ихъ въ Закавказьѣ до 11,000 душъ, изъ которыхъ около двухъ третей кочующихъ, и только одна треть осѣдлыхъ. По незначительной числительности ихъ въ предѣлахъ Россіи, они не заслуживаютъ подробнаго описанія, почему мы ограничимся нѣсколькими словами.

Ученые приписываютъ курдамъ древнее кавказское происхожде-

ніе. Нынѣ они населяютъ долину Тигра и Евфрата, и окрестности озера Ванъ. Большинство этого воинственнаго племени ведетъ кочевую жизнь; если нѣкоторые и живутъ осѣдло въ домахъ, то это только во время зимы; лѣтомъ же начинаютъ кочевать; да и самыя зимнія жилища ихъ, состоящія по большей части изъ землянокъ, занесенныхъ въ зимнее время снѣгомъ, непостоянны, а также переносятся съ мѣста на мѣсто. Хотя они умѣютъ прекрасно искусственно орошать землю, тѣмъ не менѣе, какъ всѣ горскіе народы, весьма мало занимаются хлѣбопашествомъ. Главное богатство ихъ состоитъ въ стадахъ скота, состоящихъ изъ коровъ, буйволовъ, барановъ, овецъ, лошадей и верблюдовъ. Овечье молоко составляетъ ихъ любимую пищу, а курдистанскіе бараны, въ громадномъ числѣ, идутъ на пищу жителямъ Константинополя и другихъ городовъ сирійскаго побережья; фабричной промышленности, разумѣется, никакой не существуетъ, кромѣ самыхъ грубыхъ предметовъ для собственной необходимости.

Наружный видъ курдовъ красивъ; красивыя же женщины встрѣчаются весьма рѣдко. Страсть къ грабежу и хищничеству преобладаетъ у нихъ надъ всѣми другими качествами; кромѣ того они мстительны.

Большинство курдовъ принадлежитъ къ суннитскому толку; но вообще они плохіе мусульмане, и обряды ихъ весьма различаются отъ тѣхъ, которыхъ придерживаются турки или персы. Нѣкоторые курды, исповѣдующіе христіанство, почти всѣ несторіане. Что же касается до курдовъ-язычниковъ, то они называютъ себя іезидами. Они вѣруютъ въ Бога, Іисуса Христа и Богородицу, но къ этимъ догматамъ они присоединяютъ множество понятій, чуждыхъ какъ христіанству, такъ и магометанству. Они вѣруютъ, напримѣръ, въ дьявола. Священныхъ книгъ у нихъ нѣтъ никакихъ, умершихъ хоронятъ съ множествомъ палочекъ, чтобы они могли отгонять отъ себя злыхъ духовъ. Старухи находятся у нихъ въ большомъ почита-

нии. Полагаютъ, что живущихъ въ Малой Азіи іезидовъ насчитывается до одного милліона душъ. Въ Эриванской губерніи ихъ не наберется болѣе нѣсколькихъ сотенъ. Другая языческая секта признаетъ своимъ богомъ Алія; послѣдователи ея называются кизильбашами, по названію употребительнаго между ними головнаго убора. Наконецъ, еще одна языческая секта поклоняется высокимъ деревьямъ, скаламъ и другимъ выдающимся предметамъ природы.

Курдскія женщины, живущія въ предѣлахъ Россіи, отличаются некрасивостію и неопрятностію, хотя они очень усердны въ хозяйствѣ. Кромѣ того, они очень ревнивы, и рѣдкій изъ курдовъ имѣетъ болѣе одной жены. Курдскій женскій костюмъ очень живописенъ, а танцы женщинъ очень выразительны.

XIX. ЧЕЧЕНЦЫ.

По сосѣдству съ осетинами и на востокъ отъ нихъ поселилось чеченское племя. Чеченцы называютъ себя *нахче*, т. е. народъ, и названіе это относится одинаково до всѣхъ племенъ и поколѣній, говорящихъ на чеченскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ.

Наружная деликатность и вѣжливость есть отличительная черта характера чеченцевъ. Мужчины, часто незнакомые между собою, при встрѣчѣ привѣтствуютъ другъ друга или отдаютъ «селямъ»; знакомые же привѣтствуются пожатіемъ руки, и всегда правою. Въ языкѣ ихъ не существуетъ, подобно другимъ народамъ, ни изысканныхъ ругательствъ, ни бранныхъ словъ. Въ минуты гнѣва, самою употребительною у нихъ бранью считается какое-нибудь пожеланіе, въ родѣ того: чтобы тебѣ голову сняли! чтобы тебя пушкою убило, и только въ рѣдкихъ случаяхъ, въ припадкѣ сильнаго гнѣва, чеченецъ произноситъ: «джалій корне» (собачій сынъ), что считается большимъ оскорбленіемъ. Если въ настоящее время чеченскій лексиконъ увеличился новыми ругательствами, то они большею частію заимствуются отъ сосѣдей-иноземцевъ.

Взаимныя отношенія молодыхъ людей и дѣвушекъ отличаются

полнымъ уваженіемъ къ женской стыдливости, составляющей достоинство дѣвушки. Чеченецъ считаетъ недостойнымъ себя не только оскорбить чѣмъ нибудь дѣвушку, но даже дотронуться до нея рукою; нарушившій этотъ обычай подвергается всеобщему презрѣнію, и, какъ увидимъ ниже, за подобнымъ поступкомъ слѣдуетъ весьма серьезная раздѣлка. Вообще, въ характерѣ народа много гордаго и самолюбиваго.

Подобно черкесамъ, чеченцы горды, тщеславились своею независимостью и вѣрили въ широкую будущность своего народа и своей родины. Покидая съ трудомъ свое отечество, чеченецъ спѣшитъ какъ можно скорѣе вернуться подъ свое родное одѣяло — такъ называютъ они свои лѣса. Даже отправляясь на богомолье, туземецъ сохраняетъ присутствіе духа только до тѣхъ поръ, пока его провожаютъ родные.

Чеченцы считаютъ себя народомъ, избраннымъ самимъ Богомъ, но для какой именно цѣли они предназначены и избраны,—объяснить не могутъ. Вслѣдствіе такой самоувѣренности, они полагаютъ, что ни во взглядѣ на жизнь, ни въ своихъ мнѣніяхъ и приговорахъ, ошибиться не могутъ. Отъ этого у нихъ часто проявляется недовѣріе ко всему, сказанному нами, ко всѣмъ дѣйствіямъ нашимъ, клонящимся прямо въ ихъ пользу. Мнительность и подозрительность, а вслѣдствіе того большая осторожность и предусмотрительность видны во всемъ томъ, что исходитъ прямо отъ самого народа. Они ласковы, по собственному ихъ выраженію, только потому, чтобы не подать подозрѣнія о склонности къ воровству и грабежу. На слово чеченца положиться нѣтъ возможности. Онъ васъ любитъ, какъ брата, но горсть серебра — и онъ готовъ отдать васъ въ самыя адскія руки.

Какъ всѣ полудикіе народы, и чеченцы отличаются вспыльчивымъ и неукротимымъ нравомъ, и весьма склонны къ мстительности, коварству и низки систематически. Находясь на самой низкой сте-

пени развитія, чеченецъ легковѣренъ, впечатлителенъ, быстръ на знакомство и всегда веселъ. Одно впечатлѣніе быстро смѣняется другимъ. Подъ веселостію у него часто скрывается чувство мести за обиду. Въ минуты увлеченій, во время споровъ или ссоръ, они тотчасъ же бросаются другъ на друга съ оружіемъ, а это неизбѣжно влечетъ за собою кровопролитія и убійства, вызывающія безконечную вражду и мщеніе.

Умственное развитіе чеченцевъ далеко опередило нравственное: они очень искусные дипломаты, какъ между собою, такъ и съ русскимъ правительствомъ. Они чрезвычайно тонки, осторожны, дальновидны въ своихъ дѣйствіяхъ, чему способствуетъ ихъ врожденная недовѣрчивость, а главное—безпрерывныя насилія и вѣчная война. Чеченецъ богато одаренъ умственными способностями, но, къ сожалѣнію, и онѣ получили фальшивое направленіе при той обстановкѣ, при которой онъ развивался.

Многіе обычаи гостепріимства придаютъ полудикому населенію нѣкоторый видъ благородства. Гостепріимство развито въ значительной степени и между чеченцами, которые вообще весьма общежительны и, не смотря на дикость нравовъ, являются утонченно вѣжливыми хозяевами и гостями. Шамиль, стараясь развить въ народѣ шпіонство и доносы, сильно поколебалъ въ подвластныхъ ему племенахъ строгое наблюденіе обычая гостепріимства.

Гостепріимство чеченца, говоритъ Пассекъ, далеко ниже того, какъ привыкли воображать: безъ разсчета чеченецъ не испечетъ теперь гостю чурека (хлѣба), не зарѣжетъ барана, и было нѣсколько примѣровъ, что гости обкрадывали хозяина, а хозяинъ обиралъ своихъ гостей.

Въ тѣхъ же обществахъ, которыя не были подъ властью Шамиля, гостепріимство и до сихъ поръ осталось на высокой степени своего развитія. Въ такихъ племенахъ, хозяинъ считаетъ великимъ для себя стыдомъ позволить обидѣть и даже арестовать человѣка, пе-

реступившаго порогъ его сакли, хотя бы онъ былъ даже преступникъ.

Чеченецъ одѣвается безъ всякихъ затѣй, все по мѣркѣ, все къ мѣсту, и ничего лишняго. Сшитый изъ желтаго или сѣраго сукна собственнаго издѣлія чекмень или чуа, плотно и въ обтяжку охватываетъ его гибкую талію; бешметъ или архалукъ его бываетъ разныхъ цвѣтовъ, но лѣтомъ преимущественно изъ бѣлой матеріи. Чеченецъ носитъ суконныя шаровары, суживающіяся къ низу, а чевяки или мачи, приготовленные изъ сыромятной лошадиной кожи, составляютъ его обувь. Чевяки плотно охватываютъ ногу такъ, чтобы обрисовать ее—это щегольство.

Желающіе блеснуть чевяками, надѣваютъ ихъ, подобно черкесамъ, не прежде, какъ достаточно размочивъ въ водѣ. Нѣкоторые носятъ кожаные чирики—родъ башмаковъ, иногда безъ подошвы, а иногда подъ нихъ подшивается подошва изъ буйволовой кожи. Зимою туземецъ облекается въ полстяные теплые чевяки, похожіе на валенки. На головѣ чеченецъ носитъ папаху, представляющую родъ конусообразнаго мѣшка изъ овчины, обращенной шерстью во внутрь, съ завороченными наверхъ краями, образующими мѣховой околышъ, или куртей. Нарядное платье свое чеченцы обшиваютъ узкимъ галуномъ, приготовленнымъ дома, довольно прочно и красиво.

Одежда чеченскихъ женщинъ довольно живописна, хотя мало отличается отъ обыкновеннаго татарскаго женскаго костюма. Онѣ носятъ одноцвѣтныя, краснаго или синяго цвѣта, длинныя рубашки, доходящія до колѣнъ, съ длинными же рукавами и цвѣтными надплечіями. Поверхъ рубашки надѣваютъ бешметъ, или архалукъ, широкія шальвары, подвязанныя у чевякъ, и на ногахъ чевяки. Зимою женщины носятъ шубы, но надѣвать ихъ дѣвушкамъ у нѣкоторыхъ племенъ чеченскаго народа считается большимъ срамомъ. Костюмъ женщинъ отличается большею чистотою и опрятностію. На головѣ онѣ носятъ небольшія шапочки, разукрашенныя монетами и другими

блестящими бездѣлушками; большинство же повязываетъ голову длинными бѣлыми платками, но покрывалъ въ горахъ по большей части не носятъ вовсе, лица своего не скрываютъ и не прячутся отъ мужчинъ.

Въ богатыхъ семействахъ одежда женщинъ отличается своею роскошью и изысканностію.

Обыкновенную пища у чеченца составляютъ: просяная лепешка и сыскиль, кукурузный хлѣбъ, который ѣдятъ часто съ биремомъ. Биремъ давнишнее квашенное и соленое молоко, безпрестанно разводимое то водою, то молокомъ, съ приправою соли. Прочія блюда составляютъ: ахигъ—варенная кукуруза, лапша, молоко свѣжее (ширъ) и кислое (шаръ), творогъ, масло, пшеничныя лепешки, у которыхъ верхняя корка покрывается толстымъ слоемъ сала, блины, употребляемые на свадьбахъ и похоронахъ, и джи-жикъ—мясо въ различныхъ видахъ, и преимущественно баранина, изъ которой приготовляютъ довольно вкусный бульонъ, весьма часто приправляемый сметаною и чеснокомъ. Чеченцы не ѣдятъ горячаго и, сваривъ бульонъ, разводятъ его холодною водою, если не желаютъ ждать, пока онъ остынетъ. Кромѣ того варятъ фасоль, бобы, а теперь входитъ въ употребленіе картофель. Для гостя чеченецъ подаетъ шашлыкъ, калтъ-детты—сыръ, перемѣшанный съ топленнымъ масломъ, и калмыцкій чай.

Чеченцы очень умѣренны въ пищѣ, точно также какъ во снѣ. Несмотря на то, что весьма сильны и ловки, они ѣдятъ очень мало и часто довольствуются чурекомъ съ кускомъ бараньяго сала или сыра. Дома чеченцы ѣдятъ раза два или три, но понемногу. Мужъ ѣстъ всегда отдѣльно отъ жены, которая не осмѣлится сѣсть вмѣстѣ съ нимъ, безъ особаго приглашенія. Пищу приготовляютъ, тогда, когда приходитъ время ѣсть, и при томъ въ такомъ количествѣ, чтобы не было остатковъ. Приличіе требуетъ, по окончаніи ѣды, оставлять всегда что-нибудь на блюдѣ. Передъ ѣдою и послѣ умываютъ руки и полощатъ ротъ.

Чеченскіе аулы или селенія вообще растянуты на значительное разстояніе; сакля отъ сакли отдѣляется садомъ, огородомъ, дворомъ, а иногда и пашнею. Селенія строятся неправильно, каждый дворъ отдѣльно, и раскидываются по предгорьямъ, въ лѣсу, вдали отъ дорогъ и удобныхъ путей сообщенія. Чеченцы, обитающіе въ долинѣ, живутъ большими аулами; но въ горахъ, напротивъ того, селенія ихъ незначительны и часто состоятъ изъ нѣсколькихъ дворовъ. Въ предупрежденіе отъ нападеній, нѣкоторые изъ ауловъ, подобно тому какъ наши казачьи станицы, окружены валомъ и плетнемъ съ частоколомъ.

Жилища нѣкоторыхъ чеченскихъ племенъ, составляющихъ Ингушевскій округъ, состоятъ преимущественно изъ старыхъ каменныхъ башенъ, сложенныхъ изъ камня, безъ цемента и имѣющихъ нѣсколько ярусовъ. Башни эти построены преимущественно на выступахъ скалъ или на оконечностяхъ гребней, словомъ на такихъ мѣстахъ, которыя ни для чего другаго не годны. Въ одной такой башнѣ живетъ почти всегда нѣсколько семействъ, занимающихъ верхніе этажи, а нижніе предназначаются для помѣщенія скота. Живя совокупно въ одной башнѣ и въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, семейства раздѣлены между собою капитальными стѣнами и помѣщеніе каждаго выходитъ въ общій корридоръ, составляющій принадлежность каждой башни. Кромѣ жилыхъ башенъ, въ горскомъ аулѣ встрѣчаются нерѣдко башни оборонительныя со множествомъ амбразуръ, имѣющихъ форму треугольниковъ, крестовъ, звѣздъ и другихъ изображеній.

Двѣ или три жилыхъ башни, вмѣщающія въ себѣ нѣсколько семействъ, составляютъ аулъ, группирующійся, какъ мы сказали, или до оконечностей гребней, или на выступахъ скалъ, и преимущественно въ мѣстахъ наиболѣе живописныхъ.

Чеченское селеніе, напротивъ того, часто тянется въ длину версты на три или на четыре, хотя весь аулъ состоитъ не болѣе какъ

изъ ста домовъ. Всѣ строенія деревянныя, въ одинъ, рѣдко въ два этажа, и съ плоскими крышами.

Домъ чеченца обмазанъ съ обѣихъ сторонъ глиною и выбѣленъ: внутри него относительно чисто, опрятно и свѣтло. Въ стѣнахъ сдѣланы окна безъ рамъ, но со ставнями для защиты отъ вѣтра, преимущественно сѣвернаго, оттого и двери обращены всегда на югъ или востокъ.

Дверь свою чеченецъ почти никогда не запираетъ, и потому сильный сквозной вѣтеръ свободно гуляетъ по комнатамъ, которыхъ бываетъ по двѣ или по три въ каждомъ домѣ.

Сакля нагрѣвается каминомъ, чаще очагомъ, надъ которымъ сдѣлана труба, проходящая сквозь крышу. Вдоль внутреннихъ стѣнъ сакли идутъ лавочки, на которыхъ разложены въ порядкѣ: посуды ковры, одѣяла, подушки и прочая рухлядь. Въ одномъ углу комнаты стоитъ корзина съ зерновымъ хлѣбомъ, а въ другомъ кадка съ водою, составляющія почти единственную мебель сакли. Одна изъ комнатъ сакли предназначается для пріема гостей и носитъ названіе кунахской. На убранство и чистоту этого помѣщенія каждый хозяинъ обращаетъ особенное вниманіе. Въ кунахской можно встрѣтить двѣ-три скамейки, лучшія изъ всѣхъ, какія только есть въ домѣ, широкій сундукъ, покрытый ковромъ, и полъ комнаты, устланный бѣлыми войлоками. Здѣсь, вмѣсто очага, устраивается непремѣнно каминъ, а сбоку его у маленькаго окошечка, на почетномъ мѣстѣ стоитъ кровать туземнаго издѣлія. Въ разныхъ мѣстахъ, но преимущественно около дверей, виситъ нѣсколько бычачьихъ шкуръ, на которыя правовѣрные становятся при совершеніи молитвы или намаза. Стѣны кунахской утыканы деревянными колышками и на нихъ въ одномъ мѣстѣ развѣшано оружіе, въ другомъ бутылки, привязанныя веревочками за горлышко, въ третьемъ глиняныя и деревянныя тарелки и чашки, также схваченныя шнуркомъ въ просверленныя около краевъ дырки. Все это почти всегда служитъ не болѣе какъ украшеніемъ,

и чѣмъ больше развѣшано такихъ украшеній, тѣмъ почтеннѣе хозяинъ, тѣмъ гостепріимнѣе считается кунахская. Каждый домъ имѣетъ почти всегда дворъ, огороженный плетнемъ.

Близъ дома строятся помѣщенія для скота; а если недалеко отъ аула протекаетъ рѣчка, то многіе хозяева имѣютъ свои мельницы, или на самой рѣчкѣ, или на проведенной изъ нея канавѣ.

Почти у каждаго дома есть свой огородъ, въ которомъ засѣвается преимущественно: лобія, бобы, тыква рѣдко огурцы, чеснокъ и лукъ; подлѣ огорода есть небольшой клочекъ земли, засѣваемый нынѣ табакомъ, иногда огурцами и дынями. Въ нѣкоторыхъ аулахъ разведены небольшіе сады, но за то во всѣхъ аулахъ кукуруза засѣвается въ изобиліи.

Изъ всего своего помѣщенія чеченецъ больше всего любитъ кунахскую, въ которой онъ проводитъ большую часть дня среди знакомыхъ и гостей.

Господствующая религія чеченцевъ магометанская, суннитской секты. Нагорные чеченцы никогда не были христіанами и весьма строго придерживаются магометанства. Напротивъ того, жители Большой и Малой Чечни, какъ свидѣтельствуютъ преданія и развалины древнихъ храмовъ, встрѣчающіяся и до сихъ поръ въ странѣ, исповѣдывали нѣкогда христіанскую религію.

Трудно опредѣлить, когда именно чеченцы приняли мусульманскую религію, но съ достовѣрностію можно сказать, что различныя племена этого народа принимали эту религію, разновременно и во всякомъ случаѣ водворилась она у нихъ не ранѣе начала прошлаго столѣтія.

До появленія Шамиля духовенство въ Чечнѣ было бѣдно и невѣжественно. Все преимущество чеченскаго духовенства надъ прихожанами заключалось въ посредственномъ знаніи грамоты, которая дѣлала ихъ необходимыми для многихъ нуждавшихся въ составленій разныхъ письменныхъ документовъ. Эта необходимость и давала

имъ еще нѣкоторое значеніе въ народѣ. При поступленіи въ духовное званіе не требовалось никакого обряда, а требовалось только одно знаніе грамоты. Церковное богослуженіе магометанской религіи не требуетъ никакой подготовки; оно состоитъ въ дневныхъ молитвахъ, извѣстныхъ почти каждому.

Изъ этого видно, что кругъ дѣятельности чеченскаго духовенства былъ крайне ограниченъ. Не получая никакихъ особенныхъ доходовъ съ прихожанъ, а имѣя за то большой запасъ свободнаго времени, духовенство посвящало его торговлѣ и хлѣбопашеству. Въ Чечнѣ каждый мулла получалъ, по примѣру своихъ прихожанъ, опредѣленный участокъ земли, которымъ и кормился.

Съ водвореніемъ въ Чечнѣ власти Шамиля, послѣдній хотя и значительно поднялъ духовенство въ глазахъ народа, но все-таки не на столько, чтобы поставить его первенствующимъ.

Муллы въ Чечнѣ по-прежнему уважались весьма мало. Они сами не столько заботились о распространеніи истинъ магометанскаго ученія и чистоты религіи, сколько хлопотали о поддержаніи суевѣрія въ народѣ. Къ нимъ прибѣгали за помощью чаще тогда, когда нужно было написать какой-нибудь талисманъ, приворожить къ себя возлюбленную или возлюбленнаго.

Получая за это приношеніе или подарокъ изъ нѣсколькихъ барановъ, муллы не отказывались отъ исполненія такихъ просьбъ и вообще старались поддержать религіозное суевѣріе въ народѣ, увѣряя его, что коранъ открываетъ имъ все темное и скрытое.

Случалась-ли засуха,—жители спѣшили къ муллѣ, и просили его отыскать въ книгѣ такой день, въ который можетъ быть назначена церемонія для добыванія дождя.

Самъ Шамиль прибѣгалъ нерѣдко къ подобному шарлатанству, распространяя въ народѣ слухъ о томъ, что имѣетъ непосредственное сношеніе съ Магометомъ, будто бы являющимся къ нему въ видѣ голубя и другихъ различныхъ видахъ.

Вообще Шамиль старался дѣйствовать на религіозное чувство народа внѣшнею обрядностію религіи и выказывалъ себя чрезвычайно религіознымъ и чистосердечно преданнымъ мюридизму.

Чеченецъ чрезвычайно суевѣренъ: онъ не броситъ напримѣръ, яичной скорлупы въ огонь, боясь, что куры не станутъ нести яицъ или вовсе переведутся; онъ никогда не выбрасываетъ костей, а старается сжечь ихъ, вѣря, что выбрасываніе ихъ непріятно Богу.

Чеченцы вѣрятъ, что можно сглазить человѣка, и, въ противодѣйствіе тому, имѣютъ амулеты, въ которые зашиваются, обыкновенно, или молитвы, или изреченія изъ корана.

Умопомѣшательство и идіотизмъ чеченцы приписываютъ знакомству съ джинышами. Джиныши—духи, которые, по понятію народа составляютъ средину между ангелами и духами зла, но связь съ которыми человѣка не приводитъ къ доброму и кончается почти всегда умопомѣшательствомъ.

Суевѣріе, существующее въ народѣ, частію перешло и въ дурную сторону характера туземца.

Чеченецъ не затруднится дать несправедливое показаніе или ложную присягу. Онъ не считаетъ это преступленіемъ и вѣритъ чистосердечно, что присягнуть ложно не составляетъ грѣха, если только присягающій, во время обряда, не положитъ пальца на коранъ или перевернетъ газырь на груди своей черкески. Присягнуть ложно ничего, а курить табакъ, по понятію чеченца, грѣхъ тяжкій, потому что табакъ—дѣло нечистое.

Запрещеніе курить табакъ принадлежитъ къ числу установленій, изобрѣтенныхъ Шамилемъ, который вообще преслѣдовалъ роскошь, пляски, музыку и пѣніе, стараясь замѣнить его однимъ постояннымъ напѣвомъ: ля- илляхи-иль-Алла! (нѣтъ Бога, кромѣ единаго Бога).

Мужчина, считая женщину гораздо ниже себя, смотритъ на нее свысока. Мужъ почти никогда не раздѣляетъ съ женою ни трапезы, ни горя, ни радости, и если разсказываетъ о своемъ наѣздничествѣ,

удальствѣ и удачѣ, то не для того, чтобы удвоить свою радость, а для того, чтобы, порисовавшлись передъ нею, возбудить къ ней удивленіе и еще большую къ себѣ покорность. О дѣлахъ серьезныхъ, а тѣмъ болѣе секретныхъ, чеченецъ не станетъ никогда говорить съ женою.

Рабское положеніе женщины кладетъ на нее и рабскіе отпечатки. На лицѣ женщины никогда не проявляется ни сердечной тоски, ни истинной радости.

Чувственная отъ природы и мало развитая, чеченская женщина предается своей страсти вполнѣ и до послѣдней степени. Въ такихъ случаяхъ для нея нѣтъ ни предѣловъ, ни ограниченій. Подъ вліяніемъ страсти, молодая дѣвушка не стѣснится въ глухую ночь пробраться къ саклѣ того, кому рѣшилась отдаться.

Чтобы завладѣть храбрымъ джигитомъ, чтобы достигнуть своей цѣли, дѣвушка употребляетъ всѣ зависящія отъ нея средства, пускаетъ въ ходъ всѣ свои чарующія знанія, волшебство, созданное суевѣріемъ народа, и нерѣдко прибѣгаетъ къ гаданію, какъ къ средству узнать заранѣе будущую свою судьбу и предстоящее счастіе.

Пришедшая въ домъ мужчины дѣвушка, по обычаю, становится его женою. Никто не въ правѣ расторгнуть этого брака, и роднымъ волею или неволею остается согласиться и пожелать молодымъ счастья: тогда задаютъ пиръ—и дѣло кончено.

Супружескія отношенія отличаются согласіемъ, чему отчасти способствуетъ полная покорность женщины. Будучи чрезвычайны ревнивымъ, чеченецъ зорко слѣдитъ за поведеніемъ своей жены, и нарушенія супружеской вѣрности весьма рѣдки и преслѣдуются весьма строго.

Хотя мужъ не имѣетъ права ни въ какомъ случаѣ посягнуть на жизнь своей жены, но, убѣдившись въ ея невѣрности, онъ можетъ въ наказаніе изуродовать ее, отрѣзать носъ или ухо, или же просто развестись съ нею. За прелюбодѣяніе замужней женщины у чечен-

цовъ существовало страшное наказаніе: затаптывать лошадьми или побивать каменьями несчастную жертву обольщенія. Отъ воли мужа зависѣло однакоже предать жену народному суду или ограничиться простымъ разводомъ и прогнаніемъ отъ себя. Обольститель же замужней женщины подвергался смерти; если же жертвою была дѣвушка, то долженъ былъ жениться или также его ожидала смерть.

Туземцы большіе охотники мѣнять женъ, т. е. разводиться съ прежними и брать новыхъ.

Со дня замужества, чеченская женщина дѣлается самою неутомимою работницею своего семейства, не имѣетъ покоя ни днемъ, ни ночью, и при всемъ этомъ къ чести женщинъ надо сказать, что онѣ содержатъ свое простое и незатѣйливое хозяйство въ чрезвычайномъ порядкѣ. Мужчина, въ свободное отъ воинственныхъ занятій время, проводилъ его праздно, безпечно, весело и, не смотря на окружающую его бѣдность, былъ всегда доволенъ собою. Призадуматься о своемъ положеніи, склонить голову на руку, считалось малодушіемъ. Надежда на свою силу, ловкость и проворство дѣлали чеченца разгульнымъ, но не порождали въ немъ стремленія къ улучшенію своего быта.

Въ образѣ жизни, между зажиточнымъ и бѣднымъ чеченцемъ нѣтъ почти никакой разницы, развѣ только та, что богатый одѣвается нѣсколько лучше, да владѣетъ болѣе богатымъ оружіемъ.

Не видя вокругъ себя ничего лучшаго противъ своего собственнаго положенія, привыкнувъ, со дня своего рожденія, къ окружающимъ его красотамъ и богатству природы, чеченецъ или проводилъ праздно время въ своей кунахской, или, сидя на заборѣ, стругалъ палочку, чистилъ оружіе, то шилъ поршни (обувь изъ сыромятной кожи), шелъ въ гости или, наконецъ, вскочивъ на коня, рыскалъ по дикимъ гребнямъ горъ безъ всякой видимой цѣли.

Конь, ружье и шашка—вотъ его гордость и жизнь; пашня, посѣвъ и покосъ—единственная забота житейская. Чеченцы вообще

склонны къ праздности, и жизнь ихъ была до невѣроятности однообразна, скучна, безчувственна и совершенно безплодна для души и сердца. Въ то время, когда жены таскаютъ на себѣ вязанки дровъ, сѣно, тяжелые кувшины съ водою работаютъ въ садахъ, на террасахъ и у саклей, мужчины сидятъ у дверей своихъ хижинъ, которыя всегда настежь зимою и лѣтомъ, или около мечети, слушаютъ и разсказываютъ новости.

Вся дѣятельность ихъ, и все почти занятіе, состояло въ пяти намазахъ.

Оставаясь цѣлые дни въ бездѣйствіи, чеченцы, какъ и вообще всѣ горцы, съ необыкновенною жадностію принимаютъ всякое извѣстіе, съ удовольствіемъ отправляются въ дальнія путешествія, по самымъ ничтожнымъ причинамъ, и пускаются на самыя безсмысленныя приключенія. Жизнь безъ занятій была, въ свое время, одною изъ побудительныхъ причинъ къ хищничеству.

Таково положеніе чеченца въ семейномъ быту, но не таково положеніе чеченской женщины.

Женщины, напротивъ того, отличаются необыкновеннымъ трудолюбіемъ: на нихъ лежатъ всѣ хозяйственныя заботы и самыя тяжелыя работы, не исключая полевыхъ.

За всѣ свои труды жена подчинена мужу, какъ своему полновластному господину, въ присутствіи котораго никогда не садится и съ которымъ не раздѣляетъ стола. При разговорахъ мужъ и жена не называютъ другъ друга по имени.

Отецъ есть глава семьи, и голя его священна для жены и несовершеннолѣтнихъ дѣтей, съ которыми онъ держитъ себя весьма серьезно; но онъ полновластенъ надъ сыновьями только въ періодъ ихъ малолѣтства.

Мать, никогда и ни въ какомъ возрастѣ, не имѣла никакой власти надъ дѣтьми. Во многихъ случаяхъ она не пользуется даже и тѣмъ уваженіемъ, которое сама природа вкладываетъ въ человѣка,

какъ къ виновницѣ его существованія. Восьмилѣтній сынъ часто обращается съ матерью съ большимъ пренебреженіемъ и даже цинизмомъ.

Чеченцы, считая дѣтей даромъ Божіемъ, никогда не бьютъ и не бранятъ ихъ, особенно съ тою цѣлію, чтобы не запугать и не сдѣлать съ малолѣтства робкими; но за то впадаютъ въ другую крайность, предоставляя самимъ обстоятельствамъ развитіе дѣтскаго характера и буйныхъ страстей, заключающихся въ ихъ бурной природѣ.

Если дѣти иногда слишкомъ надоѣдаютъ матери и огорчаютъ ее, то она плачетъ, но не тронетъ, не ударитъ ихъ.

Отецъ хотя и обращается съ ними сурово и молчаливо, но не внушаетъ тѣмъ къ себѣ никакого уваженія. Дѣти не называютъ его отцомъ, а величаютъ собственнымъ именемъ, иногда даже шутовскимъ; слова: мать и отецъ не существуютъ въ семейномъ быту чеченца. Сами родители бываютъ часто виновниками развитія дурныхъ качествъ въ своихъ дѣтяхъ.

Отецъ часто подбиваетъ сына на воровство и хищничество. Когда, напримѣръ, созрѣваютъ фрукты, то мальчишки, вмѣстѣ съ взрослыми, какъ бы ученики съ опытными наставниками, собираются по ночамъ на воровство фруктовъ въ садахъ сосѣдей. Предпринявъ предварительно мѣры къ огражденію себя отъ поимки, они рвутъ плоды, а потомъ общею компаніею отправляются куда нибудь въ поле, гдѣ скрытно лакомятся наворованнымъ.

Когда женщина чувствуетъ приближеніе родовъ, мужъ уѣзжаетъ изъ дому и предоставляетъ ухаживать за родильницей родственницамъ или знакомымъ женщинамъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ родовъ, такъ дней черезъ пять, мужъ возвращается домой и не обращаетъ никакого вниманія ни на жену, ни на новорожденнаго, причемъ съ первою онъ даже долгое время не разговариваетъ, въ особенности если жена имѣла несча-

стіе подарить мужа дочкою, а не сыномъ. Рожденіемъ дочери отцы бываютъ крайне недовольны и радуются, когда родится сынъ. Появленіе на свѣтъ младенца мужскаго пола часто служитъ поводомъ къ пиршеству и угощеніямъ въ домѣ отца. Рожденіе мальчика, хотя бы и отъ гяурской плѣнницы, считалось всегда хорошимъ предзнаменованіемъ для семейства. Такъ, одна изъ женщинъ, бывшихъ въ плѣну, вмѣстѣ съ княгинями Чавчавадзе и Орбеліани, разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ. Едва только жители аула узнали объ этомъ, какъ тотчасъ же на дворѣ раздались выстрѣлы, возвѣстившіе о рожденіи младенца мужскаго пола, въ честь котораго зарѣзали и изжарили жирнаго барана и прислали его плѣнницамъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ рожденія, младенцу даютъ имя съ нѣкоторою торжественностію.

Дѣти растутъ безъ всякаго попеченія со стороны родителей и до четырехъ-лѣтняго возраста они ходятъ почти нагія. Съ наступленіемъ четырехъ-лѣтняго возраста ихъ одѣваютъ въ рубашки, а впослѣдствіи даютъ и шаровары, зимою же снабжаютъ и полушубками, но все это до крайности обветшалое и грязное.

Весь костюмъ горцевъ, мужчинъ и женщинъ, по обыкновенію, до невѣроятности грязенъ и особенно грязно нижнее бѣлье; послѣднее, одинъ разъ уже надѣтое, не снимается до тѣхъ поръ, пока оно не превратится въ клочки. Подобная неопрятность, само собою, вызываетъ накожныя болѣзни и заводитъ миріады насѣкомыхъ.

Женитьбы, совершаемой обыкновеннымъ способомъ, всегда предшествуетъ сговоръ или сватовство. Случалось, въ прежнее время, что родители, еще во время младенчества своихъ дѣтей, обѣщались породниться другъ съ другомъ и, въ залогъ калыма, давали пулю, газырь черкески или нѣсколько денегъ. Дѣти, подростая, мало по малу свыкались съ своимъ положеніемъ.

Желая засватать дѣвушку, родители жениха засылаютъ сватовъ,

которые и дѣлаютъ предложеніе родителямъ дѣвушки выдать ее замужъ. Если родители ея согласны, то призываютъ дѣвушку и спрашиваютъ: согласна ли она выйти за такого-то. Такое допрашиваніе составляетъ только форму, требуемую обычаемъ. Дѣвушка, въ большинствѣ случаевъ, исполняетъ безпрекословно волю родителей, а если и высказываетъ протестъ, то на него не обращаютъ никакого вниманія, развѣ имѣется въ виду другой, болѣе выгодный женихъ, или дѣвушка чувствуетъ видимое отвращеніе къ сватающемуся. Когда согласіе на бракъ состоится, то женихъ дѣлаетъ невѣстѣ подарокъ, состоящій изъ шелковаго головнаго платка и нѣсколькихъ рублей денегъ.

Въ случаѣ отказа родителей выдать свою дочь за человѣка ищущаго ея руки, народный обычай даетъ средство получить дѣвушку и помимо воли ея родителей, съ согласія ея брата. Стоитъ только брату, во время пирушки или обѣда, выпить за здоровье своей сестры съ человѣкомъ, дѣлающимъ ей предложеніе. и принять отъ него подарокъ: тогда сестра его считается засватанною, и онъ обязанъ принудить отца выдать ее именно за того, съ кѣмъ пилъ за ея здоровье. Въ противномъ случаѣ, отдарившій брата преслѣдуетъ его какъ за кровную обиду. Впрочемъ, къ такому странному обычаю прибѣгаютъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда уже рѣшительно нѣтъ никакой надежды получить руку дѣвушки по прямому согласію ея родителей.

Чеченскія свадьбы совершаются рано: дѣвушка выходитъ замужъ какъ только исполнится ей двѣнадцать лѣтъ, и самое позднее въ пятнадцать; молодые люди женятся съ наступленіемъ семнадцатилѣтняго возраста. Часто домашнія работы, которыя всѣ лежатъ на обязанности женщины, заставляли родителей, изъ личныхъ выгодъ, удерживать дочь долгое время въ семействѣ и отказывать женихамъ, что было весьма невыгодно для Шамиля, при безпрерывной войнѣ, истреблявшей народонаселеніе въ значительной степени. Для

искорененія этого зла, имамъ принялъ на себя наблюденіе за тѣмъ, чтобы не было ни молодыхъ вдовъ, ни пожилыхъ дѣвушекъ.

По народному обычаю, молодой человѣкъ, сдѣлавшись женихомъ, пріобрѣтаетъ уже нѣкоторыя права надъ своею будущею невѣстою. Онъ можетъ отказаться отъ нея, или, по ея просьбѣ, дозволить ей выйти за другаго; но дѣвушка сама собою не можетъ отказаться отъ жениха, а должна упросить и дождаться безропотно дозволенія или согласія жениха освободить ее, или чтобы женихъ, заплативъ калымъ, взялъ ее въ жены. Этимъ послѣднимъ правомъ молодые люди нерѣдко пользовались. Разсердившись на свою невѣсту или имѣя въ виду болѣе выгодную свадьбу, молодой человѣкъ нарочно оттягивалъ неопредѣленное положеніе засватанной дѣвушки, и часто, считаясь женихомъ въ одномъ, сватался въ другомъ семействѣ и, получивъ согласіе, сочетался бракомъ съ тою дѣвушкою, съ которою находилъ болѣе выгоднымъ. Впрочемъ, родители первой невѣсты, замѣтивъ уклоненіе жениха, могли сами отказать ему. Подъ предлогомъ того, что дочь молода, или необходима для работы въ семействѣ, отецъ отвозилъ жениху сдѣланные подарки, возвращалъ калымъ, и тогда дѣвушка, сдѣлавшись свободною, вольна была избрать себѣ другаго.

За четыре дня до свадьбы, невѣсту отводятъ въ домъ родственниковъ жениха, и въ этотъ день ее наряжаютъ, бѣлятъ, румянятъ и выщипываютъ часть бровей, съ цѣлію подравнять ихъ. Нарядъ ея отличается тою изысканностью, которая возможна только по средствамъ и достатку родныхъ, выдающихъ ее замужъ.

По обычаю, женихъ отправляетъ за невѣстою. на арбѣ, какую-нибудь бойкую старуху, отличающуюся своимъ острымъ языкомъ, и съ нею человѣкъ тридцать молодежи, извѣстныхъ своею удалью. Весь этотъ поѣздъ, недалеко отъ дома невѣсты, встрѣчается крикомъ и бранью мальчишекъ, камнями и выстрѣлами. Отшучиваясь и обороняясь какъ кто умѣетъ, посланные подъѣзжаютъ къ дому, и у

дверей комнаты невѣсты встрѣчаютъ одного изъ ея родственниковъ, который запираетъ передъ ихъ носомъ дверь и требуетъ подарка. Кинжалъ въ руки привратника—и завѣтная дверь растворяется; но тамъ ожидаетъ цѣлая толпа женщинъ, которыя встрѣчаютъ пріѣзжихъ иглами, булавками и ножницами. На нихъ рвутъ черкески и бешметы, отнимаютъ шапки, такъ что многіе выходятъ изъ комнаты безъ рукавовъ и полъ платья. Натѣшившись и нашумѣвшись вдоволь, заключаютъ мировую, — и всѣ садятся за угощеніе.

Послѣ угощенія невѣсту сажаютъ на арбу, часто закрытую, и отвозятъ въ домъ жениха, который, по обычаю, долженъ находиться въ это время въ отсутствіи. Толпа односельцевъ сопровождаетъ церемоніальный поѣздъ невѣсты.

Въ саклѣ жениха, въ ожиданіи пріѣзда невѣсты, происходитъ суматоха: варятъ мясо, пекутъ хлѣбъ, убираютъ саклю.

Извѣстіе о томъ, что вдали показалась процессія, производитъ еще большую суматоху въ домѣ. Каждый спѣшитъ привести свое занятіе къ концу, бѣгаютъ, шумятъ, а на порогѣ сакли стелятъ что-нибудь, чтобы молодая могла стать на подостланное при выходѣ изъ арбы.

Невѣста сходитъ съ арбы. Ловкій джигитъ бросаетъ ей подъ ноги въ одинъ мигъ снятую съ себя черкеску, и получаетъ отъ невѣсты, за такое вниманіе, подарокъ: обыкновенно азіятской собственной работы. Молодая, не снимая покрывала, входитъ въ саклю, и если нѣтъ мужчинъ, то садится; ее встрѣчаютъ радушно съ хлѣбомъ-солью. Вдругъ, среди пира, одинъ изъ присутствующихъ вынимаетъ изъ-за пояса пистолетъ, и въ мигъ пуля сидитъ въ стѣнѣ сакли; за первымъ выстрѣломъ слѣдуетъ второй, потомъ третій, четвертый, и пули сыплятся во всѣ стороны изъ ружей и пистолетовъ. Чѣмъ болѣе останется знаковъ на стѣнахъ, тѣмъ, значитъ, болѣе приверженцевъ у молодаго, и тѣмъ краше его невѣста. Звуки выстрѣловъ смѣняются ударами въ бубенъ, тазы, и бойкая лезгинка,

сопровождаемая мѣрнымъ хлопаньемъ въ ладоши, выходитъ на сцену и завладѣваетъ всеобщимъ вниманіемъ. Не смотря на всѣ усилія, Шамиль не могъ вывести пляску, которая, въ такіе дни какъ свадьба, продолжалась въ теченіи цѣлаго дня; въ ней одинаково принимали участіе какъ мужчины, такъ и женщины.

Въ теченіи трехъ дней происходитъ празднованіе свадьбы въ домѣ жениха; затѣмъ совершается обрядъ вѣнчанія.

На другой день, или нѣсколько дней спустя, послѣ окончанія всѣхъ брачныхъ церемоній, молодая, которая въ это время ничего не работала, не выходила изъ своей комнаты и никому не показывалась, взявши большую чашку блиновъ и кувшинъ, должна идти первый разъ по-воду, и послѣ того уже вступаетъ въ кругъ обязанностей хозяйки дома Толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей сопровождаютъ ее съ пѣснями и музыкою на рѣку, гдѣ молодая, проколовъ нѣсколько блиновъ иглою или булавкою, бросаетъ ихъ послѣдовательно одинъ за однимъ въ воду, и затѣмъ уже черпаетъ ее кувшиномъ. Когда она ставитъ кувшинъ съ водою къ себѣ на голову, раздаются выстрѣлы.

Въ первое время послѣ свадьбы, молодая не имѣетъ права ни видѣться, ни говорить съ своимъ мужемъ, не только въ присутствіи постороннихъ, но и родственниковъ. Мужъ посѣщаетъ ее только по вечерамъ и ночью. Говорить съ отцомъ своего мужа и близкими родственниками, а также видѣться и посѣтить свою мать, она можетъ только по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ со дня замужества.

Когда родственники больнаго видятъ, что наступаетъ его послѣдній часъ, тогда посылаютъ за муллою, который читаетъ надъ нимъ ясинъ — отходную молитву.

Во время чтенія, женщины громко плачутъ, бьютъ себя въ грудь, царапаютъ лицо, рвутъ волосы, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока больной не скончается. Съ его смертію, женщинъ тотчасъ же выгоняютъ изъ комнаты, или силою заставляютъ прекратить опла-

киваніе, какъ выраженіе скорби, совершенно противное духу магометанской религіи.

Мулла, между тѣмъ, приготовляетъ умершаго къ погребенію. Онъ кладетъ его на чистую дубовую доску, беретъ кувшинъ воды и омываетъ тѣло, которое потомъ и обвертываетъ нѣсколькими кусками полотна или бѣлой шерстяной матеріи; иногда же обвертываютъ въ халатъ, концы котораго завязываютъ на головѣ и ногахъ.

Положивъ вату въ ротъ, глаза и уши умершаго, мулла завязываетъ саванъ двумя нешироками полосами холста, надъ головою умершаго, а другою ниже ногъ его. Приготовленное къ погребенію тѣло оставляется на постели, и родственники тихо его оплакиваютъ.

Печальное извѣстіе о кончинѣ скоро разносится по ауламъ, и всѣ сосѣди изъ окрестностей, мужчины и женщины, родные и знакомые, спѣшатъ къ саклѣ умершаго, при чемъ мужчины-родственники покойнаго обязаны привезти съ собою барана или принести деньги семейству умершаго, иначе оно прекратитъ съ ними всякую родственную связь.

Похороны составляютъ для женщинъ настоящій праздникъ, потому что только по этому случаю имъ дозволяется собираться изъ другихъ ауловъ и составлять свое общество. Отправляясь въ домъ умершаго, онѣ идутъ отдѣльно отъ мужчинъ и, съ приближеніемъ къ аулу, начинаютъ плакать.

Случается иногда, что женщины, войдя во внутренность сакли, располагаются вокругъ вдовы или матери умершаго и начинаютъ плакать, причемъ вдова царапаетъ себѣ лицо до крови.

Затѣмъ входятъ въ комнату по одному или по два мужчины, молча опускаются они на колѣни передъ вдовою, не произносятъ никакого утѣшительнаго слова и раздираютъ до крови свой лобъ.

Съ появленіемъ крови на лицѣ, встаютъ и, молча, съ поникшею головою, выходятъ на открытый воздухъ.

Поздно вечеромъ возвращаются по домамъ посѣтители, а тѣ, ко-

торые пришли изъ дальнихъ ауловъ, остаются ночевать у семейства покойника. Такимъ образомъ, собирается въ домъ семейство покойника каждый день около двухсотъ женщинъ, и этотъ сборъ продолжается три дня, а иногда и цѣлую недѣлю.

Положивъ покойника на арбу, его отвозятъ или относятъ на могилу, согласно требованія мусульманской религіи въ самый день его смерти. Исключеніе дѣлается въ случаѣ неожиданной, скоропостижной смерти, и тогда умершаго хоронятъ въ теченіи трехъ дней, съ тою цѣлію, чтобы дать возможность роднымъ и знакомымъ повидаться въ послѣдній разъ и проститься съ умершимъ, тогда какъ при продолжительной болѣзни, предшествовавшей кончинѣ, прощаніе это совершается при посѣщеніи больнаго.

Послѣ погребенія на самомъ кладбищѣ происходитъ угощеніе. Если въ это время кто-нибудь пройдетъ мимо, то его или приглашаютъ принять участіе въ поминкахъ, или же непремѣнно вынесутъ ему на-встрѣчу чего-нибудь съѣстнаго. Блины составляютъ почти у всѣхъ непремѣнную принадлежность стола во время поминокъ.

На другой день послѣ погребенія, родственники устраиваютъ похоронный пиръ, для котораго рѣжутъ много скотины и барановъ.

Надъ убитымъ въ дѣлѣ съ непріятелемъ, ставился особый знакъ, съ разноцвѣтнымъ флагомъ и съ необыкновенною торжественностію, въ которой участвовали всѣ жители аула.

Нигдѣ не находились въ такомъ почетѣ могилы убитыхъ въ сраженіи съ русскими, какъ въ воинственной Чечнѣ и во всѣхъ остальныхъ владѣніяхъ, подвластныхъ Шамилю.

Безпрерывная и энергическая война, происходившая въ Чечнѣ, причинила ей большія потери. Существованіе множества кладбищъ на равнинѣ и въ горахъ, на высотахъ и по ущельямъ, остались теперь безмолвными свидѣтелями множества павшихъ жертвъ, надъ которыми виднѣются многочисленныя группы памятниковъ съ копьями. Издали они кажутся фалангою рыцарей, вооруженныхъ копьями

и развѣвающихъ своими разноцвѣтными флюгерами. Вся Чечня — Большая, Малая и Нагорная—наполнены этими нѣмыми памятниками потерь горцевъ и ихъ отчаянной борьбы съ русскими. Всѣ эти памятники придаютъ странѣ какой-то грустно-величественный характеръ. Подъ ними схоронены лучшіе и самые храбрѣйшіе люди, потому что народъ не каждому убитому ставилъ подобный памятникъ; а чтобы имѣть право на этотъ почетный знакъ, составлявшій высочайшую награду смѣлому джигиту, надо было заслужить его или долговременною храбростью, или какимъ нибудь блестящимъ подвигомъ. Церемонія вооруженія такого копья съ флюгеромъ на могилѣ шагида была чрезвычайно величественна и разсчитана такъ, чтобы въ каждомъ присутствующемъ возбудить храбрость и самоотверженіе.

Шамиль хорошо понималъ, какъ сильно дѣйствуетъ подобная церемонія на духъ чеченцевъ, поощрялъ и поддерживалъ эти обряды. Въ Ичкеріи почти при каждомъ аулѣ есть цѣлыя группы шагидовъ, вѣющихъ своими разноцвѣтными флюгерами. Самъ имамъ, какъ бы въ примѣръ другимъ, поставилъ памятникъ съ великолѣпнымъ шагидомъ нѣкогда знаменитому въ Чечнѣ наибу Шуаинъ-муллѣ.

Могилы умершихъ пользуются большимъ уваженіемъ у чеченцевъ. Отправляясь на работу, они заходятъ на кладбище поклониться праху родственника. Возвращаясь же съ работы, если съ покосу, то кладутъ на могилу клочекъ травы, а при уборкѣ хлѣба или при посѣвѣ—сыплютъ на могилу зерна.

XX. ЛЕЗГИНЫ.

Характеръ страны и народа.

Собственно говоря, слово лезгинъ неизвѣстно туземцамъ, и ни одно мельчайшее общество не называетъ себя этимъ именемъ. По объясненію нѣкоторыхъ лицъ, слово лезгинъ на турецкомъ языкѣ означаетъ «горскій житель».

Это есть общее названіе, не принадлежащее исключительно какой-либо націи. Другіе говорятъ, что лезгинъ значитъ разбойникъ, хотя и неизвѣстно на какомъ языкѣ. Наконецъ, третьи называютъ многія общества, населяющія Дагестанъ, тавлинцами.

Первое мѣсто въ Дагестанѣ, по числу населенія или, лучше сказать, по единоплеменности, принадлежитъ аварскому племени.

Аварское племя дробится на множество отдѣльныхъ обществъ, бывшихъ нѣкогда вольными, а впослѣдствіи подчинившихся частію Россіи, а частію подпавшихъ подъ власть Шамиля.

Самую сѣверо-западную часть Дагестана, занятую аварскимъ племенемъ, составляетъ Салатавія или Салатау. Салатавцы народъ крѣпкаго тѣлосложенія, съ рыжими волосами и голубыми глазами. Они считались всегда народомъ хищнымъ, энергичнымъ и кровожаднымъ.

Непосредственно къ Салатавіи примыкаетъ Гумбетъ, а къ югозападу отъ Гумбета—лежитъ Андія. Андійцы говорятъ своимъ особымъ языкомъ, народъ воинственный и считались однимъ изъ храбрыхъ въ Дагестанѣ. Андійцы разводятъ овецъ, и по своему достоинству андійскія бурки славятся не только въ Дагестанѣ, но и среди сосѣднихъ племенъ, и уступаютъ въ достоинствѣ только абхазскимъ и кабардинскимъ.

Непосредственно къ гумбетовцамъ примыкали койсобулинцы, а домъ съ ними лежитъ Аварское ханство.

У восточнаго истока Андійскаго Койсу, по сосѣдству съ тушинами, занимающими котловину западнаго истока этой рѣки, поселилось общество Дидо, или Цунта, народъ неуклюжій, грубый и дикій Дидойцы сами себя называютъ цеза, т. е. орлы, хотя съ виду вовсе не похожи на нихъ. «По виду, говоритъ Н. И. Вороновъ, они гораздо правильнѣе цунта, т. е. оборванцы, какъ ихъ и величаютъ неделикатные сосѣди. Но, можетъ быть, орлами они называютъ себя потому, что селенія ихъ, какъ орлиныя гнѣзда, расположены на значительной высотѣ въ сравненіи съ другими поселеніями дагестанцевъ; ихъ угодья—альпійская луговая полоса горъ». Дидойцы живутъ въ котловинѣ, образуемой двумя снѣговыми хребтами.

Большая часть народонаселенія Дагестана принадлежитъ къ аварскому или лезгинскому племени, населяющему почти всю западную часть его.

Провинціи, прилегающія къ Каспійскому морю, вслѣдствіе долгаго тамъ владычества персіянъ, утратили во многомъ первобытный характеръ, смѣшались съ персіянами и отличаются нѣсколько въ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ отъ жителей горъ.

Что касается до языка, то едва-ли найдется такой край, въ которомъ бы, подобно Дагестану, на столь незначительномъ пространствѣ, было-бы такое разнообразіе нарѣчій.

Почти каждое общество, владѣніе и даже селеніе или аулъ—имѣ-

ютъ свое нарѣчіе, а нѣкоторые аулы говорятъ даже языкомъ, непонятнымъ для сосѣдей. Такъ напримѣръ, селеніе Инухъ, Дидойскаго общества, состоящее только изъ 30 семействъ, и селеніе Арчи, въ 170 дворовъ, находящееся въ Казикумскомъ округѣ, говорятъ каждое на особомъ языкѣ, понятномъ только имъ однимъ.

Сами дагестанскіе горцы не могутъ опредѣлить положительной границы между племенами и обществами, и никто прежде не зналъ съ достовѣрностію, гдѣ кончаются владѣнія одного общества и начинаются другаго, потому что не находилось охотниковъ спорить за голыя, безплодныя скалы и за хребты горъ, пересѣкающіе ихъ владѣнія по всѣмъ направленіямъ. Камни же, на которыхъ можетъ держаться земля для посѣвовъ, или лоскутъ лужайки, поросшей травою, были причиною нескончаемыхъ споровъ и даже убійствъ.

Лѣсъ составляетъ рѣдкость въ горахъ Дагестана и крайне бережется жителями. Какъ драгоцѣненъ лѣсъ, можно судить изъ того, что въ Аваріи однимъ изъ жестокихъ наказаній было разореніе нѣсколькихъ комнатъ у провинившагося. Хотя дома тамъ всѣ каменные, но лѣсъ необходимъ для балокъ, настилки потолка и для дверей, и обыкновенно проходилъ годъ, два и даже нѣсколько лѣтъ, пока разоренный соберется со средствами, чтобы отстроить свой домъ. Вотъ причина, по которой въ Дагестанѣ разореніе нашими войсками селеній составляло существенное наказаніе для жителей.

Сложенные изъ бревенъ и камня, и охваченные огнемъ, дагестанскіе дома превращаются въ груды мусора, который несравненно труднѣе и убыточнѣе разобрать и употребить на постройку сакли, чѣмъ заготовить новый матеріалъ. Съ разореніемъ дома, горецъ становился нищимъ, въ полномъ значеніи этого слова.

Лѣса, состоящіе преимущественно изъ сосны и березы, растутъ на крутыхъ и высокихъ скалахъ, пересѣкаемыхъ глубокими ущельями, ловомъ сказать, въ такихъ трущобахъ, изъ которыхъ добыванія его крайне затруднительно, часто сопряжено съ опасностями жизни.

а зимою и положительно невозможно. Лѣсъ растетъ на такихъ мѣстахъ, что врядъ-ли когда нибудь будетъ возможно имъ пользоваться.

Хлѣбопашество, отъ постоянныхъ вторженій непріятеля и неимѣнія удобной земли, находится въ весьма плачевномъ положеніи. Произрастаніе хлѣбовъ и травъ удовлетворительно только на низменностяхъ, въ ущельяхъ и на покатостяхъ горъ, обращенныхъ къ сѣверу, южные склоны песчаны и неплодородны. Скалистая природа причиною того, что во многихъ мѣстахъ горцамъ приходится присыпать земляныя площадки и обработывать ихъ; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земли недостаетъ даже и на то, чтобы присыпать такую площадку, и тогда туземцы присыпаютъ землю, смѣшанную съ камнемъ. Присыпка эта производится такъ: параллельно къ отлогой горѣ выстраивается, по возможности, длинная, каменная стѣна на глинѣ, вышиною отъ 1 до 2 саж., а шириною въ полсажени. Пространство между стѣною и отлогостію горы засыпается землею, взятою съ той же горы и утрамбованною; она-то и составляетъ площадь или пахатное поле горца. Нѣсколько такихъ площадокъ, устроенныхъ на одной и той же горѣ, уступами въ видѣ лѣстницы орошаются весьма искусно водою, проводимою изъ рѣкъ и родниковъ, и даютъ довольно сносный урожай.

Скотоводство также находится въ неудовлетворительномъ положеніи. Рогатый скотъ мелкій и худой. Хозяинъ не заботится объ уходѣ за нимъ, и совершенно равнодушно смотритъ, какъ его скотъ худѣетъ и едва волочитъ ноги.

Овецъ держатъ въ значительномъ количествѣ, большею частію только богатые, а бѣдные имѣютъ по нѣскольку штукъ и круглый годъ содержатъ на подножномъ кормѣ, подъ надзоромъ пастуховъ, нанятыхъ цѣлымъ ауломъ. Лошади мелки, некрасивы, но сносны въ ѣздѣ; ихъ держитъ не всякій. Для перевозки тяжестей на вьюкахъ по горамъ, держатъ эшаковъ, или мелкихъословъ, которые подни-

мають отъ 3 до 5 пудовъ груза. Эшакъ чрезвычайно сносливъ, хозяинъ почти его не кормитъ въ теченіи года, и онъ самъ себѣ отыскиваетъ пищу и въ навозѣ, и подъ снѣгомъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Дагестана жители занимаются садоводствомъ, и въ садахъ встрѣчаются яблоки, груши, сливы, виноградъ, персики, абрикосы, черешни, грецкіе орѣхи, инджирь и миндаль. Плоды эти большею частію потребляются на мѣстѣ, или продаются и вымѣниваются на другія произведенія земли, въ ближайшихъ городахъ, или же на издѣлія жителей тѣхъ селеній, которыя не занимаются садоводствомъ.

Всѣ дагестанцы, за немногими исключеніями, магометане-суниты, но въ двѣнадцати верстахъ отъ селенія Ахты находится селеніе Месьенджи, населенное магометанами-шіитами. Вначалѣ существовала довольно сильная вражда между этими двумя селеніями, дохо-

дившая до употребленія оружія и кровопролитія. Послѣ значительной потери, оба селенія, имѣя равныя силы, заключили между собою условіе и поклялись ненавидѣть другъ друга въ душѣ, но никогда не ссориться между собою. Условіе это соблюдается не только свято между жителями обоихъ селеній, но даже ахтинцы не позволяютъ сосѣдямъ обижать месьенджинцевъ и обратно.

Среди джаро-бѣлаканскихъ лезгинъ исповѣдуютъ христіанскую религію ингилойцы, принадлежащіе къ грузинской народности, но порабощенные лезгинами при водвореніи послѣднихъ на земляхъ нѣкогда принадлежавшихъ Грузіи. Хотя нѣкоторые изъ ингилойцевъ и вынуждены были принять исламъ но за то многіе, въ теченіи трехъ столѣтій, не забыли вѣры предковъ. Они соблюдали посты въ установленные дни, молились въ стѣнахъ старыхъ церквей, хранили у себя, какъ святыню, евангеліе, чаши и прочіе священные предметы, и, для совершенія разныхъ требъ тайно приглашали къ себѣ грузинскихъ священниковъ изъ ближайшаго Сигнахскаго уѣзда.

Переодѣвшись въ лезгинскій костюмъ, пробирались по ночамъ пастыри церкви въ дома ингилойцевъ, гдѣ крестили ихъ дѣтей и совершали другія таинства.

Будучи мусульманами, лезгины придерживаются въ большинствѣ сунитскаго толка, а ихъ суевѣріе и вообще обряды весьма сходны съ тѣмъ же у другихъ сосѣдей ихъ и въ особенности чеченцевъ. Поэтому въ настоящемъ очеркѣ мы объ этомъ говорить не будемъ, а остановимся только на наиболѣе характеристичныхъ сторонахъ быта.

Не смотря на всеобщую бѣдность и неопрятность, горецъ смотритъ гордо и весело. Онъ крѣпкаго тѣлосложенія, преимущественно средняго роста, сухощавъ, смуглъ и черноволосъ. Суннитъ брѣетъ голову, шіитъ же пробриваетъ широкую полосу, отъ лба до затылка и до самой шеи, оставляя только съ боку головы, подлѣ ушей, длинныя пряди волосъ. Обѣ секты ровно подстригаютъ бороду и весьма рѣдко брѣютъ ее; мюриды носили бороду треугольникомъ. Люди, имѣющіе значеніе въ обществѣ, и почетные старики красятъ бороду и ногти хной въ шафранный цвѣтъ. Джаро-бѣлаканцы имѣютъ черты лица весьма пріятныя, носъ умѣренный, губы небольшія, волосы гладкіе. Они стройны, цвѣтъ кожи у мужчинъ смуглъ, у женщинъ—бѣлъ и нѣженъ.

Горецъ вспыльчивъ, мстителенъ и помнитъ обиду долго, смышленъ, хитеръ, лукавъ, корыстолюбивъ и охотникъ до кляузъ.

Вообще въ характерѣ горца есть много хорошаго, но за то есть много и дурнаго, и послѣднее едва-ли не превышаетъ первое. Народъ обладаетъ большими умственными способностями, но употребляетъ ихъ на дурные поступки. Прикинувшись святошею, человѣкомъ благонамѣреннымъ и добродѣтельнымъ, онъ дѣлаетъ это такъ ловко, что часто приводитъ въ смущеніе и обманываетъ своихъ земляковъ. Всѣ человѣческіе недостатки и пороки особенно рельефно высказываются здѣсь потому, что никто не считаетъ нужнымъ скры-

вать ихъ отъ постороннихъ, никто не стыдится своихъ слабостей. Все это, конечно, происходитъ отъ необразованности и невоспитанія. Единственное образованіе, которое получаютъ дѣти, есть умѣнье читать коранъ и его толкованія. Рѣдко можно встрѣтить лицъ, занимающихся ремесломъ, но и эти лица самоучки. Желаніе пріобрѣсти легкимъ способомъ средство къ пропитанію сдѣлало горца вкрадчивымъ, приторно-льстивымъ и завистливымъ. Если онъ не видитъ, что вы можете быть ему полезны, онъ держитъ себя относительно васъ гордо; но если онъ разсчитываетъ на васъ, надѣется получить какую-либо выгоду, то унижается до того, что не только обнажитъ передъ вами бритую свою голову, но будетъ цѣловать руки, не отличая раба отъ господина или гяура отъ мусульманина. Если при этомъ разсчеты его окажутся невѣрными, и человѣкъ, на содѣйствіе котораго онъ разсчитывалъ, окажется безсильнымъ для осуществленія его корыстолюбивыхъ видовъ, то онъ, какъ бы въ отмщеніе за свое напрасное униженіе, отплачиваетъ ему презрѣніемъ, бранью и насмѣшками. Зависть горца не имѣетъ границъ, и изъ-за нея онъ готовъ причинить всевозможное зло даже и ближайшему своему родственнику.

Движенія горца мягки и быстры, походка рѣшительная и твердая, словомъ, во всемъ видна гордость и сознаніе собственнаго достоинства. Особенно, если онъ богатъ, обвѣшанъ оружіемъ, блестящимъ серебромъ, если на немъ надѣтъ богатый лезгинскій нарядъ: чоха, обшитая серебряными галунами, шелковый архалукъ, широкія шаровары, сапоги съ большими загнутыми носками и черная баранья шапка, да если ко всему этому онъ сидитъ на добромъ конѣ, то нельзя не любоваться его рыцарскимъ видомъ. Къ сожалѣнію, богатство и опрятность въ одеждѣ весьма рѣдко встрѣчаются между горцами.

На сколько костюмъ лезгина отличается отъ костюма чеченца, видно изъ приложеннаго рисунка. Поэтому мы здѣсь не будемъ распространяться объ этомъ предметѣ.

На сколько костюмъ мужчины приноровленъ къ тому, чтобы обнаружить всѣ физическія достоинства, на столько же костюмъ женщины неудобенъ, неловокъ, скрадываетъ всю ея красоту и тройность.

Драгоцѣнности и украшенія женщинъ заключаются въ серьгахъ, браслетахъ и перстняхъ, дѣлаемыхъ изъ серебра и не лишенныхъ нѣкотораго вкуса. Имѣя по большей части видъ полулунія, серьги цѣнятся тѣмъ дороже, чѣмъ онѣ тяжелѣе, а потому онѣ не только оттягиваютъ уши, но встрѣчаются дѣти, у которыхъ уши прорваны тяжестью серегъ. Браслеты точно также массивны, дѣлаются на подобіе той желѣзной витой цѣпи, которая употребляется часто на лошадиныхъ уздечкахъ; запонки ихъ имѣютъ видъ большихъ печатей и надѣваются часто по три штуки, и такъ, чтобы запонки находились въ одной линіи. Нѣкоторыя носятъ янтарныя четки, а люди бѣдные дѣлаютъ ихъ изъ гороху и бобовъ.

Утромъ и въ обѣденную пору мужчина не прихотливъ, но за то требуетъ отъ хозяйки, чтобы ему былъ приготовленъ сытный ужинъ. Въ обыкновенное время, днемъ, горцы не ѣдятъ ничего теплаго только въ холодное время они употребляютъ теплую пищу. Возставъ отъ сна, онъ завтракаетъ или, лучше сказать, пьетъ воду, смѣшанную съ поджаренною пшеничною мукою; во время обѣда ѣстъ, что случится, а иногда ограничивается однимъ чурекомъ или толокномъ, къ которому прибавляетъ немного молока, сыворотки или просто воды; вечеромъ же хозяинъ требуетъ; чтобы былъ приготовленъ хинкалъ. Самую употребительную пищу горца составляетъ чуреки, хинкалъ, кукуруза и проч. Хозяйка беретъ ячменную, кукурузную или, очень рѣдко, пшеничную муку и мѣситъ тѣсто, изъ котораго приготовляетъ круглыя лепешки и нѣчто въ родѣ широкой лапши.

Кукурузу ѣдятъ вареную съ солью. Отправляясь изъ дому или въ походъ, горецъ беретъ съ собою чурекъ и муку, поджаренную на сковородѣ; за неимѣніемъ и этого, въ случаѣ продолжительнаго похода, онъ довольствуется нѣсколькими листьями растенія, похожаго

на щавель. Мясо и курдюки сала занимаютъ почетное мѣсто въ жизни горца. Изъ продуктовъ этого рода приготовляются кушанья только у самыхъ богатыхъ, или во время роскошныхъ обѣдовъ. Мясо составляетъ рѣдкость въ пищѣ бѣднаго жителя, и варится только тогда, когда пожелаетъ того глава семейства, безъ разрѣшенія котораго жена не смѣетъ распоряжаться въ хозяйствѣ и самою бездѣлицею. Въ то время, когда жена вѣшаетъ на огонь котелъ, мужъ, лѣниво развалившись возлѣ камина или очага, указываетъ ей на висящій на гвоздѣ кусокъ мяса, курдюка или колбасы. Она подаетъ ему, а онъ, не нарушая своего спокойствія, отрѣзавъ сколько нужно и, повертѣвъ его предъ огнемъ, чтобы опалить шерсть, рѣжетъ на куски и, сосчитавъ ихъ, опускаетъ съ молитвою въ котелъ собственноручно.

Хозяйки дома пользуются этимъ случаемъ, и передъ тѣмъ, какъ снять котелъ съ очага, собираютъ ложкою весь жиръ, образовавшійся на верху навара. Жиръ этотъ вылизается потомъ въ чашки и, застывшій, употребляется для намазыванія головъ правовѣрныхъ послѣ бритья, для смазыванія рукъ, ногъ, кожаной обуви, а иногда, смѣшанный съ толокномъ, составляетъ лакомство для дѣтей, мало знакомыхъ со вкусомъ мяса.

Употребляютъ въ пищу иногда и конину, но лошадь свою хозяинъ рѣжетъ только тогда, когда она заболѣетъ такъ, что ей не остается прожить болѣе четверти часа; быковъ рѣжутъ только извѣстные богачи, и то въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ.

Пьютъ бузу и угощаютъ ею гостей. Буза противный, но опьяняющій напитокъ; она приготовляется изъ ячменнаго солода.

Какъ умѣренъ въ пищѣ горецъ въ обыкновенное время, такъ, напротивъ того, въ гостяхъ онъ съѣдаетъ огромное количество, чему способствуютъ, конечно, и сами хозяева.

Въ гостѣ каждый видѣлъ собственное развлеченіе, источникъ новостей, которыя могъ сообщить пріѣзжій и удовлетворить любо-

пытство хозяина. Всѣ такія новости сносились потомъ въ общую кучу, на аульной сходкѣ, и дѣлались достояніемъ всѣхъ одноаульцевъ.

Большую часть лезгинскихъ ауловъ окружаютъ голыя скалы, приближаясь къ которымъ, гдѣ нибудь на пригоркѣ, видна скученная масса сѣрыхъ, каменно-деревянныхъ клѣтушекъ, сидящихъ одна надъ другою, безъ внутреннихъ дворовъ. Изъ каждой клѣтушки глядитъ нѣсколько миніатюрныхъ отверстій, то круглыхъ, то четырехъ-угольныхъ—это окна безъ рамъ, переплетовъ и безъ стеколъ. Они служили нѣкогда и амбразурами, такъ что брать съ боя кучку сѣроватыхъ сакель аула было все равно, что брать крѣпость. Улицы ауловъ Дагестана чрезвычайно извилисты, узки, круты и состоятъ часто изъ ступенекъ, образуемыхъ изъ безпорядочно набросанныхъ каменьевъ, острыхъ и неровныхъ. При встрѣчѣ двухъ человѣкъ въ такой улицѣ, имъ трудно разойтись иначе, какъ повернувшись бокомъ; а улица, по которой можетъ проѣхать одна повозка, считается уже весьма широкою. Причиною такой тѣсноты улицъ бываетъ часто сбоку обрывъ въ нѣсколько саженъ, не дозволяющій сдѣлать ихъ болѣе широкими. Грязь и нечистота составляютъ исключительную принадлежность ауловъ; даже общественныя зданія, какъ напримѣръ мечети, содержатся неопрятно. Всѣ дома построены сжато: одинъ прилѣпленъ къ другому.

Стараясь укрыть свои дома отъ непогоды, жители, вмѣстѣ съ тѣмъ, располагали свои деревни на такой мѣстности, которая могла бы представить наиболѣе выгодъ при оборонѣ отъ вторгающагося непріятеля. Отъ этого деревни ихъ или спустились въ глубокіе овраги, гдѣ прикрываются нависшими скалами, то тянутся не вдоль подошвы горъ, а по скату ея, и лѣпятся одна надъ другою въ видѣ амфитеатра, или, наконецъ, пріютились на такой крутой возвышенности, что доступъ къ ней весьма затруднителенъ.

Мѣста аула, доступныя непріятелю, закрывались каменною стѣ-

ною съ бойницами и башнями, для фланговой обороны, а иногда такую стѣну замѣнялъ простой плетень изъ хвороста, перевитаго въ два ряда и вооруженнаго колючками. Въ стѣнѣ, окружающей аулъ, располагались ворота, для выѣзда въ поля или сосѣдніе аулы; со сторонъ же, не подверженныхъ непріятельскому нападенію, ни воротъ, ни стѣнъ не было.

Въ послѣднее время горцы, и въ особенности даргинцы и мехтулинцы, стали устраивать сторожевыя башни, на подобіе нашихъ казацкихъ вышекъ. Башни эти строились на такихъ мѣстахъ, откуда можно было видѣть окружающую мѣстность на значительное разстояніе, и занимались днемъ и ночью карауломъ изъ ближайшихъ ауловъ.

Тамъ, гдѣ нѣтъ лѣса, сакли и всѣ надворныя службы строятся изъ камня и глины, а другія просто сложены изъ камня безъ глины. При недостаткѣ камня строятъ изъ неженнаго кирпича, а въ мѣстахъ лѣсистыхъ плетутъ изъ хвороста, обмазаннаго внутри и снаружи глиною.

Строеніе горца разгораживается и въ верхнемъ этажѣ на отдѣльныя продолговатыя комнаты, величина которыхъ совершенно зависитъ отъ произвола хозяина, и бываетъ отъ четырехъ до двухъ саженъ въ длину и отъ пяти до трехъ арш. въ ширину. Въ одной такой комнатѣ помѣщается все семейство хозяина, въ другихъ женатые сыновья, каждый отдѣльно, и затѣмъ всѣ прочія помѣщенія служатъ складомъ грушъ, яблокъ, разныхъ овощей и другихъ произведеній сельскаго быта. Тутъ же въ углу наложены серпы, топоры. кирки, шерстяныя веревки, ремни и прочее.

Окна дѣлаются въ стѣнѣ, выходящей на дворъ, весьма малы и не имѣютъ стеколъ, а закрываются изнутри ставнями или рамами со сквозною рѣшеткою, иногда съ узорчатою рѣзьбою, выкрашенною яркими цвѣтами. Двери, хотя и двухстворчатыя, но, по большей ча-

сти, очень низки, притворяются съ внутренней стороны и не имѣютъ запоровъ.

Одна изъ комнатъ оставляется свободною, лучше другихъ убранная и покрытая паласами, или коврами; она называется кунахскою и служитъ для пріема гостей.

Нѣтъ дома сколько нибудь зажиточнаго горца, въ которомъ бы не было подобія балкона—навѣсъ, поддерживаемый стойками, утвержденными въ землѣ. Внутренность же жилища имѣетъ сходство съ жилищами и другихъ горцевъ.

Горецъ спитъ на полу, стаскиваетъ туда тюфяки и подушки, раздѣвается до-гола, не снимаетъ только папахи, и прикрывается одѣяломъ изъ бумажной набойки, подложенной бараньею шерстью. На балконѣ ставятъ деревянную, грубой работы, кровать, на которой всегда лежитъ тюфякъ и подушка, на которыхъ отдыхаетъ лѣтомъ хозяинъ въ теченіи дня.

Столбы, подпирающіе потолокъ и часть стѣнъ, увѣшиваются оружіемъ, большими овчинными шубами, новыми и старыми, и маленькими ночными папахами изъ бараньей шкуры; неподалеку отъ двери, на поперечной стѣнѣ, висятъ два мѣдные таза, которые часто во время пирушекъ служатъ музыкальными инструментами и подносами.

Общественный и семейный бытъ.

Жизнь горца проходитъ однообразно, скучно и, по большей части, безплодно. Повсюду видно какое-то наводящее тоску спокойствіе, и въ цѣломъ селеніи не замѣтно никакого движенія, не слышно ни пѣсни, ни музыки—точно все вымерло подъ вліяніемъ деспотическаго гнета Шамиля, преслѣдовавшаго всякое проявленіе веселости. Горецъ проводилъ свое время или въ кунакской среди гостей.

или на общественной сходкѣ. Гостепріимство между лезгинами развито не менѣе, чѣмъ у другихъ горскихъ народовъ.

Въ каждомъ селеніи есть непремѣнно гудекань, или площадка съ выстроеннымъ въ углу навѣсомъ, подъ которымъ въ назначенные дни собирается сельское общество для совѣщаній, и гдѣ, за отсутствіемъ его, ежедневно съ утра и до вечера сидятъ бѣлобородые старцы, поучающіе молодежь, занятые серьезнымъ разговоромъ или передачею другъ другу новостей. Многіе приходятъ сюда съ самаго ранняго утра, какъ только будунъ (помощникъ муллы) призоветъ народъ къ молитвѣ.

Проснувшись раньше всѣхъ, передъ утреннею зарею, будунъ взбирается на плоскую крышу мечети и громогласно, на-распѣвъ, предупреждаетъ правовѣрныхъ.

Призывъ будуна служитъ сигналомъ къ потягиванію, ворочанію съ бока на бокъ и зѣванію, передающихся изъ одной сакли въ другую. Женщины торопливо вскакиваютъ съ своей постели и, нашептывая молитву, снимаютъ со стѣны мѣдные или деревянные тазы такой величины, что два человѣка могутъ свободно усѣсться въ нихъ. Наливъ въ нихъ нагрѣтую воду, чета правовѣрныхъ полощится въ тазахъ и, не стараясь смыть съ себя потъ и грязь, ограничивается обливаніемъ семи членовъ. Бѣдные, не имѣющіе подобныхъ тазовъ, спѣшатъ въ куллу *), общественную ванну, устроенную подлѣ мечети, а зимою обливаются изъ кувшиновъ въ своихъ сараяхъ.

Торопливо окончивъ, послѣ тѣлеснаго очищенія, утреннюю молитву, только нѣкоторые изъ мужчинъ, преимущественно люди пожилые и старики, принимаются за чтеніе корана; всѣ же остальные закутываются въ свои сагулы—широкія, длинныя безъ рукавовъ шубы,

---

*) Куллою называется комната, устроенная для молитвы внѣ деревни или подлѣ мечети, и по срединѣ которой сдѣланъ бассейнъ для омовенія.

и засыпаютъ, предоставляя женщинамъ хлопотать по хозяйству. Послѣднія принимаются за ежедневныя работы.

Зимою, во время сильныхъ морозовъ, никто не показывается на улицѣ, пока не проглянетъ солнце; но едва оно покажется, какъ все населеніе, отъ мала до велика, высыпаетъ на крыши сакель, стараясь подставить свои бока подъ согрѣвающіе лучи солнца.

Солнечная теплота располагаетъ горцевъ къ пріятнымъ занятіямъ, состоящимъ исключительно въ самоочищеніи и изгнаніи изъ своего костюма насѣкомыхъ.

Въ такое время дня и при солнечномъ освѣщеніи, почти на каждой крышѣ можно видѣть группы сидящихъ и полулежащихъ горцевъ, мужчинъ и женщинъ, занимающихся разсматриваніемъ своего костюма.

Горецъ, почувствовавшій надоѣдливаго насѣкомаго, въ какой бы то ни было части своего туалета (а нужно замѣтить, что все платье горца, начиная отъ нижняго до папахи, отъ лѣтняго до зимняго, изобилуетъ множествомъ этого рода насѣкомыхъ), не стѣсняясь ни мѣстомъ, гдѣ открылъ маленькаго врага, ни мѣстомъ гдѣ самъ находится, ни чьимъ бы то ни было присутствіемъ, исключая, разумѣется, русскаго начальника, немедленно дѣлаетъ повальный обыскъ—и найденное насѣкомое тутъ же всенародно наказывается. Послѣ этой операціи онъ преспокойно поплевываетъ на ногти большихъ пальцевъ и указательными обтираетъ ихъ. Соскучась и этимъ занятіемъ, горецъ передаетъ свою рубаху женѣ для починки, если таковая требуется. Жена, рекогноцируя съ тою же цѣлію заповѣдныя части своего туалета или держа разостланную на колѣняхъ свою рубаху и оставаясь по поясъ ничѣмъ не покрытою, немедленно оставлятъ свое занятіе и принимается чинить мужнино бѣлье.

Подобное занятіе женщины тѣмъ болѣе интересно, что она, во время владычества Шамиля и господства шаріата, оставаясь по

поясъ совершенно голою, старалась закрыть свое лицо, чтобы не соблазнить правовѣрныхъ мужскаго пола.

Одновременно съ этимъ, на крышѣ сосѣдней сакли, туземецъ, смотрясь въ зеркало, выщипываетъ на бородѣ и щекахъ волосы, или производитъ ту же операцію надъ товарищемъ, лежащимъ къ верху лицомъ. Дочь заботливо осматриваетъ волосы своей матери и для этого кладетъ ея голову на свои колѣни, или осматриваетъ рубаху своего отца, который, надѣвъ на голое тѣло овчинную шубу, занимается осматриваніемъ своего папаха. Болѣе религіозные люди, перебирая четки и поднявъ къ верху лицо, съ закрытыми глазами, безсознательно, нашептываютъ молитву; наконецъ нѣкоторые, растянувшись во всю длину, сладко дремлятъ подъ лучами зимняго солнца.

Тихо въ воздухѣ, еще тише въ аулѣ; каждый занятъ своимъ дѣломъ на столько, что, повидимому, никто не рѣшится перемѣнить мѣста или нарушить пріятное для него занятіе, исключительно священное собственному тѣлесному очищенію. Такова картина мирныхъ занятій горца. Въ прежнее время однообразіе это нарушалось изрѣдка бранною жизнью. Тогда случалось, что извилистые переулки и крутыя околицы селенія наполнялись толпами вооруженныхъ горцевъ. Иные жарили на открытомъ воздухѣ шашлыкъ, другіе стоятъ возлѣ, третьи сидѣли или бродили вокругъ своихъ коней. Всѣ они одѣты бывали въ буркахъ разныхъ цвѣтовъ, съ длинными винтовками за плечами, съ кинжалами и пистолетами за поясомъ. Одежда ихъ не отличалась ни тонкостію, ни опрятностію, но за то каждый оборванный горецъ, сложивъ руки на-крестъ или взявшись за рукоять кинжала, или наконецъ, опершись на ружье, стоялъ такъ гордо, какъ будто былъ властителемъ вселенной, попираемой его ногою.

Вся толпа эта собиралась, бывало, съ разныхъ сторонъ послѣ ночнаго набѣга, и если случалось, что привозила съ собою русскаго плѣннаго, то онъ становился предметомъ всеобщаго любопытства:

его щупали, осматривали и разспрашивали о мастерствѣ какое онъ знаетъ, о числѣ русскихъ войскъ и намѣреніи ихъ. Нѣкоторые кичились своею храбростію и прославляли свою независимость.

«Съ тѣхъ поръ, говорили они, напримѣръ, какъ солнце блеститъ, никто не указывалъ койсубулинцамъ куда не ѣздить и чего не дѣлать! Одни русскіе вздумали удержать рѣшетомъ Койсу нашу; пускай же берегутъ рѣшето и руки. Мы знаемъ, что они хотятъ придти къ намъ, забрать нашихъ красавицъ въ гаремы, а сыновей въ барабанщики.... милости просимъ! Хотя бы у каждаго изъ васъ было столько же головъ, сколько пуговицъ на кафтанѣ, и тогда не вынести бы вамъ назадъ пары языковъ, чтобы разсказать своимъ о горскомъ угощеньѣ. У насъ мало мѣсто подъ засѣвъ хлѣба, но всегда довольно его, чтобы засѣять русскими головами».

Въ домашнемъ быту лезгины чрезвычайно неопрятны, носятъ бѣлье и платье до износа и перемѣняютъ его или, лучше сказать, замѣнятъ новымъ только тогда, когда оно, какъ говорится, свалится съ плечъ. О мытьѣ бѣлья они не имѣютъ понятія, и запаса платья, на случай перемѣны, не имѣютъ; оттого къ одеждѣ ихъ или постели невозможно прикоснуться: тамъ цѣлый рой вшей. Новое платье шьютъ тогда, когда старое такъ изорвется, что носить его уже нѣтъ возможности. Но прежде чѣмъ надѣть новый платокъ или рубаху, хозяйка кладетъ ихъ въ котелъ, примѣшиваетъ туда золы и сала и, такимъ образомъ, превращаетъ свой новый костюмъ въ грязную сальную тряпку, которую и надѣваетъ затѣмъ на свое тѣло. Предварительная операція эта производится потому, что если женщина надѣнетъ чистый новый платокъ или рубаху, то злые языки скажутъ: «она чиста оттого, что владѣтельница ихъ никогда не видитъ въ глаза мяса или курдючьяго сала». На основаніи такого правильнаго взгляда, чѣмъ богаче хозяйка, тѣмъ грязнѣе и сальнѣе она одѣвается. Только нѣсколько ауловъ, какъ напримѣръ, Ирганай, Могохъ и Карату, не слѣдуютъ этому закону и отличают-

ся своею опрятностію въ одеждѣ. Населеніе этихъ ауловъ одѣвается довольно чисто, даже щеголевато, но за то про нихъ сосѣди отзываются съ большою насмѣшкою.

Тяжелыя работы, лежащія на женщинѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, дѣлаютъ то, что онѣ развиваются очень неправильно и скоро старѣются, сохраняя только надолго прекрасныя и полныя страсти глаза—неотъемлемое сокровище каждой.

Вся жизнь лезгинки есть трудъ, и трудъ самый тяжелый. Часто можно встрѣтить возвращающимся въ аулъ двухъ-трехъословъ, навьюченныхъ ношею, за ними съ большею еще ношею, тащится женщина, имѣющая, кромѣ того, за плечами ребенка. Тяжесть ноши привела бы въ ужасъ любаго дюжаго работника, но не удивляетъ ея мужа: онъ идетъ позади, напѣвая пѣсню, праздный и съ пустыми руками. Считая себя не болѣе какъ конвойнымъ, онъ не направитъ даже на дорогу осла, если бы ему вздумалось свернуть въ сторону пощипать травы: это должна сдѣлать та же женщина.

Женщина въ Дагестанѣ есть ни что иное, какъ самка для вынашиванія дѣтей, и рабочій скотъ, не имѣющій ни минуты отдыха.

Въ домашнемъ быту горца женщина и эшакъ одинаково нагружаются. Горянка такъ привычна къ тяжелой работѣ, что, при транспортировкѣ провіанта для нашихъ войскъ, многія изъ нихъ добровольно являлись и, за положенную плату, переносили на своихъ плечахъ, на разстояніи до тридцати верстъ, кули муки въ три пуда вѣсомъ, и притомъ по трудно доступнымъ дорогамъ.

Разграниченіе въ положеніи мужчины и женщины дѣлается съ самаго ранняго возраста. Часто можно видѣть девятилѣтнихъ дѣвочекъ, возвращающихся съ рѣки съ огромными кувшинами воды, тогда какъ мальчики тѣхъ же лѣтъ, а иногда и болѣе взрослые, ничего не дѣлаютъ. Не удивительно послѣ того, что женщины старѣются весьма скоро и дѣлаются горбатыми до такой степени, что въ каждомъ аулѣ можно встрѣтить нѣсколько старухъ, ходящихъ

на четверенькахъ. Помочь женѣ въ ея работѣ мужъ считаетъ дѣломъ постыдномъ, и даже въ случаѣ болѣзни жены онъ ни за что не станетъ исполнять ея работы, а обратится съ просьбою къ сосѣдкамъ распорядиться и позаботиться о его хозяйствѣ.

Смерть жены дѣлаетъ горца нищимъ въ полномъ значеніи этого слова. Но, не принимаясь ни за что самъ и не имѣя въ домѣ хозяйки, онъ шляется изъ аула въ аулъ, выпрашивая себѣ кусокъ насущнаго хлѣба.

Сознавая свое безвыходное положеніе, онъ однако же оказываетъ при жизни полное презрѣніе своей женѣ. Имя женщины служитъ самымъ позорнымъ, браннымъ словомъ; назвать горца женщиною—значитъ оскорбить его глубоко и рисковать поплатиться за то жизнію.

Неуваженіе къ женщинѣ простирается до того, что, встрѣчаясь съ нею, мужчина привѣтствуетъ ее словомъ кошкильды—тѣмъ же самымъ, которое онъ скажетъ каждому встрѣчному не магометанину, а слѣдовательно и гяуру. Встрѣчая гостя, жена принимаетъ его такъ, какъ принимаетъ его у насъ лакей. Если мужа нѣтъ дома, то она немедленно даетъ знать о пріѣздѣ гостя и затѣмъ исполняетъ все, что мужъ ей прикажетъ. Въ отсутствіе мужа, жена не имѣетъ права подчивать гостя мясомъ, хотя бы онъ былъ самый почтенѣйшій, близкій и дорогой. Въ присутствіи гостя жена становится въ самомъ отдаленномъ углу сакли, не принимаетъ участія въ разговорѣ, отвѣчаетъ только на вопросы мужа и ожидаетъ приказаній.

Даже и въ такомъ случаѣ, когда мужъ любитъ свою жену, она все-таки исполняетъ обязанность слуги, пріобрѣвшаго расположеніе господина своею хорошею нравственностью. Она пользуется тогда до нѣкоторой степени его ласкою и восхищается шутливо-строгимъ обхожденіемъ своего властелина Прировнять съ собою жену и поставить женщину наравнѣ съ мужчиною—это недоступно понятію горца. При разработкѣ на Гунибѣ дорогъ, жители отказались ходить

на работу, и, какъ оказалось впослѣдствіи, потому только, что поденная плата за работу мужчинамъ была положена наравнѣ съ женщинами. Если участь женщины въ настоящее время до нѣкоторой степени сносна, такъ это у джаро-бѣлоканскихъ лезгинъ. Мужъ обходится съ нею ласковѣе, допускаетъ ее до разговора съ собою, обѣдаетъ вмѣстѣ съ женою, и она, не нося покрывала, часто не отворачивается отъ посторонняго. Во всемъ мусульманскомъ мірѣ судьба женщины печальна, но въ Дагестанѣ она положительно невыносима, и это, конечно, главнѣйшимъ образомъ происходитъ отъ праздности мужчины.

Всѣ развлеченія въ дагестанскомъ аулѣ оканчиваются вмѣстѣ съ закатомъ солнца, и тогда все народонаселеніе закупоривается въ своихъ сакляхъ, группируясь вокругъ тлѣющаго въ очагѣ или каминѣ кизяка и рѣдко одинокаго полѣна дровъ.

Въ ожиданіи ужина, правовѣрные отъ нечего-дѣлать перебираютъ свои грязныя четки и нашептываютъ молитву.

Несчастныя, грязныя и оборванныя лезгинскія дѣти страдаютъ отъ холода и голода, и вечеромъ, съ жадностію посматривая на котелъ и кипящую въ немъ воду, ожидаютъ остатковъ ужина.....

Только самые чадолюбивые отцы допускаютъ къ совмѣстному ужину своихъ дѣтей, но и тогда лучшій кусокъ принадлежитъ все-таки главѣ семейства.

Въ этомъ отношеніи въ характерѣ горца встрѣчается странное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчательное противорѣчіе. Онъ любитъ своихъ дѣтей пламенно и неограниченно, но, по принципу, что въ семействѣ онъ глава, что все остальное ниже его, отецъ держитъ своихъ дѣтей въ отдаленіи, не обращаетъ вниманія на ихъ наружность, одежду и не допускаетъ ихъ къ присутствію за общимъ столомъ.

Нравственный и физическій гнетъ, тяготѣющій надъ женщиною, заглушилъ въ ней всякое проявленіе самостоятельности характера, но не могъ заглушить страстной ея натуры. Въ этомъ случаѣ жен-

щина осталась вѣрною себѣ, и строгая нравственность не составляетъ отличительной черты женщины горянки. Пылкость южной натуры, а въ особенности корыстолюбіе, дѣлаютъ ихъ весьма податливыми на соблазнъ. Сознавая, что мужъ ея неограниченный властелинъ, что онъ глава, начальникъ, повелитель, судья, защитникъ и обвинитель, въ рукахъ котораго находится жизнь и смерть, жены-горянки, подъ вліяніемъ своей впечатлительной натуры, далеко не прочь отъ любовныхъ похожденій; скрытно отъ мужа, она весьма часто предается разврату въ полномъ значеніи этого слова. Склонность къ разврату не стѣсняетъ ее въ выборѣ возлюбленнаго она очень легко и скоро сводитъ свои интриги съ неправовѣрными или гяурами.

Молодая жена, вступая въ домъ родителей мужа, дѣлается помощницею своей тещи, старающейся свалить всѣ работы на невѣстку, такъ что та не знаетъ отдыха ни днемъ, ни ночью. Теща, помыкая ею, заставляетъ испытывать тѣ же страданія, которыя сама вынесла въ молодости. Стараясь возстановить сына противъ его жены, теща заставляетъ его обходится съ своею невѣсткою точно такъ же, какъ отецъ его во время-оно обходился съ нею. Эти совѣты матери-тещи, къ несчастію, не остаются безъ послѣдствія и не рѣдко исполняются буквально. Разсердившись на жену, мужъ, безъ всякой видимой причины и за какіе-нибудь пустяки, бьетъ ее до полусмерти, и часто, въ порывѣ бѣшества и необузданности гнѣва, рубитъ ее кинжаломъ, стрѣляетъ въ нее изъ пистолета, и если несчастная женщина не успѣетъ уклониться отъ наносимыхъ ударовъ разсвирѣпѣвшаго мужа, то падаетъ жертвою ничѣмъ неограниченнаго его своеволія. Тотъ горецъ считается добрымъ еще мужемъ, который швыряетъ въ свою жену первою попавшеюся ему подъ руки вещью, какъ, напримѣръ, башмакомъ, щипцами, чашкою и т. п. Натѣшившись вдоволь, мужъ еще сѣтуетъ на жену и жалуется на свое положеніе.

Подобныя ссоры не рѣдкость и составляютъ едвали не ежедневное явленіе. Крики и вопли ежедневно слышны въ аулѣ, часто привлекаютъ цѣлыя толпы народа, приходящаго полюбоваться на раздирающія сцены семейной жизни горца.

Горцы, достигнувъ почтеннаго возраста, когда и здоровье не позволяетъ заниматься хозяйствомъ, передаютъ все свое состояніе, исключая денегъ, дѣтямъ, которыя, въ свою очередь, сдѣлавшись независимыми хозяевами, сказываютъ родителямъ полное пренебреженіе, въ особенности матери. Старикани, которые, по обычаю, пользуются почетомъ въ народѣ, пренебрегаютъ родныя дѣти.

Рожденіе сына даетъ еще нѣкоторыя, впрочемъ, весьма незначительныя, права женщинѣ. Но если она имѣетъ несчастіе быть безплодною или привычку рождать дочерей, то окончательно теряетъ къ себѣ всякое уваженіе и любовь мужа, который, чтобы досадить ей еще болѣе, женится на другой. Но если всѣ эти средства не помогаютъ и, по несчастію для первой, вторая жена родитъ сына, тогда старшая жена дѣлается служанкою молодой своей соперницы—и насмѣшкамъ и глумленіямъ отъ счастливой соперницы нѣтъ конца.

Безусловная вѣра въ предопредѣленіе или фанатизмъ проявляются у горцевъ въ полной силѣ. Мусульманинъ, или, лучше сказать горецъ-фанатикъ, часто страдая какою-либо болѣзнію, не лечится, основаясь на томъ, что его жизнь и здоровье нисколько не зависятъ отъ воли человѣка.

— Если Богу угодно, говоритъ онъ, чтобы я не ѣлъ больше на землѣ хлѣба, то мнѣ не пособятъ никакія лекарства, никакія заботы.

Произнося такія слова, многіе изъ туземцевъ были совершенно справедливы, потому что медицинскія познанія ихъ докторовъ были крайне ограничены и лекарства мало дѣйствительны.

Умершаго стараются похоронить какъ можно скорѣе. Тотчасъ послѣ кончины, родственники посылаютъ въ мечеть за носилками и за длиннымъ овальнымъ корытомъ, въ которомъ омываютъ его тѣло.

Обмывавшій покойника получаетъ часть его одежды, а другая принадлежитъ кадію или муллѣ. Послѣ омовенія, покойнику чистятъ ногти, а если умершая женщина или дѣвица, то ее бѣлятъ, румянятъ, чернятъ брови и рѣсницы. Обернувъ три раза чистымъ полотномъ, тѣло кладутъ на носилки, привязываютъ къ нимъ веревками, покрываютъ мужчину черною буркою, а женщину одѣяломъ или какою-нибудь матеріею, и относятъ на кладбище, гдѣ опускаютъ въ могилу безъ гроба, въ одномъ только саванѣ.

Со дня похоронъ, надъ могилою умершаго устраивается палатка или навѣсъ изъ войлока, въ которомъ помѣщается мулла или опытный мунгаллимъ (ученикъ, читающій по найму коранъ въ теченіе 8-ми, а у богатыхъ и до 40 дней со дня погребенія). Во все время, пока стоитъ на могилѣ палатка, жители каждый день ходятъ, послѣ утренняго и вечерняго намаза, помолиться о покойномъ.

Вообще горцы уважаютъ память усопшихъ. Весьма часто они выдерживали упорный бой съ нашими войсками для того только, чтобы подобрать тѣла убитыхъ своихъ товарищей и не оставить ихъ въ рукахъ непріятеля.

Памятники надъ могилами ставятъ только богатые; бѣдные же ограничиваются каменными плитами съ надписью имени умершаго, года его смерти и изреченія изъ корана. Тѣ-же, которые не могутъ, по своей бѣдности, поставить и такой плиты, ставятъ въ головѣ и ногахъ могилы небольшіе острые камни. Надъ могилами убитыхъ въ дѣлѣ съ непріятелемъ ставятся точно такіе же знаки, какъ и въ Чечнѣ. Могилы людей, замѣчательныхъ по своей святой жизни, огораживаютъ заборомъ и непремѣнно сажаютъ дерево, на вѣтвяхъ котораго каждый прохожій вѣшаетъ, въ знакъ своего уваженія, цвѣтной лоскутъ матеріи, часто отрывая его отъ своего платья. Въ праздникъ по ночамъ на подобныхъ могилахъ зажигаются свѣтильники.

КОЧУЮЩІЕ НАРОДЫ.

XXI. ЛОПАРИ.

Характеръ, одежда, пища.

На самомъ крайнемъ сѣверѣ, на берегахъ Ледовитаго океана живетъ бѣдное и немногочисленое племя лопарей, предки которыхъ, какъ и предки многихъ другихъ народовъ, населяющихъ нынѣ Европу, вышли изъ Азіи. Надо полагать, что лопари недобровольно выбрали для жительства эти безпріютныя, скудно одаренныя природою мѣста, а что ихъ загнали туда болѣе многочисленные азіатскіе выходцы. Въ настоящее время племя это живетъ въ Россіи въ сѣверной части Кемскаго уѣзда Архангельской губерніи.

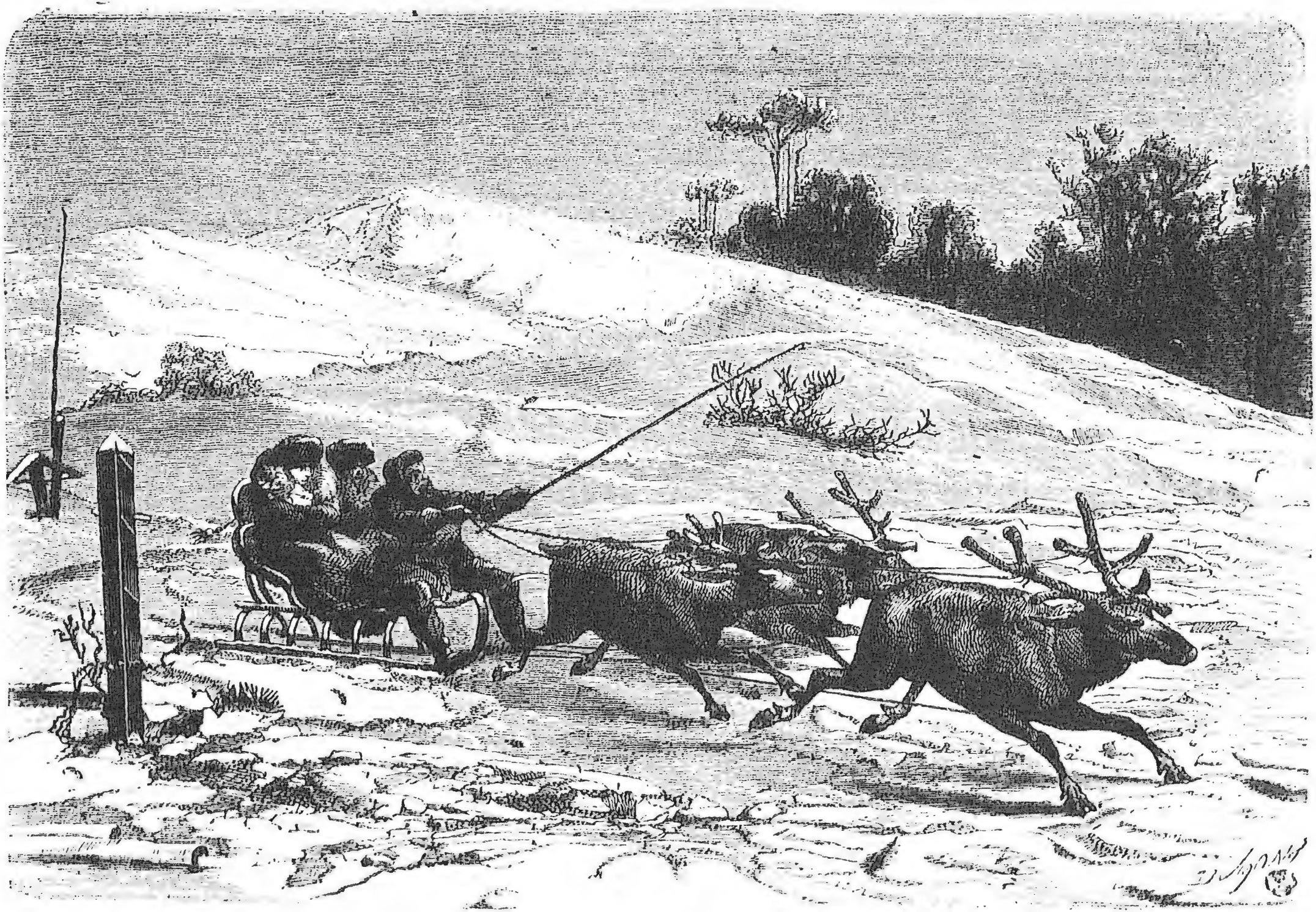
Въ Русской Лапландіи считается до 2,180 душъ обоего пола; въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ они живутъ только въ трехъ сѣверныхъ приходахъ, въ числѣ до 1,200 душъ обоего пола.

Наружность лопарей отличается своеобразнымъ типомъ. При взглядѣ на кореннаго лопаря, прежде всего поражаетъ уродливое сложеніе его большой головы, которая выдается кверху угломъ, сужи-

ваясь съ обѣихъ сторонъ. Затылокъ неокругленный, а заостренный. Лобъ широкій, глаза каріе, которые вѣчно слезятся отъ дыма и снѣга; скулы вдавленныя, носъ правильный, ротъ—искривленный жалобнымъ выраженіемъ, подбородокъ длинный и кривой, цвѣтъ лица буроватый, волосы, большею частью свѣтлорусые, густые и щетинистые, падаютъ на лобъ неровными прядками. Есть впрочемъ лопари и съ черными, лоснящимися волосами. Борода рѣдкая; у нѣкоторыхъ она вовсе не ростетъ, какъ и усы, и голова покрыта струпьями. Болѣзнь эта бываетъ часто наслѣдственна.

Лопари малорослы, хотя нѣсколько выше самоѣдовъ, но, вслѣдствіе суровой жизни, сложенія крѣпкаго и проворны. Они говорятъ по-русски понятнѣе, чѣмъ самоѣды, но вставляютъ въ рѣчь посторонніе слоги, не имѣющіе никакого смысла, и цѣлыя слова на своемъ природномъ языкѣ.

Лопари, живущіе въ приморскихъ погостахъ, вслѣдствіе сношеній съ русскими, пріѣзжающими на промыслы, до такой степени утратили свой коренной типъ, что ихъ почти нельзя отличить отъ русскихъ. Особенно бросается въ глаза это на молодомъ поколѣніи Воронежской волости. Только въ лопаряхъ Терскаго берега не замѣтно этого перерожденія. Вліяніе суровой природы, посреди которой живетъ лопарь, сильно отразилось на его характерѣ. Онъ смотритъ на все съ мрачной стороны и даже физіономія его запечатлена выраженіемъ грусти. Онъ привыкаетъ съ дѣтства къ невозмутимой тишинѣ окружающихъ его громадныхъ снѣжныхъ пространствъ, и эта тишина рано сродняется съ его душою и настраиваетъ ее на мирный ладъ. Миролюбіе—отличительная черта характера лопаря. Онъ готовъ многое вынести, отъ многаго отказаться, лишь-бы жизнь его шла мирно и однообразно въ своей обычной колеѣ. Онъ чрезвычайно тихъ, терпѣливъ, добродушенъ и довѣрчивъ, уступчивъ; но стоитъ только хорошенько затронуть его—и онъ выказываетъ такую энергію, которую трудно заподозрить въ немъ. Онъ выходитъ



ЛОПАРСКАЯ ѢЗДА НА ОЛЕНЯХЪ.

тогда изъ своего всегдашняго равнодушія и становится свирѣпъ въ гнѣвѣ и непримиримъ во враждѣ.

Лопари даже не чужды воинственной отваги. Это доказываютъ сохранившіеся еще до-нынѣ между ними разсказы о воинственныхъ подвигахъ ихъ предковъ, которые нападали на норвежцевъ, пристававшихъ къ Мурманскому берегу.

Преступленій между ними почти нѣтъ; крупныхъ кражъ также. Данное слово держатъ они свято. Честность ихъ такъ велика, что русскіе промышленники, уѣзжая домой по окончаніи рыбныхъ промысловъ, поручаютъ имъ надзоръ за своими становищами, въ амбарахъ которыхъ остается иногда на нѣсколько сотъ пудовъ трески, палтусины, семги и пр. про запасъ для весеннихъ промысловъ. Въ этихъ же амбарахъ хранятся и рыболовныя снасти на нѣсколько сотъ рублей. Лопарь стережетъ все это семь мѣсяцевъ за самое пустое вознагражденіе, и промышленники, возвратясь, находятъ всегда все въ цѣлости.

Вообще, въ отношеніи къ русскимъ, лопари очень добродушны и гостепріимны, а между собою выказываютъ другъ къ другу почти братское участіе.

Самый крупный недостатокъ лопарей—пьянство, которое даже не считается у нихъ порокомъ. Пьютъ всѣ, во всякое время и вездѣ.

Также не чужды они мелкихъ обмановъ и плутовства; но надо замѣтить, что всѣ хорошія свойства лопарей врожденныя, а недостатки привились къ нимъ вслѣдствіе сношеній ихъ съ русскими промышленниками и торгашами.

Лопарки трудолюбивы, домовиты и большія мастерицы шить одежду, но вмѣстѣ съ тѣмъ неопрятны и иногда упрямы. Онѣ до такой степени пугливы, что громкій, неожиданной стукъ или крикъ производитъ во всемъ организмѣ нервное разстройство, часто доводящее ихъ до бѣшенства.

Селенія лопарей, или погосты состоятъ изъ нѣсколькихъ шалашей,

называемыхъ вѣжами. Такъ какъ лѣтомъ лопари перекочевываютъ къ берегамъ моря для ловли рыбы, то у нихъ есть зимніе и лѣтніе погосты. Кромѣ того, лопарь строитъ иногда вѣжу на берегу какого нибудь озера, куда заѣзжаетъ ловить рыбу послѣ лѣтняго промысла.

Вѣжа похожа на самоѣдскій чумъ съ тою только разницею, что не перевозится съ мѣста на мѣсто, а потому и устройство ея прочнѣе. Обыкновенно лопарь строитъ вѣжу подлѣ какой-нибудь скалы или большаго камня для защиты отъ вѣтра. Онъ начинаетъ съ того, что вколачиваетъ въ землю два столба, которые соединяетъ перекладиною. Это основаніе вѣжи. Стѣны ея состоятъ изъ вколоченныхъ въ землю жердей. Образуемое ими круглое пространство съуживается кверху и заканчивается остріемъ для выхода дыма. Жерди обкладываютъ сверху хворостомъ и сосновыми или еловыми вѣтвями, а сверхъ вѣтвей дерномъ. Въ сторонѣ вѣжи, выходящей на югъ, продѣлываютъ отверстіе, въ которое вставляютъ сколоченную кое-какъ изъ досокъ опускную дверь, такъ что входъ въ вѣжу похожъ на входъ въ ловушку и притомъ устроенъ такъ неискусно, что при малѣйшей неосторожности опускная дверь можетъ пришибить входящаго. Земляной полъ покрытъ хворостомъ, поверхъ котораго разстилаютъ оленьи мѣха, служащіе постелями. Четыре балки, расположенныя крестообразно, раздѣляютъ внутренность вѣжи на девять отдѣленій. Въ трехъ первыхъ, ближайшихъ къ выходу, лежатъ дрова, кожи и различные домашніе снаряды. Въ томъ изъ среднихъ отдѣленій, которое приходится подъ дымовымъ отверстіемъ, грубо выложенъ очагъ изъ нѣсколькихъ камней, вокругъ котораго обыкновенно сидитъ вся лопарская семья. Направо отъ него,—отдѣленіе хозяина съ хозяйкою, а налѣво—другихъ членовъ семьи. Три заднія отдѣленія служатъ кладовыми для съѣстныхъ запасовъ. Въ перекладины вбиты крючья, къ которымъ привѣшены на цѣпочкахъ котлы для варки пищи. Прямо противъ двери на полкѣ стоитъ мѣдный

или деревянный образъ, и тутъ же около него разная хозяйственная утварь, а на полу подъ образомъ чанъ съ водою, подлѣ котораго виситъ безмѣнъ. Мѣсто это называетсся чистымъ, къ нему питаютъ нѣчто въ родѣ благоговѣнія, хотя тутъ же льютъ помои, бросаютъ кости рыбъ и пр. Зимою, передъ вѣжею устроиваютъ небольшія сѣни изъ снѣга.

Кромѣ вѣжи, лопари живутъ такжъ въ тупахъ. Такъ называютъ небольшія, очень низенькія хижины, построенныя изъ тонкихъ бревенъ, съ земляною крышею.

Въ тупѣ два-три маленькія окошечка, въ которыя вставлены стекольныя рамы. Полъ выстланъ расколотыми пополамъ тонкими бревнами. Тупа отапливается очагомъ въ родѣ камина, сложеннымъ изъ камней, смазанныхъ глиною. Дымъ выходитъ въ дощатую трубу, возвышающуюся надъ кровлею.

Въ нѣкоторыхъ погостахъ есть курныя и даже бѣлыя избы. Послѣднія посреди вѣжъ и тупъ кажутся настоящими дворцами; но ихъ очень немного. Постройка избы тяжелая и трудная работа для лопарей, такъ какъ у нихъ нѣтъ пилъ, а только топоры, притомъ же роскошь эта доступна для нихъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много лѣса. При бѣлой избѣ есть также вѣжа, но уже служащая кухнею.

Около каждаго лопарскаго жилья непремѣнно есть небольшая клѣтушка, родъ амбара, въ которомъ лопарь хранитъ главное свое богатство, а именно: шкуры убитыхъ имъ пушныхъ звѣрей и рыбу. Большею частью клѣтушки эти строятъ на высокихъ столбахъ, затѣмъ чтобы въ нихъ не могли забраться ни лисица, ни волкъ.

Общій видъ лопарскаго погоста наводитъ тоску. Иногда онъ такъ занесенъ снѣгомъ, что еслибы не дымъ, выходящій изъ вѣжъ, и не собачій лай, то можно бы подумать, что вовсе нѣтъ жилья.

Внутри вѣжъ бросается въ глаза нечистоплотность, почти всегда нераздѣльная съ грубостью понятій и бѣдностью.

Хозяйственной утвари вообще мало. Удобствъ никакихъ. Низень-

кій, хохлатый, закопченный дымомъ лопарь, закутанный съ головы до ногъ въ мѣха, встрѣчающій васъ, почесываясь, у двери, напоминаетъ скорѣе медвѣдя, вылѣзшаго изъ своей берлоги, нежели человѣческое существо. Но и въ этомъ грустномъ бытѣ можно найти хорошее, и недаромъ существуетъ пословица, что въ Лопарской землѣ снаружи бѣдно и грязно, за то внутри ея скрывается часто золото—миръ.

Одежда лопаря похожа на самоѣдскую. Онъ носитъ такую же малицу, какъ и самоѣдъ, т. е. родъ мѣшка изъ оленьей шкуры шерстью вверхъ, сшитой оленьими жилами, безъ разрѣза, а только съ отверстіемъ для головы. Лопари называютъ эту одежду *печокъ*. Печокъ надѣвается поверхъ овчиннаго тулупа. Нижняя одежда изъ грубаго холста. Въ большіе морозы надѣваютъ подъ печокъ рубашку изъ молодыхъ оленьихъ шкуръ, шерстью къ тѣлу. На головѣ у лопаря теплая шапка, подбитая и опушенная россомашьимъ или лисьимъ мѣхомъ. Иногда шапка украшена множествомъ фарфоровыхъ пуговокъ и кусочками цвѣтнаго сукна. На ногахъ длинные сапоги изъ шкуры оленьихъ ногъ, шерстью вверхъ, съ загнутыми кверху острыми и длинными носками, называемые *ярами*. Сапоги эти довольно красивы, такъ какъ мѣхъ состоитъ изъ темныхъ и свѣтлыхъ полосъ, которыя чередуются между собою. Яры всегда пришиваются къ брюкамъ изъ выдѣланной оленьей кожи. Подъ сапогами шерстяные чулки или сукно, плотно обвитое вокругъ тѣла тесмою. Иногда вмѣсто яровъ надѣваютъ *канги* — башмаки съ острымъ носкомъ. На рукахъ шерстяныя варежки, а сверхъ нихъ длинныя рукавицы изъ невыдѣланной оленьей шкуры.

Лѣтняя, верхняя одежда называется—*юпа*. Она шьется изъ толстаго сукна, на-подобіе голландской рубашки, состоячимъ воротничкомъ, защищающимъ на морскомъ берегу отъ вѣтра и въ тундрѣ отъ комаровъ. На головѣ валеный колпакъ, имѣющій форму сахарной головы, черный съ краснымъ подбоемъ. Въ будни носятъ его

ТИПЫ РУССКИХЪ ЛОПАРЕЙ.

наружу черною стороною, а по праздникамъ красною. На ногахъ—*нюх-и-яки*, т. е. длинные сапоги изъ выдѣланной, оленьей кожи, съ мягкою подошвою, на которую насыпаютъ внутри траву, ситникъ, а на рукахъ—шерстяныя рукавицы. Юпу подтягиваютъ ремнемъ, на которомъ виситъ ножъ, огниво съ трутомъ и непремѣнно мѣшечекъ изъ разноцвѣтныхъ суконныхъ лоскутковъ, украшенный иногда мелкимъ бисеромъ.

Женщины зимою носятъ также печокъ, а подъ нимъ суконную юпу. Лѣтомъ же сарафаны пестрядинные, выбойчатые и даже ситцевые и рубашку изъ грубаго холста. На головѣ красный кумачный или штофный повойникъ, похожій фасономъ на повойники поморокъ съ холстинным подзатыльникомъ. Иногда повойникъ и подзатыльникъ вышиты бисеромъ. Лопарки любятъ щегольство, которое проявляется у нихъ въ видѣ оловянныхъ и мѣдныхъ колецъ на рукахъ и такихъ же серегъ большаго размѣра, но въ особенности щеголяютъ онѣ крестомъ, который надѣваютъ сверхъ рубашки.

Зажиточныя носятъ его на серебряной цѣпочкѣ. Дѣвушки одѣваются такъ же какъ и женщины, только вмѣсто повойниковъ повязываютъ голову пестрымъ или краснымъ бумажнымъ платкомъ, на шею надѣваютъ онѣ ожерелья изъ разноцвѣтныхъ бусъ, биссера и мѣстнаго жемчуга. Всѣ женщины носятъ на ремнѣ ножъ и игольникъ со всѣми принадлежностями для шитья. У хозяекъ, кромѣ того, виситъ на ремнѣ ключъ.

Лопари, живущіе въ холодномъ климатѣ и проводящіе жизнь въ безпрерывномъ трудѣ, принуждены употреблять большое количество пищи, но они не могутъ быть разборчивы въ этомъ отношеніи.

Рыба и оленина—главные продукты, доставляемые имъ природою въ этихъ почти лишенныхъ растительности мѣстностяхъ. Впрочемъ лопари привыкли нынче къ хлѣбу, который покупаютъ у поморовъ. Сами же не пекутъ его, такъ какъ это невозможно при устройствѣ ихъ очаговъ. Рыбу ѣдятъ они свѣжую и вяленую. Любимое ихъ

кушанье называется рокка, т. е. похлебка изъ вяленой рыбы, съ мучною подболткою. Также приготовляютъ они родъ капицы на рыбьемъ отварѣ изъ ржаной муки, пополамъ съ сосновою корою. Эта кора употребляется бѣдными лопарями и отчасти предохраняетъ ихъ отъ цынготной болѣзни. Изъ ржаной муки дѣлаютъ они рѣзку, т. е. пекутъ полусырыя лепешки, которыя потомъ рѣжутъ на кусочки и ѣдятъ, обмакивая въ уху или горячую воду. Также пекутъ родъ пироговъ изъ ржаной муки. Но самыми лакомыми кушаньями считается медвѣжатина и простокваша изъ ланьяго молока, въ которую кладутъ траву василекъ. Въ постные дни питаются кромѣ рыбы ягодами, брусникою, вороницею и морошкою.

Живущіе на Терскомъ берегу лопари ѣдятъ и въ постные дни куропатокъ, которыхъ тамъ изобиліе и которыхъ они называютъ летучими рыбами. Оленье и птичье мясо жарятъ у огня, воткнувъ на желѣзный прутикъ, и также варятъ изъ него щи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лопари ѣдятъ не только всякую рыбу, но хищныхъ звѣрей и птицъ. Мужчины, женщины и даже дѣти пьютъ много водки. Чай же употребляютъ больше такъ называемый лопарскій, т. е. какую-то траву, имѣющую довольно пріятный вкусъ. Впрочемъ тѣ, которые позажиточнѣе, пьютъ и настоящій чай.

Религія и бытъ.

Лопари до половины XVI столѣтія были язычниками. Но въ этомъ столѣтіи инокъ Соловецкаго монастыря, Ѳеодоритъ, удалившійся изъ любви къ пустынножительству къ берегамъ рѣки Колы, построилъ здѣсь монастырь. Познакомясь съ жившими въ окрестности лопарями, онъ началъ проповѣдывать имъ слово Божіе, перевелъ на ихъ языкъ нѣкоторыя молитвы и распространилъ между ними понятіе о христіанствѣ. Въ то же время, другой проповѣдникъ св. Три-

ТИПЫ НОРВЕЖСКИХЪ ЛОПАРЕЙ.

фонъ, просвѣтилъ христіанствомъ лопарей, жившихъ на рѣкѣ Печенгѣ, и построилъ въ этомъ краю первый христіанскій храмъ во имя Пресвятой Троицы. Храмъ этотъ былъ освященъ въ 1533 году и тогда же крестили всѣхъ новообращенныхъ лопарей. Трифонъ устроилъ здѣсь монастырь и самъ принялъ иночество.

Вскорѣ христіанство распространилось по всей странѣ, такъ что въ 1526 году лопари Кандалакской губы, пріѣхавъ въ Москву, просили у новгородскаго архіепископа, Макарія, антиминса и священника для построенной ими церкви. Въ 1532 году просили у Макарія священниковъ Кольскіе лопари. Макарій исполнилъ ихъ желаніе,— и прибывшіе сюда священники крестили многихъ лопарей, жившихъ за мысомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Св. Носа.

Вскорѣ приняли крещеніе Терскіе лопари, жившіе по рѣкѣ Поной. Въ 1581 году была дана грамота на учрежденіе церковнаго причита при Понойской церкви. Но впослѣдствіи лопари въ дѣлѣ христіанства были предоставлены совершенно на произволъ судьбы и потому не могли ознакомиться ни съ догматами христіанской религіи, ни даже ея обрядовою стороною. Имъ неизвѣстны даже самыя главныя молитвы. Церквей въ Лапландіи очень мало. Священникъ обязанъ разъ въ годъ объѣзжать всѣ погосты, но онъ рѣдко застаетъ дома лопарей, постоянно занятыхъ зимою пушнымъ, а лѣтомъ рыбнымъ промысломъ. Иные не видятъ его по нѣсколько лѣтъ.

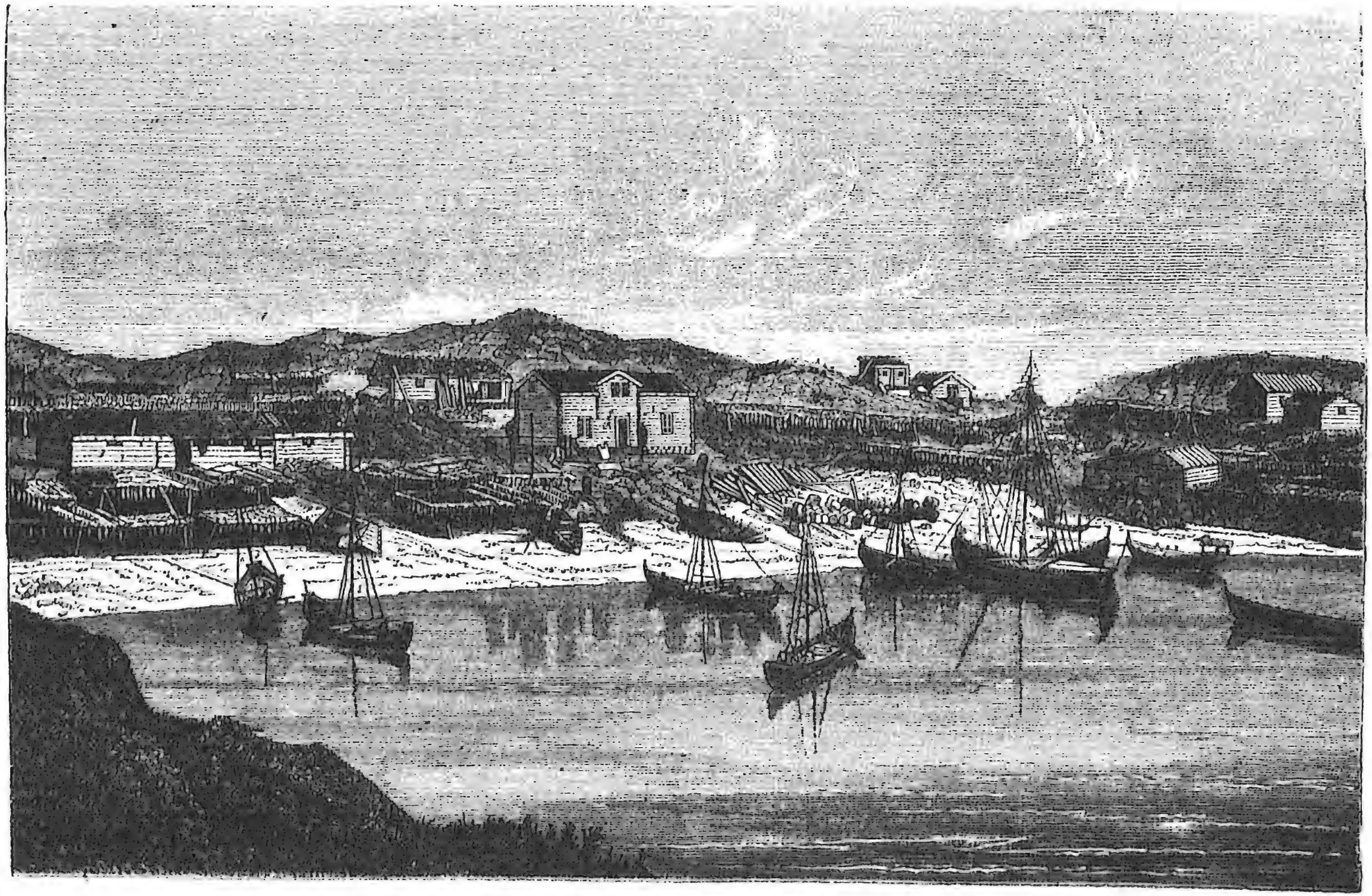
Вслѣдствіе ихъ кочевой жизни, родившіеся часто остаются по нѣсколько лѣтъ безъ крещенія, а умершихъ хоронятъ безъ церковнаго обряда. Правда, что лопари наблюдаютъ посты и теплятъ свѣчи въ своихъ часовняхъ, но они исполняютъ это какъ обычай, едва понимая его значеніе. Одно уже то, что лопарки носятъ поверхъ рубашки символъ христіанства—крестъ—и стараются щеголять имъ одна передъ другою, доказываетъ какъ грубы ихъ понятія въ этомъ отношеніи. Въ настоящее время, впрочемъ, при волостяхъ устраиваются церкви и школы.

Несмотря на то, что лопари считаются христіанами, между ними сохранилось еще и до-нынѣ много языческихъ вѣрованій.

Въ языческія времена у нихъ не существовало никакихъ храмовъ или капищъ, но были идолы: каменные и деревянные. Каменные состояли просто изъ камней въ ихъ натуральномъ видѣ, или деревянные — изъ обрубковъ дерева, корни котораго обрѣзывали такъ, что они имѣли видъ человѣческой головы. Этихъ идоловъ называли сейдами. У лопарей существовало повѣрье, что боги присутствуютъ тамъ, гдѣ величественна природа, а потому они ставили сейды преимущественно на высокихъ горахъ и при шумныхъ водопадахъ, но всегда на открытомъ воздухѣ. Иногда на одномъ мѣстѣ стояло по нѣскольку такихъ идоловъ, изображавшихъ цѣлую семью боговъ: самый большой былъ главою семьи, поменьше его женою, а остальные-- дѣтьми и работниками. Лопари чрезвычайно почитали этихъ идоловъ и приносили имъ въ жертву части животныхъ. Мѣсто вокругъ идола считалось священнымъ. Беременнымъ женщинамъ запрещено было подъ опасеніемъ смерти приближаться къ этимъ мѣстамъ. Мужчины также не дерзали подходить къ нимъ безъ жертвъ.

Ужасъ къ священнымъ мѣстамъ былъ такъ великъ, что еще и нынѣшніе лопари христіане стараются обѣгать ихъ. Въ ихъ окрестностяхъ никто не селится и не ловятъ птицъ. Когда же ловятъ рыбу, то наблюдаютъ безмолвіе и не берутъ съ собою женъ и собакъ. Особенно боятся этихъ мѣстъ лопарки.

Еще уцѣлѣло у лопарей вѣрованіе въ духовъ горъ и воды. Они воображаютъ и донынѣ, что можно продать душу этимъ богамъ и получить за то власть надъ другими людьми въ различныхъ случаяхъ жизни. Этимъ богамъ приносятъ дань или ту же жертву. Лопари, живущіе въ глубинѣ страны, взбираются для этого на высокую гору, выбираютъ лучшаго оленя и молятся до тѣхъ поръ, пока выбьются изъ силъ, затѣмъ убиваютъ оленя и остаются здѣсь ночевать. Смотря по сну, какой увидятъ, и по вытекшей изъ оленя крови, заклю-



ВАДЗЕ—ПОГРАНИЧНЫЙ СЪ НОРВЕГІЕЮ ЛАПЛАНДСКІЙ ГОРОДЪ.

чаютъ о томъ—уменьшатся ли или увеличатся ихъ стада. Приморскіе же лопари приносятъ въ жертву духу водъ маленькую лодочку, нагруженную жемчугомъ, серебромъ и другими веществами, которую спускаютъ въ море. Иногда мореплаватели вылавливаютъ изъ воды такія лодочки.

Обо всѣхъ явленіяхъ природы у лопарей, какъ и надо ожидать, образныя понятія. Такъ они видятъ въ сѣверномъ сіяніи души своихъ умершихъ родственниковъ, подымающіяся на небо. Нѣкоторыя лопарки до такой степени прозорливы въ этомъ случаѣ, что различаютъ даже въ какой именно части сіянія находятся ихъ отцы, братья, мужья и пр.

Про полевыхъ мышей, странствующихъ большими стадами, лопари думаютъ, что онѣ валятся на землю изъ облаковъ, и потому не дѣлаютъ имъ никакого вреда.

Вѣрованье въ лѣшихъ и водяныхъ сильно распространено. Лопарь любитъ потолковать объ этихъ таинственныхъ существахъ, увлекающ ихъ его воображеніе за недостаткомъ умственной дѣятельности, и на этотъ счетъ ходитъ много разсказовъ, передаваемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такъ говорятъ, будто лѣшій ходитъ въ красномъ колпакѣ и съ дубиною въ правой рукѣ. Иной лопарь разсказываетъ, какъ лѣшій гнался за нимъ, а если не за нимъ, такъ за его дѣдомъ или прадѣдомъ.

Вода, по мнѣнью лопарей, населена кромѣ рыбъ чертями и, разумѣется, главное мѣстопребыванія ихъ омуты. Около такихъ мѣстъ не закидываютъ даже сѣтей.

Лопари славились еще въ древности своимъ искусствомъ въ колдовствѣ. Когда появилась комета въ 1584 году, царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный выписалъ изъ Лапландіи колдуновъ, для объясненія этого явленія. Въ настоящее время вѣра въ колдуновъ нисколько не ослабѣла. Лопари воображаютъ, что колдунъ можетъ вызвать дождь, разговаривать съ духами, призывать и прогонять

насѣкомыхъ и пр. Единственное спасеніе отъ нихъ—громъ, который уничтожаетъ колдуновъ. Еслибы его не было, то они извели-бы своимъ чародѣйствомъ весь свѣтъ. При покражѣ какой нибудь вещи или при другомъ подобномъ случаѣ, прибѣгаютъ къ помощи колдуна. Онъ не употребляетъ никакихъ заклинаній, но бьетъ въ волшебный барабанъ который ничто иное какъ овальной формы ящикъ, обтянутый съ одной стороны кожею; къ нему привязано множество веревокъ и разныхъ побрякушекъ. На кожѣ изображены небесныя свѣтила, звѣри, птицы и разные волшебные знаки. Колдунъ кладетъ на нее кольцо и начинаетъ колотить по ней мохнатымъ оленьимъ рогомъ. Кольцо подпрыгиваетъ и, смотря по тому, на какой упадетъ знакъ, колдунъ узнаетъ какой ему дать отвѣтъ. Иногда колдунъ во время гаданья прибѣгаетъ къ обмороку, и лопари убѣждены, что въ это время душа его блуждаетъ повсюду и развѣдываетъ то, что онъ хочетъ узнать.

Существуютъ еще между лопарями такіе искусники, которые будто бы умѣютъ напускать по вѣтру разныя болѣзни. Всѣ боятся ихъ и потому оказываютъ имъ уваженіе и почетъ. Къ нимъ же обращаются для излеченія напущенной болѣзни. Лопари думаютъ также что эти знахари могутъ дѣлать добро и зло, какъ на землѣ, такъ и на водѣ.

Отъ наружныхъ ранъ лопари лечатся сосновою сѣрою; отъ короста моются отваромъ ольховой коры, а отъ внутреннихъ болѣзней пьютъ парную кровь дикихъ оленей. Чаще всего прижигаютъ больное мѣсто зажженною губкою, которую держатъ на тѣлѣ до тѣхъ поръ, пока треснетъ кожа.

Когда лопарь охотится на медвѣдя, то, прежде чѣмъ выстрѣлить, обращается къ нему съ увѣщаніемъ, чтобы онъ, медвѣдь, не нападалъ первый, такъ какъ ружье можетъ осѣчься, рука дрогнуть и т. п. Послѣ чего, по убѣжденію лопаря, благодарный за эту вѣжливость медвѣдь, никогда не рѣшится напасть первый на человѣка.

Новорожденнаго ребенка кладутъ нагаго въ колыбель, выдолбленную изъ древеснаго обрубка и похожаго формою на ткацкій челнокъ, и покрываютъ мѣхомъ. Сверху же перетягиваютъ веревками. Колыбели вѣшаютъ въ шалашахъ и на древесныхъ сучьяхъ. Во время перекочевки мать несетъ колыбель на спинѣ.

При крещеніи родители дарятъ малюткѣ лань, которую клеймятъ особымъ клеймомъ. Какъ лань, такъ и приплодъ ея, остаются на всю жизнь собственностью ребенка.

Лопари вступаютъ въ бракъ обыкновенно съ согласія родителей; но бываютъ случаи самовольныхъ браковъ, хотя чрезвычайно рѣдко. Къ такимъ бракамъ относятся съ большимъ презрѣніемъ. Обыкновенно же родители сами выбираютъ жениху невѣсту.

При сватаньѣ и свадьбѣ строго соблюдается множество старинныхъ обычаевъ.

Отецъ жениха, взявъ порядочный запасъ вина, идетъ съ сыномъ въ тотъ погостъ, гдѣ живетъ невѣста. Придя въ ея вѣжу, онъ читаетъ передъ дверью молитву; ему говорятъ въ отвѣтъ: «аминь», и онъ входитъ вмѣстѣ съ сыномъ.

Выступивъ впередъ, лопарь вынимаетъ флягу съ виномъ и, наливъ стаканъ, подаетъ отцу невѣсты, а если нѣтъ отца, то старшему въ семьѣ. Тотъ не отказывается, а спрашиваетъ: «А что, первая рюмка не завяжетъ?» Гость отвѣчаетъ ему, что онъ можетъ выпить ее и не исполнить его просьбы. Хозяинъ вѣжи выпиваетъ тогда рюмку и возвращаетъ ее гостю. Тотъ подноситъ другую рюмку хозяйкѣ, которая также выпиваетъ ее. Затѣмъ опять слѣдуетъ рюмка хозяину, послѣ чего всѣ усаживаются — и начинается сватовство, оканчивающееся обыкновенно тѣмъ, что отецъ невѣсты говоритъ: «Хорошо, мы подумаемъ».

Отказъ считается безчестьемъ, и оскорбленная сторона взыскиваетъ какъ за безчестье, такъ и за выпитое вино. Въ случаѣ же согласія, отецъ невѣсты посылаетъ съ этимъ извѣстіемъ къ отцу же-

ниха своего сына, послѣ чего женихъ пріѣзжаетъ со всею своею роднею.

У лопарей женихъ обязанъ, такъ сказать, купить невѣсту, и даетъ за нее условленное число оленей и шкуръ пушныхъ звѣрей. Иногда онъ обязуется прослужить нѣсколько лѣтъ тестю. Обо всѣхъ этихъ статьяхъ торгуются, причемъ отецъ невѣсты старается запросить какъ можно больше; но, разъ сойдясь въ условіяхъ, строго выполняетъ ихъ.

Наканунѣ свадьбы, женихъ съ своими родными ѣдетъ къ вѣжѣ невѣсты, гдѣ уже собрались всѣ ея родственники. Дверь заперта на задвижку, и жениха не пускаютъ. Онъ начинаетъ стучаться, приговаривая: «Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!» Это повторяется до трехъ разъ. Послѣ послѣдняго раза изъ вѣжи слышится сердитый, заспанный голосъ: «Кто это тамъ бродитъ по ночамъ»? Вслѣдъ затѣмъ дверь отворяютъ до половины, и въ отверстіе появляется голова родственника невѣсты, исполняющаго роль свата. «Не вижу, не вижу, что за люди пришли», говоритъ онъ, щуря глаза. Отецъ жениха даетъ ему полтинникъ. Сватъ третъ имъ одинъ глазъ и пришуриваетъ другой, за что получаетъ опять полтинникъ, на этотъ разъ уже отъ жениха.

Но ему мало этого. Онъ говоритъ, что горло болитъ — ему дарятъ платокъ; далѣе, что озябъ—ему даютъ водки. Братъ невѣсты, въ свою очередь, также продѣлываетъ всю эту исторію. «У насъ улетѣла птичка, говоритъ наконецъ отецъ жениха, такъ мы пріѣхали посмотрѣть, не здѣсь-ли она спряталась». Послѣ того дверь отворяютъ, и гости входятъ въ вѣжу гуськомъ, держа другъ друга за плечи. Женихъ начинаетъ топать, но его осаживаютъ возгласами «тпру!» Послѣ этого вся родня жениха усаживается на лавки, гдѣ уже сидитъ вся родня невѣсты, но ея самой нѣтъ. Отецъ ея сидитъ, опустивъ голову, какъ будто спитъ. Гости подходятъ и будятъ его, слегка постукивая пальцами по головѣ. Онъ протираетъ глаза и го-

воритъ, чтобы ему дали на очки, на починку головы и пр. То же дѣлаетъ и вся родня невѣсты, которую женихъ обязанъ одарить. Разыгравъ всю эту комедію, выводятъ невѣсту подъ покрываломъ и усаживаютъ на постель. «Не та-ли это птица, которую вы ищите?» говорятъ родные невѣсты, указывая на нее. Тогда настаетъ очередь свахи просить подарка и, получивъ его, она поднимаетъ покрывало. «Та самая», отвѣчаютъ гости. Шаферъ невѣсты беретъ ее за руку и подводитъ къ жениху. «Попробуемъ, хороши-ли у вашего сокола когти»? приговариваетъ шаферъ и, положивъ руку невѣсты въ руку жениха, начинаетъ похлопывать его. — «Ого, у вашего сокола хороши когти», говоритъ онъ въ заключенье. Женихъ даритъ невѣстѣ платокъ, который та тотчасъ же повязываетъ на голову, и затѣмъ уѣзжаетъ домой. Родные же его остаются—и начинается пиръ.

На другой день всѣ опять собираются въ домѣ невѣсты и, помолясь Богу, идутъ въ церковь, иногда за 300 верстъ. Послѣ свадьбы новобрачные нанимаютъ квартиру въ Колѣ, и тутъ начинается пиръ во всемъ разгарѣ, на который всякій приноситъ то, что у него есть съѣстнаго и водку. На свадьбѣ прыгаютъ черезъ шесты, играютъ въ гусекъ, разсказываютъ разныя басни, поютъ и пляшутъ. Игра въ гусекъ — нѣчто въ родѣ шахматной: играютъ тринадцатью камушками, изображающими гусей и лисицу.

Повеселясь и погулявъ вдоволь, свадебный поѣздъ отправляется въ погостъ отца новобрачной, гдѣ она остается съ мужемъ. По прошествіи года, тесть и теща награждаютъ зятя оленями и одеждою, и онъ уѣзжаетъ съ женою въ свой погостъ, гдѣ и устраиваетъ себѣ вѣжу. Иногда же поселяется у отца и живетъ вмѣстѣ съ нимъ, пользуясь всѣмъ, наравнѣ съ неженатыми сыновьями.

Увеселенія лопарей не разнообразны. Въ воскресные дни молодые люди выходятъ изъ тупъ и вѣжей на открытый воздухъ, для игоръ. Старики садятся тутъ же и бесѣдуютъ между собою, причемъ слушатель шевелитъ губами такъ-же, какъ разсказчикъ. Обыкновенныя

игры: прыганье черезъ шесты, борьба и игра въ мячъ. Поютъ также пѣсни, но пѣнье лопарей непріятно, такъ какъ у нихъ хриплые голоса. Иногда пляшутъ подъ пѣнье.

Зимою лопари занимаются оленеводствомъ и пушнымъ промысломъ, но въ началѣ весны изо всѣхъ погостовъ внутри страны перекочевываютъ къ морю для ловли рыбы. Перекочевка эта совершается въ кережкахъ, легкихъ санкахъ, запряженныхъ оленями, которыхъ лопарь погоняетъ возгласами: «ги! го! ге»! Вѣжи и тупы остаются безъ надзора, какъ оттого, что не боятся воровъ, такъ и оттого, что въ нихъ и взять нечего. Хозяйственный скарбъ увозится съ собою. Стада оленей большею частью остаются бродить на произволъ судьбы. Въ случаѣ, если волки, россомахи и медвѣди потаскаютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, то хозяинъ всегда вознаградитъ эту убыль дикими оленями. Длинныя вереницы кережекъ мчатся къ условленному мѣсту, при чемъ лопарь ѣдетъ, не разбирая пути. Дорога вездѣ лежитъ для него бархатнымъ ковромъ, а заблудиться не боится онъ оттого, что ему хорошо знакомы страны свѣта: онъ знаетъ, что въ той сторонѣ, съ которой не ростетъ на каменьяхъ мохъ — сѣверъ, а на противуположной, съ которой камни одѣты мохомъ, — югъ, и соображается съ этимъ. Хорошо для лопаря то, что, отправляясь въ путь, онъ не долженъ запасаться кормомъ для оленей, такъ какъ они отыскиваютъ сами чутьемъ мохъ подъ снѣгомъ, а когда хотятъ пить, то ѣдятъ снѣгъ.

Во время перекочевки, лопарямъ не разъ случается ночевать на открытомъ воздухѣ, такъ какъ жилье въ этой странѣ рѣдко. Въ такомъ случаѣ, они огораживаютъ кережками извѣстное пространство и, набравъ хворосту, разводятъ огонь. Они дѣлаютъ это очень проворно и искусно, такъ какъ у каждаго лопаря непремѣнно есть при себѣ огниво, березовый трутъ, который хранится въ костяномъ футлярѣ, кусочекъ сѣры и нѣсколько обломковъ коры смолистыхъ деревьевъ. Всѣ ложатся вокругъ огня, закутанные въ мѣховые одеж-

ЛОПАРСКАЯ ЧУМА.

ды и, зарывшись въ снѣгъ, спятъ такъ-же спокойно и крѣпко, какъ на пуховикахъ.

Иногда ночью залаютъ собаки: это значитъ, что къ оленямъ подкрадывается волкъ. Проснувшись, лопарь встаетъ, убиваетъ хищника изъ винтовки,—и снова крѣпко засыпаетъ.

На слѣдующее утро снова пускаются въ путь. Кережки тянутся длинными вереницами, за ними слѣдуютъ навьюченные олени. Лопари и лопарки идутъ подлѣ кережекъ, весело разговаривая между собою. Между ними снуютъ дѣти, рѣзвясь и играя. Рядъ кережекъ тянется версты на двѣ. Позади него идутъ домашніе олени, сопровождаемые нѣсколькими десятками малорослыхъ, косматыхъ, лапландскихъ собакъ. Прибывъ къ мѣсту лѣтнихъ промысловъ, лопари живо устраиваются въ своихъ лѣтнихъ жилищахъ и принимаются за работу.

На Мурманскомъ и Терскомъ берегахъ, гдѣ лопари нанимаются работниками къ русскимъ промышленникамъ, послѣдніе, по окончаніи промысловъ, угощаютъ ихъ обѣдомъ, на которомъ главную роль играетъ норвежскій ромъ. Иногда въ одномъ становищѣ, въ одинъ день, бываетъ у разныхъ хозяевъ до пяти и шести такихъ обѣдовъ. Лопарь, страстно любящій спиртные напитки, непремѣнно явится на каждый изъ нихъ, а въ промежуткахъ, отъ избытка восторга, повалялся и покувыркается по землѣ.

Лопари любятъ заводить съ русскими тѣсную дружбу. Часто лопарь, чтобы укрѣпить ее, мѣняется съ русскимъ крестомъ, причемъ дѣлаютъ другъ другу подарки. Обычай этотъ старинный.

Способъ погребенія лопарей скорѣе языческій, чѣмъ христіанскій хотя, конечно, языческіе обычаи исполняютъ тайно. Покойника хоронятъ безъ гроба, иногда въ одеждѣ, иногда же нагаго.

Замѣчательныхъ стрѣлковъ хоронятъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ приносили жертвы богамъ.

Прежде покойниковъ просто клали на землю и обкладывали ка-

меньями, но нынче зарываютъ въ землю, насыпаютъ сверху курганъ, и кладутъ на него сани, полозьями вверхъ, а подъ ними немного пищи и утвари.

Иногда кладутъ въ могилу также орудія, которыми работалъ умершій: топоръ, весло, удочки и т. п. Похоронный пиръ дѣлаютъ чрезвычайно рѣдко.

На ѣздовыхъ оленяхъ покойнаго никто не имѣетъ права ѣздить.

Относительно умственнаго развитія, лопари стоятъ на очень низкой ступени. Вся цѣль ихъ жизни состоитъ въ томъ, чтобы добывать насущное пропитаніе, и всѣ силы ихъ ума устремлены, главнымъ образомъ, на средства къ удовлетворенію этой потребности. Лопарь постоянно занятъ мыслью о томъ, какъ-бы ему искуснѣе перехитрить какого-нибудь звѣря, такъ что у него не остается времени для другихъ помышленій. Какъ всѣ дикіе и полудикіе народы, лопарь прельщается тѣмъ, что поражаетъ его чувственность, разсудокъ же его бездѣйствуетъ.

Впрочемъ, онъ интересуется тѣмъ, что происходитъ внѣ круга его жалкой жизни, и путешественника, пріѣхавшаго въ какой-нибудь погостъ, обыкновенно встрѣчаютъ разспросами о томъ: здоровъ-ли Государь, живъ-ли губернаторъ, все-ли въ краю миръ.

Лопари не знаютъ грамоты, но употребляютъ вмѣсто буквъ клейма. До сихъ поръ въ лопарскихъ селеніяхъ никогда не было никакихъ школъ. По статистическимъ свѣдѣніямъ извѣстно, что въ десятилѣтіе, отъ 1857 до 1867 года, обучались грамотѣ изъ лопарей въ кольскомъ приходскомъ училищѣ: 3 ч. муж. пола и 1 жен. пола. Нынче хотятъ завести школы при приходскихъ церквахъ, которыя строятъ въ нѣкоторыхъ зимнихъ лопарскихъ погостахъ. Сами лопари начинаютъ уже сознавать пользу грамотности для своихъ дѣтей, и надо надѣяться, что, съ распространеніемъ ея, смягчится грубость ихъ быта.

Лопари говорятъ различными нарѣчіями, но разница между ними

не велика. Она состоитъ, главнымъ образомъ, въ примѣси иностранныхъ словъ, смотря по тому, съ какимъ народомъ приходится имъ чаще имѣть сношенія: финскимъ, норвежскимъ или русскимъ.

У лопарей есть своего рода героическія поэмы о богатыряхъ. Замѣчательно то, что богатыри эти всегда имѣли дѣло съ русскими, и всегда одолѣвали ихъ.

Лопари рѣшаютъ вопросы, относящіеся до внутренняго порядка ихъ быта, на мірскихъ сходкахъ. Каждый лопарь, имѣющій тупу или вѣжу, можетъ участвовать въ этихъ собраніяхъ, но молодежь не пользуется правомъ голоса. Уважается только мнѣніе старшихъ. Наибольшее значеніе имѣетъ голосъ такого богача, который помогаетъ міру, внося иногда повинности за отлучившагося изъ своихъ мѣстъ и помогающаго въ другихъ нуждахъ. Обсуждаемые вопросы рѣшаются большинствомъ голосовъ.

Въ случаѣ споровъ, обидъ, воровства и т. п., собираютъ особыя сходки, на которыхъ производятъ судъ. Наказанія состоятъ въ уплатѣ вознагражденія за обиду.

Отецъ, какъ глава семейства, имѣетъ право отдѣлять часть дѣдовскаго имущества и закладывать его. Если сынъ не пожелаетъ жить вмѣстѣ съ родителями и отдѣлится противъ ихъ воли, то отецъ ничего не даетъ такому.

Лопари, жившіе прежде на границахъ Россіи съ Норвегіею и Финляндіею, подпавъ съ X вѣка подъ вліяніе сильныхъ сосѣдей русскихъ, шведовъ и датчанъ, платили всѣмъ троимъ дань, отчего ихъ и называли двоеданными и троеданными лопарями. Тѣ изъ нихъ которые жили на границахъ Финляндіи, съ присоединеніемъ ея къ Россіи, вошли въ составъ Россійскаго государства и въ настоящее время живутъ въ самой сѣверной части Лапландіи.

Есть еще племя лопарей, говорящее совершенно особымъ нарѣчіемъ и исповѣдующее лютеранскую вѣру. Лопари эти называются фильманами или финеманами, и кочуютъ по тундрамъ на простран-

ствѣ 300 верстъ отъ города Колы на западъ до границъ Финляндіи и Норвегіи. Они владѣютъ огромными стадами оленей, иногда до тысячи головъ. Отечество ихъ — Финляндія и норвежская провинція Финмаркенъ.

У нихъ черные волосы, карiе глаза, смуглый цвѣтъ лица съ румянцемъ на щекахъ. Они гостепріимны и цѣломудренны, но недовѣрчивы, угрюмы и мстительны. Въ отношеніи умственнаго развитія стоятъ ниже другихъ лопарей.

Они носятъ печокъ изъ оленьихъ шкуръ шерстью вверхъ, яры, а на головѣ шапки, въ родѣ кучерскихъ, изъ синяго сукна съ краснымъ околышкомъ.

Лѣтомъ носятъ одежду изъ бѣлаго сукна. Вообще бѣлый цвѣтъ считается щегольствомъ, и печокъ изъ бѣлыхъ оленей—праздничнымъ нарядомъ. Живутъ они въ кувасахъ. Такъ называютъ палатки конусообразной формы изъ грубаго сукна, натянутаго на жерди. Грязь и духота въ такой палаткѣ невообразимыя. Пространство ея въ діаметрѣ двѣ съ половиною сажени и полторы сажени вышины, а въ ней спитъ семья, числомъ иногда до десяти человѣкъ; тутъ же и собаки.

На концахъ жердей развѣшаны оленье, китовое или тюленье мясо, шкуры, одѣяла, хомуты и пр. Посреди очагъ, надъ которымъ всегда виситъ котелокъ со снѣгомъ.

Фильманы ѣдятъ оленье и тюленье мясо, рыбу и китовый жиръ—все въ сыромъ видѣ и несоленое. Ѣдятъ также лепешки изъ ржаной муки и очень любятъ кофе, который пьютъ два раза въ день.

XXII КАЛМЫКИ.

Устройство быта и занятія.

Калмыки ведутъ полудикій образъ жизни, кочуя съ большими стадами овецъ, рогатаго скота и табунамц лошадей по неудобнымъ для земледѣлія степямъ, простирающимся по низовьямъ Волги до Астрахани, а также въ Донской области и на Кавказѣ. Общее число ихъ доходитъ до 100,000 душъ. Главное занятіе калмыковъ состоитъ въ скотоводствѣ. Народъ этотъ монгольскаго происхожденія и исповѣдуетъ буддійскую религію.

Въ физіономіи калмыка рѣзко сказывается монгольскій типъ; отличительныя черты его: смуглое, широкое и плоское лицо съ выдающимися скулами, широкій приплюснутый носъ, небольшіе черные глаза съ косымъ разрѣзомъ и очень часто косые и блестящіе, наконецъ черные какъ смоль жесткіе волосы.

Кочующіе ближе къ Волгѣ калмыки коренасты и приземисты, но степняки отличаются высокимъ ростомъ и стройнымъ, красивымъ тѣлосложеніемъ.

Устройство калмыцкаго быта основано на родовомъ началѣ. Ис-

ходнымъ пунктомъ этого устройства служитъ *хотонъ*, т. е. собраніе ближайшихъ родственныхъ семей, живущихъ вмѣстѣ, какъ напр. дѣдъ, сыновья, внуки, племянники и т. п. Правителемъ хотона считается старѣйшій въ семействѣ.

Нѣсколько хотоновъ, находящихся между собою въ болѣе отдаленномъ родствѣ, составляютъ *аймакъ*, Тотъ изъ хотонныхъ старшинъ, который происходитъ по прямой линіи отъ главы перваго хотона, называется *зайсангомъ* и управляетъ цѣлымъ аймакомъ. Собраніе нѣсколькихъ аймаковъ, происходящихъ отъ одного общаго родоначальника, называется родомъ. *Улусомъ* называется часть народа заключающаго въ себѣ нѣсколько родовъ, происшедшихъ отъ одного корня. Владѣтель улуса называется *нойономъ*.

Вліяніе этого устройства отразилось въ характерѣ народа; калмыкъ свято чтитъ не только своего нойона, т. е. владѣтеля улуса, къ которому принадлежитъ, но и нойоновъ другихъ улусовъ. Онъ входитъ въ кибитку владѣтеля точно такъ же какъ въ кумирню, т. е. не иначе, какъ съ правой стороны и, при входѣ, берется сперва лѣвою рукою за дверную перекладину, а потомъ касается ею лба. Выходя же изъ кибитки нойона, пятится задомъ. При всякомъ торжественномъ случаѣ и при семейныхъ празднествахъ, онъ подноситъ нойону дары. Несоблюденіе этого обычая для него немыслимо. Къ жрецамъ, называемымъ гелюнгами, калмыкъ относится также съ большимъ уваженіемъ, слѣпо вѣритъ въ ихъ ученость и также охотно дѣлаетъ имъ приношенія.

Но въ своей семьѣ онъ является полнымъ ея главою и держитъ всѣхъ своихъ домочадцевъ въ строгомъ повиновеніи и почтительности. Изъ этого происходитъ рабская покорность дѣтей къ родителямъ и почтительное обхожденіе младшихъ со старшими. Въ старину виноватаго въ неповиновеніи къ отцу или матери, въ грубости и дерзости къ родственникамъ и старшимъ по званію и лѣтамъ, нака-

зывали нагайками и, выпачкавъ ему лицо сажею, водили съ таганомъ на шеѣ по хотону, вокругъ каждой кибитки.

Молодой калмыкъ никогда не дерзнетъ явиться передъ отцомъ или матерью въ нетрезвомъ видѣ, не сядетъ при старшихъ, поджавъ ноги, что считается большою фамильярностью, а присядетъ на колѣни, крѣпко упершись пятками въ землю; явиться предъ старшими безъ пояса для него такъ же немыслимо, такъ какъ у калмыковъ быть безъ пояса считается почти тѣмъ же, чѣмъ у насъ быть въ халатѣ.

Положеніе женщины у калмыковъ лучше, чѣмъ у племенъ, исповѣдующихъ магометанскую вѣру. Женщина не закрываетъ лица отъ постороннихъ, можетъ свободно разговаривать, танцовать и играть съ мужчинами въ различныя игры, и молится вмѣстѣ съ ними въ кумирнѣ. Она полная хозяйка въ домѣ; но все, что выходитъ за черту домашняго хозяйства, долженъ приготовить для нея мужчина. Она не сѣдлаетъ коня, и никто, ни даже самъ владѣлецъ, не имѣетъ права передать даже простой женщинѣ своего коня, съ тѣмъ чтобы она подержала его за повода. Мужчина, хотя бы самъ владѣтель, замѣтивъ, что встрѣтившаяся ему женщина хочетъ сойти съ своего коня, долженъ самъ спѣшиться и помочь ей соскочить съ сѣдла. Отъ подчиванья женщины нельзя отказаться. Если женщина поднесетъ гостю чашку теплой арзы, только что выгнанной ея трудами, то отказъ считается жестокою обидою всему дому. Женщину нельзя бить ни рукою, ни палкою, ни передъ бурханами *). Понятно, что въ ежедневномъ быту правила это не всегда исполняются. Полудикій калмыкъ соблюдаетъ учтивость и церемонность только при народныхъ собраніяхъ, также съ посторонними и особенно съ богатыми соплеменниками. Но въ своей семьѣ онъ откладываетъ всякія церемоніи въ сторону и частенько бьетъ жену за всякую оплошность: если напр. чай не готовъ во-время, или обѣдъ не вкусенъ, мало арзы и т. п.

*) Статуэтки, изображающія буддійскія божества.

Калмыки мужественны и отважны. Обращаясь съ дѣтства около лошадей, они страстно любятъ наѣздничество и отличаются въ этомъ искуствѣ чрезвычайною смѣлостью и ловкостью.

Калмыцкія женщины также хорошія наѣзднцы; часто, когда брату или отцу некогда, молодая дѣвушка, вооружась арканомъ, носится на конѣ по степи, отыскивая отставшую за ночь отъ табуна дикую лошадь. Даже калмыцкіе мальчики отличаются удалью въ наѣздничествѣ и часто выдѣлываютъ на конѣ такія ловкія штуки, которымъ у насъ позавидовалъ бы любой вольтижеръ.

Чистоплотность не принадлежитъ къ отличительнымъ чертамъ калмыцкаго быта, но нельзя и ожидать ея при грубости понятій этого народа и при его неосѣдломъ образѣ жизни. Впрочемъ, нельзя также сказать, чтобы чистота не имѣла уже вовсе никакого значенія въ глазахъ калмыка.

Калмыцкія женщины, которыя вообще большія рукодѣльницы, любятъ даже щеголеватость въ украшеніи своихъ жилищъ и вещей, служащихъ для домашняго обихода.

Въ жилищахъ людей богатыхъ и въ особенности такихъ, которые, вслѣдствіе частыхъ посѣщеній городовъ и знакомства съ русскимъ бытомъ, успѣли уже усвоить привычку къ нѣкоторому удобству, не рѣдко встрѣчается не только чистота, но даже роскошь.

Калмыки любятъ повеселиться въ свободное время, о чемъ свидѣтельствуетъ множество различныхъ игръ, которыя въ обычаѣ у нихъ.

Говоря вообще, народъ этотъ, несмотря на нѣкоторую необузданность и дикость, добродушенъ, миролюбивъ въ житейскихъ сношеніяхъ, гостепріименъ, сильно преданъ своей религіи и властямъ, и привязанъ къ старинным обычаямъ, что впрочемъ не исключаетъ въ немъ способности къ образованію.

Калмыки, принужденные часто переселяться съ мѣста на мѣсто, живутъ въ разборныхъ шатрахъ, называемыхъ кибитками, устрой-

ство которыхъ сходно съ описанными уже шатрами другихъ кочевниковъ.

Сыновья всегда разставляютъ свои кибитки вокругъ отцовской которая въ отличіе отъ другихъ называется большою. Жены сыновей не стряпаютъ отдѣльно, а вся семья ѣстъ изъ общаго котла въ большой кибиткѣ. Иногда около нее набирается до десяти и болѣе малыхъ кибитокъ, образующихъ болѣе или менѣе правильный кругъ. Промежутки между ними загораживаютъ плетенымъ заборомъ, въ родѣ кибиточныхъ рѣшетокъ, только по тоньше и по выше. Съ одной стороны забора продѣлываютъ дверь. Зимою заборъ съ надвѣтренной стороны завѣшиваютъ войлокомъ.

Просторный дворъ, остающійся такимъ образомъ посрединѣ, служитъ загономъ для верблюдовъ, рогатаго скота и барановъ.

Это-то собраніе кибитокъ, со всѣмъ что находится въ нихъ и называется *хотономъ*.

Установивъ кибитку и обвѣсивъ ее коврами, калмыцкая хозяйка врываетъ въ нее снаружи флюгеръ, состоящій изъ лоскута бумажной или шелковой матеріи, съ начертанными на ней таинственными молитвами и только тогда уже приступаетъ къ внутренней уборкѣ жилья.

Прежде всего устраиваетъ она около стѣны противоположной двери самое священное мѣсто въ жильѣ, называемое *большимъ бараномъ*. Для этого она складываетъ на землю въ одну груду въючные снаряды, попоны и ковровые мѣшки, покупаемые въ Астрахани у персіянъ. Въ такихъ мѣшкахъ хранятся верблюжьи недоуздки обшитые разноцвѣтнымъ сукномъ и употребляемые только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ. Сверхъ этого ставитъ она сундуки съ хорошею одеждою и прикрываетъ ихъ коврами. Затѣмъ помѣщаетъ на этомъ пьедесталѣ святыню—бурханный ящикъ, на которомъ ставитъ вынутыя изъ него литыя и лѣпныя изображенія бурхановъ.

Предъ бурханами ставитъ она миніатюрный рѣзной столикъ,

раскрашенный и мѣстами позолоченный, и на немъ серебряныя и мѣдныя чашечки съ жертвами, т. е. съ пшеницею, крупою, водою и различными куреніями. Наконецъ, втыкаетъ въ землю предъ бурханами рѣзной или точенный остроконечный шестъ и надѣваетъ на него пустую серебряную чашечку; въ эту чашечку кладутъ или вливаютъ ту часть кушанья или напитка, которая, при общей трапезѣ, должна быть первымъ кускомъ старшаго въ семьѣ.

Покончивъ съ устройствомъ *большаго бирана*, хозяйка принимается за постель, которая обыкновенно помѣщается какъ разъ противъ двери, такъ что при входѣ въ кибитку, бросается первая въ глаза. Собравъ складную кровать, вышиною не болѣе полу аршина, она постилаетъ на нее вмѣсто матраца войлочныя попоны, которыми во время дороги покрываютъ верблюдовъ, а въ головахъ и въ ногахъ кладетъ по кожанной подушки. Попоны эти дѣлаются изъ чистаго, бѣлаго войлока простегиваются разными узорами и обшиваются по краямъ краснымъ, синимъ или чернымъ сукномъ. Въ подушкѣ, лежащей въ головахъ, хранится чистое бѣлье, другая же—набивается разнымъ хозяйственнымъ тряпьемъ. Лѣтомъ хозяйка прикрываетъ постель легкимъ покрываломъ нанковымъ, китайчатымъ или даже шелковымъ, смотря по достатку, зимою же—теплымъ одѣяломъ, подбитымъ овчиною, лисьимъ или другимъ мѣхомъ. Наконецъ, раскидываетъ она надъ постелью въ видѣ балдахина пологъ, красиво обшитый сверху фестонами. Иногда подъ пологомъ бываютъ еще особыя занавѣски.

Подлѣ нижняго конца кровати хозяйка ставитъ ящикъ или сундукъ, въ который прячетъ лучшіе съѣстные припасы и вино, а на сундукѣ разставляетъ лучшую посуду; мѣсто это называется *малый баранъ*. Вся правая сторона кибитки, начиная отъ *малаго барана* и до самой двери устанавливается разнымъ хозяйственнымъ скарбомъ.

Сундуковъ у калмыцкой семьи бываетъ не болѣе двухъ, трехъ,

но они очень изящной отдѣлки и лакированные. Для того, чтобъ они не портились, ихъ обвязываютъ войлоками.

Покончивъ съ уборкою кибитки, хозяйка разводитъ посреди нее огонь изъ кизяка т. е. конскаго навоза, надъ которымъ ставитъ таганъ съ котломъ для приготовленія пищи—и новоселье готово. Огонь посрединѣ кибитки горитъ почти постоянно. Вокругъ него любятъ грѣться старухи; къ нему же подползаютъ и маленькіе ребятишки, которыхъ матери, уходя на работу, привязываютъ, какъ собаченокъ, къ ножкамъ кровати именно на такомъ разстояніи, чтобъ они могли подползти къ огню, но не попасть въ него.

Пища калмыковъ такая же грубая какъ и весь ихъ бытъ. Они очень любятъ мясо «махань», т. е. говядину, баранину, конину и верблюжину: послѣдніе два рода мяса считаются большимъ лакомствомъ. Ѣдятъ также и маленькихъ звѣрковъ, которые водятся въ степяхъ во множествѣ. Мясо они никогда не жарятъ, но всегда варятъ или вялятъ, а на зиму сушатъ. Свиней не держатъ, потому что при кочевомъ бытѣ это совершенно невозможно; но свинину ѣдятъ съ удовольствіемъ. Самыми роскошными, праздничными блюдами, доступными только достаточнымъ людямъ, считается мясо молодыхъ животныхъ, какъ напр. молоденькаго барашка или жеребенка. За столомъ же богатаго калмыка въ праздничные дни подается иногда откормленная кобылица или молоденькій верблюженокъ, которыхъ приготовляютъ различными способами. Особенно лакомымъ кускомъ считается барашекъ и верблюженокъ.

Когда гонятъ арьянъ, т. е. вино изъ молока, то остающуюся послѣ перегонки гущу сцѣживаютъ въ холстинные мѣшки, гдѣ изъ нея образуется родъ творога; когда онъ отвердѣетъ его разрѣзываютъ ломтями и сушатъ на солнцѣ. Этотъ кислый сыръ называемый *бозо*, неоцѣнимъ для калмыка въ дорогѣ, такъ какъ утоляетъ его жажду въ безводныхъ мѣстахъ.

Главную же усладу калмыка составляетъ кирпичный чай. Его

рѣжутъ кусочками и варятъ въ кипяткѣ вмѣстѣ съ солью, масломъ и молокомъ коровьимъ или овечьимъ,—богатые же съ верблюжьимъ; потомъ процѣживаютъ сквозь волосяное сито въ *домбо* и пьютъ изъ чашекъ.

Такъ какъ мука у калмыковъ покупная, то хлѣбъ у нихъ далеко не такъ употребителенъ, какъ у осѣдлыхъ народовъ.

Всѣ—и богатые и бѣдные—калмыки, чтобы не слишкомъ тратиться на покупку кирпичнаго чая, сбираютъ лѣтомъ конскій щавель и вѣтки дикой ежевики, которыя сушатъ и въ кусочкахъ разваривaютъ въ водѣ вмѣсто чая. Калмыки, какъ и киргизы, никогда не пьютъ сырой воды. Только больные употребляютъ иногда въ видѣ лекарства чистый кипятокъ безъ всякаго настоя.

Жажду калмыкъ удовлетворяетъ арьяномъ или кумысомъ.

Арьяномъ называется перебродившее коровье или овечье молоко, а кумысомъ—кобылье.

Лѣтъ до десяти смуглый, загорѣлый калмыченокъ бѣгаетъ въ самомъ первобытномъ костюмѣ, даже безъ рубашенки, спасаясь зимою отъ холода подъ овчиною родительской постели; по мѣрѣ же того, какъ мальчикъ подростаетъ, костюмъ его становится полнѣе.

Полнаго костюма мы не будемъ описывать, ибо это видно изъ приложеннаго рисунка.

Каждый калмыкъ держитъ, смотря по достатку, болѣе или менѣе многочисленныя стада овецъ, рогатаго скота, косяки лошадей и болѣе или менѣе ограниченное число верблюдовъ. Уходъ за всѣми этими животными требуетъ много труда и составляетъ главное занятіе калмыковъ.

Занятія скотовода сопряжены въ калмыцкихъ степяхъ съ большими хлопотами и лишеніями.

Главную его заботу составляютъ колодцы. Ихъ надо очищать, по крайней мѣрѣ, черезъ двое сутокъ въ третьи для того, чтобы ихъ

не заносило песком, отливать изъ нихъ старую, застоявшуюся воду и укрѣплять ихъ стѣнки для того, чтобы они не обсыпались.

Зимою же уходъ за табуномъ сопряженъ еще съ большимъ тру-

КАЛМЫКЪ.

домъ и лишеніями. По открытой степи часто крутитъ мятелица —и испуганныя лошади разбѣгаются въ разныя стороны.

Въ это время съ ними ничего уже не подѣлаешь,—и ихъ оставля-

ютъ на произволъ судьбы до утра. Поутру, хозяинъ, не найдя табуна тамъ, гдѣ оставилъ его вечеромъ, отправляется отыскивать его. Отыскать необходимо, потому что табунъ составляетъ главное достояніе калмыка; но какъ найти разбѣжавшихся коней, когда свѣжій пушистый снѣгъ давно уже занесъ слѣды ихъ?

Табунщикъ кидается на земь, разгребаетъ снѣгъ рукавами тулупа, роется руками въ разныхъ мѣстахъ и, пробившись иногда нѣсколько часовъ, находитъ наконецъ конскіе слѣды. Обрадованный этимъ открытіемъ, онъ ѣдетъ въ ту сторону, но вдругъ слѣдъ снова пропадаетъ. Приходится опять слѣзть съ лошади и отыскивать его тѣмъ же порядкомъ; такимъ-то образомъ калмыкъ скитается иногда по степи нѣсколько сутокъ безъ хлѣба, почти безъ сна и часто безъ отдыха. Счастливъ онъ еще, если наткнется по дорогѣ на чужой хотонъ, гдѣ всегда радушно примутъ гостя. Онъ заѣдетъ въ него, утолитъ голодъ, отогрѣется и отдохнетъ. Если же онъ заѣдетъ въ такую мѣстность, гдѣ нѣтъ по близости кочевья, то иногда такъ оголодаетъ, что, найдя табунъ, отрѣзываетъ голову первому встрѣчному жеребенку или кобылицѣ и, срубивъ часть шеи, сосетъ жиръ, остальное же все бросаетъ, потому что не въ чемъ ни сварить, ни испечь, а съ собою везти неудобно.

И при всѣхъ этихъ лишеніяхъ и тяжелыхъ трудахъ, калмыкъ не обезпеченъ отъ нищеты: иногда, за недостаткомъ подножнаго корма, погибаетъ весь его скотъ,—и тогда онъ совершенно разоренъ.

Калмыцкія женщины работаютъ не только не меньше, но еще больше мужчинъ. Онѣ доятъ коровъ, овецъ и кобылицъ, что требуетъ не мало времени, такъ какъ есть хозяйства, въ которыхъ бываетъ до полусотни дойныхъ кобылицъ, такое же число коровъ и до двухсотъ овецъ. Кромѣ того, женщины занимаются изготовленіемъ кумыса, арьяна, вина и кизяка для топлива, прядутъ шерсть, валяютъ кошмы, вьютъ арканы, чинятъ кибитки, шьютъ кожаную посуду, занимаются обработкою дикой конопли, которая растетъ вездѣ,

по степямъ лѣтняго и зимняго кочевья, также обработкою корня, называемаго тушмуть, изъ котораго выдѣлываютъ очень хорошую желтую краску и пр. Бѣдные калмыки нанимаются косить сѣно у богатыхъ, поступаютъ также въ гребцы на мелкихъ судахъ, подряжаются ломать соль на казенныхъ соляныхъ озерахъ, и ходятъ на работу къ откупщикамъ и владѣльцамъ рыболовныхъ водъ.

Мастерства очень развиты у калмыковъ. Во всѣхъ улусахъ есть живописцы и лѣпщики, большею частію гелюнги, занимающіяся выдѣлкою священныхъ статуэтокъ.

Есть также въ улусахъ столяры, плотники, слесаря, кузнецы, токари, литейщики, оружейники, портные, сапожники, скорняки и даже мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ. Но произведенія ихъ промышленности рѣдко выходятъ за черту роднаго улуса. У калмыковъ всякое мастерство переходитъ по наслѣдству изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, отъ дѣда къ внуку и т. д.

Къ числу занятій калмыковъ надо причислить также охоту, хотя нѣкоторые виды ея составляютъ скорѣе забаву. Самая старинная и любимая охота ихъ за сайгаками; кромѣ того, охотятся они за кабанами. Для птичьей охоты дрессируютъ соколовъ, ястребовъ и балабановъ. Съ соколами ловятъ дикихъ гусей и драфу; съ ястребами — также дикихъ гусей и цаплей, съ соколами же—цаплей и лебедей.

Калмыкъ очень любитъ также травить зайцевъ и бить волковъ. На волковъ охотятся иногда съ собаками, но чаще всего убиваютъ ихъ просто нагайками, сидя на конѣ.

Калмыкъ владѣетъ нагайкою такъ искусно, что она часто превращается въ рукѣ его въ такое же могучее орудіе защиты или нападенія, какъ сабля или даже винтовка. Есть различные роды ударовъ нагайкою, начиная отъ легкаго удара по сѣдлу, который только подзадориваетъ коня, до такого, который причиняетъ смерть. Все зависитъ отъ того въ какую часть тѣла ударитъ оконечность

нагайки. Чтобы положить волка, калмыкъ пригоняетъ ударъ такъ, чтобы хватить концомъ ея звѣря по самой оконечности носа, но не вдоль а поперегъ. Для того, чтобы захватитъ волка живаго, наѣздникъ наровитъ ударить его по спинной кости такимъ образомъ, чтобы нагайка обвилась по боку и конецъ ея прохватилъ брюхо. Смертельный ударъ человѣку тотъ, когда конецъ нагайки ударитъ въ високъ. При встрѣчѣ въ степи съ воромъ, угоняющимъ чужой табунъ, и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, калмыкъ употребляетъ ударъ нагайкой по колѣну, для того чтобъ сшибить его съ сѣдла. Ударомъ этимъ онъ долженъ владѣтъ очень искусно для того, чтобы не убить человѣка. У калмыковъ есть даже по этому поводу слѣдующая поговорка: «Плохой тотъ табунщикъ, который не собьетъ и не положитъ замертво волка его безпокоившаго».

Нагайка въ глазахъ калмыка почти волшебное орудіе. Когда нѣкоторые хотоны, никогда небывавшіе на Волгѣ, прикочевали къ берегамъ ея раннимъ лѣтомъ, во время хода по рѣкѣ тарани — кочевники изумленные и обрадованные обиліемъ рыбы принимались бить ее съ сѣдла нагайками, воображая что наловятъ ее такимъ способомъ.

Религія, обычаи, увеселенія.

Калмыцкіе жрецы или гелюнги, ведутъ безбрачную жизнь и пользуются большимъ уваженіемъ въ народѣ, тѣмъ болѣе что обладаютъ нѣкоторыми познаніями. Они занимаются медициною, астрономіею, къ которой примѣшиваютъ астрологію, живописью, каллиграфіею, какъ искуствомъ переписки духовныхъ книгъ, составленіемъ календаря, гадаютъ по звѣздамъ и, смотря по результату своихъ гаданій, назначаютъ счастливые или несчастливые дни. Воспитаніемъ дѣтей также исключительно занимаются гелюнги. Ученость ихъ, конечно, представляетъ смѣсь отрывочныхъ, устарѣлыхъ свѣ-

дѣній съ различными суевѣріями, но народъ слѣпо вѣритъ, какъ въ ихъ медицинскія пособія, такъ и въ жреческія предвѣщанія. Если гелюнгъ предскажетъ какому нибудь калмыку, что ему грозить несчастный день, то калмыкъ ни зачто не останется въ своей кибиткѣ, а, запасшись провизіею, уѣдетъ на нѣсколько дней въ табунъ, гдѣ и проведетъ весь опасный для него періодъ времени. Кромѣ астрологовъ есть еще колдуны изъ простыхъ калмыковъ называемые *задычи*. Народъ вѣритъ, что они могутъ нагнать и разогнать дождевыя тучи, распространить при безоблачномъ небѣ тѣнь, вызвать дождь и грозу или усмирить бунтующія стихіи.

Кумирни, называемыя *хурулами*, помѣщаются или въ кибиткахъ или въ собственно для нихъ выстроенныхъ зданіяхъ. Если кто пожелаетъ отпраздновать какой нибудь торжественный праздникъ у себя въ хотонѣ, то можетъ не только пригласить къ себѣ гелюнговъ, но даже перевезти на свой счетъ бѣлый хурулъ на время моленія.

Походныя хурульныя кибитки убираются роскошно но, далеко уступаютъ въ великолѣпіи выстроеннымъ кумирнямъ какъ напр. на калмыцкомъ базарѣ или въ селѣ Тсомешкѣ. Прямо противъ входа въ хурульную кибитку, стоитъ столикъ съ литыми статуйками, изображающими бурхановъ и передъ ними серебряныя чашечки съ жертвами и куреньями. Около нихъ лежатъ живые или высушенные цвѣты и павлиньи перья. По сторонамъ бурхановъ висятъ картины изъ буддійской миѳологіи. Сверху спускается надъ бурханами небольшой, но роскошно убранный пологъ и занавѣсы изъ разноцвѣтныхъ матерій. Вдоль кибитки, отъ входа до бурханнаго столика, постланы двѣ узкія полосы ковровъ, предъ которыми стоятъ длинные, низкіе и узкіе столики. На коврахъ садятся жрецы и кладутъ на столики свои книги и инструменты, употребляемые при богослуженіи, а именно: раковины, изъ которыхъ выдуваютъ только одну ноту, колокольчики, мѣдныя тарелочки, небольшіе рога и трубы и другія трубы очень длинныя; тутъ же, къ вколоченному листу, прикрѣ-

пляютъ ручныя литавры, въ которыя бьютъ палкою, изогнутою въ видѣ вопросительнаго знака. При торжественномъ богослуженіи гелюнги надѣваютъ высокіе, желтые, шерстянные колпаки, въ родѣ нашихъ башлыковъ, но безъ лопастей; на задней части колпака, идетъ по шву во всю длину ея, гребень изъ красной шерстянной матеріи. Иногда же, вмѣсто этихъ шапокъ на голову гелюнги надѣваютъ парики изъ конскихъ волосъ; заплетенная коса виситъ на спинѣ. Паринъ придерживается богато украшенною повязкою въ родѣ кокошника, охватывающаго всю голову. Богослуженіе совершается торжественно; и жрецы, и народъ молятся съ глубочайшимъ благоговѣніемъ. По временамъ жрецы поютъ довольно согласно, иногда безъ аккомпанимента, иногда же съ аккомпаниментомъ оркестра, издающаго оглушительные дикіе звуки. Особенно рѣзко дѣйствуетъ этотъ оркестръ на непривычное ухо, потому что переходитъ совершенно внезапно отъ самыхъ оглушительныхъ къ самымъ слабымъ звукамъ. Въ хурулъ входятъ не иначе какъ съ правой стороны, хотя бы пришлось при этомъ обойти всѣ хурульныя кибитки. Входящій обязанъ снять у двери шапку, положить земной поклонъ, поднять руки къ небу, затѣмъ коснуться ими земли и наконецъ дотронуться до дверной перекладины; только тогда можетъ онъ переступить черезъ порогъ святилища. Калмыки молятся стоя и по временамъ дѣлаютъ земные поклоны. Изъ хурула выходятъ, обратясь лицомъ къ бурханамъ.

Самый торжественный изъ калмыцкихъ праздниковъ называется *цоганъ-сара*, т. е. бѣлый мѣсяцъ, первый мѣсяцъ года; его празднуютъ въ мартѣ. Богослуженіе въ хурулѣ начинается ночью, наканунѣ праздника. Надо сказать, что калмыки особенно чтутъ небо, солнце и луну, и народъ, въ ожиданіи солнечнаго восхода, толпится около мѣста, занятаго жрецами. Въ тотъ моментъ, когда солнце появится на горизонтѣ, жрецы при звукѣ трубъ и другихъ инструментовъ, выносятъ изъ хурула изображеніе божества *Окунъ-тенгри*,

прикрѣпленное къ высокому шесту, и обходятъ съ нимъ торжественной процессіей вокругъ кибитокъ. Народъ падаетъ ницъ и молится. Праздникъ продолжается двѣ недѣли съ ряду, но при этомъ не бываетъ ни борьбы, ни скачекъ, составляющихъ обычныя увеселенія калмыковъ. Въ продолженіи праздника калмыки поздравляютъ знакомыхъ, и даже совершенно незнакомые между собою, при встрѣчѣ, привѣтствуютъ другъ друга.

Другой годовой праздникъ называемый *зула* справляется въ концѣ нашего ноября. Калмыки празднуютъ имъ начало зимы и день ихъ новаго года.

Третій праздникъ называемый *юрлосъ* приходится около первыхъ чиселъ іюня; но это празднество скорѣе народное, чѣмъ религіозное,—народъ празднуетъ окончаніе зимы и благополучный переходъ на лѣтнее кочевье.

Въ концѣ сентября, или въ началѣ октября, когда калмыки уже переберутся назимнее кочевье, совершается жертвоприношеніе въ честь солнца. Праздникъ этотъ называется *Галпсейнгынъ*.

При моровыхъ язвахъ и другихъ народныхъ бѣдствіяхъ, за исключеніемъ скотскаго падежа, гелюнги также совершаютъ торжественныя богослуженія, съ цѣлью умилостивить высшее существо, причемъ выносятъ изъ хурула бурхановъ и обносятъ ихъ съ торжественной процессіею вокругъ ставки.

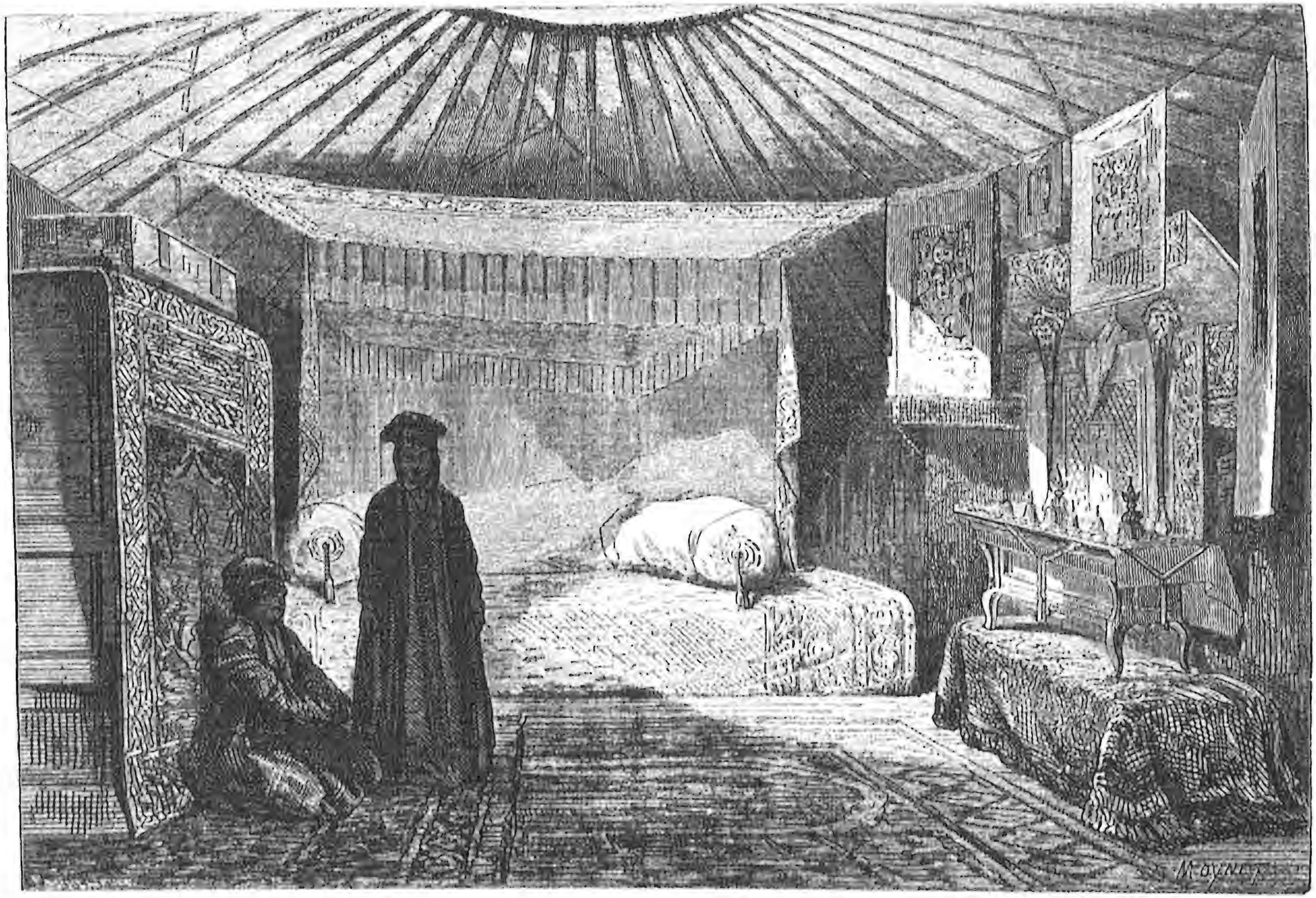
Когда въ калмыцкой семьѣ родится ребенокъ, посылаютъ въ ближайшій хурулъ пригласить гелюнга-астролога. Тотъ заглядываетъ въ свою книгу и сообразно съ ея указаніями, назначаетъ изображеніе какого божества должно быть вложено въ тѣльникъ, изъ какой матеріи и какого цвѣта долженъ быть сшитъ самый тѣльникъ и въ какой день должно надѣть его на ребенка, принося предварительно жертву бурхану.

Тѣльникъ остается на младенцѣ только одинъ день; затѣмъ его подвязываютъ къ люлькѣ.

Имя ребенку назначаетъ также гелюнгъ. У калмыковъ бываютъ иногда два имени: одно священное, другое скорѣе родъ прозвища, дается отцомъ. На прозвища калмыки не разборчивы; называютъ ребенка по какой нибудь мѣстности или по первому встрѣчному, какъ напр. маіоръ, купецъ и т. п. День, въ который дается имя ребенку считается очень торжественнымъ и сопровождается разными обрядами.

Мать кормитъ ребенка грудью цѣлый годъ. На придѣланномъ къ люлькѣ обручѣ всегда висятъ раковинки и другія бездѣлушки ради забавы ребенка и съ цѣлью изощрятъ его зрѣніе; отъ этого обычая происходитъ то, что всѣ почти калмыки при хорошемъ зрѣніи немного косоваты. Устройствомъ люльки обусловливается также другой физическій недостатокъ, свойственный всѣмъ калмыкамъ: всѣ они кривоноги, т. е. ноги ихъ выгнуты наружу. Это происходитъ оттого, что въ калмыцкой люлькѣ дѣлается для чистоты родъ дереваннаго желоба, прикрываемаго мягкимъ конскимъ волосомъ и ребенокъ лежитъ въ ней почти со скрещенными ногами. По прошествіи года, его вынимаютъ изъ люльки. Когда ребенку минетъ лѣтъ пять, ему начинаютъ подстригать волосы, оставляя неприкосновенными тѣ, которые ростутъ на вискахъ.

Простые калмыки даже богатые, не учатъ дѣвочекъ грамотѣ. Только дочери нойоновъ учатся по калмыцки и по русски. Прежде простые калмыки не учили грамотѣ и сыновей, кромѣ тѣхъ, которыхъ назначали въ гелюнги. Они говорили даже, что какъ только появился на свѣтъ черный чертежъ, то у всѣхъ людей души почернѣли. А нынѣ понятія измѣнились, и восьмилѣтняго калмыченка отецъ отдаетъ на выучку къ гелюнгу. Мальчикъ живетъ на полномъ содержаніи у гелюнга, который учитъ его калмыцкой грамотѣ, оспопрививанію очень распространенному между гелюнгами и иногда употребляетъ для нѣкоторыхъ услугъ, какъ напр. поручаетъ ему поймать коня, пасти барановъ, и т. п. Ученье продолжается года два



ВНУТРЕННОСТЬ КАЛМЫЦКОЙ КИБИТКИ.

или три и обходится не дорого. Отецъ дѣлаетъ кой-какіе подарки гелюнгу, и, если достатокъ позволяетъ, платитъ рубля два или три, только тогда когда отдаетъ мальчика гелюнгу и когда беретъ отъ него. Съ десяти лѣтъ калмыченку начинаютъ подбривать волосы кругомъ головы и выбриваютъ часть лба. Онъ помогаетъ отцу въ работѣ, подчищаетъ вмѣстѣ съ нимъ колодцы, пасетъ барановъ, сгребаетъ лѣтомъ сѣно и пріучается переносить холодъ, зной и всякія лишенія. Дѣвочка помогаетъ матери въ домашнемъ хозяйствѣ и въ свободное время учится шить, плести тесемки, позументы и вышивать шелками и золотомъ. Когда дѣвочкѣ исполнится тринадцать или четырнадцать лѣтъ, а мальчику пятнадцать, надъ ними совершаютъ обрядъ отсѣченія висковъ. Для этого приглашаютъ гелюнговъ и послѣ короткой молитвы передъ бурханами, вводятъ сына или дочь въ кибитку старшихъ родственниковъ съ материной стороны и тамъ обрѣзываютъ мальчику или дѣвочкѣ первородные волосы на вискахъ, къ которымъ еще никогда не прикасались ножницы. Послѣ этого обряда дѣвочка считается уже дѣвицею невѣстою, а мальчикъ юношею. Она начинаетъ прихорашиваться, рядится въ бешметъ, надѣваетъ на бекрень высокую шапку и подумываетъ о женихахъ; а молодой человѣкъ съ восторгомъ бросаетъ хворостину, которою погонялъ барановъ, и вооружившись вмѣсто нея нагайкой или винтовкою достигаетъ наконецъ своей давно желанной цѣли становится лихимъ табунщикомъ. Съ этого же времени родители начинаютъ заботится и о женитьбѣ сына. Если молодому калмыку нравится какая нибудь дѣвушка, онъ никогда не смѣетъ сказать объ этомъ отцу, а говоритъ тихонько матери, которая уже настраиваетъ отца сватать за сына именно эту дѣвушку. Разузнавъ о характерѣ невѣсты и получивъ согласіе ея родителей, устроиваетъ отецъ жениха сговоръ, сопровождаемый разными обрядами и церемоніями.

Послѣ сговора далеко еще до свадьбы. Иногда она бываетъ чрезъ годъ, иногда же черезъ два и даже болѣе, пока дѣвушкѣ исполнит-

ся, по крайней мѣрѣ шестнадцать лѣтъ и родители ея соберутся со средствами приготовить все, что нужно для дочери. Въ продолженіи этого времени, невѣсту навѣщаютъ изрѣдка или женихъ или его родители. Передъ свадьбою гелюнгъ опять совѣщается со своею астрологическою книгою и назначаетъ счастливый день для брачнаго обряда. Отецъ жениха извѣщаетъ объ этомъ родителей невѣсты и вскорѣ послѣ того, забравъ различныхъ запасовъ и подарковъ, отправляется всею семьею къ будущимъ родственникамъ. Тотчасъ же по пріѣздѣ начинается пирушка и продолжается цѣлыя сутки. На слѣдующій день, родители жениха сговариваются о томъ какой цѣнности подарки должны они поднести почетнымъ лицамъ, владѣльцу, зайсангамъ, ближайшимъ родственникамъ невѣсты, особенно уважаемымъ знакомымъ и т. п. Иногда при этомъ даже торгуются.

Порѣшивъ и этотъ вопросъ, женихова семья отправляется домой, и глава ея опять ѣдетъ на ярмарку или въ городъ, гдѣ закупаетъ все, что нужно для полнаго устройства калмыцкаго дома.

Невѣстины родители обязаны только устроить кухню, постель и снабдить дочь различною одеждою. Затѣмъ отецъ жениха ѣдетъ въ хурулъ и приглашаетъ къ себѣ въ хотонъ гелюнга-астролога, который ставитъ въ кибиткѣ будущихъ молодыхъ изображеніе бурхана, опрыскиваетъ ее масломъ смѣшаннымъ съ молокомъ и поетъ священные гимны.

Въ этотъ разъ, онъ назначаетъ даже время дня, въ которое долженъ быть совершенъ брачный обрядъ.

Совершеніе брака происходятъ съ разными церемоніями и сопровождаются пирушками.

Религія предписываетъ калмыкамъ единоженство, а гелюнгамъ даже вовсе запрещаетъ жениться.

У степныхъ калмыковъ, крѣпко привязанныхъ ко всѣмъ старинным обычаямъ, строго соблюдающихъ всѣ религіозныя постановленія, никогда не бываетъ больше одной жены. Но тѣ, которые кочуютъ

ближе къ Волгѣ, часто имѣютъ по двѣ и даже по нѣсколько женъ. Невѣстъ своихъ они похищаютъ. Впрочемъ, похищеніе это дѣлается не только съ согласія дѣвушки, но часто и ея родителей.

Причина этого обычая—желаніе сократить расходы на излишнія пиршества.

У калмыковъ существуетъ разводъ; но надо имѣть важныя причины къ нему. Если развода требуетъ жена, то должна представить свое требованіе на судъ родныхъ, и оно можетъ быть уважено только въ такомъ случаѣ, если у супруговъ нѣтъ дѣтей. Мужъ не обязанъ подчинять свое требованіе о разводѣ суду родственниковъ. Онъ имѣетъ право требовать расторженія брака даже въ такомъ случаѣ, если жена его плохая хозяйка. Гелюнги употребляютъ всѣ средства, чтобы примирить супруговъ, но отказать въ разводѣ не могутъ.

Обрядъ развода сопровождается жертвоприношеніемъ, послѣ котораго слѣдуетъ небольшое угощеніе. Разведенную жену провожаютъ приличнымъ образомъ въ хотонъ ея родителей и возвращаютъ ей все ея приданое.

Если она пожелаетъ, то имѣетъ полное право вступить во второй бракъ. Дѣтей же оставляютъ отцу или отдаютъ матери, смотря по уговору.

Любимѣйшія потѣхи калмыковъ: борьба, конскія скачки и ловля неукомъ (дикихъ лошадей).

Борьба въ обычаѣ и у другихъ сосѣднихъ съ ними племенъ, какъ напр. у киргизовъ, татаръ, башкировъ и пр., но ни у одного народа не отличается она такою торжественностью и порядкомъ какъ у калмыковъ.

Какъ всѣ полудикія племена, они высоко цѣнятъ личную силу и слава перваго борца имѣетъ въ глазахъ ихъ громадное значеніе. Имя побѣдителя пріобрѣтаетъ извѣстность не только между одно-

племенниками въ самыхъ отдаленныхъ улусахъ, но и между окрестными народами: татарами, киргизами и пр.

О времени борьбы дается заранѣе знать народу и весь улусъ раздѣляется на двѣ мнимо враждебныя партіи: партію владѣльца и партію гелюнговъ.

Каждая сторона тайкомъ отъ другой представляетъ владѣльцу списокъ своихъ борцовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ назначаетъ двухъ или трехъ представителей родовъ и аймаковъ, обязанныхъ защищать права выбравшей ихъ партіи. Владѣлецъ съ своей стороны назначаетъ призы въ награду побѣдителямъ. Партія гелюнговъ выбираетъ по своему усмотрѣнію на все время борьбы главу, долженствующаго распоряжаться всѣмъ, относящимся до игры.

Въ обоихъ враждебныхъ станахъ борьбѣ предшествуетъ генеральная проба.

Къ назначенному сроку изо всѣхъ кочевьевъ улуса несутся по степи къ опредѣленнымъ пунктамъ участвовавшіе уже въ бояхъ богатыри и новички, страстно желающіе отличиться своею ловкостію и молодечествомъ. Въ мѣстахъ назначенныхъ для пробы все приходить въ оживленіе. Борцы готовятся къ бою различными упражненіями: кидаются со всѣхъ ногъ о земь, вытягиваютъ руки и ноги, размахиваютъ ими, валяются по песку, чтобы пріучить тѣло къ ушибамъ и царапинамъ, спятъ на голой землѣ, подложивъ подъ себя жесткіе арканы, а въ изголовье кусокъ простой кожи, и борются другъ съ другомъ. Тотъ удалецъ, который побѣдитъ всѣхъ борцовъ своей партіи, получаетъ первый номеръ, дающій ему право начать борьбу. Генеральная проба производится у каждой партіи украдкою отъ другой и противная партія подсылаетъ шпіоновъ, мужчинъ и женщинъ, старающихся подсмотрѣть все, что дѣлается у противни, ковъ и вызнать имена первыхъ борцовъ. Въ самый день борьбы, каждая партія отправляется по одиночкѣ, подъ предводительствомъ избранныхъ старшинъ, въ хурулъ. Процессія эта очень торжествен-

на: борцы идутъ по парно и, подойдя къ хурулу длинною линіею, выстраиваются въ одну шеренгу; затѣмъ, снявъ шапки, становятся на колѣни и кладутъ земные поклоны съ пламенною молитвою бурханамъ о покровительствѣ.

Мѣстомъ арены бываетъ обыкновенно очищенная отъ травы площадка; около нея стоятъ кибитки, въ которыхъ помѣщаются на одной сторонѣ владѣлецъ и его сторонники, а на противуположной—представители противной партіи: старшіе гелюнги со своими почетными гостями. По остальнымъ сторонамъ площадки толпятся жители, также раздѣлившіеся на двѣ партіи, и, съ замираніемъ сердца, ожидаютъ начала боя. Владѣлецъ подаетъ сигналъ: въ одно мгновеніе ока въ шумной толпѣ водворяется мертвая тишина, и на аренѣ появляются два бойца, закутанные съ ногъ до головы въ бѣлыя простыни. Сопровождающіе ихъ секунданты сдергиваютъ съ нихъ простыни—и со всѣхъ сторонъ раздаются восторженные крики. Борцы сражаются полунагіе; весь ихъ костюмъ состоитъ изъ широкихъ бѣлыхъ шальваръ, далеко не доходящихъ до колѣнъ. Они низко кланяются владѣльцу, касаясь руками земли, затѣмъ умываютъ руки пескомъ и начинаютъ медленно шагать по аренѣ, сильно размахивая руками. Вотъ они останавливаются другъ противъ друга, и каждый старается схватить противника рукою, но тотъ ускользаетъ, какъ угорь. Наконецъ, одному изъ нихъ удается вцѣпиться въ врага—и начинается отчаянная борьба. Борцы безпрестанно мѣняютъ позы, переплетаются руками и ногами, стискиваютъ другъ друга въ желѣзныхъ объятіяхъ, силятся сшибить ударами ноги одинъ другого, приподнимаются на носки и прибѣгаютъ къ различнымъ дозволеннымъ хитростямъ.

Вотъ одинъ изъ бойцовъ, схвативъ противника за обѣ руки, приподымаетъ надъ собою и повергаетъ на землю. Но тотъ упалъ не спиною, а грудью. По уставамъ борьбы это не означаетъ еще, что онъ побѣжденъ. Противникъ наступаетъ на него правою ногою и

употребляетъ всѣ силы, чтобы перевернуть его на спину. Но поверженный отчаянно защищается и вдругъ, увернувшись изъ подъ противника, вскакиваетъ на ноги и снова бросается на него. Крики «ура» безпрестанно раздаются въ толпѣ, то въ той, то въ другой сторонѣ, смотря по тому, чья сторона осиливаетъ. Женщины и дѣвушки съ жаромъ слѣдятъ за всѣми измѣненіями борьбы и поощряютъ ловкость и находчивость громкими одобреніями. Иногда борьба продолжается очень долго, иногда же, напротивъ, оканчивается очень скоро; во все продолженіе ея, секунданты зорко слѣдятъ за борцами, наблюдая, чтобы ни одинъ изъ нихъ не прибѣгнулъ къ какому-нибудь недозволенному уставомъ маневру, что считается большимъ позоромъ и сопровождается денежною пенею. Случается, что борцы падаютъ въ обморокъ. Секунданты тотчасъ же прекращаютъ бой, обливаютъ страждущаго водою и даютъ ему время отдохнуть, чтобы онъ могъ собраться съ новыми силами.

Побѣда, кромѣ славы, доставляетъ побѣдителю и существенныя выгоды. Онъ получаетъ не только назначенный призъ, но владѣлецъ дѣлаетъ ему хорошій подарокъ, какъ напр.: косякъ лошадей, полную экипировку или даетъ порядочную сумму денегъ. Жители также дарятъ ему: кто халатъ, кто лошадь, кто деньги, смотря по средствамъ, и устраиваютъ въ честь его пиръ.

Калмыцкія скачки не отличаются ничѣмъ отъ обыкновенныхъ киргизскихъ скачекъ. Калмыки, такъ же какъ и киргизы, подготовляя лошадей къ скачкѣ, меньше кормятъ ихъ, такъ что онѣ становятся тощими и сухопарыми. Для скачки назначаютъ дистанцію отъ двадцати до пятидесяти, и иногда даже до семидесяти верстъ.

Наѣздники съ утра, а иногда наканунѣ дня, назначеннаго для скачки, ѣдутъ шагомъ къ назначенному урочищу и оттуда несутся всѣ разомъ до опредѣленнаго къ выбѣжкѣ пункта, гдѣ ихъ уже дожидаетъ толпа зрителей. Владѣлецъ посылаетъ къ этому пункту довѣреннаго человѣка, который, въ условленную минуту, разстанавли-

ваетъ наѣздниковъ въ линію и подаетъ сигналъ къ начатію скачки Между тѣмъ, на всемъ пространствѣ дистанціи, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, разставлены дозорные пикеты, извѣщающіе владѣтеля о происходящемъ телеграфическими маневрами. Маневры эти, или такъ называемое *маяченье*, состоятъ въ поворотахъ, круженіяхъ направо и налѣво и другихъ условныхъ движеніяхъ. Въ степи, при извѣстномъ освѣщеніи, очень легко можно различать предметы на далекомъ разстояніи, и каждый дозорный повторяетъ маневры своего товарища; слѣдующій за нимъ передаетъ ихъ другому; тотъ, въ свою очередь, третьему и т. д. Такимъ образомъ, извѣстіе доходитъ до владѣльца въ очень короткое время. Побѣдителямъ на скачкахъ дарятъ деньги, одежду или лошадей. Тѣхъ же, которые менѣе отличились, надѣляютъ какими-нибудь дешевыми полезными вещами. Удальство и ловкость калмыковъ въ наѣздничествѣ выказываются особенно въ полномъ блескѣ при ловлѣ дикихъ лошадей (пеуковъ).

Каждый нойонъ, приглашая гостей, считаетъ почти обязанностью доставить имъ это развлеченіе: наѣздники пригоняютъ цѣлый табунъ совершенно дикихъ лошадей, и одинъ изъ нихъ, по указанію гостя, ловитъ любую лошадь. Заломивъ на бекрень шапку и подтянувшись, выѣзжаетъ калмыкъ въ табунъ, держа въ лѣвой рукѣ укрюкъ, къ которому привязанъ арканъ съ приготовленною петлею. Въ табунѣ обыкновенно гораздо болѣе матокъ, чѣмъ жеребцовъ, и при нихъ молоденькія лошадки. Матки, оберегая дѣтей, даютъ всаднику дорогу, и онъ пускается въ погоню за указаннымъ конемъ. Тотъ пытается увернуться, мечется то въ одну сторону, то въ другую, и прибѣгаетъ къ хитрости, стараясь скрыться между другими лошадьми. Но наѣздникъ, приникнувъ къ сѣдельной лукѣ, мчится во весь опоръ по его слѣдамъ, не теряя его изъ вида. Вотъ онъ уже настигаетъ коня; еще нѣсколько саженъ—и онъ накинетъ на него арканъ, но не тутъ-то было! Конь взмахнулъ хвостомъ, тряхнулъ

ощетиневшеюся гривою и пропалъ изъ вида. Наконецъ наѣзднику удается накинуть аркань на бѣшенаго скакуна, и тотъ въ изумленіи останавливается на мѣстѣ, какъ вкопанный. Затѣмъ начинаетъ дѣлать отчаянныя усилія, чтобы вырвать аркань изъ рукъ, взвивается на дыбы, крутитъ головою, визжитъ, припадаетъ къ землѣ, бьетъ копытами, изгибается задомъ и передомъ и дѣлаетъ бѣшенные скачки. Но калмыцкій наѣздникъ не выпуститъ изъ руки аркана и всегда одержитъ верхъ въ этой отчаянной борьбѣ. Дикому коню спутываютъ на нѣсколько мгновеній ноги ремнемъ, пропускаютъ сквозь зубы конецъ веревки и, опутавъ ею около брюха, закрѣпляютъ концы на спинѣ. Конь приходитъ въ бѣшенство, мечется по степи, куда глаза глядятъ, кидается изъ стороны въ сторону, брыкается, бьетъ передними и задними ногами, стараясь сбросить съ себя сѣдока, но, наконецъ, выбивается изъ силъ, покоряется своей участи и начинаетъ слушаться поводьевъ. Несмотря на это невольное подчиненіе, окончательное укрощеніе дикаго коня довольно опасное дѣло, требующее много отваги и ловкости. Конь, почуявъ на себѣ сѣдло, какъ будто упрочивающее силу и власть человѣка надъ нимъ, дѣлаетъ отчаянныя попытки, чтобы возвратить себѣ свободу. Онъ разрываетъ стягивающіе его ремни и разбиваетъ сѣдло; наѣздникъ долженъ сохранить все присутствіе духа, чтобы удержаться на бѣшеномъ животномъ.

Кромѣ борьбы, конскихъ скачекъ и укрощенія дикихъ лошадей у калмыковъ употребительны еще другія забавы, болѣе спокойнаго характера. У нихъ есть игры, присвоенныя только извѣстнымъ временамъ года, и такія, въ которыя играютъ круглый годъ.

Пляска калмыковъ лучше киргизской и башкирской; по крайней мѣрѣ въ ней есть какой-нибудь смыслъ. Пляшутъ или по-очередно, сперва мужчины, потомъ женщины, или всѣ вмѣстѣ.

Калмыкъ предъ кончиною посылаетъ за гелюнгомъ, молится бурханамъ, приноситъ имъ жертвы, и если у него есть семейство, бла-

гословляетъ дѣтей тѣльниками съ изображеніями бурхановъ, или маленькими литыми бурханами, которыхъ носятъ на груди. Какъ скоро больной скончается, всѣ переходятъ изъ этой кибитки въ другую, и при умершемъ остаются только гелюнги, Они моютъ тѣло и, обернувъ полотномъ, кладутъ на постель или на коверъ у постели, покрывъ бѣлымъ покрываломъ. Въ такомъ положеніи тѣло лежитъ двое сутокъ. Только на третій день входятъ въ кибитку въ первый разъ родственники покойнаго и прощаются съ нимъ, наклоняясь надъ ногами его такъ, что касаются ихъ лбомъ. Способъ погребенія бываетъ различный. Тѣла почетныхъ лицъ: нойоновъ, старшихъ гелюнговъ и задючей сожигаютъ; простыхъ же зарываютъ въ землю. Сожженіе происходитъ на четвертый день.

Время дня, въ которое долженъ быть сожженъ трупъ, назначаетъ гелюнгъ-астрологъ. Покойника одѣваютъ въ полную его одежду, но безъ оружія, затѣмъ сажаютъ на коверъ или на широкій холстъ, причемъ подгибаютъ ему ноги такъ, какъ будто онъ сидитъ съ поджатыми ногами. Предъ выносомъ тѣла подводятъ къ кибиткѣ его любимаго коня совсѣмъ осѣдланнаго, но безъ подушки и безъ чепрака. Конюхъ держитъ лѣвою рукою подъ уздцы коня, а въ правой нагайку покойнаго. Тѣло выносятъ четыре человѣка на рукахъ на холстѣ или на коврѣ. Родственники, друзья и гелюнги провожаютъ умершаго. За тѣломъ ведутъ коня.

Не доходя до мѣста, гдѣ должно совершиться сожженіе, конюхъ останавливается и, дождавшись окончанія церемоніи, отводитъ коня въ хурулъ, какъ жертву бурхану.

Прибывъ къ назначенному мѣсту, выкапываютъ пять ямъ, одну посрединѣ, а четыре около нея, и накладываютъ въ нихъ дровъ. Въ среднюю яму ставятъ большой котелъ и сажаютъ въ него трупъ. Гелюнги начинаютъ погребальное пѣніе, и костры зажигаютъ. Котелъ раскаляется до-красна, и надъ кострами подымаются клубы чернаго дыма. Когда они разсѣятся и послѣднія головни погаснутъ и истлѣ-

ютъ, въ котлѣ не остается уже больше ничего, кромѣ горсти пепла. Пепелъ такъ и оставляютъ въ котлѣ и надъ нимъ сооружаютъ памятникъ. Калмыцкіе памятники строятъ такъ: къ востоку отъ котла съ пепломъ ставятъ столикъ съ бурханами и жертвенными куреньями, обводятъ все это круглою кирпичною стѣною. Потолокъ образуетъ внутри сводъ, укрѣпленный снаружи разными украшеніями въ китайскомъ стилѣ. Дверь дѣлаютъ съ восточной стороны и запираютъ на замокъ. Когда памятникъ готовъ, въ немъ совершаютъ моленія и приносятъ жертвы. Обрядъ плача продолжается трое сутокъ, время же траура—семь недѣль.

Въ теченіи этихъ семи недѣль, близкіе родственники покойнаго не ѣдятъ мяса, безпрестанно молятся Богу, не показываются никому изъ постороннихъ и остерегаются даже, чтобы не убить какъ нибудь мухи или комара, такъ какъ этотъ грѣхъ можетъ пасть на душу покойника. Каждую недѣлю совершаютъ поминки по немъ. Въ пятидесятый день совершаютъ седьмое и послѣднее моленіе по усопшемъ, и трауръ оканчивается.

Разъ въ году, въ день памяти покойнаго, справляютъ тризну по немъ, которая начинается моленіями и заканчивается пиршествомъ и скачками.

Женщинъ, хотя бы и почетныхъ зайсанговъ, младшихъ гелюнговъ и простыхъ калмыковъ хоронятъ въ землю, обвертывая тѣло полотномъ; но все, что касается до чествованія праха, у бѣдныхъ людей соблюдается точно такъ же, какъ и у богатыхъ.

У калмыковъ, отставшихъ отъ старинныхъ обычаевъ, случается иногда, что тѣло вовсе не хоронятъ, а просто бросаютъ въ степи безъ молитвы.

СИБИРСКІЕ ИНОРОДЦЫ.

XXIII. ОСТЯКИ.

Наружный видъ.—Нравы и бытъ.

По свидѣтельству историка Миллера, остяки появились впервые въ Тобольской губерніи въ 1372 г. по Р. Х., когда епископъ Стефанъ обращалъ Пермію въ христіанскую вѣру и когда много народовъ, боясь притѣсненія со стороны завоевателей и принужденія бросить свою вѣру, удалилось на берега Оби. И понынѣ остяки въ числѣ 23,000 душъ населяютъ губерніи Тобольскую и Томскую, и живутъ преимущественно по берегамъ рѣкъ Иртыша, Оби, Енисея и притокамъ ихъ. Хотя въ точности не извѣстно происхожденіе остяковъ, но есть нѣкоторыя историческія данныя, на основаніи которыхъ можно почти съ достовѣрностію отнести ихъ къ восточной вѣтви финскаго племени. Въ древности остяки назывались «Арьяхи», что значитъ по остяцки «много человѣковъ», отъ «ярь»—много и «хо»—человѣкъ. Когда ихъ покорили татары, они стали называться «хандихо», отъ слова «ханъ»—государь и «хо»—человѣкъ, т. е. государевы люди. Татары же называли остяковъ презрительнымъ именемъ «уштяки», что означаетъ грубыхъ, невѣжественныхъ людей, въ родѣ варваровъ. Когда русскіе покорили татаръ, то передѣ-

лали на свой ладъ слово уштякъ и, подъ именемъ остяковъ, внесли это племя въ свои росписи. Языкъ остяцкій дѣлится на четыре нарѣчія: обдорское, югорское, кодское и сургутское. Въ обдорскомъ много словъ самоѣдскихъ и зырянскихъ; въ югорскомъ—вогульскихъ; въ кодскомъ — татарскихъ; а въ сургутскомъ—всѣхъ этихъ нарѣчій. По этому можно судить, какъ языкъ остяцкій бѣденъ.

Въ наружности остяка нѣтъ ничего рѣзко выдающагося. Онъ большею частію средняго роста, съ большой головою, съ узкими черными глазами, съ сжатымъ лбомъ, съ выдавшимися скулами, съ толстыми губами и приплюснутымъ носомъ. Кожа у нихъ грязновато-смуглая, грудь широкая и приподнятая, волосы черные, жесткіе и всклоченные. Они очень неопрятны и поэтому черепъ у нихъ почти всегда оголенъ. Нѣкоторые изъ нихъ заплетаютъ волосы въ двѣ косы. Отъ врожденной вялости борода у нихъ рѣдко бываетъ, а если и выступаетъ щетиною, то они ее выдергиваютъ. Вообще мужчины имѣютъ видъ пасмурный, смотрятъ изъ подлобія, а женщины—болѣзненный. Выдающаяся черта характера остяка—честность и добродушіе. Онъ никогда не покинетъ друга въ нуждѣ, никогда не запретъ двери просящему убѣжища; охотно подѣлится своей добычею; богатый считаетъ своимъ долгомъ помочь бѣдняку. Дѣти природы,—остяки нрава тихаго, скромны, молчаливы, услужливы и гостепріимны. Между ними нѣтъ ни воровъ, ни убійцъ; здѣсь воровство—какъ исключительный случай: никто никогда не запираетъ своего имущества, даже нерѣдко оставляютъ его среди тундръ.

По образу жизни, остяковъ слѣдуетъ раздѣлить на осѣдлыхъ и бродячихъ. Тѣ изъ нихъ, которые живутъ по берегамъ р. Иртыша, гораздо развитѣе прочихъ племенъ и живутъ на русскій ладъ; на нихъ замѣтно отразилось русское вліяніе; они промышляютъ скотоводствомъ, земледѣліемъ и мѣновой торговлею, и весьма немного занимаются рыбною и звѣриною ловлею. Бродячія племена остяковъ занимаютъ пространство по берегамъ рѣкъ Оби, Таза, Енисея и пре-

имущественно у послѣдняго и притокамъ его. Они занимаются исключительно рыбной и звѣриной ловлею и совсѣмъ незнакомы съ промыслами осѣдлыхъ жителей.—Несомнѣнно, что, нѣсколько столѣтій тому назадъ, народъ остяцкій былъ весьма многочисленъ, что доказывается множествомъ городковъ, представляющихъ нынѣ развалины; онъ управлялся нѣсколькими независимыми князьями, воевавшими между собою. Императрица Екатерина II утвердила двухъ князей. Нынѣ у остяковъ только одинъ князь Матвѣй Ивановичъ Тайшанъ, проживающій въ городѣ Обдорскѣ.

Иртышскіе остяки утратили окончательно свою самобытность; въ языкъ ихъ вошло много словъ русскихъ и татарскихъ. Всѣ они христіане и управляются русскими властями. Бродячіе же остяки—язычники; они распадаются на множество племенъ или родовъ. Каждый родъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ семействъ. Во главѣ каждаго рода стоитъ старшина, который заботится о сохраненіи порядка и согласія въ родѣ, и производитъ судъ и расправу; недовольные имъ жалуются князю. По промысламъ остяковъ можно раздѣлить на двѣ группы: оленеводовъ и рыболововъ. Послѣдніе живутъ крайне бѣдно. Бѣдность эта происходитъ не по винѣ самаго остяка, а потому что его всячески притѣсняютъ и эксплуатируютъ купцы-барышники. Бѣдному остяку никогда не приходится пользоваться плодами своихъ трудовъ; такъ напримѣръ, лучшую рыбу забираютъ у него обдорскіе, березовскіе и тобольскіе купцы-кулаки. Пользуясь слабостью остяка къ водкѣ, они даютъ ему ее въ долгъ, весьма недоброкачественную, съ разными одуряющими подмѣсями, и когда остякъ выпьетъ этого зѣлья, опьянѣетъ,—тогда купецъ-кулакъ вступаетъ съ нимъ въ сдѣлку и за ничто отбираетъ у него все, что могло-бы дать ему хорошій заработокъ. Понятно, законъ преслѣдуетъ подобное злоупотребленіе; но, не взирая на законъ, безсовѣстные торговцы всегда находятъ случай продать остякамъ это гу-

бительное зѣлье по непомѣрнымъ цѣнамъ. Всѣ остяки поголовно пьютъ водку, не исключая женщинъ, и даже поятъ ею дѣтей.

Кромѣ водки, остяки страстно любятъ табакъ и употребляютъ его во всѣхъ видахъ:— и курятъ, и жуютъ, и нюхаютъ его въ огромномъ количествѣ. Остяки-оленеводы бродятъ со стадами оленей по берегамъ Ледовитаго моря и занимаются тамъ морскою ловлею, бьютъ тюленей, моржей, бѣлыхъ медвѣдей. Когда настаютъ холода, они удаляются въ лѣса. Каждый родъ держится отдѣльно отъ другихъ и идетъ подъ начальствомъ своего старшины. Всѣ промышленники сходятся въ концѣ декабря въ Обдорскѣ на ярмаркѣ. Въ послѣднее время число оленеводовъ стало замѣтно уменьшаться вслѣдствіе смѣшенія ихъ съ самоѣдами. Въ Обдорскѣ остяки обмѣниваютъ свои произведенія, какъ-то: пушной товаръ, готовое платье изъ оленя, оленину, мерзлыхъ осетровъ, мамонтову кость и. т. п. на муку, печеный хлѣбъ, табакъ, горшки, котлы, кожу, иголки, мѣдныя пуговицы и кольца, бусы и много другихъ бездѣлокъ.

Звѣриный промыселъ ведется остяками далеко не съ такою страстью, какъ рыбный; онъ необходимъ имъ только для взноса ясака и для платы за забранный хлѣбъ въ казнѣ. Ясакъ уплачивается изъ вырученныхъ отъ продажи звѣриныхъ шкурокъ денегъ, или же богатыми шкурками пушнаго звѣря. Взносъ ясака въ каждомъ родѣ лежитъ на обязанности старшины.

Что касается до рыбнаго промысла, то, какъ только весенній снѣгъ начнетъ таять, остякъ со всѣмъ семействомъ отправляется на берегъ любимой имъ рѣки и устраиваетъ тутъ свое временное жилище, т. е. ставитъ чумъ. Чумъ ставятъ такъ: 60 кольевъ втыкаютъ въ землю, связываютъ ихъ вверху такъ, чтобы оставалось отверстіе для выхода дыма; потомъ обшиваютъ чумъ вареной берестою. Вскрытія рѣкъ не ждутъ, а пробиваютъ пешнями размокнувшій ледъ, запускаютъ сѣти и, дрожа отъ наслажденія, впиваются въ первую трепещущую рыбу, которую ѣдятъ живьемъ. Когда остякъ на-

ловитъ рыбы, утолитъ свою жажду и голодъ, онъ беретъ наловленную рыбу и идетъ въ чумъ. Войдя въ дверь, бросаетъ добычу женѣ со словами: «Принеси дровъ, раскладывай огонь—будемъ жить весело».

Все лѣто на Оби раздается уханье и стонъ остяковъ-рыболововъ, которые ловятъ рыбу и сѣтями, и вершами, и удочками; готовятъ ее и въ запасъ и на продажу. И боготворятъ остяки свою кормилицу—Обь съ ея унылыми, однообразными берегами, наводящими грусть на человѣка непривычнаго, незнакомаго съ грозной природою сѣвера. При первыхъ заморозкахъ, по первому снѣгу, рыболовы вытаскиваютъ свои лодки и принимаются за зимнія работы: за изготовленіе нартъ, лыжъ и охотничьяго оружія, или же отправляются въ тайгу, т. е. лѣсъ, на звѣриную ловлю.

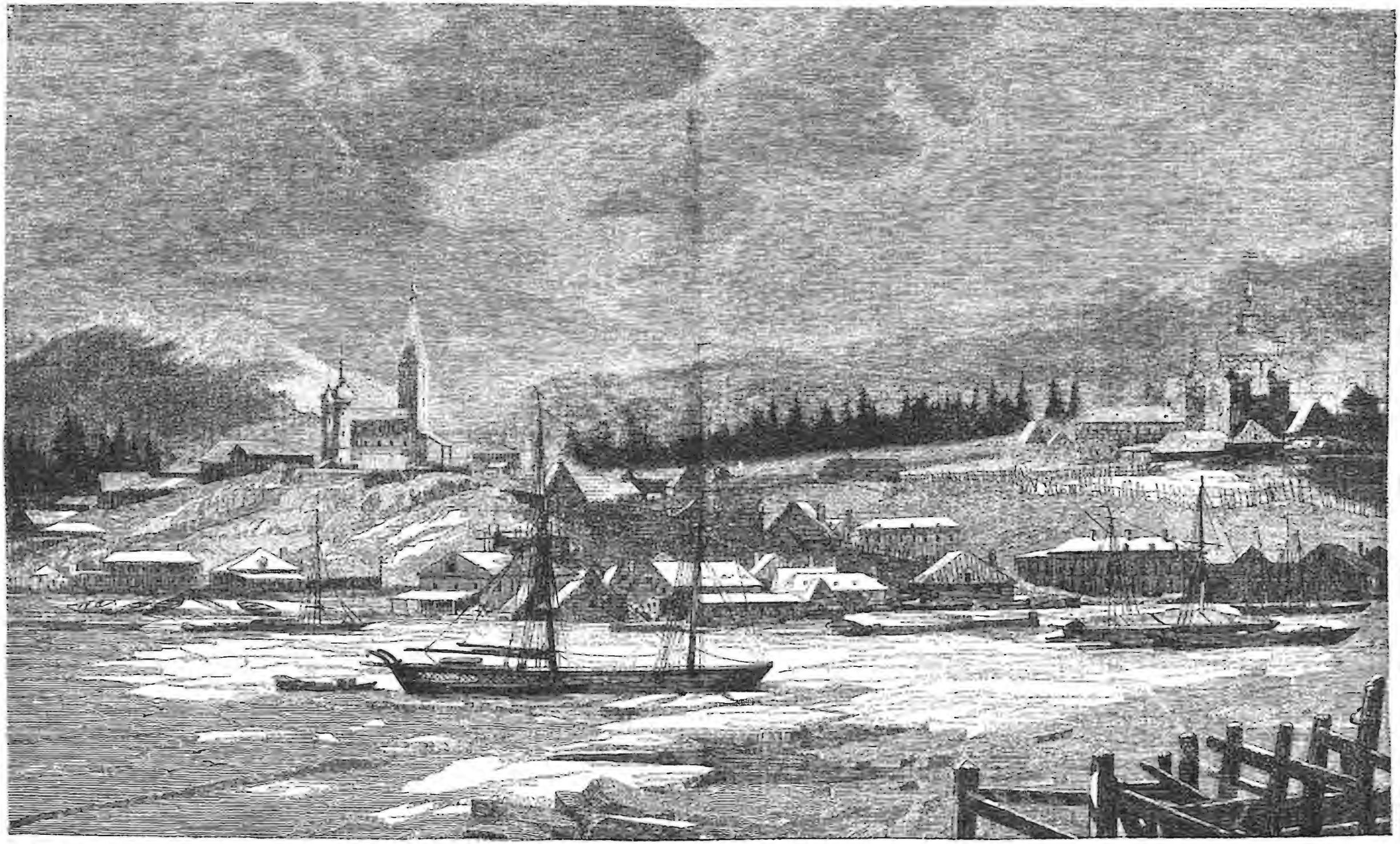
На женщинахъ остяцкихъ лежатъ всѣ тяжелыя домашнія работы; у нихъ женщина безпрекословная, забитая раба. Обращаются, съ ними остяки крайне грубо; за малѣйшее ослушаніе или медленное выполненіе работы, онѣ подвергаются жестокимъ побоямъ со стороны своихъ сожителей. Остякъ въ юртѣ у себя сидитъ цѣлый день поджавши ноги, куритъ и жуетъ табакъ, и глядитъ на огонекъ требуя только услугъ отъ своей рабыни-жены. Кромѣ работъ по домашнему хозяйству, остячки занимаются выдѣлкою холста, шитьемъ, вязаньемъ, колятъ дрова. И все это дѣлается ими безпрекословно, съ полнѣйшею покорностью судьбѣ, которая будто обрекла ихъ на это рабство съ самой колыбели. Дѣтямъ даютъ воспитаніе суровое, пріучаютъ ихъ съ самаго ранняго возраста къ тяжелымъ работамъ. Съ 12 лѣтъ остяцкія дѣти умѣютъ уже стрѣлять, ходить за оленемъ, дѣлать ловушки, ставить чумы и проч. Послушаніе дѣтей къ родителямъ сохраняется строго, но не по долгу, а изъ страха.

Иртышскіе обрусѣвшіе остяки, какъ уже было сказано выше, ведутъ осѣдлый образъ жизни и живутъ въ избахъ на-подобіе рус-

скихъ. Другіе изъ нихъ переняли многое отъ татаръ, какъ въ образѣ жизни, такъ и въ устройствѣ жилищъ.

Остяцкія селеньица разбросаны въ 20, а иногда и въ 50 верстахъ одно отъ другаго, отъ 3 до 20 юртъ или хижинъ. Онѣ всегда строятся въ лѣсахъ по близости рѣкъ. Юрта—это бревенчатая изба съ сѣнями. Въ углу, близъ двери, битый изъ глины татарскій чувалъ, въ которомъ всегда горитъ огонекъ. Возлѣ стѣнъ—нары, какъ у татаръ, съ настланными на нихъ «тагарами», т. е. рогожами, довольно искусно сплетаемыми изъ травы; одно окно,—у богатыхъ со стекломъ, у бѣдныхъ пузырчатое или съ вставленной въ него льдиною. Въ такой хижинѣ живетъ иногда до пяти семействъ, и каждому отгорожено на нарахъ особое мѣсто. Остяки живутъ въ своихъ селеніяхъ только зимою. Едва въ началѣ іюня вскроется ледъ, остякъ собираетъ все свое имущество, складываетъ его на длинныя и глубокія лодки, по двѣ вмѣстѣ спаромленныя, и отправляется на Обь и другія большія рѣки. Тамъ живетъ онъ въ берестяныхъ шалашахъ до сентября, занимаясь рыбной ловлею.

Обыкновенная пища остяковъ—рыба: сырая, мерзлая, вареная и сушеная; оленина сырая и вареная. Хлѣба ѣдятъ мало. Но изъ ржаной муки пекутъ въ золѣ прѣсныя лепешки или варятъ «салыкъ» —похлебку, заправленную рыбьимъ жиромъ. Лучшая пища ихъ «варка» —рыбьи брюшки и кишки, уваренныя до-густа въ рыбьемъ жирѣ, и «поземы», т. е. хребты москуновъ, провяленные лѣтомъ на солнцѣ. Остяки строгаютъ сырую рыбу ножемъ и съ жадностью пожираютъ огромное количество этихъ стружекъ. Строганина, приготовленная изъ тонкихъ стружекъ лучшей рыбы, составляетъ не только любимое блюдо сибирскихъ инородцевъ, но отъ него не откажутся даже и образованные обитатели Сибири. Что касается до употребленія мерзлой сырой рыбы въ зимнее время, то это свойственно всѣмъ кореннымъ обитателямъ Восточной Сибири. Многіе упрекаютъ остяковъ за употребленіе крови животныхъ, но дѣлается это



ГОРОДЪ БЕРЕЗОВЪ.

совсѣмъ не изъ кровожадности, какъ думаютъ нѣкоторые, даже ученые, а просто иногда въ силу необходимости. Извѣстно, что кровь животныхъ служитъ лекарственнымъ средствомъ въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, какъ напримѣръ отъ скорбута, которому весьма подвержены всѣ жители крайняго сѣвера, вслѣдствіе дурныхъ условій жизни.

Перейдемъ теперь къ одеждѣ остяковъ. Остяцкая одежда очень оригинальна и вполнѣ приспособлена къ жестокости климата на крайнемъ сѣверѣ. «Малица» шьется изъ оленьихъ шкуръ, шерстью къ тѣлу, въ видѣ мѣшка и длиною до колѣнъ, съ рукавами и пришитыми къ нимъ рукавицами, и съ отверстіемъ для головы; внизу опушка изъ собачьяго или волчьяго мѣха. Надѣвается она прямо черезъ голову и подпоясывается широкимъ кожанымъ ремнемъ, унизаннымъ мѣдными пуговками, какъ чешуею, и съ мѣдной пряжкою. Къ поясу привѣшивается съ боку ножъ въ кожаныхъ ножнахъ и кожаная сумочка съ огнивомъ, кремнемъ и трутомъ. «Парка» похожа на малицу и тоже изъ оленьихъ шкуръ, но шьется шерстью наружу. Въ большіе морозы остяки еще надѣваютъ такъ называемый «гусь», также шерстью вверхъ и съ пришитою къ нему шапкою. Зимою обувь состоитъ изъ «чижей»—длинныхъ чулокъ изъ молодой оленины, шерстью внизъ, а сверхъ чижей надѣваютъ «пимы», сапоги изъ шкурокъ съ оленьихъ ногъ. Лѣтомъ они носятъ «лѣтній гусь», который шьется изъ сукна яркихъ цвѣтовъ, и «неговай»—сапоги изъ выдѣланной оленьей кожи. Обрусѣвшіе же остяки носятъ лѣтомъ русскія рубахи и шаровары, а зимою вышеописанный костюмъ, къ которому ихъ пріучилъ суровый климатъ сѣвера. Женщины носятъ холщевыя рубахи, унизанныя стеклярусомъ на груди и вышитыя по подолу разноцвѣтными шерстями; однорядки холщевыя, ситцевыя и шелковыя; голову покрываютъ, какъ татарки, длиннымъ и широкимъ цвѣтнымъ платкомъ съ бахрамою, называемымъ «вокшимъ». Имъ окутываютъ и лицо. Зимою же носятъ онѣ оленью шубу, шерстью внизъ, съ частыми завязками спереди; эта шуба унизывается кисточками и

побрякушками. Обувь та же, какъ и у мужчинъ. Остячки татуируютъ себѣ руки, накалывая на нихъ иглою изображенія птицъ, звѣрей, узоры. Волосы заплетаютъ сзади въ двѣ косы. У конца каждой привѣшена покромка изъ сукна, длиною до колѣнъ, съ нанизанными на ней металлическими кружками, бляхами и побрякушками.

Изъ остяковъ нѣкоторые крещены; но громадныя разстоянія и кочевая жизнь ихъ лѣтомъ много препятствуютъ распространенію между ними христіанства. Вообще число крещеныхъ остяковъ не свыше 2000 д. обоего пола, и то, въ дремучихъ тайгахъ и на неизмѣримыхъ тундрахъ, при непрерывномъ обращеніи съ язычниками, —они только по имени христіане.

У язычниковъ каждый родъ имѣетъ своихъ кумировъ, которые хранятся въ особыхъ юртахъ, называемыхъ «божьи юрты». Каждый изъ идоловъ имѣетъ свое назначеніе: одни покровительствуютъ стадамъ, другіе—хорошему лову, третьи—охраняютъ въ путешествіи. Остяки имѣютъ верховное божество «торыма», властителя вселенной, живущаго на небѣ и котораго, по ихъ религіознымъ понятіямъ, нельзя утруждать никакими просьбами. Но въ помощь ему дано множество божествъ, добрыхъ и злыхъ. Одни изъ нихъ были въ древнія времена вытесаны изъ дерева, другія вылиты изъ мѣди, даже изъ золота. Многія изображаютъ людей, другія звѣрей и птицъ. Были идолы, занесенные сюда даже со временъ св. Владиміра, изъ земли Новгородской и Перміи, при крещеніи ея въ XIV столѣтіи св. Стефаномъ. Извѣстнѣйшіе изъ нихъ: «Золотой мужикъ», вылитый изъ золота; онъ сидѣлъ въ чашѣ, въ которую наливали воды и пили ее съ вѣрою, что это отвращаетъ несчастіе. «Рача»—идолъ рачевскихъ юртъ. «Обскій старикъ»,—божество рыбъ, съ безобразнымъ лицомъ и рогами, жестянымъ носомъ и стекляными глазами. На него было надѣто нѣсколько остяцкихъ малицъ, а сверху кафганъ изъ краснаго сукна. У ногъ его лежали лукъ со стрѣлами, копье и кольчуга. Онъ

нисходилъ въ водную бездну, имѣя власть отпускать столько рыбы, сколько кто этого заслуживалъ. «Большая баба»—деревянный идолъ, сидѣвшій на сѣдалищѣ, подъ древней березою, близъ деревни Бѣлозерской. «Главный идолъ», въ дремучей тайгѣ Пелымскаго края, увезенный туда въ 1712 году изъ остяцкой земли въ началѣ проповѣди Св. Евангелія остякамъ. «Елань»—Меркурій остяцкихъ боговъ, деревянный идолъ съ вырѣзаннымъ лицомъ, обернутый въ красное сукно и въ собачьей шапкѣ. Есть тоже у остяковъ домашніе боги, юртовые идолы, которыхъ они мажутъ рыбьимъ жиромъ, приговаривая «ѣшь, ѣшь». Остяки боготворятъ между прочимъ горы, камни, ручьи, большія деревья. Мѣсто около нихъ священно, тоже, что «табу» у островитянъ Южнаго океана. Тутъ не смѣютъ напиться воды, коснуться дерева, вырвать травки, чтобы не прогнѣвить божества. Приношеніе жертвъ (въ Березовскомъ округѣ) происходитъ такимъ образомъ: убиваютъ оленя стрѣлами, по знаку, данному шаманомъ. Затѣмъ всѣ присутствующіе ѣдятъ сырое мясо и пьютъ теплую кровь застрѣленнаго животнаго. Близъ Бѣлаго острова, на Ледовитомъ океанѣ, есть песчаная отмель, куда обдорскіе самоѣды и остяки съѣзжаются для отправленія идольскихъ обрядовъ. Для общенія съ водными божествами остяки—язычники купаются въ морѣ, бросаютъ въ волны кусокъ мѣди, или металлическія деньги, топятъ оленей.

Обрусѣвшіе остяки справляютъ русскіе праздники, а у язычниковъ-остяковъ сохранилось весьма немного своихъ празднествъ. Празднество «эленя» происходитъ у нихъ всегда ночью, съ предварительнымъ заклинаніемъ шамана, и сопровождается плясками.

Когда цѣлый родъ обращается за совѣтомъ къ богу, тогда необходимъ шаманъ. Для убѣжденія толпы, что богъ дѣйствительно говоритъ устами своими, шаманъ навязываетъ траву на остріе палки, и когда она начинаетъ шевелиться, это означаетъ, что духъ божій держитъ рѣчь къ шаману. Такой обрядъ никогда не проис-

ходитъ безъ жертвы, состоящей изъ нѣсколькихъ оленей. Когда шаманъ заколетъ оленя, то кожа и рога развѣшиваются въ честь боговъ по деревьямъ, мясо съѣдается всѣми присутствующими, часть его идетъ шаману. О шаманахъ мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

Присяга считается у остяковъ весьма важнымъ священнымъ дѣйствіемъ. Для приданія бо́льшаго торжества, во время произнесенія клятвы, кладутъ руку на голову медвѣдя и произносятъ слѣдующія слова: «Пускай сожретъ меня медвѣдь, если я клянусь ложно!»

Почти каждый остякъ имѣетъ два имени: остяцкое—выражающее что либо замѣченное при его рожденіи: летѣвшую птицу, камень, лѣсину; другое имя — русское. При самомъ рожденіи погружаютъ младенца въ снѣгъ, чѣмъ какъ бы посвящаютъ его всѣмъ суровостямъ грознаго сѣвера и закаляютъ на борьбу съ ними. По прошествіи мѣсяца, ребенка кормятъ уже стертою въ видѣ порошка вареною рыбою; чуть покажутся зубы—даютъ сырое оленье мясо и сырую рыбу.

Остяки переняли, какъ и многое другое, у татаръ обычай «калыма», т. е. платы за невѣсту. Калымъ не вездѣ одинаковъ, смотря по мѣстности. Такъ, напримѣръ, въ Обдорскѣ за богатую дѣвушку даютъ отъ 50 до 100 оленей. У бѣдныхъ цѣна отъ 20 до 25 оленей. Остяки могутъ брать по нѣскольку женъ; но въ настоящее время многоженство встрѣчается все рѣже и рѣже по причинѣ значительности выкупа. Пока калымъ не весь уплаченъ, невѣста живетъ у отца, но женихъ можетъ пріѣзжать къ ней. Сватовство происходитъ слѣдующимъ образомъ; желающій жениться, идетъ къ отцу дѣвушки и говоритъ: «Я хочу жениться на твоей дочери». Начинается торгъ. Затѣмъ, если сошлись въ цѣнѣ, женихъ идетъ къ невѣстѣ, которая сидитъ подъ покрываломъ, и приноситъ къ ней съ товарищами котелъ съ разными нарядами и уходитъ; невѣста откидываетъ покрывало и пересматриваетъ дары, при чемъ, если находитъ ихъ недостаточными, выбрасываетъ все изъ котла и са-

дится по-прежнему подъ покрывало, поддерживаемое съ боковъ двумя остячками-свахами. Женихъ съ товарищами входитъ, видитъ, что все разбросано, собираетъ, уноситъ въ свой чумъ, дополняетъ, перемѣняетъ и снова приноситъ. Невѣста можетъ браковать подарки по нѣскольку разъ, женихъ снова все собираетъ и уноситъ къ себѣ для дополненія. Все это происходитъ молча съ обѣихъ сторонъ. Затѣмъ, когда подарки понравятся невѣстѣ, она, пересмотрѣвши ихъ, укладываетъ все въ порядкѣ въ котелъ и садится на свое прежнее мѣсто. Женихъ входитъ, видитъ, что дѣло ладится, остается въ томъ же чумѣ. Свахи снимаютъ съ невѣсты покрывало и тутъ же женихъ съ невѣстою цѣлуются, бракъ считается совершившимся—и женихъ увозитъ невѣсту къ себѣ. Что касается до церковнаго обряда брака, то онъ совершается гораздо позже, иногда даже черезъ два-три года послѣ вышеописаннаго. Пѣсенъ на свадьбахъ не поютъ, а кричитъ каждый все, что ему вздумается.

Остяки необыкновенно заботливо обращаются съ больными; такъ напримѣръ, если есть больной въ родѣ, нѣсколько семействъ не ходятъ на промыселъ, сидятъ возлѣ него, въ увѣренности, что отъ этого ему будетъ легче. Потомъ, когда время уйдетъ, работа не сдѣлается, и остякъ останется съ пустымъ карманомъ и голоднымъ желудкомъ, онъ всѣмъ разсказываетъ: «Вотъ тутъ мужикъ болѣлъ, ну все и сидѣлъ подлѣ». И на вопросъ—зачѣмъ такъ дѣлалъ,—онъ отвѣчаетъ: «Да какъ же, ушелъ всѣ — больной хуже, и пришелъ всѣ—и больной лучше».

Похоронные обряды совершаются такъ: тѣло покойника обертываютъ въ бересту, зарываютъ въ землю съ тою одеждою, въ которой умеръ, и съ охотничьими вещами покойника,—лукомъ, стрѣлами, ножемъ. Кромѣ того, въ могилу кладутъ все необходимое для ежедневнаго быта: топоръ, сѣти, рогъ съ табакомъ и проч. Нарту же, въ которой привезли покойника, оставляютъ на его могилѣ, а оленя закалываютъ. Иногда тутъ же хоронятъ и его собаку. Остяки ни-

таютъ большую привязанность къ собакамъ; при жизни крайне берегутъ ихъ. Собака — ихъ всегдашній спутникъ, они считаютъ ее своимъ лучшимъ другомъ; поэтому родные покойника, желая сдѣлать ему пріятное, зарываютъ рядомъ съ нимъ его вѣрнаго друга. При похоронахъ дозволяется плакать только женщинамъ, а мужчины обыкновенно говорятъ при этомъ: «Полно плакать, не реви, Богъ такъ дѣлаетъ». Остяки при похоронахъ царапаютъ себѣ лицо до крови, выдергиваютъ свои волосы и бросаютъ ихъ на умершаго, вѣруя, что душа его придетъ черезъ шесть недѣль узнать, какъ о ней сожалѣли живые. Жена, по смерти мужа, обтесавъ бревешко на-подобіе человѣка, одѣваетъ его въ мужнину одежду, ставитъ на нарахъ на то мѣсто, на которомъ сидѣлъ покойникъ, подчуетъ его любимымъ кушаньемъ, ночью кладетъ спать съ собою и цѣлуетъ, думая, что душа мужа видитъ всѣ ея ласки и угожденія. Эту куклу держатъ годъ, а иногда и болѣе; потомъ зарываютъ въ землю съ плачемъ и сожалѣніемъ, полагая, что по прошествіи этого срока тѣло уже сгнило и съ нимъ вмѣстѣ окончилось его безсмертіе. Трауръ для жены полагается годъ, а для дѣтей—три года.

Женщины у остяковъ не имѣютъ правъ на наслѣдство, но сыновья обязаны содержать мать и сестеръ, такъ какъ къ нимъ переходитъ во владѣніе все имущество послѣ смерти отца. Послѣ бездѣтныхъ и безродныхъ имущество умершаго переходитъ къ тому, кто его воспиталъ, или къ тому, кто съ нимъ вмѣстѣ жилъ.

Грамоты у остяковъ нѣтъ. Въ дѣлахъ же административныхъ они употребляютъ «тамгу», вѣроятно заимствованную ими у татаръ. Съ купцами разсчитываются «бирками», т. е. нарѣзами на палочкѣ. Эту палочку раскалываютъ пополамъ. Одна часть ея остается у купца, другая—у остяка. При разсчетахъ на обдорской ярмаркѣ, обѣ половины складываются, и если нарѣзки пришлись къ нарѣзкамъ,—остякъ уплачиваетъ долгъ всегда исправно.

XXIV. БУРЯТЫ.

Между инородцами, обитающими въ Сибири, буряты, по многимъ даннымъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Они съ незапамятныхъ временъ населяютъ мѣстность кругомъ озера Байкала, преимущественно Иркутскую губернію и Забайкальскую область вплоть до китайской границы.

Что касается до происхожденія бурятъ, то безошибочно можно сказать, что они потомки монголъ; это отчасти подтверждается и тождествомъ языка ихъ съ китайскими монголами, равно какъ и тождество образа жизни указываетъ на то, что два эти народа суть только вѣтви одного и того-же племени.

Численность бурятскаго населенія простирается до 190,000, которое занимаетъ всю страну отъ запада къ востоку на 1,000 верстъ. Буряты, живущіе къ западу отъ Байкала, болѣе или менѣе сблизились съ русскими, ведутъ большею частію осѣдлую жизнь. Буряты-же, живущіе на востокъ отъ Байкала, напротивъ того, недовѣрчиво относятся къ русскимъ и ревностно стараются сохранить свою національность.

Буряты, подобно монголамъ, имѣютъ цвѣтъ кожи коричнево-бронзовый, лицо широкое и плоское, носъ небольшой и приплюснутый

глаза у нихъ маленькіе, косо расположенные, большею частію черные, уши большія и далеко отстоятъ отъ головы; ротъ большой; борода рѣдкая; волосы на головѣ черные. Принадлежащіе къ духовному званію подстригаютъ волоса на передней части головы, а сзади носятъ косу, въ которую, для большей густоты, нерѣдко вплетаютъ конскіе волосы. Росту буряты средняго или малаго, но крѣпко сложены.

Характеръ бурятъ отличается скрытностью. Они обыкновенно миролюбивы и кротки, но злы и мстительны, когда ихъ оскорбятъ. По отношенію къ своимъ родичамъ, они сострадательны и никогда не откажутся помочь бѣдному. Не смотря на внѣшнюю грубость и неразвитость, между бурятами въ высшей степени развита любовь къ ближнему, честность и справедливость; и хотя это въ большинствѣ случаевъ ограничивается только предѣлами своей одноулусной семейно-родовой общины, но есть также между ними и такія личности, у которыхъ эти прекрасныя качества простираются на всѣхъ людей безъ исключенія, къ какой бы они націи ни принадлежали.

По образу жизни буряты дѣлятся на осѣдлыхъ и кочевниковъ. Осѣдлыхъ бурятъ не болѣе 16-ти тысячъ. Они усвоили много русскихъ обычаевъ и мало отличаются отъ нихъ по образу жизни. Кочевники же живутъ иначе, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Что касается до общественнаго быта бурятъ, то они придерживаются и понынѣ первобытной родовой общины. По широкой степи оазисами разбросаны группы восьмиугольно-круглыхъ юртъ. Кругомъ — жердяныя загороди, а въ загородкахъ все юрты, амбары и разныя другія строенія, большею частію перенятыя изъ русско-крестьянскаго домохозяйства, хотя часто съ оригинальными измѣненіями и особенностями самобытнаго бурятскаго мастерства.

Каждый улусъ обыкновенно состоитъ изъ нѣсколькихъ невысокихъ жердяныхъ загородей, представляющихъ большею частію видъ круга. Въ каждой такой загороди стоитъ одна, двѣ, три и болѣе

юртъ съ разными пристройками Въ одной изъ такихъ юртъ живетъ старшій въ семьѣ бурятъ, старикъ со старухою, иногда съ какими-нибудь сиротами-сродственниками. Въ другой, рядомъ стоящей юртѣ живетъ сынъ этого старика съ женою и съ дѣтьми. Если у старика есть еще женатые сыновья, то и они живутъ въ особыхъ юртахъ, но все въ одной и той же общей загороди, по обѣ стороны юрты отца*). У всего этого единокровнаго, семейно-родоваго круга, пашни, покосы, утуги, скотъ—все общее. Всѣ члены загороди работаютъ сообща. Иногда даже и обѣдаютъ вмѣстѣ; вообще при всякой «жаренинѣ», при всякомъ сборѣ гостей, всѣ соучаствуютъ, какъ одна семья. Далѣе, рядомъ, вблизи въ другой подобной загороди живутъ ближайшіе родственники главы первой группы юртъ, напр., его братья съ своими семьями, съ своимъ единокровнымъ родомъ,—и тутъ опять, въ одной общей загороди посрединѣ стоитъ юрта старшаго въ родѣ, по бокамъ же стоятъ юрты его сыновей. Дальше, въ болѣе отдаленныхъ загородяхъ, живутъ болѣе отдаленные родственники и называемые уже «сосѣдями». Наконецъ, наиболѣе отдаленные сродичи обособляются въ особый улусъ и повторяютъ ту же организацію, тотъ же строй улусной родовой общины.

Русскіе сибирскіе крестьяне говорятъ про бурятъ: «Да у братскихъ не по нашему, все артельно: ломоть хлѣба они раздѣлятъ всѣмъ по ровнымъ кусочкамъ, кто бы ни случился въ улусѣ». И это дѣйствительно такъ: если напр., въ какой нибудь юртѣ закалываютъ барана, готовятъ «жаренину», то буряты всѣхъ сосѣднихъ, одноулусныхъ юртъ могутъ, не стѣсняясь, идти на жаренину, какъ на общую трапезу: хозяева дѣлятъ мясо всѣмъ по ровнымъ кусочкамъ, жиръ—по ровнымъ частичкамъ.

---

*) Буряты часто уже строятъ юрты сыновьямъ, когда послѣднимъ еще только 12 или даже 6 лѣтъ.

Надо отдать справедливость бурятамъ, что они гораздо болѣе способны къ организаціи рабочихъ или промышленныхъ артелей, чѣмъ наши русскіе сибирскіе крестьяне. Но самое замѣчательное выраженіе артельнаго начала представляетъ такъ называемая *аба*—большая звѣропромышленная артель разныхъ бурятскихъ родовъ. Аба»—это большая звѣропромышленная артель, бывающая не каждый годъ, а преимущественно въ хорошіе, приплодные и урожайные годы. Послѣдняя *аба* была въ 1870 году. Обыкновенно съ осени собираются буряты человѣкъ до 1,000—1,500 и болѣе. Всѣ одѣваются въ лучшую одежду, берутъ съ собою лучшіе луки и стрѣлы. Каждый несетъ съ собою въ общую складчину пудъ своего лучшаго, самаго жирнаго мяса, масла, сметаны и проч., и все это складывается въ общій артельный запасъ. Выбираютъ всѣ изъ одного и того-же рода наиболѣе опытнаго, всѣми уважаемаго старика и назначаютъ его общимъ, главнымъ старостою и судьею артели. Старикъ этотъ, главный руководитель артели, принимаетъ отъ каждаго провизію, *вѣситъ ее на рукѣ*, возьметъ передъ всѣми на руку пудъ и трясетъ его на рукѣ, разузнавая такимъ образомъ точно-ли будетъ въ немъ пудъ. По старому обычаю, требуется вѣсить именно на рукѣ. Затѣмъ вся большая артель разбивается на множество мелкихъ артелей, состоящихъ каждая человѣкъ изъ 20. Каждая частная артель выбираетъ своего частнаго артельнаго старшину. Передъ отправкою на промыселъ, на абу, каждая артель оставляетъ старику—главному общему артельному старостѣ и судьѣ—по одной шапкѣ, въ залогъ общей взаимной вѣрности и честности на промыслѣ. Послѣ того всѣ мелкія артели, образуя одинъ общій, дружный артельный союзъ, отправляются въ хребты на облаву, цѣпью охватывая большое пространство въ лѣсу. Вообще, вся организація артели основана на строжайшемъ обезпеченіи взаимной вѣрности артельщиковъ. Главный артельный староста и судья строго наблюдаетъ за согласіемъ и взаимною вѣрностью артельщиковъ... Въ случаѣ

споровъ или, вообще, какого нибудь нарушенія артельнаго согласія, судитъ ихъ, разбираетъ несогласія, ссоры. Судъ происходитъ тогда, когда сходятся всѣ въ какомъ-нибудь лѣсномъ стойбищѣ. Если чуть кто изъ артели провинится въ чемъ нибудь, то, на собраніи всей артели, берутъ у виновнаго шапку, кладутъ ее по серединѣ стойбища, и главный артельный староста или судья, старикъ, обращая глаза къ небу, кричитъ, взываетъ къ тэнгери-бурхану, заклинаетъ и обличаетъ виновнаго при всѣхъ и, наконецъ, стрѣляетъ изъ лука стрѣлою вверхъ, въ воздухъ надъ самою шапкою: если стрѣла упадетъ на шапку значитъ—обвиняемый дѣйствительно виноватъ. Точно также, если кто либо изъ артельщиковъ что нибудь потеряетъ въ лѣсу, то нашедшій потерянную вещь непремѣнно долженъ представить ее общему артельному старостѣ. Тотъ, опять на общемъ сходбищѣ артели, кричитъ, громко спрашиваетъ, не потерялъ-ли кто чего-нибудь, или чья такая-то потерянная вещь. Потерявшій вещь членъ артели выходитъ и получаетъ ее при всѣхъ. Въ лѣсу, на абѣ, есть особые выборные артельные хранители провизіи, выборные артельные приготовители пищи. Если кто въ лѣсу, на артельной абѣ, или хоть даже въ частной звѣропромышленной артели, первый застрѣлитъ звѣря, то не самъ его беретъ, а отдаетъ другому для вклада въ артельный уловъ. Наконецъ, всѣ добытые звѣри между всѣми артельщиками дѣлятся по-ровну, подъ контролемъ артельнаго суглана и старосты. Такова, въ общихъ чертахъ, бурятская звѣропромышленная, облавная артель, называемая *абою*. Хотя она нынѣ во многихъ бурятскихъ родахъ уже выходитъ изъ обычая, но все-таки буряты разсказываютъ о ней съ живымъ воспоминаніемъ, какъ о священномъ учрежденіи предковъ.

Буряты помогаютъ другъ другу въ нуждѣ, въ несчастіяхъ, въ сиротствѣ. Такъ, во всѣхъ улусныхъ общинахъ, безродные сироты, бѣдные ходятъ по юртамъ, какъ по своимъ собственнымъ жилищамъ, и находятъ тамъ пріютъ и пропитаніе. Они могутъ сами, безъ вся-

каго спросу, взять, что увидятъ въ юртѣ съѣстнаго, и сродичи, одноулусники, за это не гонятъ, не попрекаютъ ихъ. Даже сиротъ ясачныхъ осѣдлыхъ инородцевъ буряты содержатъ на свой счетъ.

У бурятъ никогда не существовало рабства; они и до сихъ поръ не нанимаютъ по рядѣ въ работники своихъ же бурятъ, особенно одноулусныхъ, однородныхъ, а нанимаютъ на сроки за условную плату русскихъ. А свои работники—безсемейные бѣдняки буряты—считаются не слугами, а равноправными членами семьи.

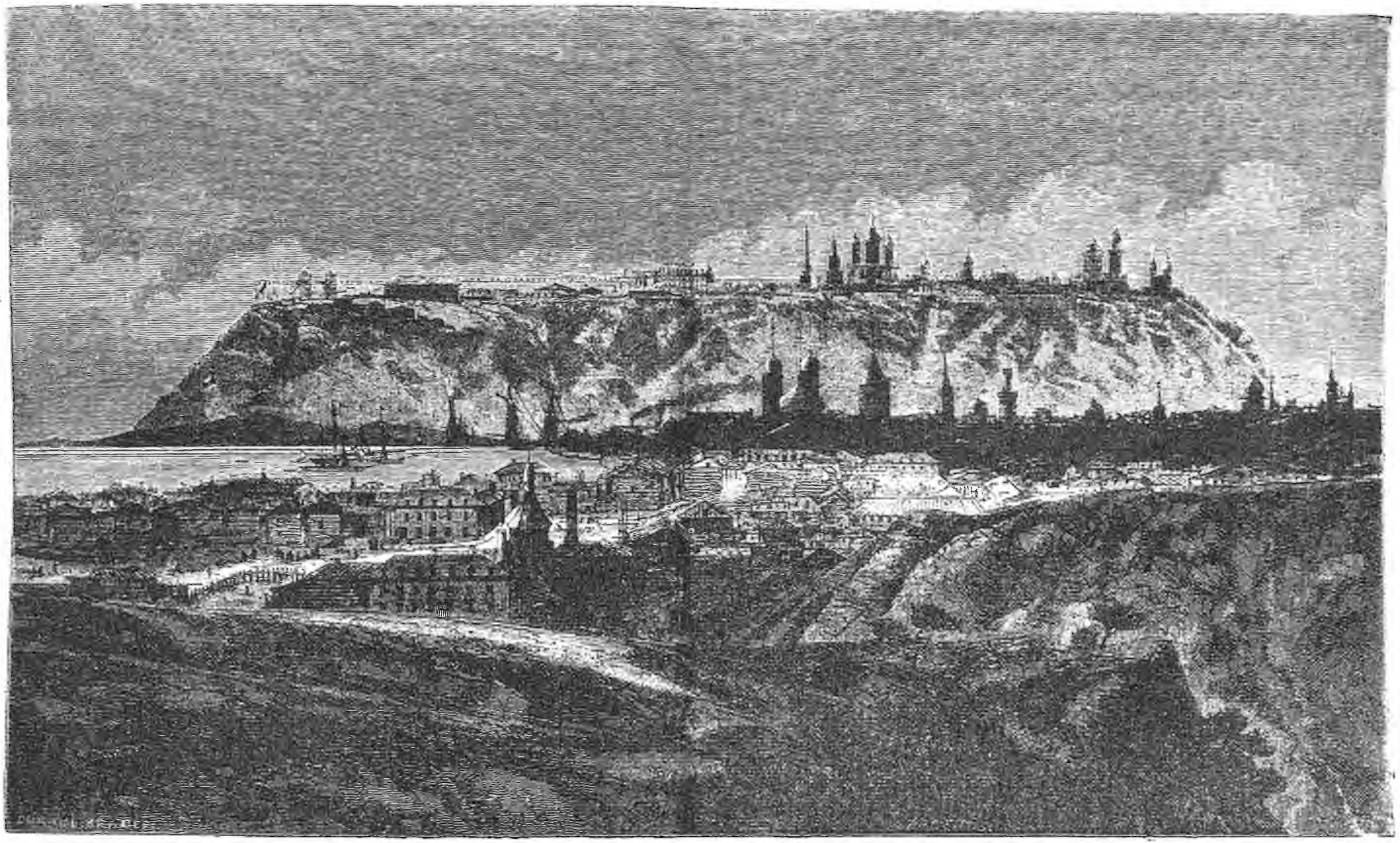
Во главѣ бурятскаго управленія стоитъ тайша, онъ же и начальникъ *степной думы* (въ родѣ нашего волостнаго правленія). Въ степной думѣ всѣ начальствующія лица — старосты, старшины, десятники, сборщики податей и проч.—некрещеные буряты. Расходы на *сугланъ* (мірской сходъ) падаютъ на ясачныхъ, такъ называютъ крещеныхъ бурятъ.

Единственное богатство бурятъ составляетъ скотоводство. Стада состоятъ изъ коровъ, лошадей и овецъ (овцы почти всѣ бѣлыя съ черными головами). Стада, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, пасутся по степи; только молодой скотъ во время суроваго времени года остается въ юртахъ вмѣстѣ съ хозяевами. Буряты почти не имѣютъ свиней и домашней птицы, для которыхъ необходимо было-бы заготовлять зимніе запасы.

Забайкальскіе буряты рѣдко занимаются земледѣліемъ; но если и имѣютъ небольшія поля, то орошаютъ ихъ искусственнымъ образомъ, отъ чего они большею частію получаютъ хорошіе урожаи, между тѣмъ какъ русскіе часто жалуются на неурожаи вслѣдствіе засухи. Буряты же, по эту сторону Байкала, напротивъ того, много занимаются земледѣліемъ, которому они научились у русскихъ.

Главный промыселъ бурятъ — скотоводство; звѣроловный промыселъ у нихъ распространенъ менѣе чѣмъ, напримѣръ, у тунгусовъ.

Что касается до занятій, то они распредѣлены между мужчинами



ГОРОДЪ ТОБОЛЬСКЪ

и женщинами такъ: мужчины присматриваютъ за пасущимся скотомъ, строятъ юрты и приготовляютъ хозяйственныя принадлежности—стрѣлы, луки, сѣдла и другія части конской сбруи. Они искусные кузнецы, сами отдѣлываютъ металлы въ маленькихъ ручныхъ печахъ и довольно щеголевато убираютъ ими конскую сбрую. Женщины занимаются приготовленіемъ войлоковъ, выдѣлываніемъ кожъ, плетеніемъ веревокъ изъ конскихъ волосъ, дѣлаютъ изъ жилъ нитки, кроятъ и шьютъ всевозможную одежду себѣ и мужьямъ своимъ и, какъ монголки, искусно вышиваютъ тонкіе узоры на одеждѣ и обуви.

Положеніе женщинъ у бурятъ—самое печальное: въ семьѣ она чисто рабочее животное, поэтому рѣдко встрѣчаются между ними здоровыя женщины. Сморщенное лицо, костлявыя руки, неловкая походка, тупое выраженіе глазъ и грязными плетями свѣшивающіяся косы—вотъ ея обыкновенный видъ. Женщина, по бурятски *изи*, взятая изъ чужаго дальняго рода, является въ бурятской общинѣ рабою въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Она все въ юртѣ дѣлаетъ—и коровъ или кобылъ доитъ, и дарусунъ, т. е. водку, гонитъ, и шубы и турсуки берестяные шьетъ, и войлоки вываливаетъ и проч. *Басаганъ* же, дѣвушка, не только не раба, но пользуется особенной любовью, почетомъ, подарками, воспѣвается въ пѣсняхъ, какъ подруга «налагапра хубунъ»—хорошихъ парней.

Жилища большей части забайкальскихъ бурятъ состоятъ изъ войлочныхъ юртъ. Онѣ бываютъ отъ 15 до 25 футовъ (отъ $6^1/_2$ до 11 арш.) въ поперечникѣ и чаще всего имѣютъ форму островерхую. Эти юрты дѣлаются изъ жердей, воткнутыхъ въ землю, оконечности которыхъ вверху сходятся; самыя же жерди обтянуты большею частію внутри нѣсколькими рядами войлока. Наверху находится отверстіе для дыма, которое можетъ быть закрыто крышкою; входъ въ юрту, представляющій низкую, часто деревянную дверь, всегда обращенъ къ югу. Полъ этого жилища составляетъ очищенная отъ

травы земля, на которой стоитъ юрта; по серединѣ ея подъ отверстіемъ, сдѣланнымъ вверху, находится очагъ, обыкновенно состоящій изъ четыреугольнаго деревяннаго ящика, выложеннаго внутри глиною. По стѣнамъ идетъ возвышеніе, на которомъ спятъ обитатели юрты и стоятъ различныя хозяйственныя принадлежности, сундуки и шкафы, служащіе для храненія одежды, украшеній и проч., тутъ же всегда находится небольшой жертвенный столикъ, на который ставятъ изображеніе боговъ, жертвенные сосуды, благовонныя свѣчи.

Нынѣ большая часть бурятъ, оба пола, начали носить для нижняго бѣлья мужской крестьянскій костюмъ, т. е. рубаху и штаны русскаго покроя, у женщинъ всегда изъ синей *дабы*; а сверхъ этихъ атрибутовъ надѣвается національный костюмъ: иногда мужчины, поверхъ лѣтней или зимней одежды, надѣваютъ *курму* (родъ кофты съ рукавами); моду эту они заимствовали отъ китайцевъ. Нѣкоторые буряты носятъ суконныя шинели (синія или черныя), съ коротенькимъ краганомъ и съ разрѣзомъ назади для удобства при верховой ѣздѣ; покрой дыгила и шубы ламъ (духовныхъ лицъ) отъ простыхъ бурятъ отличается тѣмъ, что у первыхъ они походятъ на обыкновенный халатъ съ открытымъ воротомъ; у прочихъ же бурятъ на груди нашиты узкія полосы чернаго, краснаго или синяго сукна или плиса, въ нѣсколько рядовъ вдоль и поперегъ, соединенныхъ между собою подъ прямымъ угломъ; нашивка эта, по формѣ, напоминаетъ чертежъ какого нибудь карниза. Верхняя одежда стягивается въ таліи кожанымъ или тканымъ поясомъ, на которомъ висятъ: ножъ собственнаго издѣлія, кошелекъ съ огнивомъ, кремнемъ и трутомъ, и кисетъ для табаку. Буряты никогда не разлучаются съ маленькой металлической трубкою, называемой ганзою. Шапка или шляпа у нихъ часто украшена красной кистью, сдѣланной изъ шелку, крашеныхъ конскихъ волосъ или изъ перьевъ. Шапки эти у богатыхъ бурятъ имѣютъ круглую форму, въ подражаніе китайскимъ. Мужчины головы брѣютъ, но не часто, оставляя на вер-

хушкѣ хохолъ, который заплетаютъ косою. Ламы же брѣютъ всѣ волоса. Въ конецъ косы, для красоты, вплетаютъ шелковую или бумажную кисть. Впрочемъ, ношеніе косы не составляетъ религіознаго догмата, а обычай.—Крещеные буряты стараются по возможности подражать въ костюмѣ русскимъ, за что ихъ и величаютъ—*харамангутъ*, что означаетъ въ переводѣ на русскій языкъ «черный лѣшій», такъ какъ словомъ *мангутъ* (лѣсной чортъ) буряты втихомолку называютъ русскихъ.

Женская одежда много похожа на мужскую, но только болѣе украшена. Такъ напр. кафтанъ у женщинъ часто имѣетъ цвѣтную оторочку, а на спинѣ вставки краснаго цвѣта. Чѣмъ богаче бурятка, тѣмъ болѣе на немъ маржанъ въ серебряной оправѣ (красныхъ корольковъ изъ коралла), серебряныхъ привѣсъ замысловатой формы и даже серебряныхъ монетъ. Женщины отпускаютъ себѣ волосы какъ можно длиннѣе:—это считается у нихъ красотою; если волосы рѣдки, то женщины прибавляютъ къ нимъ фальшивые локоны, часто сдѣланные изъ конскихъ волосъ. Замужнія женщины заплетаютъ волосы въ двѣ толстыя косы, которыя висятъ по сторонамъ головы и часто бываютъ соединены одна съ другою металлическими кольцами; самыя косы спрятаны бываютъ въ чахлахъ изъ чернаго бархата, съ украшеніями изъ малахита, коралла, перламутра, серебра, латуни, раковинъ и проч. Кромѣ того, для наряда употребляются серьги, часто весьма большія и тяжелыя, ожерелья и перстни. На головѣ женщины носятъ уборъ, въ родѣ обруча съ маржанами, а бѣдныя—съ китайскими корольками, приготовленными изъ какой-то мягковатой массы, подъ цвѣтъ коралла, въ посеребренной или даже желѣзной оправѣ; уборъ этотъ очень рѣдко снимается съ головы.—Костюмъ дѣвушки отличается тѣмъ, что она не носитъ *уджи* (безрукавой курмы) и головнаго убора, которые составляютъ принадлежность костюма замужнихъ женщинъ. Общая принадлежность костюма какъ женщины, такъ и дѣвушки,—красная лента черезъ плечо, вершка

въ 2 или $2^1/_2$ шириною, завязанная у пояса бантомъ и съ опущенными концами. Она надѣвается черезъ лѣвое плечо. Къ щегольству же должно отнести ручныя кольца, всегда серебряныя и притомъ массивныя; у нѣкоторыхъ на обѣихъ рукахъ можно насчитать съ полдесятка широкихъ, часто съ вырѣзанными печатями колецъ. Дѣвушки убираютъ голову иначе, чѣмъ замужнія женщины. Онѣ заплетаютъ волосы въ множество косъ, часто до 20, которыя откидываются назадъ и доходятъ нерѣдко до икръ; сверхъ того косы эти украшаютъ онѣ кораллами, серебряными монетами, мѣдными и свинцовыми пластинками, шелковыми кисточками и проч.—Женщины также, какъ и мужчины, курятъ табакъ и на поясѣ всегда имѣютъ трубку, кисетъ и приборъ для добыванія огня.

Пища бурятъ обусловливается ихъ кочевою жизнью. Она состоитъ изъ мяса всякаго рода, преимущественно же изъ жирной баранины, которую жарятъ на рожнахъ; молока въ разныхъ видахъ, кирпичнаго чая съ молокомъ или *затураномъ* *), *сараны* **)—это главная ихъ пища, а затѣмъ уже хлѣбъ. Соли буряты употребляютъ очень мало, большею частію только прибавляютъ ее для вкуса въ чай. Кромѣ соли, въ чай прибавляютъ *гуджиру*, отчего чай, по ихъ мнѣнію, дѣлается *мягче*, вкуснѣе. Самоваръ—это уже роскошь, а всегда варятъ чай на своемъ очагѣ, въ чугунной чашѣ. Въ этой же чашѣ варятъ всякую пищу. Посуду не чистятъ, а такъ слегка обтираютъ какой нибудь грязной тряпкою. Вилокъ не употребляютъ, а замѣняютъ ихъ руками. Коровъ бьютъ для мяса, перерѣзывая имъ горло; барана же колятъ такъ: зажавши ему ротъ, чтобы не кричалъ, кладутъ его на спину и держатъ; затѣмъ одинъ изъ бурятъ постепенно разрѣзаетъ ему вдоль животъ. Сдѣлавши достаточное отверстіе, про-

---

*) Мука, поджаренная на бараньемъ салѣ или маслѣ.

**) Луковица полевой лиліи: копается она раннею весною и осенью; тогда она бываетъ очень сладкая; кромѣ того, осенью же, вынимается она изъ мышиныхъ гнѣздъ: мыши запасаютъ ее на зиму.

совываютъ руку и сжимаетъ сердце. Кровь собираютъ въ сосуды и употребляютъ ее въ пищу подъ названіемъ «шекши». У каждаго бурята и бурятки непремѣнно на поясѣ, вмѣстѣ съ *ганзою* *), огнивомъ, табачнымъ кисетомъ, виситъ ножъ. Этимъ ножомъ буряты взявши кусокъ мяса въ зубы и придерживая его лѣвою рукою, правою ловко отрѣзаютъ подлѣ самой губы, снизу вверхъ. Надо удивляться ловкости и проворству, съ какими они дѣйствуютъ этимъ ножемъ, не отрѣзая вмѣстѣ съ мясомъ ни губы, ни носа.

Табакъ курятъ всѣ—мужчины и женщины и даже пятилѣтнія дѣти изъ мѣдной ганзы.

Первоначальная религія бурятъ *шаманизмъ*, т. е. вѣрованіе въ духовъ, называемыхъ *онгонами*; онгоны, по понятію бурятъ, владычествуютъ надъ стихіями, горами, рѣками и проч., и покровительствуютъ человѣку. Буряты-шаманисты вѣрятъ, что шаманы достигаютъ вѣдѣнія тайнъ онгоновъ и могутъ предсказать судьбу каждаго человѣка. Въ концѣ XVII столѣт. забайкальскіе буряты приняли буддизмъ; часть же бурятъ, живущая по сю сторону Байкала, осталась вѣрною шаманизму. Слѣдовательно, по вѣроисповѣданію буряты дѣлятся на ламаитовъ, или, что тоже, буддистовъ, и шаманистовъ. Первые имѣютъ особое жреческое сословіе — ламъ; а послѣдніе не имѣютъ его, т. е. въ смыслѣ особой организованной касты. Ламы отличаются нѣкоторымъ образованіемъ: они обязаны знать въ совершенствѣ разныя ученыя сочиненія, кромѣ того отъ нихъ требуется практическое и теоретическое знаніе медицины. Каждый лама долженъ знать тибетскій языкъ, который считается священнымъ нарѣчіемъ, ибо всѣ священныя книги, хотя бы и писанныя на монгольскомъ языкѣ, переведены съ тибетскихъ. Ламамъ воспрещено вступать въ бракъ. Они имѣютъ гро-

*) Небольшая мѣдная трубка, преимущественно изъ желтой мѣди иногда вылитая вмѣстѣ съ чубукомъ, т. е. цѣльная.

мадное вліяніе на свою паству и, пользуясь этимъ, нерѣдко самымъ безсовѣстнымъ образомъ эксплуатируютъ бѣдныхъ бурятъ и не мало препятствуютъ сближенію ихъ съ русскими.

Кромѣ своихъ языческихъ праздниковъ, буряты празднуютъ день св. чудотворца Николая съ неменьшей торжественностью, потому что глубоко почитаютъ этого угодника. У забайкальскихъ жителей сильно распространено чествованіе св. Николая, равно какъ и св. Иннокентія, иркутскаго чудотворца. Особенно чтутъ буряты св. Николая въ дни памяти этого угодника 6 декабря и 9 мая. 9-го мая, разряженные пестро и роскошно, старые и малые, мужчины верхомъ на лошадяхъ, буряты несутся къ православному храму поклониться своему обожаемому «Михолѣ» (они иначе не могутъ произнести имя Николай). При входѣ въ храмъ, буряты идутъ къ продавцу свѣчей, и, набравъ ихъ столько, сколько можетъ помѣститься въ рукѣ, отправляются къ празднуемой иконѣ. Здѣсь они падаютъ ницъ со сложенными на чело ладонями, читаютъ обыкновенно—«омъ—манибау—мехомъ», что значитъ «Господи, помилуй»—съ обращеніемъ «хутухту Михола» —(святый Николай); за тѣмъ они наперерывъ спѣшатъ къ подсвѣчнику, чтобы возжечь свои свѣчи. Затѣмъ опять читается та же молитва съ учащенными поклонами. Этого мало: нѣкоторые достаточные буряты бросаютъ къ подножію иконы мѣдныя и серебряныя монеты, каковыми жертвами стараются низвести благословеніе святителя на себя и на свой скотъ, который составляетъ главный предметъ заботъ ихъ, такъ какъ въ немъ заключается все ихъ богатство.

Послѣ праздничнаго богослуженія начинается гулянье, во время котораго горѣлка льется рѣкою. Буряты чуть ли не съ молокомъ матери всасываютъ страсть къ водкѣ и готовы пить ее во всякое время, а въ такой день, какъ праздникъ св. Николая, они считаютъ даже какъ бы грѣшнымъ для себя не выпить лишней чашки *араки*. Буряты не пьютъ изъ рюмокъ, а изъ красныхъ деревянныхъ чашекъ

(аяга), вывозимыхъ изъ Китая, которыя по формѣ своей похожи на наши блюдца. Въ такой чашкѣ можетъ вмѣститься отъ 3 до 5 нашихъ рюмокъ; чашка бурята осушается всегда залпомъ въ два пріема. Тостовъ у нихъ не бываетъ; простое «мэнду» (здравствуй, будь здоровъ) произносится передъ питьемъ каждой чашки араки. Если праздникъ бываетъ у русскихъ, то визитъ дѣлается бурятомъ и наоборотъ. Но такъ какъ св. Николай чествуется какъ русскими, такъ и бурятами, то празднество въ честь этого святаго бываетъ общее. Что касается до питья водки, то русскій валится съ четырехъ чашекъ, а бурятъ, истребившій водки вдвое болѣе,—никогда, и какъ бы онъ ни былъ пьянъ, ему лиха-бѣда дотащиться до своей лошади, на которой онъ, безстрашно качаясь изъ стороны въ сторону, но не теряя равновѣсія, несется къ своимъ юртамъ. Дома объявляется женѣ о прибытіи гостей, начинаются приготовленія—и черезъ нѣсколько часовъ въ юртѣ идетъ пиръ на славу. Такъ встрѣчается и провожается праздникъ св. Николая забайкальскими монголо-бурятами- ламаитами.

При рожденіи ребенка въ бурятской семьѣ, соблюдаются слѣдующіе обряды: родитель, приглашая къ себѣ ламу, проситъ его сдѣлаться *найджіемъ*, т. е. духовнымъ наставникомъ новорожденнаго младенца. Лама, разсмотрѣвъ астрономическія буддійскія книги, говоритъ напр.: «сынъ родился въ лѣто древеснаго коня, имѣющаго 4-й зеленый родимый знакъ мынгэ» *). Потомъ назначаетъ ему имя, и со дня рожденія его, въ продолженіи одного года читаетъ разныя книги, между прочимъ Банзаракца, чтобы быть новорожденному долголѣтнимъ и добродѣтельнымъ.

Буряты допускаютъ многоженство, но этимъ пользуются только зажиточные. Вторая жена должна во всемъ повиноваться первой

*) Мынгэ—девять знаковъ, означающихъ качества лѣтъ и дней въ буддійскихъ календаряхъ.

женѣ, какъ матери, и этимъ самымъ не нарушается миръ домашняго очага. Часто буряты высватываютъ невѣстъ своимъ сыновьямъ, когда тѣ находятся еще въ малолѣтствѣ, а это впослѣдствіи ведетъ къ ссорамъ и разводамъ. Женившійся обязанъ выплатить отцу невѣсты—*калымъ* преимущественно скотомъ. Плата эта, смотря по званію и состоянію родителей невѣсты, бываетъ иногда очень велика и уплачивается нѣсколько лѣтъ. Въ случаѣ развода, калымъ возвращается, и это служитъ поводомъ къ нескончаемымъ тяжбамъ. Случается и такъ, что воруютъ замужнихъ женщинъ, конечно съ ихъ согласія,—и тогда новая тяжба. Кровавой мести нѣтъ у бурятъ, и все можетъ кончиться сдѣлкою, если только обѣ стороны сойдутся въ условіяхъ.

Ламы, какъ мы уже говорили выше, занимаются, помимо своей духовной обязанности, леченіемъ тѣлесныхъ недуговъ; иногда къ ихъ помощи прибѣгаютъ и русскіе. Будучи знакомы съ народной медициною, они иногда лечатъ удачно, но не задумываются также и въ случаѣ неудачнаго леченія; тогда они прибѣгаютъ ко всевозможному шарлатанству: и къ отчитыванію, и къ нашептыванію, и къ разнаго рода заклинаніямъ. Чѣмъ богаче больной, тѣмъ больше усердствуютъ ламы въ шарлатанствѣ. Но когда, не смотря ни на какія ихъ штуки, для страждущаго наступаетъ послѣдній конецъ его жизни, ламы оставляютъ бездушный трупъ и передаютъ его попеченію родныхъ. Тѣло покойника обертываютъ кускомъ дабы, а лицо закрываютъ хадакомъ, согнувъ ноги покойнаго и приложивъ правую руку къ уху, стараясь придать ему видъ уснувшаго. Потомъ сваливаютъ трупъ въ уголъ юрты и набрасываютъ сверху тулупъ, а передъ бурханами зажигаютъ курительныя свѣчи. Главный лама отыскиваетъ въ священныхъ книгахъ, когда слѣдуетъ назначить день и часъ для погребенія. Мало того, онъ опредѣляетъ, какимъ образомъ долженъ быть погребенъ покойникъ, т. е. бросить ли его въ воду или въ лѣсъ, сжечь ли его, или просто,

закопать въ землю. Послѣ того лама, со всею своею прислугою, идетъ на кладбище, чтобы назначить мѣсто для могилы. Кладбища бурятъ бываютъ большею частію по близости ихъ кочевья, въ увалахъ на холмистой мѣстности. Маленькихъ же дѣтей хоронятъ иногда подлѣ юртъ; значительныхъ бурятъ вообще и ламъ—въ особенности на пригоркахъ и возвышенныхъ холмахъ. Тѣла ламъ иногда сожигаютъ и пепелъ въ глиняномъ сосудѣ ставятъ въ небольшихъ часовняхъ, построенныхъ изъ дерева, на вершинѣ холма или горы

По прибытіи ламы на кладбище, онъ отъискиваетъ то мѣсто, на которомъ, по указаніямъ священныхъ книгъ, должна быть вырыта могила для усопшаго. Тогда съ особенными молитвами онъ беретъ конецъ снурка, привязаннаго за голову лягушки, которую онъ тащитъ по землѣ; другой лама слѣдъ ея обозначаетъ рогомъ, называемымъ оронго, а третій углубляетъ черту остріемъ копья или стрѣлы. Очертивъ такимъ образомъ пространство земли для будущей могилы, главный лама беретъ связку моделей желѣзныхъ инструментовъ, употребляемыхъ бурятами въ ихъ домашнемъ быту, какъ-то: сошника, заступа, топора, ножа, иглы и проч., и каждымъ изъ нихъ ковыряетъ землю внутри обозначенной черты. Положеніе могилы всегда бываетъ съ востока на западъ, и покойника кладутъ головою на западъ, такъ, чтобы лучи восходящаго солнца падали прямо въ глаза усопшаго. Могилу роютъ не глубоко, едва только чтобы помѣстить гробъ; это вообще дѣлается на томъ основаніи, что у ламъ существуетъ повѣрье, требующее, чтобы тѣло покойнаго съѣли дикіе звѣри или хищныя птицы, иначе мертвецъ встаетъ и будетъ тревожить родныхъ, являясь ночью въ ихъ юрты. Ламы, по возвращеніи съ кладбища, усаживаются въ юртѣ покойнаго и возобновляютъ безконечный гурумъ (т. е. молебствіе), который продолжается до той минуты, когда вынесутъ тѣло покойнаго на кладбище, что иногда тянется до семи дней. И тогда какъ одни поютъ, пьютъ и ѣдятъ безъ устали, другіе приготовляютъ необходи-

мыя принадлежности для могилы. Изъ нихъ главныя—это лоскуты разноцвѣтныхъ матерій; эти лоскуты матерій ламы развѣшиваютъ по веревкамъ, свитымъ изъ конскаго волоса, натянутымъ между длинныхъ кольевъ, вбитыхъ кругомъ могилы. За могилу богатый бурятъ платитъ 81 барана; человѣкъ средняго состоянія 21, даже самый бѣдный не получаетъ могилы даромъ. За погребеніемъ слѣдуетъ длинный рядъ поминокъ и жертвоприношеній. У зажиточныхъ людей справляются они въ теченіи 49 дней, по утру, въ полдень и вечеромъ; а люди съ малымъ состояніемъ обязаны исполнить этотъ обрядъ по крайней мѣрѣ три раза:—въ 3, 7 и 49 день. При томъ поставляется за правило, чтобы первая жертва принесена была за три шага отъ юрты, вторая за шесть и такъ далѣе. Жертвенное животное дѣлится на многія части и одна изъ нихъ поступаетъ на долю души покойника и сожигается. Остальными частями пользуются ламы. Сверхъ того они получаютъ по животному за каждый совершенный ими обрядъ и общую благодарность за всѣ труды при поминкахъ. Сколь ни тяжки условія, но семейство покойнаго бываетъ радо, если только этимъ отдѣлывается.

По совершеніи религіознаго обряда, родные дѣлаютъ пиръ и угощаютъ пріѣзжихъ гостей.

Надъ могилою умершаго ставятъ надгробный памятникъ (деревянный срубъ). Памятникъ этотъ окрашиваютъ краскою и вырѣзываютъ на немъ разныя молитвы на тибетскомъ или монгольскомъ языкѣ. Памятникъ обвѣшиваютъ кругомъ разноцвѣтными лоскутками и ленточками и шелковыми или бумажными лоскутами, съ написанными на нихъ молитвами, для упокоенія души умершаго. Украшеніе памятника зависитъ отъ состоянія. За погребеніе ламамъ даютъ, смотря по состоянію,—богатые отдаютъ шубу покойника, лошадь, до 10 головъ разнаго скота, также даютъ и деньгами. Бѣдные даютъ—кто что можетъ. Родные поминаютъ умершаго ежегодно въ полнолуніи бѣлаго мѣсяца (на полнолуніе каждаго мѣсяца у

ламаитовъ бываетъ полное служеніе по ихъ вѣрѣ) и дѣлаютъ поминки по покойнымъ.

Нерѣдко ламы-тайновидцы, руководимые священными книгами, объявляютъ родственникамъ, что душа покойника, будучи чѣмъ-то недовольна, направила полетъ свой на чужую сторону и тамъ ищетъ сближенія съ душою избраннаго ею человѣка, или настоятельно требуетъ къ себѣ душу одного изъ родственниковъ своихъ, и ея только переселеніемъ можетъ быть успокоена въ новомъ мірѣ. При роковомъ этомъ объявленіи начинаются новыя жертвоприношенія, новые искупы, новые обѣты и гурумы, пожирающіе все добытое тяжелымъ трудомъ имущество кочевника-бурята.

Остается сказать нѣсколько словъ о забавахъ бурятъ. Буряты страстные охотники до картежной игры; иногда они совершенно разоряются, благодаря этой страсти. Играютъ они въ три листка и въ монгольскіе дурачки. За неимѣніемъ картъ, прибѣгаютъ къ старинной національной игрѣ въ *шагайки* (бараньи лодышки). Кости эти, взявъ въ руку, бросаютъ на полъ и, по расположенію ихъ, заключаютъ, по принятому въ игрѣ условію, о выигрышѣ или проигрышѣ.

Въ улусахъ, въ лѣтнее время, особенно во время праздниковъ, устраивается борьба, лошадиные бѣги, стрѣльба изъ лука. Знать бурятская сидитъ на войлокахъ, поджавши ноги и попивая *араки*, а охотники стараются передъ ними отличиться. Отличившимся выдается небольшая награда въ видѣ бумажнаго платка, полукирпича чаю, цѣлковый и проч. Но тутъ болѣе всего дѣйствуетъ самолюбіе и гордость побѣдителя, на котораго обращаются взоры степныхъ красавицъ, передъ которыми онъ рисуется по своему. Для борьбы бойцы выходятъ совершенно нагими. Бойцы, какъ пѣтухи, косятся другъ на друга, подходятъ медленно, потирая руки землею, которую время отъ времени схватываютъ съ полу, и затѣмъ, улучивъ минуту, когда противникъ проглазѣетъ, кидаются на него, схватываются

съ нимъ и стараются неожиданно сбить его съ ногъ сразу. Но если противники равносильны, то борьба продолжается очень долго. Потъ льетъ градомъ, кости хрустятъ, жилы напрягаются и наконецъ обезсиленный, запыхавшійся борецъ въ изнеможеніи падаетъ,—и противникъ, вставая съ него, торжественно окидываетъ взоромъ собраніе и медленно идетъ къ своей одеждѣ. Ему подносятъ араки и подзываютъ къ себѣ старики, чтобы похвалить, а иногда дать небольшой подарокъ. Противникъ, при общемъ смѣхѣ, исчезаетъ съ арены, но все-таки остается на празднествѣ. Даровое араки приманиваетъ охотниковъ изъ дальнихъ улусовъ. Сюда же являются пѣвцы, и монотоннымъ голосомъ поютъ свои импровизаціи, восхваляя силу борцовъ, степныхъ красавицъ, быстрыхъ коней и проч. Иногда поются пѣсни, переходящія устно изъ рода въ родъ.

XXV. Я К У Т Ы.

На дальнемъ востокѣ Сибири живутъ якуты, занимающіе пространство по Ленѣ и ея притокамъ, и къ востоку отъ Лены по Алдану и Колымѣ. Далѣе якуты встрѣчаются небольшими улусами у Удскаго Острога, Охотскаго порта и сѣверныхъ притоковъ Охотскаго моря. На крайнемъ сѣверѣ границы якутъ доходятъ до устья рѣкъ Яны, Индигирки и Колымы.

Область, которой Якутскъ служитъ главнымъ административнымъ центромъ, имѣетъ 71,358 квадратныхъ миль, или 3,4 2,656 квадратныхъ верстъ. На такое громадное пространство Якутской области приходится всего 221,977 душъ населенія, изъ числа которыхъ 111,198 мужскаго пола, 112,779 женскаго. Жители области состоятъ изъ русскихъ и якутовъ.

Якуты представляютъ замѣчательное явленіе покореннаго народа, навязавшаго побѣдителямъ свои обычаи и языкъ. Въ Якутскѣ несравненно болѣе говорятъ по якутски, чѣмъ по русски, ибо почти всѣ тамошніе ремесленники — якуты; всѣ няньки — якутки, и даже богатый русскій пушной торговецъ нерѣдко женится на якуткѣ Даже тунгузы и ихъ жены, живущіе въ пустынѣ между Якутскомъ

и Охотскомъ, говорятъ весьма чисто-по якутски. По русски же многіе якуты весьма плохо понимаютъ.

Якуты, занимающіе большую часть Якутской области, не суть первобытные обитатели этой страны; они пришельцы съ юга. Всѣ согласны въ томъ, что якуты татарскаго происхожденія, но никто исторически не доказалъ, какіе татары и когда переселились на берега рѣки Лены: судя по тому, что они далеко распространились по области и размножились, можно только съ достовѣрностію полагать, что они живутъ здѣсь давно.

Якуты вообще небольшаго роста, съ калмыцкимъ типомъ лица. Глаза у нихъ большею частію черные или темнокаріе, малые и узкіе; носы у нихъ частію искривленные, а большею частію широкіе и сплюснутые; волосы черные какъ смоль, жесткіе и щетинистые. Ростомъ они довольно высоки. Мужчины всѣ ходятъ остриженные, съ небольшими косами на затылкахъ, и голобородые; они въ молодые годы выдергиваютъ изъ бороды волосы щипцами. Женщины обыкновенно отличаются длинными волосами, заплетаемыми въ косы, малымъ ростомъ, менѣе грубыми чертами и широкими лицами.

Якуты народъ въ полномъ смыслѣ пастушескій; главное богатство его заключается въ многочисленныхъ табунахъ и стадахъ рогатаго скота, доставляющихъ якутамъ почти все необходимое для пропитанія и содержанія. Изобиліе пушныхъ звѣрей, обитающихъ въ безконечныхъ лѣсахъ, и прибыль, получаемая отъ продажи ихъ русскимъ, заохотили и пристрастили якутовъ къ звѣроловству, которымъ занимаются они съ неутомимымъ рвеніемъ и удивительнымъ искусствомъ. Съ самаго младенчества пріученные къ лишеніямъ всякаго рода и въ нихъ закаленные, якуты съ величайшимъ терпѣніемъ противостоятъ всѣмъ житейскимъ нуждамъ, неразлучнымъ съ суровымъ климатомъ ихъ земли. Между прочимъ, они кажутся почти совершенно нечувствительными къ стужѣ и почти до невѣроятной степени могутъ переносить голодъ.

ЖЕНЩИНА ЯКУТКА.

У якутовъ бываютъ жилища двоякаго рода: лѣтомъ уросы *), родъ легкихъ коническихъ шатровъ, составленныхъ изъ жердей, обтянутыхъ берестою; въ нихъ кочуютъ они по обильнымъ травою лугамъ, на которыхъ пасутся ихъ стада, между тѣмъ какъ хозяева стадъ запасаются на зиму нужнымъ количествомъ сѣна; съ наступленіемъ зимы переходятъ якуты въ свои теплыя юрты. Это родъ хижинъ изъ тонкихъ бревенъ, въ видѣ отрѣзанной пирамиды, покрываемой снаружи толстымъ слоемъ травы, глины, дерна и имѣющей размѣръ сообразно съ потребностями въ ней помѣщающихся. Въ такихъ жильяхъ окна замѣняются много что двумя, тускло освѣщающими внутренность ихъ, небольшими квадратными отверстіями, въ которыя зимою вставляютъ льдины, лѣтомъ вклеиваютъ рыбьи пузыри, а иногда пропитанную жиромъ бумагу. У бѣдныхъ глиняный полъ опускается внизъ обыкновенно на два или на три фута и плотно убивается, у богатыхъ—поднимается и выстилается досками. Дверь дѣлается по срединѣ и всегда къ востоку. Вдоль стѣнъ устраиваютъ изъ лежачихъ шестовъ широкія лавки, похожія на низкія полати, которыя вмѣстѣ служатъ и кроватями, и, по числу жильцовъ, по крайней мѣрѣ, женатыхъ, разгораживаются слегка на нѣсколько отдѣленій.

По срединѣ юрты, ближе къ дверямъ, ставится *чувалъ*, родъ очага или открытаго камина, съ трубою, проведенною въ кровлю; въ немъ горитъ безпрестанно огонь, для тепла въ юртѣ и для варки пищи. По стѣнамъ развѣшиваются платье, бѣлье и другая домашняя рухлядь, но во всемъ господствуетъ безпорядокъ и величайшая неопрятность. Внѣ юрты ставятъ кругомъ еще нѣсколько, подобнымъ образомъ построенныхъ, сараевъ для коровъ, которыя пользуются здѣсь тѣмъ преимуществомъ, что стоятъ подъ крышею и кормятся сѣномъ

---

*) На постройку такихъ уросовъ сдираютъ кору съ березъ большими листами, размягчаютъ ее посредствомъ варки и сшиваютъ вмѣстѣ; будучи снаружи бѣлы, а внутри желты, уросы представляютъ видъ весьма красивый и издали уподобляются испанскимъ холстинными шатрамъ.

а иногда, въ жестокіе морозы, ихъ помѣщаютъ даже въ юртѣ, въ переднемъ темномъ пространствѣ, по обѣимъ сторонамъ дверей. Лошади-же остаются всегда подъ открытымъ небомъ, и должны скудно питаться изсохшею осеннею травою, выгребая ее копытами изъ-подъ снѣга. Только въ случаѣ дальныхъ поѣздокъ кормятъ ихъ за нѣсколько дней сѣномъ для подкрѣпленія.

Хотя устройство якутскихъ жилищъ крайне несовершенно, однакожъ они въ полной мѣрѣ соотвѣтствуютъ здѣшнему климату, мѣстности и потребностямъ жильцовъ, а въ нѣкоторомъ отношеніи даже предпочтительнѣе появляющихся уже здѣсь кое-гдѣ русскихъ крестьянскихъ избъ, въ особенности потому, что на постройку юрты употребляются не настоящія бревна, а только одни древесные стволы. Равномѣрно и чувалъ, съ вѣчно пылающимъ огнемъ его, имѣетъ то преимущество, что, вытягивая безпрестанно воздухъ, нѣкоторымъ образомъ очищаетъ въ юртѣ атмосферу, напитанную всякаго рода испареніями. Словомъ, какъ бы то ни было, юрта удовлетворяетъ всѣмъ нуждамъ якута относительно удобства жизни, такъ что онъ спокойно проводитъ продолжительную ужасную зиму безъ страданій отъ холода. Днемъ мужчины ходятъ на охоту; женщины сидятъ вокругъ чувала, обдѣлываютъ звѣриныя кожи, шьютъ платье, вьютъ веревки, вяжутъ сѣти, и т. д., а вечеромъ, когда вся семья собирается вмѣстѣ, курятъ табакъ, пьютъ кумысъ и въ ужасномъ количествѣ ѣдятъ, съ свѣжимъ или прогорклымъ жиромъ, хорошо уваренную сосновую размазню. Случается, что въ это время князецъ, или старшина, разбираетъ небольшіе споры между своими; дѣла поважнѣе поступаютъ къ головѣ цѣлой волости, или улуса. День заключаетъ нерѣдко какой нибудь шаманъ, который, въ полночь, у тлѣющихъ на чувалѣ угольяхъ, совершаетъ свои заклинанія, для отысканія заблудившейся скотины, для изцеленія отъ какой либо болѣзни, или испрошенія помощи у духа въ предстоящемъ пути и другихъ пред-

пріятіяхъ, — иногда даже для прекращенія долговременной тяжбы, неоконченной обыкновеннымъ порядкомъ.

Жилища якутовъ разбросаны одно отъ другаго на весьма большія разстоянія.

Послѣ долгаго странствованія въ якутскихъ селеніяхъ, путешественники возвращаются домой съ тяжелымъ запахомъ, которымъ не только одежда, но и сами они сильно пропитываются въ туземныхъ юртахъ, гдѣ рядомъ съ хозяевами, за перегородкою, всегда помѣщается зимою всякій домашній скотъ. Отъ тяжелаго запахая кутскихъ юртъ можно освободиться не иначе какъ послѣ неоднократнаго провѣтриванья и паренья въ русской банѣ. Съ такимъ же запахомъ бываютъ почти всѣ вещи и произведенія природы, даже ягоды, привозимыя въ городъ изъ якутскихъ селеній. Не говоря уже о мягкой рухляди, запахъ этотъ крѣпко пристаетъ къ деревянной посудѣ и костянымъ издѣліямъ якутовъ.

Всѣ якуты, какъ мужчины, такъ и женщины, какъ князьки, такъ и простолюдины, и зимою, и лѣтомъ ходятъ въ однихъ и тѣхъ же національныхъ охабняхъ, застегиваемыхъ въ одинъ рядъ, а иногда и въ два ряда гладкими мѣдными пуговицами, въ одинаковыхъ мѣховыхъ шапкахъ—*чабакахъ*—съ широкими на затылкахъ и на ушахъ отводами, въ кожаныхъ узкихъ штанахъ (*сутуры*), и въ такой же обуви, называемой *торбасами*. Князьки отличаются отъ прочихъ богатымъ, суконнымъ, а иногда и бархатнымъ костюмомъ и серебрянымъ поясомъ съ разными чеканенными на немъ фигурами. На шею надѣваютъ галстуки изъ бѣличьихъ хвостовъ, а на руки рукавицы, по большей части изъ лисьихъ лапъ, шерстью вверхъ; у нихъ близъ ладони дѣлается прорѣха, въ которую, не снимая рукавицы, высовываютъ руку, если нужно что нибудь сдѣлать на морозѣ голою рукою. Нижнее платье дѣлается изъ замши, чрезвычайно короткое, гораздо выше колѣнъ; къ нему надѣваютъ такъ называемыя сутуры, простирающіяся до пятокъ и привязываемыя ремнями къ исподнему платью,

на которомъ для того дѣлаются кольца. На голыя ноги надѣваютъ заячьи головки, а сверху торбасы изъ оленьихъ или лошадиныхъ лапъ. Подъ колѣномъ и повыше лодыжки они перевязываются ремнями.

Одежда женская во всемъ походитъ на мужскую, только шуба или кафтанъ подлиннѣе; въ ушахъ носятъ онѣ преогромныя серебряныя или мѣдныя серьги, которыя въ продолженіи времени нерѣдко разрѣзываютъ ухо. На шею надѣваютъ серебряное ожерелье шириною въ палецъ, на руки — зарукавья. Во время праздниковъ, на голову подъ шапку надѣваютъ повязку, отъ которой идутъ по спинѣ два широкіе ремня, покрытые серебряными чеканенными пластинками. Таковые же ремни нерѣдко висятъ и спереди. Шапка такая же какъ у мужчинъ, но съ тѣмъ различіемъ, что верхъ ея бываетъ вышитъ серебромъ. Шапокъ при встрѣчѣ другъ съ другомъ не снимаютъ, а встрѣтившись другъ съ другомъ, говорятъ: капсé, т. е. разсказывай.

Вмѣсто серебряныхъ поясовъ, многіе мужчины и женщины носятъ широкіе шелковые кушаки. Торбасы (сапоги) у всѣхъ бываютъ обвиты ремнями, а у богатыхъ, кромѣ ремней, украшаются около колѣнъ серебряными узорами съ бисеромъ.

Праздничные охабни или темно-зеленаго, или синяго цвѣта, у многихъ подбиты мѣхами, и всегда съ красными суконными пропвами на полахъ и подолахъ, на рукавахъ и воротникахъ; а у бѣдныхъ охабни изъ толстаго бѣлаго сукна съ красными же, или большею частію съ черными плисовыми пропвами. Длиною охабни всегда нѣсколько ниже колѣнъ, рукава у плечъ очень широкіе, а пониже умѣренные. Задъ всегда бываетъ съ прорѣзомъ, обшитымъ также красными или черными полосами; прорѣзъ обыкновенно дѣлается съ подола до самаго пояса, или кушака, чтобы удобнѣе ѣздить верхомъ, ибо верховая ѣзда въ быту якутскомъ необходима какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ.

Зимою, сверхъ шубы и зипуна, надѣваютъ якуты еще другую шубу, шерстью вверхъ, называемую *санаякъ*. Эта шуба дѣлается по

большей части изъ шкуръ тарбагана (сурка). Якутскія женщины сами шьютъ всѣ принадлежности одежды, и для себя, и для мужей, и для дѣтей. Нитки при этомъ употребляютъ иногда обыкновенныя, а большею частію сдѣланныя изъ скотскихъ жилъ. Всегдашнее рабочее платье у бѣдныхъ якутовъ изъ коровьихъ и телячьихъ кожъ.

Пища якутовъ состоитъ изъ кобыльяго и коровьяго молока, изъ конины и говядины, но только вареной; о жареніи и печеніи, также о хлѣбѣ якуты не имѣютъ никакого понятія. Жиръ считается у нихъ величайшимъ лакомствомъ, а самое неумѣренное пресыщеніе имъ—высочайшимъ блаженствомъ. Они употребляютъ его въ разныхъ видахъ: сырэй и топленый, свѣжій и испортившійся. Видя все достоинство только въ количествѣ, а не въ качествѣ какой бы то ни было пищи, пожираютъ все почти съ скотскою жадностью. Чтобы увеличить объемъ и придать нѣсколько вкуса пищѣ, они берутъ внутреннюю часть сосновой коры, а еще чаще лиственичной, оскабливаютъ ее, толкутъ мелко, мѣшаютъ съ рыбою, мукою, молокомъ, особенно съ жиромъ, варятъ изъ такой смѣси нѣчто похожее на розмазню, и пожираютъ въ ужасномъ количествѣ. Изъ коровьяго молока приготовляется у нихъ такъ называемое якутское масло, родъ сыра или творогу, на вкусъ кисловатаго, не очень жирнаго и составляющаго, даже безъ хлѣба, довольно вкусную пищу.

Высшее благо и высочайшее наслажденіе почитаетъ якутъ въ ѣдѣ: жирную говядину и топленое масло предпочитаютъ всему. Въ разговорахъ между собою нерѣдко вспоминаютъ о томъ, когда и гдѣ ѣли жирную говядину. Ѣдятъ и съ радости, и съ печали; больной на смертномъ одрѣ не откажется отъ жирнаго куска..

Въ маѣ мѣсяцѣ, когда проходитъ Лена, якуты идутъ на острова и тамъ бьютъ и ѣдятъ кротовъ, выгнанныхъ водою изъ норъ и спасающихся на деревьяхъ. Случилось однажды, что весь островъ потопило водою; якуты забрались на юрту, развели огонь и начали ѣсть кротовъ; между тѣмъ наплыла большая льдина, спихнувшая

юрту съ мѣста: якуты вскочили на льдину, забравъ кротовъ. Тридцать верстъ несло ихъ по рѣкѣ, пока льдина не пристала къ берегу; во все время они ѣли кротовъ, и послѣ друзьямъ своимъ о томъ разсказывали, какимъ блаженствомъ наслаждались они и въ какомъ страхѣ были въ одно и то же время.

Мясо составляетъ главнѣйшую пищу ихъ, и чѣмъ оно жирнѣе, тѣмъ лучше; потомъ молоко, въ разныхъ измѣненіяхъ. Если отелится корова или кобыла, то у мокраго еще дѣтенка вырѣзываютъ изъ-подъ копыта хрящикъ и съѣдаютъ его сырымъ; это считается величайшимъ лакомствомъ. Вообще якуты славятся обжорствомъ: самаго тощаго якута въ двѣ недѣли можно откормить какъ лошадь.

Якуты ѣдятъ часто полусырое, а иногда и совсѣмъ сырое мясо. Какъ мясо, такъ и рыбу они употребляютъ большею частію безъ соли и всегда безъ хлѣба. Самое любимое ихъ кушанье составляетъ конина. Многіе якуты, не бывавшіе въ Якутскѣ, хлѣба вовсе не знаютъ; а если и случается имъ покупать печеный хлѣбъ, то употребляютъ его вмѣсто лакомства, бережливо и немного. Какъ печеный хлѣбъ, такъ и муку якуты называютъ однимъ именемъ: *бурдукъ*. Бѣдные употребляютъ большею частію кислое молоко съ брусникою, также звѣриное мясо и кровь закалываемыхъ животныхъ.

Но самымъ національнымъ кушаньемъ считается прогорклый жиръ, и неумѣренное употребленіе его якутъ считаетъ за высшее блаженство, которое вообще онъ находитъ только въ ѣдѣ. Одинъ путешественникъ, Симпсонъ, призвалъ къ себѣ въ Якутскѣ двухъ извѣстныхъ ѣдоковъ и поставилъ передъ ними два пуда вареной говядины и пудъ растопленнаго масла. Каждому дали по пуду мяса, а масло велѣли пить или ѣсть ложками. Одинъ якутъ былъ старъ и опытенъ, другой молодъ и жаденъ; послѣдній вначалѣ одолѣвалъ своего товарища. «У него зубы хороши, сказалъ старикъ, но съ помощью святыхъ (и онъ перекрестился) я его скоро догоню».

Когда половина была съѣдена, Симпсонъ оставилъ своихъ гостей

подъ надзоромъ секретаря. Когда же онъ чрезъ два часа возвратился, секретарь доложилъ ему, что все было съѣдено, что подтвердили и растянувшіеся на полу обжоры, которые, цѣлуя землю, благодарили за обильный обѣдъ.

Послѣ такого турнира, бойцы, какъ змѣи, три или четыре дня пробыли въ какомъ-то полусознательномъ состояніи, не пили и не ѣли, и только катались по полу, чтобы возбудить пищевареніе.

При каждой свадьбѣ двое такихъ искусныхъ ѣдоковъ должны увеселять гостей своимъ обжорствомъ. Одного угощаетъ женихъ, другаго невѣста — и сторона побѣдителя считаетъ это за хорошее предзнаменованіе.

Всѣ вообще якуты особенно любятъ пить *кумысъ*, приготовляемый изъ лошадинаго молока. Въ этотъ любимый всѣми татарскими племенами напитокъ, для большей пріятности и питательности, они прибавляютъ нетопленаго масла. Лѣтомъ, для питья якуты носятъ съ собою кумысъ въ кожаныхъ сумахъ. Отъ долгаго употребленія его въ это время они очень толстѣютъ. Достаточные якуты пьютъ съ молокомъ кирпичный чай, изъ мѣдныхъ чайниковъ; у нѣкоторыхъ имѣются даже самовары и довольно хорошій чай.

Мужчины и женщины страстно любятъ курить табакъ, и притомъ самый крѣпкій, какой только могутъ достать, преимущественно черкасскій. Глотая весь табачный дымъ, они приходятъ отъ того въ какое-то опьянѣніе, которое иногда, ежели якутъ разъярится, производитъ пагубныя слѣдствія. Русскіе закупщики мягкой рухляди, пользуясь страстью якутовъ, ставятъ водку и табакъ важнѣйшими предметами въ торговыхъ съ ними сношеніяхъ.

Вѣру якуты исповѣдуютъ христіанскую, но исполняютъ только одни наружные ея обряды, продолжая вѣрить своимъ шаманамъ и придерживаясь языческихъ суевѣрій.

Въ юртахъ держатъ они деревянныхъ болванчиковъ съ корольковыми глазами, обшитыхъ берестою; но этимъ домашнимъ пена-

тамъ поклоненія никакого не воздаютъ, а во время ѣды говядины все лицо идоловъ вымазываютъ жиромъ.

Солнце и огонь почитаютъ болѣе всего, и признаютъ ихъ за существа живыя, которыя могутъ имъ дѣлать что захотятъ, а потому послѣднему всегда приносятъ жертву, бросая въ огонь предъ начатіемъ ѣды лучшій кусокъ и также отливая на него нѣкоторую часть изъ питья. Если при этомъ случаѣ на огнѣ щелкнетъ, то это предвѣщаетъ большое несчастіе, во избѣжаніе котораго стараются умилостивить огонь новою жертвою. Солнцу же никакихъ жертвъ не приносятъ, потому что не видятъ отъ него зла.

Нѣкоторые якуты, равно и тунгусы, живущіе въ Якутской области и исповѣдующіе христіанство, благочестивы и оказываютъ почтеніе священникамъ, какъ служителямъ божіимъ; заранѣе приготовляются къ ихъ встрѣчѣ, очищаютъ для нихъ свои жилища, омываютъ всякую посуду, постятся, постилаютъ и въ жилищахъ и на дорогѣ лучшее сѣно, выходятъ къ нимъ на встрѣчу, кланяются имъ въ ноги, просятъ у нихъ наставленій и слушаютъ ихъ съ благоговѣніемъ. По прибытіи къ якутамъ, священники обыкновенно исполняютъ требы: крестятъ младенцевъ, а иногда и взрослыхъ, исповѣдываютъ и, по усмотрѣнію, пріобщаютъ св. Таинъ, отпѣваютъ умершихъ, давно уже похороненныхъ, вѣнчаютъ брачущихся вокругъ чистаго стола, на которомъ полагаются крестъ и евангеліе, а вмѣсто вѣнцовъ на главы возлагаютъ малые обыкновенные, металлическіе кресты со шнурками.

Большинство, однако, придерживается шаманства, которое болѣе всего, конечно, поддерживается жрецами этой религіи—*шаманами.*

Главныя черты якутскаго характера суть: мстительность, сутяжничество, необходительность и скрытность. Якутъ никогда не забываетъ претерпѣнной обиды, и если самому не удастся отмстить, непремѣнно передаетъ мщеніе своему сыну или ближайшему родствен-

ЯКУТСКАЯ НАРТА.

нику. Страсть якутовъ къ тяжбамъ безпредѣльна: только представилась бы возможность затѣять нѣчто похожее на жалобу или доносъ,—они тотчасъ готовы ябедничать, и мало того, что тѣмъ докучаютъ всякому проѣзжему, имѣющему, по ихъ предположеніямъ, нѣкоторую значительность, но часто предпринимаютъ еще обременительныя и убыточныя для себя поѣздки, чтобы завести только тяжбу, нерѣдко изъ-за пустяковъ.

Необходительность и скрытность, побуждающія ихъ селиться болѣе разсѣянно, нежели въ совокупности между собою, представляютъ, впрочемъ, весьма разительную противуположность съ гостепріимствомъ и радушною предупредительностью, какую они оказываютъ проѣзжимъ. Путешественникъ, проѣзжающій по якутскимъ пустынямъ, найдетъ въ каждомъ, изъ разбросанныхъ, на огромномъ разстояніи, жильѣ радушное гостепріимство и готовность подѣлиться съ нимъ, чѣмъ только богаты хозяева.

При первомъ взглядѣ на якутовъ, можетъ показаться, что они ни о чемъ не думаютъ, между тѣмъ они только притворяются, а на самомъ дѣлѣ все знаютъ, что имъ нужно и можно знать по своему положенію. Они очень осмотрительны, внимательны ко всему и догадливы; почти никогда не даются въ обманъ русскимъ; а русскіе, напротивъ, бываютъ ими обманываемы, принимая ихъ притворство за искренность. Якуты очень пристрастны къ хлѣбному вину, къ табаку, къ игрѣ въ карты, къ борьбѣ и пляскѣ, къ разсказамъ и баснямъ, въ которыхъ герои у нихъ слывутъ «желѣзными». Якуты курятъ табакъ изъ своихъ складныхъ трубокъ, играютъ въ карты до самозабвенія и проигрываютъ другъ другу послѣднія деньги, скотъ и вещи.

Лѣность ихъ чрезвычайна, а гордость князцевъ выходитъ изъ предѣловъ; въ прежнія времена при князцѣ, ѣдущемъ верхомъ, было нѣсколько скороходовъ; теперь это обыкновеніе вывелось отчасти. Страсть къ воровству и картежной игрѣ повальна; тутъ и мо-

шенникъ считается человѣкомъ умнымъ. Плутни старшинъ довели якутовъ до крайности: они содержатъ бѣдныхъ въ совершенномъ рабствѣ, затрудняютъ имъ способы идти въ городъ пріобрѣсть что нибудь работою, а чрезъ то дѣлаютъ ихъ вѣчными своими работниками. По древнему обычаю, якутъ до тѣхъ поръ не можетъ привести жены своей отъ тестя домой, пока не выплатитъ ему *калыма*, или условленной цѣны, уплата которой продолжается иногда нѣсколько лѣтъ.

Хотя якуты, по христіанскому закону, и не должны имѣть болѣе одной жены, однакоже рѣдкіе изъ нихъ не имѣютъ двухъ, на что наши священники смотрятъ сквозь пальцы, употребляя только одно увѣщаніе къ соблюденію одноженства.

Обычай женить дѣтей еще въ малолѣтствѣ существуетъ и между якутами, однакоже нѣкоторые молодые люди находятъ сами себѣ невѣстъ. Въ этомъ случаѣ, съ согласія родителей, посылается сватъ къ отцу невѣсты и договаривается о калымѣ и приданомъ, которое бываетъ всегда въ половину противъ калыма; въ то же число включается и лошадиное мясо. По окончаніи договора, спрашиваютъ у невѣсты, согласна ли она выйдти за такого-то замужъ? Молчаніе невѣсты означаетъ согласіе. Тогда утверждается договоръ и назначается время для пріѣзда жениха, что обыкновенно бываетъ зимою, чтобы мясо не портилось, и въ первыхъ числахъ рожденія новой луны. Съ женихомъ пріѣзжаютъ обыкновенно родственники его и друзья, безъ женщинъ, съ подарками, состоящими въ скотѣ, конскомъ мясѣ и нѣкоторой части калыма. По пріѣздѣ, женихъ входитъ въ юрту и становится по правую сторону комелька, а отецъ съ матерью—по лѣвую, шаманъ сидитъ уже на отцовской кровати. Обрядъ начинается возліяніемъ: женихъ становится на правое колѣно и льетъ на огонь топленое масло, потомъ, приподнявъ шапку, киваетъ трижды головою. Тогда шаманъ провозглашаетъ, чтобы онъ

ЯКУТСКАЯ ДЕРЕВНЯ.

былъ зятемъ счастливымъ и прижилъ бы съ женою своею множество дѣтей, размножилъ бы скотоводство и сдѣлался богатымъ человѣкомъ. По окончаніи церемоніи, женихъ выходитъ вонъ, снимаетъ съ себя дорожное платье, надѣваетъ праздничное и входитъ въ юрту со всѣмъ своимъ поѣздомъ, пробирается къ невѣстиной кровати, садится на нее и закрывается досками. Во все время торжества невѣста сидитъ гдѣ нибудь въ сосѣдней юртѣ. Гости садятся и начинается ужинъ, послѣ котораго всѣ ложатся спать, или въ той же юртѣ, или уходятъ въ другую; женихъ же вступаетъ въ права мужа. По прошествіи трехъ сутокъ, гости разъѣзжаются, отдавши часть калыма и получивши отъ невѣсты часть приданаго и полное носильное платье для жениха и его отца. Спустя нѣсколько времени, а иногда и черезъ годъ, пріѣзжаетъ къ невѣстѣ мать женихова гоститъ столько же и выполняютъ тѣ же самые обряды, но не получаетъ въ подарокъ платья. Въ продолженіи того времени, какъ выплачивается калымъ, невѣста живетъ въ домѣ отца, но женихъ ѣздитъ къ ней когда ему угодно, и пользуется всѣми супружескими правами.

Когда калымъ будетъ совершенно выплаченъ, невѣста препровождается въ домъ жениха своими родственниками, при чемъ соблюдаются слѣдующіе обряды. Когда процессія приблизится къ юртѣ жениха (юрта строится новая), родственники завѣшиваютъ у невѣсты лицо горностаями, между тѣмъ два человѣка отправляются въ юрту женихова отца. При входѣ имъ подаютъ по кружкѣ кумысу, мѣрою около четверти ведра. Порядокъ требуетъ, чтобы они выпили всю кружку. Послѣ того они выходятъ вонъ, соединяются съ процессіею и ѣдутъ къ юртѣ жениха *). Невѣста при входѣ становится на правое колѣно, кладетъ на огонь масло, и дѣлаетъ три поклона; сидящій же тутъ шаманъ говоритъ тѣ же слова, какъ и преж-

*) Этотъ обрядъ соблюдаютъ и буряты.

де жениху. Послѣ того всѣ идутъ къ тестю и пируютъ. На другой день молодую вводятъ къ свекру въ юрту на поклонъ, затѣмъ отецъ ея отсылаетъ къ тестю подарки, во время принятія которыхъ шаманъ садится возлѣ женихова отца, надѣваетъ на него новую шапку, и, бросивъ часть изъ присланнаго масла на огонь, призываетъ духовъ, умершихъ шамановъ и шаманокъ, проситъ, чтобы они изливали свои милости на вновь сочетавшихся. По окончаніи заклинанія, принесшимъ подарки подаютъ по кружкѣ кумысу, и они уходятъ. Вечеромъ собираются уже къ отцу жениха мужчины и женщины, и пируютъ при различныхъ играхъ: бѣганіи, борьбѣ, прыганіи и конскихъ скачкахъ. При этомъ съ обѣихъ сторонъ выставляются обжоры, которыя съѣдаютъ невѣроятное количество мяса и выпиваютъ фунтовъ по десяти и болѣе топленаго масла съ кусками жиру, стараясь каждый превзойти своего соперника.

На третій день начинаются взаимные подарки, и если они хоть немного не удовлетворяютъ ожиданія, то новые родственники остаются на всю жизнь врагами. При бракахъ разсматривается только родство по мужскому колѣну, женское въ уваженіе не принимается; нисходящая линія, даже до десятаго колѣна, не можетъ вступить между собою въ бракъ. Но, съ другой стороны, отецъ съ сыномъ, братъ съ братомъ могутъ жениться на родныхъ сестрахъ, даже дядя можетъ жениться на родной племянницѣ.

Когда языческіе обряды кончатся, то новобрачные вѣнчаются въ первый пріѣздъ священника въ ихъ улусъ. Случается нерѣдко, что женихъ и невѣста расходятся, прижившіи уже нѣсколько дѣтей. Бываетъ также, что якутъ беретъ и другую жену при жизни первой, но въ этомъ случаѣ бракъ совершается при однихъ языческихъ обрядахъ.

Якуты, а по преимуществу якутки, изъявляютъ дружбу свою къ ближнимъ и особенно любовь къ дѣтямъ по своему: обнимая, нюхаютъ ихъ голову, шею и самую одежду, но никогда не цѣлуютъ. Только

немногіе якуты, бывающіе часто въ городѣ и обращающіеся съ русскими, изрѣдка выражаютъ свою пріязнь къ нимъ поцѣлуями.

Обряды при родахъ и похоронахъ состоятъ въ слѣдующемъ.

Когда родится дитя мужескаго пола, то по зову отца собираются къ нему подъ вечеръ родственники и друзья, ѣдятъ убитую для этого случая скотину, а отецъ даетъ младенцу имя. При рожденіи же дочерей никакихъ праздниковъ не бываетъ.

Крещеніе совершается по пріѣздѣ священника въ улусъ.

Если якутъ умретъ, его въ тотъ же день и хоронятъ, положивши съ нимъ пары двѣ изъ его платья и убитую верховую лошадь съ приборомъ. Надъ могилою дѣлаютъ срубъ, который обносятъ заборомъ, на столбы вѣшаютъ нѣсколько конскихъ шкуръ съ головами. Потомъ объѣзжаютъ могилу на лошадяхъ три раза по теченію солнца. Ближніе родственники къ могилѣ не приближаются, но, стоя, въ отдаленіи до трехъ разъ производятъ жалобный крикъ. Юрта, гдѣ умеръ якутъ, оставляется, и всѣ его домашніе переходятъ въ новую потому что умершихъ они почитаютъ съѣденными дьяволомъ, а домы ихъ, съ тѣхъ поръ, жилищемъ бѣса, нашедшаго себѣ жертву. При погребеніи шамана кладется съ нимъ его платье, а подлѣ могилы вѣшаютъ разодранный бубенъ; вообще съ умершимъ кладутъ говядину и масло, полагая, что ему въ томъ будетъ нужда. Нѣкоторые изъ этихъ обрядовъ теперь оставлены. Священникъ отпѣваетъ умершаго въ могилѣ.

Зимою якуты всѣ почти дни и вечера проводятъ въ бесѣдахъ, въ разсказахъ басенъ и въ карточной игрѣ предъ своими комельками, поворачиваясь съ боку на бокъ; а жены ихъ, которыя вообще весьма трудолюбивы, занимаются въ это время разными рукодѣліями.

Зимою на голомъ земляномъ полу въ юртахъ передъ комельками вертятся всегда полунагіе и совсѣмъ нагіе ребятишки, которые, при появленіи русскихъ, выбѣгаютъ на встрѣчу къ нимъ на улицу, и смотря ни на какой морозъ.

Привычка къ холоду изумительна въ якутахъ. Они не берутъ съ собою въ самыя дальнія зимнія путешествія ни палатокъ, ни одѣялъ, ни даже большихъ шубъ. Во время путешествій якутъ носитъ свое обыкновенное платье, причемъ ночи проводитъ подъ открытымъ небомъ; разостланная на снѣгу попон служитъ ему постелью, а деревянное сѣдло подушкою. Мѣховой курткою, которая днемъ служила ему платьемъ и которую онъ снимаетъ на ночь, покрываетъ онъ свои плечи и спину, а переднею частью тѣла, почти совершенно раскрытою, оборачивается къ огню. Полежавъ такимъ образомъ и согрѣвшись почти до пота, якутъ затыкаетъ себѣ носъ и уши клочками шерсти и закрываетъ себѣ лицо, оставляя лишь маленькое отверстіе для дыханія. Вотъ все, что нужно якуту, чтобы не замерзнуть, во время сна при самыхъ сильныхъ холодахъ. Даже въ Сибири якутовъ называютъ желѣзными людьми. «Безчисленное множество разъ видѣлъ я, говоритъ Врангель, какъ якуты спали совершенно спокойно на открытомъ воздухѣ при 20° мороза. Короткая куртка свалилась съ плечъ, костеръ давно потухъ и все, почти обнаженно тѣло спящаго покрыто было толстымъ слоемъ инея».

Къ такой терпѣливости якуты привыкаютъ съ самаго младенчества. У нихъ трои сутки или болѣе, по нѣсколько разъ въ день, натираютъ новорожденныхъ младенцевъ снѣгомъ или обливаютъ холодною водою съ слѣдующею поговоркою: «терпи холодъ—стерпишь холодъ; терпи стужу — стерпишь стужу». Якуты не имѣютъ обыкновенія тѣшить и нѣжить своихъ дѣтей: кладутъ ихъ нагихъ въ жесткія, почти голыя зыбки или въ корыта на бересту, съ подставленными внизу лотками для стока мочи; сверху прикрываютъ ихъ какими нибудь лохмотьями, кормятъ молокомъ съ водою, почти не укачиваютъ ихъ и не обращаютъ много вниманія на ихъ плачъ и вопли, думая даже, что чѣмъ больше кричитъ младенецъ, тѣмъ больше и скорѣе ростетъ. Дѣти до тѣхъ поръ ходятъ нагими, пока не станутъ сознавать стыда и закрываться сами. Тогда уже и родители

ЯКУТСКАЯ ВОЛШЕБНИЦА.

одѣваютъ ихъ въ платье изъ кожи коровьей или какой нибудь звѣриной, а по праздникамъ—въ синія рубашки.

Въ лѣтнее время якуты занимаются скотоводствомъ, сѣнокосомъ и рыбною ловлею, въ началѣ и концѣ зимы—ловлею бѣлокъ, лисицъ, бурундуковъ, а частію и соболей. Немногіе лишь обработываютъ землю и сѣютъ въ маломъ количествѣ ячмень, да и то по настоянію земскаго начальства.

Будучи по природѣ переимчивы, якуты дѣлаютъ по заказу и на продажу нѣкоторыя довольно красивыя вещи, особенно гребни, шкатулки, ящики изъ мамонтовой кожи съ рѣзьбою, употребляя для того только одинъ ножъ. Якуты, кромѣ своей одежды, шьютъ искусно узорчатые ковры изъ разноцвѣтныхъ коровьихъ кожъ и плетутъ изъ длинной травы, ситки, половики или постилки не только для себя, но и на продажу.

Способностью къ ремесламъ якуты превосходятъ всѣ сибирскіе народы, и нѣкоторыя якутскія издѣлія, особенно кинжалы и ножи, могли бы заслужить отличіе и на европейскихъ промышленныхъ выставкахъ. Ихъ желѣзныя издѣлія, отъ качества ли матеріала или превосходной обработки, не лопаются, качество, котораго не имѣютъ даже лучшія англійскіе топоры. Рукоятка якутскихъ кинжаловъ искусно украшается оловомъ, а ножны дѣлаются изъ бересты, обтянутой черной кожею; для прочности же ихъ сковываютъ жестяными полосами.

Говоря короче, они ловкіе мастера почти во всемъ: они искусные плотники и печники; деревянные дома строятъ такъ чисто и такъ плотно, что хоть бы лучшему мастеру. Изъ мамонтовой кости они очень хорошо дѣлаютъ гребни гребенки и разныя другія издѣлія. Въ городѣ Якутскѣ мебель работаютъ исключительно якуты; при недостаткѣ въ инструментахъ. трудности побѣждаютъ терпѣніемъ, и за все это они получаютъ самую ничтожную плату; можно сказать что работаютъ изъ одного только пропитанія. Якутки хорошія швеи, кухарки и работницы.

Вообще о якутахъ можно сказать, что они чрезвычайно остры и переимчивы. Скоро выучиваются читать и писать, и склонны къ художествамъ. Между ними былъ даже одинъ живописецъ, котораго работа видна и теперь во многихъ домахъ и церквахъ.

Богатство якутовъ состоитъ въ огромныхъ стадахъ рогатаго скота и въ значительномъ количествѣ лошадей. Лошади имъ служатъ для дальнихъ переѣздовъ и въ особенности для верховой ѣзды; въ домашнемъ же быту для перевозки тяжестей всегда служатъ волы, которыхъ запрягаютъ въ самую простую упряжь и правятъ посредствомъ поводьевъ, привязываемыхъ за деревянныя кольца, продѣваемыя въ ноздри животныхъ.

Якутскія лошади остаются на холодѣ даже въ то время, когда замерзаетъ ртуть. Ходя въ это время подъ открытымъ небомъ, онѣ разрываютъ копытами снѣгъ для добыванія себѣ пищи, состоящей въ это время изъ остатковъ побитой морозомъ осенней травы. Эти животныя, до невѣроятности пріученныя къ лишеніемъ всякаго рода, мѣняютъ шерсть, какъ и всѣ другія звѣри крайняго сѣвера. Лошади здѣсь всегда свѣжіе и сильныя, хотя во время трудныхъ, нерѣдко мѣсяца три длящихся путешествій питаются исключительно сухой полусгнившей травою. Онѣ до глубокой старости сохраняютъ зубы и несравненно долѣе остаются молодыми, чѣмъ наши лошади; круглымъ числомъ лошадь здѣсь служитъ 30 лѣтъ.

Звѣриная ловля есть вторая статья ихъ промышленности. На ловлю соболей отправляется немного якутовъ, по причинѣ отдаленности тѣхъ мѣстъ, гдѣ соболи водятся, отъ якутскихъ жилищъ. Богатые посылаютъ бѣдныхъ, давши имъ ружье, пороху и свинцу, да для пропитанія нѣсколько лошадей, коровъ и масла.

Самымъ лучшимъ промысломъ почитается тотъ, если работникъ добудетъ 20 соболей; всего же больше занимаются стрѣляніемъ бѣлки и ловлею лисицъ. Многіе изъ якутовъ, живущихъ въ сосѣдствѣ тунгусовъ, ламутовъ, юкагировъ, получаютъ пушныхъ звѣрей разны-

ми обманами отъ этихъ простодушныхъ людей. Сначала стараются ихъ задолжить чѣмъ нибудь, напр. съѣстнымъ въ голодное время и проч., послѣ сего бѣднякъ дѣлается уже ихъ вѣчнымъ должникомъ, и хоть чувствуетъ всю тягость, отъ того происходящую. но переноситъ терпѣливо. Тѣ же изъ якутовъ, которые для торговли пробираются въ Удской край, мало того что совершенно обираютъ пьяныхъ тунгусовъ, но, разъѣзжая по звѣроловнымъ мѣстамъ вынимаютъ попавшагося въ ловушки звѣря. Когда же придетъ время тунгусу платить ясакъ, якутъ снабжаетъ его пушными звѣрями, у него же взятыми, и оставляетъ опять своимъ должникомъ.

Надо замѣтить, дикари рубятъ звѣрей безъ пощады, отчего промыслы съ каждымъ годомъ уменьшаются.

Кромѣ означенныхъ промысловъ, якуты доставляютъ въ Якутскъ на убой скотъ и продаютъ купцамъ коровъ и кожи для обшивки тѣхъ товаровъ, которые идутъ въ Охотскъ, Колыму и далѣе. Земледѣліемъ рѣшительно ни одинъ якутъ не занимается, хотя ярица и поспѣваетъ, а гималайскій ячмень могъ бы родиться очень хорошо, что доказано опытомъ близъ Якутска.

XXVIII. ТУНГУСЫ И ЮКАГИРЫ.

Сибирскіе казаки узнали тунгусовъ въ началѣ XVII вѣка подъ этимъ именемъ отъ остяковъ. Жизнь тунгусовъ не измѣнилась и до настоящаго времени; теперь, какъ и прежде, встрѣчаются между ними 1) занимающіеся скотоводствомъ и даже хлѣбопашествомъ; 2) занимающіеся рыбнымъ промысломъ и ѣздящіе на собакахъ,—и 3) собственно оленные или кочевые тунгусы.

Образъ жизни осѣдлыхъ тунгусовъ совершенно различенъ отъ кочевыхъ. Осѣдлые тунгусы имѣютъ въ своихъ поселеніяхъ небольшія постройки, примѣняясь къ удобствамъ нашихъ крестьянскихъ домовъ и нѣсколько прихотливой отдѣлки; кромѣ общаго семейнаго помѣщенія, вы найдете у каждаго тунгуса отдѣльную, чистую комнату, собственно для пріема почетнаго гостя. Печи, соображаясь съ родомъ приготовленія пищи, считаются ненужными, и онѣ замѣняются обыкновенно камельками, тщательно обмазанными и выкрашенными глиною. Въ окнахъ, за неимѣніемъ на сѣверѣ Сибири стеколъ, употребляются слюда и очищенные нерпичьи пузыри, а въ случаѣ необходимости вставляется толстый ледъ. Вообще хозяйство осѣдлыхъ тунгусовъ приближается къ русскому сельскому быту, даже въ отношеніи скотоводства, не смотря на то, что весьма немногіе

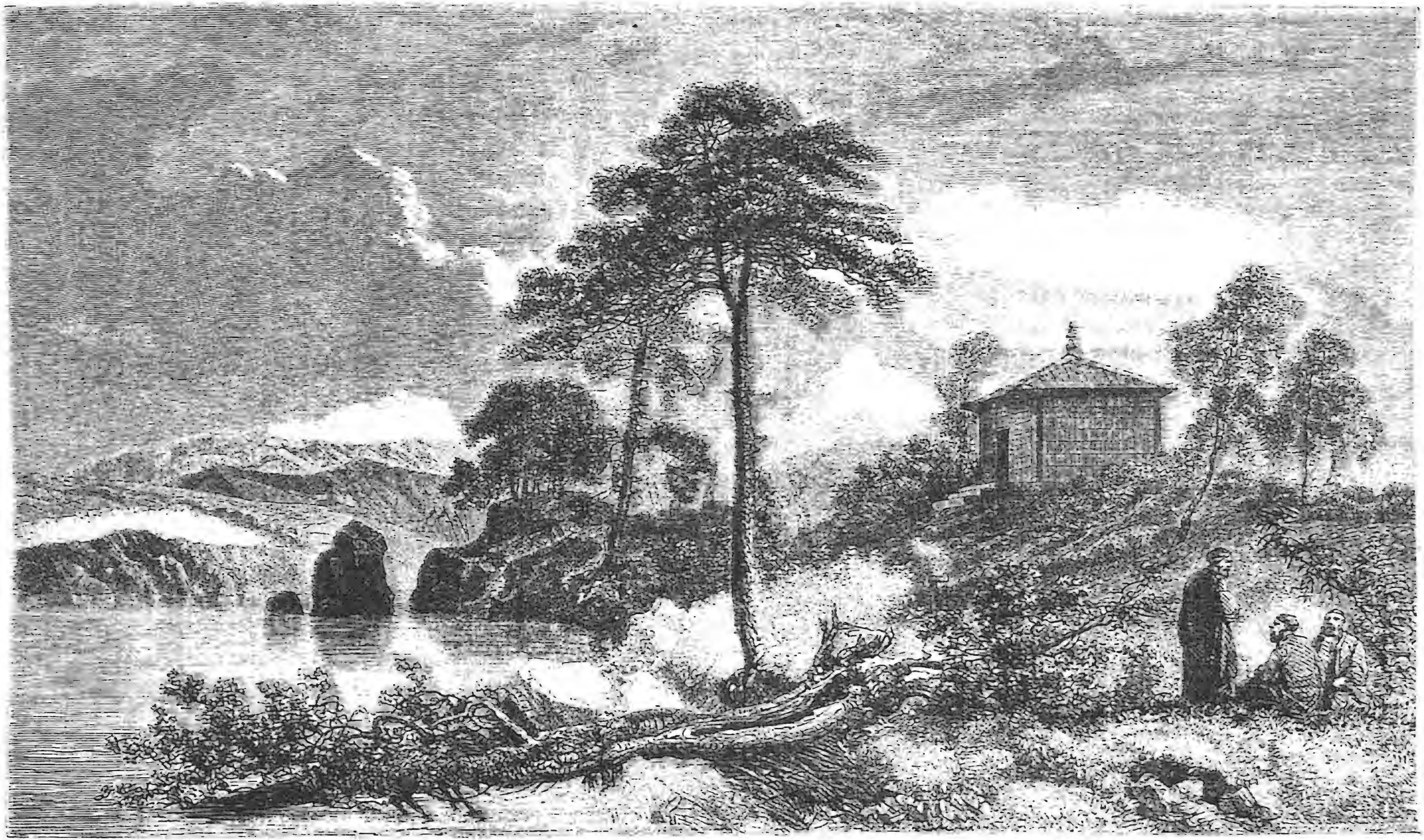
изъ нихъ привыкли къ этому роду занятій. Вѣроятно, понимая всѣ преимущества, которыми пользуются исключительно люди, постоянно живущіе на мѣстѣ, осѣдлые тунгусы охотно улучшаютъ бытъ свой, и такимъ образомъ обращаютъ на себя вниманіе кочевыхъ инородцевъ. Одежда ихъ заключается въ оленьихъ шкурахъ, пріобрѣтаемыхъ ими мѣною на разные припасы у оленныхъ тунгусовъ главное продовольствіе—рыба съ примѣсью жира морскихъ звѣрей, промыселъ которыхъ составляетъ первое богатство прибрежныхъ населеній.

Наконецъ есть тунгусы сидячіе, не имѣющіе оленей и домашняго хозяйства; образъ жизни ихъ, при недостаткахъ, которые они претерпѣваютъ, заслуживаетъ состраданія. Жилища ихъ состоятъ большею частію изъ такихъ землянокъ или юртъ, помѣщеніе въ которыхъ въ зимнее время можетъ быть допущено только при тяжелыхъ условіяхъ того животнаго состоянія, въ которомъ эти люди остаются по причинѣ нищеты. Одежда пріобрѣтается ими отъ оленныхъ тунгусовъ въ видѣ подаянія, а дневную пищу ихъ составляетъ рыба, добытая въ теченіи дня; въ случаѣ же неулова рыбы, нерѣдко бываетъ, что они по нѣскольку дней остаются безъ продовольствія. Все ихъ достояніе состоитъ въ шести или осьми собакахъ, съ помощію которыхъ они переѣзжаютъ съ одной рѣчки на другую для рыбной ловли, единственно поддерживающей ихъ существованіе.

Только одна крайняя нужда можетъ заставить тунгуса бросить свою свободную жизнь въ лѣсахъ, потому что тунгусъ—кочевникъ со всею страстью души; уже черезъ нѣсколько дней онъ переноситъ свою палатку на другое мѣсто, и утверждаетъ, что не существуетъ худшей доли, какъ жить постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ по русски или якутски. Своею безаботностію и веселостію, подвижностію, ловкостію и остротою, пріятностію и веселымъ юморомъ, тунгусъ отличается отъ всѣхъ прочихъ сибирскихъ племенъ: мрачнаго самоѣда, неуклюжаго остяка, кислаго, непривѣтливаго якута, и по-

тому тунгуса можно назвать французомъ тундры и лѣса. Нравственно онъ впрочемъ гораздо хуже, ибо хитеръ и пронырливъ. Одежда тунгуса очень соотвѣтствуетъ его подвижности, и въ то же время показываетъ его легкомыслiе. Онъ не одѣвается въ неуклюжую шубу изъ шкуръ сѣверныхъ оленей, а изъ тѣхъ же шкуръ шьетъ себѣ особый костюмъ, обыкновенно изукрашенный бусами, полосками сукна и конскими волосами, и на столько узкiй, что едва можно застегнуть, ибо по тунгусской модѣ нужно оставлять грудь открытою, чтобы видна была расшитая бусами нижняя одежда, покрывающая грудь. На головѣ тунгусъ носитъ татарскую ермолку, всю унизанную бусами. Короткiя, доходящiя до колѣнъ панталоны, изъ тонкой замши, и башмаки, точно также украшены полосками изъ бусъ; на плечахъ виситъ ожерелье изъ бусъ съ мѣшечкомъ съ огнивомъ, трутомъ и кремнемъ. Наконецъ лента, обвивающая длинную косу, красиво унизана оловянными пуговицами, бусами и старыми мѣдными пружинами. Всѣ эти украшенiя тунгуски очень искусно нашиваютъ сухожильями сѣверныхъ оленей. Эти сухожилья сначала дѣлятся на волокна нужной толщины, потомъ размачиваются во рту, пока не утанутъ клейкими, и наконецъ концы волоконъ скручиваются ладонью на правомъ колѣнѣ. Признакомъ работящей женщины можетъ служить лоснящееся, покрытое клеемъ мѣсто на кожаныхъ панталонахъ. Работая, она куритъ крѣпкiй табакъ, и такъ какъ онъ на столько же дорогъ, на сколько дуренъ, то къ нему постоянно примѣшиваются мелкiя, постоянно свѣжiя сосновыя стружки. Сильно затянувшись, тунгуска выпускаетъ клубы дыма изъ носа.

Когда тунгусъ ѣдетъ верхомъ на своемъ сѣверномъ оленѣ по лѣсу (при этомъ онъ сидитъ такъ гордо на своемъ оленѣ, какъ будто они созданы другъ для друга) или отправляется на охоту за дичью по болотамъ, тогда естественно онъ снимаетъ нѣкоторыя украшенiя, ибо бусами унизанные башмаки въ такое время не могутъ выполнять своей цѣли. Тунгусъ надѣваетъ тогда свои длинные непромы-



ТУНГУЗСКІЙ ХРАМЪ НА АМУРѢ.

каемые сапоги (сари), которые пропитываются теплымъ рыбьимъ жиромъ. Для этой цѣли набираютъ жиръ въ ротъ и мелкими брызгами вспрыскиваютъ кожу.

Охотничьи снаряды тунгуса необыкновенно просты. Топоръ для рубки лѣса, котелокъ, кожаный мѣшокъ съ небольшимъ количествомъ вяленаго мяса, собака, короткое ружье, лыжи и очки для снѣга: вотъ-все, что нужно маленькому, некрасивому, съ выдающеюся челюстью, съ желтымъ, полосами натаитурованнымъ, лицомъ тунгусу для того, чтобы идти въ лѣсъ. Лыжи, въ 5 футовъ длиною и 4 дюйма шириною, имѣютъ видъ лодки съ загнутымъ вверхъ носомъ. Съ помощью лыжъ, онъ какъ стрѣла носится по ослѣпительно бѣлой поверхности и защищаетъ, какъ и якутъ, свои глаза отъ отраженія снѣга весьма красиво сплетенною изъ черныхъ конскихъ волосъ частою сѣтью.

Само собою разумѣется, что вѣчно-кочующему оленному тунгусу нужно имѣть переносное жилище. Онъ покрываетъ свою палатку замшею или внутреннимъ слоемъ бересты, которому придаетъ гибкость кожи тѣмъ, что мнетъ его, коптитъ и держитъ на водяныхъ парахъ. Юрта осѣдлаго тунгуса по внутреннему расположенію похожа на якутскую, и состоитъ изъ квадратнаго пространства съ плоскою земляною крышею, и такой величины, чтобы оно быстро прогрѣвалось каминомъ изъ битой глины.

Относительно пищи и питья тунгусы вовсе неразборчивы, и пьютъ и ѣдятъ, что попадается. Одно изъ любимыхъ ихъ кушаній состоитъ изъ непереваренаго содержимаго желудка сѣвернаго оленя; прибавивъ къ нему ягодъ, они раскладываютъ его тонкими пластами на древесную кору и сушатъ на солнцѣ или вѣтрѣ. Тунгусы очень много употребляютъ кирпичнаго чая; они изъ него съ жиромъ и ягодами приготовляютъ густую кашицу. Отъ этого нездороваго кушанья тунгусы еще болѣе желтѣютъ, хотя желты по природѣ.

Весьма немногіе тунгусы обратились въ христіанство, большею же

частію они по-прежнему чтутъ своихъ шамановъ. Тунгусы не любятъ погребать умершихъ, а кладутъ покойниковъ, одѣтыхъ въ праздничное платье, въ большіе ящики, которые вѣшаются между деревьями. Охотничьи снаряды умершаго зарываются въ землю подъ ящикомъ. При погребеніи нѣтъ никакихъ празднествъ, развѣ шаманъ случится по близости: тогда прирѣзываютъ сѣвернаго оленя, который поѣдается шаманомъ и родственниками покойника, а духи наслаждаются запахомъ сожженнаго жира.

Какъ у остяковъ и самоѣдовъ, такъ и у тунгусовъ на женщину смотрятъ какъ на товаръ. Отецъ отдаетъ свою дочь за 20 или за 100 сѣверныхъ оленей, или же женихъ долженъ, какъ нѣкогда Іаковъ свою Рахиль, выкупить жену продолжительной кабалою. Многоженство здѣсь допускается, но немногіе могутъ себѣ позволить роскошь имѣть двухъ женъ.

Въ Восточной Сибири тунгусы вмѣстѣ съ якутами перевозятъ тяжести и путешественниковъ по неизмѣримымъ лѣсамъ, при чемъ путешественники не разъ имѣли случай подивиться тунгуской ловкости и веселости. Пріѣхавъ вечеромъ на ночлегъ, въ одно мгновеніе олени развьючены, сѣдла и вьюки уложены въ порядкѣ; узды и вожжи собраны и повѣшаны на древесныя вѣтви, голодное стадо исчезло въ лѣсной чащѣ: оно само позаботилось о своемъ кормѣ. Затѣмъ мужчины, ушедшіе съ топорами, притаскиваютъ на бивакъ пару срубленныхъ большихъ лиственницъ. Тонкія вѣтви обрубаются и складываются на снѣгу вмѣсто тюфяковъ; стволы кладутся на расчищенномъ для костра мѣстѣ. Потомъ изъ середины ствола выкалываются смолистыя сухія лучины, которыя трутомъ и сѣрою доводятся до тлѣнія. Этотъ пучекъ окружаютъ другими лучинами и хвоею, и всѣмъ этимъ весьма быстро и ловко машутъ по воздуху, пока не вспыхнетъ пламя. Котелъ, наполненный снѣгомъ, уже виситъ на толстой вѣтви, воткнутой въ землю, вкось по вѣтру около костра. Черезъ нѣсколько минутъ чай уже готовъ. Такъ какъ тун-

гусы каждый вечеръ все это дѣлаютъ одинаковымъ способомъ, то очевидно они мастерски къ этому приладились.

Спокойно сидя на оленьемъ сѣдлѣ, подъ которое подложены обрубленныя вѣтви, путешественникъ любуется игрою пламени, освѣщающаго то испэлинскіе стволы деревьевъ, то блестящія массы снѣга, или же наслаждается хороводомъ веселыхъ тунгусовъ, которые водятъ его подъ мелодическіе звуки пѣсенъ. Захочетъ путешественникъ подивится ловкости тунгусовъ въ играхъ, стоитъ ему сказать нѣсколько словъ, и роздать по нѣскольку глотковъ водки. Двое тунгусовъ держатъ веревку и вертятъ ее, но такъ, чтобы она не касалась земли. Въ то время третій тунгусъ прыгаетъ черезъ веревку, поднимаетъ лукъ и стрѣлу, натягиваетъ первый, пускаетъ послѣднюю и ни разу ни самъ не тронетъ веревки, ни она не коснется земли. Смѣлые тунгусы даже подставляютъ ноги острію меча, которымъ изо всей силы машетъ лежащій на землѣ тунгусъ.

Если же путешественникъ любитъ шахматную игру, то тунгусы и тутъ къ его услугамъ, ибо они (именно въ Колымскомъ округѣ) со страстью предаются этой игрѣ.

Какъ и всѣ другіе сибирскіе кочевники, тунгусы по крайней мѣрѣ разъ въ годъ посѣщаютъ различныя ярмарки, которыя бываютъ въ громадной области ихъ кочевьевъ — въ Киренскѣ, Олекминскѣ, Баргузинѣ, чрезвычайно живописной Читѣ и крайне печальномъ Охотскѣ. Очевидно, что на этихъ ярмаркахъ идетъ такая же торговля, какъ и на всѣхъ другихъ ярмаркахъ крайняго сѣвера, и предметы торговли одни и тѣ же, ибо и продукты, и потребности кочевниковъ почти вездѣ одинаковы. Тунгусъ страстно любитъ водку, и нерѣдко пьянѣетъ послѣ перваго стакана; онъ отдастъ за одинъ стаканъ водки всѣ свои мѣха, а за второй стаканъ не пожалѣетъ послѣдней своей верхней одежды (саннаякъ). Понятно что русскіе любятъ такихъ кліентовъ, и что многимъ тунгусамъ изъ-за водки пришлось сдѣлаться *промышленниками*. Православные торговцы пушнымъ

товаромъ, лучше всѣхъ своихъ купцовъ въ мірѣ умѣющіе пользоваться слабостями своихъ ближнихъ, охотно отправляются къ тунгусамъ—язычникамъ съ большимъ запасомъ водки.

Отъ тунгусовъ перейдемъ къ сосѣдямъ ихъ—юкагирамъ.

Дома обрусѣвшихъ юкагировъ построены довольно прочно, изъ бревенъ, и состоятъ по большей части изъ одной комнаты. Въ ней всегда на лѣво отъ входа, вмѣсто обыкновенной въ русскихъ избахъ печи, помѣщается чувалъ, или очагъ, гдѣ безпрерывно горитъ огонь для согрѣванія комнаты и очищенія воздуха. Въ одномъ изъ угловъ помѣщаются обыкновенно образа; по стѣнамъ развѣшиваются ружья, луки и стрѣлы; на полкахъ стоятъ горшки и другая посуда; по срединѣ ставится большой столъ, и широкія лавки идутъ по стѣнамъ комнаты.

Одежда юкагировъ соотвѣтствуетъ суровому климату. Мужчины и женщины одинаково носятъ парки, камлейки, и т. д., изъ оленьихъ шкуръ, съ тою разницею, что женщины повязываютъ голову платкомъ и на паркахъ дѣлается у нихъ откидной воротникъ изъ соболя или россомахи, а на мужскихъ бываетъ стоячій воротникъ изъ какого нибудь болѣе дешеваго мѣха. Впрочемъ женская одежда сшивается изъ шкуръ оленьихъ выпороткова, вырѣзанныхъ изъ живота самки, а мужская просто изъ молодыхъ оленей.

Въ очеркѣ лица юкагиры почти совершенно сходны съ русскими. Темные, почти черные глаза и волосы, продолговатое довольно правильное лицо и удивительная, особенно у женщинъ, бѣлизна тѣла, составляютъ отличительныя черты тѣхъ и другихъ. Вообще они стройны и средняго роста.

Въ характерѣ и образѣ жизни юкагировъ видѣнъ еще отпечатокъ легкаго, беззаботнаго, веселаго расположенія духа кочеваго народа; у нихъ сохранилось во всей чистотѣ радушное гостепріимство, какъ равно и нѣкоторыя другія добродѣтели, исчезающія съ дальнѣйшимъ образованіемъ. Къ несчастію, отъ сообщенія съ русскими, на которыхъ

смотрятъ они какъ на своихъ поработателей, между юкагирами вкоренились притворство и скрытность, и особенно въ торговлѣ всегда стараются они обмануть противную сторону.

Юкагиры страстные любители музыки. Каждый изъ нихъ, молодой или старый, играетъ на скрипкѣ или на балалайкѣ *). У женщинъ довольно чистые и пріятные голоса, но въ напѣвахъ ихъ пѣсень есть что-то особенное, неправильное и дикое, сначала непріятное для слуха, но впослѣдствіи оно можетъ нравиться. Вообще юкагиры при пѣніи импровизируютъ не только слова пѣсенъ, но и самые напѣвы, и потому здѣсь нѣтъ никакихъ народныхъ, общихъ мелодій. Не смотря на такое разнообразіе въ музыкальномъ отношеніи, смыслъ пѣсенъ юкагирскихъ женщинъ почти одинъ и тотъ же, т. е. жалобы на невѣрность или отсутствіе возлюбленнаго. Иногда упоминается при томъ о соловьѣ, сизокрыломъ голубкѣ, рѣшетчатыхъ окнахъ и другихъ предметахъ, нынѣ юкагирамъ совершенно не извѣстныхъ. Можетъ быть, эти понятія принесены сюда предками юкагировъ изъ другихъ, болѣе благословенныхъ странъ. Надобно замѣтить, что въ пѣсняхъ никогда не упоминаются преданія страны, хотя туземцы разсказываютъ много чудеснаго о похожденіяхъ своихъ предковъ. Мужчины воспѣваютъ собственные подвиги, напоминаютъ убитаго оленя, медвѣдя, или преодолѣнную опасность, превознося притомъ самыми лестными выраженіями свое мужество, силу и ловкость.

Все существованіе бѣдныхъ жителей здѣшней безплодной страны зависитъ единственно отъ охоты, и именно оленей, доставляющихъ имъ пищу, одежду а отчасти и жилище. Оленей всего легче бить, когда они переплываютъ рѣки, потому здѣшніе жители и не могутъ удаляться отъ береговъ внутрь страны, въ лѣса, или на тундры,

*) Странно, что при такой общей наклонности юкагировъ къ музыкѣ, у нихъ нѣтъ національнаго музыкальнаго инструмента; по крайней мѣрѣ Врангелю не удалось замѣтить ничего подобнаго.

гдѣ водятся другіе сибирскіе звѣри. Время переправы оленей чрезъ Анюй составляетъ здѣсь важнѣйшую эпоху въ году, и юкагиры съ такимъ же боязливымъ нетерпѣніемъ ожидаютъ появленія этого животнаго, съ какимъ земледѣльцы другихъ странъ ожидаютъ времени жатвы или собиранія винограда.

Олени два раза въ годъ переправляются черезъ рѣки, весною и осенью, но, по краткости лѣта, оба промысла отдѣлены одинъ отъ другаго только короткимъ промежуткомъ времени, хотя по изобилію въ добычѣ они весьма различны. Первый промыселъ оленей бываетъ въ концѣ мая, когда безчисленными табунами оставляютъ они лѣса и тянутся на сѣверныя тундры, отыскивая лучшій кормъ и избѣгая комаровъ, съ первою теплою погодою являющихся во множествѣ и мучительнымъ кусаньемъ отравляющихъ пріятность бѣднаго сибирскаго лѣта. Майскій промыселъ не столь прибыленъ для охотниковъ; олени часто переходятъ черезъ рѣку по льду, и тогда только въ ущельяхъ горъ можно ихъ бить изъ ружей и луковъ или ловить петлями; но послѣднее средство не всегда надежно, а первое слишкомъ дорого. Впрочемъ, весенній олень обыкновенно бываетъ чрезвычайно худъ и все тѣло его покрыто нарывами и рапами, такъ что въ крайнихъ только случаяхъ употребляется въ пищу жителями, и годится единственно для корма собакамъ; даже и шкура оленя въ то время года не имѣетъ настоящей доброты.

Гораздо важнѣе и изобильнѣе второй промыселъ, въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ, когда олени съ приморскихъ тундръ возвращаются въ лѣса. Тогда эти животныя здоровы, жирны и мясо ихъ составляетъ вкусную пищу, а также и шкура, покрытая уже новою шерстью, тверда и прочна. Разница въ добротѣ между весеннею и осеннею кожами оленя столь велика, что первую можно купить за рубль, а много за полтора, но за вторую надобно платить отъ 5-ти до 8-ми рублей.

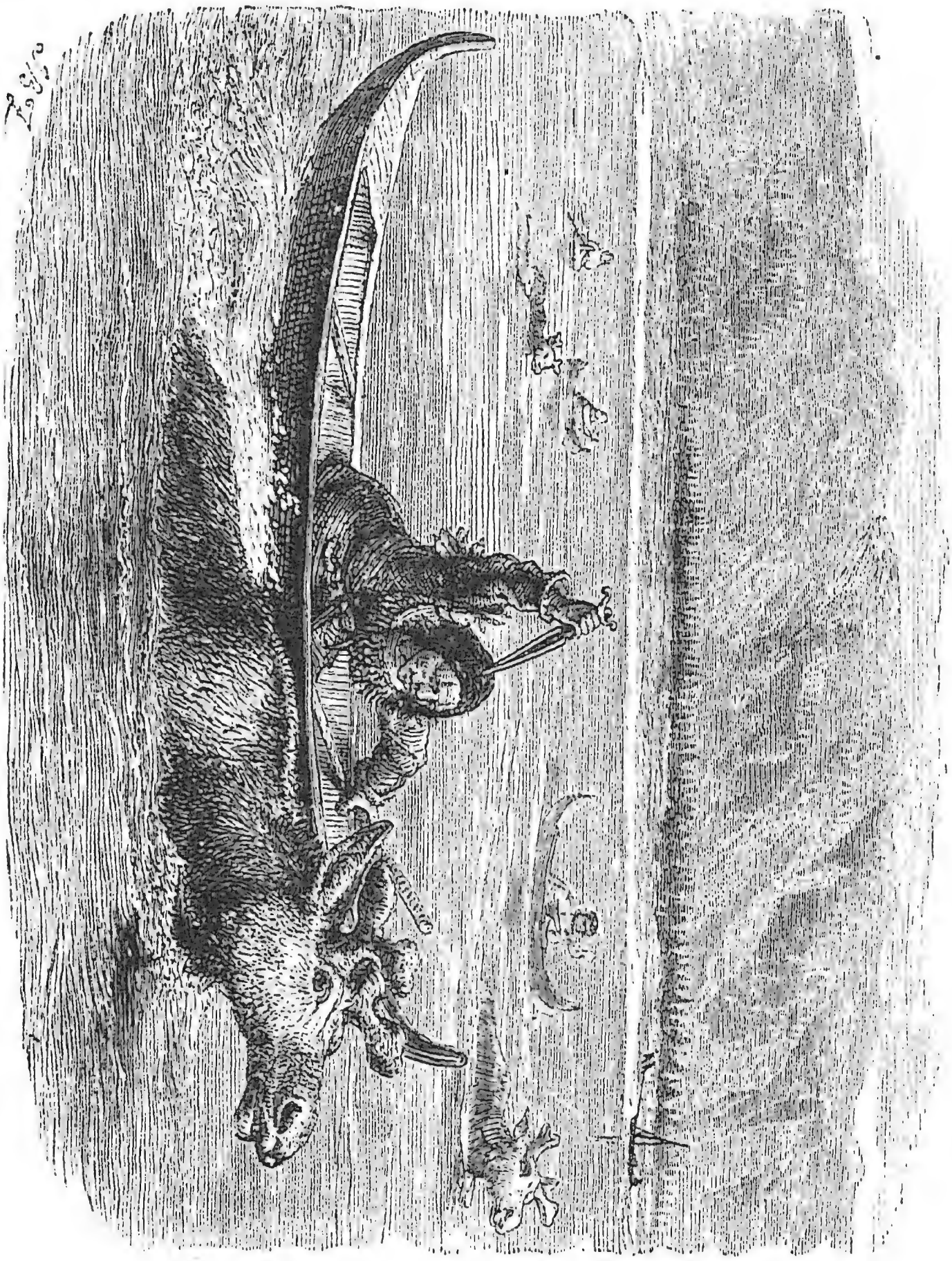
ШАМАНЪ И ШАМАНКА.

Охота на оленей весьма подробно описана въ путешествіи Врангеля, изъ котораго приведемъ слѣдующія подробности.

Когда мы пріѣхали въ Плотбище, говоритъ Врангель, все собранное тамъ народонаселеніе находилось еще въ мучительномъ ожиданіи, и отъ всякаго пріѣзжающаго спрашивали свѣдѣній о ходѣ оленей. Наконецъ разнесся слухъ, что первые многочисленные табуны оленьи показались въ долинѣ, къ сѣверу отъ рѣки Анюя. Мгновенно всѣ, кто только могъ управлять весломъ, бросились въ лодки, и спѣшили укрыться въ изгибахъ и обрывахъ высокихъ береговъ, гдѣ промышленники обыкновенно поджидаютъ свою добычу.

Переходы оленей достойны замѣчанія. Въ счастливые годы число ихъ простирается до многихъ тысячъ, и нерѣдко занимаютъ они пространство отъ 50-ти до 100 верстъ. Хотя олени всегда ходятъ особыми табунами, по 200 и по 300 головъ каждый, на такія отдѣленія слѣдуютъ столь близко одно отъ другаго, что составляютъ одно огромное стадо. Для переправы обыкновенно спускаются олени къ рѣкѣ по руслу высохшаго, или маловоднаго притока, выбирая мѣсто, гдѣ противулежащій берегъ отлогъ. Сначала весь табунъ стѣсняется въ одну густую толпу, и передовой олень, съ немногими, сильнѣйшими товарищами, выходитъ нѣсколько шаговъ впередъ, подымая высоко голову и осматривая окрестность. Увѣрившись въ безопасности, передніе скачутъ въ воду; за ними кидается весь табунъ, и въ нѣсколько минутъ вся поверхность рѣки покрывается плывущими оленями. Тогда бросаются на нихъ охотники, скрывавшіеся на своихъ лодкахъ за камнями и кустарниками, обыкновенно подъ вѣтромъ, отъ оленей, окружаютъ ихъ и стараются удержать. Между тѣмъ двое или трое опытнѣйшихъ промышленниковъ, вооруженные длинными копьями и поколюгами, врываются въ табунъ и колютъ, съ невѣроятной скоростью, плывущихъ оленей. Обыкновенно одного удара довольно для умерщвленія животнаго, или нанесенія ему столь тяжелой раны, что оно можетъ доплыть только до противуположнаго берега.

Поколка оленей сопряжена для охотниковъ съ большою опасностью. Маленькая лодка ихъ ежеминутно подвергается опасности разбиться или опрокинуться, среди густой, безпорядочной толпы оленей, всячески защищающихся отъ преслѣдователей. Самцы кусаются,



ПРЕОДОЛѢНІЕ ОЛЕНЕЙ.

бодаются и лягаются, а самки обыкновенно стараются вскочить передними ногами въ лодку, чтобы потопить или опрокинуть ее. Если имъ удастся опрокинуть лодку, гибель охотника почти неизбѣжна.

Онъ можетъ спастись только ухватившись за сильнаго нераненаго оленя и выбравшись съ нимъ вмѣстѣ на берегъ. Впрочемъ, несчастія при охотѣ случаются рѣдко, ибо промышленники обладаютъ непонятною ловкостью въ управленіи лодкою, удерживая ее въ равновѣсіи и притомъ отражая усилія животныхъ. Хорошій, опытный охотникъ менѣе нежели въ полчаса убиваетъ до ста и болѣе оленей. Когда табунъ весьма многочисленъ и придетъ въ безпорядокъ, поболка удобнѣе и безопаснѣе. Другіе охотники хватаютъ убитыхъ оленей, привязываютъ ихъ ремнями къ лодкамъ, и каждый промышленникъ получаетъ то, чѣмъ успѣетъ завладѣть.

Можно подумать, что такимъ образомъ всю добычу расхватываютъ другіе, а собственно охотники не получаютъ себѣ никакого вознагражденія за труды, сопряженные съ опасностью жизни. Но здѣсь существуетъ свято соблюдаемый законъ, что только совершенно убитые олени составляютъ общую собственность, а раненые, доплывающіе до другаго берега и тамъ падающіе, принадлежатъ промышленникамъ, которые ихъ кололи. Среди тѣсной толпы устрашенныхъ и разъяренныхъ оленей, въ то время, когда всѣ физическія и нравственныя силы человѣка должны быть обращены на сохраненіе собственной жизни, нѣкоторые изъ промышленниковъ сохраняютъ столько присутствія духа и хладнокровія, что могутъ соразмѣрять силу своихъ ударовъ и убиваютъ маленькихъ оленей, а большимъ наносятъ только раны, такъ что они достигаютъ берега и издыхаютъ уже на берегу.

Оленья охота въ водѣ представляетъ нѣчто необыкновенное. Шумъ нѣсколькихъ сотъ плывущихъ оленей, болѣзненное харканье раненыхъ и издыхающихъ, глухой стукъ сталкивающихся роговъ, обрызганные кровью охотники, прорѣзывающіе съ невѣроятною быстротою густые ряды животныхъ, крики и восклицанія другихъ охотниковъ, старающихся удержать табунъ, обагренная кровью по-

верхность рѣки — все это вмѣстѣ представляетъ картину, которую трудно себѣ вообразить.

По окончаніи охоты и раздѣла добычи, убитые олени тотчасъ опускаются въ воду, потому что на воздухѣ они черезъ нѣсколько часовъ портятся и начинаютъ гнить, а напротивъ въ холодной водѣ безвредно сохраняются нѣсколько дней, пока хозяева успѣютъ выпотрошить и приготовить ихъ для сохраненія. Оленье мясо обыкновенно сушатъ на воздухѣ, коптятъ или, при раннихъ холодахъ, замораживаютъ. Здѣшніе русскіе иногда также солятъ лучшія части. Особымъ лакомствомъ почитаются копченые оленьи языки; ихъ тщательно сберегаютъ и подаютъ на столъ только при торжественныхъ случаяхъ.

Другое занятіе юкагировъ состоитъ въ звѣриномъ промыслѣ. Берега рѣкъ обставлены безчисленнымъ множествомъ ловушекъ, силковъ, кляпцовъ и пастинокъ всякаго рода, для соболей, россомахъ, лисицъ, бѣлокъ и горностаевъ, которые, не смотря на постоянное преслѣдованіе ихъ съ незапамятныхъ временъ, все еще водятся здѣсь въ большомъ изобиліи. Каждый трудолюбивый юкагиръ ежегодно выставляетъ съ первымъ снѣгомъ въ разныхъ мѣстахъ до 500 ловушекъ, и въ продолженіи зимы осматриваетъ ихъ по пяти и по шести разъ. Въ хорошій годъ можно положить круглымъ счетомъ, что хозяинъ при каждомъ осмотрѣ въ восьмой или девятой ловушкѣ находитъ болѣе или менѣе важную добычу.

Расположеніе и устройство ловушекъ, дѣлаемыхъ обыкновенно только при пособіи топора, изъ дерева, безъ всякаго желѣзнаго скрѣпленія чрезвычайно разнообразны, и въ нѣкотрыхъ изъ нихъ весьма сложный и отчетливо обдуманный механизмъ заслуживаетъ удивленія. Онѣ такъ приспособлены къ свойствамъ, походкѣ и силѣ каждой породы попадающихся здѣсь звѣрей, что кажется невозможно придумать въ нихъ никакого болѣе полезнаго или необходимаго улучшенія.

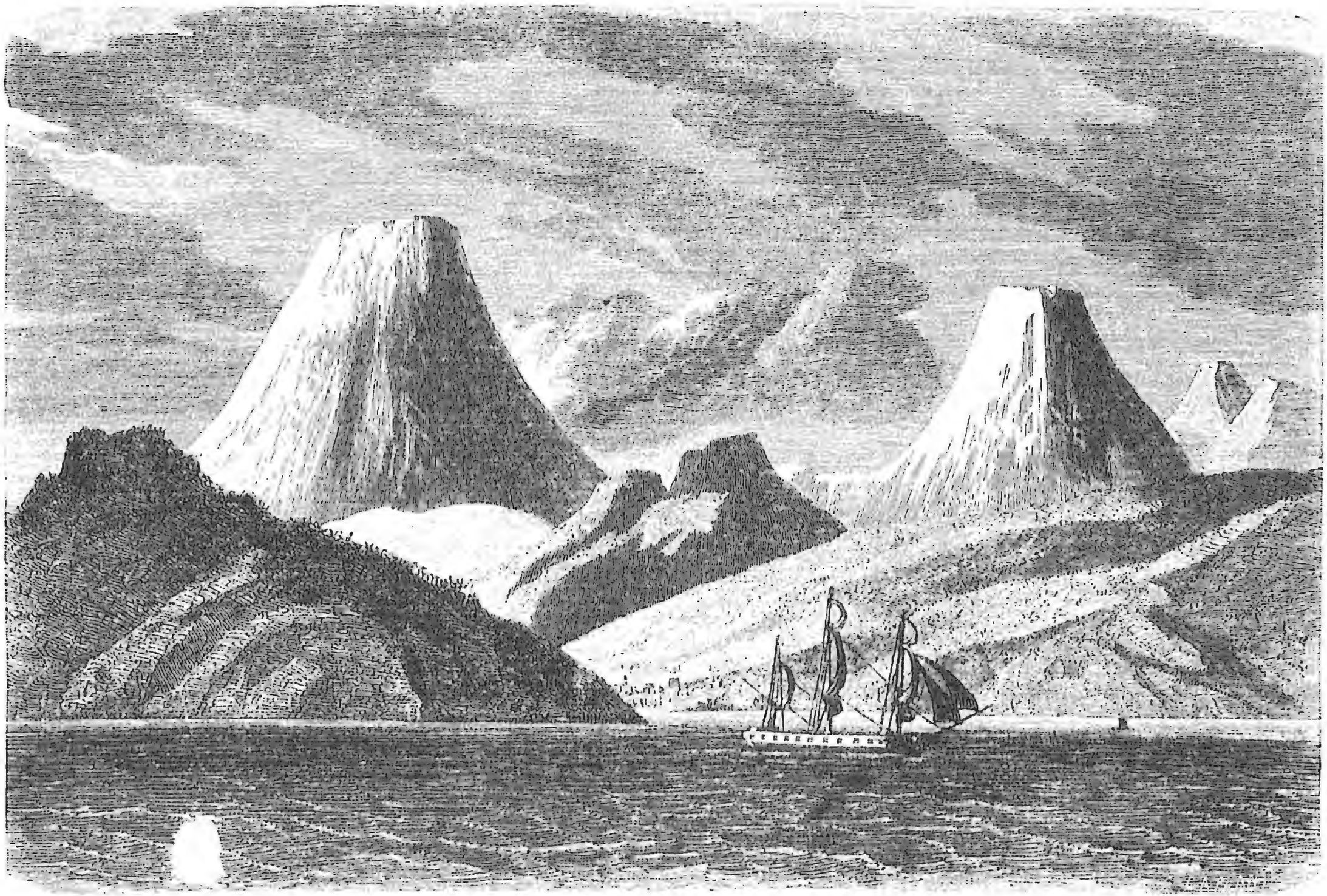
XXVII. КАМЧАДАЛЫ.

Камчадалы, древнѣйшіе обитатели полуострова Камчатки, въ настоящее время значительно уменьшились численностью вслѣдствіе огромнаго процента смертности между ними и отъ постояннаго вторженія свирѣпыхъ сосѣднихъ племенъ, особенно коряковъ и ламутовъ, или тунгусовъ, привлекаемыхъ въ ихъ страну богатыми пастбищами, которыми изобилуетъ западная часть полуострова. Кромѣ этого, они настолько утратили свой первобытный характеръ, по причинѣ сліянія своего съ русскими и ссыльными другихъ націй; что, говоря о нихъ, не можетъ быть и рѣчи, какъ о народѣ самобытномъ. Они почти совсѣмъ отстали отъ туземныхъ нравовъ и обычаевъ, которые даже успѣли и позабыть, не усвоивъ, впрочемъ, окончательно русскихъ нравовъ, хотя они у нихъ могутъ считаться господствующими. Появленіе первыхъ русскихъ, проникнувшихъ въ Камчатку, произошло въ концѣ XVII столѣтія и въ началѣ XVIII; это были казаки изъ Якутска, поселившіеся около устья рѣкъ Камчатки, Тыгила и Большой. Въ короткое время число этихъ поселенцевъ быстро возросло, вслѣдствіе чего въ Камчаткѣ образовали особое управленіе всѣмъ краемъ, которое позднѣе было перенесено

въ Петропавловскъ, и подчинено военному губернатору. Послѣ Крымской кампаніи 1854 года Петропавловскъ пересталъ быть столицей Камчатской области, которая въ настоящее время входитъ въ составъ Приморской области, вновь созданной, главный городъ которой Владивостокъ. Одновременно съ Приморской областью была образована область Амурская, по договору, заключенному съ Китаемъ въ 1858 году. Россія обязана пріобрѣтеніемъ этой огромной территоріи проницательному уму тогдашняго генералъ-губернатора Восточной Сибири, Муравьева, возведеннаго за это въ графское достоинство, съ прибавленіемъ къ титулу его «Амурскаго». Собравъ наиболѣе точныя и необходимыя свѣдѣнія о новомъ краѣ чрезъ посредство одного опытнаго моряка, энергичнаго Невельскаго, Муравьевъ задумалъ пройти Амуръ на судахъ вплоть до самаго его устья. Смѣлая попытка его удалась. Тогда онъ, прежде всего, учредилъ на лѣвомъ берегу рѣки казачьи пикеты, а затѣмъ устроилъ небольшія колоніи, которыя теперь простираются уже до праваго берега р. Уссури и по этой рѣкѣ.

Русское правительство, въ видахъ наибольшаго распространенія земледѣлія въ Камчаткѣ и увеличенія народонаселенія, вымиравшаго отъ оспенной эпидеміи, сочло необходимымъ посылать время отъ времени въ эту область поселенцевъ съ береговъ р. Лены, которые и основывали мало по малу небольшія деревни.

Камчатка, по своему географическому положенію, на краю континента и по суровости своего климата имѣетъ почву неблагопріятную для занятія земледѣліемъ; цѣпь вулканическихъ горъ, идущая вдоль всего полуострова, дѣлаетъ почву безплодною, а на восточной [illegible]ности его образуются такія массы снѣга, что онѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже никогда не таятъ. Поэтому только западныя долины и мѣстность возлѣ р. Камчатки, пользующіяся болѣе теплымъ климатомъ въ сравненіи съ другими частями полуострова, удобны для воздѣлыванія картофеля и нѣкоторыхъ другихъ овощей.



ПЕТРОПАВЛОВСКІЙ ПОРТЪ ВЪ КАМЧАТКѢ.

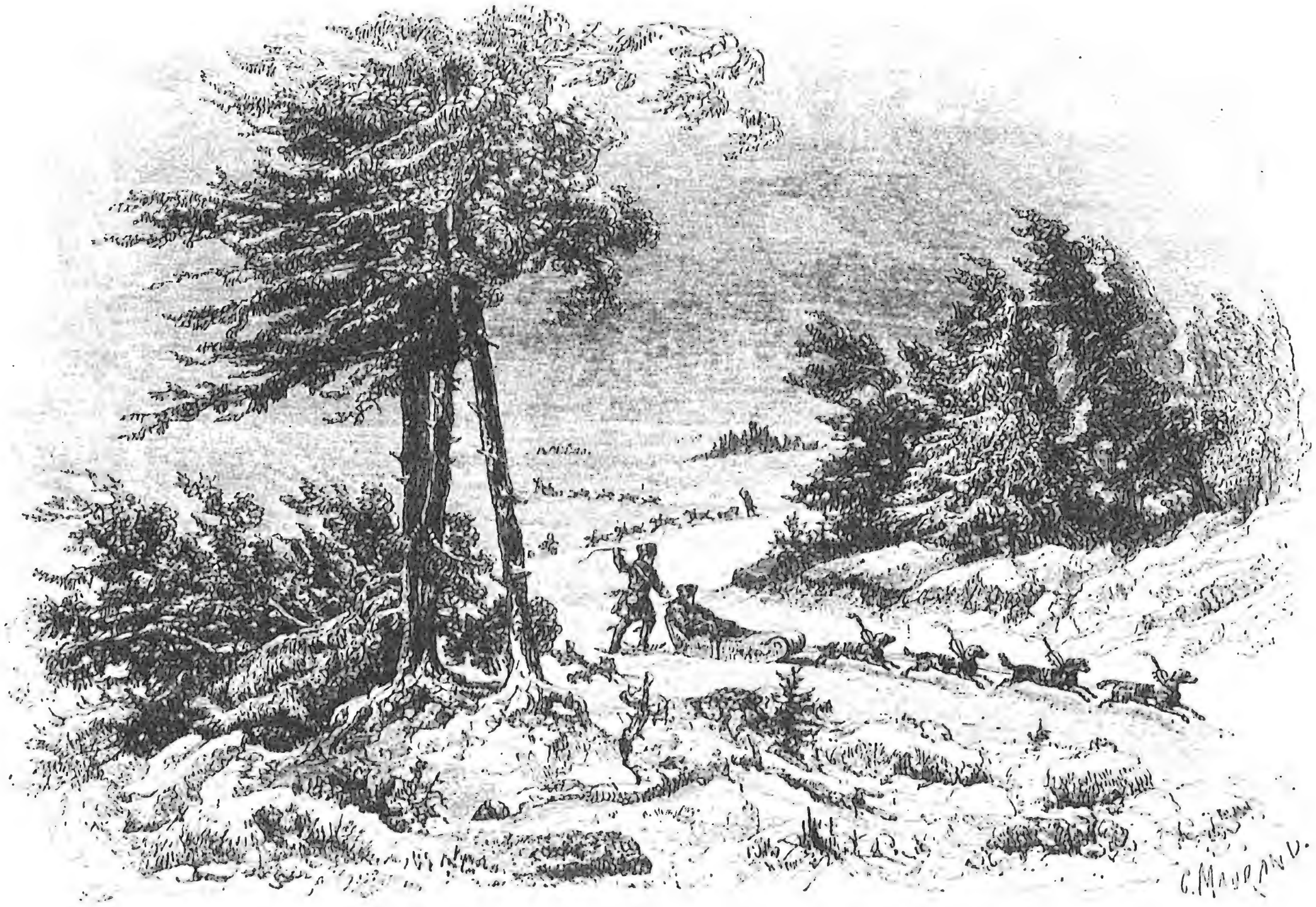
Здѣсь только олени находятъ безъ большаго труда, подъ легкимъ слоемъ снѣга, мохъ, необходимый для ихъ пропитанія. Запасъ сѣна на зиму, при подобныхъ условіяхъ, почти невозможенъ, а вслѣдствіе этого и скотоводство не можетъ процвѣтать въ этой суровой странѣ.

Изъ 6,000 жителей Камчатки не болѣе 2,000 туземцевъ, а остальные русскіе. Кровные камчадалы, т. е. тѣ, которые въ небольшомъ числѣ говорятъ, худо-ли, хорошо-ли, на своемъ родномъ языкѣ, должны считаться коренными обитателями Восточной Сибири, хотя наружность ихъ носитъ на себѣ замѣтный отпечатокъ монгольской рассы. Всѣ они православные и вмѣстѣ съ религіею усвоили себѣ языкъ русскій и русскіе нравы.

Камчадалы характера мягкаго и добраго; тѣлосложенія слабаго; живутъ крайне бѣдно вслѣдствіе упадка промышленности и небрежности ихъ въ занятіи рыбной ловлею, которое могло бы обогатить ихъ, а также и вслѣдствіе постоянно возрастающей у нихъ страсти къ произведеніямъ цивилизованныхъ странъ, какъ-то: къ табаку, чаю, къ европейскимъ нарядамъ. Благодаря этой страсти къ предметамъ роскоши, они постоянно въ долгу у купцовъ-барышниковъ, которые обманываютъ ихъ на каждомъ шагу. Отчасти долги эти дѣлались и потому, что въ прежнее время доставка предметовъ первой необходимости изъ Восточной Сибири черезъ портъ Аянъ обходилась страшно дорого. Чтобы имѣть понятіе о цѣнахъ на предметы первой необходимости, достаточно будетъ сказать, что въ 1843 году пудъ пшеничной муки стоилъ въ Петропавловскѣ 14 руб., ячмень 4 руб., рисъ—4 руб., свѣчи—20 руб. пудъ, сахаръ—60 руб., ситецъ отъ 60 до 90 к. за арш. Съ пріобрѣтеніемъ нами Амурской области цѣны на все значительно понизились.

Коряки и ламуты, или тунгусы—кочевники съ каждымъ годомъ все въ большемъ числѣ прибываютъ въ Камчатку со своими стадами; но камчадалы не соперничаютъ съ ними въ этомъ промыслѣ, а

добываютъ себѣ пропитаніе главнымъ образомъ рыбной ловлею и охотою. Они употребляютъ въ пищу мясо животныхъ и птицъ несравненно меньше, чѣмъ эти кочевники, и довольствуются по большей части рыбою и молочными продуктами, можетъ быть даже и въ видахъ экономіи пороха и свинца и во избѣжаніе утомленія, всегда сопряженнаго съ охотою. Лѣса Камчатки изобилуютъ всякаго рода звѣремъ; охота на пушныхъ звѣрей бываетъ чрезвычайно прибыльна зимою; она и служитъ для туземцевъ главнымъ и почти исключительнымъ предметомъ торговли. Камчадалы занимаются съ любовью разведеніемъ и воспитаніемъ собакъ, которымъ живется у нихъ несравненно лучше чѣмъ прочимъ домашнимъ животнымъ, какъ напр. лошадямъ и быкамъ. Камчатскія собаки закалены въ далекихъ путешествіяхъ и, не смотря на дурныя дороги и неровную почву, бѣгутъ безъ-устали большія пространства. Онѣ мало отличаются отъ крестьянскихъ дворовыхъ собакъ; но камчадалы совершенно переділали на свой ладъ этихъ животныхъ: они пріучили ихъ и къ иной пищѣ и къ иному обращенію и къ своеобразному способу дрессировки. Изъ всѣхъ сибирскихъ собакъ камчатскія собаки лучше и по быстротѣ бѣга; онѣ такъ горячи, что часто на бѣгу повреждаютъ себѣ члены и отъ чрезмѣрныхъ усилій шерсть ихъ нерѣдко бываетъ покрыта потомъ и кровью. Онѣ очень сильны: четыре собаки могутъ везти троихъ людей вмѣстѣ съ ихъ багажемъ и дѣлаютъ отъ 30 до 40 верстъ въ день по дурнымъ дорогамъ и до 80 верстъ по хорошей дорогѣ. Если даже въ Камчатку когда-нибудь проникнетъ образованіе и жители ея сдѣлаются болѣе развитыми, нежели теперь, все-таки мѣстныя и климатическія условія не измѣнятся и заставятъ всегда предпочитать ѣзду на собакахъ всякой другой ѣздѣ. Привязанность и любовь камчадаловъ къ своимъ собакамъ также велика, какъ въ иныхъ странахъ къ лошадямъ; за хорошихъ собакъ платятъ очень дорого. Способъ воспитывать и дрессировать собакъ спеціально для ѣзды и для упряжи не могъ не остаться безъ влія-



ѣзда на собакахъ въ камчаткѣ.

нія на развитіе природныхъ качествъ у этихъ животныхъ. Для упряжи выбираютъ молодыхъ собакъ съ длинными лапами, съ длинными ушами, съ острой мордою, съ широкой спиною, съ большой головою и живымъ темпераментомъ. Какъ только онѣ начинаютъ смотрѣть на свѣтъ (при появленіи на свѣтъ), ихъ держатъ въ темныхъ ямахъ до тѣхъ поръ, пока окажется возможнымъ подвергнуть ихъ испытанію. Въ первый разъ ихъ запрягаютъ вмѣстѣ съ выученными уже собаками, и такъ какъ видъ новыхъ предметовъ поражаетъ ихъ и даже наводитъ нѣкоторый страхъ на нихъ, то онѣ и рвутся впередъ и тащатъ изо всѣхъ силъ неприхотливый экипажъ камчадала. Затѣмъ ихъ опять сажаютъ въ темную яму и повторяютъ вышеописанную операцію до тѣхъ поръ, пока онѣ поймутъ то, что отъ нихъ требуется. Возжи привязываютъ къ ошейнику, потому что собакъ можно запречь только какъ нибудь врасплохъ и то съ нѣкоторой уловкою, при этомъ они начинаютъ выть и отбиваться изо всѣхъ силъ и продолжаютъ это во все время, пока ихъ запрягаютъ. Но какъ только собаки пускаются въ дорогу, онѣ умолкаютъ и бѣгутъ съ такой быстротою, что приходится удивляться ихъ необыкновенной силѣ и ловкости, особенно въ мѣстахъ опасныхъ, гдѣ онѣ бѣгутъ съ чрезвычайной быстротою и часто заставляютъ хозяина выпрыгивать изъ саней, иначе онъ рискуетъ сломить себѣ шею. Хорошая собака-проводникъ необходима въ дорогѣ: отъ нея требуется только послушаніе и хорошее чутье. Если у упряжной собаки ко всѣмъ этимъ качествамъ присоединяется еще и сила, тогда ей цѣны нѣтъ. Камчадалъ садится обыкновенно на передокъ саней, вытянувъ ноги; кнутъ онъ употребляетъ весьма рѣдко, иначе собаки перегрызутся; съ ними можно обходиться и безъ кнута: онѣ понимаютъ голосъ хозяина. Эти полезныя животныя пользуются отдыхомъ и свободою только во время короткаго лѣта, которое онѣ проводятъ по берегамъ рѣкъ, питаясь рыбою, которую онѣ умѣютъ ловить съ замѣчательной ловкостью. Когда онѣ ужъ сыты,

тогда довольствуются только однѣми рыбьими головами. Въ октябрѣ мѣсяцѣ собакъ собираютъ домой съ подножнаго корма, и чтобы пособавить съ нихъ жиру, даютъ имъ ѣсть очень мало: зимою ихъ кормятъ только соленой, сушеной и гнилой рыбою. Отъ такой пищи онѣ дѣлаются голодными и вмѣстѣ съ тѣмъ превосходными въ ѣздѣ, но весьма мало привязанными къ своимъ хозяевамъ.

Камчадалы говорятъ на трехъ нарѣчіяхъ и раздѣляются на нѣсколько группъ или племенъ.

Такъ прежде всего внутри полуострова и по рѣкѣ Камчаткѣ живутъ камчадалы—потомки древнѣйшихъ туземцевъ этого края. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они говорятъ ломаннымъ русскимъ языкомъ, а въ другихъ на своемъ родномъ, но до крайности исковерканномъ языкѣ.

Затѣмъ мы встрѣчаемъ камчадаловъ — курильцевъ изъ Больше рѣцка, которые живутъ въ разныхъ деревушкахъ въ западной части полуострова, начиная отъ южной оконечности его почти совсѣмъ необитаемой и вплоть до 55 градуса широты. Эти племена почти всегда говорятъ на своемъ національномъ языкѣ, но съ незначительною примѣсью русскихъ словъ. Камчадалы, живущіе въ восточной части полуострова Камчатки, искажаютъ свой языкъ примѣсью курильскихъ словъ, которыя исчезаютъ по мѣрѣ приближенія къ сѣверу. Наконецъ послѣднее племя камчадаловъ, называемое пенсинскими, разбросано по разнымъ деревушкамъ сѣверной части Камчатки. Это племя сохранило употребленіе туземнаго языка во всей его первобытной чистотѣ, за исключеніемъ сѣверной окраины, гдѣ уже слышится примѣсь корякскихъ словъ.

XXVIII. Ч У К Ч И.

Чукчи обитаютъ на сѣверо-восточной оконечности Азіи, отъ Чаунской губы до Берингова пролива съ одной стороны, и отъ рѣки Анадыра и верховьевъ Сухаго Анюя до Ледовитаго моря, съ другой.

Изъ всѣхъ племенъ сѣверной Азіи, чукчи въ наибольшей степенѣ сохранили свою народность. Чувствуя собственную слабость, они миролюбиво кочуютъ по тундрамъ, скаламъ и утесамъ своей родины. Какъ всѣ дикіе, необразованные народы, чукчи имѣютъ немногія потребности, легко удовлетворяемыя произведеніями оленьихъ шкуръ; чукчи почитаютъ себя счастливѣе всѣхъ своихъ сосѣдей, и на нихъ всегда смотрятъ съ сожалѣніемъ. Легко и хладнокровно переносятъ они всѣ недостатки и лишенія, и не завидуютъ другимъ, видя, что за необходимыя удобства и удовольствіе жизни надобно отказаться отъ своей природной независимости.

До покоренія Сибири, чукчи и другія племена сѣверо-восточной Азіи, занимаясь разбоями и грабежами, жили въ безпрерывныхъ несогласіяхъ и вѣчной войнѣ съ своими сосѣдями. Первые набѣги русскихъ значительно ослабили эти междоусобія и сблизили враждовавшія племена.

Русскіе довольствовались покореніемъ ближайшихъ племенъ и

долго не имѣли никакихъ сношеній съ чукчами. Наконецъ торговля сблизила оба народа. Сначала, не довѣряя русскимъ, чукчи многочисленными, вооруженными толпами выступали только на границы своего отечества; но мало по малу, увѣрившись многолѣтними опытами въ миролюбіи своихъ побѣдителей, сдѣлались довѣрчивѣе и нынѣ приходятъ съ своими женами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ, къ русскимъ, для выгодной обѣимъ сторонамъ торговли. Постоянное сообщеніе и обращеніе съ русскими имѣло выгодное вліяніе на дикарей и замѣтно смягчило грубые нравы ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что современемъ, подобно юкагирамъ и другимъ народамъ, хотя и гордые своею самостоятельностью, чукчи постепенно покорятся и совершенно сольются съ русскими.

Чукчи переходятъ съ мѣста на мѣсто; но у нихъ гораздо болѣе осѣдлости нежели у другихъ кочевыхъ народовъ. Они собираютъ запасы, и только скудость пастбищъ и недостатокъ корма оленямъ могутъ принудить ихъ перемѣнить жилье. Наклонность чукчей къ осѣдлой жизни проявляется и въ бережливости, даже скупости, качествахъ, совершенно несвойственныхъ кочующимъ народамъ. Самая одежда чукчей, широкая, неуклюжая кухлянка и длинныя мѣховыя шаровары, приспособлены къ сидячей жизни. Напротивъ, короткіе въ обтяжку штаны и узкій санаяхъ (родъ кафтана, или стариннаго фрака) соотвѣтствуютъ безпрестанной движимости тунгусовъ, вообще отъ всѣхъ своихъ сосѣдей отличающихся проворствомъ, легкостью и всегдашнею веселостью.

Въ прежнія времена чукчи жили единственно произведеніями своихъ стадъ, скитаясь съ ними по тундрамъ. Впослѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ лишились своихъ оленей отъ болѣзней и другихъ несчастій, и для пропитанія своего принуждены были обратиться къ ловлѣ китовъ, моржей и тюленей. Они покинули тундры и нагорныя страны и поселились на берегахъ моря.

Чукчи раздѣляются нынѣ на два отдѣла: на осѣдлыхъ или бе-

реговыхъ, и на оленныхъ или кочевыхъ. Оба племени живутъ въ согласіи и взаимно снабжаютъ одно другое жизненными потребностями. Береговые чукчи доставляютъ кочующимъ китовыя ребра и китовое мясо, моржевые ремни, жиръ, а въ замѣнъ получаютъ оленьи кожи и готовыя платья.

Осѣдлые чукчи живутъ малыми селеніями. Хижины ихъ дѣлаются на шестахъ и китовыхъ ребрахъ, обтягиваемыхъ сверху оленьими кожами, и видомъ уподобляются большимъ неправильнымъ конусамъ. Сторона, обращенная къ сѣверу, далеко выдается впередъ, а южная, напротивъ, почти совершенно пряма. Здѣсь бываетъ маленькая низкая дверь, или отверстіе, завѣшанное оленьею шкурою. На вершинѣ хижины продѣлано бываетъ круглое отверстіе для дыма отъ очага, помѣщеннаго въ срединѣ хижины. Въ углубленіи, обращенномъ къ сѣверу, помѣщается другая, маленькая четыре-угольная палатка изъ оленьихъ кожъ, служащая спальнею. Въ сильные морозы служитъ она и кухнею, и въ такомъ случаѣ жгутъ здѣсь, вмѣсто дровъ, мохъ, облитый жиромъ. Вообще чукчи, по недостатку лѣса, употребляютъ вмѣсто дровъ китовыя ребра и всякія кости, обливая ихъ для лучшаго горѣнія жиромъ.

Пища чукчей состоитъ наиболѣе изъ произведеній животнаго царства; обыкновенно составляетъ ее вареная оленина, съ тюленьимъ или рыбьимъ жиромъ. За лакомство считаютъ чукчи мясо бѣлаго медвѣдя и китовую кожу, которую ѣдятъ сырую, оставляя на ней при съемкѣ тонкій слой мяса; вкусомъ она похожа на стерлядь. Мясной сокъ смѣшиваютъ они со снѣгомъ и составляютъ изъ него особый родъ питья, которое подаютъ въ большихъ деревянныхъ чашкахъ. Каждый чукча носитъ при себѣ маленькую, просверленную оленью кость, черезъ которую втягиваетъ въ себя питье изъ чашки. Рыбу употребляютъ въ пищу только при недостаткѣ, а отъ соли показываютъ рѣшительное отвращеніе. Замѣчательно, что въ странахъ, гдѣ, при ужасныхъ морозахъ, каждое средство согрѣваться

должно быть дорого, всѣ кушанья подаются совершенно холодныя, а взаключеніе съѣдается даже большой кусокъ смерзшагося снѣга. Врангелю часто случалось видѣть, что, при 30° и болѣе мороза, чукчи брали отъ времени до времени пригоршни снѣга и съ видимымъ удовольствіемъ жевали его.

Одинъ богатый старшина пригласилъ къ себѣ Врангеля, который такимъ образомъ описалъ трапезу чукчей.

«Я радовался случаю узнать внутреннюю семейную жизнь чукчей; но когда я, по наставленію и примѣру гостепріимнаго хозяина, вползъ описаннымъ выше образомъ подъ пологъ, то проклялъ свое любопытство. Можно себѣ представить, какова атмосфера, составленная изъ густаго вонючаго дыма китоваго жира и испареній шести нагихъ чукчей! Жена и семнадцатилѣтняя дочь хозяина приняли меня въ такомъ пышномъ домашнемъ костюмѣ съ громкимъ смѣхомъ, возбужденнымъ, вѣроятно, моею неловкостью при входѣ въ пологъ. Онѣ указали мнѣ мѣсто, гдѣ сѣсть, и спокойно продолжали вплетать бисеръ въ свои косматые, намазанные жиромъ, волосы. Послѣ я узналъ, что это дѣлалось въ честь моего прихода. Окончивъ свои занятія, хозяйка принесла въ грязной деревянной чашкѣ вареную оленину, безъ соли*) и, прибавивъ къ тому порцію полупротухлаго китоваго жира, ласково пригласила меня закусить. Дрожь пробѣжала по моему тѣлу при видѣ такого блюда, но я долженъ былъ, чтобы не обидѣть хозяина, проглотить нѣсколько кусковъ оленины. Между тѣмъ, съ невѣроятнымъ проворствомъ, хозяинъ мой руками набилъ себѣ въ ротъ мясо съ китовымъ жиромъ, превознося ломанымъ русскимъ языкомъ необыкновенный даръ своей жены приготовлять китовый жиръ такъ, что онъ именно получаетъ необходимую пріятную степень горечи. По возможности сократилъ я посѣщеніе, спѣша вырваться на чистый воздухъ. Запахъ полога оставался еще нѣсколько

*) Чукчи, какъ вообще всѣ кочевые народы, не любятъ и не употребляютъ соли.

дней въ моихъ платьяхъ, не смотря на неоднократное выколачиваніе и провѣтриваніе. Леутъ справедливо почитается однимъ изъ образованнѣйшихъ и богатѣйшихъ чукотскихъ старшинъ, и по его житью можно получить нѣкоторое понятіе о пріятностяхъ домашней жизни остальныхъ чукчей. Удивительно, какъ, при такой неопрятности и зараженномъ воздухѣ жилищъ, народъ этотъ остается сильнымъ и здоровымъ».

Главное занятіе береговыхъ жителей составляетъ ловля тюленей и моржей. Для первой употребляютъ они родъ сѣтей, сдѣланныхъ изъ ремней, спускаемыхъ подъ ледъ, въ прорубь, и тюлени запутываются въ нихъ головою и лапами. Впрочемъ за тюленями охотятся и другимъ способомъ: чукча надѣваетъ бѣлое платье, чтобы какъ можно менѣе отличиться отъ снѣга, и ложится недалеко отъ того мѣста, куда тюлени обыкновенно выползаютъ грѣться. Кромѣ копья, у охотника бываетъ еще особаго рода орудіе, состоящее изъ нѣсколькихъ медвѣжьихъ зубовъ, прикрѣпленныхъ къ палкѣ; имъ скребетъ онъ безпрестанно по льду и снѣгу, для того, чтобы, по мнѣнію чукчей, усыпить звѣря. Вѣроятно, что такой легкій однообразный шумъ производится для того, чтобы заглушить шорохъ снѣга при движеніяхъ охотника, который мало по малу приближается къ тюленю и умерщвляетъ его копьемъ. Этотъ способъ охоты почти всегда удается. Волковъ ловятъ чукчи совершенно особеннымъ образомъ: концы довольно длиннаго куска китоваго уса заостряются и связываются ниткою. Образовавшійся такимъ образомъ кругъ обливается водою до тѣхъ поръ, пока не покрывается весь толстою ледяною корою, недопускающею его разогнуться, а потомъ веревка разрѣзывается и все обмазывается жиромъ. Такая приманка бросается на снѣгъ, и волкъ, найдя ее, съ жадностію глотаетъ; но въ желудкѣ его ледъ растаиваетъ, китовый усъ разгибается и заостренными концами умерщвляетъ звѣря. Увѣряютъ, что рѣдко не удается это средство.

На Колючинскомъ островѣ убиваютъ моржей во множествѣ. Когда выходятъ они на берегъ грѣться на солнцѣ, жители нападаютъ на нихъ. отрѣзываютъ имъ дорогу къ водѣ, гонятъ ихъ далѣе на землю и легко бьютъ палками. Моржи для осѣдлыхъ чукчей хотя и не столь необходимы, но полезны не менѣе оленей для кочующихъ. Мясо, нѣкоторыя части кожи и жиръ ихъ употребляются въ пищу, а жиръ иногда служитъ вмѣсто топлива, согрѣвая и освѣщая жилища чукчей. Кожа доставляетъ имъ хорошіе ремни для упряжки и прочныя подошвы. Изъ внутренности и кишекъ моржевыхъ дѣлается легкое, непромокающее лѣтнее платье. Жилы замѣняютъ нитки. Наконецъ, изъ моржевыхъ клыковъ дѣлаютъ чукчи орудіе, употребляя его вмѣсто пешни для ломки льда и рытья замерзшей земли; но преимущественно клыки моржевые составляютъ главный предметъ вѣковой торговли съ оленными чукчами, передающими ихъ русскимъ.

Гораздо опаснѣе охота чукчей за бѣлыми медвѣдями. Чукчи отыскиваютъ ихъ среди неприступныхъ льдовъ Ледовитаго моря и убиваютъ копьями. Для рыбной ловли употребляютъ чукчи, вмѣсто сѣтей, родъ корзинъ изъ тонкихъ прутьевъ, а для птичьей — родъ сѣтей, изъ длинныхъ и узкихъ ремней, съ камнями, или кусками моржевой кости на концахъ. Такія сѣти бросаютъ чукчи весьма искусно въ летящихъ высоко гусей или другихъ птицъ, и, запутывая ихъ въ ремняхъ, повергаютъ на землю. Вообще чукчи не страстные охотники, и хотя земля ихъ обилуетъ дикими оленями и баранами, лисицами, волками, медвѣдями и другими звѣрьми, но они ихъ не преслѣдуютъ. Только за медвѣдями гоняются они, потому что мясо ихъ почитаютъ лакомствомъ. Чукчи вооружаются луками и стрѣлами, но не очень ловко ими владѣютъ. Обыкновенныя оружія ихъ—копье и особенно батасъ, употребляемые ими и противъ медвѣдей и противъ непріятелей. Вмѣсто желѣза, у нихъ весьма рѣдкаго, оружія чукчей снабжены остріями изъ моржевыхъ клыковъ.

Осѣдлые чукчи ѣздятъ на собакахъ, но запрягаютъ ихъ не по

парно, какъ на Колымѣ, а по четыре въ рядъ, и самое построеніе саней ихъ отлично и болѣе похоже на устройство саней, въ которыхъ ѣздятъ на оленяхъ. Чукотскія собаки менѣе ростомъ и слабѣе колымскихъ и камчатскихъ.

Сначала они переѣзжаютъ съ Чукотскаго Носа въ Америку, и, намѣнявъ тамъ мѣховъ и моржевыхъ костей, отправляются въ Островное, съ своими женами, дѣтьми, оружіемъ, товарами, оленями и домами—настоящее переселеніе народовъ въ маломъ видѣ.

Мѣха, привозимые чукчами, состоятъ главнѣйше изъ черныхъ и чернобурыхъ лисицъ, песцовъ, куницъ, выдръ и бобровъ; также привозятся медвѣжьи шкуры и моржевые ремни и клыки, и все, что чукчи вымѣниваютъ въ Америкѣ. Изъ своихъ произведеній доставляютъ они санные полозья изъ китовыхъ ребръ, родъ мѣшковъ изъ тюленьей кожи, впрочемъ довольно грубо отдѣланной, и множество всякаго рода готоваго платья изъ оленьихъ шкуръ. Прежде привозили они также каменные топоры, ножи, оружіе и американскія одежды, но какъ такіе товары худо раскупались, то и исчезли совершенно изъ оборота.

Русскіе товары состоятъ главнѣйше изъ табаку, желѣзныхъ вещей, какъ-то: котловъ, топоровъ, ножей, огнивъ, иголъ, мѣдной, жестяной, также деревянной посуды и множества разноцвѣтнаго бисера для американцевъ и женщинъ. Гораздо охотнѣе привозили бы сюда купцы водку и вино, но, вслѣдствіе запрещенія правительства, эти предметы не являются открыто въ оборотѣ, а вѣроятно только тайно и въ маломъ количествѣ. Чукчи страстные любители горячихъ напитковъ, особенно хлѣбнаго вина, и рады отдать за него лучшіе свои товары. Для русскихъ потребителей доставляются сюда чай, сахаръ, матеріи, платки, и проч.

Кромѣ чукчей, собираются въ Островное всѣ сосѣднія племена изъ за 1000 и 1500 верстъ. Юкагиры, ламуты, тунгусы, чуванцы, коряки пріѣзжаютъ сюда многочисленными толпами, частію на соба-

кахъ, частію на лошадяхъ. Всѣ эти народы привозятъ для мѣны собственныя произведенія, особенно деревянные полозья для саней, которые съ выгодою сбываются чукчамъ на мѣха. Различіе одеждъ. физіономій и пріемовъ пріятно разнообразитъ и оживляетъ видъ торга.

Самый ходъ ярмарки описывается Врангелемъ слѣдующимъ образомъ:

«Февраля 10-го собрались русскіе купцы и чукотскіе старшины въ крѣпость, къ коммисару, прослушать правила, которыя должны быть наблюдаемы при торгѣ и, съ общаго согласія установить таксу товарамъ. Послѣднее необходимо потому, что безъ того безразсудное корыстолюбіе русскихъ купцовъ уронило бы непремѣнно цѣну русскихъ произведеній. Послѣ многихъ споровъ, наконецъ обѣ стороны единодушно положили за два пуда табаку давать 17 лисьихъ и 20 куньихъ мѣховъ; по такому масштабу установилась цѣна и на прочіе товары. Продавшій ниже положенной цѣны обязанъ заплатить извѣстную денежную пеню и лишается права торговать въ томъ году на ярмаркѣ.

«Февраля 11-го, когда коммисаръ собралъ съ чукчей подати, впрочемъ довольно ничтожныя, за право торговли, совершилось въ часовнѣ торжественное богослуженіе и молебствіе *) о счастливомъ окончаніи торга, а потомъ подняли на башнѣ крѣпости флагъ, въ знакъ открытія ярмарки. Тогда чукчи, вооруженные копьями и стрѣлами въ порядкѣ приближаются къ крѣпости, и на косогорѣ располагаютъ свои сани съ товарами, въ видѣ полукружія. Русскіе и другіе посѣтители помѣщаются на противной сторонѣ и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ колокольнаго звона, означающаго позволеніе начинать торгъ. Съ первымъ ударомъ колокола, кажется, какая-то сверхъ-

*) Къ сожалѣнію, шаманское богослуженіе чукчей по сему случаю происходило прежде моего сюда пріѣзда.

естественная сила схватываетъ русскую сторону и бросаетъ старыхъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ, шумною, безпорядочною толпою, въ ряды чукчей. Каждый старается опередить другихъ, спѣшитъ первый подойдти къ санямъ, чтобы захватить тамъ лучшее и сбыть повыгоднѣе свои товары. Особенно ревностью и дѣятельностью отличаются русскіе. Обвѣшанные топорами, ножами, трубками, бисеромъ и другими товарами, таща въ одной рукѣ тяжелую кладь съ табакомъ, а въ другой желѣзные котлы, купцы перебѣгаютъ отъ однѣхъ саней къ другимъ, торгуются, клянутся, превозносятъ свои товары и т. д. Крикъ, шумъ и толкотня выше всякаго описанія. Иной въ торопяхъ оступается и падаетъ въ снѣгъ; другіе спѣшатъ черезъ него; онъ теряетъ шапку, рукавицы, но это не мѣшаетъ: онъ тотчасъ вскакиваетъ и, съ не покрытою головою и голыми руками, не смотря на 30° мороза, бѣжитъ далѣе, стараясь усиленною дѣятельностью вознаградить потерянное время. Странную противоположность съ суетливостью русскихъ составляютъ спокойствіе и неподвижность чукчей. Они стоятъ, облокотясь на копья, у саней своихъ и вовсе не отвѣчаютъ на неистощимое краснорѣчіе противниковъ *); если торгъ кажется имъ выгоднымъ, то молча берутъ они предлагаемые предметы и отдаютъ свои товары. Такое хладнокровіе и вообще обдуманность, составляющая отличительную черту характера чукчей, даетъ имъ на торгѣ большое преимущество передъ русскими, которые, въ торопяхъ, забывая таксу, отдаютъ вмѣсто одного два фунта табаку, а въ замѣнъ берутъ не соболя, а куницу, или другой мѣхъ меньшаго достоинства. Здѣсь имѣлъ я случай удивляться вѣрности, съ какою чукчи, не зная вовсе вѣсовъ, просто рукою отгадываютъ истинную тяжесть предмета, и въ двухъ пудахъ замѣчаютъ недостатокъ двухъ, даже одного фунта.

*) На Островенской ярмаркѣ употребляется, можно сказать, свое особенное нарѣчіе, составленное изъ безпорядочной смѣси русскихъ, чукотскихъ, якутскихъ и другихъ словъ. Только на такомъ языкѣ объясняются между собою торгующіе.

«Торгъ продолжается обыкновенно три дня. Когда всѣ товары размѣнены, чукчи начинаютъ обратный путь, а русскіе и другіе посѣтители ярмарки спѣшатъ въ свои жилища. Мѣстечко снова пустѣетъ, и если черезъ нѣсколько дней послѣ торга сибирская мятель налетитъ на Островное, — оно исчезнетъ въ сугробахъ снѣговъ, и только торчащій флагштокъ крѣпости показываетъ путешественнику мѣсто, гдѣ однажды въ годъ устроивается цвѣтущій торговый городъ».

На ярмаркѣ же въ Островномъ видѣлъ Врангель и забавы чукчей, которыя описываетъ онъ такимъ образомъ:

«Старшина Макомокъ пригласилъ меня присутствовать на народныхъ играхъ чукчей, которыя производились недалеко отъ крѣпости. На льду былъ очищенъ бѣгъ; почти всѣ посѣтители ярмарки собрались туда толпами. Для побѣдителей назначались бобровый и песцовый мѣха и два отличные клыка. По данному знаку началась скачка, причемъ равно надобно было удивляться необыкновенной быстротѣ оленя и искусству управлять этимъ животнымъ и поощрять его. Кромѣ выигранныхъ наградъ, побѣдители заслужили всеобщее одобреніе и особенную похвалу своихъ соотечественниковъ, а послѣднее, казалось, было имъ всего дороже.

«Послѣ того бѣгали въ запуски — въ своемъ родѣ странное, замѣчательное зрѣлище, потому что чукчи остаются при томъ въ своей обыкновенной, тяжелой, неловкой одеждѣ, въ которой мы едва могли бы двигаться. Не смотря на то, они бѣжали по глубокому снѣгу такъ быстро и проворно, какъ наши нарядные скороходы въ легкихъ курточкахъ и тонкихъ башмакахъ. Особенно достойна удивленія неутомимость чукчей; они пробѣжали пятнадцать верстъ. Побѣдители также получили небольшіе подарки и громкое одобреніе зрителей. По окончаніи игръ началось угощеніе, состоящее изъ вареной оленины, разрѣзанной на мелкіе кусочки. Замѣчательны спокойствіе и порядокъ, господствовавшіе въ толпѣ, не только при

играхъ, но и при угощеніи; не было ни толкотни, ни споровъ, и каждый велъ себя тихо и благопристойно.

«На другой день большое общество чукчей, мужчинъ и женщинъ, пришло ко мнѣ на квартиру. Я предложилъ имъ чаю и леденцу, но они довольствовались леденцомъ, а чай имъ, какъ казалось, не нравился. Впрочемъ, не смотря на скудное угощеніе, нѣсколько нитокъ разноцвѣтнаго бисера развеселили моихъ гостей, и женщины вызвались плясать. Нельзя сказать, чтобы народная пляска чукчей заключала въ себѣ много пластики и граціи, но въ своемъ родѣ она необыкновенна. Представте себѣ пятнадцать и болѣе закутанныхъ въ неуклюжія, широкія мѣховыя платья женщинъ, которыя, столпясь въ кучу, медленно передвигаютъ ноги и сильно машутъ руками. Главное достоинство состоитъ въ мимикѣ, которой я, по незнанію, не замѣтилъ. Вмѣсто музыки, нѣсколько чукчей пѣли отрывистую, довольно нескладную пѣсню. Въ заключеніе, три отличнѣйшія танцовщицы вызвались проплясать любимый народный танецъ, отъ котораго всѣ присутствовавшіе ихъ соотечественники были въ восхищеніи. Мы, не посвященные въ таинства чукотскаго вкуса, видѣли только три неповоротливыя фигуры, схватившіяся за руки. Наблюдая лица танцовщицъ, я удостовѣрился однакоже, что онѣ дѣлали дѣйствительно нечеловѣческія, нелѣпыя и самыя неестественныя гримасы. Общее утомленіе положило конецъ балу. По совѣту моего толмача, предложилъ я тремъ солисткамъ водки и табаку. Все общество было тѣмъ очень довольно, и чукчи со мною разстались въ наилучшемъ расположеніи духа, неоднократно пригласивъ меня посѣтить ихъ отчизну».

Многіе чукчи крещены, но и крещеные они остаются язычниками, не понимая собственно духа и смысла христіанскаго ученія.

Вообще крещеные чукчи исполняютъ только тѣ христіанскіе обряды, которые не сопряжены съ трудомъ или издержками, и могутъ принести какую нибудь пользу. Такъ напр., не смотря на крещеніе, богатые чукчи имѣютъ по двѣ, по три и болѣе женъ, которыхъ они

по произволу берутъ, оставляютъ и мѣняютъ на нѣкоторое время на другихъ. Не смотря на то, что женщины считаются здѣсь рабынями, судьба ихъ во многихъ отношеніяхъ лучше участи женщинъ другихъ дикихъ народовъ. Чукча никогда не разлучается со своею женою, которая легко можетъ заслужить уваженіе своего мужа и нерѣдко управляетъ имъ и всѣмъ домомъ.

Вообще нравы и обычаи этого народа суровы и часто свирѣпы. Такъ напримѣръ, сохранилось у нихъ противуестественное, безчеловѣчное обыкновеніе убивать дѣтей, рождающихся съ физическими недостатками, или слишкомъ слабыми, и стариковъ, которые не въ состояніи переносить трудовъ кочевой жизни. Такъ отецъ старшины Валетки, соскуча жизнію и чувствуя себя слабымъ, по собственному настоятельному требованію былъ зарѣзанъ своими ближайшими родственниками, которые при этомъ дѣйствіи исполнили, по ихъ мнѣнію, священную обязанность. Не смотря на старанія правительства и духовенства, этотъ ужасный обычай строго исполняется, поддерживаемый, вѣроятно, шаманами, которые вообще пріобрѣли большую власть и сильное вліяніе надъ чукчами.

Каждое племя, каждый караванъ имѣютъ своихъ, одного или нѣсколькихъ шамановъ, и ихъ мнѣніе требуется и исполняется во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Вотъ примѣръ ужасной, неограниченной, можно сказать, власти шамановъ: въ 1814 году, между чукчами, прибывшими въ Островное, появилась заразительная болѣзнь, распространилась вскорѣ на оленей и продолжалась, не смотря на всѣ принимаемыя мѣры. Наконецъ въ общемъ торжественномъ собраніи, всѣ шаманы объявили, что разгнѣванные духи тогда только прекратятъ заразу, когда имъ принесется на жертву Коченъ, одинъ изъ почтеннѣйшихъ и богатѣйшихъ старшинъ. Коченъ былъ такъ уважаемъ и любимъ всѣмъ народомъ, что чукчи, забывъ свое привычное повиновеніе шаманскимъ изреченіямъ, отказались исполнить ихъ. Повѣтріе продолжалось; люди и олени гибли, а шаманы, не смотря на подарки,

угрозы и можетъ быть побои *), не соглашались перемѣнить приговора. Тогда самъ Коченъ, второй Курцій, собралъ народъ и объявилъ, что онъ убѣдился въ непреклонности воли духовъ и рѣшается для спасенія своихъ соотечественниковъ, добровольно пожертвовать своею жизнію. Даже и послѣ того любовь къ нему долго боролась, съ необходимостью исполнить ужасный приговоръ; никто не рѣшался умертвить жертвы; наконецъ сынъ Кочена, смягченный просьбами и угрожаемый проклятіемъ, вонзилъ ножъ въ грудь отца и передалъ трупъ его шаманамъ.

Когда кочующія племена получатъ осѣдлость и наставленія и примѣры образованныхъ сосѣдей будутъ постоянно на нихъ дѣйствовать—тогда только можетъ постепенно исчезнуть самосозданная вѣра въ добрыхъ и злыхъ духовъ и шамановъ, тогда только можетъ быть съ успѣхомъ введено здѣсь христіанство.

*) Говорятъ, что иногда пытаются побоями заставить шамана отмѣнить какой нибудь приговоръ, но такое домашнее средство рѣдко удается; по большей части шаманы остаются непреклонны и тѣмъ заслуживаютъ общее уваженіе.

XXIX. К О Р Я К И.

Коряки—непосредственные сосѣди чукчей-кочевниковъ сѣвера, одного съ ними происхожденія и имѣютъ съ ними сходство почти во всѣхъ отношеніяхъ. Они пользуются сообща и нельзя сказать, что безъ зависти, звѣриной ловлей и пастбищами, обиліе которыхъ завлекло въ послѣднее время ламутовъ далѣе Камчатки. Коряки относятся къ этому общему пользованію дарами природы менѣе завистливо, чѣмъ чукчи, которые дошли уже до Пенжинскаго пролива.

Лицо у коряковъ по большей части круглое, иногда, впрочемъ, можно встрѣтить и продолговатыя лица, но только между мужчинами; цвѣтъ кожи у нихъ темно-желтый, но у женщинъ нѣсколько нѣжнѣе и бѣлѣе. Носъ не кажется особенно приплюснутымъ, потому что скулы не особенно выдаются, иногда даже встрѣчаются мужчины съ орлинымъ носомъ. Лобъ скорѣе высокій, чѣмъ низкій. Подбородокъ по большей части круглый у всѣхъ, но у нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ острый. Глаза узкіе и почти всегда темные. Уши немного отстоятъ отъ головы, ротъ большой, губы красныя и не очень толстыя. Верхняя губа нѣсколько удлинена и придаетъ лицу нѣко-

торое выраженіе. У коряковъ почти нѣтъ бороды: они даже почти совсѣмъ безбородые, и вырываютъ бороду, когда она ростетъ; волоса у нихъ черные, блестящіе, прямые, густые и мягкіе. Женщины отличаются красотою и густотой волосъ, которые онѣ заплетаютъ въ двѣ косы; мужчины стригутъ волоса очень коротко и оставляютъ рости только одинъ кружокъ вокругъ головы. Очень рѣдко мужчины носятъ длинные волоса: въ такомъ случаѣ они ихъ заплетаютъ.

Коряки по своему сложенію существенно отличаются отъ своихъ западныхъ сосѣдей—тунгусовъ. Они не походятъ на ламутовъ ни гибкостью оконечностей, ни узкими плечами. Коряки обыкновенно средняго роста, хорошо сложены и сильны. Женщины у нихъ маленькаго роста, толстыя; и, какъ почти у всѣхъ сибирскихъ жительницъ, руки и ноги у нихъ отличаются изяществомъ формъ. Не смотря на различное устройство головы и туловища между ними и ихъ западными сосѣдями, коряки и чукчи составляютъ съ одной стороны переходъ къ уцѣлѣвшимъ сосѣднимъ народцамъ юга (камчадаламъ, гилякамъ и курильцамъ), а съ другой стороны—къ народамъ востока — эскимосамъ и алеутамъ, которыхъ считаютъ японскаго происхожденія.

Обычай татуированія менѣе распространенъ между коряками, нежели чукчами; онъ только въ употребленіи у замужнихъ женщинъ, которыя надѣются сгладить съ помощью его слѣды времени.

Кромѣ своего роднаго языка, очень, впрочемъ, бѣднаго и господствующаго въ сѣверо-восточной Сибири, коряки изрѣдка говорятъ на языкѣ чукчей, отчасти знакомомъ всѣмъ сосѣднимъ народамъ. Русскіе съ береговъ Тыгила должны говорить на корякскомъ языкѣ: имъ необходимо знать его для заключенія торговыхъ сдѣлокъ, равно какъ для колымскихъ жителей необходимо понимать языкъ чукчей. Корякскій языкъ неблагозвучный; но такъ какъ онъ бѣденъ словами, то ему научится не трудно.

Коряки, подобно чукчамъ, раздѣляются по мѣсту жительства и

образу жизни на кочевниковъ и осѣдлыхъ. Послѣдніе подраздѣляются на четыре племени, говорящія разными нарѣчіями. Кочевники говорятъ на своемъ особомъ нарѣчіи.

Коряки, живущіе по берегамъ рѣкъ, кочевники, которые, благодаря постояннымъ войнамъ съ чукчами, разорились, лишились своихъ стадъ и впали въ страшную нищету. Образомъ жизни они похожи на камчадаловъ. Постоянныя сношенія съ русскими и камчадалами значительно измѣнили ихъ первобытный характеръ.

Согласно указаніямъ одного извѣстнаго ученаго, и мы раздѣлимъ осѣдлыхъ коряковъ слѣдующимъ образомъ:

Племя — каментзесъ, поселившееся по сѣверному берегу Пенжинскаго пролива въ числѣ 230 душъ, живетъ въ землянкахъ, въ которыя входъ, служащій въ то же время и трубою, устроенъ на крышѣ. Они еще язычники, и отъ природы характера безпокойнаго, свирѣпаго и кровожаднаго, но, тѣмъ не менѣе, платятъ подати русскому правительству. Существуя исключительно охотою на звѣрей и морскихъ животныхъ, они очень искусны въ этомъ промыслѣ; ловля морскихъ звѣрей требуетъ особой ловкости и сноровки; на морскую охоту они отправляются на маленькихъ лодочкахъ, называемыхъ байдарками, которыя очень легки и могутъ быть переносимы по сушѣ. Это племя коряковъ извѣстно также своимъ искусствомъ въ кузнечномъ мастерствѣ.

Другое племя, называемое паллентзесъ, живетъ въ семи деревняхъ, въ сѣверо-западной части Камчатки, по берегамъ Пенжинскаго залива. на разстояніи 400 верстъ отъ предъидущаго племени, въ числѣ 870 душъ. Въ сѣверной части полуострова они только по имени христіане, отличаются грубыми нравами и говорятъ на томъ же нарѣчіи, какъ и предъидущее племя коряковъ. Въ деревняхъ, расположенныхъ въ южной части Камчатки, они приняли христіанство и достигли нѣкоторой степени развитія. Ихъ образъ жизни и промыслы почти тѣ же, что и у прочихъ прибрежныхъ жителей;

ское вліяніе болѣе замѣтно на корякахъ, живущихъ въ южной части полуострова Камчатки; изъ нихъ почти всѣ христіане.

Коряки—кочевники, говорящіе на особомъ нарѣчіи, отличаются главнымъ образомъ отъ четырехъ вышеописанныхъ племенъ тѣмъ, что все ихъ существованіе зависитъ отъ оленеводства. Оленеводство было главной причиною сохраненія ихъ народности и древнихъ обычаевъ. Сѣверный кочевникъ имѣетъ весьма ограниченныя жизненныя потребности; есть у него кое-что, чѣмъ онъ можетъ утолить свой голодъ — онъ и счастливъ, и благословляетъ свою судьбу. У осѣдлыхъ же коряковъ, добывающихъ себѣ пропитаніе охотою, мы видимъ совершенно иное: если охота неудалась,—имъ нечего обмѣнять на зимніе съѣстные припасы, и тогда они принуждены питаться рыбою вмѣсто говядины, къ которой они уже привыкли. Вслѣдствіе неудачной охоты они дѣлаютъ долги, или идутъ въ батраки, утрачиваютъ такимъ образомъ свою независимость, забываютъ свои первобытные нравы и обычаи и національныя привычки.

Лучшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ этого зла служитъ оленеводство, которое обезпечиваетъ кочевниковъ вполнѣ въ матеріальномъ отношеніи. Коряки постоянно переходятъ огромныя пространства и остаются въ каждой мѣстности столько времени, пока въ ней не истощится кормъ для ихъ стадъ и пушный звѣрь для охоты; если мѣстность окажется неблагопріятною, они тотчасъ уходятъ оттуда со всѣми своими стадами и домашнимъ скарбомъ, и отправляются искать лучшаго убѣжища. Коряки-кочевники не знаютъ настоящей нужды; голодать имъ никогда не приходится; мѣновая торговля идетъ хорошо, подати русскому правительству платятъ они исправно и относятся къ нему съ большимъ уваженіемъ.

Коряки-кочевники отличаются удивительной неприхотливостью: олень снабжаетъ ихъ одеждою и шкура его служитъ также кровлею для ихъ жилищъ. Юрта, или чумъ, есть ни что иное, какъ круглая или четырехугольная палатка безъ всякихъ затѣй, покрытая тон-

кими дощечками, лѣтомъ обтянутыми кожею, а зимою недубленными оленьими шкурами. Простая обитая кожею дверь сдѣлана для входа. Верхняя часть юрты остается открытою для пропуска свѣта и выхода дыма; нижняя часть юрты имѣетъ отъ 4 до 6 саженъ въ діаметрѣ. Внутри юрты есть нѣсколько отдѣленій, увѣшанныхъ оленьими шкурами, которыя замѣняютъ собою постель, такъ-же, какъ и у чукчей. Почетное мѣсто находится въ самомъ отдаленномъ углу отъ входа. На ночь постели покрываются мягкими пушистыми шкурами, въ сосудѣ, на подобіе—лампы, жгутъ рыбій жиръ, отъ котораго жаръ и духота въ юртѣ становятся настолько сильными, что обитатели ея вынуждены спать совершенно голыми.

Мужчины носятъ зимою длинную одежду, обращенную шерстью внутрь; а лѣтомъ ту же одежду только не изъ мѣха, а изъ кожи; у женщинъ одежда такого же покроя, только нѣсколько шире и достаетъ только до колѣнъ. Къ этой одеждѣ онѣ одѣваютъ еще родъ кофты безъ рукавовъ, но сверхъ плечъ. Мужчины не носятъ этого дополнительнаге костюма. Мѣховые сапоги у женщинъ весьма тщательной работы и нерѣдко бываютъ украшены фальшивыми бусами. Зимніе сапоги шьются изъ недубленой оленьей шкуры, или, вѣрнѣе изъ оленьихъ ногъ, шерстью вверхъ. Коряки носятъ также мѣховые чулки, обращенные шерстью внутрь, а лѣтомъ носятъ обувь, изготовляемую изъ сушеной травы. Праздничная одежда, особенно у женщинъ, отличается богатою отдѣлкою. Вся одежда, которую мы описали, носится безъ всякаго нижняго бѣлья. Головной уборъ состоитъ изъ одного только капишона.

Каждый ребенокъ при рожденіи получаетъ въ приданое извѣстное число оленей, которыхъ мѣтятъ, равно какъ и ихъ потомство особымъ знакомъ на ушахъ. Новорожденныхъ дѣтей матери носятъ на спинѣ, запеленанныхъ въ кожаный мѣшокъ, и носятъ ихъ такимъ образомъ, пока они научатся ходить; тогда на ребенка надѣ-

ваютъ платье особаго покроя, а на шестомъ году его одѣваютъ уже какъ взрослаго.

На женщинѣ лежитъ все домашнее хозяйство, кромѣ того она обшиваетъ всю семью и занимается выдѣлкою оленьихъ шкуръ. На обязанностяхъ мужчины лежатъ всѣ тяжелыя работы по дому и внѣ дома. Молодые парни часто проводятъ лѣто со своими стадами далеко отъ юртъ, расположенныхъ по берегамъ рѣкъ и озеръ, для болѣе удобнаго занятія рыбной ловлею; пастухамъ приходится питаться одними только кореньями или отъ звѣриной охоты, которая у сѣверныхъ кочевниковъ простирается и на морскихъ животныхъ, а преимущественно на тюленя, по причинѣ огромнаго количества жира, добываемаго изъ него. Добываніе лѣса для топлива сопряжено съ большими трудностями: нерѣдко корякамъ приходится пройдтись верстъ десятокъ и достать только немного мелкаго кустарника. Кромѣ всего этого, мужчины занимаются изготовленіемъ байдарокъ и сапей, оружія для охоты, рыбной ловлею и мѣновой торговлею. Коряки ежегодно платятъ ясакъ пушнымъ звѣремъ и, кромѣ того, обязаны содержать почтовое сообщеніе съ Камчаткой.

Браки у коряковъ заключаются съ большими трудностями. Желающій жениться долженъ предварительно сдѣлать подарки своему будущему тестю; если подарки приняты, тогда женихъ поступаетъ въ услуженіе къ отцу своей невѣсты, и на него взваливаютъ самыя тяжелыя работы: заставляютъ пасти оленей и ухаживать за ними, добывать дрова и т. п. Съ невѣстою своей онъ никогда не говоритъ, да ее никто и не спрашиваетъ о согласіи, ея дѣло только повиноваться отцовской волѣ. Если женихъ нравится отцу невѣсты, тогда онъ за нѣсколько лѣтъ неутомимой работы—иногда испытаніе продолжается лѣтъ десять—отдаетъ ему въ награду свою дочь, весьма непривлекательную, благодаря ея крайней нечистоплотности. Въ случаѣ женихъ не нравится, ему отказываютъ безъ дальнихъ разсужденій, и тогда его многолѣтній тяжелый трудъ пропадаетъ ни за

грошъ. Когда отецъ изъявитъ свое согласіе на бракъ, тогда въ юртѣ устраиваютъ особое отдѣленіе для новобрачныхъ, и наканунѣ дня свадьбы будущіе родственники жениха вмѣстѣ съ гостями приходятъ невзначай и начинаютъ бить жениха хлыстами. Если онъ терпѣливо переноситъ удары, то это доказываетъ, что онъ будетъ съ покорностью переносить всѣ жизненныя невзгоды, и тогда только, безъ соблюденія какихъ либо церемоній, его ведутъ къ женѣ, и бракъ считается совершеннымъ.

Многоженство допускается у коряковъ, но съ соблюденіемъ всѣхъ только что описанныхъ формальностей всякій разъ, когда корякъ вздумаетъ вновь жениться: поэтому, по большей части, они довольствуются одной женою. Когда у коряка нѣсколько женъ, то у каждой изъ нихъ имѣется своя отдѣльная постель, и всегда одна какая нибудь жена пользуется правами старшей, а всѣ остальныя ей подчинены. Случаи ревности весьма рѣдки: всѣ жены коряка живутъ между собою въ добромъ согласіи и любятъ одного общаго мужа. Весьма понятно, что, вслѣдствіе тѣхъ трудностей, съ какими сопряженъ бракъ у коряковъ, супружеская невѣрность строго наказывается. Невѣрная жена выгоняется изъ дому вмѣстѣ съ ея дѣтьми, которыя теряютъ право на наслѣдство ихъ отца, а жена получаетъ обратно только своихъ оленей, данныхъ ей въ приданое. Слѣдуетъ еще сказать и то, что жена, уличенная въ невѣрности, крайне рѣдко выходитъ замужъ вторично. Корякъ можетъ выгнать изъ дому жену, не отдавая никому въ этомъ отчета; но подобные случаи бываютъ крайне рѣдко: коряки рѣшаются на такой поступокъ только по весьма важной причинѣ. Дѣвушки, дурнаго поведенія безпощадно убиваются ихъ отцами.

Наслѣдственность чрезвычайно строго соблюдается у коряковъ. Приданое жены остается ея неотъемлемой собственностью до рожденія перваго ребенка; тогда только женино стадо оленей переходитъ во владѣніе мужа, для обезпеченія дѣтей. Когда бракъ бываетъ без-

дѣтнымъ, тогда общія стада переходятъ въ наслѣдство къ ближайшимъ родственникамъ. По смерти отца, дочери получаютъ всѣхъ оленей, родившихся отъ тѣхъ, которые были даны имъ при рожденіи; братья дѣлятъ остальное имущество между собою на равныя части. Вдова пользуется пожизненно приплодомъ отъ своихъ оленей, полученныхъ ею въ приданое; но послѣ ея смерти это приданое переходитъ къ сыновьямъ, которые при каждомъ дѣлежѣ должны вознаграждать своихъ сестеръ подарками. На случай какихъ нибудь недоразумѣній, все должно рѣшаться по однажды установленнымъ правиламъ. Въ семьѣ, гдѣ много братьевъ, младшій, овдовѣвши, или будучи холостякомъ, можетъ жениться на вдовѣ старшаго брата; но старшему брату вдовцу не дозволяется вступить въ бракъ со вдовою младшаго брата. Когда корякъ женится на вдовѣ, или на разведенной женѣ, онъ не исполняетъ никакихъ предварительныхъ домашнихъ работъ, бракъ заключается тотчасъ по обоюдномъ согласіи относительно условій, предлагаемыхъ обѣими сторонами. Все это служитъ доказательствомъ простоты и чистоты нравовъ этого народа, живущаго еще въ младенчествѣ.

Въ семейной жизни, какъ мужья и какъ отцы, — коряки отличаются нѣжностью чувствъ. Отъ природы они добры, честны и справедливы. Гостепріимны до неразсчетливости: другу своему они отдаютъ послѣдній грошъ. Темперамента они по большей части живаго, любятъ поострить, надѣлены отъ природы здравымъ смысломъ, горячимъ воображеніемъ и иногда отпускаютъ весьма удачныя остроты. Но если ихъ обидѣть, — тогда они не скоро забудутъ нанесенной имъ обиды и при случаѣ отомстятъ за нее. Вообще въ нихъ хорошія качества берутъ верхъ надъ дурными, но, тѣмъ не менѣе, всякій мало-мальски образованный человѣкъ невольно отталкивается отъ нихъ по причинѣ ихъ крайней нечистоплотности, перешедшей всѣ границы; невозможно безъ полнѣйшаго отвращенія смотрѣть на приготовленіе ихъ пищи; одежда ихъ съ головы до ногъ усѣяна разными

скверными насѣкомыми; съ самого дня рожденія они никогда не моются; только случайно какъ нибудь выкупаются въ водѣ, упавши напр. въ рѣку.

Административное управленіе у коряковъ весьма несложное: старшій въ юртѣ разбираетъ всѣ споры и несогласія, и его рѣшенію всѣ должны подчиняться; также точно чинятъ судъ и расправу старшины въ каждомъ племени; у кочевыхъ коряковъ такихъ старшинъ восемь. Коряки очень ловки въ ѣздѣ. они пробираются на парѣ, или на четверкѣ оленей по самымъ опаснымъ дикимъ мѣстамъ, наблюдая за своими стадами, иногда довольно многочисленными, или охотясь за пушнымъ звѣремъ. Лѣтомъ они пасутъ своихъ оленей въ горахъ, чтобы доставить имъ лучшій кормъ на богатыхъ пастбищахъ. Число коряковъ кочевниковъ въ Гижигинскѣ и Петропавловскѣ простирается до 1750 человѣкъ; если къ нимъ прибавить еще 1000 душъ, бродящихъ на границѣ земли Чукчей, тогда будетъ 2750 кочевниковъ обоего пола, что составитъ вмѣстѣ съ осѣдлыми коряками населеніе отъ 4000 до 4500 душъ.

Коряки отличаются силою и здоровьемъ и живутъ по большей части до глубокой старости; но постоянное житье ихъ въ курныхъ землянкахъ губительно отражается на зрѣніи—почти всѣ они страдаютъ отъ воспаленія глазъ. Большую смертность между коряками причиняютъ эпидеміи, хотя и рѣдкія, но за то необыкновенно злокачественныя, какъ напр. оспа, корь, лихорадки. Эпидеміи эти были бы не столь ужасны, если бы коряки не боялись такъ употребленія воды и были бы чистоплотнѣе. За больными коряки ухаживаютъ съ соболѣзнованіемъ и никогда не отказываютъ имъ ни въ лекарствахъ ни въ религіозномъ утѣшеніи; но какъ только они убѣдятся, что всѣ средства безсильны спасти больнаго, они безпощадно убиваютъ его, если онъ не въ силахъ покончить самъ съ собою. Убиваютъ его потому, чтобы избавить отъ злаго духа. Этотъ варварскій обычай

выводится понемногу изъ употребленія, подъ вліяніемъ христіанской религіи.

Коряки вѣруютъ, что по смерти настанетъ новая жизнь, подобно жизни на землѣ. Эта вѣра раздѣляется и другими азіятскими народами, болѣе ихъ образованными. Мертвыхъ сожигаютъ вмѣстѣ съ ихъ оленями, которыхъ предварительно убиваютъ, съ санями, съ оружіемъ и домашней утварью, для того чтобы дымъ поднимался къ небу одновременно съ духомъ умершаго, и чтобы умершій, явившись на тотъ свѣтъ, имѣлъ бы все подъ рукою, что необходимо для жизни кочевника. Погребеніе, совершенное инымъ образомъ, считается коряками позорнымъ для умершаго. На могилѣ, или, вѣрнѣе, на кострѣ убиваютъ всѣхъ приведенныхъ туда оленей; тѣхъ изъ нихъ съѣдаютъ, которые не обречены на сожженіе; домой съ могилы возвращаются не раньше, когда трупъ умершаго совершенно истлѣлъ.

Коряки-кочевники еще не обращены въ христіанство. Они придерживаются шаманской религіи, въ которой перемѣшаны боязнь съ благоговѣніемъ къ добрымъ и злымъ духамъ. Добрый духъ, называемый ими Апапель (что означаетъ древній), властитель и творецъ вселенной, почитается коряками какъ верховное существо; но такъ какъ они увѣрены, что онъ предоставляетъ людямъ самимъ бороться противъ злыхъ духовъ, поэтому къ нему рѣдко обращаются съ какими-либо просьбами. Все богослуженіе у нихъ имѣетъ одну только цѣль умилостивленія злыхъ духовъ, дабы они не могли вредить людямъ. Коряки, подобно чукчамъ, вѣрятъ въ присутствіе злаго духа въ каждомъ жилищѣ. Люди, наиболѣе одаренные отъ природы, исполняютъ обязанности священниковъ, знахарей и лекарей; всѣ ихъ обряды совершаются съ одинаковыми церемоніями, какъ у тунгусовъ. У коряковъ, какъ и у чукчей, во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ олень играетъ первую роль. Между хищными животными волкъ пользуется у нихъ особымъ почетомъ, какъ служитель демона: его никто не смѣетъ ни убивать, ни даже стрѣлять въ него; шкура

его употребляется при совершеніи нѣкоторыхъ священныхъ обрядовъ. Коряки склонны къ самоубійству, думая, что оно избавляетъ ихъ отъ мучительныхъ болѣзней и другихъ бѣдъ, которыя они приписываютъ кознямъ злыхъ духовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность блаженствовать и пользоваться милостями добраго духа въ загробной жизни.

XXX. КУРИЛЬЦЫ, ИЛИ АЙНОСЫ.

Одного происхожденія съ камчадалами, но связанные болѣе тѣсными узами съ гиляками, курильцы живутъ на островахъ того же имени и сѣверной части острова Сахалина. По численности своей это самое незначительное племя; въ настоящее время отъ этого народа осталось всего только нѣсколько сотенъ людей обоего пола.

Курильцы отличаются продолговатымъ и плоскимъ лицомъ, темной бородою и темными волосами, но такими густыми и длинными, что они покрываютъ все тѣло. Они очень угрюмы и склонны къ самоубійству. Потребности ихъ весьма ограничены, и они удовлетворяютъ ихъ насколько это возможно при ихъ бродячемъ образѣ жизни, вдоль острововъ, образующихъ цѣпь Курильскихъ и на которые они отправляются на своихъ челнокахъ, называемыхъ байдарками. Жилищъ постоянныхъ не имѣютъ, но живутъ въ земляпкахъ, или юртахъ, построенныхъ изъ плавучаго лѣса, годныхъ только для зимняго жилья, и покидаютъ ихъ лѣтомъ.

Айносы, или курильцы, могутъ назваться кочевниками; на своихъ байдаркахъ они постоянно снуютъ съ мѣста на мѣсто и всего точнѣе, было бы назвать ихъ «морскими кочевниками». Любимое мѣсто

ихъ экскурсій островъ Парамуширъ, самый большой изъ Курильскихъ острововъ. Они ежегодно занимаются мѣновой торговлею; главный промыселъ ихъ составляетъ торговля камчатскими бобрами.

Какъ русскіе подданные они живутъ на островѣ Сахалинѣ.

XXXI. ГИЛЯКИ.

Гиляки, или гилемы, или, какъ они сами называютъ себя,—килены, еще очень недавно были совершенно самобытнымъ народомъ, но въ настоящее время, вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ русскими, живущими на Амурѣ, стали забывать свой родной языкъ и измѣнять своимъ прежнимъ нравамъ и обычаямъ. Русское вліяніе съ невѣроятной быстротою распространилось между гиляками, и можно безошибочно сказать, что въ весьма недалекомъ будущемъ и это племя войдетъ въ составъ тѣхъ народовъ, которые испытали на себѣ превосходство европейской цивилизаціи, почти всегда благодѣтельное, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствующее разрушающимъ образомъ на первобытные нравы и на коренной духъ національности.

По всей вѣроятности, гиляки одного происхожденія съ своими сосѣдями—курильцами. Они живутъ по берегамъ Амура, начиная отъ самаго устья рѣки и на протяженіи 200 верстъ по верховью ея; затѣмъ по берегамъ этой рѣки, по направленію къ сѣверу на протяженіи 100 верстъ, и къ югу вплоть до мыса Лазарева, и также по низовью р. Уссури и на островѣ Сахалинѣ. Первое селеніе гиляковъ на Амурѣ—Уктаръ; здѣсь они живутъ въ сообществѣ съ мангутами, а въ селеніи Керехѣ живутъ исключительно одни только гиляки. Вдоль береговъ Амура расположено до сорока гилякскихъ деревушекъ, и еще съ десятокъ ихъ можно встрѣтить къ сѣверу и къ югу отъ устья Амура, изъ которыхъ Колъ находится въ 25 верстахъ отъ Петровска (наз. прежде Петровское-Зимовье).

Все пространство земли, занимаемое гиляками, окружено и съ сѣвера и съ запада племенами тунгусовъ, среди которыхъ они сами кажутся пришельцами. Русскіе совершенно неправильно подразумѣваютъ подъ общимъ названіемъ гиляковъ всѣ племена гиляковъ и тунгусовъ, живущія по низовью Амура. Гораздо болѣе основанія предполагать, что гиляки никто иные, какъ тшангъ-мао-дзи, (т. е. люди съ длинными волосами) — китайцы.

Образъ жизни гиляковъ весьма схожъ съ тунгусами, живущими по низовью Амура. Какъ народъ, добывающій себѣ пропитаніе исключительно рыбной ловлею и охотою, они и по развитію своему ни въ чемъ не отличаются отъ этихъ послѣднихъ, за исключеніемъ только наружности и языка, въ которомъ нѣтъ ни малѣйшаго сходства съ тунгускимъ языкомъ; языкъ гиляковъ замѣчателенъ множествомъ слоговъ.

Гиляки болѣе крѣпкаго сложенія, чѣмъ тунгусы. Лицо у нихъ широкое, или, вѣрнѣе сказать, четырехугольное, глаза маленькіе, по большей части черные или темно-каріе, но менѣе выразительны, чѣмъ у послѣднихъ. Ротъ крошечный, а губы необыкновенно толстыя, даже безобразныя. Носъ маленькій, толстый и вздернутый; брови чрезвычайно густыя и рѣзко очерченныя. Волоса черные, густые и у большинства вьющіеся; борода гораздо гуще, чѣмъ у тунгусовъ.

Доброта составляетъ отличительную черту гиляковъ; при этомъ они трудолюбивы, энергичны и питаютъ гораздо большую любовь къ независимости, чѣмъ тунгусы. Нельзя сказать, чтобы у гиляковъ не было примѣси чужаго элемента, это становится особенно замѣтнымъ въ мѣстностяхъ, сосѣднихъ съ мангутами и около устья Амгуна, гдѣ живутъ тунгусы, въ прежнее время независимые отъ китайцевъ, и съ которыми они вели больше мѣновой торговли, нежели платили имъ дань. Въ настоящее время гиляки окончательно подчинены русскимъ.

Одежда гиляковъ и ихъ маленькія лодочки имѣютъ сходство съ

мангутами и голдами (см. тунгусовъ, живущихъ на Амурѣ), съ тою только разницею, что гиляки украшаютъ свою одежду рыбьей чешуею. Женская одежда и головной уборъ совершенно такіе же, какъ у тунгусовъ, а равно и зимнее жилище. Огнестрѣльное оружіе весьма рѣдко можно встрѣтить у гиляковъ. Главную и любимую пищу ихъ составляетъ рыба, и нѣтъ въ мірѣ націи болѣе искусной и страстной въ рыбной ловлѣ, какъ гиляки. Что касается до ремеслъ, то въ рѣзьбѣ на деревѣ гиляки довольно искусны. Они не зовутъ другъ друга по фамиліи, но придерживаются американскаго обычая (у нѣкоторыхъ народцевъ) называть разными прозвищами. Кровавая месть въ ходу въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда еще не успѣла проникнуть христіанская религія. Многіе изъ гиляковъ уже приняли христіанство, но нѣкоторые придерживаются шаманства и весьма тщательно скрываютъ своихъ идоловъ. Мертвыхъ не хоронятъ въ гробахъ, какъ у тунгусовъ, а сожигаютъ.

XXXII. АМУРСКІЕ ТУНГУЗЫ.

Чтобы покончить съ инородцами сѣверной Азіи, необходимо привести еще орочонъ и манегровъ, живущихъ по рѣкамъ Амуру и Уссури и принадлежащихъ къ тунгузскому племени. Амуръ принадлежитъ къ величайшимъ рѣкамъ въ свѣтѣ; отъ соединенія рѣкъ Шилки и Аргуни до моря течетъ онъ на протяженіи 3,000 верстъ, Бассейнъ его охватываетъ до 38,000 квадр. миль; Амуръ со всѣми своими притоками, есть рѣка преимущественно тунгузская, т. е. населенная тунгузскими племенами, такъ какъ только страна, лежащая при устьѣ его, населена другимъ народомъ, такъ называемыми гиляками, который принадлежитъ уже къ курильскому племени.

Отъ соединенія Шилки и Аргуни до устья Кумары на протяженіи отъ 600 до 650 верстъ живутъ тунгузскія племена, извѣстныя подъ именемъ «орочо́нъ» и «манегровъ». Орочоны различаются главнѣйшимъ образомъ отъ манегровъ тѣмъ, что они употребляютъ для ѣзды оленей, манегры же лошадей. Надобно замѣтить, что вліяніе Китая на одежду, равно какъ на нравы и обычаи этого народа, тѣмъ болѣе бросается въ глаза, чѣмъ далѣе спускаешься внизъ по рѣкѣ.

Орочоны и манегры большею частію маленькаго роста, рѣдко

превышающаго средній, и вообще худощавы; руки и ноги очень тонки, что особенно, при далеко выдающемся у дѣтей животѣ, непріятно поражаетъ глазъ. Плоское лицо, на которомъ нерѣдко возвышается довольно острый большой носъ, широкія щеки, большой ротъ съ тонкими губами и маленькіе черные или каріе, нѣсколько заспанные глаза съ рѣдкими рѣсницами, волосы черные и гладкіе, борода короткая—характеризуютъ орочонскую физіономію.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ спускающагося до колѣнъ, мѣховаго или кожанаго камзола, подъ которымъ обыкновенно носятъ короткое или длинное, похожее на халатъ, исподнее платье, купленное у китайцевъ, или сдѣланное дома изъ китайской хлопчатой бумаги на китайскій образецъ. Рубашки носятъ рѣдко и то преимущественно тѣ изъ орочоновъ, которые получили ихъ отъ русскихъ. Бедра они одѣваютъ парою очень короткихъ брюкъ, большею частію кожаныхъ, между тѣмъ какъ ноги обуваютъ въ сапоги, доходящіе до половины икръ, съ нѣсколько загнутыми на пяткахъ подошвами изъ оленьей и лошадиной кожи, мѣхомъ наружу. На остальную часть ноги надѣваютъ узкія, похожія на чулки, панталоны, изъ кожи или хлопча то-бумажной матеріи, которыя почти отъ лодыжекъ доходятъ до половины ляжвеи, такъ что закрываютъ нижній край брюкъ и верхній край сапогъ. У манегровъ попадаются иногда и китайскіе сапоги съ толстыми бумажными или войлочными подошвами, у которыхъ красиво вышитыя голенища не обтянуты ремнями, но свободно доходятъ до нижняго края узкихъ панталонъ. Камзолъ опоясывается кожанымъ, тканымъ или сплетеннымъ изъ конскихъ волосъ поясомъ, который обыкновенно застегивается пряжкою, и заключаетъ въ себѣ различныя вещи, необходимыя для повседневнаго употребленія. Здѣсь находятся: мѣшечекъ для табаку, мѣсто для кремня и огнива, кошелекъ для трубки, желѣзная игла для прочистки трубки, уховертка, щипчики для вырыванія волосъ изъ бороды, красивые денежные кошельки и тому подобныя вещи, которыя

почти всѣ китайскаго производства. Очень часто недостаетъ въ уборѣ того или другаго предмета; но никогда не лишенъ онъ курительнаго снаряда и ножа.

Волосы на головѣ мужчинъ большею частію подстригаются на лбу и вискахъ и заплетены въ длинную, сзади висящую, косу обвязанную лентами и кожанными ремешками, иногда заключающую въ себѣ вплетенную въ нее кипарисную кору и банты *). Только у нѣкоторыхъ орочоновъ нѣтъ косы, и тогда небритые волосы висятъ свободно на затылкѣ и на щекахъ. Головной уборъ состоитъ изъ дома приготовляемыхъ полукруглыхъ мѣховыхъ и кожаныхъ шапокъ, украшенныхъ на верхушкѣ шелковою кистью, и еще чаще изъ китайскихъ войлочныхъ шапокъ. На большомъ пальцѣ правой руки почти всѣ мужчины постоянно носятъ кольцо изъ кости, дерева и пр., которое первоначально служило для натягиванія лука, но и нынѣ, когда лукъ все болѣе и болѣе вытѣсняется огнестрѣльнымъ оружіемъ, находится во всеобщемъ употребленіи и нерѣдко находитъ себѣ приложеніе при кулачныхъ бояхъ. Изъ украшеній мужчины носятъ на кистяхъ рукъ кольца изъ желтой мѣди. Бороду и усы носятъ только старики и пожилые люди; бакенбарды и иногда бородку старательно вырываютъ.

Одежда женщинъ почти совершенно подобна мужской; только камзолы ихъ длиннѣе, доходятъ иногда до лодыжекъ и бываютъ украшены большею частію разноцвѣтными полосами. Поясъ никогда не заключаетъ въ себѣ ножа, но почти всегда курительный снарядъ,— послѣднее потому, что женщины и даже дѣти любятъ куреніе почти такъ же, какъ и мужчины. Волосъ онѣ не стригутъ, но разчесываютъ посреди головы отъ лба до затылка и заплетаютъ въ двѣ косы,

*) Этотъ маньчжурскій обычай со времени ихъ владычества надъ Китаемъ перешелъ и къ китайцамъ, равно какъ и ко всѣмъ остальнымъ народамъ, состоящимъ подъ властію китайской имперіи.

которыя кладутъ кольцомъ около головы и связываютъ концами на лбу или затылкѣ посредствомъ бантовъ, украшенныхъ вплетеннымъ въ нихъ жемчугомъ, кипарисною корою и проч.

Хотя орочоны и манегры имѣютъ постоянныя осѣдлыя жилища, но большею частію они кочуютъ на недалеко простирающейся окружности и въ одинаковыя времена года опять возвращаются на прежнія, заранѣе избранныя ими мѣста. Лѣтомъ держатся они преимущественно береговъ Амура и его притоковъ. Зимою часто удаляются въ лѣса, не оставляя, впрочемъ, совершенно рыбной ловли, и занимаются преимущественно охотою. При этихъ переселеніяхъ, нагружаютъ своими бѣдными пожитками орочоны оленей, манегры лошадей, и эти животныя, вмѣстѣ съ большимъ или меньшимъ количествомъ собакъ, суть единственныя домашнія животныя, которыми владѣютъ эти народы.

Ихъ жилища состоятъ изъ наскоро построенныхъ и легко разрушаемыхъ конусообразныхъ юртъ изъ березовой коры.

Внутри юрты находится посреднѣ сдѣланный изъ земли очагъ, т. е. мѣсто, гдѣ разводятъ огонь, при чемъ незамѣтно другаго устройства, кромѣ похожаго на яму углубленія. По стѣнамъ юрты находятся кругомъ скамейки, служащія ночью постелями. На землѣ разостланы толстыя одѣяла изъ оленьяго или лосинаго войлока, покрытыя иногда красиво вышитыми мѣховыми ковриками, на которыхъ и сидятъ, поджавъ подъ себя ноги. Мѣсто противъ входа въ задней части юрты называется «*малу*»; оно назначается для гостей, и женщины не должны на него никогда вступать; направо и налѣво находятся мѣста, называемыя *бе*, на которыхъ сидятъ равно мужчины и женщины. Каждый гость приглашается хозяиномъ тотчасъ сѣсть, и какъ-скоро это исполнено, ему подаютъ закуренную трубку, которую гость, покуривъ нѣсколько, передаетъ сосѣду, который, въ свою очередь, поступаетъ такъ же, что продолжается до тѣхъ поръ, пока трубка не погаснетъ.

Въ каждой юртѣ находятся, кромѣ того, одна или нѣсколько колыбелей; большею частію люльку образуютъ два связанные листа древесной коры, наклоненные болѣе или менѣе одинъ къ другому. Изъ этого выходитъ довольно плоское продолговатое корыто, дно котораго состоитъ или изъ кожи, мѣха, или же изъ коры; отъ средины каждаго верхняго края и отъ точекъ соединенія обоихъ листовъ идутъ, числомъ четыре, крѣпкія веревки, связывающіяся надъ люлькою и держащія ее на воздухѣ, когда концы ихъ бываютъ привязаны къ жердямъ юрты. Посредствомъ удлиненія и сокращенія этихъ веревокъ даютъ обѣимъ половинкамъ колыбели болѣе или менѣе наклонное положеніе, такъ что находящійся въ колыбели ребенокъ, по волѣ родителей, или сидитъ, или лежитъ. Часто края, или внѣшнія стороны колыбели увѣшаны китайскими монетами, мѣдными пластинками и пр., ударяющимися другъ о друга при качаніи колыбели; также употребляютъ дѣтскія погремушки, состоящія изъ связанныхъ въ одинъ узелъ зубовъ и костей разнаго рода.

Въ то время, какъ мужчины ловятъ рыбу и охотятся, женщины обязаны заботиться о всѣхъ остальныхъ занятіяхъ: онѣ ставятъ и снимаютъ юрты, разгружаютъ оленей или лошадей, приготовляютъ кушанье, дубятъ кожи, шьютъ платья, приготовляютъ кору и пр. Шьютъ женщины желѣзными иголками и нитками, приготовляемыми изъ оленьихъ и лосиныхъ жилъ.

Рыбная ловля въ то время года, когда рѣки не покрыты льдомъ, составляютъ главную вѣтвь промышленности орочоновъ и манегровъ, хотя они и зимою, при помощи прорубленныхъ во льду отверстій, умѣютъ снабжать себя свѣжею рыбою. Сѣти видишь рѣдко и, притомъ, преимущественно у орочоновъ, заимствовавшихъ ихъ у русскихъ.

Охота, которая лѣтомъ бываетъ только случайная, зимою составляетъ главное занятіе орочоновъ и манегровъ. Тогда разсыпаются они большею частію малыми и большими группами по лѣсамъ и воз-

вращаются, послѣ неопредѣленнаго срока, съ полученною добычею назадъ въ свои юрты, чтобы вскорѣ снова разойтись. Предметы охоты суть: бѣлки, соболи, куницы, серны, олени, лоси, лисицы, россомахи и иногда медвѣди. Существовавшіе у нихъ съ древнѣйшихъ временъ луки и стрѣлы теперь почти совершенно вытѣснены ружьями, заимствованными у русскихъ или у китайцевъ. Русскія ружья, находимыя особенно у орочоновъ, совершенно сходны съ употребляемыми у сибирскихъ крестьянъ и всѣ снабжены кремневымъ замкомъ; стволъ большею частію малаго калибра, назначенный для пульки величиною съ горошину, и рѣдко случается видѣть у нихъ ружья и для болѣе крупныхъ пуль. На охотѣ пользуются они, какъ и сибиряки, такъ называемыми сошками, которыя здѣсь нерѣдко придѣланы къ переднему концу ствола. Фитиль дѣлается изъ ивовыхъ лыкъ, сплетенныхъ или свернутыхъ въ веревку, и охотникъ, чтобы можно было его на охотѣ зажечь всякую минуту, носитъ постоянно съ собою длинный, тлѣющій древесный трутъ, насаженный на желѣзный буравчикъ который, при помощи деревянной ручки, втыкается между верхнимъ платьемъ и поясомъ охотника.

Такъ какъ порохъ и свинецъ добываютъ орочоны и манегры мѣною и, притомъ, только случайно могутъ получить обѣ эти вещи, то они у нихъ очень цѣнятся, и рѣдко можно найти такого, который бы разрядилъ ружье, не будучи увѣренъ въ томъ, что онъ вѣрно попадетъ въ цѣль. Ихъ ловкость въ стрѣльбѣ вообще очень велика.

Мясо добытыхъ на охотѣ оленей, сернъ, лосей и проч. сушится точно также, какъ рыба и икра осетровъ; послѣдняя сохраняется въ видѣ скатанныхъ шариковъ и очень не вкусна.

Такъ какъ орочоны и манегры, какъ народъ кочевой, промышляющій только охотою и рыбною ловлею, стоятъ еще на очень низкой степени развитія, то объ ихъ образованіи можно сказать только очень мало. Изъ идоловъ путешественники видѣли только одного, называемаго «тшево», и то въ одной только юртѣ. Это былъ гладкій,

круглый обрубокъ дерева, представлявшій лицо съ двумя большими вычерненными глазами, широкимъ ртомъ и надрѣзаннымъ носомъ и висѣвшій на одной изъ жердей юрты, привязанный шнуркомъ за верхнюю выдающуюся часть. На этой выдающейся передней части были прикрѣплены шесть рядовъ маленькихъ, сшитыхъ нитками, трехугольныхъ кусочковъ мѣха, которые, вися съ обѣихъ сторонъ лица, казалось, представляли локоны; подъ подбородкомъ было нѣчто въ родѣ шеи, снабженной по сторонамъ зарубками и частію покрытой большимъ кускомъ мѣха, представляющимъ бороду. Сзади юртъ нерѣдко бросаются въ глаза жерди, стоящія поодиночкѣ и связанныя по три, на которыхъ на ниткахъ висятъ небольшіе свертки бересты, заключающіе въ себѣ или представляющіе собою образы божества; но ближайшее ихъ значеніе еще неизвѣстно. На деревянныхъ подмосткахъ, поставленныхъ для вѣшанія сухой рыбы и мяса, висятъ пучки конскаго волоса, обрывки матерій, плечныя лопатки оленей и другихъ животныхъ; иногда здѣсь же видишь положенныя на доски жертвы богамъ, состоящія изъ рыбы и мяса. Религіозные обряды, равно какъ у сибирскихъ тунгусовъ, якутовъ и одной части бурятъ совершаются такъ называемыми шаманами, которые суть жрецы, гадатели и вмѣстѣ съ тѣмъ врачи. Амулетами, или талисманами считаются у нихъ, кажется, зубы и когти различныхъ звѣрей. Ихъ носятъ на поясахъ и шейныхъ повязкахъ, между тѣмъ какъ больное мѣсто они лечатъ ихъ изображеніями, вырѣзанными большею частію на деревѣ. У хромыхъ людей видѣлъ г. Герстфельдъ на больномъ мѣстѣ висячія ножки и бедра, сдѣланныя изъ дерева; у больныхъ грудью замѣчалъ онъ на шеѣ висящую деревянную, на подобіе сердца, штучку и проч. Больные глаза, что, кажется, у нихъ часто встрѣчается, защищаютъ они тонкими, сплетенными изъ конскаго волоса повязками — *саранти*. Всѣ орочоны и манегры, кажется, владѣютъ одною только женою, на которой женятся нерѣдко ранѣе эпохи возмужалости; жена у нихъ является въ качествѣ работницы. Умершіе обыкно-

венно закапываются въ землю по близости юртъ, и надъ мѣстомъ погребенія выстраиваютъ маленькій, низенькій четырехугольный домикъ или же только покрышку, держащуюся на нѣсколькихъ жердяхъ и защищающую, наподобіе зонтика, могильное мѣсто отъ дождя и солнца. Могильные домики нерѣдко украшены рѣзною работою, представляющею лошадиныя головы и проч.

На протяженіи отъ устья Кумары до устья Уссури живутъ по Амуру тунгузскіе народы, отличающіеся какъ отъ орочоновъ и манегровъ, такъ и отъ другихъ близкихъ по происхожденію племенъ при истокѣ Уссури, во многихъ отношеніяхъ и вообще, кажется, стоящія на высшей степени развитія. Отъ орочоновъ и манегровъ отличаются они главнѣйшимъ образомъ болѣе высокимъ и крѣпкимъ станомъ, худощавымъ, овальнымъ лицомъ съ острымъ выдающимся носомъ и менѣе широкими щеками. Языкъ ихъ, кажется, не смотря на туземное, глухое горловое произношеніе, мягче, нежели у обоихъ названныхъ нами народовъ. Большею частію они имѣютъ постоянныя жилища, занимаются болѣе или менѣе садоводствомъ, и китайское вліяніе на нихъ замѣтно болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь на Амурѣ, въ одеждѣ, образѣ жизни, правахъ и обычаяхъ, равно какъ и въ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ.

Отъ Кумары до устья Зеи, на пространствѣ около 200 верстъ, берега Амура населены такъ же рѣдко, какъ и въ области орочоновъ и манегровъ. Мѣстами только встрѣчаются коническія юрты, покрытыя берестою или даже просто тростникомъ, жители которыхъ живутъ совершенно такъ же, какъ манегры, имѣя единственными домашними животными собакъ и иногда лошадей. Кромѣ того, находишь у нихъ дома, стоящіе поодиночкѣ или по два и по три вмѣстѣ. Вблизи этихъ постоянныхъ жилищъ пасутся рогатый скотъ и табуны лошадей. У нихъ уже есть тяжелыя двухколесныя телѣжки, съ колесами, вертящимися вмѣстѣ съ осью. Дома, окруженные садами, въ которыхъ разсаживаютъ овощи и всякую зелень, тамъ и

сямъ поля, преимущественно засѣянныя пшеницею, изъ которой мѣстные, не-кочующіе жители пекутъ хлѣбъ, неизвѣстный орочонамъ и манеграмъ встрѣчаются нерѣдко.

Населеннѣйшая часть и центральный пункъ цивилизаціи на Амурѣ встрѣчается внизъ отъ *устья Зеи*, и только на небольшомъ пространствѣ отъ 60—70 верстъ. Здѣсь, на самомъ берегу и въ небольшомъ разстояніи отъ него, стоятъ 25 — 30, болѣе или менѣе значительныхъ селеній, какъ на правой, такъ и на лѣвой сторонахъ. Посреди, на правомъ берегу Амура, лежитъ городъ Сахалинъ-Ула-Хотонъ (у манчьжуровъ), или Гелонгкіанъ-шенъ (у китайцевъ), т. е. Амуръ-городъ, мѣсто жительства губернатора, или начальника надъ войсками, хотя столицею китайскаго охраннаго округа Гелонгкіангъ считается городъ Цицикаръ. Селенія, состоящія изъ 10 до 40, 50 и иногда до 100 домовъ, построены или на возвышенномъ краю берега, въ тѣни вѣтвистыхъ деревъ, или лежатъ на плоскихъ, песчаныхъ островахъ и полуостровахъ, между печальными ивовыми кустами. Городъ, выше котораго, въ маломъ разстояніи, на правомъ берегу, находится родъ гавани для небольшихъ военныхъ судовъ, съ пристроенною къ ней батареею, простирается по берегу на 3 версты и около 2—3 верстъ внутрь страны. Надъ однообразными крышами домовъ выдаются нѣсколько паръ палокъ съ флагами, почти такихъ же, какія стоятъ на ламайскихъ храмахъ, и деревянная изгородь, окружающая жилище губернатора и имѣющая въ одинаковыхъ разстояніяхъ высокія и низкія отдѣленія, похожія на зубчатую стѣну. Одинъ изъ храмовъ, которыхъ довольно много замѣтно въ городѣ, стоитъ довольно близко къ берегу и рѣзко противорѣчитъ своимъ краснымъ полосатымъ куполомъ сѣрожелтой массѣ всѣхъ другихъ домовъ. Внутри и между этихъ селеній господствуетъ довольно одушевленная жизнь. Двуколесныя, нагруженныя мѣшками телѣги, везомыя быками, двигаются медленно по дурнымъ дорогамъ. Сады и поля заняты работниками, и между ними на лугахъ пасутся

многочисленныя стада рогатаго скота и табуны лошадей. По рѣкѣ скользятъ быстрыя рыболовныя лодки, между тѣмъ какъ большія суда, мачты которыхъ украшены флюгерами и длинными вымпелами, а нижняя часть покрыта рогожами, медленно плывутъ по теченію или же, посредствомъ длинной веревки, тянутся вверхъ по рѣкѣ людьми, идущими по краю берега. *Отсюда до хребта горъ, пересѣкаемаго въ нижнихъ частяхъ своихъ Амуромъ* (между устьями Нюмéня, или Буреи и Сунгари), на полосѣ отъ 350 до 400 верстъ находятся точно также, какъ вверхъ по Зеѣ, только разсѣянно стоящія хижины и коническія юрты. Хижины стоятъ опять по двѣ и по три вмѣстѣ, преимущественно на правомъ берегу Амура, и подлѣ нихъ сады и загородки для рогатаго скота и лошадей. Эти животныя, впрочемъ, становятся все рѣже. Юрты видишь опять чаще и иногда большими группами какъ направо, такъ и налѣво; ихъ конусообразная жердяная постройка покрыта листами бересты, корою хвойныхъ деревъ, тростникомъ или хворостомъ, или переплетена наподобіе корзины ивовыми прутьями, или же наконецъ состоитъ изъ чаще, нежели обыкновенно, поставленныхъ другъ подлѣ друга деревянныхъ жердей, безъ всякой другой покрышки. Подлѣ нихъ возвышаются подмостки для сушенія рыбы, какъ у орочоновъ и манегровъ, съ которыми эти обитатели юрты нерѣдко сходствуютъ по одеждѣ и образу жизни, хотя образованіе ихъ тѣла приближаетъ ихъ къ даурцамъ, обитателямъ хижинъ.

Жители селеній и одиноко стоящихъ домовъ одѣваются почти такъ же, какъ китайцы. Мужчины носятъ длинные халаты синяго и рѣже бѣлаго цвѣта и сверхъ нихъ куртки, похожія на жилеты, затѣмъ употребительное у китайцевъ нижнее платье и сапоги съ толстыми картонными подошвами. Голова на переди и по сторонамъ острижена; назади носятъ они длинную косу; покрывается голова китайскими шляпами и шапками. Мѣховую и кожаную одежду видишь почти только у одной части обитателей юртъ, между тѣмъ

какъ остальные одѣваются по-китайски. Женщины появляются въ длинныхъ, похожихъ на халаты, достигающихъ до колѣнъ одеждахъ, большею частію изъ синей бумажной матеріи, съ короткими и широкими рукавами и, сверхъ того, нерѣдко ниспадающею до бедръ шелковой, покрытой узорами «курмою». Волосы у нихъ со всѣхъ сторонъ зачесываются на затылокъ и заплетаются въ толстую косу, которая свертывается на подобіе башни, съ узломъ на концѣ, и придерживается высокою гребенкою, украшенными жемчугомъ головными булавками или бантами съ цвѣтами. Серьги, кольца и браслеты, служащіе украшеніемъ, дѣлаются очень искусно и съ большимъ вкусомъ изъ благородныхъ металловъ. Трубки и опахала находятся въ употребленіи у обоихъ половъ; но за то видишь у однихъ мужчинъ поясъ, съ привѣшанными къ нему футляромъ для ножа и палочки для ѣзды, табачнымъ кисетомъ, мѣшечкомъ для трута и т. п. Малолѣтнихъ дѣтей матери носятъ съ собою на спинѣ; изъ болѣе взрослыхъ дѣвочки имѣютъ такія же платья, какъ и матери, а мальчики до 6 и 7 лѣтняго возраста ходятъ съ открытою верхнею частію тѣла и съ панталонами до пояса.

Хижины, какъ одиноко стоящія, такъ и тѣ, которыя въ сложности составляютъ деревни, окружены почти всегда большимъ дворомъ, въ который входишь посредствомъ двери; изгородь дѣлается изъ перпендикулярныхъ, часто другъ подлѣ друга поставленныхъ столбовъ или изъ болѣе рѣдкихъ, переплетенныхъ и связанныхъ взаимно ивовыми прутьями жердей. Между садами, производящими бобы, табакъ, тыквы и другія растенія, стоитъ домъ по срединѣ двора; онъ построенъ изъ дерева и глины, длиною въ нѣсколько саженъ и почти столько же въ ширину, имѣетъ около $1\frac{1}{2}$ сажени высоты и покрытъ кровлею изъ гладкаго остриженнаго тростника и соломы.

О религіозныхъ вѣрованіяхъ жителей этой области Амура, кромѣ ламайскихъ міаосъ (храмовъ), находящихся только въ городѣ и

военныхъ сторожевыхъ постахъ, даютъ нѣкоторое понятіе устроенные снаружи многихъ домовъ шкафики и рамки. Эти шкафы и рамы, замѣчаемые особенно въ сосѣднихъ городу селеніяхъ, заключаютъ въ себѣ китайскія и маньчжурскія надписи и идоловъ, передъ которыми стоятъ жаровни съ курящимися ароматами. Кромѣ того, передъ многими домами видишь на дворѣ, противъ входа, четырехугольныя деревянныя ширмы, вышиною и шириною въ нѣсколько футовъ на той сторонѣ этихъ ширмъ, которая обращена къ двери, на особенныхъ устроенныхъ на землѣ подмосткахъ, находится подвижная, вертящаяся жердь. Во время службы эта жердь поднимается и прислоняется къ ширмамъ. Верхній конецъ ея украшенъ черепами хищныхъ животныхъ, флагами, обрывками матерій, конскими волосами и проч., а передъ нею стоитъ столикъ съ жертвенными сосудами и курильницами. Присутствующіе молятся, лежа распростершись на землѣ и приложивъ къ ней лица.

СРЕДНЕАЗІАТСКІЕ НАРОДЫ.

Оканчивая этнографическіе очерки народовъ Россіи, нельзя не сказать нѣсколько словъ о тѣхъ среднеазіятскихъ народахъ, которые нынѣ, при движеніи Россіи въ глубь Средней Азіи, дѣлаются нашими непосредственными сосѣдями и частью составляютъ подданныхъ нашего Туркестанскаго края.

Бухара и Хива суть два главные центра гдѣ группируются эти народы, составъ которыхъ весьма разнообразенъ. Населеніе этихъ двухъ ханствъ самое смѣшанное и состоитъ главнымъ образомъ изъ киргизъ, персіянъ, туркменъ, сартовъ или таджиковъ и узбековъ. Мы остановимся только на двухъ послѣднихъ типахъ.

XXXIII. Т А Д Ж И К И.

Таджики, живущіе у насъ, сосредоточены главнымъ образомъ въ Заравшанскомъ округѣ; о нихъ то мы и будемъ говорить.

Таджики имѣютъ три названія: общее—«таджикъ», частное для выходцевъ изъ Мерва— «тадъ» и бранное «сартъ», или «сасыкъ-сартъ».

Названіе таджикъ туземцы производятъ отъ *таджъ* и *ли*, т. е. коронованный; слѣдовательно это названіе они получили еще въ отдаленныя времена, когда ихъ цари носили *корону*. Туркмены называютъ таджиковъ тадъ.

Объясненія туземцевъ слова «сартъ» состоитъ изъ уподобленій сравненій съ разными ругательствами. Сартъ значитъ: баба, трусъ, барышникъ и проч. «Сасыкъ-сартъ» (тухлый сартъ) кричитъ каракалпакъ, бранясь съ таджикомъ. Во время войны, при осадѣ городовъ, узбекскіе наѣздники, подскакивая къ стѣнамъ и махая плетью, кричатъ: а-е-и сартъ! съ прибавленіемъ другихъ бранныхъ словъ, которыми такъ богатъ ихъ лексиконъ. Наконецъ, узбекъ рѣдко когда скажетъ: таджикъ, а всегда: «таджикъ-сартъ», при чемъ слово сартъ выговоритъ съ особеннымъ, язвительнымъ выраженіемъ. Сами узбеки говорятъ: «таджика мы называемъ таджикомъ, когда ѣдимъ съ нимъ, а сартомъ—когда бранимъ его».

Городъ есть настоящее мѣстожительства таджика, и только въ городѣ таджикъ въ своей сферѣ. Это стремленіе таджиковъ къ торговымъ и промышленнымъ центрамъ вытекаетъ изъ склада ихъ характера, изъ природной ихъ любви къ торговлѣ, мелкому барышничеству, къ суетливой жизни. Но если таджикъ по своей натурѣ горожанинъ и стремится поселиться въ городахъ, то съ другой стороны ему въ этомъ часто мѣшаютъ чисто физическія условія: недостатокъ мѣстъ внутри городовъ и сплоченность узбекскаго населенія кругомъ городскихъ стѣнъ—извнѣ. Эти условія привели къ тому, что азіятскіе города застроены весьма тѣсно, такъ что домъ давитъ домъ и даже при весьма плохихъ строительныхъ матеріалахъ дома выростаютъ двухъ этажные, дворы бываютъ самыхъ микроскопическихъ размѣровъ, а о площадяхъ — и помину нѣтъ! Если смотрѣть на азіятскій городъ сверху, то кажется, что плоскія крыши его строеній сливаются, примыкаютъ одна къ другой, образуютъ одну сплошную крышу города. Окончательный недостатокъ мѣстъ

для построекъ въ городѣ заставляетъ таджиковъ, помимо ихъ собственнаго желанія, селиться въ кишлакахъ и въ этомъ случаѣ они избираютъ для своихъ поселеній мѣста ближайшія къ городамъ, большимъ караваннымъ дорогамъ и базарнымъ мѣстамъ или крѣпостцамъ, имѣя въ виду, при первой представившейся возможности переселиться въ городъ или его предмѣстье.

Таджики одинаковы только по своимъ духовнымъ качествамъ. Туземцы говорятъ совершенно вѣрно: «*всякій городъ имѣетъ своихъ таджиковъ*». Понятіе, что каждый городъ имѣетъ своихъ таджиковъ, такъ вкоренилось въ нихъ, что они всегда называютъ себя по городамъ. Если спросить узбека: кто онъ такой, то онъ отвѣтитъ: я узбекъ, ктай, катаганъ и т. п. Таджикъ же на такой вопросъ скажетъ: я бухарецъ, ташкентецъ, ходжентецъ, самаркандецъ и проч., но не скажетъ или въ рѣдкихъ случаяхъ скажетъ: я таджикъ. Въ Средней Азіи принято, ввелось въ обычай, что если кто называетъ себя по имени города, то онъ таджикъ.

Таджики Заравшанской долины не выражаютъ собою какой нибудь установившійся типъ. Племя таджикское, если можно такъ выразиться, безлично, или лучше сказать, замѣтно выражаетъ въ себѣ типы всѣхъ племенъ, населяющихъ округъ, такъ что сказать: типъ таджика такой-то, нѣтъ никакой возможности. Помѣсь, называемая таджиками, отражаетъ въ себѣ типы: узбекскій, татарскій, еврейскій, цыганскій, даже славянскій, арабскій, персидскій, индійскій и у нея только одно общее—это духовная сторона: къ какому бы племени ни относился таджикъ по лицу, онъ всегда и прежде всего торговецъ, легковѣрный и въ извѣстныхъ положеніяхъ—трусъ. Въ Заравшанскомъ округѣ очень много пришлыхъ таджиковъ изъ Ташкента, Ходжента, Кокана, Маргелана, Андиджана, Карши, Гиссара, Бухары; короче сказать почти изъ всѣхъ городовъ Средней Азіи стекались таджики при заселеніи округа послѣ послѣдней катастрофы (120 лѣтъ тому назадъ случившейся). Всѣ эти пришлые,

имѣя свои типичные отпечатки, столкнувшись въ округѣ, перемѣшались между собою и еще болѣе усложнили теперешній типъ таджика. Онъ не поддается обрисовкѣ нѣсколькими чертами, а иногда и совершенно въ нихъ теряется.

Однако, не смотря на все вышесказанное, при достаточно внимательномъ наблюденіи таджиковъ долины округа, они могутъ быть отнесены къ двумъ, весьма характернымъ группамъ. Въ одной изъ нихъ преобладаетъ кровь узбекская; въ другой кровь остальныхъ народностей Средней Азіи. Таджики второй группы — цвѣтъ населенія округа; по лицу и вообще по всему тѣлосложенію, а также и по уму они стоятъ выше всѣхъ остальныхъ его народностей. Въ ней преобладаютъ люди съ нѣжными, правильными, чисто европейскими чертами лица, легкаго, граціознаго, но не сильнаго тѣлосложенія; съ цвѣтомъ лица бѣлымъ, съ чуть замѣтнымъ оттѣнкомъ смугловатости; съ глазами большими, продолговатаго разрѣза, черными и только весьма рѣдко голубыми. Волосы у нихъ по преимуществу черные, но встрѣчаются, хотя и весьма рѣдко, рыжіе (навѣрно помѣсь съ евреями или казанскимъ татариномъ). Ихъ брови бываютъ прямыя, точно подведенныя. Борода густая, формы отъ окладистой до того, что называется клиномъ. Что касается до формы носа, то онъ лучше всего даетъ понятіе къ какой помѣси, европейской, авганской и проч., принадлежитъ таджикъ и переходитъ отъ чисто орлинаго до формы носа, о которомъ говорятъ, что онъ «топоромъ».

Еврейскія и персидскія черты преобладаютъ въ этой группѣ, особенно въ Самаркандѣ, такъ какъ въ Самаркандѣ много евреевъ и персіянъ, съ которыми таджики весьма охотно вступаютъ въ бракъ. Кромѣ того, молодые евреи, вслѣдствіе особыхъ причинъ, въ прежнее время добровольно или по принужденію, обращались въ мусульманство, причисляя себя къ таджикскому племени: еврей мусульманинъ самъ себя называетъ таджикомъ; также называютъ его и прочіе мусульмане.

Совершенно не то мы видимъ въ первой группѣ. Членовъ ея составляютъ по преимуществу таджики деревень, окруженныхъ узбекскими деревнями. Эти таджики вполнѣ поглощены узбекской средой; они слились съ узбеками земледѣльцами и главнымъ занятіемъ самихъ ихъ служитъ земледѣліе; первый беретъ себѣ въ жены дочь втораго и обратно. Языкъ персидскій, какъ роскошь при подобной обстановкѣ, почти совершенно изгнанъ изъ семействъ таджиковъ этой группы.

Кровь монгольская, какъ кровь сильнѣйшаго народа, стала на столько преобладающей надъ арійской въ этой группѣ, что нужно много наблюдательности, чтобы отличить такого таджика отъ узбека. Однако на сколько бы ни *обузбечился*, если можно такъ выразиться, таджикъ, ни одинъ родъ, ни одно отдѣленіе узбековъ не признаетъ его за своего, за узбека, но всегда отличитъ его названіемъ таджикъ, а подъ худую руку—сартъ. Утерявъ свой арійскій складъ лица, таджики деревень удержали нѣкоторые изъ обычаевъ и занятій, свойственныхъ всѣмъ вообще таджикамъ и охоту къ торгашеству. Узбекъ при первой возможности обзаведется скотомъ, перейдетъ въ степь къ своимъ родичамъ и будетъ кочевать. Таджикъ узбекъ, скопивъ деньги, въ большей части случаевъ, дѣлается джалябъ-сатароиъ (перекупщикомъ, кулакомъ), а потомъ и саудагаромъ (купцомъ); пріобрѣтетъ въ городѣ или городскомъ предмѣстьѣ лавчонку и приставитъ къ своему имени эпитетъ «бай» (богатый, значительный).

Узбекъ не охотно ткетъ; онъ выдѣлываетъ мату, бузъ, и рѣдко — алачу. Таджикъ узбекъ мату и бузъ почти не ткетъ; онъ берется за выдѣлку болѣе цѣнныхъ матерій, требующихъ большаго искуства; онъ производитъ: адрясъ, аладу, каламу и хосу хорошаго достоинства. Первый, говоря вообще, не любитъ пляску бачей: второй, и съ лицомъ узбека, поклонникъ базымовъ и бачей. Точно также узбекъ не любитъ муллъ и не посылаетъ—развѣ при исключитель-

ныхъ обстоятельствахъ—своихъ сыновей въ медресе. Для таджика-узбека мулла всегдашняя мечта, онъ на муллу смотритъ какъ на саудагара своего рода, и очень хорошо понимаетъ, что съ этимъ званіемъ связано тунеядство, зашибаніе ни за что денегъ, а потому при первой возможности отсылаетъ своего сына въ медрессе.

Таджики принадлежатъ къ сунитскому толку, къ которому по крайней мѣрѣ оффиціально, принадлежитъ вообще все населеніе округа, исключая евреевъ.

Среднеазіятцы, чѣмъ болѣе учены, тѣмъ болѣе фанатичны и тѣмъ менѣе понимаютъ истинное значеніе религіи. Смыслъ названія «ученый среднеазіятецъ» будетъ объясненъ въ своемъ мѣстѣ. Также слѣдуетъ разъяснить, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ выраженіемъ «фанатизмъ» въ примѣненіи къ среднеазіятцу. Ошибется тотъ, кто выраженіе: религіозный *«фанатизмъ среднеазіятца»* пойметъ въ обыкновенномъ, принятомъ всѣми значеніи. Фанатизмъ, какъ безкорыстная религіозная ненависть къ другому исповѣданію и строгое послѣдованіе своему изъ одного принципа, если и присущъ нѣкоторымъ мусульманамъ округа, то не иначе, какъ въ видѣ исключенія; такія особы и вообще во всѣхъ странахъ составляютъ рѣдкость; тѣмъ болѣе въ Средней Азіи. Вообще же таджикъ только кажется фанатикомъ въ тѣхъ видахъ, чтобы можно было поставить себя на ту точку, въ глазахъ другихъ, съ которой уже легко будетъ ему достигнуть доходнаго мѣста и эксплуатировать грубость и невѣжество толпы. Для такихъ таджиковъ религія и деньги—синонимы. Они только надѣваютъ на себя маску фанатизма, но даже сами не вѣрятъ, чтобы они и въ заправду могли быть фанатиками; вѣрнѣе сказать, они не понимаютъ фанатическаго состоянія человѣка. Бывшій рьяный антагонистъ русскихъ во имя вѣры, получивъ отъ нихъ доходное мѣсто или подачку деньгами, становится ихъ защитникомъ передъ другими одинаковыми съ нимъ фанатиками. Онъ разъясняетъ имъ въ чемъ *суть дѣла*, а они съ своей стороны хорошо его понимаютъ и

начинаютъ заискивать расположеніе *невѣрныхъ*, чтобы тоже не упустить возможности чѣмъ нибудь отъ нихъ попользоваться.

Въ округѣ религіозность есть профессія; чистое поклоненіе идеямъ Магомета не существуетъ въ массѣ, муллы же, казіи, богачи и монахи смотрятъ на религіозность, какъ на средство къ обогащенію, пріобрѣтенію почета, а потому исполняютъ требованія своей вѣры исключительно наружно, на показъ другимъ—передъ толпой. Истинно-правовѣрный всегда съумѣетъ выбрать мѣсто для молитвы и исполненія религіозныхъ обрядовъ посреди народа. Чѣмъ моднѣе мѣсто, тѣмъ онъ долѣе будетъ совершать намазъ. Мусульмане такое поведеніе молящихся объясняютъ подаваніемъ примѣра другимъ. Такое объясненіе при всей несостоятельности самаго принципа, могло бы быть вѣрно, если бы усердный богомолецъ, стоящій передъ толпой, не получалъ за свою набожность матеріальнаго вознагражденія, если бы онъ заранѣе не зналъ, что его ханжество доставитъ ему почетъ, мѣсто, вѣсъ его мнѣніямъ и тому подобныя выгоды, и если бы онъ также усердно молился и безъ свидѣтелей. А онъ все это знаетъ и внѣ толпы забываетъ о молитвѣ, если же и совершаетъ ее, то какъ скучную обязанность, спѣша сократить трату на нее времени....

Масса таджикскаго народа не религіозна; она равнодушно относится къ постановленіямъ своей религіи, избѣгаетъ намазовъ, хожденія въ мечеть, если видитъ, что отъ такого образа дѣйствія не пострадаетъ матеріально.

Но если толпа отличается такими, нерелигіозными наклонностями въ своей совокупности, если эти наклонности находятся въ ней, какъ присущія массѣ, то, съ другой стороны, эта же самая толпа требуетъ отъ каждаго своего члена порознь полной религіозности и не терпитъ отъ нихъ никакихъ упущеній въ отношеніи вѣры. Масса не прочь уклониться отъ хожденія въ мечеть (что уже доказывается, помимо прямаго наблюденія, существованіемъ раисовъ), не посылать

своихъ дѣтей въ махтабъ-хана, имѣть противузаконную связь съ женой своего сосѣда или бачею, не совершать омовенія и проч. Но если одинъ изъ ея членовъ попался въ одномъ изъ подобныхъ проступковъ и наказанъ за него, то вся масса будетъ указывать на виновнаго пальцами, считать самымъ негоднымъ своимъ членомъ, невѣрнымъ. Попался—слѣдовательно виновенъ; тайна, лицемѣріе въ большомъ ходу у туземцевъ. Имамы разсказываютъ слѣдующее: «до прихода русскихъ, когда существовала должность раиса, въ мечеть ходило изъ 30 прихожанъ 15—20; съ занятіемъ же округа русскими и съ уничтоженіемъ раисовъ, изъ такого же числа прихожанъ являются въ мечеть на молитву 5 или много — много 10, и то исключительно старики. Духовно-полицейская власть уничтожилась — прекратилось и хожденіе въ мечеть.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и объ уменьшеніи учениковъ въ махтабъ-хана, а извѣстно, что обученіе дѣтей у мусульманъ признается дѣломъ религіи. Теперь уже, говорятъ жители, можно не посылать дѣтей въ школу, не тратиться на ихъ обученіе.

На духовенство таджикъ смотритъ, какъ на людей, живущихъ его трудомъ, обзываетъ его неприличными именами, но въ присутствіи духовныхъ лицъ показываетъ по большей части глубокое къ нимъ уваженіе.

По базарамъ шляются проповѣдники, ораторы; они разсказываютъ передъ народомъ исторіи про святыхъ, про разныя ихъ чудеса, совершаемыя этими святыми даже въ настоящее время, и проч. Между подобными проповѣдниками есть обладающіе увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Но для таджика совершенно все равно, какъ бы разсказчики ни говорили: хорошо ли, дурно ли,—а всегда наберется вокругъ его значительная толпа. Въ кругу этой толпы, жестикулируя и крича, расхаживаетъ разсказчикъ, иногда съ плачемъ разсказывая что нибудь очень трогательное изъ жизни святаго. Таджики слушаютъ. внимательно смотрятъ на жестикуляцію разсказчика, но

какъ только дѣло приходитъ къ концу, толпа рѣдѣетъ, и разсказчику зачастую приходится конецъ передать пустому пространству.

Дѣло въ томъ, что проповѣдники—о чемъ народъ хорошо знаетъ — оканчиваютъ свой разсказъ или проповѣдь обращеніемъ къ карману слушателей, что не по душѣ таджикамъ; они слушаютъ разсказчика — это правда, но смотрятъ на него, какъ на гаера, помогающаго имъ веселѣе и безплатно убивать свободное время.

Особенно таджики не любятъ монаховъ, мюридовъ и ихъ главу ишана. Тѣмъ не менѣе и чернь, и муллы, и купцы жаждутъ выразить ишану публично свое расположеніе и преданность. Поклониться ишану, услышать отъ него привѣтъ себѣ при другихъ, считается верхомъ благополучія для правовѣрнаго.

Когда до взятія Самарканда ученики медрессе (муллы) и духовенство подняли крики, призывая народъ вступить съ кафирами русскими въ священную борьбу, начали подстрекать самаркандцевъ, слѣдовательно, по преимуществу, таджиковъ, къ поголовному вооруженію, то самаркандскій бекъ приказалъ своимъ сарбазамъ усмирить оружіемъ этотъ священный пылъ духовенства. Сарбазы перекололи на дворѣ медрессе Тилла-Кары болѣе 200 защитниковъ вѣры, а народъ не только не защищалъ ихъ, но смѣялся надъ ними и кричалъ: «наши муллы хотѣли сдѣлаться сильными». По азіятски быть сильнымъ и грабить, почти синонимы.

Самыя священныя мѣста Самарканда и его окрестностей находятся въ невообразимомъ запущеніи. О благолѣпіи ихъ никто не заботится. На каждое, почему либо священное для мусульманина мѣсто, сами мусульмане смотрятъ, какъ на статью дохода. У гробницъ святыхъ до тѣхъ поръ только живутъ его потомки или монахи, пока она приноситъ прибыль, привлекаетъ поклонниковъ; изсякнетъ доходъ—исчезли и охранители гробницы.

Деньги, жертвуемыя на исправленіе и поддержку замѣчательныхъ мѣстъ, идутъ въ карманы тѣхъ, кому ихъ дали. Ходжа-Ахраръ

(мечеть и медрессе) по общему увѣренію мусульманскихъ ученыхъ округа, владѣла святынею, кораномъ Османа; листы этого корана омочены кровью халифа, убитаго въ то время, когда онъ читалъ этотъ коранъ. Преданію нельзя вѣрить *). Но невѣримъ мы европейцы, мусульмане же не имѣютъ и тѣни сомнѣнія въ подлинности и священности ходжа-ахрарскаго корана. И тѣмъ не менѣе муллы этого медрессе, не задумываясь, продали свою святыню за 100 рублей, да еще въ придачу къ нему (100 руб. даже показалось имъ очень большою платою за коранъ Османа) дали другой, небольшой коранъ, написанный тоже куфическими буквами и на кожѣ газели.

Самаркандцы считаютъ на своихъ кладбищахъ болѣе 6000 святыхъ; однако ничего у нихъ не содержится въ такомъ запустѣніи, такъ небрежно, какъ наполненныя прахомъ святыхъ кладбища; они даже не огорожены; нечего и говорить, что они не посѣщаются съ религіозною цѣлью.

Г. Гребенкину, у котораго мы заимствуемъ это описаніе, приходилось слышать слѣдующее разсужденіе таджиковъ: «вы русскіе, сильнѣе насъ и если бы приказали намъ перемѣнить вѣру, то мы должны были бы исполнить ваше приказаніе. Мусульманство между нами введено тоже силой. Нашъ народъ податливъ; развѣ муллы не были бы согласны на перемѣну вѣры; на то они много учились, мусульманство даетъ имъ хлѣбъ. Но вы оставили намъ нашу вѣру и за это мы вамъ благодарны».

Всѣ роды дѣятельности, имѣющіе мѣсто въ округѣ, не только знакомы таджикамъ, но, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ въ нихъ лучшихъ представителей, а по нѣкоторымъ изъ своихъ отраслей вмѣстѣ съ тѣмъ и единственныхъ. Мы разберемъ таджика какъ земледѣльца, ремесленника, торговца и ученаго.

Таджики, будучи разбросаны по различнымъ мѣстностямъ округа,

---

*) На коранѣ впрочемъ видно что-то похожее на лѣдыркови.

занимаются всѣми отраслями земледѣлія: они хлѣбопашцы, садоводы, огородники и скотоводы. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ они, при первой выдавшейся возможности, только предприниматели, затрачивающіе капиталъ, а не непосредственные дѣятели и не работники. Они сознаютъ матеріальную выгоду владѣнія землею и занятіе земледѣліемъ, но сосредоточивать свои силы исключительно на немъ, видѣть все свое богатство только въ землѣ—несообразно съ ихъ натурой, требующей большаго круга дѣятельности и обладающей разносторонними способностями. Трудъ пахаря не подъ силу горожанину, да и таджикъ деревни не всегда самъ пашетъ.

Имѣя возможность дешево пріобрѣсть работника изъ узбековъ, таджикъ всю тягость полевыхъ работъ сваливаетъ на него и на женъ, а самъ руководитъ ими и занимается посторонними дѣлами. Самъ таджикъ обработываетъ землю только въ крайнемъ случаѣ, когда у него мало земли. Между ними тоже есть безземельные, но мы не знаемъ примѣра, чтобы таковые таджики нанимались для земляныхъ работъ: они обыкновенно дѣлаются садовниками, конюхами, водовозами, прикащиками, мастеровыми, ремесленниками или мелкими торгашами, съ основнымъ капиталомъ въ рубль или два.

Въ Средней Азіи вообще нѣтъ фабрикъ и заводовъ, нѣтъ мастерскихъ на широкую ногу, съ затратою большаго капитала на постройку зданія, пріобрѣтеніе машинъ и наемъ управляющихъ и т. п. Здѣсь всякое ремесленное производство ограничивается, сравнительно, микроскопическими размѣрами, разбивается по рукамъ, не сгруппировывается въ одномъ мѣстѣ.

Большая часть ремеслъ округа сосредоточивается въ рукахъ таджиковъ: они имѣютъ въ своихъ мастерскихъ больше рабочихъ и больше машинъ, нежели другіе народцы; кромѣ того они не имѣютъ, по нѣкоторымъ ремесламъ, не только соперниковъ, но и подражателей изъ другихъ народностей. Какъ ремесленники, таджики выказываютъ себя положительно способнымъ народомъ и, что весьма

важно, у нихъ замѣтно желаніе усовершенствовать свои работы, перенимать лучшіе пріемы, инструменты и подражать хорошимъ образцамъ.

Если дать таджику-*устѣ* (мастеръ) образецъ извѣстному ремеслу, то онъ, не смотря на все несовершенство своихъ инструментовъ, на ихъ грубость и недостаточность, на іоту не отойдетъ отъ образца. Таджикъ перемѣняетъ инструменты, манеру работы, въ немъ не замѣтна жилка рутинера. О дешевизнѣ ихъ работы, сравнительно съ работою русскихъ мастеровыхъ, и говорить нечего. Простой деревянный шкафъ изъ тополеваго дерева, заказанный русскимъ мастеровымъ Самарканда, стоитъ 30—35 руб. Такой-же точно шкафъ, и даже болѣе добросовѣстно и скорѣе сдѣланный, у таджикскихъ мастеровыхъ обойдется отъ 15 до 20 а иногда и дешевле.

Таджики занимаются: вышиваніемъ по различнымъ матеріямъ и по кожѣ, шитьемъ платьевъ, туземной, а въ послѣднее время и европейской обуви; выдѣлкой кожъ, производствомъ сѣделъ, свѣчь и мыла, шорнымъ мастерствомъ, литьемъ вещей изъ чугуна *); кузнечнымъ, золотымъ, серебрянымъ и мѣднымъ мастерствомъ; плотничными, столярными, токарными и гончарными ремеслами и проч.

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ работъ они производятъ на базарѣ, въ открытыхъ своихъ лавкахъ, другія въ домахъ. За работу они берутъ весьма мало.

Уже нѣсколько разъ мы упоминали, что таджикъ, по своей натурѣ, весьма склоненъ къ торговой дѣятельности. Онъ никогда не пропуститъ случая даже на время быть торговцемъ, хотя бы самымъ мизернымъ, такимъ, какой нигдѣ немыслимъ, кромѣ Средней Азіи. Купить, что называется, на грошъ товару, достать на базарѣ мѣсто и сидѣть съ своимъ грошевымъ товаромъ по цѣлымъ днямъ, выручая по нѣскольку чекъ въ сутки, это такое наслажденіе для таджи-

*) Льютъ колокола (въ Катта-Курганѣ), плиты и проч.

ка, котораго не таджикъ и представить себѣ не можетъ! Жена и дѣти его сидятъ безъ куска хлѣба, работаютъ на сколько хватаетъ человѣческихъ силъ, а мужъ или отецъ весь заработокъ беретъ себѣ, прикупаетъ на него товару и еще съ большимъ наслажденіемъ сидитъ надъ нимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ таджикъ сдѣлался купцомъ или вѣрнѣе—торгашемъ, торговля дѣлается уже его маніей, а прибыли и увеличеніе товаровъ—исходной точкой всѣхъ его помысловъ. Онъ съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ, чека за чекой сколачиваетъ деньги (20 к.) пускаетъ ихъ въ оборотъ, отказывая себѣ совершенно во всемъ, самомъ необходимомъ. Свой трудъ онъ ставитъ ни во что. Онъ переходитъ съ базара на базаръ, странствуетъ по всему округу, скупаетъ на деревенскихъ базарахъ или мѣняетъ на свой товаръ куръ, яица, деревянныя ложки, нитки и проч., чтобы съ барышемъ на чеку или на двѣ перепродать все это на городскомъ базарѣ. Беретъ въ долгъ за проценты товары въ городахъ, а на деревенскихъ базарахъ перепродаетъ ихъ иногда дешевле того, за сколько самъ взялъ. Но за то на вырученныя деньги онъ на этихъ базарахъ скупаетъ по дешевымъ цѣнамъ арканы, мыло, веретена и тому подобное, и за все это на городскомъ базарѣ выручитъ плату за забранный въ долгъ товаръ и еще получитъ барышъ.

Такъ или иначе изворачиваясь, не жалѣя себя, иногда голодая, таджикъ пробавляется съ году на годъ; изъ копѣекъ дѣлаетъ рубли, при счастьѣ открываетъ свою лавочку, а не то — становится джалляпъ-сатаромъ отъ значительныхъ городскихъ купцовъ; ему вѣрятъ товару на двѣсти—пятьсотъ рублей. Онъ уже носитъ товаръ не на себѣ, а навьючиваетъ его на лошадь и уже не ходитъ, а разъѣзжаетъ по базарамъ округа, а съ теченіемъ времени, сколотивъ капиталъ, прибавляетъ къ своему имени эпитетъ *бай* (богатый) и дѣлается настоящимъ купцомъ.

Большинство купцовъ округа прошли по описанной дорогѣ. Многіе изъ одержимыхъ маніею быть купцомъ кончаютъ свой вѣкъ не

достигнувъ завиднаго положенія «бая»; многіе отъ усиленнаго желанія поскорѣе разбогатѣть и отъ рискованныхъ промѣновъ раззоряются въ конецъ; ихъ мѣста занимаютъ другіе, а они обращаются въ водоносовъ, мардекеровъ (работниковъ) и проч., съ затаенною мыслію опять когда нибудь быть торгашемъ.

Отличительный характеръ торговли таджиковъ — довольство весьма незначительнымъ процентомъ прибыли, быстрая гуртовая распродажа и отсутствіе большихъ складовъ для товаровъ.

Купецъ-таджикъ не столько заботится о высокихъ процентахъ, сколько о быстротѣ оборота капитала; въ теченіи года онъ съумѣетъ обернуть его разъ десять и даже больше.

Натура таджика при всѣхъ поименованныхъ родахъ дѣятельности выказываетъ себя подвижной, сангвинической, суетливой и вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстныхъ случаяхъ лѣнивой, беззаботной; обѣ крайности въ ней уживаются какъ нельзя лучше. Вотъ почему о таджикахъ составились два совершенно различныя мнѣнія между русскими Туркестанскаго края; одни говорятъ: таджикъ лѣнивъ, другіе— что онъ до крайности дѣятеленъ. Одни говорятъ о немъ, какъ о поклонникѣ всякихъ удовольствій и забавъ, другіе, какъ о человѣкѣ скупомъ, вполнѣ преданномъ разсчету, дѣлу. Какъ объяснить происхожденіе этой видимой разногласицы въ мнѣніяхъ о таджикахъ?

Когда таджикъ не имѣетъ извѣстнаго занятія, не получилъ товаръ, не устроился въ томъ или другомъ отношеніи, когда онъ старается, напримѣръ, что-либо пріобрѣсть, тогда онъ весь движеніе, весь упорная настойчивость; онъ не чувствуетъ ни устали, ни жары, ни холода, и—что особенно странно—онъ дѣлается безстрашнымъ, дѣйствуетъ, что называется, очертя голову. Онъ пѣшкомъ или верхомъ переходитъ изъ города въ городъ, изъ кишлака въ кишлакъ, имѣя въ виду только ту цѣль, которою онъ задался.

Но вотъ цѣль достигнута; деньги пріобрѣтены, товаръ купленъ, сложенъ въ лавченку, осталось продать его. Тутъ таджикъ превра-

щается въ лѣниваго, неподвижнаго, совершенно апатичнаго человѣка. Съ утра и до вечера онъ, поджавъ подъ себя ноги, сидитъ въ своей лавченкѣ; безстрастно встрѣчаетъ и провожаетъ своихъ покупателей; глаза у него, когда нѣтъ этихъ покупателей, безцѣльно устремлены куда-то; онъ безсмысленно смотритъ въ пространство, онъ скорѣе въ такія минуты похожъ на истукана, нежели на живаго человѣка....

Таджикъ, апатично сидящій въ лавкѣ, рабочій, гуляющій безцѣльно по улицамъ, наводятъ русскихъ на мысль, что таджикъ по природѣ своей лѣнивъ. Они видятъ часы его отдыха, наблюдаютъ его въ то время, когда ему не для чего тратить свои силы и говорятъ: таджикъ апатиченъ, чего никогда не скажетъ тотъ, кто имѣлъ случай видѣть таджиковъ въ рабочіе ихъ часы, въ тѣ моменты, когда они еще только достигаютъ чего-либо.

Деспотизмъ управителей Самарканда, система шпіонства, введенная во всей Средней Азіи, а слѣдовательно существовавшая и въ Заравшанскомъ округѣ, произволъ людей военныхъ, чиновныхъ и особенно полицейскихъ и безпощадная казнь всякаго, на кого сдѣланъ доносъ, — все это сильнѣе всего давало себя чувствовать горожанамъ и жителямъ ближайшихъ къ городу деревень, т. е. отражалось на таджикахъ по преимуществу. Совокупность всѣхъ этихъ давленій рѣзко повліяла на складъ характера таджиковъ, на ихъ честность, нравственность, понятіе объ обязанностяхъ, на любовь къ жизни, на ихъ семейную и общественную жизнь и т. п.

Система такого давящаго управленія, вѣками дѣйствуя въ одномъ направленіи, выработала изъ таджика личность безотчетно скрытную, подозрительную до болѣзненности, дрожащую передъ властями и вліятельными людьми, хвастливую, склонную къ обману на каждомъ шагу, и при томъ какому-то дѣтскому обману.

Если русскій по какому-либо дѣлу разговорится съ таджикомъ и спроситъ: не можетъ ли онъ, напримѣръ, разсказать ему сказку, до

которыхъ таджики охотники, то онъ поклянется, что не только самъ не знаетъ ни одной сказки, но никогда, ни отъ кого не слыхалъ ихъ, и даже не можетъ указать на знающаго сказки. Но когда этотъ же самый таджикъ познакомился съ русскимъ покороче, убѣдился, что его разспрашиваютъ безъ всякой задней мысли, а такъ себѣ, по ихъ выраженію, «для забавы», и онъ видитъ что ему даютъ чай, да еще съ сахаромъ, тогда онъ выскажется вполнѣ, къ сказкамъ прибавитъ кучу анекдотовъ, повѣрьевъ и даже разскажетъ то, что слушателю вовсе неинтересно. Но конецъ концовъ всегда одинъ: знакомый таджикъ зачаститъ ходить, будетъ приводить своихъ пріятелей, рекомендовать ихъ съ самой хорошей стороны, самъ станетъ угощать ихъ чаемъ, совѣтовать имъ брать побольше сахару и прятать его въ карманы, жаловаться на казіевъ, полицейскихъ и просить себѣ или своему пріятелю хлѣбное мѣстечко. Имѣя тамыромъ (пріятелемъ) русскаго или туземца, но занимающаго видное мѣсто, таджикъ хвастаетъ этимъ передъ своими знакомыми и приводитъ своихъ пріятелей къ тамыру собственно для того, чтобы убѣдить ихъ, что онъ хорошо имъ принимается. Въ чайныхъ, на базарахъ, на гуляньяхъ онъ съ чувствомъ собственнаго достоинства громко будетъ разсказывать окружающимъ его и не всегда даже ему знакомымъ, какъ онъ запросто въ этотъ день пришелъ къ своему высокопоставленному другу, какъ тотъ бросился къ нему на встрѣчу, началъ его обнимать и не зналъ, гдѣ бы усадить его, чѣмъ бы получше угостить. Прощаясь же, онъ очень упрашивалъ почаще къ нему заходить. Окружающіе слушаютъ разсказчика съ завистью; въ ихъ глазахъ онъ становится лицемъ, котораго расположеніе слѣдуетъ заискивать и знакомство съ которымъ становится дѣломъ хорошимъ, пожалуй—и прибыльнымъ. Разсказчикъ даетъ пищу толкамъ и пересудамъ, его начинаютъ мѣтить на вакантное мѣсто и проч.

Вы идете по базару, васъ окружаетъ толпа; съ крикомъ, съ подталкиваніемъ протискивается замѣтившій васъ вашъ тамыръ, протя-

гиваетъ вамъ обѣ руки, захватываетъ ими вашу и вы чувствуете что онъ нарочно дольше удерживаетъ ее въ своихъ. Это онъ дѣлаетъ не безъ цѣли; онъ потомъ будетъ говорить: «видѣли, какъ обрадовался мнѣ тюря, какъ онъ сжалъ мнѣ руки и не выпускалъ ихъ, не хотѣлъ меня отпустить отъ себя». Сказавъ вамъ два три слова, таджикъ-пріятель объявляетъ вамъ, что у него много дѣла и что онъ, вслѣдствіе этого, дольше не можетъ оставаться съ вами. Эта фраза произносится громко и служитъ для окружающихъ неопровержимымъ фактомъ, что онъ съ русскимъ тюрей находится на короткой, пріятельской ногѣ; иначе онъ долженъ былъ бы ждать отъ тюри позволенія уйти.

Таджикъ льстивъ и никогда не преминетъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы наговорить кучу комплиментовъ. Онъ говоритъ ихъ или прямо, что называется, въ глаза слушателю, или обращаясь къ постороннимъ, присутствующимъ, выражается въ третьемъ лицѣ о томъ, про кого онъ говоритъ. Любовь таджиковъ къ комплиментамъ и особенно къ вычурнымъ сравненіямъ, гиперболамъ и проч., весьма замѣчательна. Солоно иной разъ приходится нашимъ переводчикамъ.....

Нахальство и ложь таджика, какъ и вообще средне-азіатца, переходятъ всѣ мыслимыя границы, когда онъ является свидѣтелемъ изъ за корысти, подкупленнымъ. Слѣдователь уличитъ его въ одномъ несправедливомъ показаніи; онъ, взамѣнъ его, выставитъ десять такихъ же ложныхъ показаній, и если слѣдователь или вообще разбирающій дѣло будетъ на столько опытенъ, что постарается съ помощью другихъ свидѣтелей, различными сопоставленіями фактовъ, и сторонъ дѣла доказать, что и эти десять показаній тоже невѣрны, то онъ выдвинетъ цѣлую батарею новыхъ, приметъ присягу въ неподложности ихъ и проч. Ложный свидѣтель будетъ извертываться путать все дѣло до тѣхъ поръ, пока не выяснится, что онъ подкупленъ и зачастую за двадцать, за сорокъ копѣекъ. Какъ только убѣ-

дился онъ, что разбирающему дѣло извѣстно о его подкупѣ, онъ спокойно самъ сознается въ томъ и даже объявитъ, что онъ *бишара*, не имѣетъ на что купить себѣ лепешку, а потому хотѣлъ ложнымъ свидѣтельствомъ заработать немного денегъ.

На ложныхъ свидѣтелей большинство туземцевъ смотрятъ какъ на своего рода промышленниковъ, желающихъ трудомъ зарабатывать хлѣбъ. На нихъ не показываютъ пальцами ихъ товарищи. Они —торговцы—и больше ничего!

Жизнь ближняго таджики (тоже слѣдуетъ сказать и о другихъ народцахъ округа) ставятъ туземцы ни во что. Убить человѣка, а потомъ мучиться угрызеніями совѣсти—немыслимо для всѣхъ таджиковъ вообще. Точно также таджики и на убійцу не смотрятъ, какъ на человѣка, унизившаго себя этимъ поступкомъ. Зарѣзать барана, зарѣзать человѣка — для нихъ все равно. Безъ нужды никто не станетъ рѣзать барана, слѣдовательно тѣмъ болѣе человѣка,— такъ разсуждаютъ среднеазіятцы. Палачъ, на рукахъ котораго при бекахъ не высыхала кровь, пользовался отъ всѣхъ почетомъ, и всѣ считали за честь держать эти руки въ своихъ рукахъ.

Видъ постоянной рѣзни, бывшей при эмирскомъ правленіи, видъ крови, труповъ съ перерѣзанными горлами до того пріучилъ таджиковъ къ насильственной смерти, такъ это сдѣлалъ необходимымъ въ ихъ глазахъ, что они потеряли всякое поползновеніе къ борьбѣ за жизнь; для таджика борьба немыслима, когда разъ уже стало ему извѣстно, что его зарѣжутъ. Никто, кромѣ развѣ дикихъ американскихъ воиновъ апаховъ или японцевъ, не разстается такъ спокойно съ жизнію, какъ среднеазіятецъ. Мы видѣли, говоритъ г. Гребенкинъ, приговоренныхъ къ смерти и не замѣчали въ ихъ лицѣ ни тоски, ни страха, ничего такого, что выражало бы желаніе избавиться отъ приговора; полное равнодушіе, совершенная покорность постигшему —вотъ что отпечатлѣвается на лицѣ приговореннаго.

Но этотъ стоицизмъ, это пренебреженіе къ жизни не есть слѣдст-

віе глубокой вѣры въ обѣщанія Магомета, не есть продуктъ мусульманства, а давняго гнета, привычки видѣть убійства, насильственную смерть вокругъ себя въ теченіи многихъ лѣтъ; это отсутствіе мысли и невозможность ея зарожденія при среднеазіятскомъ управленіи, мысли о томъ, что человѣкъ владѣетъ своею жизнію и что никто не имѣетъ права отнимать ее у него. Пытки и истязанія, которыми такъ щедро угощали правовѣрныхъ ихъ правители, притупили у нихъ чувство, образовали сильную волю, научили скрывать въ самихъ себя мученія физической боли: къ чему ихъ обнаруживать, когда извѣстно, что окружающіе могутъ только смѣяться надъ страдающими, но не сочувствовать имъ!

Мы видѣли раненныхъ. изувѣченныхъ язвами; одинъ взглядъ на раны и язвы этихъ несчастныхъ леденилъ чувства европейцевъ. Но больные относились къ своимъ ранамъ и язвамъ, какъ фельдшера на перевязочномъ пунктѣ относятся къ ранамъ жертвъ человѣческаго самодурства — войны. Они безстрастно ощупывали размозженныя свои руки и ноги, грубо разворачивали раны и говорили: «не заживетъ!» Ни стона, ни признака страданія не написано было на ихъ лицахъ. Одно только можно подмѣтить на лицахъ такихъ несчастныхъ: это злость на что-то вообще, но ни на что въ частности.

То, что сдѣлало таджика легко смотрящимъ на свою жизнь, терпѣливо переносящимъ физическую боль и устранило отъ него душевныя страданія, то самое образовало изъ него труса, неспособнаго сознательно хладнокровно смотрѣть въ лице смерти, когда есть выборъ: оставаться на мѣстѣ или бѣжать подальше отъ опасности. Примѣръ нашихъ войнъ въ Средней Азіи достаточно убѣждаетъ насъ, что таджикъ трусъ. Трусомъ его обзываютъ и узбеки, въ сущности такіе же трусы. Названіе *сартъ*, которое узбеки презрительно бросаютъ въ таджика, объясняется ими, какъ равнозначущее съ словомъ *баба*.

Сами таджики говорятъ про себя слѣдующее: «мы не любимъ войну, мы имѣемъ дома, землю, лавки; мы работаемъ и можемъ быть сыты своими трудами. Война насъ разоряетъ. Узбеки—дѣло другое! Они тогда только и сыты, когда ведутъ войну; война дѣлаетъ бѣднаго богатымъ и обратно. Наконецъ, мы не знаемъ: за что намъ должно драться съ другими? «Политика, подобно войнѣ, мало занимаетъ таджика, если результаты ея не могутъ отражаться на его благосостояніи; также точно онъ мало слѣдитъ и за административными перемѣнами. Для него все равно: кто бы имъ ни управлялъ, лишь бы его матеріальныя выгоды не страдали.

Вотъ почему купцы, ремесленники и прочіе производители таджики всегда будутъ на сторонѣ русскихъ; они уже узнали, что подъ русскою властью они болѣе гарантированы отъ притѣсненій, разныхъ несправедливыхъ поборовъ, вообще отъ всего, что такъ или иначе можетъ вліять на матеріальную сторону ихъ быта. Духовные же изъ таджиковъ, тоже въ силу своихъ матеріальныхъ выгодъ, всегда противодѣйствовали и будутъ впредь противодѣйствовать русскимъ.

Таджики такъ привыкли къ тому, чтобы надъ ними властвовали пришлые, такъ часто переходили изъ города въ городъ, изъ одной провинціи Средней Азіи въ другую, что они считаютъ себя какимъ-то наноснымъ элементомъ, оторваннымъ отъ почвы, бывшей когда-то ихъ отечествомъ; то мѣсто, на которомъ зарытъ прахъ ихъ предковъ, имѣетъ такую же цѣну въ ихъ глазахъ, какъ и то, гдѣ зарыты ихъ кровные враги. Отечество — непонятно таджику, какъ идея отвлеченная. Онъ будетъ защищать свой домъ, землю, капиталъ, можетъ быть даже жену и дѣтей отъ разграбленія непріятелемъ; но, узнавъ, что непріятель не имѣетъ желанія его грабить, какъ частнаго человѣка, что дѣло идетъ о признаніи новой власти, онъ спокойно подчиняется новому правленію и обращается къ своимъ прежнимъ занятіямъ.

Игра, пари сильно увлекаютъ таджиковъ. Въ каждомъ городѣ

Заравшанскаго округа есть особые дома и переулки, куда собираются таджики для игры. Въ домахъ играютъ преимущественно по ночамъ, а въ переулкахъ — днемъ. Игроки иногда проигрываютъ все: они играютъ съ большимъ азартомъ: деньги, одежда, домашній скотъ, даже жена, сестра, дочь, сынъ все идетъ на ставку. Въ игорныхъ домахъ и мѣстахъ воспитываются разбойники и воры. Играютъ въ карты, кости, четъ и нечетъ и въ другія игры.

Въ этихъ же домахъ пьютъ аракъ, покупаемый у евреевъ, мѣстное вино, бузу и отравляются куреніемъ кукнара, банга и тому подобнымъ. Впрочемъ для систематическаго отравленія куреніемъ и напитками существуютъ особыя заведенія. Около игорныхъ домовъ находятся публичные дома, дома бачей... Вообще около нихъ сосредоточиваются подонки общества.

Игорные мѣста и дома служатъ притономъ не однимъ малосостоятельнымъ, но и богачамъ; однако играютъ по преимуществу молодые изъ богатыхъ. Намъ не извѣстенъ ни одинъ богатый игрокъ, который былъ бы пожилыхъ лѣтъ. Изъ бѣдныхъ же, кажется, чѣмъ старѣе, тѣмъ онъ болѣе завзятый игрокъ.

Въ игорныхъ домахъ и на игорныхъ мѣстахъ можно встрѣтить массу зѣвакъ, которые, такъ сказать, только выжидаютъ удобнаго момента, чтобы самимъ наброситься на игру, поставить свою деньгу на карту. Такіе присутствующіе иногда держатъ пари за кого нибудь изъ играющихъ и, проигравшись на пари въ пухъ и прахъ, сами начинаютъ играть.

До чета и нечета нѣкоторые изъ таджиковъ и вообще изъ среднеазіятцевъ до того пристращаются, что не могутъ пробыть минуты, чтобы не играть въ эту игру самимъ съ собою. Намъ приходилось имѣть дѣло съ такими субъектами по слѣдственнымъ дѣламъ. Сидя при допросѣ, они то и дѣло перебрасываютъ небольшіе камешки изъ одной руки въ другую и быстро сосчитываютъ что вышло: четъ

или нечетъ? Они точно помѣшанные: на вопросы отвѣчаютъ не въ попадъ, потому что не слушаютъ ничего, занимаясь игрой.

При шахматныхъ пари (въ шахматы играютъ публично) каждый изъ держащихъ пари имѣетъ право предлагать свой ходъ, который вслухъ обсуживается другими. Удачный ходъ или промахъ противниковъ вызываютъ взрывы хохота, крики удовольствія, остроты, за которыми не рѣдко слѣдуютъ потасовки съ противной стороны.

Таджики дѣлятся на духовныхъ и свѣтскихъ. Духовное званіе или пріобрѣтается рожденіемъ (ходжи и сеиды) или должностью (казіи, муллы, имамы и проч.). Какъ тѣ, такъ и другіе ставятъ себя выше всѣхъ остальныхъ таджиковъ; они записные ханжи и имѣютъ значительное вліяніе на общественное мнѣніе. Представители ихъ держатъ въ своихъ рукахъ остальныхъ своихъ сотоварищей, знакомятся только съ богатыми купцами или важными должностными лицами и выказываютъ полнѣйшее презрѣніе къ мелкимъ торговцамъ, рабочимъ и небогатымъ земледѣльцамъ, которые за ихъ грубое обращеніе платятъ имъ наружнымъ почтеніемъ, униженіемъ себя въ глазахъ такихъ важныхъ особъ, и насмѣшками или сплетнями за глаза.

Свѣтская часть таджикскаго населенія имѣетъ своими представителями богатыхъ купцовъ и землевладѣльцевъ. Вліяніе этихъ представителей на массу опирается на болѣе существенное, нежели вліяніе духовенства—на деньги. Ремесленники, мелкіе торгаши и земледѣльцы всегда находятся въ зависимости отъ капитала. Если еще прибавить, что многіе богатые изъ купцовъ дѣлаютъ въ извѣстные праздники угощеніе народу, томаши, то станетъ очевиднымъ для тѣхъ, кто хотя немного знакомъ съ средне-азіятскимъ населеніемъ, что первостепенное купечество извѣстно массѣ, пользуется ея расположеніемъ, а вслѣдствіе этого купечество имѣетъ и значительное вліяніе на весь народъ; такъ какъ въ средѣ народа всегда находится много личностей, интересы которыхъ тѣсно связаны съ интересами купечества, то слѣдовательно всегда есть и ихъ агенты.

До занятія нами Заравшанскаго округа народъ стоялъ за купечество, а люди служилые (не всегда, впрочемъ) — за духовенство. Въ этой борьбѣ купечеству необходимо было вести дѣло свое очень и очень осторожно: они играли съ огнемъ; противники ихъ, прикрываясь религіею, основывали свои доказательства въ пользу войны съ русскими на указаніяхъ корана и могли всякаго, открыто идущаго противъ ихъ мнѣній, уличить въ измѣнѣ религіи, въ переходѣ на сторону кяфировъ. Но въ купеческой партіи сосредоточивалась вся интеллигенція Средней Азіи и всѣ капиталы, что много уравновѣшивало силы боровшихся.

Съ занятіемъ округа русскими, борьба между купечествомъ и духовенствомъ далеко не прекратилась, а напротивъ, пріобрѣла большую энергію. Но теперь перевѣсъ видимо на сторонѣ купцевъ. Духовенство шипитъ, изливаетъ всю желчь на русскихъ, но можетъ этимъ заниматься, такъ сказать, келейно, въ ограниченномъ кружкѣ. Народъ имъ не довѣряетъ и въ большинствѣ случаевъ радъ радехонекъ, что съ приходомъ русскихъ можетъ на нихъ меньше тратиться.

Дѣти богатыхъ купцовъ и духовныхъ рѣдко когда перемѣняютъ профессію своихъ отцовъ. Дѣти же незначительныхъ купцовъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ при первомъ удобномъ случаѣ, при достаточности матеріальныхъ средствъ и возможности получить образованіе въ медрессе, выходятъ или муллами, или муфтіями и мирзами.

Высшее духовенство и купечество, вмѣстѣ съ должностными лицами составляютъ аристократію округа. Знакомство аристократія ведетъ только со своимъ кругомъ, разбиваясь все таки на много кружковъ. Народъ аристократію знаетъ, приходитъ къ ней въ дома по дѣламъ, на званыя томаши, хвастаетъ въ своей средѣ знакомствомъ съ аристократіей, но въ своихъ домахъ ее не видитъ. Развѣ нечаянно какой нибудь важный духовный или богатый купецъ за-

ѣдетъ на минутку къ обыкновенному смертному; и тогда осчастливленный такимъ посѣщеніемъ таджикъ долго, долго будетъ всѣмъ разсказывать про знаменитое посѣщеніе и про любезности, которыя ему говорила «особа», хотя эта особа, ради сохраненія своей важности, почти все время глубокомысленно молчала, въ любезностяхъ же разсыпался самъ осчастливленный хозяинъ. Сосѣди съ завистью узнаютъ о пріѣздѣ особы, сбѣгаются во дворъ къ счастливцу, но взойти въ комнату, гдѣ особа сидитъ, было бы черезъ чуръ невѣжливо. По этому они и ограничиваются только тѣмъ, что сложивъ на крестъ руки на груди, подходятъ къ дверямъ комнаты, занятой особой, и кланяясь въ поясъ произносятъ *ассалямъ-алей-кумъ*. На это особа дѣлаетъ чуть заметный кивокъ головою и отвѣчаетъ: *«алей-кумъ-ассалямъ»*. Получивъ отвѣтъ, таджикъ, не разгибаясь, пятится назадъ и входитъ въ толпу.

Посидѣвъ не много, особа уходитъ. Съ надутой важностью, медленнымъ шагомъ онъ подходитъ къ своей лошади, среди безмолвной толпы, пораженной его величіемъ. Всѣ кланяются ему низкими поклонами, хватаясь обѣими руками за животъ, какъ требуетъ среднеазіятскій этикетъ. Особа осматриваетъ присутствующихъ... Вдругъ ему почему нибудь захотѣлось обратить на одного изъ среды ихъ свое вниманіе; онъ дѣлаетъ ему кивокъ головой и протягиваетъ руку. Почтенный такою явною, публично выраженною благосклонностью, точно ужаленный, вырывается изъ толпы, сгибается въ три погибели, протягиваетъ обѣ руки впередъ, схватываетъ ими руку особы, прикладываетъ ее къ губамъ и ко лбу и держитъ у лба нѣкоторое время. Потомъ оставивъ руку особы, онъ шепчетъ молитву и, не разгибаясь, пятится въ толпу. Окружающіе, вся толпа, смотрятъ на эту сцену съ умиленіемъ, а осчастливленнаго, когда онъ втиснется въ толпу, непремѣнно двое или трое потреплютъ по спинѣ.

Особа подходитъ къ лошади и хочетъ на нее садиться. Всѣ бросаются къ ней: одни поддерживаютъ его подъ руки, другіе держатъ

стремя и вкладываютъ въ него ногу. Хозяинъ же лѣвой рукой держитъ лошадь подъ уздцы, а правой—помогаетъ особѣ сѣсть на лошадь.

Гость на лошади.

Если онъ первостатейная особа, то хозяинъ и многіе изъ присутствующихъ слѣдуютъ за его лошадью и по сторонамъ пѣшкомъ, и провожаютъ такимъ образомъ почетнаго гостя до его дома. Въ противномъ случаѣ проводы оканчиваются у угла квартала или даже въ концѣ переулка того дома, который былъ посѣщенъ особою. Этикетъ таджикскій не позволяетъ важному лицу ѣхать по городу безъ сопровожденія пѣшихъ служителей, скороходовъ. Если лицо имѣетъ палку, то ее несетъ главный скороходъ.

Когда высокій гость ѣдетъ по улицѣ, на крышахъ домовъ стоятъ и отвѣшиваютъ поклоны всѣ желающіе въ свою очередь быть когда нибудь осчастливленными. Въ щели дверей, заборовъ, воротъ смотритъ не одна пара черныхъ глазъ таджичекъ. Особа проѣхала, но кварталъ все еще находится въ волненіи, конопшится. Идутъ розсказни, подробно передается, что гость говорилъ, на кого обратилъ вниманіе и проч. Каждый увѣряетъ, что онъ, именно смотря на него, больше нагнулъ голову, дѣлая поклонъ всѣмъ, при чемъ даже улыбнулся, иные не нахвалятся его объемистой чалмой, увѣряютъ, что только праведные могутъ имѣть такой важный видъ, какимъ Аллахъ одарилъ особу. Женщины — сосѣдки бѣгутъ къ женѣ взысканнаго милостями особы, засыпаютъ ее вопросами, разспрашиваютъ: что она подсмотрѣла особеннаго въ важномъ лицѣ и тому подобное; сообщаютъ другъ дружкѣ, какъ было бы пріятно быть женой такого лица, причемъ высказывается, что жена подобнаго почетнаго правовѣрнаго не можетъ носить ничего другаго, какъ канаусъ и матерію *фареңе*. Только и слышатся возгласы, да вздохи; «хаиръ, хай!...

Сыновья аристократовъ составляютъ цвѣтъ молодежи округа: они законодатели модъ, даютъ реномме лавкамъ, чайнымъ, парик-

махерамъ, бачамъ и проч. и проч. Они тратятъ отцовскія деньги и дѣлаютъ долги. Имъ вѣрятъ въ долгъ не меньше, чѣмъ прежде вѣрили дѣткамъ европейскихъ аристократовъ, тузовъ. Всѣ ихъ знаютъ, всѣ готовы имъ услужить, разумѣется въ надеждѣ около нихъ поживиться. Они играютъ въ разныя игры, пьютъ.

Праздникъ, для всѣхъ, и для бѣдныхъ, и для богатыхъ, для знатныхъ и для черни одинаково любезенъ: всѣ съ одинаковымъ нетерпѣніемъ поджидаютъ праздника. Къ годовымъ праздникамъ каждый таджикъ, будь онъ старикъ или мальчикъ, непремѣнно купитъ себѣ какую нибудь обнову для своего туалета; въ крайнемъ случаѣ—застежку, но все же купитъ что нибудь. А чуть позволяютъ средства. онъ обновляетъ и весь туалетъ.

Опишемъ праздничный день.

Утромъ, часовъ въ 7 таджикъ начинаетъ одѣваться. Окатившись холодной водой, онъ надѣваетъ чистое бѣлье, сурмитъ брови подводитъ глаза. Жена или сестра помогаютъ ему одѣваться, прикрашиваться.

Халатъ, поясъ не такъ сильно занимаютъ таджика, какъ чалма, Онъ повязываетъ ее передъ зеркаломъ, перемѣняетъ повязку нѣсколько разъ, совѣтуется съ женой или сестрой по нѣскольку разъ, къ лицу ли ему такая-то повязка чалмы и только убѣдившись, что чалма навернута на голову совершенно къ лицу, онъ выходитъ изъ дому.

По улицамъ онъ идетъ, закинувъ голову къ верху (мы говоримъ о такомъ таджикѣ, который купилъ къ празднику весь новый туалетъ), причемъ сильно размахиваетъ руками, но шаги дѣлаетъ маленькіе и идетъ медленно, что дѣлаетъ походку его неестественной и смѣшной. Встрѣчая знакомыхъ, хуже его одѣтыхъ, онъ не узнаетъ ихъ и проходитъ мимо. Дороги онъ никому не уступаетъ, почему то и дѣло сталкивается съ проходящими.

Выйдя изъ переулка на площадь, нашъ гуляющій таджикъ на-

пускаетъ на себя еще больше спѣси, если только это возможно. Онъ заходитъ къ знакомому купцу въ лавку, садится въ ней и посылаетъ за чаемъ въ чайную. Чай принесенъ. Таджикъ пьетъ его, презрительно посматривая на проходящихъ. Халатъ у него полуспущенъ съ плечъ, видна бѣлая рубашка.

Время отъ времени онъ снимаетъ чалму, потряхиваетъ тюбетейку надъ головой и опахивается рубашкой, какъ вѣеромъ: это все дѣлается для того, чтобы показать проходящимъ, что онъ не въ мѣру выпилъ чаю и чувствуетъ необыкновенную жару. Если въ это время въ лавку войдутъ старыя, уважаемыя лица, онъ непремѣнно выставитъ ногу и будетъ ею шевелить — неуваженіе полнѣйшее! Подобный поступокъ можетъ, по таджикскому этикету, позволить себѣ только старшій передъ младшимъ. Проходящіе разсматриваютъ нарядъ нашего гуляки, толкуютъ о достаткахъ владѣтеля подобнаго костюма, перебираютъ шикующаго по косточкамъ, однимъ словомъ обращаютъ на него вниманіе, чего и добивается каждый таджикъ. Посидѣвъ достаточно долго въ одной лавкѣ, таджикъ переходитъ въ другую, гдѣ повторяется тоже самое.

Также точно, съ несущественными измѣненіями, поступаютъ и всѣ купившіе себѣ обнову, т. е. всѣ достаточные люди изъ таджиковъ. Уже подъ вечеръ, выпивъ не одну дюжину чашекъ чая, вдоволь натѣшивъ свое самолюбіе, намозоливъ своею особою глаза всѣмъ, вызвавъ достаточно зависти, показавшій себя таджикъ идетъ домой. Дома, вертясь въ своемъ нарядѣ передъ женой или сестрой, онъ съ мелочною подробностью и съ прибавленіями противъ дѣйствительности, разсказываетъ имъ: какъ онъ шелъ по улицѣ, по площади, сидѣлъ въ лавкѣ, сколько выпилъ чаю съ сахаромъ (хотя можетъ быть пилъ и безъ сахару), какъ прохожіе удивлялись ему, костюму его и важному виду, какъ онъ извѣстному лицу за то, что тотъ не далъ ему дороги, наговорилъ дерзостей и заставилъ при всѣхъ его извиняться передъ собой и проч. Жена только успѣваетъ дѣлать

возгласы: «хаиръ! хаиръ!» и временами прибавлять: «да я всегда была увѣрена, что ты знаешь, какъ себя держать; ты не похожъ на своихъ сосѣдей». А выслушавъ все отъ мужа, она спѣшитъ къ сосѣдкѣ, чтобы съ прикрасами передать ей невѣроятно замѣчательныя похожденія своего мужа. И долго послѣ этого событія ни мужъ, ни жена не даютъ никому покоя своими разсказами, а имъ другіе о томъ же предметѣ.

Нарядъ, одежда въ таджикской средѣ играетъ весьма важную роль, служитъ оцѣнкой дѣятельности, положенія въ обществѣ. Таджикъ по платью встрѣчаетъ, по платью же и провожаетъ. Кто всегда одѣвался хорошо, щеголялъ своимъ платьемъ и вдругъ появился на гуляньѣ въ старомъ, тотъ вызоветъ на счетъ себя со стороны его знающихъ или только видѣвшихъ его хотя бы одинъ разъ, самыя щекотливыя замѣчанія и пересуды. Сейчасъ же пойдутъ предположенія о его мотовствѣ, игрѣ въ карты, пьянствѣ и проч. Предположеніе переходитъ въ увѣренность, съ прибавленіемъ сомнѣнія о достоинствѣ его, какъ мусульманина: «пока онъ былъ добрымъ правовѣрнымъ, до тѣхъ поръ пророкъ былъ щедръ къ нему, не лишалъ его богатства, предохранялъ отъ пороковъ», говорятъ досужіе языки. Вотъ почему таджикъ будетъ отказывать себѣ въ пищѣ, въ поправкѣ своего жилища, но постарается появляться въ людномъ мѣстѣ въ праздничные дни въ обновѣ, одѣтымъ, не хуже того, какъ его привыкли обыкновенно въ такіе дни видѣть. Въ будній день, за малыми исключеніями, таджикъ ходитъ въ отрепьяхъ.

XXXVI. У З Б Е К И.

Узбекъ и киргизъ по мнѣнію г. Гребенкина одно и тоже, но цѣльный киргизскій типъ въ Заравшанскомъ округѣ встрѣчается только между кипчаками и ктаями. Остальные же узбеки приняли въ себя кровь разныхъ народовъ Средней Азіи и очевидно черезъ это весьма сильно измѣнили свой первоначальный типъ.

Узбеки говорятъ, что названіе ихъ произошло отъ двухъ словъ: *Узи* и *бекъ*—самъ себѣ бекъ, самъ господинъ. Но такъ какъ слово *бекъ* не *тюркско-кочевое* слово, то, принявъ ихъ объясненіе существующаго для нихъ названія за вѣрное, нужно допустить, что «узбеками» они назвали себя уже послѣ покоренія Средней Азіи. Если толкованіе происхожденія названія «узбеки» вѣрно, то во всякомъ случаѣ не для настоящаго времени. Теперь узбекъ не господинъ: онъ новый рабъ тѣхъ, которые пожелаютъ и съумѣютъ имъ владѣть.

Все матеріальное благосостояніе узбековъ находится въ рукахъ таджиковъ, индійцевъ и евреевъ.

Жизнь ихъ зависитъ отъ произвола бековъ-персіянъ, или хотя и узбековъ, но которые уже не признаютъ родовой связи по племенамъ и для которыхъ торговый классъ населенія ихъ бекства дороже всего. Ихъ духовенство, ихъ грамотные, амлякдары, мирзы и

проч. — это все не узбеки, или съ рѣдкими исключеніями узбеки. Постоянное войско эмира состоитъ меньше всего изъ узбековъ: узбекъ, привыкшій къ лошади, въ сарбазы не пойдетъ.

Эмиръ, говорятъ узбеки, родомъ мангитъ; все это хорошо, но въ немъ узбекскаго ничего нѣтъ и онъ ихъ терпѣть не можетъ, какъ въ высшей степени неспокойныхъ своихъ подданныхъ.

Эмиръ смотритъ на узбековъ какъ на малыхъ, глупыхъ дѣтей; онъ знаетъ, что эти дѣти могутъ шалить, и знаетъ, какъ съ ними слѣдуетъ поступать. Чтобы они не очень разшаливались, эмиръ рѣжетъ ихъ родовитыхъ представителей и ласкаетъ второстепенныхъ.

Узбеки составляютъ, какъ извѣстно, громадное большинство населенія Средней Азіи, а слѣдовательно и нашего Заравшанскаго округа. Эмиры могутъ, собственно говоря, опираться только на нихъ. Эмиры и упирались всегда на узбековъ, но для опоры выбирали только извѣстные роды ихъ, болѣе спокойные, не имѣющіе родовитыхъ представителей.

По отношенію къ эмирамъ, узбековъ округа можно раздѣлить на всегдашнихъ сторонниковъ эмира и на постоянныхъ его противниковъ. Замѣчательно, что враги эмира — по преимуществу осѣдлые узбекскіе роды, занимающіе плодороднѣйшія мѣста округа. Тѣмъ не менѣе, покрайней мѣрѣ въ настоящее время, эти роды не могутъ быть причислены къ богатымъ. Возстанія узбековъ округа всегда были кровавы и не рѣдко весьма продолжительны. Музаффаръ усмирилъ ихъ и перерѣзалъ всѣхъ вліятельныхъ лицъ возставшихъ родовъ, не разбирая, кто правъ, кто виноватъ. Прежде узбеки имѣли весьма много крѣпостей; особенно ихъ много было у ктаевъ, кипчаковъ и мингонъ. Беки такихъ крѣпостей не только дѣлали нападенія на другіе роды, но даже дрались съ такими же беками своихъ родовъ. По словамъ старожиловъ, весь Міанканъ былъ раздѣленъ на множество маленькихъ бекствъ, владѣвшихъ иногда только нѣсколькими кишлаками. Въ мирѣ они не жили между собой и не оста-

вляли въ покоѣ никого: ни купцовъ, ни горожанъ, ни путешественниковъ. Только и были слышны разсказы про грабежи, убійства, драку одного бека съ другимъ. Весь Міанканъ былъ наполненъ странствующими разбойниками.

Уничтоженіе произвольныхъ бекствъ и разрушеніе ихъ крѣпостей стоило Сеиду и Насръ-Улла-хану не малыхъ усилій: имъ приходилось строить между двумя такими курганами свой курганъ и брать бекскіе курганы приступомъ. Гарнизоны взятыхъ крѣпостей безжалостно вырѣзывались, а самыя крѣпости, всегда построенныя на высокихъ насыпныхъ барханахъ, срывались. Можно насчитать до 100 крѣпостей, разрушенныхъ двумя названными эмирами.

Объ этомъ времени старожилы возстававшихъ родовъ вспоминаютъ съ содроганіемъ и страшною ненавистью къ эмирамъ бухарскимъ. Ктаи и кипчаки ненавидятъ эмировъ въ силу историческихъ событій; ненависть эта передается у нихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію: разсказы матерей и отцовъ возбуждаютъ въ молодомъ поколѣніи желаніе, при первой же представившейся возможности, возстать противъ эмировъ. Разумѣется, теперь прошло время для возстанія ктаевъ и кипчаковъ противъ бухарскихъ властителей.

На спросъ, почему узбеки считаютъ эмировъ бухарскихъ своими душманами (врагами), ктаи и другіе узбеки возстававшихъ родовъ говорятъ «эмиры всегда насъ притѣсняли, дѣлали на насъ большіе налоги, нежели на другихъ узбековъ, рѣзали нашихъ старшинъ, давали намъ сборщиковъ *сартовъ* или ирани», и проч. въ томъ же родѣ. На самомъ же дѣлѣ притѣсненіе такихъ родовъ эмирами ограничивалось тѣмъ, что имъ не позволяли жить грабежемъ и разбоемъ, вводили среди ихъ гражданское устройство и признавали за ними столько же права, какъ и за прочими жителями Міанкана.

Родовая связь у узбековъ, на сколько можно убѣдиться, ограничивается однимъ родомъ.

Болѣе сильные роды удержали еще старинныя преданія о своемъ

бывшемъ могуществѣ и, слѣдовательно, питаютъ презрѣніе къ остальнымъ. Все это выражается у узбековъ въ женитьбѣ. Такіе роды брачатся по преимуществу между собою; а если и берутъ себѣ женъ изъ другихъ болѣе низкихъ родовъ, то за то сами не даютъ своихъ дѣвушекъ имъ. Правда и то, что если узбекъ говоритъ, что ихъ родъ не выдаетъ своихъ дочерей въ другой родъ, то такой разсказъ, вообще говоря, слѣдуетъ отнести къ хвастовству: не выдаютъ одни богачи или родовитые, а бѣдняки берутъ себѣ женъ изъ того рода, въ которомъ ихъ продаютъ дешевлѣ, выдаютъ же въ тотъ родъ, въ которомъ даютъ больше. У узбековъ не считается униженіемъ брать себѣ жену изъ низшаго рода, если у него ихъ нѣсколько; но родовитому отдать свою дочь замужъ за субъэкта низшаго рода, да еще и ничѣмъ не замѣчательнаго, положительный позоръ.

Разумѣется, большой калымъ, знатность рода жениха и его богатство,—для средне азіятца, какъ и для европейцевъ, служатъ достаточными данными, чтобы выдать свою дочь за кого угодно. Узбекскія же женщины, въ выборѣ себѣ мужей, не разборчивы: имъ все равно за кого бы ихъ не выдали.

Всѣ занятія домашнія и полевыя (въ нѣкоторыхъ семействахъ и паханье земли) лежатъ на женахъ. Они смотрятъ за хозяйствомъ, собираютъ топливо, приготовляютъ кизякъ, прядутъ, обшиваютъ всю семью, ткутъ (подкладочное полотно—астаръ), выдѣлыватъ овчину, дубятъ кожи и красятъ ихъ, шьютъ шубы и проч. и проч. Кромѣ того и въ полевыхъ работахъ на долю женщины выпадаетъ не мало: она пашетъ, помогая въ этомъ трудѣ мужу, брату или сыну; взрываетъ текменемъ гряды въ садахъ, жнетъ, свозитъ или сноситъ снопы на хирманы (токъ), провѣваетъ ихъ. Однимъ словомъ, женщина у узбековъ—волъ, на которомъ работаютъ безъ отдыха. Хотя немножко самостоятельный мущина узбекъ старается ничего не дѣлать; онъ разъѣзжаетъ съ базара на базаръ, посѣщаетъ знакомыхъ и рѣдко бываетъ дома.

Деньги всегда у мужа. Онъ выдаетъ ихъ женѣ на расходы съ большимъ разсчетомъ. Даже больше: все обыденное хозяйство обязана вести жена на свои заработки, на выручку отъ пряжи, продажи коконовъ и т. под.

Только празднества совершаются на мужнины деньги; изъ своихъ же зароботковъ жена-мать покупаетъ дѣтямъ обновки; отецъ заботится почти исключительно о своемъ любимомъ ребенкѣ.

Самые богатые узбеки донашиваютъ свое платье до обращенья въ лохмотья, и, доносивши до такой степени, они отдаютъ его или работникамъ или приказываютъ женамъ выкроить изъ него одежду своимъ дѣтямъ.

Забота о дѣтяхъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, составляетъ для узбека послѣднее дѣло. Когда ребенокъ выросъ и укрѣпился на столько, что уже можетъ быть рабочей силой, тогда онъ становится нужнымъ въ семействѣ и на него начинаютъ обращать вниманіе, т. е. наваливаютъ работу. Умъ, красота, находчивость признаются въ ребенкѣ, какъ и во взрослomъ, за ничто.

Рожденіе сына всегда болѣе радуетъ отца. Чувства матери, кажется, лежатъ больше къ дочери. Въ дочери мать видитъ свою будущую помощницу, а отецъ смотритъ на малютку-сына какъ на будущаго своего работника.

Особенной любви между родителями и дѣтьми не существуетъ. Матъ и отецъ зачастую подвергаются побоямъ сыновей; ругательства самыя пошлыя, какъ со стороны сына, такъ и со стороны дочери, никто изъ узбековъ отцовъ и матерей не считаетъ предосудительными.

Если у узбека нѣсколько женъ, то онъ старается держать ихъ отдѣльно одна отъ другой, не въ силу предписанія корана, котораго онъ не знаетъ, да и не старается знать, а потому, что, въ большинствѣ случаевъ, физически невозможно держать ихъ въ смежныхъ комнатахъ. Живя нераздѣльно, онѣ каждый день будутъ драться и

какъ кошки царапать другъ другу лицо. Еще въ худшемъ положеніи бываетъ мужъ, если всѣ его жены имѣютъ дѣтей: тогда къ дракамъ благовѣрныхъ его часто присоединяются драки ихъ дѣтей, и выходитъ адъ, а не семейная жизнь. Однако семейныя несогласія, о которыхъ мы сейчасъ говорили, происходятъ не отъ ревности, какъ съ перваго раза можно подумать, такъ какъ о ревности азіатки не имѣютъ никакого понятія: ревность въ европейскомъ смыслѣ для нихъ пустой звукъ, безъ всякаго внутренняго содержанія. Мужъ по узбекски значитъ *иркекъ* — самецъ; слово иркекъ одинаково примѣняется къ быку, собакѣ и т. п. Несогласія между женами одного иркека происходятъ не изъ обыкновенной ревности, а отъ матеріальныхъ удобствъ и неудобствъ, отъ желанія каждой жены побольше имѣть вліянія на хозяйство иркека, отъ того, что одна изъ самокъ получила лучшій платокъ отъ самца, а другая — худшій. «Мнѣ все равно—любитъ-ли меня мужъ, или нелюбитъ, лишь бы онъ дѣлалъ мнѣ хорошіе подарки. Если онъ мой иркекъ—онъ любитъ меня»—такъ, или почти такъ, говорятъ узбечки.

Узбеки не женятся на очень молодыхъ женщинахъ. Здѣсь идетъ рѣчь о большинствѣ, а не о богачахъ, которые имѣя по нѣскольку женъ, (наприм. 11 женъ), женятся, ради разнообразія, на 10-ти лѣтнихъ. Небогатый узбекъ ищетъ въ женѣ хорошую работницу, неутомимаго вола. Молодая жена не вынесетъ тяжелой работы, на которую ее обрекаетъ замужество, не дастъ мужу возможности ничего не дѣлать по хозяйству; поэтому въ бракъ дѣвушки (онѣ только оффиціально величаются дѣвушками) вступаютъ, въ большинствѣ случаевъ, лѣтъ 15—20.

Въ нѣкоторыхъ узбекскихъ родахъ въ обычаѣ отдѣлять женившихся сыновей; въ другихъ они весьма долго живутъ вмѣстѣ съ отцомъ, имѣя съ нимъ одинъ котелъ; и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, семейство, состоящее изъ 10 женатыхъ сыновей, имѣющихъ въ свою очередь дѣтей, считается за одинъ дворъ.

Калымъ, выкупъ, приданое, вносимое женихомъ за будущія услуги жены, не всегда составляютъ необходимое условіе при заключеніи узбеками брака; зачастую женятся безъ всякаго калыма.

Хорошіе пріятели или бѣдняки, при женитьбѣ, калыма не вносятъ; этотъ обычай, встрѣчается впрочемъ не во всѣхъ узбекскихъ родахъ. Друзья иногда дѣлаютъ такого рода условія (что въ обычаѣ и у киргизъ): родившихся у нихъ дѣтей разнаго пола съ самаго рожденія считать женихомъ и невѣстой. Такія дѣти ростутъ вмѣстѣ, а придя въ возрастъ, вступаютъ въ бракъ, не уплачивая калыма. Однако женихъ, въ подобныхъ, заранѣе приготовленныхъ бракахъ, имѣетъ полное право отказаться отъ женитьбы на дѣвушкѣ, предназначенной ему въ жены еще до его рожденія.

Бѣдняки или заработываютъ себѣ жену у ея родныхъ, или, женившись на дочери, остаются у отца въ работникахъ, т. е. заработываютъ калымъ уже послѣ женитьбы. Бываетъ, что мужчина только сожительствуетъ съ женщиной, но формальнаго брака не заключаетъ, т. е. читается «фатиха», но «никахъ» (свадьба) не совершается. Въ такомъ случаѣ, для виду разумѣется, стараются скрывать сожительство отъ отца женщины.

Мать о подобномъ, по ихъ понятію, противузаконномъ сожительствѣ всегда знаетъ и она же его устраиваетъ. Случаи подобнаго *полубрака*—далеко не рѣдкость между бѣдняками.

Всякій узбекъ, желающій жениться, посылаетъ въ семейство своей невѣсты сватовъ. Получивъ согласіе родителей быть иркекомъ ихъ дочери, онъ, по обычаю, не можетъ уже показывать своего лица ни отцу невѣсты, ни ея матери. Онъ долженъ избѣгать съ ними встрѣчъ; если же нечаянно встрѣтится, то обязанъ, чтобы не нарушить приличія, закрыться халатомъ и отворотиться, т. е. сыграть роль женщины, встрѣтившейся съ мужчиной. Что послужило причиной возникновенія такого обычая, неизвѣстно; не знаютъ этого и сами туземцы.

По этому поводу туземцы говорятъ слѣдующее: кто хочетъ жениться, тому должно быть стыдно предъ отцомъ и матерью своей невѣсты; онъ не смѣетъ смотрѣть имъ въ глаза; онъ долженъ, чтобы не оскорблять будущаго своего тестя и тещу, скрывать отъ нихъ свое лицо. Мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь объясненія зарафшанцевъ, почему женщина должна скрывать свое лице отъ мужчины. Въ коранѣ на этотъ счетъ есть положительное указаніе; оно формулировано такъ: «женщина не можетъ показывать свое лицо руки и ноги (голыя) тому, за кого она можетъ выйти замужъ»; Узбеки, будучи не знакомы съ теоріей своей религіи, принявъ только внѣшнюю, обрядовую ея сторону, по преданію, при объясненіи причины закрыванія лица женщиной при встрѣчѣ съ мужчиной, не обращаются къ корану, а основываютъ правильность этого обычая на такихъ соображеніяхъ: женщина, говорятъ, они, ниже мужчины, присутствіе ее среди мужчинъ оскорбительно для послѣднихъ. Слѣдовательно, женщина должна, при встрѣчѣ съ мужчинами, закрываться или прятаться за заборъ, въ яму; но если ни забора, ни ямы по близости нѣтъ, то присѣсть на корточки, оборотясь къ мущинѣ спиною. Предполагается, что проѣзжающій иркекъ очень важная особа (бекъ, начальникъ отдѣла и т. п.).

Итакъ, обычай закрыванія женщины существуетъ, есть и объясненіе ему; но всегда-ли этотъ обычай соблюдается?

Въ городахъ, гдѣ много духовенства, гдѣ большинство жителей — таджики, обычай этотъ, впрочемъ съ грѣхомъ по-поламъ, соблюдается лишь на людныхъ улицахъ, базарахъ, площадяхъ. Въ кишлакахъ же, между сплошнымъ узбекскимъ населеніемъ, женщина свободно ходитъ открытой и закрывается только передъ русскими или духовенствомъ.

Намъ кажется, что обычай скрывать свое лицо отъ отца и матери невѣсты можно объяснить тѣмъ, что узбекъ очень развратенъ въ душѣ. Желая скрыть свой нравственный развратъ предъ отцомъ

и матерью будущей жены, узбекъ хочетъ показать себя пуританиномъ и на столько непорочнымъ, что даже законное и вполнѣ естественное сожительство съ женщиной считаетъ какъ-бы предосудительнымъ. Узбеки сами говорятъ: какъ же я буду смотрѣть въ лицо отцу моей невѣсты, когда я уже заявилъ, что хочу съ ней жить?

Женихомъ узбекъ бываетъ отъ нѣсколькихъ дней до нѣсколькихъ лѣтъ. Вообще, узбекъ считается женихомъ до тѣхъ поръ, пока онъ или не выплатитъ калыма за свою жену, или же пока отецъ, мать и родственники невѣсты не заявятъ, что они считаютъ калымъ уплаченнымъ, хотя въ дѣйствительности женихъ еще и не внесъ его сполна. Когда узбекъ получилъ согласіе отца или родныхъ невѣсты на бракъ съ нимъ, старшіе члены желающихъ породниться домовъ, безъ вѣдома жениха и невѣсты, составляютъ масляхатъ, т. е. совѣтъ о величинѣ калыма, о времени прочтенія молитвы фатиха, или, какъ узбеки выражаются, о времени *ломанія лепешки* и совершенія свадьбы. Состояніе жениха взвѣшивается обѣими сторонами и, смотря по тому — большое оно или нѣтъ, назначается болѣе или менѣе продолжительный срокъ для совершенія *никаха*, т. е. свадьбы. Величина же калыма по преимуществу и почти единственно зависитъ отъ состоянія родителей невѣсты, но не отъ родовитости ихъ. Калымъ потерялъ свое первоначальное значеніе въ заравшанскомъ округѣ: онъ сталъ просто подаркомъ, дѣлаемымъ стороною жениха сторонѣ невѣсты, или тратой на угощенія, дѣлаемыя родственниками невѣсты родственникамъ жениха, знакомымъ его и своимъ знакомымъ. Поэтому случается, что родители невѣсты не получаютъ отъ жениха ни копѣйки денегъ, ни одного барана.

Мы немного остановимся на вопросѣ о калымѣ.

Съ момента засватанія, женихъ и его родители дѣлаютъ подарки невѣстѣ и ея роднымъ.

Подарки состоятъ изъ платковъ (коп. въ 20 и выше), гребешковъ

мѣдныхъ серегъ, колецъ, лентъ, маты на рубашки и разныхъ другихъ туземныхъ матерій, а также и фаренги (русскихъ и англійскихъ). лакомства также играютъ роль: дарятъ сѣру для жеванія, изюмъ, урюкъ, медъ, куски сахару и т. п. Иногда дарятъ мясо, баранину, сало, рисъ, горохъ и другой зерновой хлѣбъ. Стоимость всѣхъ подарковъ тщательно запоминается обѣими сторонами, во первыхъ для того, чтобы, если свадьба не состоится, одна сторона могла потребовать подарки назадъ, а другая не переплатить лишняго; во вторыхъ, чтобы, при заключеніи брачнаго листа, весь этотъ расходъ включить въ счетъ калыма. Мы говоримъ это про большинство. Богатые же, кромѣ подарковъ, выплачиваютъ еще извѣстное количество денегъ родителямъ невѣсты или даютъ стадо барановъ, лошадей, быковъ, ишаковъ и верблюдовъ.

Когда родители невѣсты получили уже отъ жениха или его родныхъ нужное по уговору количество калымнаго взноса, назначается день *никахъ-тоя*—день свадьбы.

По извѣстному магометанскому правилу, женихъ не можетъ видѣть невѣсту; но въ заравшанскомъ округѣ этого не придерживаются, и женихъ не только хорошо знаетъ свою невѣсту, но зачастую и живетъ съ ней какъ съ женою.

Свадьба совершается у отца невѣсты на деньги жениха. Обрядъ бракосочетанія состоитъ въ томъ, что съ общаго согласія родителей и родственниковъ брачущихся, заключается у казія (обыкновенно у повѣреннаго казія) контрактъ, гдѣ прописывается, что *такой-то* внесъ за *такую-то столько-то*. Однако, до прочтенія (послѣ усиленной ѣды), молитвы *никахъ* надъ чашкой съ водой, женихъ еще не называется мужемъ, а невѣста — женой. При чтеніи этой молитвы присутствуетъ только женихъ; вмѣсто же невѣсты—ея повѣренный (уакиль); кромѣ того мулла, читающій молитву, старики-родные, родители и аксакалы (бѣлобородые). Иногда при этой церемоніи бываютъ и *кемпыръ* (старухи).

Еще задолго до свадьбы, женихъ и невѣста выбираютъ себѣ дружекъ. Первый — изъ молодыхъ парней одного съ нимъ рода, а вторая — изъ дѣвушекъ, ближайшихъ ея родственницъ.

Никахъ прочитывается обыкновенно послѣ заката солнца; по прочтеніи молитвы опять начинается ѣда; мужчины ѣдятъ въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ отъ женщинъ. Въ промежутокъ между ѣдою пляшутъ бачи (если узбекъ отаджичившійся), поютъ пѣсни, играютъ на дутарѣ или сопѣлкахъ. Тѣмъ же самымъ занимаются и женщины, съ тою только разницею, что у нихъ пляшутъ не бачи, а молоденькія дѣвушки, ударяя въ бубны.

Угощеніе или *томаша*, тянется далеко за полночь. Потомъ женихъ посылаетъ сказать женщинамъ, окружающимъ его невѣсту, что онъ идетъ къ женѣ. Всѣ женщины *) зажигаютъ свѣчи и выходятъ къ молодому на встрѣчу; молодая же остается въ саклѣ, гдѣ сидитъ за занавѣсью, разгораживающею комнату на двѣ неравныя части: въ большей обыкновенно сидятъ почетныя женщины, въ меньшей — молодая. Молодой идетъ на женскую половину въ сопровожденіи дружекъ и молодежи. Въ тотъ моментъ, когда вся эта ватага хочетъ войти въ отдѣленіе женскаго помѣщенія, женщины съ крикомъ бросаются на нее, стараясь отбить молодаго. Происходитъ порядочная свалка, во время которой женщины визжатъ, машутъ зажженными свѣчами, поджигаютъ халаты и бороды мужчинамъ; а мужчины, пользуясь суматохой, позволяютъ себѣ разныя вольности, что еще усиливаетъ визгъ прекраснаго пола. Наконецъ женщины овладѣли женихомъ. Одна изъ нихъ беретъ его голову къ себѣ подъ мышку и тащитъ его къ молодой. Прочія женщины сопровождаютъ ихъ, а мужчины, лишившись молодаго, возвращаются на свою половину и принимаются за ѣду. Молодой, введенный въ саклю, обязанъ угощать всѣхъ женщинъ

*) Этотъ обычай не вездѣ соблюдается.

кушаньями, лепешками, сластями, а онѣ занимать его разговорами. Разговоры бываютъ обыкновенно очень сальные и состоятъ изъ разныхъ двусмысленностей насчетъ новобрачныхъ. Замѣчу кстати, что сальности, которыя говорятся между самыми лучшими туземками округа, едва-ли когда могутъ быть произнесены самыми отпѣтыми мужчинами-европейцами.

Молодая все это время сидитъ за занавѣсью на постели, состоящей у богатыхъ изъ 10—30 ватныхъ одѣялъ, положенныхъ одно на другое. Насладившись бесѣдами подругъ своей жены и угостивши ихъ, молодой отправляется къ женѣ, куда имъ ставятъ неизбѣжный пловъ и разныя сласти. Подруги же ея продолжаютъ угощаться. Часовъ около трехъ ночи молодой объявляетъ, что подругамъ его жены пора уходить. Въ отдѣленіи мужскомъ къ этому времени остаются одни не женатые; они пируютъ до восхода солнца. Сакля, въ которой находится брачная постель, убирается всѣмъ приданымъ невѣсты: ниши завалены одѣялами (говоримъ о богатыхъ свадьбахъ), подушками, коврами; жерди и протянутыя веревки увѣшаны халатами, платками, рубахами, штанами (женскими) и прочими принадлежностями женскаго туалета и спальни. На полу разставлены калоши, и ичеги. При восходѣ солнца, молодой оставляетъ комнату своей жены и идетъ къ пирующимъ холостякамъ, съ которыми и доходитъ до своего дома.

Свадьба совершена, *обязательная* по обычаю первая ночь проведена молодыми въ домѣ отца жены. Послѣ этой ночи, мужъ имѣетъ уже право, если найдетъ свою жену не дѣвицей, немедленно развестись съ ней; причемъ ему возвращается весь калымъ, все, что онъ затратилъ.

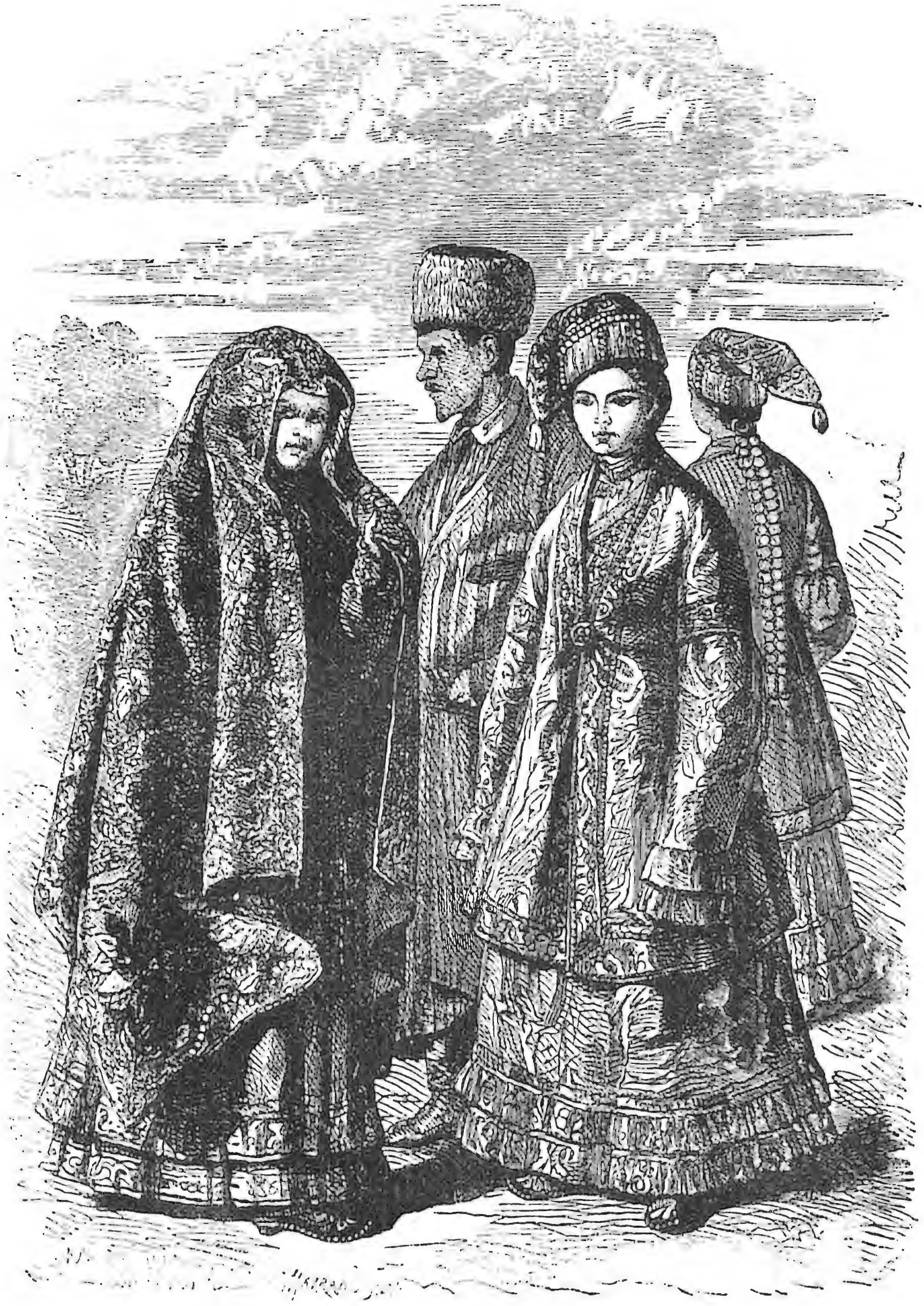
Въ этомъ случаѣ голословное обвиненіе мужемъ жены ничего не значитъ; оно должно быть подтверждено матерями жены и мужа и третьей посредницей, которыя, по обычаю, приходятъ вмѣстѣ въ брачную комнату по уходѣ мужа. Кромѣ того, при осмотрѣ прини-

мается во вниманіе: жилъ-ли мужъ съ женою будучи еще ея женихомъ; о сожительствѣ этомъ *всегда* знаютъ сосѣди. Къ чести узбековъ должно отнести, что подобное обстоятельсто, какъ отсутствіе доказательства невинности жены, не служитъ у нихъ поводомъ не только къ разводамъ, но даже къ какимъ бы то ни было несогласіямъ. Они говорятъ: «жениться на вдовѣ и жениться на дѣвушкѣ, находившейся въ короткихъ отношеніяхъ съ мужчиной,—все равно Женщина не отвѣчаетъ передъ своимъ мужемъ за прежній образъ жизни. Пока она не жена она свободна» и т. п.

Мужъ можетъ перевести жену въ свой домъ черезъ 2—3 дня, но можетъ оставить ее въ домѣ родителей. Въ первомъ случаѣ, при введеніи молодой въ домъ ея мужа, присутствуютъ всѣ дружки молодаго; при этомъ онъ въ послѣдній разъ угощаетъ ихъ какъ холостякъ. Съ того мгновенія, какъ въ его домѣ поселилась жена, холостяки ему уже не пара. Во второмъ случаѣ, мужъ ходитъ къ женѣ украдкой, по ночамъ. Его должна встрѣчать и провожать въ саклю жены старуха, близкая родственница жены. Жена хотя имѣетъ отдѣльную саклю, но въ занятіяхъ своихъ подчинена отцу и матери.

Случается, что замужняя узбечка живетъ особнякомъ года четыре и переѣзжаетъ къ мужу уже имѣя трехъ-четырехъ дѣтей.

Во все время раздѣльнаго сожительства, мужъ не долженъ показываться ни отцу, ни матери своей жены.

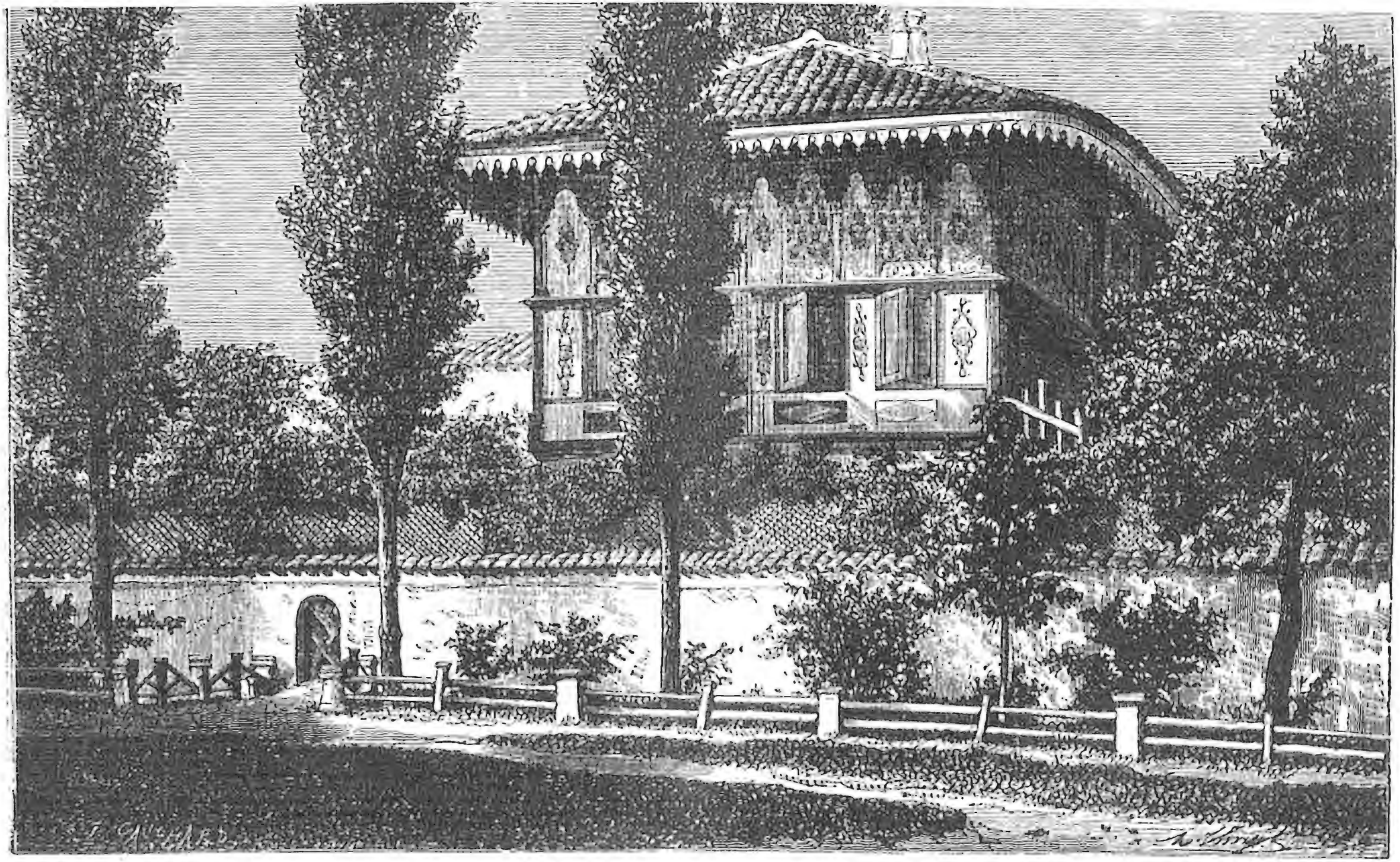


КАЗАНСКІЕ ТАТАРЫ.

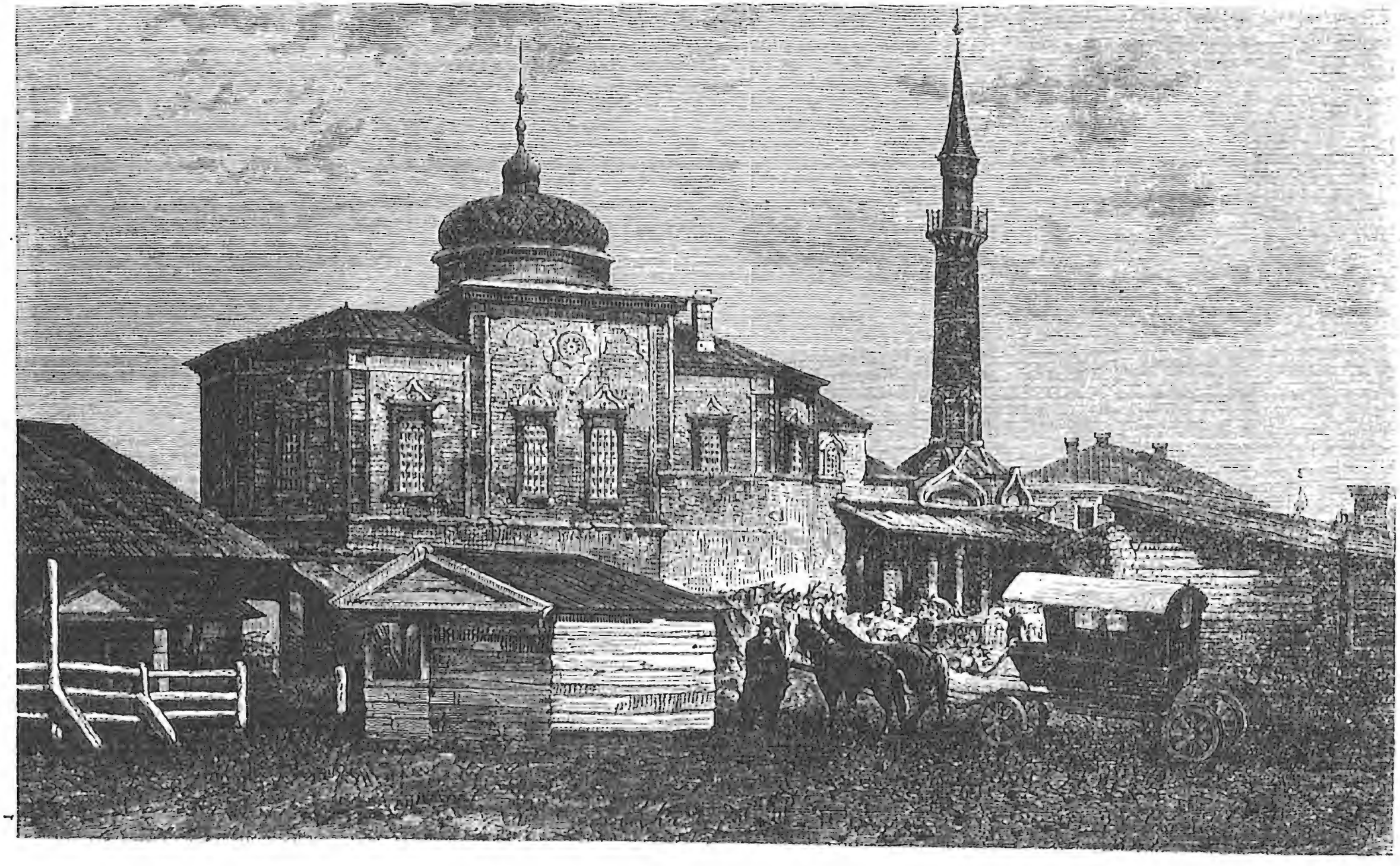
КАЗАНСКІЙ КРЕМЛЬ.

ВИДЪ ПРАВОСЛАВНАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ КАЗАНЪ.

СТАРООБРЯДЧЕСКІЙ МОНАСТЫРЬ ВЪ КАЗАНЪ.



ВАХЧИСАРАЙСКІЙ ДВОРЕЦЪ.



УЛИЦА ВЪ БАХЧИСАРАѢ.

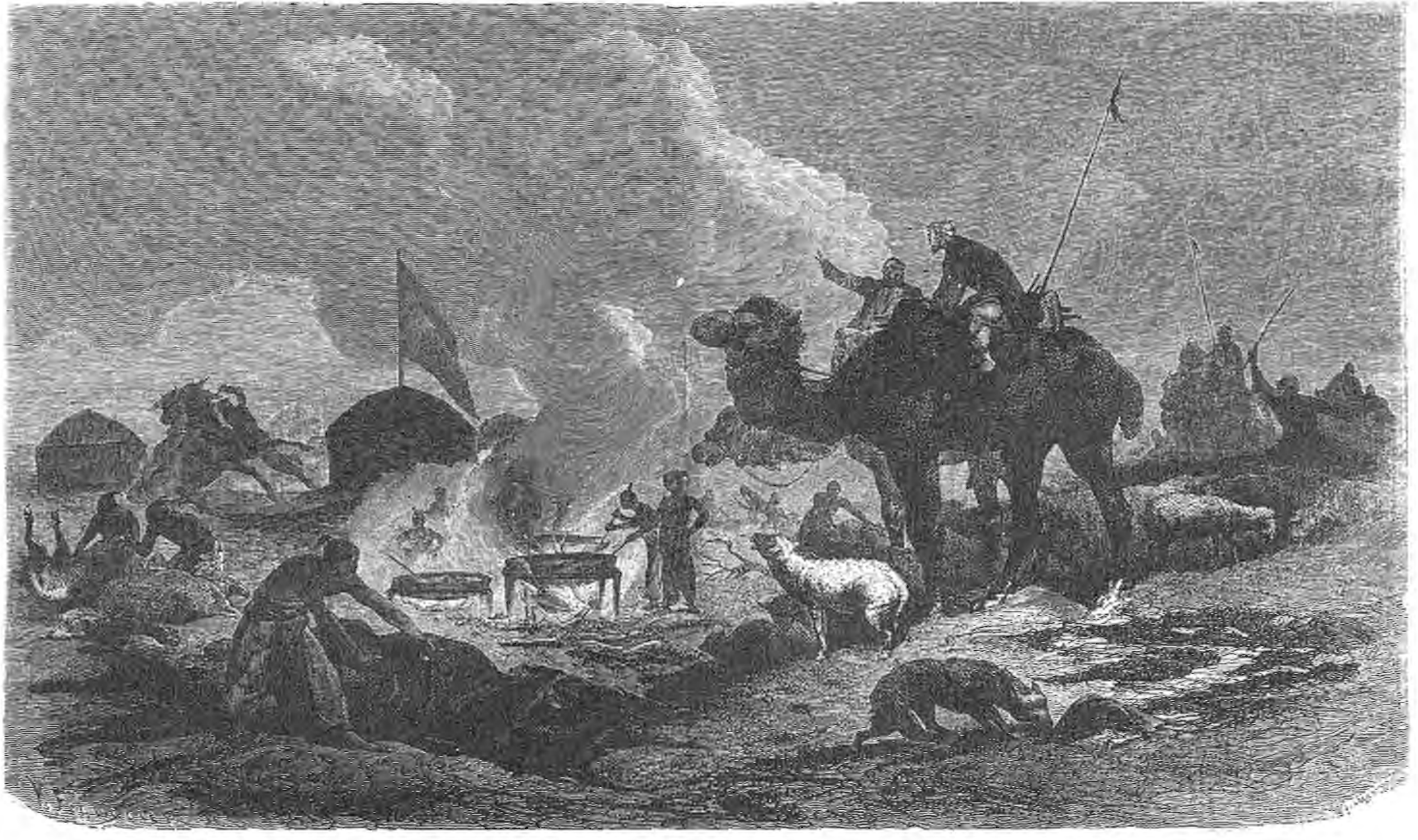
БАШКИРЫ.

КИРГИЗЫ.

ВНУТРЕННОСТЬ СУЛТАНСКОЙ ЮРТЫ.

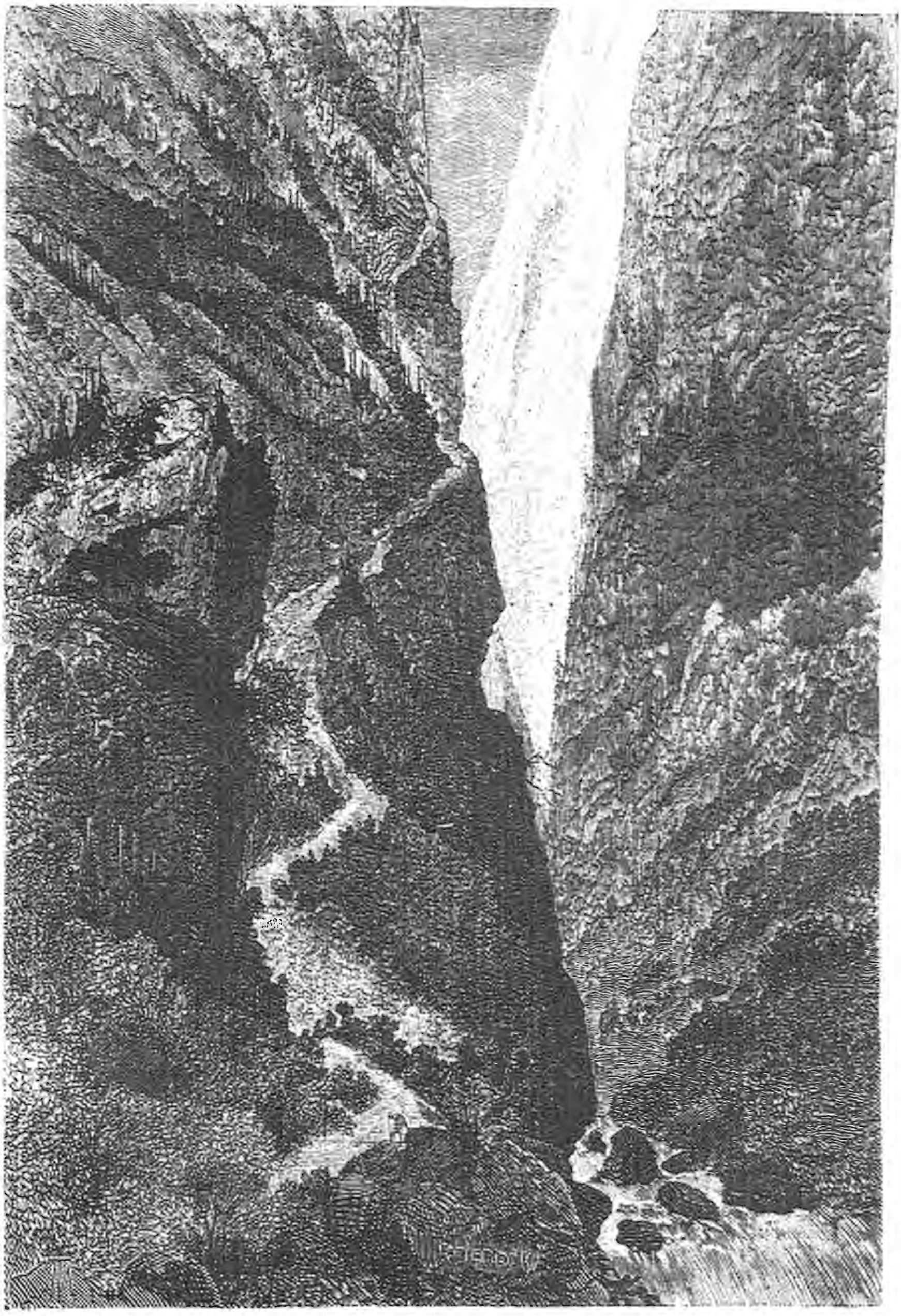
Киргизскій султанъ въ семейной юртѣ.

КИРГИЗСКІЙ СУЛТАНЪ, ЕГО ЖЕНЫ И ПѢВЕЦЪ.



КИРГИЗСКІЕ ПОХОРОНЫ.

КАВАРДИНЕЦЪ.

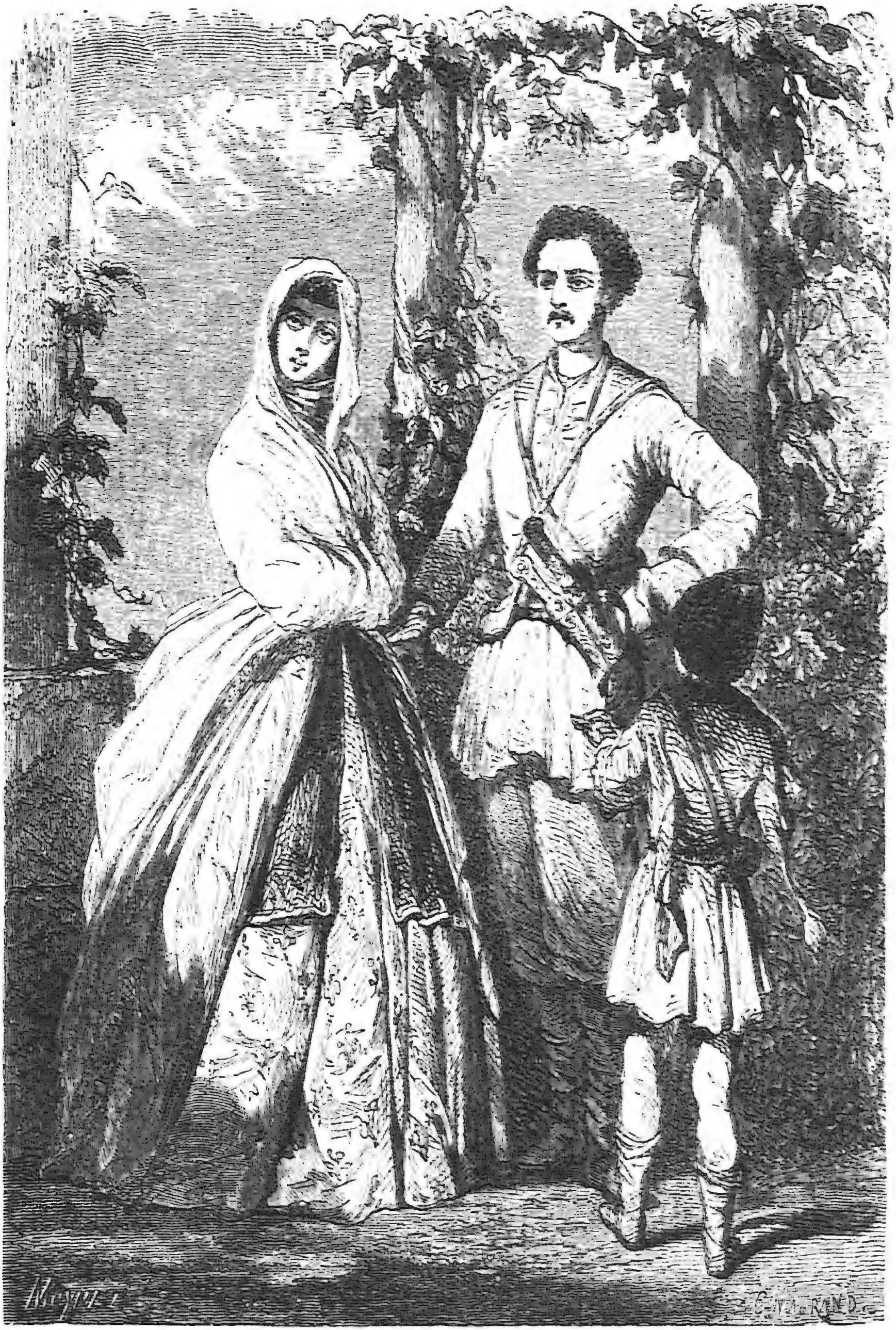


СУРАМСКОЕ УЩЕЛЬЕ.

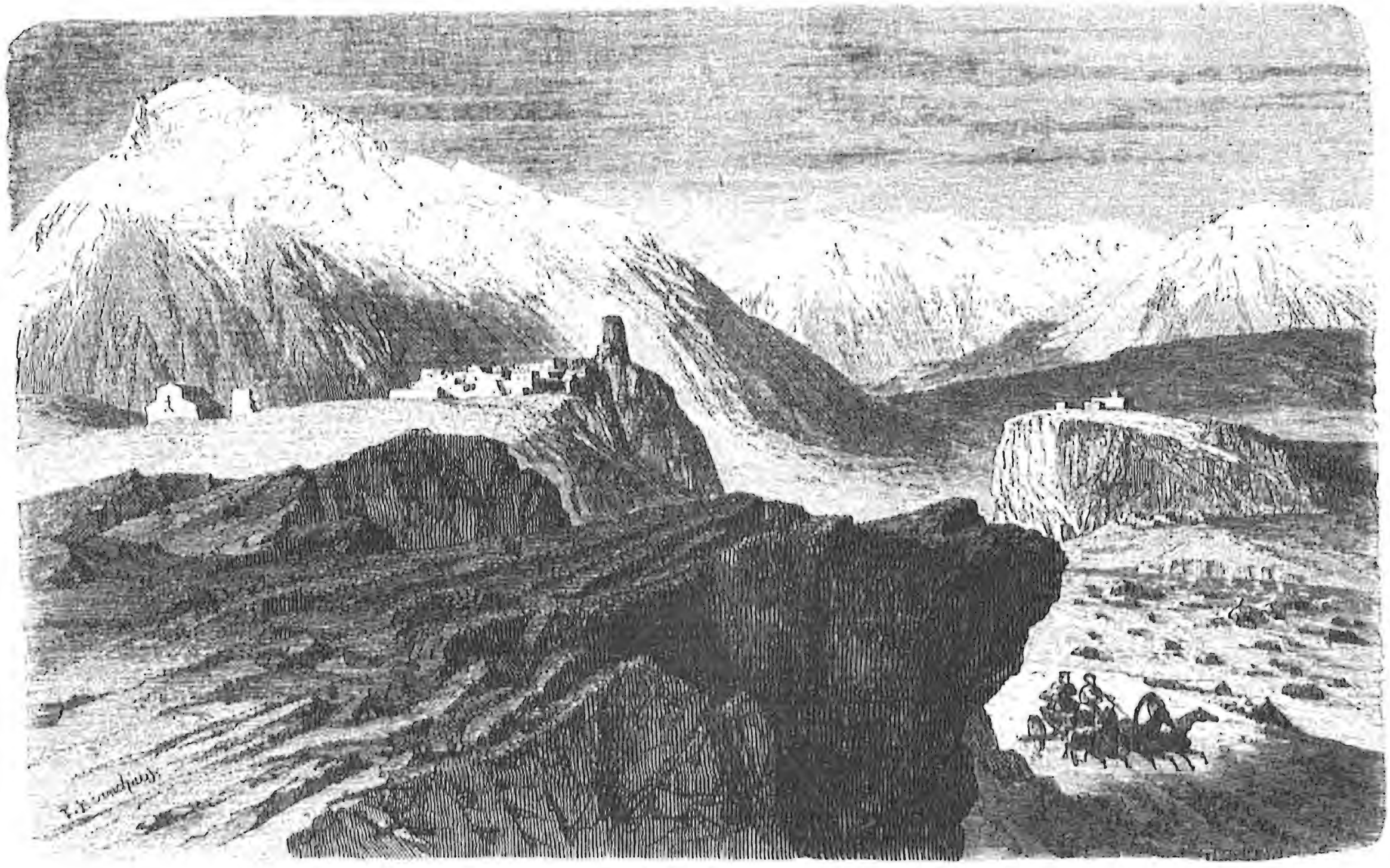
ЧЕРКЕССКАЯ ДЖИГИТОВКА.

CHAHETEL

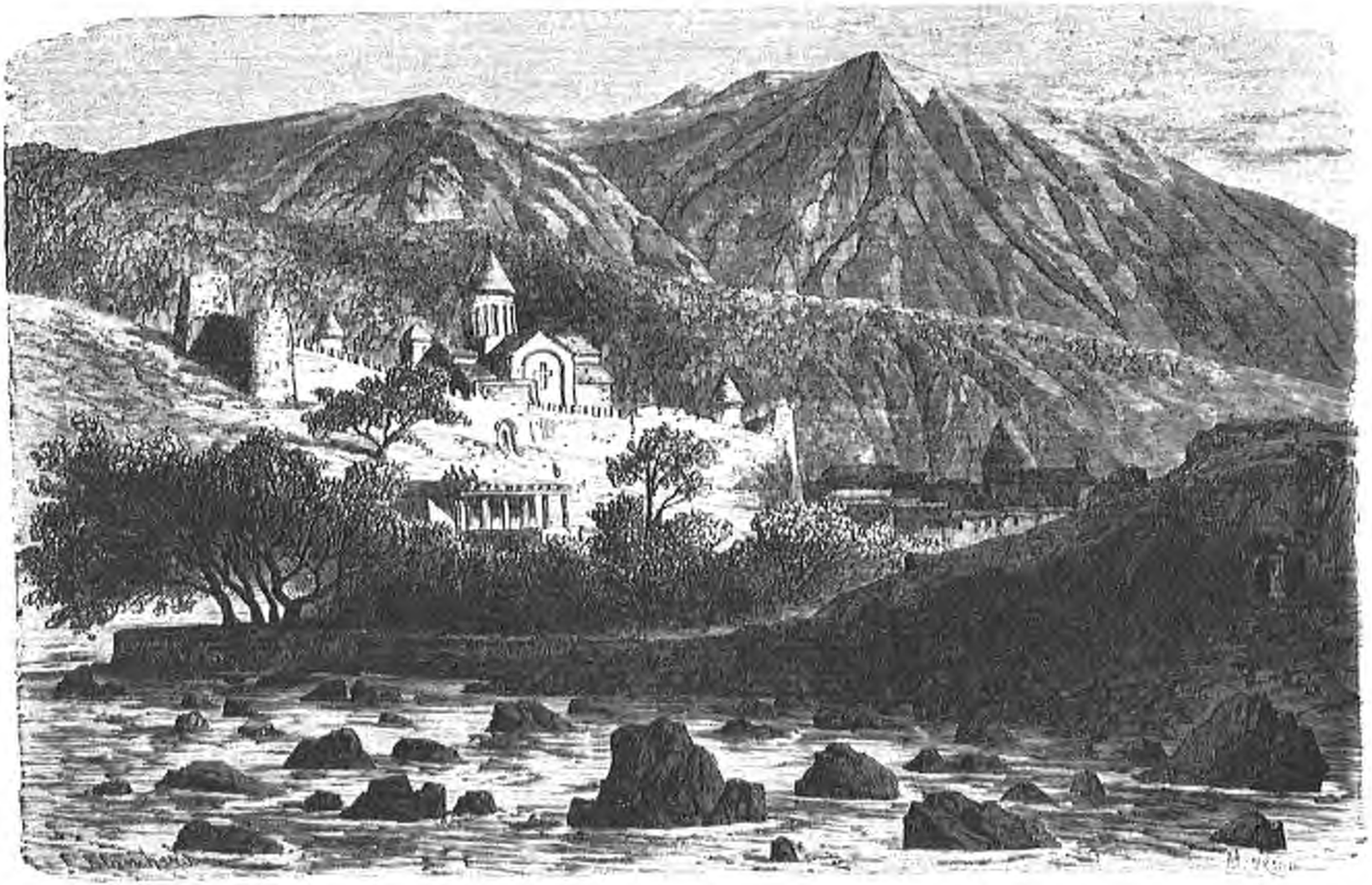
ДАРЬЯЛЬСКОЕ УЩЕЛЬЕ.



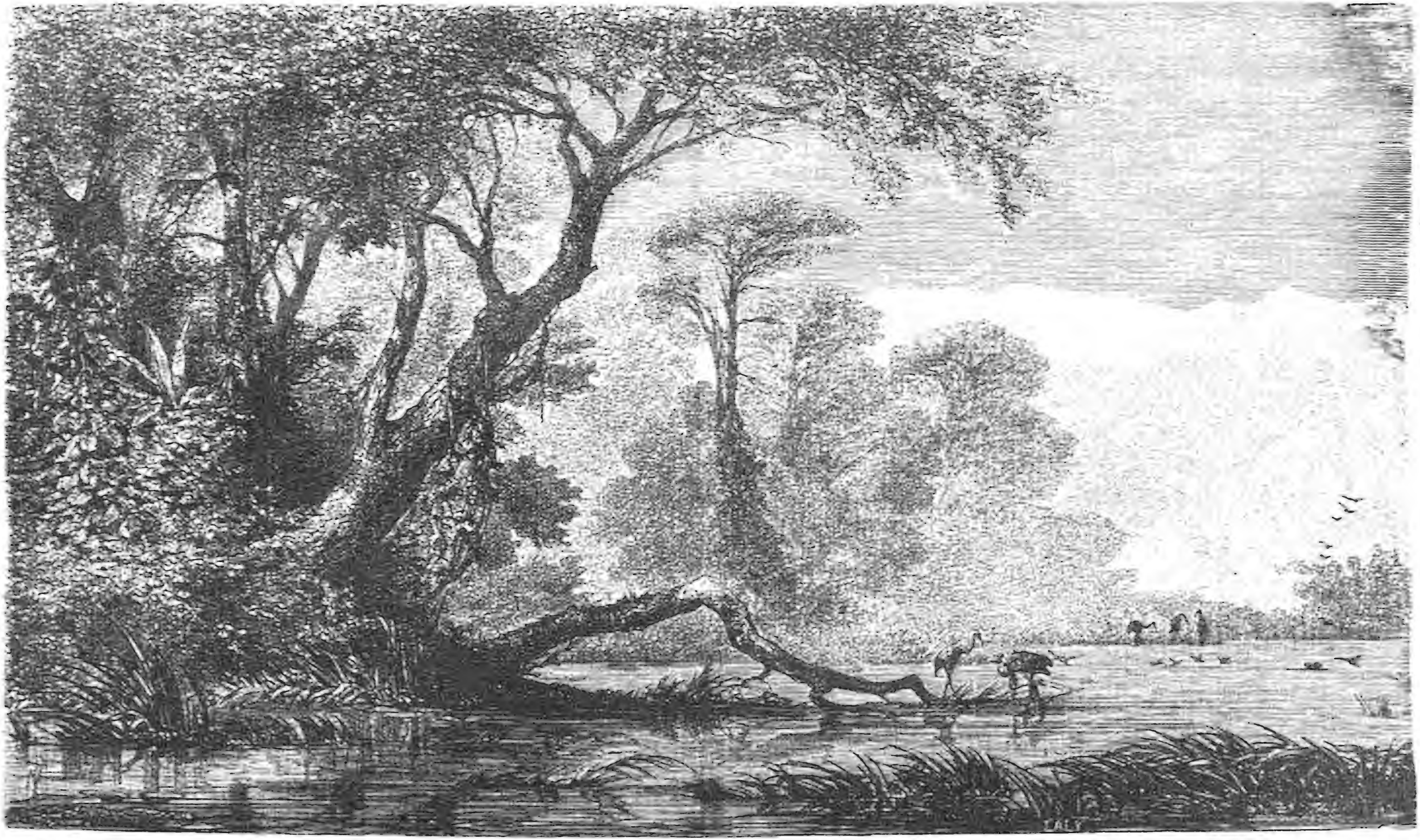
ГРУЗИНСКІЕ ТИПЫ.



СІОНЪ И ОРСЕТЪ ВЪ ГРУЗІИ.

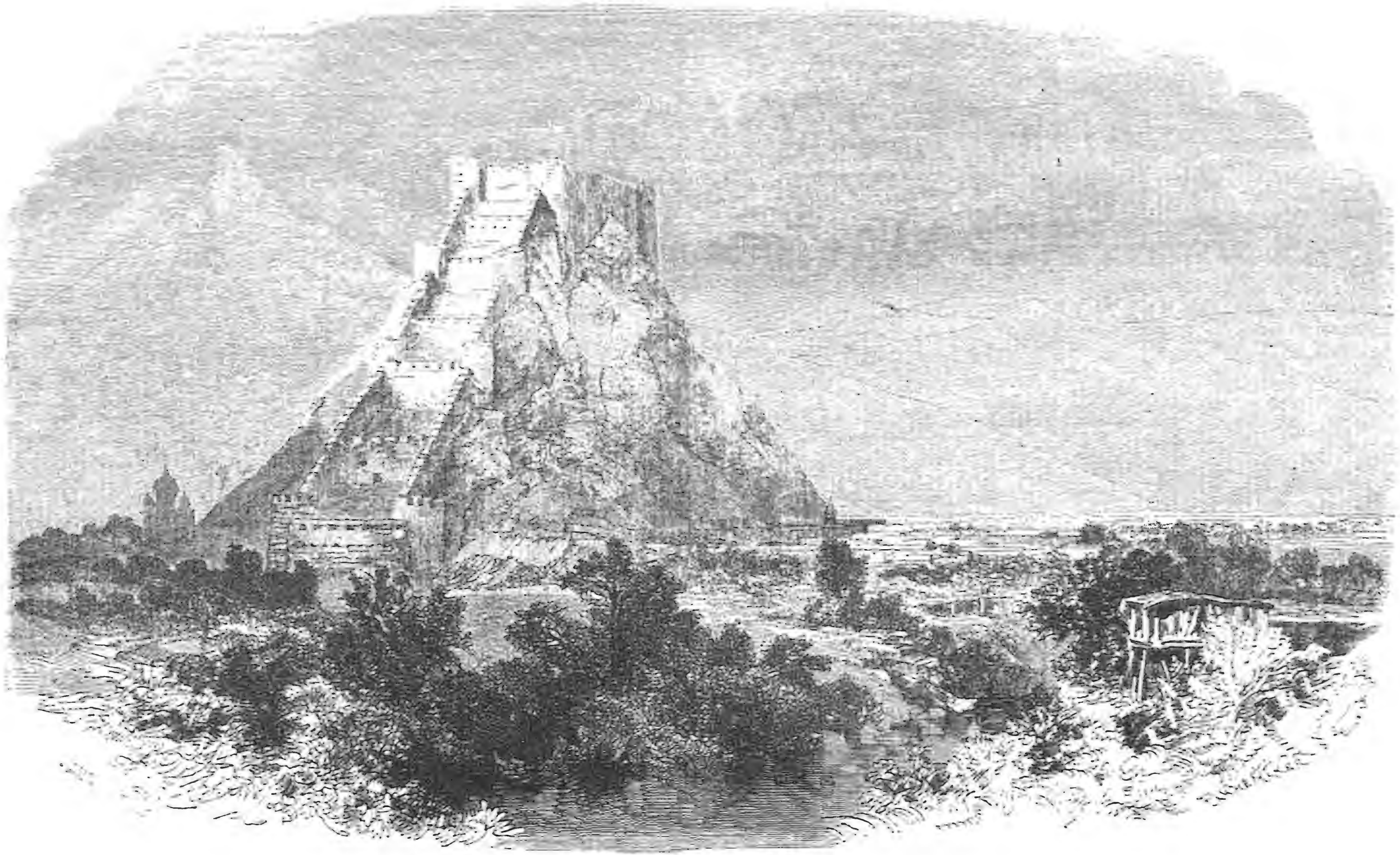


АНАНУРЪ НА ВОЕННО-ГРУЗИНСКОЙ ДОРОГѢ.

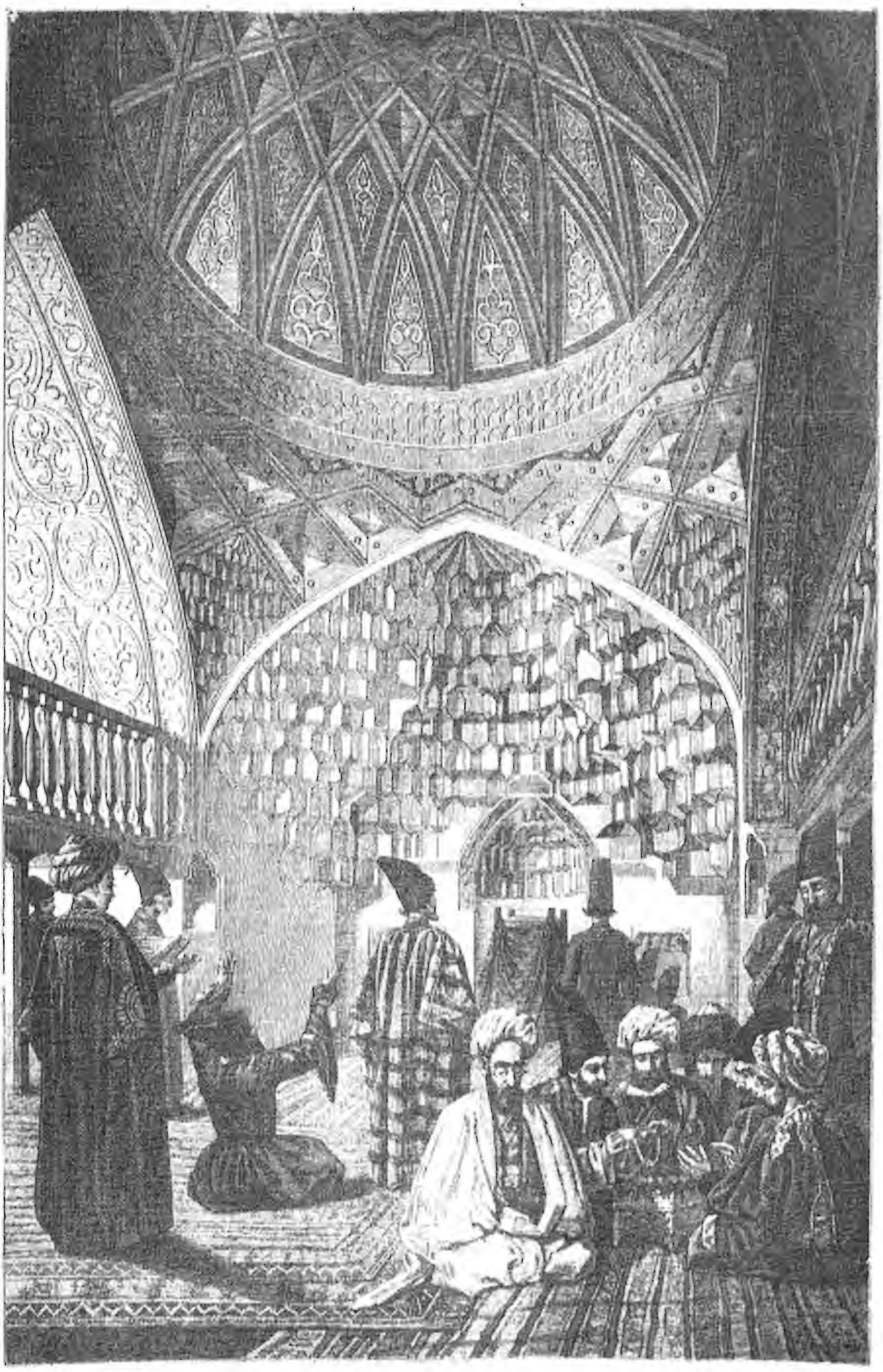


БЕРЕГЪ РІОНА.

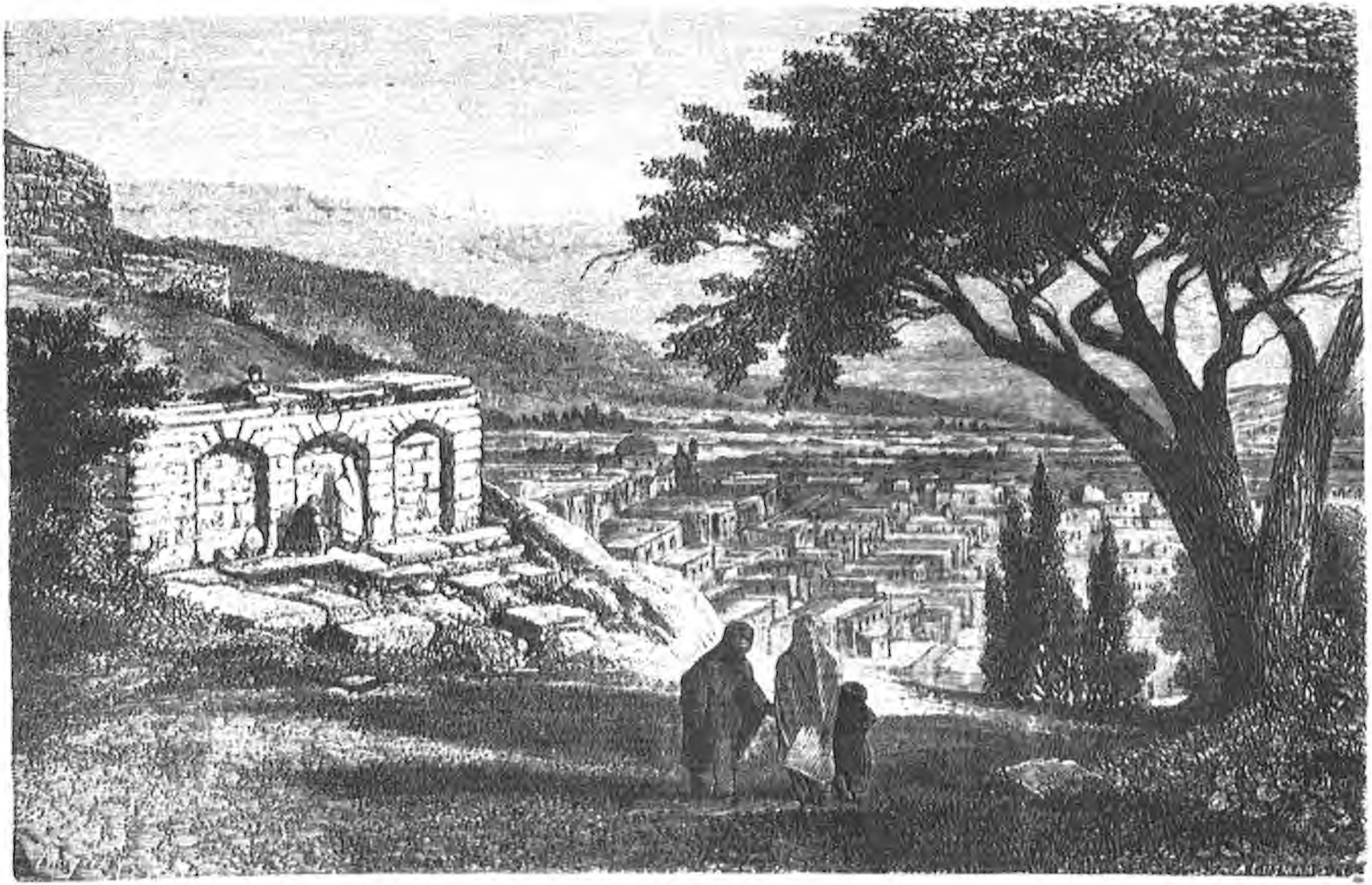
ТИПЫ РУССКИХЪ МОЛОКАНЪ НА КАВКАЗѢ.



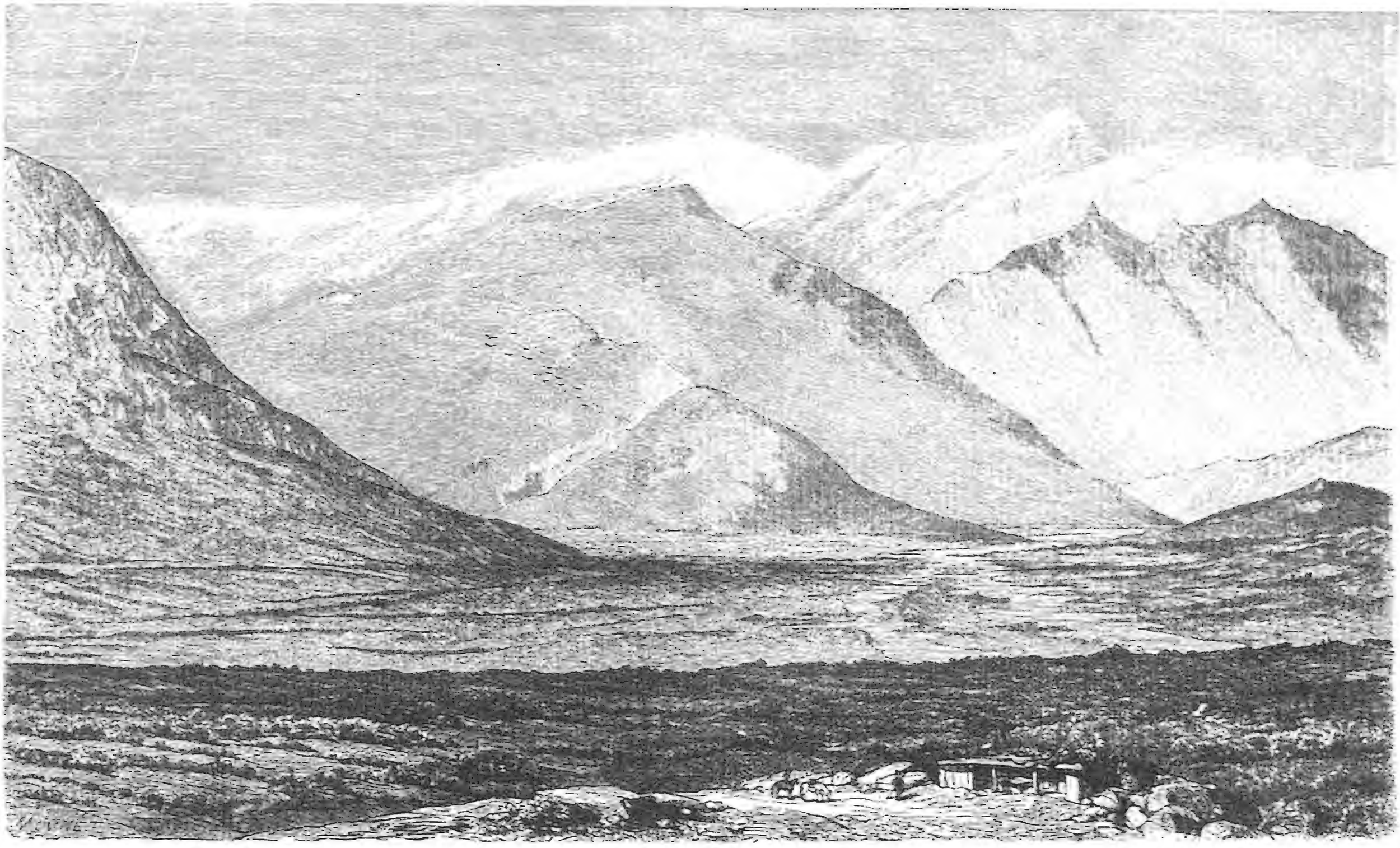
ГОРІЙСКІЙ ЗАМОКЪ ВЪ ГРУЗІИ.



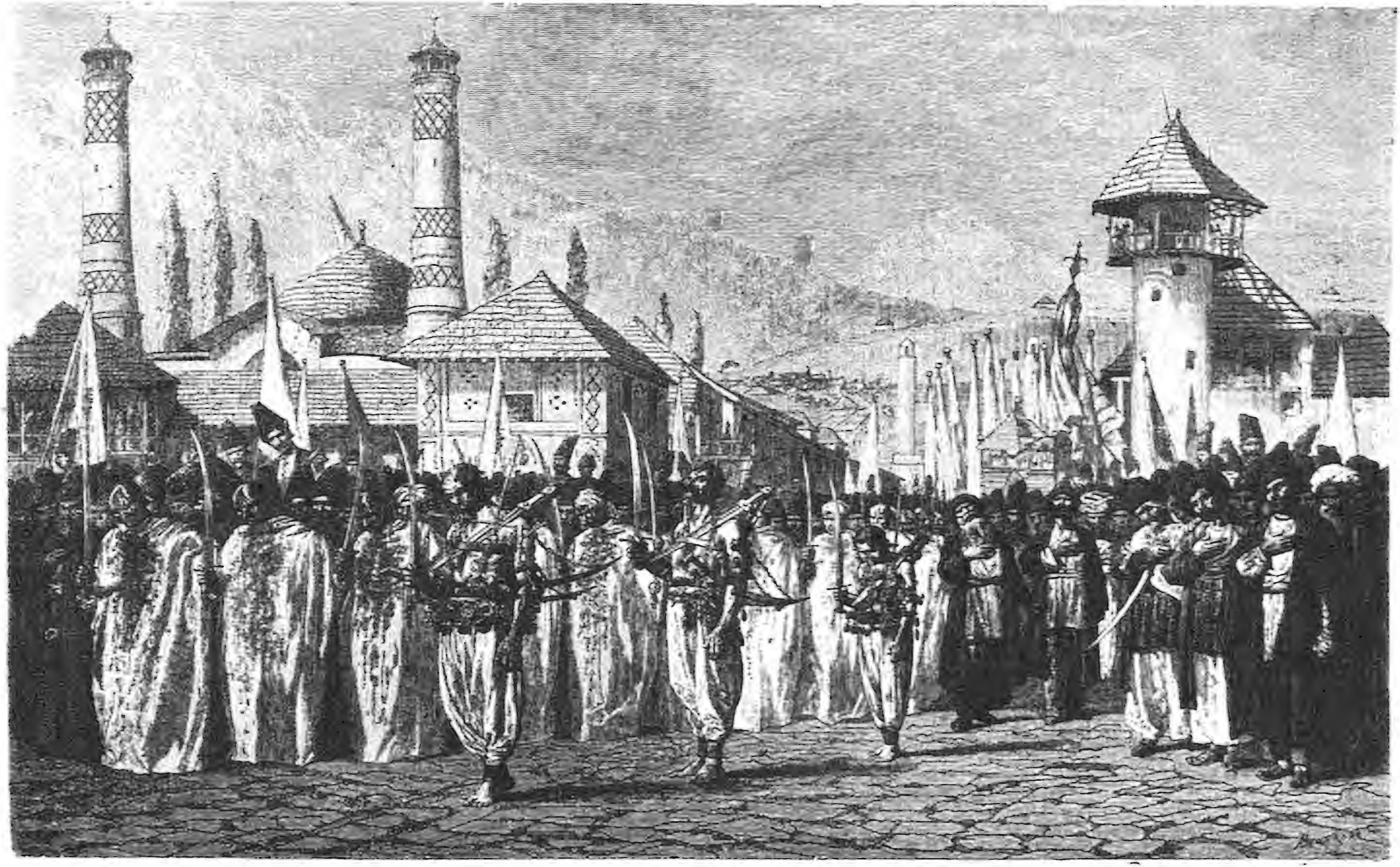
TATAPORAN MEPHTE, HE SARABRAHPE.



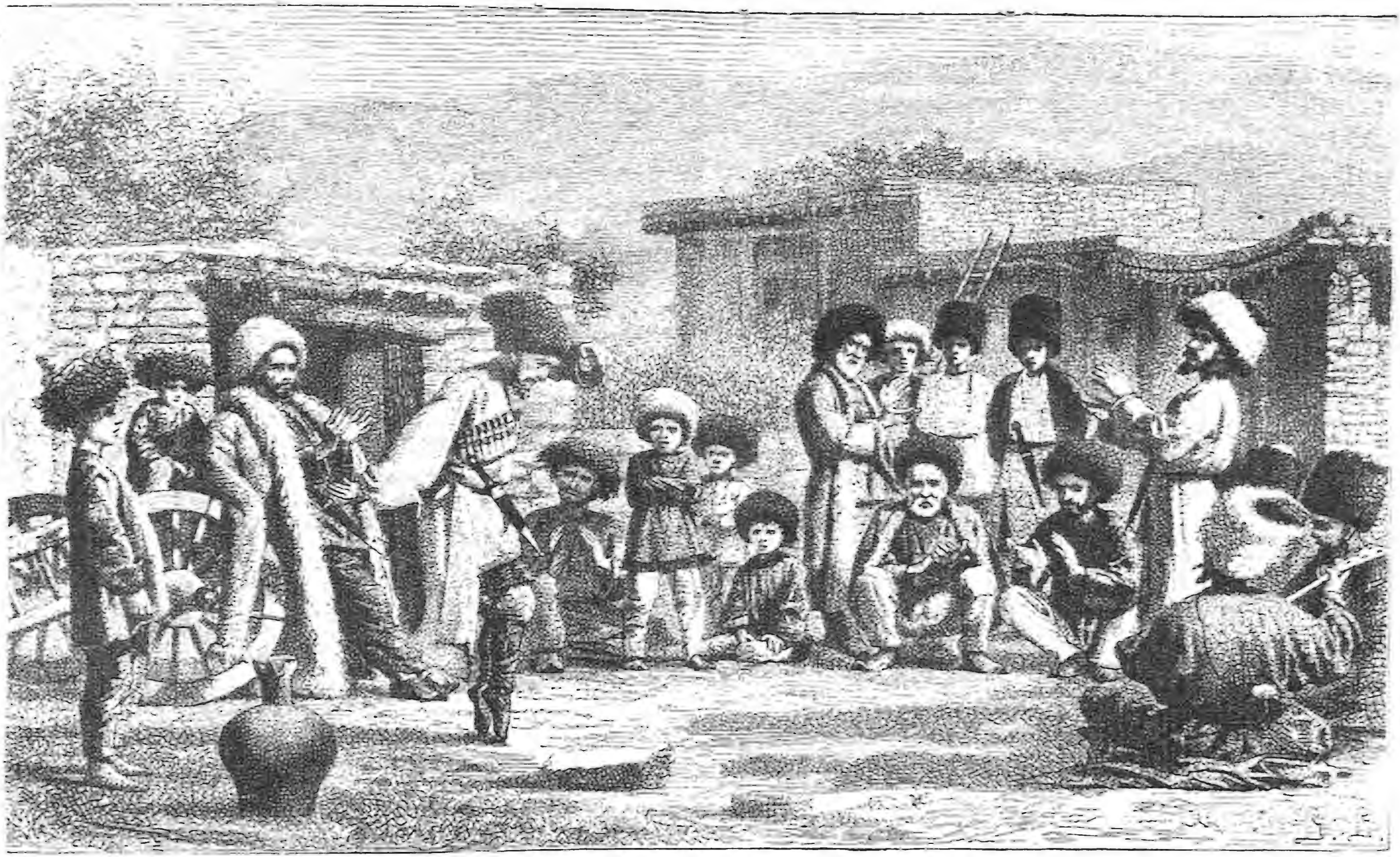
ШЕМАХА.



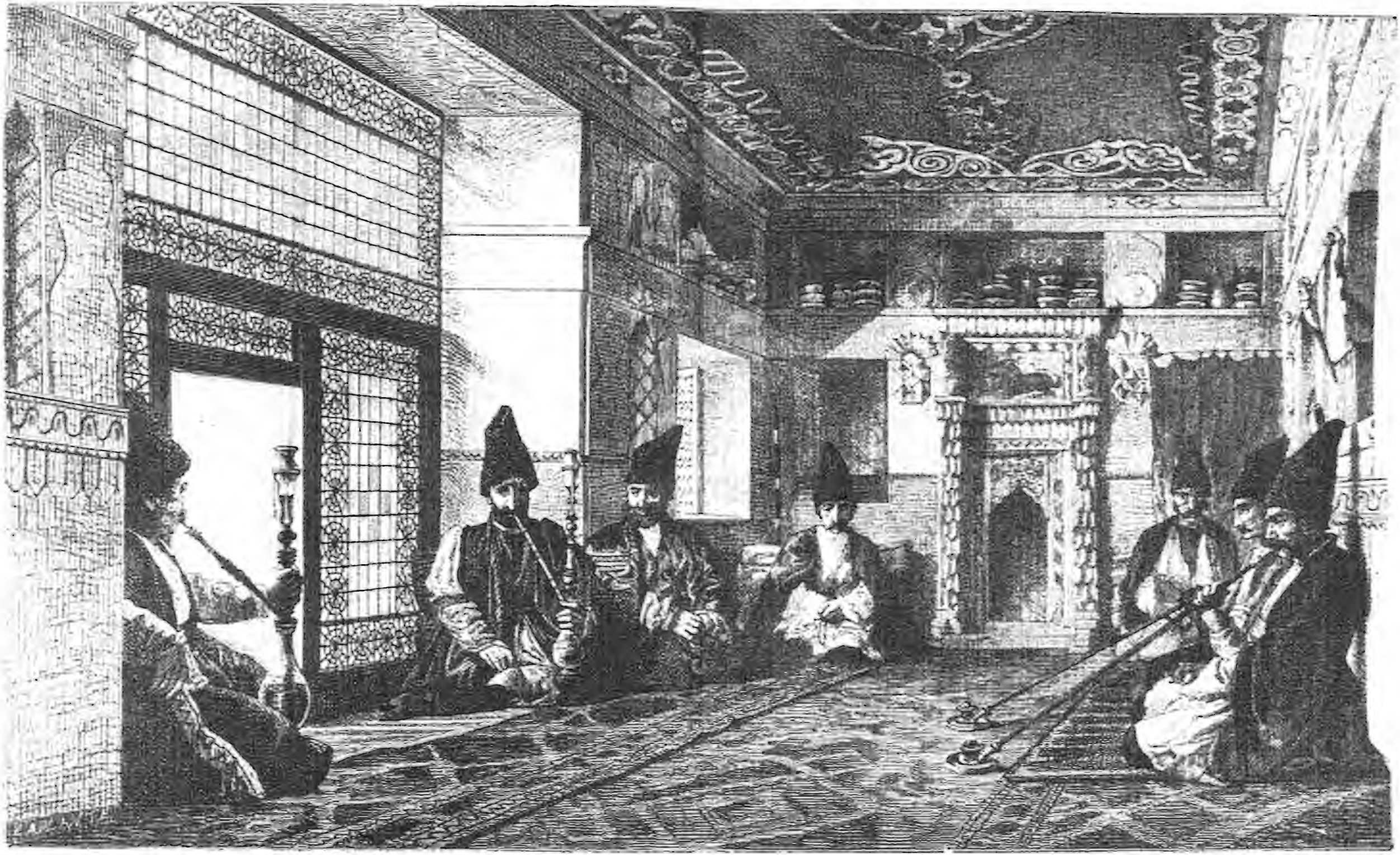
НУХИНСКАЯ ДОЛИНА



ШИИТСКАЯ РЕЛИГІОЗНАЯ ПРОЦЕССІЯ.



ЛЕЗГИНКА.

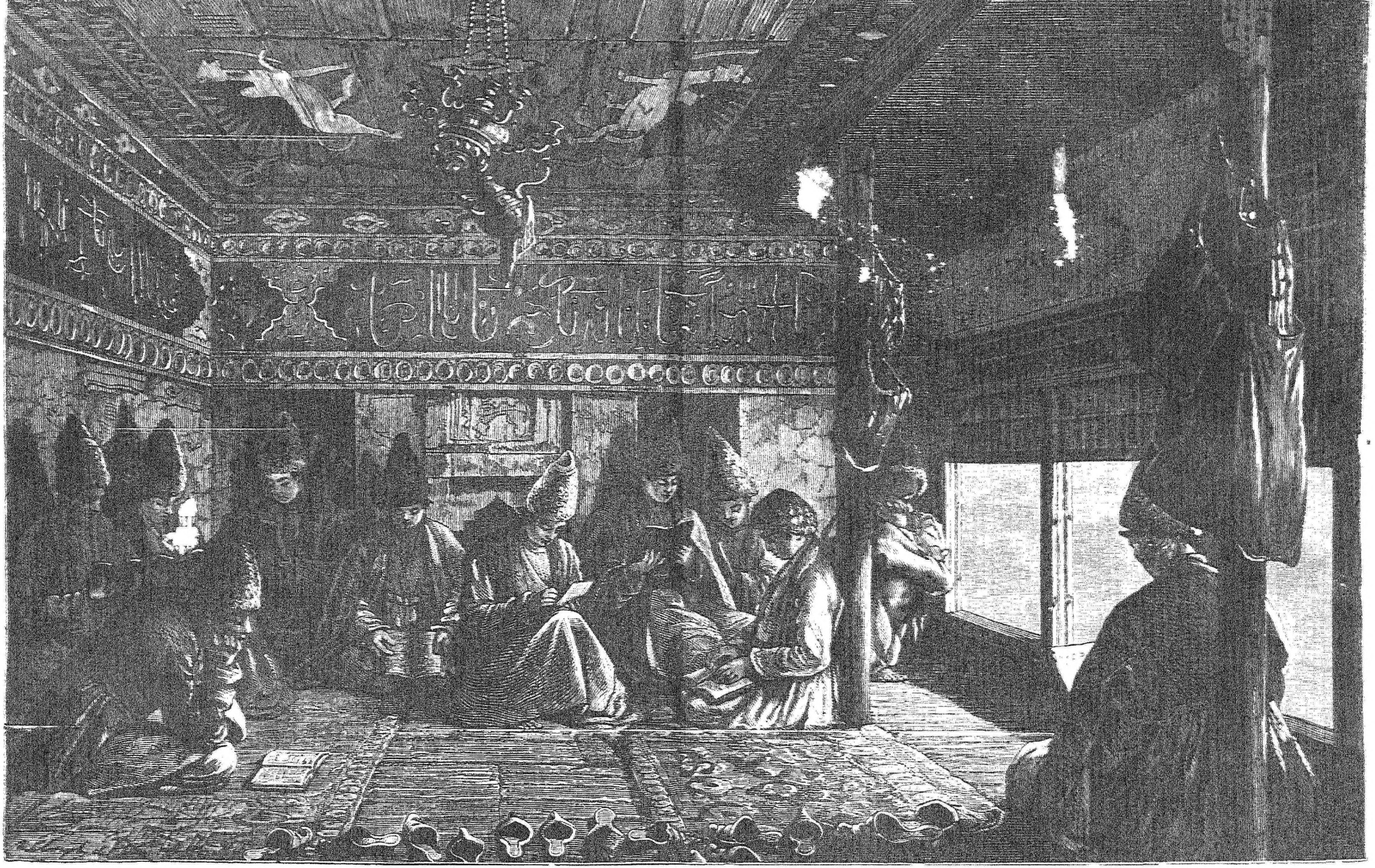


КОМНАТА ВЪ ДОМѢ БОГАТАГО ТАТАРИНА.

[illegible]

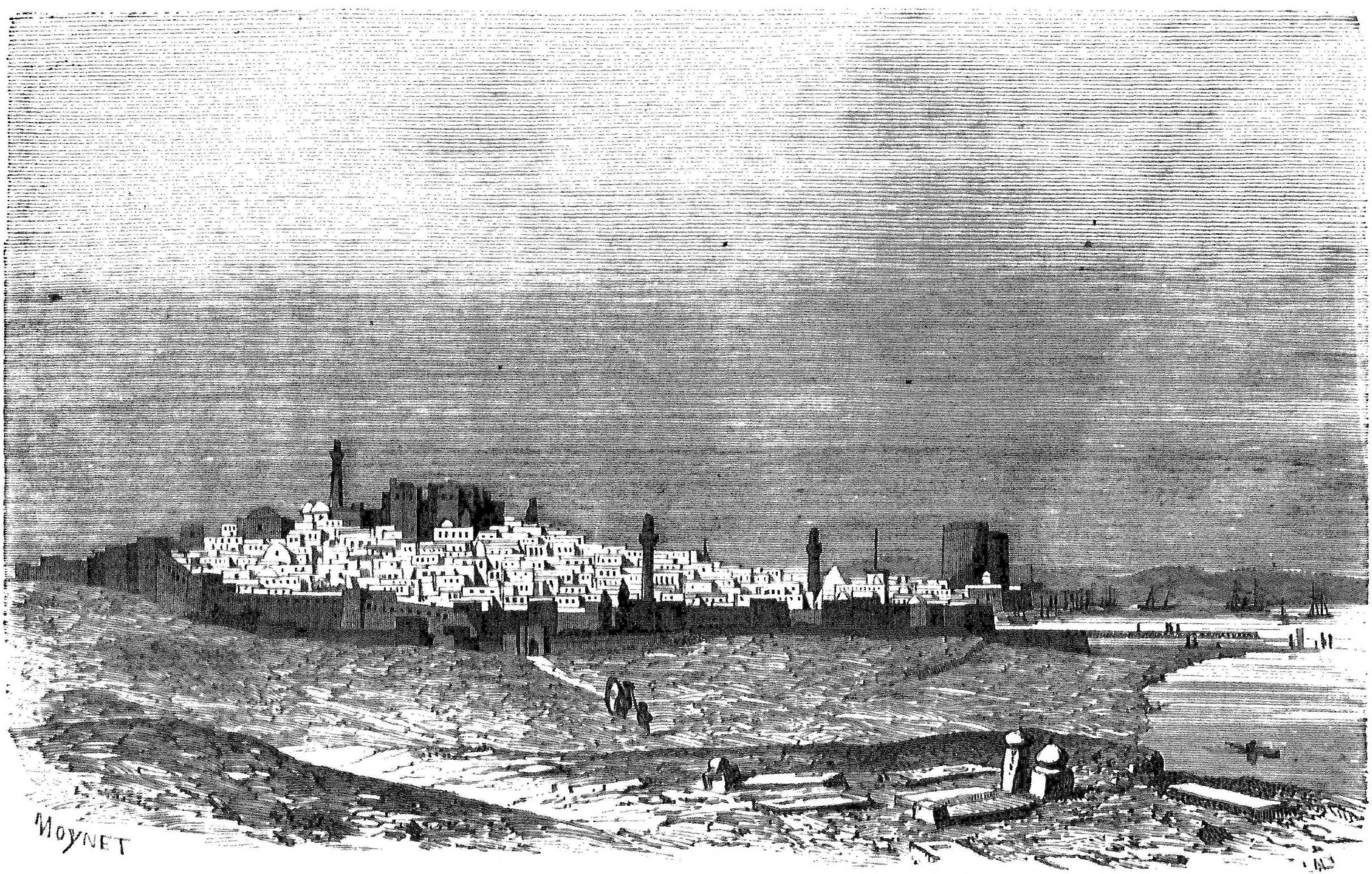
ПРАЗДНИКЪ У БОГАТАГО ЗАКАВКАЗСКАГО ТАТАРИНА.

ЛЕВІТИНЪ ХАДЖИ МУРТУЗЪ.

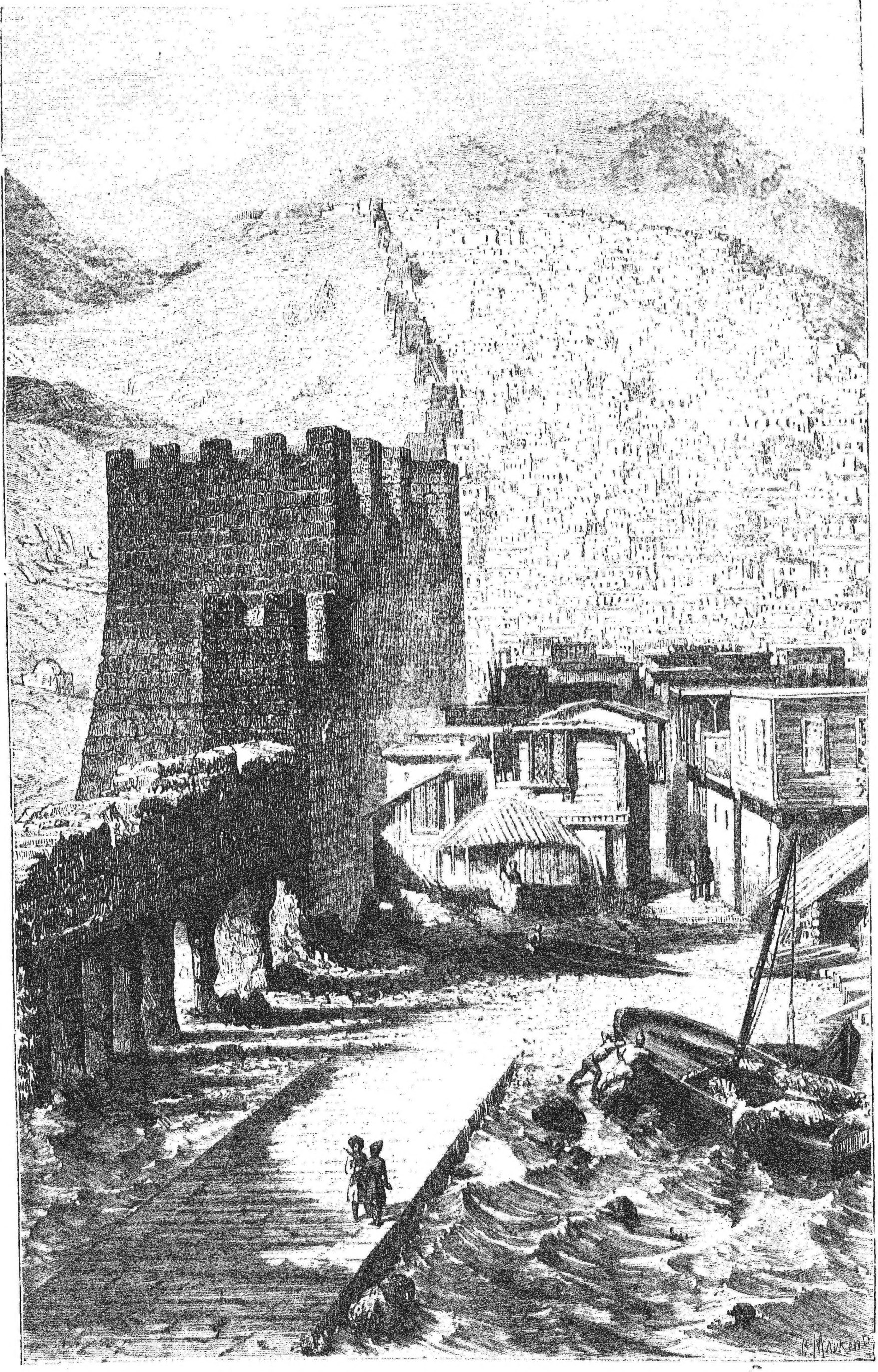


ТАТАРСКАЯ ШКОЛА ВЪ ЗАКАВКАЗЬѢ.

ЛЕВИТСКІЙ АУЛЪ.



ГОРОДЪ БАКУ.



ДЕРБЕНТЪ.